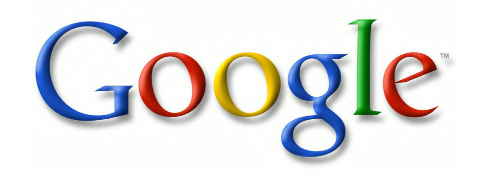
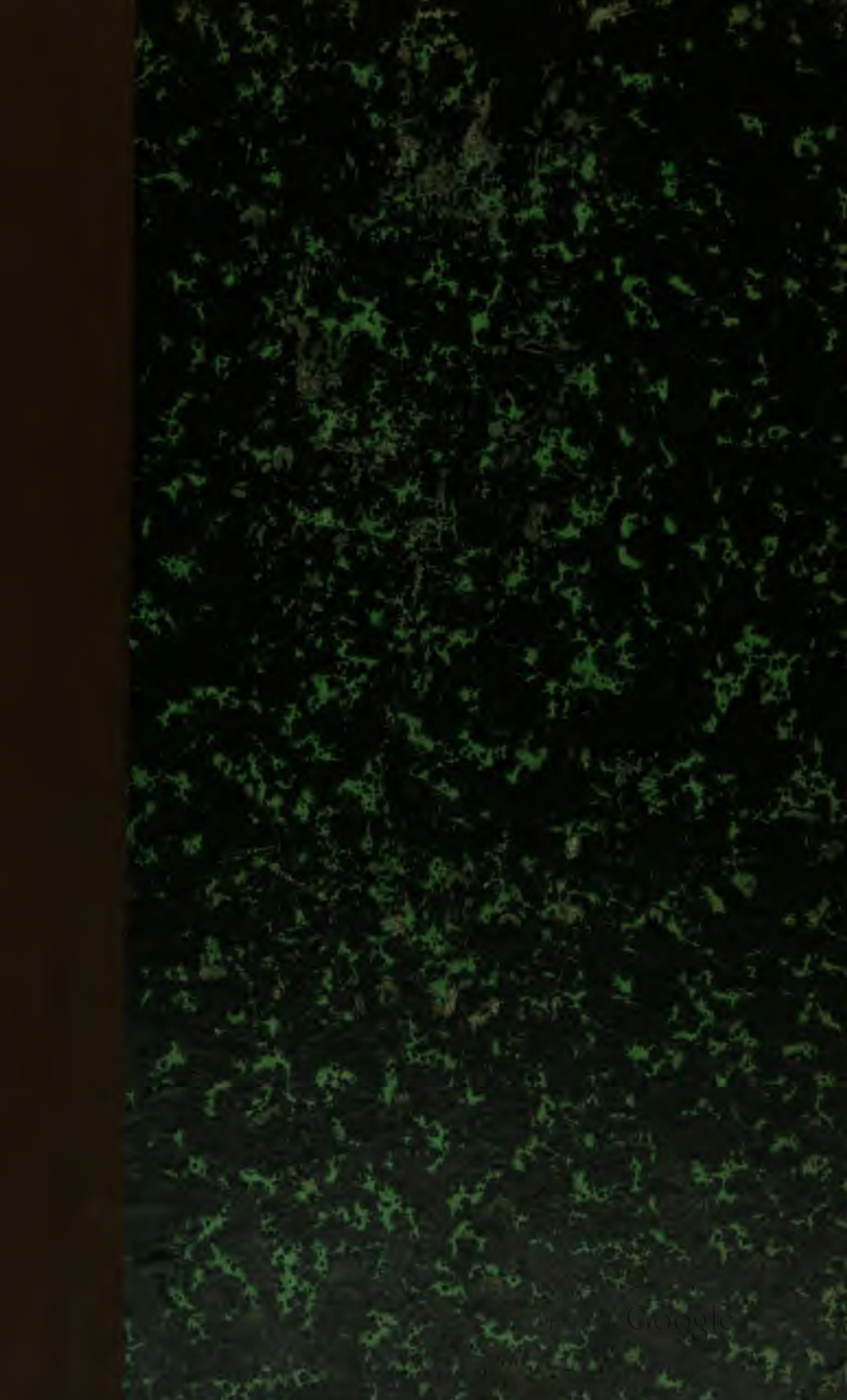

Въ ...

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ

1892.

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ.

№ 1—2-й **Прибавленій** къ «Церковному Вѣстнику»,
издаваемому при с.-петербургской духовной академіи.

СОДЕРЖАНІЕ:

(См. на послѣдней страницѣ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Катанскаго и К°. Невскій пр., д. № 132.
1892.

Редакція проситъ городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ адресовать свои требованія **прямо въ редакцію «Церковнаго Вѣстника» и «Христіанскаго Чтенія» при С.-Петербургской духовной академіи.** Цѣна за 52 номера «Церковнаго Вѣстника» 1892 г. съ книжками «Христіанскаго Чтенія» 7 р. с. съ перес. Отдѣльно: годовое изданіе «Церковнаго Вѣстника» съ пересылкою 5 р. с.;—«Христіанскаго Чтенія» съ «Толкованіями»— 5 р. За границей для всѣхъ мѣстъ: за оба журнала 9 р., за каждый отдѣльно 7 р. съ пересылкою.

ВЪ КОНТОРѢ РЕДАКЦІИ ПРОДАЮТСЯ:

I. **Христіанское Чтеніе** за 1822, 1823, 1824, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1843, 1844, 1845, 1846 и 1847 гг. по 2 р. за экземпляръ каждаго года безъ перес. и по 3 р. съ перес. Выписывающіе одновременно за всѣ перечисленные 14 годовъ платятъ безъ перес. 20 р., съ пересылкою 25 р.

II. **Христіанское Чтеніе** за 1848, 1856, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 и 1868 гг. по 3 р. за экземпляръ каждаго года безъ перес. и по 4 р. с. съ пересылкою; за всѣ 13 годовъ 30 р. безъ перес. и 35 р. съ пересылкою.

III. **Христіанское Чтеніе** за 1849, 1850, 1855, 1857, 1870, и 1871 гг. по 4 р. за экземпляръ каждаго года безъ перес. и по 5 р. съ перес.; за всѣ вмѣстѣ 6 годовъ 20 р. безъ перес. и 24 р. съ пересылкою.

IV. **Христіанское Чтеніе** за 1872, 1873 и 1874 гг. по 4 р. с. за экземпляръ каждаго года безъ перес. и по 5 р. съ пересылкою.

V. **Христіанское Чтеніе** за 1875, 1876, 1877, 1878, 1879, 1880, 1881, 1882, 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890 и1891 гг. вмѣстѣ съ **Церк. В.** по 5 р. съ пер.; отдѣльно по 3 р.

VI. **«Христ. Чт.»** за 1886 г. 3 р. съ перес.

За всѣ выше означенные годы можно получать журналъ и отдѣльными книжками по 75 к. безъ перес. и по 1 р. съ пересылкою.

Въ «Христіанскомъ Чтеніи» за прежніе годы помѣщены слѣдующія бесѣды св. Іоанна Златоуста: а) на кн. Дѣяній св. апостоловъ за 1856 и 1857 гг. б) на посланія къ Ефесянамъ и Колосянамъ—за 1858 г. в) на посланія къ Солунянамъ, къ Тимоѳею, къ Титу, къ Филимону и къ Евреямъ—за 1859 г.

Отдѣльныя изданія:

1) **Творенія св. Іоанна Златоуста:** I. Его бесѣды—

а) къ антіохійскому народу, т. I. Ц. 1 р. безъ перес. и 1 р. 50 к. съ пер.

б) на Евангеліе Іоанна, два тома въ каждомъ т. 34 л.). Цѣна за оба тома 1 р. 50 к. безъ пересылки и 2 р. съ пересылкою.

в) на разныя мѣста Св. Писанія, 3-й томъ (38 печат. лист.). Цѣна 1 р. безъ перес. и 1 р. 50 к. съ пер.

г) на разные случаи, 2-й томъ (34 печ. л.). Цѣна 1 р. безъ пересылки и 1 р. 50 коп. съ пересылкою.

д) на 1-е посланіе къ Коринѳянамъ, два тома (въ 1-мъ т. 25 л., во 2-мъ 27 л.). Ц. 1 р. 25 к. безъ пересылки и 1 р. 50 к. съ перес.

II) Письма Златоуста (20 л.. 50 к. безъ перес. и 75 к. съ пересылкою.

2) Письма **Ѳеодора Студита**, два тома (въ 1-мъ т. 20 л., во 2-мъ т. 38 л.). 1 р. 50 к. безъ пересылки и 2 р. съ пересылкою.

3) Церковная исторія *Евсевія Памфила*. 1-й т. (34 л.) 1 р. безъ пересылки и 1 р. 50 к. съ пересылкою.

4) Преосвящ. *Филарета* — Св. подвижницы восточной церкви (25 л.). 1 р. безъ пересылки и 1 р. 25 к. съ пересылкою.

5) Проф. *И. В Чельцова* — Древнія формы символовъ (13 л.). 75 к. безъ перес. и 1 р. съ пересылкою.

6) Митр. *Шагуны* — Каноническое право (40 л.). 1 р. безъ пер. и 1 р. 50 к. съ пересылкою.

7) Пять выпусковъ **«Собранія древнихъ литургій въ переводѣ на русскій языкъ»**. Цѣна каждаго отдѣльно 1 р. съ пересылкою, а всѣхъ вмѣстѣ 3 р. с. съ пересылкою.

8) **Дополнительный указатель къ** «Христ. Чт.» за 1871—1880 годы. Цѣна 30 к. безъ перес., 50 к. съ перес.

9) **Генетическое введеніе въ православное богословіе.** Лекціи (по записямъ студентовъ) прот. Ѳ. Ѳ. *Сидонскаго*. Цѣна 80 к., съ перес. 1 р.

10) **Положеніе о правахъ и преимуществахъ лицъ, служащихъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ.** Цѣна 30 к. съ пересылкою.

11) **Обозрѣніе посланій св. ап. Павла къ Коринѳянамъ.** Проф. М. *Голубева* (337 стр.) Цѣна 80 коп., съ перес. 1 рубль.

ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

1892.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія А. Катанскаго и К° Невскій пр., д. № 132.
1891.

Печатать дозволяется. Спб., 24 ноября 1891 г.

Экстраординарный профессоръ *Александръ Садовъ.*

Старинные русскіе иконостасы.

(*Продолженіе*) [1].

Пятнадцатый вѣкъ оставилъ одно важное свидѣтельство объ ярусахъ иконостаса. Въ Софійскомъ Временникѣ подъ 1482 годомъ записано: „Того же лѣта Владыка Ростовскій Васіанъ далъ сто рублевъ иконникомъ, Денисію, да попу Тимофею, да Ярцу, да Конѣ, писати Дѣисусы въ новую церковь Святую Богородицу; иже и написаша чудно велми, и съ праздники и съ пророки" [2]). Отсюда видно, что въ XV столѣтіи иконостасы, кромѣ нижняго яруса, который еще не былъ приведенъ въ порядокъ, имѣли еще три тябла: деисусъ, праздниковъ и пророковъ. Это же подтверждается и другимъ лѣтописнымъ извѣстіемъ, относящимся къ самому началу XVI столѣтія. Во второй Софійской лѣтописи говорится, что в. кн. Иванъ Васильевичъ III въ 1484 г. заложилъ новую каменную церковь Благовѣщенія на своемъ дворѣ, вмѣсто старой, разобранной по ветхости, а въ 1489 г. она была освящена. При сынѣ его Василіи Ивановичѣ III эта церковь была возобновлена. Описывая сіе возобновленіе, лѣтописецъ говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: „Въ лѣто 7016 (1508). Благовѣрный князь великій Василей Ивановичъ всея Руси... повелѣ (въ

---

[1]) См. ноябрь—декабрскую, кн. «Хр. Чт.» за 1891 г. (II, 337—353).
[2]) Соф. Врем. изд. Строева, II, 224.

церкви Благовѣщенія) иконы всѣ церковныя украсити и обложити сребромъ и златомъ и бисеромъ, Деисусъ, Праздники и Пророки" [1]). Несомнѣнно, что этотъ иконостасъ Благовѣщенскаго собора былъ сооруженъ въ концѣ XV вѣка при постройкѣ собора, а въ началѣ XVI столѣтія его только украсили золотомъ и серебромъ. Онъ тоже состоялъ изъ трехъ, кромѣ мѣстнаго, ярусовъ.

Кромѣ того, въ XV вѣкѣ встрѣчаются указанія и на то, какія иконы находились въ то время въ иконостасѣ. Такъ, новгородскій лѣтописецъ въ первой лѣтописи сообщаетъ: „Въ лѣто 6927 (1419 г.) бысть буря веліа, и туча и дождь умноженъ... и млъніи и блистаніа и громъ страшенъ бысть и въ церкви у Святѣй Богородици, у городскихъ воротъ... двери райскіи ополѣли и святыи Іоаннъ Предтеча и на святомъ Николѣ и на Василіи знатбу сотвори, а церковь благодатію божіею съхранена бысть" [2]). Въ XVI вѣкѣ всѣ эти иконы помѣщались, какъ увидимъ дальше, въ деисусномъ ярусѣ. Почему же не предположить, что онѣ помѣщались такъ же и въ XV столѣтіи и что о деисусныхъ иконахъ и идетъ рѣчь въ приведенномъ лѣтописномъ отрывкѣ. Таковы немногочисленныя данныя для исторіи многоярусныхъ иконостасовъ въ XV вѣкѣ.

Отъ первой половины XVI вѣка осталось довольно подробное и весьма важное свидѣтельство объ устройствѣ новаго высокаго иконостаса въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ архіепископомъ Макаріемъ въ 1528 г. Русская лѣтопись повѣствуетъ объ этомъ событіи слѣдующее: „Того же лѣта 36, при державѣ благовѣрнаго великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи, повелѣ боголюбивый владыка Макарій устроити царскія двери во святую Софѣю, понеже прежніи двери отъ много лѣтъ обетшали, никоторые лѣпоты не имуще; преосвященный же архіепископъ повелѣ устроити двери сугубѣе первыхъ въ высоту и въ ширину. Преже бо начень отъ божественныхъ иконъ писанія на кивотѣ, еже надъ

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт., VI, 247.
[2]) Ibid. III, 108.

двери, и на самихъ дверѣхъ, и на столпцѣхъ, числомъ иконнаго поклоненія святыхъ яко 66; такожде повелѣ хитрецемъ древіе угодное различнымъ начертаніемъ устрояти съ мудрыми подзоры и украшати златомъ и сребромъ лиственнымъ, еже есть сусаль. Иконописцы же и хитрецы устроиша по велѣнію царскія двери велми чюдно видѣти и вся лѣпоты исполнены; и крестъ честный на версѣ дверей постави отъ камени хрусталя велми чюдна устроенія, и повелѣ царскіе двери поставити въ соборнѣй церкви во святѣй Софѣи, и запону устроилъ отъ различныхъ тафтъ, велми лѣпо видѣти. Тогда же и боголюбивый архіепископъ Макарей иконы во святѣй Софѣи повелѣ по чину поставити: самую чюдную икону святую Софѣю выше воздвигъ, и Цареградскіе иконы, Всемилостивый Спасъ нашъ Господь Іусъ Христосъ стоящъ, отъ злата и сребра велми чюдно устроеніе, и святіи Апостоли Петръ и Павелъ, такоже стоящи, отъ злата и сребра чюдно устроены; и си чюдные иконы противу своего святительскаго мѣста постави, и пелены отъ паволокъ устрои, чюдно и лѣпо видѣти, и прочая иконы по чину повелѣ поставити“ [1]). Филимоновъ и прот. Лебединцевъ смотрятъ на приведенный лѣтописный отрывокъ, какъ на свидѣтельство о важной реформѣ, произведенной Макаріемъ въ устройствѣ нашихъ древнихъ иконостасовъ [2]). Но мы, основываясь на вышеприведенныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствахъ объ устройствѣ иконостасовъ въ XV вѣкѣ, думаемъ, что въ новоустроенномъ иконостасѣ Софійскаго собора былъ соблюденъ прежній порядокъ съ нѣкоторыми новыми дополненіями. Важность приведеннаго лѣтописнаго свидѣтельства заключается въ томъ, что оно есть самое древнее извѣстіе объ устройствѣ нашихъ старинныхъ иконостасовъ, отличающееся наибольшею полнотою содержанія. Весьма важно и то обстоятельство, что иконостасъ, устроенный Макаріемъ въ 1528 г., сохранился до нашего времени, хотя съ нѣкоторыми перемѣнами. Пользуясь этимъ отрыв-

---

[1]) Полн. Собр. Русс. Лѣт., VI, 285—286.

[2]) Церковь Никол. чуд. на Лип. 35. Труды III Арх. съѣзда, т. I, 85.

комъ и не упуская изъ виду тѣхъ перемѣнъ, которыя претерпѣлъ софійскій иконостасъ въ теченіи своего трехвѣковаго существованія и о которыхъ извѣстно изъ лѣтописей, мы легко можемъ воспроизвести себѣ первоначальный видъ этого иконостаса. Но предварительно скажемъ о перемѣнахъ, произведенныхъ въ немъ съ 1528 г.

1) Въ 1535 г., по повелѣнію архіепископа Макарія, деисусный рядъ иконъ былъ обложенъ позолоченнымъ серебромъ. 2) Въ 1570 г. мѣстная икона Всемилостиваго Спаса была увезена въ Москву царемъ Іоанномъ Грознымъ, а вмѣсто нея поставлена копія, остающаяся и доселѣ въ цѣлости. 3) Въ 1653 г. устроены новыя царскія врата съ подзоромъ и столбцами, существующія и до нынѣ, а прежнія перенесены въ придѣлъ Рождества Богородицы, гдѣ остаются и доселѣ. 4) Наконецъ, въ разные годы нынѣшняго столѣтія устроены на царскія двери и мѣстныя иконы новыя серебряныя ризы [1]).

Теперь приступимъ къ воспроизведенію первоначальнаго типа софійскаго иконостаса. Иконостасъ въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ состоялъ изъ пяти ярусовъ: мѣстнаго, деисуснаго, праздничнаго, пророческаго и праотеческаго, который сдѣланъ въ видѣ небольшого карниза. Въ мѣстномъ ярусѣ помѣщены царскія двери съ изображеніемъ Благовѣщенія и четырехъ евангелистовъ, сѣнь съ изображеніемъ Тайной Вечери (метадосисъ) и столбцы, на которыхъ написаны Христосъ съ Богоматерію, святители и архидіаконы; затѣмъ, по обѣ стороны царскихъ дверей помѣщены храмовая и другія особенно чтимыя иконы. Деисусный ярусъ состоитъ изъ иконъ Спасителя, Богоматери, Предтечи, ангеловъ, апостоловъ, святителей и мучениковъ. Въ праздничномъ ярусѣ изображены двунадесятые праздники и другія событія изъ новозавѣтной исторіи. Въ пророческомъ ряду посрединѣ помѣщена Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, а по сторонамъ — пророки со свитками въ рукахъ.

---

[1]) О перемѣнахъ въ первоначальномъ устройствѣ софійскаго иконостаса см. въ Лѣтописномъ указателѣ, приложенномъ къ «Описанію новгородскаго Софійскаго собора» прот. Соловьева, стр. 226—246.

Въ верхнемъ ряду изображена Св. Троица (ветхозавѣтная), а по сторонамъ праотцы и херувимы. Таково было въ общихъ чертахъ устройство иконостаса въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ при Макаріѣ въ 1528 году. Весьма возможно, что нѣкоторыя изъ этихъ иконъ, напримѣръ мѣстныя и деисусныя, написанныя при Серапіонѣ, были поставлены Макаріемъ только въ новомъ порядкѣ, почему и лѣтописецъ выражается, что Макарій нѣкоторыя иконы велѣлъ только „по чину поставити". Замѣчательно, что верхній ярусъ иконостаса устроенъ въ видѣ небольшого выпуклаго карниза и украшенъ миніатюрными изображеніями праотцевъ, тогда какъ деисусныя иконы и пророки изображены во весь ростъ и въ большихъ размѣрахъ. Праотцамъ же отведено на верху невидное для глаза мѣсто, какъ будто они составляютъ не главный, а второстепенный дополнительный ярусъ иконостаса. Это обстоятельство наводитъ насъ на мысль, что праотеческій ярусъ иконостаса былъ тогда новымъ явленіемъ (можетъ быть въ первый разъ онъ былъ сдѣланъ только въ разсматриваемомъ иконостасѣ) и не былъ распространенъ въ нашихъ иконостасахъ. По крайней мѣрѣ разсматриваемый иконостасъ представляетъ первый примѣръ праотеческаго яруса, о которомъ мы не встрѣчали пока никакихъ упоминаній изъ XV вѣка.

Въ томъ же XVI вѣкѣ встрѣчаемъ первое извѣстіе о такъ называемыхъ пядничныхъ иконахъ, которыя впослѣдствіи составляли изъ себя цѣлый ярусъ иконостаса. Въ лѣтописи подъ 1529 годомъ записано слѣдующее: „Въ лѣто 7037, въ церкви Святые великомученицы Пятницы, въ великомъ Новѣградѣ..... иконы двѣ мѣстныя падоша и прочее *пядничные иконы* падоша" [1]).

Въ продолженіи XVI вѣка явилось еще одно нововведеніе. Извѣстно, что на царскихъ вратахъ изображаются евангелисты. Этотъ обычай весьма древній, а когда онъ возникъ, неизвѣстно. Въ XVI вѣкѣ онъ былъ уже распространенъ, какъ это видно изъ многочисленныхъ церковныхъ описей XVI вѣка. Между тѣмъ, въ

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт., VI, 287.

томъ же столѣтіи встрѣчаемъ извѣстія и о томъ, что на царскихъ вратахъ стали писать, вмѣсто четырехъ евангелистовъ, двухъ святителей—Василія Великаго и Іоанна Златоустаго. Такія врата 1585 г. находятся въ тверскомъ музеѣ [1]).

Такимъ образомъ, въ XVI столѣтія успѣлъ сложиться типъ русскаго пятіярусного иконостаса, къ которому присоединялся иногда цѣлый рядъ пядничныхъ иконъ. Конечно, далеко не всѣ церкви могли имѣть полные иконостасы. Напротивъ, многіе бѣдные и малые храмы имѣли иконостасы всего только въ три и даже два яруса какъ это видно изъ церковныхъ описей и писцовыхъ книгъ второй половины XVI вѣка [2]).

Перемѣны въ иконостасѣ въ теченіи XVII столѣтія происходили по большей части въ верхнихъ рядахъ его. Обозрѣвая ико-

---

[1]) «Описаніе церков. пам. въ твер. музеѣ» въ Трудахъ Москов. Археол. Общ., IX, вып. 2—3.

[2]) Для того, чтобы подтвердить все сказанное нами касательно устройства русскихъ иконостасовъ въ XVI в., позволимъ себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ писцовыхъ книгъ второй половины этого столѣтія. Въ писцовой книгѣ Троице-Сергіевской лавры за 1593—94 гг. двухъярусный иконостасъ въ Воскресенской церкви, на рѣкѣ Волгѣ, въ угличскомъ уѣздѣ, въ Городцкомъ станѣ, описанъ такъ: «въ церкви деисусъ большой на бѣли 7 образовъ да мѣсной образъ Воскресеніе Христово, двери царскіе и столбцы на празелени» («Писцовыя книги Московскаго государства». Изд. Географич. Общ. подъ редакціею Н. В. Калачева. С.-Петербургъ 1877 г. ч. I, отд. II, 30). Въ тульской писцовой книгѣ письма Ивана Жеребцова за 1587—89 гг. иконостасъ въ Покровской церкви на Пятницкой улицѣ въ г. Тулѣ описывается такъ: «въ церкви деисусъ стоячей, на бѣли со Апостолы, а въ немъ 12 образовъ, да образъ мѣсной Покровъ Богородицы на золотѣ пядница, да Пречистые Богородицы Одегитрея на золотѣ; двери царьскіе съ сѣнью, на золотѣ, образъ пядница Христова мученица Пятница на золотѣ» (ibid. 1094). Въ каширской писцевой книгѣ письма князя Ивана Даниловича Гагарина за 1578—79 гг. описанъ монастырь Пр. Богородицы Соколовы пустыни на Окѣ слѣдующимъ образомъ: «Въ монастырѣ церковь Пречистые Богородицы, а въ церквѣ на тяблѣ деисусъ стоячей, а въ немъ 7 иконъ сами пядницъ на желти вѣнцы на золотѣ, да надъ деисусомъ 12 празниковъ изъ пророка на желтѣ жъ вѣнцы на золотѣ, да образъ мѣсной Рожество Пречистые съ дѣяньемъ 6 пядницъ, да на тябли 17 образовъ большихъ пядницъ и меньшихъ, да образъ Дмитрея Селунскаго на золотѣ 2 пядницъ, да двери царьскіе и столбцы со евангелисты на желти... да двери сиверскіе, на нихъ Адамово созданіе» (ibid. 1521).

ностасъ новгородскаго Софійскаго собора, мы видѣли, что на верху его между праотцами были помѣщены живописныя изображенія херувимовъ и серафимовъ. Обычай украшать верхъ иконостаса этими изображеніями удерживался въ нашемъ церковномъ искусствѣ довольно долго—почти до самаго конца XVII столѣтія. При томъ уже въ началѣ упомянутаго столѣтія мы замѣчаемъ, что херувимы и серафимы не помѣщались среди праотцевъ, какъ въ новгородской Софіи, а выдѣлялись изъ нихъ въ особый отдѣльный ярусъ иконостаса, помѣщавшійся на самомъ верху его. По крайней мѣрѣ, мы среди достаточнаго количества примѣровъ существованія херувимовъ на верху иконостасовъ не знаемъ ни одного такого факта въ XVII вѣкѣ, гдѣ бы послѣдніе не были выдѣлены въ особый рядъ. Херувимы и серафимы изображались на верху иконостасовъ живописнымъ и рѣзнымъ искусствомъ. Живописные херувимы были, вѣроятно, на прямыхъ гладкихъ иконостасахъ, а рѣзные—на иконостасахъ, украшенныхъ рѣзьбой. Замѣчательно то, что въ иконостасахъ, имѣющихъ рядъ иконъ, изображающихъ страданія Христовы, херувимы и серафимы не имѣли мѣста на верху оныхъ. Это обстоятельство даетъ поводъ предполагать, что страстной ярусъ, вошедшій у насъ въ употребленіе во второй половинѣ XVII столѣтія, мало по малу вытѣснилъ собою изображенія херувимовъ и серафимовъ [1]).

---

[1]) Вотъ данныя, на которыхъ мы основываемъ все сказанное относительно изображеній херувимовъ и серафимовъ на верху иконостасовъ. По свидѣтельству вологодской писцовой книги, письма кн. Ив. Мещерскаго за 1627 г., въ вологодскомъ Софійскомъ соборѣ поверхъ праотцевъ были рѣзныя позолоченыя изображенія херувимовъ и серафимовъ (вологодскій сборникъ т. V, 13). По описи 1663 г., этихъ херувимовъ было въ томъ же соборѣ 49, а въ 1701 г. ихъ было только 31 (Описаніе вологод. Соф. соб. Н. И. Суворова, стр. 18 и 29). Въ Богородице-Рождественской церкви села Пояркова, московской губ., въ 1677 г. было 10 рѣзныхъ херувимовъ (Матеріалы Холмогоровыхъ о московскихъ церквахъ, т. IV, 17). Въ Успенской соборной церкви Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, по описи за 1718 г., на верху иконостаса находилось «22 образа херувимовъ и серафимовъ рѣзныхъ по полименту золоченыхъ» (Рукописная опись монастыря въ библіотекѣ с.-петерб. дух. акад. № 97/1334). Эти херувимы

Кромѣ херувимовъ и серафимовъ, верхъ иконостаса не рѣдко увѣнчивался иконою Нерукотвореннаго Спаса или Господа Саваоѳа. Когда возникъ такой обычай, не знаемъ, но въ концѣ XVI и въ XVII вѣкѣ онъ былъ весьма широко распространенъ. Свѣдѣнія относительно этого обычая мы получили изъ старинныхъ церковныхъ и монастырскихъ описей [1]). Но лучшимъ доказательствомъ

несомнѣнно, были сдѣланы послѣ 1601 года, потому что въ монастырской описи за этотъ годъ про нихъ не упоминается (Рукопись Кир.-Бѣлозер. мн. № 71/1310 въ той же библіот.). Далѣе, въ Троицкой церкви села Чашникова, по описи 1688 г., надъ праотцами были написаны херувимы на бѣломъ желѣзѣ (Матер. Холмогоровыхъ т. IV, 46). Въ суздальской соборной церкви Рождества Богородицы, по свидѣтельству описи 1683 г., были «надъ праотцы херувимы и серафимы басебны на мѣди 23 волочены, а 23 посеребряны» (Влад. Губ. Вѣд. 1875 г. № 36). Въ упраздненномъ Симеоновскомъ монастырѣ рязанской губ., ряжскаго уѣзда, по описи за 1682 г., «были надъ праотцы на дву цкахъ писаны херувимы и серафимы на вохрѣ» («Историко-статистическое описаніе рязанскихъ церквей», свящ. Добролюбова, т. II, 330). Въ Христорождественской церкви села Іевлева, московской губ., по описи за 1703 г., былъ «надъ деисусомъ на одной дскѣ образъ пяти херувимовъ» (Матер. Холмогор., V, 108). Наконецъ, по описи московскаго Успенскаго собора, составленной въ началѣ XVII в., «промежъ праотцевъ были столпцы (колонки) деревянные посеребряны..., а на столпцѣхъ херувими желѣзо нѣмецкое басменные 21 херувимъ позолочены, а 22 херувима бѣлые». Эти херувимы были и въ 1627 г., какъ значится въ соборной описи сего года. Но въ описи за 1701 г., описывающей тотъ иконостасъ Успенскаго собора, который сохранился и до нашихъ дней, объ этихъ херувимахъ не упоминается, потому что ихъ уже не было (Русская Историч. Библіотека, т. III, стр. 308, 414 и 600).

[1]) Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ церковныхъ описей XVI и XVII столѣтій. По описи новгородскаго Свято-Духова монастыря за 1591 г., въ немъ былъ иконостасъ, увѣнчанный образомъ Спаса Нерукотвореннаго. Въ Николо-Лятскомъ монастырѣ, по описи 1604 г., въ соборномъ храмѣ былъ надъ пророками вверху образъ Спасовъ Нерукотворенный (Древ. новгор. Макарія, II, 53). Въ соборной Преображенской церкви Хутынскаго монастыря, по описи 1642 года, былъ «надъ пророки Нерукотворенный образъ Господенъ». Тоже самое было и въ трапезной церкви преп. Варлаама хутынскаго (Опись Хутын. мон. за 1642 г., изданная архимандритомъ Макаріемъ, стр. 24 и 53). По свидѣтельству описной вотчинной книги Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря за 1675 г., въ Бѣлозерской городской церкви Происхожденія Честныхъ Древъ надъ верхнимъ ярусомъ иконостаса былъ образъ Спасовъ, а въ Успенской церкви въ томъ же городѣ

широкаго распространенія его въ русскихъ церквахъ въ XVII вѣкѣ служить постановленіе московскаго собора 1666—67 года, повелѣвавшее ставить на верху иконостаса св. крестъ съ изображеніемъ на немъ распятаго Христа, вмѣсто иконъ Господа Саваоѳа и Нерукотвореннаго Спаса. „Лѣпо бо и прилично есть, говорятъ отцы собора, во святыхъ церквахъ на дѣисусѣ, вмѣсто Саваоѳа, поставити крестъ, сирѣчь Распятіе Господа и Спаса нашего Іисуса Христа. Якоже чинъ держится издревле во всѣхъ святыхъ церквахъ въ восточныхъ странахъ и въ Кіевѣ и повсюду опричь Московскаго Государства, и то веліе таинство содержится во святѣй Церкви; якоже Моисей въ пустыни воздвиже мѣднаго змія и образуя Распятіе Спасителя Христа: и якоже тогда отъ угрызенія зміева исцѣляхуся Израильтяне зряще на того змія, такожде и мы нынѣ новый Израиль зряще во святѣй церквѣ на Распятіе, и Страсти Спасителя нашего Іисуса Христа, исцѣляемся отъ угрызенія невидимаго змія діавола: сирѣчь, отъ грѣхопаденій нашихъ“ [1]).

Такимъ образомъ, со времени московскаго собора 1666—67 гг. наши иконостасы стали увѣнчиваться на верху крестомъ съ изображеніемъ на немъ распятаго Христа. Однако, этотъ обычай вошелъ въ практику не вдругъ, а постепенно. Приведенныя выше въ подстрочномъ примѣчаніи выписки изъ старинныхъ церковныхъ описей доказываютъ, что и послѣ московскаго собора 1666—67 гг. были иконостасы, которые имѣли на верху вмѣсто распятія икону Господа Саваоѳа или Нерукотвореннаго Спаса. Кромѣ того, весьма многіе старинные иконостасы и до настоящаго времени не имѣютъ на верху ни вышеупомянутыхъ иконъ, ни распятія. Таковы, напримѣръ, иконостасы—въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, въ новгородскихъ церквахъ Пятницкой, Прокопіевской на Ярославовомъ дворищѣ и др. Впрочемъ, на нѣкоторыхъ иконостасахъ, устроен-

---

былъ «надъ пророки образъ Господа Саваоѳа» (Рукопись Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ библіотекѣ с.-петербургск. дух. акад. № 81/1320).

[1]) Дѣянія московскаго собора 1666—67 года, изданныя Братствомъ Петра митрополита. Москва 1881 г., листъ печатный 24, а въ рукописи 45.

ныхъ раньше 1667 года и не имѣвшихъ распятія, оно было поставлено послѣ. Таковъ, напримѣръ, главный иконостасъ Успенскаго соборнаго храма въ Кирилло-Бѣлоозерскомъ монастырѣ [1]. Новые же иконостасы послѣ собора 1666—67 гг. уже сооружались прямо съ изображеніемъ на верху распятія. Таковы были вновь устроенные иконостасы въ Троицкомъ псковскомъ каѳедральномъ соборѣ (1682 г.), въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ (въ концѣ XVII в.), въ новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ (между 1699—1703 гг.), въ Спасо-Мошенской церкви, боровичскаго уѣзда, новгородской губ. (1707 г.) и др.

Крестъ съ изображеніемъ на немъ распятаго Христа не всегда стоялъ на иконостасѣ одинокимъ. Скоро къ нему стали присоединять изображенія предстоящихъ Богоматери, Іоанна Богослова и другихъ лицъ, бывшихъ при крестѣ Христовомъ, какъ повѣствуютъ объ этомъ евангелисты. Крестъ съ предстоящими мы видѣли на иконостасахъ многихъ новгородскихъ церквей; напримѣръ, Знаменскаго собора, Рождества Богородицы на Молотковѣ, Іоанна Предтечи на Опокахъ и др.

Въ вышеприведенномъ постановленіи московскаго собора 1666—67 гг. встрѣчаемъ еще одну интересную подробность. Отцы собора, упомянувъ о томъ, что обычай ставить крестъ на верху иконостаса распространенъ во всѣхъ православныхъ странахъ, кромѣ московскаго государства, присовокупляютъ, что крестъ ставится на иконостасѣ для того, чтобы мы „зряще во святѣй церквѣ на *распятіе* и *страсти* Спасителя нашего Іисуса Христа, исцѣлялись отъ угрызенія невидимаго змія діавола“. Мы подчеркиваемъ слова „распятіе“ и „страсти“ потому, что видимъ въ нихъ указаніе на то, чтобы на верху иконостасовъ ставился не только крестъ, но и, если возможно, изображенія страстей Христовыхъ. Итакъ,

---

[1] По монастырскимъ описямъ за 1601 годъ и 1718 г., хранящимся нынѣ въ библіотекѣ с.-петербургской дух. академіи, подъ №№ 71/1310 и 97/1334, на верху упомянутаго иконостаса не было креста, а по описи за 1802 г., находящейся въ той же библіотекѣ подъ № 115/1350, сей иконостасъ былъ увѣнчанъ крестомъ съ предстоящими.

по нашему предположенію, начало обычаю ставить на верху иконостасовъ рядъ изображеній страстей Христовыхъ было положено на московскомъ соборѣ въ 1666 и 67 годахъ. И это понятно: изображенія страстей Христовыхъ на верху иконостаса не прибавляли ничего совершенно новаго, послѣ того какъ установлено было ставить на немъ распятіе. Иконы страстей Христовыхъ, поставленныя по обѣ стороны распятія, представляютъ подробное развитіе той же идеи, которая заключается въ самомъ изображеніи распятаго Христа [1]). Конечно, страсти Христовы составляли принадлежность не всѣхъ, а только богатыхъ и большихъ иконостасовъ. Въ нѣкоторыхъ иконостасахъ, сооруженныхъ въ началѣ XVII вѣка или ранѣе и не имѣвшихъ страстнаго яруса, послѣдній былъ прибавленъ въ концѣ XVII столѣтія. Это мы наблюдали въ иконостасѣ соборнаго храма въ новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ новгородскихъ церквахъ, гдѣ страстныя иконы отличаются новизною своего стиля сравнительно съ прочими образами иконостаса. Въ концѣ же XVII столѣтія многіе иконостасы сооружались уже прямо съ иконами страстей Христовыхъ на верху. Таковы, напримѣръ, иконостасы въ новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ, въ псковскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ московскомъ Донскомъ монастырѣ и пр.

Почти въ одно время со страстями Христовыми на верху русскихъ иконостасовъ появился еще одинъ новый ярусъ иконъ, на которыхъ изображались страданія апостоловъ. Естественно ожидать,

---

[1]) Кстати упомянемъ, что намъ пришлось познакомиться съ однимъ мнѣніемъ касательно происхожденія иконостаснаго яруса страстей Христовыхъ, вполнѣ согласнымъ съ нашимъ и принадлежащимъ автору «Историческаго описанія московскаго Донскаго монастыря» И. Е. Забѣлину, который говоритъ, что страсти Христовы появились сначала въ храмахъ царскаго дворца, а потомъ отсюда уже перешли въ другія церкви, преимущественно же въ тѣ, которыя воздвигались царскою казною или по обѣту лицъ царскаго семейства (Истор. опис. Донск. монастыря. Москва 1865 г., стр. 31). Наше согласіе съ Забѣлинымъ состоитъ въ опредѣленіи времени происхожденія яруса страстей Христовыхъ: какъ онъ, такъ и мы относимъ этотъ ярусъ къ концу XVII столѣтія.

что этотъ ярусъ долженъ находиться въ связи съ иконами апостоловъ въ иконостасѣ. А иконы апостоловъ помѣщались въ деисусномъ ярусѣ. Въ то же время нужно припомнить, что въ деисусномъ ярусѣ помѣщались не всѣ апостолы даже изъ лика двѣнадцати, а только нѣсколько: два первоверховныхъ Петръ и Павелъ, къ которымъ еще присоединялись, если позволяла величина иконостаса, четыре Евангелиста. Остальные же апостолы обыкновенно не входили въ составъ деисуснаго ряда, вѣроятно, до второй половины XVII вѣка. Ихъ обыкновенно замѣняли святители, преподобные, мученики и другіе святые, о чемъ подробно скажемъ во второмъ отдѣлѣ настоящаго изслѣдованія. Конечно, намъ могутъ возразить, что въ деисусномъ ярусѣ помѣщались не всѣ 12 апостоловъ, а только два или четыре и рѣдко шесть, по той простой причинѣ, что мало было мѣста. Пусть это возраженіе будетъ справедливо по отношенію къ небольшимъ церквамъ, но нельзя признать его вѣрнымъ по отношенію къ иконостасамъ большихъ храмовъ. Напримѣръ, въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ можно было бы помѣстить въ деисусномъ ряду 8 апостоловъ, а на самомъ дѣлѣ ихъ помѣщено только два. За то въ томъ же ярусѣ поставлены иконы четырехъ святителей и двухъ мучениковъ, которые занимаютъ мѣста, впослѣдствіи принадлежавшія апостоламъ. Сказанное о Софійскомъ соборѣ вполнѣ приложимо къ деисуснымъ ярусамъ многихъ большихъ и среднихъ новгородскихъ храмовъ, каковы, напримѣръ, соборныя церкви въ Антоніевомъ и Юрьевомъ монастыряхъ, городскія церкви—Прокопіевская на Ярославовомъ дворищѣ, Петропавловская, приписанная къ Духовому монастырю, Борисоглѣбская и др. Кромѣ того, самый деисусъ, состоящій изъ иконъ Спасителя, Богоматери, Предтечи и двухъ архангеловъ, могъ бы быть написанъ на одной доскѣ, а не на пяти, что видимъ въ томъ же софійскомъ иконостасѣ, и тогда остались бы еще лишнія мѣста для иконъ апостольскихъ. Но ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ ни въ софійскомъ, ни въ другихъ вышеперечисленныхъ деисусныхъ ярусахъ. Такой порядокъ считался законнымъ до второй половины XVII в. Съ этого времени замѣчаемъ въ составѣ деисуснаго яруса слѣдующую перемѣну: собственно деисусъ, состоящій

изъ пяти извѣстныхъ иконъ, сталъ писаться на одной доскѣ, которая занимала средину деисуснаго яруса; затѣмъ, святители, мученики и преподобные, имѣвшіе досолѣ мѣсто въ деисусномъ ряду, были исключены изъ онаго и замѣнены апостолами изъ лика двѣнадцати и семидесяти, если позволяло мѣсто. Такимъ образомъ, съ этого времени деисусный ярусъ сдѣлался въ строгомъ смыслѣ апостольскимъ [1]).

Теперь возвратимся къ тому, что начали говорить объ иконахъ страданій апостольскихъ. Можно думать, что въ связи съ перемѣною въ составѣ деисуснаго яруса стоитъ появленіе новаго ряда въ иконостасѣ, состоящаго изъ иконъ страданій апостоловъ. По крайней мѣрѣ эту связь мы наблюдали въ любопытномъ и рѣдкомъ фактѣ, который встрѣтили въ иконостасѣ церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ въ Новгородѣ. Здѣсь нѣтъ еще отдѣльнаго ряда страданій апостоловъ, но они изображены внизу на самыхъ иконахъ апостоловъ, которыя составляютъ деисусный рядъ. Напримѣръ, на иконѣ Іоанна Богослова изображено и страданіе его въ котлѣ съ кипящимъ масломъ. Въ иконостасахъ конца XVII вѣка е видимъ особые отдѣльные ярусы съ изображеніями апостольскихъ страданій. Такъ, въ концѣ XVII в., былъ устроенъ, по словамъ И. Е. Забѣлина, такой иконостасъ въ московскомъ Донскомъ монастырѣ, гдѣ отдѣльный ярусъ страданій апостоловъ слѣдовалъ непосредственно за самимъ апостольскимъ рядомъ, что ука-

---

[1]) Опредѣлить точно время указанной перемѣны въ составѣ деисуснаго яруса невозможно. Мы только приблизительно относимъ эту перемѣну въ половинѣ XVII столѣтія, основываясь на старинныхъ церковныхъ описяхъ, въ которыхъ самыя первыя извѣстія о старинныхъ иконостасахъ съ деисуснымъ ярусомъ, составленнымъ изъ однихъ только апостольскихъ образовъ, встрѣчаются не ранѣе второй половины указаннаго столѣтія. Притомъ, многіе сохранившіеся до нынѣ иконостасы, имѣющіе деисусный поясъ съ одними только апостолами, устроены, какъ намъ извѣстно въ точности, не ранѣе второй половины XVII столѣтія. Таковы, напримѣръ, иконостасы: въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, устроенный въ настоящемъ его видѣ 1652 г., въ Троицкомъ псковскомъ соборѣ—1680 г., въ новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ, устроенный между 1699—1703 гг., въ Спасо-Мошенской церкви 1707 г. и др.

зываетъ на связь этихъ двухъ ярусовъ, т. е. въ страстномъ поясѣ изображались страданія только тѣхъ апостоловъ, которые были помѣщены въ деисусѣ. Другой фактъ существованія этого яруса мы наблюдали лично въ иконостасѣ Спасо-Мошенской церкви. Но здѣсь страстной апостольскій ярусъ уже не имѣетъ тѣсной связи съ деисуснымъ, во-первыхъ потому, что онъ стоитъ не рядомъ съ послѣднимъ, а отдѣленъ отъ него пророческимъ и праотеческимъ ярусами, а во-вторыхъ потому, что заключаетъ въ себѣ страданія такихъ апостоловъ, которыхъ нѣтъ въ деисусѣ и, наоборотъ, не заключаетъ въ себѣ страданій тѣхъ апостоловъ, которые есть въ деисусномъ поясѣ. Скудость дошедшихъ до насъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ даетъ поводъ думать, что изображенія апостольскихъ страданій составляютъ рѣдкое явленіе въ нашихъ старинныхъ иконостасахъ. Это была роскошь, доступная только для большихъ и богатыхъ церквей.

Въ XVII вѣкѣ перемѣны въ русскихъ иконостасахъ происходили не въ однихъ только верхнихъ частяхъ ихъ, но и въ нижнихъ. Такъ, почти одновременно съ образованіемъ на верху иконостасовъ ярусовъ съ иконами страстей Христовыхъ и апостольскихъ появилось еще одно новое прибавленіе; это изображенія сивиллъ и философовъ на тумбахъ внизу подъ мѣстными иконами. Изображенія философовъ на иконостасныхъ тумбахъ сохранились въ соборной церкви ярославскаго архіерейскаго дома [1]), въ псковскомъ Троицкомъ соборѣ [2]), въ соборномъ храмѣ Хутынскаго монастыря [3]), въ Николаевской церкви новгородскаго Вяжицкаго монастыря [4]) и др. Изображенія сивиллъ сохранились на иконостасахъ новгородскаго Знаменскаго собора, Николаевской церкви, что въ новгородскомъ Отенскомъ монастырѣ [5]), церкви села Иванова, московской губерніи, волоколамскаго уѣзда и др. [6]). Что

---

[1]) Описан. яросл. архіер. дома іером. Владиміра, стр. 29.

[2]) «Описан. и изображеніе древност. Псковск. губ.» Годовикова, II, 55—59.

[3]) Древн. новгор. Макарія, II, 41—42.

[4]) Ibidem.

[5]) Ibidem.

[6]) Иконостасъ этой церкви былъ привезенъ въ 1890 г. въ Москву на выставку VIII Археологическаго съѣзда.

добавленія эти явились въ иконостасахъ не ранѣе XVII в., объ этомъ мы заключаемъ, во 1-хъ, изъ того, что изображенія философовъ и сивиллъ на иконостасахъ не упоминаются въ старинныхъ описяхъ церквей и монастырей, во 2-хъ, изъ того, что эти изображенія, повидимому, были совсѣмъ неизвѣстны въ русской иконографіи ранѣе XVI вѣка [1]).

Кромѣ сивиллъ и философовъ на тумбахъ помѣщались еще и другія изображенія. Такъ, въ новгородской Петропавловской церкви, приписанной къ Духову монастырю, написанъ цѣлый рядъ поучительныхъ изображеній изъ поминальныхъ синодиковъ; въ Успенской соборной церкви Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря—пророки [2]); въ Нередицкой церкви — Воскресеніе Христово и слѣдующія за нимъ событія. Всѣ указанныя изображенія написаны не ранѣе конца XVII вѣка, а нѣкоторыя изъ нихъ даже и въ XVIII столѣтіи [3]). Изображенія подъ мѣстными иконами были послѣднимъ добавленіемъ въ русскихъ иконостасахъ.

Сдѣлаемъ маленькое отступленіе и скажемъ нѣсколько словъ о миніатюрныхъ иконостасахъ. Иконостасы эти представляютъ изъ себя маленькія копіи съ большихъ церковныхъ иконостасовъ. Время появленія ихъ опредѣлить пока невозможно. Можно предположить, что они явились на свѣтъ къ концу XVII столѣтія, когда оканчивалось развитіе иконографическое большихъ иконостасовъ. Думаемъ такъ потому, что не нашли ни одного такого миніатюрнаго иконостаса,

---

[1]) См. данныя для археологическаго разъясненія изображеній философовъ и сивиллъ въ брошюрѣ проф. Н. В. Покровскаго «Древности костромскаго Ипатьевскаго монастыря», стр. 12—16.

[2]) Опись Кирилло-Бѣлозерск. мон. за 1802 г. въ библіот. с.-петербургской дух. акад. № 115/1350. Эти пророки написаны не ранѣе 1718 г., потому что въ монастырской описи за сей годъ, хранящейся въ той же библіотекѣ, о нихъ не упоминается.

[3]) Изображенія изъ синодиковъ въ Петропавловской церкви мы относимъ къ концу XVII или началу XVIII вѣка. Основаніемъ для сего служитъ, во-первыхъ, московскій пошибъ сихъ изображеній, вошедшій въ употребленіе только къ концу XVII в.; во-вторыхъ, славянскія надписи на нихъ, которыя будутъ приведены буквально во второй части настоящаго изслѣдованія, гдѣ также будетъ предложенъ и подробный разборъ иконографическаго содержанія упомянутыхъ изображеній.

который бы переступалъ по своему иконографическому содержанію и по стилю иконописи границы XVII вѣка [1]). Что касается употребленія и назначенія миніатюрныхъ иконостасовъ, то объ этихъ

---

[1]) Данными, на которыхъ мы основываемъ всѣ свои сужденія о миніатюрныхъ иконостасахъ, служатъ экземпляры ихъ въ с.-петербургскихъ музеяхъ Общества Древней Письменности и Академіи Художествъ. Въ музеѣ Общества Древней Письменности мы видѣли три миніатюрныхъ иконостаса, отмѣченные №№ 53, 54 и 60-мъ. Иконостасъ № 53 писанъ на деревѣ и состоитъ изъ двухъ половинъ, изъ которыхъ каждая представляетъ отдѣльный маленькій иконостасецъ. Правая половинка иконостаса имѣетъ шесть рядовъ: мѣстный, праздничный, апостольскій, пророческій и страстной. Мѣстный ярусъ составляютъ, прежде всего, царскія двери съ изображеніемъ Благовѣщенія съ рукодѣліемъ и четырехъ евангелистовъ безъ символовъ, при чемъ Іоаннъ нарисованъ съ Прохоромъ. Надъ царскими дверями написаны два ангела, а на крохотныхъ столбикахъ написаны слова: «возмите врата князи ваша: и внидетъ царь славы». На право отъ царскихъ дверей—икона Іоанна Предтечи, за нею—южная дверь съ изображеніемъ архид. Стефана, а далѣе образъ преп. Савватія соловецкаго. На лѣво отъ царскихъ вратъ—Богоматерь, далѣе—сѣверная дверь съ изображеніемъ архид. Лаврентія и, наконецъ,—образъ преп. Зосимы соловецкаго. Во второмъ ярусѣ написаны иконы: Рождества Богородицы, Введенія, Благовѣщенія, Рождества Христова, Срѣтенія, Крещенія, Умовенія ногъ, Тайной Вечери, Пріимите ядите (послѣднія три надъ царскими вратами), Преображенія, Вознесенія, Сошествія во адъ, св. Троицы, Успенія и Воздвиженія. Средину апостольскаго яруса занимаетъ икона Воскресенія Христова (Христосъ вылетаетъ изъ гроба), по правую сторону котораго Воскрешеніе Лазаря, а по лѣвую—Входъ въ Іерусалимъ. Надъ этими тремя изображеніями написано четыре евангелиста въ видѣ символическихъ животныхъ. Затѣмъ, по правую сторону подлѣ Воскрешенія Лазаря помѣщены иконы апостоловъ: Павла, Андрея, Іакова, Варѳоломея, Іуды и Филиппа; по лѣвую сторону подлѣ Входа въ Іерусалимъ—Петра, Іоанна, Марка, Іакова, Симона Зилота и Ѳомы. Средину пророческаго и вмѣстѣ праотеческаго яруса занимаетъ икона Спасителя на престолѣ, по правую сторону Котораго стоятъ архангелы Гавріилъ, Іегудіилъ и Уріилъ, а по лѣвую—Михаилъ, Варахіилъ и Раѳаилъ. Далѣе, пророческій ярусъ составляютъ иконы: на право—Соломона, Іезекіиля, Иліи, Аарона, Софоніи и Аггея; на лѣво—Давида, первосвященника Захаріи, Исаіи, Іереміи, Наѳана и Даніила. На правой сторонѣ праотеческаго яруса стоятъ изображенія Евы, Іакова, Ноя, Іосифа; на лѣвой—Адама, Авраама, Іова и Іуды. Средину страстнаго яруса занимаетъ икона Распятія съ четырьмя предстоящими, отъ которой на право изображены Іудино лобзаніе, Положеніе во гробъ и Несеніе креста, а на лѣво—Моленіе о чашѣ, Распятіе и Христосъ въ темницѣ.

тоже нельзя сказать многаго. Вѣроятно, они назначались для домашняго употребленія въ молельняхъ. Весьма возможно, что наши благочестивые предки хотѣли имѣть наглядную исторію домострои-

---

Другая половина описываемаго иконостаса совершенно сходна по своему устройству съ первою. Замѣтимъ только то, что въ этой половинѣ средину пророческаго яруса занимаетъ икона Воскресенія Христова, по правую сторону которой написано Увѣреніе Ѳомы, а по лѣвую—Воскрешеніе Лазаря; по срединѣ же праотеческаго яруса помѣщена икона Спасителя на престолѣ между архангелами Михаиломъ и Гавріиломъ. О величинѣ иконостаса можно судить уже по тому обстоятельству, что царскія двери имѣютъ всего только три вершка въ высоту. Этотъ иконостасъ можно отнести приблизительно къ срединѣ XVII вѣка. Основаніемъ для сего служатъ слѣдующіе признаки: а) отсутствіе иконы Спасителя по правую сторону царскихъ вратъ (признакъ, что мѣстный ярусъ еще не былъ приведенъ въ порядокъ, что случилось, какъ свидѣтельствуютъ старинныя церковныя описи, не ранѣе конца XVII вѣка), б) на иконѣ Воскресенія Христосъ изображенъ вылетающимъ изъ гроба (западное новшество, вошедшее въ нашу иконографію около половины XVII в.), г) Благовѣщеніе на царскихъ дверяхъ второй лѣвой половины иконостаса, гдѣ Богоматерь изображена со сложенными на груди руками (тоже западное новшество XVII столѣтія) и д) Распятіе и Страсти Христовы, появившіяся, какъ сказано выше, послѣ московскаго собора 1666—67 гг. Такимъ образомъ, иконостасъ № 53 по своему иконографическому содержанію есть точная копія съ большихъ церковныхъ иконостасовъ. Несущественная разница замѣчается въ размѣщеніи иконъ. Такъ, иконы—Входа въ Іерусалимъ, Воскресенія Христова, Воскрешенія Лазаря и Спасителя на престолѣ среди шести архангеловъ поставлены не на своихъ мѣстахъ.

Иконостасъ № 54 писанъ по золотому полю масляными красками на металлическихъ дощечкахъ. Стиль иконописи—строгановскій. Фигуры на иконахъ чрезвычайно мелки, но красивы и отчетливы. Иконостасъ имѣетъ четыре яруса: деисусный, праздничный, пророческій и праотеческій. Мѣстнаго яруса въ этомъ иконостасѣ нѣтъ. Деисусный ярусъ составленъ изъ такихъ иконъ, изъ какихъ онъ составлялся въ XVI и первой половинѣ XVII столѣтія, т. е. собственно деисусъ, состоящій изъ иконъ Спасителя, Богоматери, Предтечи и двухъ архангеловъ, написанъ на пяти дощечкахъ; далѣе слѣдуютъ: на право—ап. Павелъ и московскіе святители Петръ, Алексій, Іона и Филиппъ, а на лѣво—ап. Петръ и святители Григорій Богословъ, Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ и Николай Чудотворецъ. Въ праздничномъ ярусѣ между иконами двунадесятыхъ праздниковъ помѣщены и страсти Христовы, каковое обстоятельство даетъ возможность относить иконостасъ къ первой половинѣ XVII в., когда еще не успѣлъ образоваться особый страстной ярусъ на верху иконостасовъ. Но иконописный

тельства Божія не только въ храмахъ, но и въ своихъ домахъ, что и побуждало ихъ заказывать для себя маленькіе иконостасы.

стиль иконостаса побуждаетъ относить его ко второй половинѣ или даже къ концу XVII в. Остальные ярусы въ иконостасѣ устроены обыкновенно, какъ и въ большихъ церковныхъ иконостасахъ XVII столѣтія. Размѣры иконостаса № 54 не велики: деисусныя, пророческія и праотеческія иконы имѣютъ въ длину по два вершка, а праздничныя—по вершку.

Иконостасъ № 60 устроенъ въ четыре яруса, изъ которыхъ мѣстный имѣетъ три вершка въ высоту, праздничный—вершокъ, а остальные два—апостольскій и пророческій—по два вершка. Въ общихъ чертахъ иконостасъ сходенъ съ церковными иконостасами, но есть и особенности. Именно: средину праздничнаго яруса занимаетъ Тайная Вечеря по историческому переводу (Христосъ и апостолы сидятъ за столомъ въ видѣ буквы С), по правую и лѣвую сторону которой метадосисъ въ двухъ половинахъ. Затѣмъ, въ апостольскомъ ярусѣ вмѣсто Спасителя стоятъ двѣ иконы: Распятія и Сошествія во адъ. Подлѣ Распятія поставлена икона Богоматери, какъ и въ деисусѣ, а подлѣ Сошествія во адъ—Предтеча. Иконостасъ № 60 мы относимъ къ концу XVII в. на слѣдующихъ основаніяхъ: а) Богоматерь въ изображеніи Благовѣщенія на царскихъ дверяхъ и въ праздничномъ ярусѣ нарисована со сложенными на груди руками; б) подлѣ царскихъ дверей первыя мѣста занимаютъ иконы Спасителя и Казанской Богоматери; в) въ деисусномъ ярусѣ помѣщены одни только апостолы и, притомъ, съ закрытыми книгами; г) на иконѣ Сошествія во адъ самый адъ изображенъ въ видѣ звѣриной пасти; д) на иконѣ Сошествія Св. Духа среди апостоловъ нарисована Богоматерь, сидящая на престолѣ; е) на сѣверной двери архидіаконъ Стефанъ изображенъ съ камнемъ въ рукѣ.

Въ музеѣ при Академіи Художествъ мы обратили вниманіе на два миніатюрныхъ иконостаса, которые тамъ отмѣчены №№ 264 и 265. Оба эти иконостаса устроены одинаково. Каждый изъ нихъ имѣетъ четыре яруса: деисусный, праздничный, пророческій и праотеческій. Деисусный ярусъ въ иконостасѣ № 264 устроенъ такъ, какъ онъ устраивался ранѣе второй половины XVII вѣка. Кромѣ того, особенность этого яруса составляютъ иконы равноапостольной Ѳеклы и архидіакона Стефана. Въ праздничномъ ярусѣ сего иконостаса Благовѣщеніе изображено такъ: Богоматерь занимается рукодѣліемъ, а предъ ней стоитъ архангелъ съ жезломъ; на верху въ сіяніи Св. Духъ въ видѣ голубя, отъ Котораго направляется лучъ въ лоно Богоматери. Такое изображеніе Благовѣщенія было запрещено Московскимъ соборомъ 1666—67 гг. Средину пророческаго яруса въ иконостасѣ № 264 занимаетъ образъ Богоматери на престолѣ, предъ которою стоятъ въ моленіи преподобные Антоній и Ѳеодосій печерскіе. Иконостасъ № 264 писанъ пошибомъ новгородскимъ.

Въ иконостасѣ № 265 обращаетъ на себя вниманіе образъ Спа-

Кромѣ того, эти иконостасы можно было брать съ собою во время путешествій и военныхъ походовъ. Можетъ быть, нѣкоторые изъ нихъ назначались и для походныхъ церквей. Особенно это можно сказать о такихъ миніатюрныхъ иконостасахъ, которые не имѣютъ мѣстнаго яруса. Мѣстный ярусъ въ походныхъ церквахъ долженъ состоять изъ большихъ иконъ, а надъ нимъ легко можно было пристроить нѣсколько новыхъ ярусовъ, состоящихъ изъ миніатюрныхъ иконъ. Наконецъ, миніатюрные иконостасы могли быть въ употребленіи въ раскольничьихъ молельняхъ.

Выше былъ случай сказать, что развитіе иконографическаго содержанія высокихъ многоярусныхъ иконостасовъ окончилось къ началу прошлаго столѣтія. Къ этому же времени успѣлъ оконча-

---

сителя въ деисусномъ ярусѣ. Здѣсь Спаситель представленъ сидящимъ на престолѣ и окруженъ звѣздообразнымъ ореоломъ. Въ углахъ этого ореола изображены евангелисты въ видѣ символическихъ животныхъ, при чемъ, какъ показываютъ надписи, Марку усвоивается орелъ, а Іоанну—левъ. Составъ деисуснаго яруса въ иконостасѣ № 265 обращаетъ на себя вниманіе своимъ безпорядкомъ. Въ немъ на право отъ Спасителя помѣщены иконы—Іоанна Предтечи, Савватія соловецкаго, Николая Чудотворца, первомученицы Θеклы, Григорія Богослова, ап. Павла и арх. Гавріила; на лѣво—Богоматери, ап. Петра, препод. Зосимы соловецкаго, Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, мученика Евθимія и арх. Михаила. Оба иконостаса №№ 264 и 265-й можно отнести къ первой половинѣ XVII в. Отступленія отъ общепринятаго порядка въ размѣщеніи иконъ въ миніатюрныхъ иконостасахъ могутъ быть объясняемы назначеніемъ ихъ для частнаго употребленія. Предназначая миніатюрный иконостасъ для частнаго и семейнаго употребленія, художникъ могъ сообразно со своими личными вкусами и воззрѣніями, а также и съ требованіями заказывающихъ, отступать отъ общепринятаго порядка въ размѣщеніи иконъ въ иконостасѣ, что было невозможно въ старину по отношенію къ большимъ церковнымъ иконостасамъ. Художникъ могъ помѣщать въ миніатюрныхъ иконостасахъ изображенія такихъ святыхъ, имена которыхъ носили члены семейства, заказывавшаго иконостасъ. Эти святые могли помѣщаться въ мѣстномъ ярусѣ, а если иконостасъ не имѣлъ его, то—въ деисусномъ. Послѣднее обстоятельство и можетъ объяснить присутствіе въ деисусныхъ ярусахъ иконостасовъ №№ 264 и 265 такихъ святыхъ, какъ муч. Евθимій и особенно равноапостольная Θекла, ибо наблюденія наши показываютъ, что святымъ женамъ, за исключеніемъ праматери Евы и Богоматери, въ иконостасахъ отводилось мѣсто только въ мѣстномъ ярусѣ.

тельно сложиться и тотъ порядокъ, въ которомъ должны были размѣщаться священныя изображенія, входящія въ содержаніе иконостасовъ. Этотъ порядокъ излагался въ иконописныхъ подлинникахъ. У насъ подъ руками было два такихъ подлинника: одинъ изъ нихъ принадлежитъ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи и относится къ началу XVII вѣка, а другой—П. Н. Тиханову [1]). Окончаніе развитія иконографическаго содержанія нашихъ старинныхъ иконостасовъ совпало съ тѣмъ временемъ, когда

---

[1]) Въ библіотекѣ с.-петербургской дух. академіи находится, между прочимъ, рукописный сборникъ подъ № 1449/32, поступившій сюда вмѣстѣ со многими другими рукописями изъ новгородскаго Софійскаго собора. Сборникъ этотъ заключаетъ въ себѣ много разныхъ статей преимущественно поучительнаго характера. Нѣкоторыя статьи посвящены разработкѣ вопросовъ изъ области христіанской иконографіи. Для насъ важны въ этой рукописи 111, 112 и 113 главы, трактующія о праотцахъ, пророкахъ, философахъ и сивиллахъ. Вся рукопись написана полууставомъ. Въ концѣ рукописи приписано:

«Божіею благодатію, и пречистыя Богородицы милостію, и великаго чюдотворца Кирила молитвами, написана бысть сія книга, в дому Успенія Пречистыя Богородицы; во градѣ великаго светильника чюдотворца Кирила; по тружницемъ многогрѣшнаго чернца Еустафіа; лѣта 7110». (= 1602).

Рукопись П. Н. Тиханова написана въ четвертую долю листа частію скорописью, частію полууставомъ, весьма близкимъ къ скорописи. На первыхъ листахъ рукописи скрѣпа: «сія книга Григорья Осипова его собственная». Затѣмъ, въ святцахъ подъ 12 іюня подписано: «житія его было 56 лѣтъ, въ 1801-мъ году сего числа преставися рабъ Божій Григорій Осиповъ иконописецъ». Вся эта подпись сдѣлана одинаковыми чернилами, отличающимися отъ чернилъ самаго текста рукописи. Въ концѣ рукописи другая подпись: «Григорій Осиповъ родился [1754] в четвѣртомъ году ноября 15 дня поутру». Надъ послѣднею надписью на той же страницѣ сдѣлана другая: «въ 1754 году Ѳедоръ Семеновъ Ростовецъ преставися въ іюле месяце». На основаніи сихъ надписей рукопись нужно отнести къ прошлому столѣтію. Въ рукописи содержится полный мѣсяцесловъ съ указаніями, какъ изображать на иконахъ того или другого святаго; двѣ статьи о томъ, какъ писать и размѣщать на иконостасахъ пророковъ и праотцевъ; замѣтка о томъ, что и какъ писать на царскихъ дверяхъ и на столбцахъ; совѣты, какъ составлять разныя краски и чернила и, наконецъ, постановленіе стоглава и кормчей книги о томъ, какъ должны иконописцы относиться къ своимъ обязанностямъ. Для насъ въ этой рукописи важны статьи о пророкахъ, праотцахъ, царскихъ вратахъ и столбцахъ.

Россія, какъ въ области искусства, такъ и въ другихъ сферахъ своей жизни, пошла быстрыми шагами къ западу. Въ исторіи русскихъ иконостасовъ это пристрастіе къ западу отразилось въ томъ, что прекратилось дальнѣйшее развитіе ихъ иконографическаго содержанія. Но зато въ это время наши иконостасы начали быстро развиваться въ архитектурномъ и художественномъ отношеніяхъ.

Николай Сперовскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Къ вопросу о редакціи греческаго перевода LXX-ти, служившей подлинникомъ для древняго славянскаго перевода священнаго Писанія Ветхаго Завѣта.

Вопросъ о редакціи греческаго перевода LXX-ти, служившей подлинникомъ при переводѣ священнаго Писанія Ветхаго Завѣта на славянскій языкъ, въ русской богословской литературѣ уже былъ поставленъ. Первый трудъ по этому вопросу составляетъ „Описаніе рукописей московской синодальной библіотеки. А. Горскаго и К. Невоструева" (1855 г. Москва; отдѣлъ I—Священное Писаніе) [1]). Подъ редакціями греческаго перевода LXX-ти составители „Описанія" разумѣютъ, главнымъ образомъ, два древнѣйшіе списка этого перевода—Ватиканскій (IV в.) и Александрійскій (V в.). Согласно такому пониманію редакцій, при сравненіи славянскаго перевода, имѣвшагося въ рукописяхъ московской синодальной библіотеки, съ означенными двумя кодексами греческими и указываются въ „Описаніи" чтенія, согласныя съ текстомъ того и другого кодекса, равно какъ и чтенія славянскаго перевода, не имѣющіяся ни въ Ватиканскомъ, ни въ Александрійскомъ кодексѣ. При этомъ, такъ какъ означенныхъ кодексовъ имѣть подъ руками не было возможности, а явившихся въ новѣйшее время фототипическихъ воспроизведеній ихъ еще не было, то употреблены были составителями „Описанія" печатныя изданія Библіи: вмѣсто Ватиканскаго ко-

---

[1]) См. объ этомъ также въ «Исторіи перевода Библіи на русскій языкъ» И. А. Чистовича. Христ. Чтеніе 1872 г. *Ред.*

декса—изданіе Leandri van Ess (Lipsiae. 1835,—одна изъ многочисленныхъ перепечатокъ римскаго изданія 1586 г.), а вмѣсто Александрійскаго — московское изданіе Τα Βίβλια (1821 г.); для разночтеній служило изданіе Гольмеса—Vetus Testamentum Graecum cum variis lectionibus (1798—1827. Oxonii).

Результатъ, къ которому пришли изслѣдователи (въ частности) таковъ: „Пятокнижіе Моисеево переведено съ греческаго по списку, не сходному исключительно ни съ Ватиканскимъ, ни съ Александрійскимъ“ (Опис., отд. I, стран. 11) и даже „есть чтенія, которыя не находятся ни въ Александрійскомъ, ни въ Ватиканскомъ спискахъ, но встрѣчаются въ другихъ, болѣе или менѣе древнихъ спискахъ, сличенныхъ Голмезомъ“ (тамъ же, стран. 12). Изъ книги Бытія въ доказательство этого приведено 10 примѣровъ: 4 примѣра, свидѣтельствующіе о сходствѣ славянскаго перевода съ Александрійскимъ кодексомъ, вопреки Ватиканскому (IX, 16; XII, 20; XIII, 6; XL, 3); 5 примѣровъ, указывающихъ на сходство съ Ватиканскимъ спискомъ, вопреки Александрійскому (VI, 2; XXXV, 19; XLIX, 10 [1]); L, 5; L, 12) и 1 примѣръ согласія съ другими кодексами, вопреки Ватиканскому и Александрійскому (I, 24). О преимущественномъ слѣдованіи славянскаго перевода тому или другому изъ указанныхъ списковъ перевода LXX-ти въ Пятокнижіи Моисея Горскій и Невоструевъ не дали отвѣта и конечно потому, что не находили возможнымъ наклонить рѣшеніе ни въ пользу Ватиканскаго списка, ни въ пользу Александрійскаго, какъ, напротивъ, сдѣлано ими относительно кн. Судей, а также и 4 книгъ Царствъ (тамъ же,

---

[1]) Этотъ примѣръ здѣсь приведенъ впрочемъ неудачно и именно: XLIX, 10: «дондеже пріидеͭ намѣненіе емꙋ — (Ват. ἕως ἐὰν ἔλθῃ τὰ ἀποκείμενα αὐτῷ; Ал. ἕως ἄν ἔλθῃ ᾧ ἀπόκειται)». Въ Москов. изданіи 1821 г., принятомъ составителями Описанія за Алекс. кодексъ, дѣйствительно стоитъ «ἕως ἄν ἔλθῃ ᾧ ἀπόκειται»; но это не есть чтеніе Алекс. кодекса, а только поправка издателя Алекс. кодекса Эрнеста Грабе. Въ кодексѣ же Александр. читается такъ же, какъ и въ Ватиканск.: «ἕως ἐὰν ἔλθῃ τὰ ἀποκείμενα αὐτῷ», какъ это чтеніе и отмѣчено въ изд. Грабе на полѣ, а въ Москов. издан. въ приложеніи послѣ 1-й части Библіи.

стр. 22 и 31). Итакъ, вопросъ о спискѣ-подлинникѣ для славянскаго перевода Пятокнижія и въ частности кн. Битія оставленъ открытымъ.

Въ послѣднее время въ западно-европейской литературѣ и именно германскимъ ученымъ Павломъ де-Лагардэ выдвинуто совершенно новое предположеніе о подлинникѣ для славянскаго перевода. Предположеніе это стоитъ въ связи съ новою постановкою вопроса вообще о редакціяхъ греческаго перевода LXX-ти, данною указаннымъ ученымъ въ его трудѣ „Librorum Veteris Testamenti canonicorum pars prior graece. 1883. Gottingae". Сличая различные кодексы греческаго перевода Ветхаго Завѣта, де-Лагардэ пришелъ къ тому выводу, что эти кодексы, на основаніи сходства заключающагося въ нихъ текста, могутъ быть расположены по группамъ. И, между прочимъ, одну такую группу составляютъ кодексы: по обозначенію

у Гольмеса.	у де-Лагардэ.	
108	d	Ватиканскій греческій 330.
82	f	Коислиніанскій (Coislinianus) 3.
19	h	Хизіанскій R VI 38.
93	m	(тростниковый) Британ. музея Царскій I D 2.
118	p	Парижскій греческій 6.
и 44	z	Циттавійскій—отчасти.

О сходствѣ между собою кодексовъ 19, 93, 109 и 118 первоначально де-Лагардэ узналъ изъ изслѣдованій Гольмеса. Такъ, относительно Пятокнижія Гольмесъ говоритъ, что кодексъ 19 содержитъ текстъ всего Пятокнижія, доселѣ въ кодексахъ неизвѣстный и весьма подобный тому, каковой представляетъ изданіе комплютенское; далѣе, что кодексъ 108 содержитъ текстъ, который доселѣ не встрѣчается, но что онъ почти-что само комплютенское изданіе; и о кодексѣ 118, что текстъ его очень подобенъ тому, какой имѣется въ кодексахъ 19 и 108, т. е. тексту комплютенскаго изданія, и поэтому долженъ быть отнесенъ къ одной съ ними группѣ (Libr. V. Test. canon. pars I—Pauli de Lagarde, Prolegomena V стран.). Затѣмъ, Карлъ Верчеллоне, разсматривая кодексы 19, 82, 93 и 108, пришелъ къ тому

выводу (во 2-мъ томѣ „Variarum lectionum". 1866. 436 стран.), что „они возводятъ одинъ и тотъ же антиграфъ къ одной какой-то рецензіи"; кодексъ 118 имъ опущенъ изъ виду. Нѣкоторые изъ этихъ кодексовъ сравнивалъ и Павелъ де-Лагардэ (только 82-й и 118 ему не удалось сравнить въ цѣлости) и убѣдился въ справедливости сказаннаго объ этихъ кодексахъ Гольмесомъ и Карломъ Верчеллоне. Что для всѣхъ этихъ списковъ подлинникомъ служилъ одинъ и тотъ же кодексъ, древній, писанный большими (унціальными) буквами, доказательство этому де-Лагардэ усматриваетъ даже въ характерѣ ошибокъ—описокъ, имѣющихся въ означенныхъ кодексахъ (Ibid. Proleg. VI и VII стран.). Далѣе, сравнивая текстъ этихъ кодексовъ съ тѣмъ текстомъ перевода LXX-ти, какой имѣется и приводится въ твореніяхъ Іоанна Златоуста, де-Лагардэ пришелъ къ тому выводу, что текстъ тѣхъ и другихъ одинаковъ и долженъ быть отнесенъ къ одной группѣ. Доказательства этому у де-Лагардэ представлены изъ 1-й книги Царствъ (Ibid. Proleg. VII—VIII стран.); здѣсь большимъ количествомъ примѣровъ онъ доказываетъ ближайшее сходство текста LXX-ти, бывшаго подъ руками у Іоанна Златоуста, съ текстомъ кодексовъ 19, 82, 93, 108 и 118 и вмѣстѣ съ этимъ отличіе отъ текста LXX-ти, имѣющагося въ древнѣйшихъ кодексахъ—Ватиканскомъ и Александрійскомъ. Оставалось опредѣлить, какая редакція перевода LXX-ти имѣется въ твореніяхъ Іоанна Златоуста. Этотъ вопросъ рѣшается на основаніи историческихъ данныхъ. Съ одной стороны извѣстно, что Іоаннъ Златоустъ сначала былъ пресвитеромъ въ церкви антіохійской, а затѣмъ епископомъ въ Константинополѣ; съ другой—изъ извѣстнаго свидѣтельства [1]) блаж. Іеронима видно, что какъ въ Антіохіи, такъ и въ Константинополѣ была въ употребленіи одна и таже редакція пере-

[1]) Вотъ подлинныя слова Іеронима: «Alexandria et Aegyptus in Septuaginta suis Hesichium laudat auctorem, Constantinopolis usque Antiochiam Luciani martyris exemplaria probat, mediae inter has provinciae Palaestinos codices legunt, quos ab Origene elaboratos Eusebius et Pamphilus vulgaverunt: totusque orbis hac inter se trifaria varietate compugnat».

вода LXX-ти и именно редакція Лукіана. Отсюда де-Лагардэ дѣлаетъ такой выводъ, что и текстъ перевода LXX-ти, содержащійся въ кодексахъ 19, 82, 93, 108 и 118, принадлежитъ также къ редакціи Лукіана.

Для оцѣнки этого вывода здѣсь слѣдуетъ припомнить, что еще Монфоконъ ставилъ вопросъ о редакціи перевода LXX-ти, какою пользовался Іоаннъ Златоустъ (въ частности, относительно кн. Бытія, въ IV томѣ, гл. IV: „De Editione LXX Interpretum, qua usus est Chrysostomus, a communi aliquando diversa“), и, на тѣхъ же точно основаніяхъ, особенности библейскаго текста въ его твореніяхъ приписывалъ Лукіановской редакціи перевода LXX-ти; впрочемъ, Монфоконъ далѣе этого не шелъ. Другой болѣе важный фактъ тотъ, что одновременно съ изслѣдованіемъ Павла де-Лагардэ издатель Гекзаплъ Оригена англійскій ученый Фридериксъ Фильдъ пришелъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ, что между редакціею Лукіана и кодексами 19, 82, 93 и 108 весьма ясно замѣчается тѣсное сходство, если не тождество.

Фактъ сходства текста твореній Іоанна Златоуста съ текстомъ указанной группы кодексовъ даетъ возможность весьма близко возстановить редакцію Лукіана перевода LXX-ти. Эту редакцію Лукіана и представляетъ Павелъ де-Лагардэ въ своемъ трудѣ: „Librorum Veteris Testamenti Canonicorum pars prior Graece“.

Переходъ отсюда къ славянскому переводу понятенъ: господство редакціи Лукіана въ Константинополѣ и Антіохіи обусловливало собою Лукіановскій характеръ всѣхъ переводовъ Ветхаго Завѣта, сдѣланныхъ здѣсь съ греческаго перевода LXX-ти, въ томъ числѣ и славянскаго. Справедливость этого предположенія на готскомъ переводѣ епископа Доростольскаго Ульфилы—на уцѣлѣвшихъ отрывкахъ изъ кн. Ездры имѣлъ возможность провѣрить самъ де-Лагардэ (примѣры тамъ же въ Proleg., стр. XIV). Провѣрить на славянскомъ переводѣ свящ. Писанія справедливость своего предположенія Павелъ де-Лагардэ не могъ за неимѣніемъ необходимыхъ для этого славянскихъ рукописей. Та настойчивость, съ какою выставляетъ де-Лагардэ это свое предположеніе о Лукіановскомъ характерѣ славянскаго перевода Ветхаго Завѣта, дала

смѣлость составителю этой статьи подѣлиться своими личными наблюденіями надъ славянскимъ переводомъ. При этомъ считаемъ долгомъ предупредить, что наблюденія наши крайне немногочисленны: прежде всего нами были сопоставлены съ славянскимъ переводомъ изъ 1-й книги Царствъ тѣ мѣста, которыя Павелъ де-Лагардэ приводитъ, какъ наиболѣе рельефно указывающія разницу между редакціею Лукіана и рецензіями кодексовъ Ватиканскаго и Александрійскаго, затѣмъ начальныя главы книги Бытія, которыя сличены систематически, безъ пропусковъ. Этотъ же порядокъ оставленъ и здѣсь при изложеніи наблюденій.

Для славянскаго перевода употреблены были при сличеніи рукописи, пользующіяся извѣстностію по своей древности и именно: № 1 московской синодальной библіотеки (написанъ въ 1499 г. въ Новгородѣ и представляетъ первый полный списокъ священнаго Писанія) и № $^1/_6$ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (въ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи; написанъ не позднѣе 1557 года). Первый будетъ обозначаться: № 1, второй: КБ.

При сравненіи чтеній изъ 1-й книги Царствъ, приведенныхъ Павломъ де-Лагардэ, приходится исключить тѣ немногія разности между редакціями Лукіановской группы кодексовъ и АВ [1]), которыя ощутительны только на греческомъ языкѣ (каковы: ἄπελθε и πορεύου—I, 14; ἐν εἰρήνῃ и εἰς εἰρήνην—I, 17; καὶ ἐγὼ ἰδοὺ и κἀγὼ ἰδοὺ — XII, 2, и др.), а также и мѣста, непонятныя въ славянскомъ переводѣ. Сличеніе приведенныхъ Павломъ де-Лагардэ примѣровъ изъ 1-й кн. Царствъ съ славянскимъ переводомъ ясно указываетъ, что славянскій до-Острожскій переводъ здѣсь слѣдуетъ преимущественно Ватиканскому кодексу и ближе къ Александрійскому, чѣмъ къ редакціи Лукіана. Такъ:

Редакція Лукіана:	*Алекс. Ват. и Слав.*
I, 7. ἀπὸ ἱκανοῦ—dhmp Злат. V, 55 [2]).	АВ. и Слав.—нѣтъ.

[1]) АВ означаетъ списки Александрійскій и Ватиканскій.
[2]) Твор. I. Златоуста по изданію H. Savillii 1613: S. Ioannis Chrysostomi opera graece (Etonae. 1—8 tom.).

I, 9. καὶ μετὰ τὸ πιεῖν—dhmp. A. Злат. 5, 56 и 64, 11 л.	B. и Слав.—нѣтъ.
I, 13. καὶ εἰσήκουσεν (σατρ—h) αὐτῆς ὁ Κύριος (—ὁ Θεός—Зл. VII, 771, 20 л.)—dhm Злат. V, 61, 29 л.	AB. и Слав.—нѣтъ.
I, 16. εἰς πρόσωπον — dhmp Злат. V, 65, 4 и 10 л.	AB. и Слав.—нѣтъ.
I, 17: Κύριος ὁ Θεός — dhmp Злат. V, 65, 14 л.	AB. ὁ Θεός Слав. Б҃гъ.
I, 18. Εὕροι — dhmp Злат. V, 65, 17 л.	AB. Εὕρεν. Слав. обрѣте.
II, 10: ὁ ἰσχυρὸς ἐν τῇ ἰσχύι αὐτοῦ —dhmp Злат. VI, 934, 22 л. (слово „ἰσχύς", переводится въ Слав. „крѣпость"; встрѣчается тутъ-же).	AB.: ὁ δυνατὸς ἐν τῇ δυνάμει αὐτοῦ. Слав.: сильный силою своею.
II, 25. ἄνθρωπος εἰς ἄνθρωπον—Злат. V, 550, 17 л. ἄνθροπος εἰς ανδρα—dhp. τις εἰς ἄνθρωπον — Злат. II, 473, 21 л. Εἰς ἄνθρωπον τις — Зл. III, 824, 13 л.	AB.: ἀνὴρ εἰς ἄνδρα. Слав. моужь моужеви.
II, 30. οἱ ἐξουθενοῦντές με ἐξουθενωθήσονται (—ἐξουθενηθήσονται—Злат. III. 771, 24 л.) dhm и Зл. V, 659, 33 л.	AB.: ὁ ἐξουθενῶν με ἀτιμωθήσεται (A: ἀτιμασθήσεται). Слав.: оуничижая мя безъ чести будетъ.
VI, 6. [ἐξαπέστειλε] τὸν λαὸν αὐτοῦ—dhm Злат. II, 51, 19 л.	AB.—αὐτούς. Слав. [отсла] ѧ (=ихъ).
XII, 2. ἀνέστραμμαι—dhm Зл. V, 396, 6 л.	AB.—διελήλυθα. Слав.—преидохъ.
XII, 4. Нѣтъ—dhm. Злат. V, 397, 1 л.	AB.—οὐκ ἠδίκησας ἡμᾶς. Слав.—нѣси на҃ ничимже обидѣлъ.

XII, 11. καὶ ἐξείλετο ὑμᾶς (Lag. ἡμας) Κύριος κύκλωθεν ἐκ χειρὸς τῶν ἐχθρῶν ὑμῶν—dhm Злат. V, 397, 13 л. (Злат. опускаетъ „Κύριος").	AB.: καὶ ἐξείλατο ἡμᾶς ἐκ χειρὸς ἐχθρῶν ἡμῶν τῶν κύκλωθεν (A: ὑμᾶς... ὑμῶν) Слав. и изʼя ны из рукъ враг нашиx и окрстъ.
XIV, 25... τοῦ λαοῦ dhmp [Зл. VI, 554, τοῦ ἀγροῦ].	AB... τοῦ ἀγροῦ. Слав... селъ.
XIV, 41. καὶ κατακληροῦται [—οῦνται—Злат.] Σαουλ καὶ Ιωναθαν—dhmp. Злат. VI, 557, 33 л.	AB. καὶ κληροῦται Ἰωναθαν καὶ Σαουλ. Слав.: и да наслѣдуетъ Іωнафан и Саулъ.
XV, 22. ἀκοὴ ἀγαθὴ ὑπὲρ θυσίαν—dhmp Злат. I, 624, 5 л.	AB. ἀκοὴ ὑπὲρ θυσίαν ἀγαθὴν. Слав.—уне есть жрътвы (№ 1—жрътви) блги (№ 1—блгы) [послушаніе].
XVI, I. ἄπωσμαι—dhm и Злат. VI, 127, 7 л. и 773, 11 л.	AB. ἐξουδένωκα. Слав.—азъ уничижихъ.
XVII, 12—31 ст. имѣются въ dhmp. Злат. и A.	B.: съ 12—31 ст. нѣтъ. Слав.—также нѣтъ.
XVII, 34—36. ἐν τῷ ποιμνίῳ τῷ πατρὶ αὐτοῦ (—μου—Злат.; τοῦ πατρὸς αὐτοῦ—h)—dhmp. Злат. V, 395, 27 л.	AB. τῷ πατρὶ αὐτοῦ ἐν τῷ ποιμνίῳ. Слав.—отца своего стада.
— καὶ ἐξέσπων ἐκ τοῦ στόματος αὐτοῦ—dhmp. Злат: тамъ же.	AB.—καὶ ἐξέσπασα ἐκ τοῦ στόματος αὐτοῦ. Слав.—и исторгах изъ устъ его (взятое).
XVII, 55—XVIII, 6 ст. имѣются здѣсь и въ A.	B.—нѣтъ. Слав.—нѣтъ.
XVIII, 23. Οὐκ ἔντιμος—dhmp Злат. VIII, 13, 30 л.	AB.—οὐχὶ ἔνδοξος. Слав.—а не славенъ.
XXII, 22. ὅλου τοῦ οἴκου—dhmp Злат. VI, 127, 40 л.	AB.—τοῦ οἴκου. Слав. — дому (дат. же пад. вм. род. по свойству древнеслав. языка).

XXIV, 4. Εἰσῆλθε Σαουλ—dhmp Злат. VIII, 14, 15 л. и A.	B.—Σαουλ εἰσῆλθεν. Слав.—Саулъ вниде.
XXIV, 5. ἰδοὺ ἐγὼ δίδωμι—dhmp (Злат. δίδωμι—VIII, 14, 17 л.).	AB.—παραδοῦναι (также въ приписываемомъ Злат. словѣ—VII, 454, 31 л.). Слав.—предати.
— τὸ ἀρεστὸν — dhmp. Злат. VIII, 14, 17 л.	AB.—ὡς ἀγαθὸν. Слав.—яко благо.
XXIV, 12. ἐν τῇ χειρί μου κακία οὐδὲ ἀθετησις οὐδὲ ἀσέβια (у Злат. нѣтъ „οὐδὲ ἀσέβια“) — dhmp Злат. V, 87, 33 л. и A.	B.—κακία ἐν τῇ χειρί μου οὐδὲ ἀσέβια οὐδὲ ἀθέτησις. Слав. — (яко нѣ҃) злобы в руцѣ моей ни бесчестія ни ненависти.
XXIV, 21. ἡ βασιλεία Ισραηλ ἐν χειρί σου—dhmp Злат. V, 98, 31 л.	AB —ἐν χειρί (A: ἐν χερσιν) σου βασιλεία (A: βασιλεα) Ισραηλ. Слав.—в҃ руцѣ ти (№ 1 опускаетъ „ти“) цр҃тво Іи҃лево.

Что же касается сходства славянскаго перевода съ возстановляемою редакціею Лукіана, то сходство это въ примѣрахъ, приведенныхъ у де-Лагардэ изъ 1-й кн. Царствъ, рѣдко и незначительно. Таковы слѣдующія мѣста:

Редакція Лукіана и слав. п.	*Алекс. и Ват.*
II, 10. ὁ σοφὸς ἐν τῇ σοφίᾳ αὐτοῦ — dhmp Злат. I, 953, 2 л. [Злат. VI, 934, 24 л. не полно: только σοφός и нѣтъ „ἐν τῇ σοφίᾳ αὐτοῦ]. Слав. — мудрый мудростію своею.	AB.: ὁ φρόνημος ἐν τῇ φρονήσει αὐτοῦ.
XII, 4. Οὐδὲ ἐκπεπίακας ἡμᾶς dhm Злат. V, 397, 1 л. (οὐδὲ ἐξεπίεσας — Злат.)	B.—καὶ οὐκ ἔθλασας ἡμᾶς (θλάω—раздавить). A.—нѣтъ.

Слав. — ни разграбилъ еси насъ (ἐκπιέζω—выжимаю).	
XIV, 34. καὶ εἰ παραδώσεις dh mp. Злат. VI, 557, 7 л.	AB.—εἰ παραδώσεις.
Слав.—и предаси.	
XIV, 37. Κύριος—dhmp. ὁ Κύριος—Злат. VI, 557, 8 л.	AB.—нѣтъ.
Слав.—г҃ь.	
XIV, 40. καὶ εἶπε Σαουλ dhmp Злат. VI, 557, 12 л.	AB.—καὶ εἶπεν.
Слав.—и ре̑ Саулъ.	
XVIII, 8. καὶ ὠργήσθη Σαουλ—dhmp [h—καὶ ὀργήσθη Σαουλ] Злат. VII, 887, 14 л.	AB.—нѣтъ.
Слав.—и разгнѣвася Саулъ.	
XX, 30. γυναικοτραφῆ—dhmp; γυναικοτραφες — Злат. III, 460, 6 л.	AB.—нѣтъ.
Слав.—женами вс̾кормленъ.	
XXIV, 6. ἐπάταξε τὸν Δαβιδ ἡ καρδία αὐτοῦ—dhmp, [Злат.: ἐπάταξε γὰρ αὐτὸν ἡ καρδία αὐτοῦ—VIII, 16, 2 л.—измѣненіе для связи рѣчи].	AB. — ἐπάταξεν καρδία Δαβιδ αὐτόν.
Слав.—и въстопта Давиду сердце свое.	

Однако вышеуказаннымъ фактомъ наибольшей близости славянскаго перевода въ 1 книгѣ Царствъ съ Ватиканскимъ кодексомъ далеко еще не устраняется предположеніе де-Лагардэ о Лукіановскомъ характерѣ славянскаго перевода. Какъ извѣстно изъ „Опис. рукоп. моск. синод. библ.“ [I ч., 39 стр.], переводъ книгъ Царствъ, содержащійся въ извѣстныхъ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ, сдѣланъ позднѣе, чѣмъ переводъ первыхъ по порядку въ Библіи 8-ми книгъ. Этотъ выводъ, сдѣланный составителями „Описанія“ на основаніи языка перевода, подтверждается над-

писью, открытою въ „Еллинскомъ Лѣтописцѣ“ болгарской редакціи архим. Леонидомъ [1]). На листѣ 199 послѣ кн. Руѳь сдѣлана киноварью и, очевидно, относится къ слѣдующимъ за нею книгамъ надпись: „Книгы Завѣта Божія ветхаго, сказающе образы Новаго Завѣта истинну сущу, переведенныя съ греческаго языка в' Словенскыи при князи Блъгарстѣмъ Симеони (907—927 г.), сыне Бориши (Бориша—Михаилъ; 852—888 г.), Григоріемъ—презвитеромъ—мнихомъ всѣхъ церковнихъ Блъгарскихъ церквей, повелѣніемъ того книголюбца князя Симеона, истиннѣ же рещи Боголюбца“. На основаніи этой разновременности перевода кн. Царствъ и первыхъ 8-ми книгъ Ветхаго Завѣта въ отношеніи къ подлиннику возможно совершенно особое положеніе тѣхъ и другихъ. Нѣкоторую возможность иного положенія кн. Бытія отчасти поддерживаетъ то, что всѣ чтенія, указанныя составителями „Описанія“, какъ содержащіяся въ различныхъ греческихъ кодексахъ, содержатся въ возстановляемой редакціи Лукіана.

Сравненіе славянскаго перевода книги Бытія, имѣющагося въ древнѣйшихъ славянскихъ рукописяхъ, съ греческимъ переводомъ древнихъ кодексовъ и важнѣйшихъ изданій, а равно съ еврейско-масоретскимъ текстомъ и Вульгатою, привело къ слѣдующему результату.

Наибольшее сродство славянскій переводъ кн. Бытія имѣетъ дѣйствительно съ греческимъ текстомъ той группы кодексовъ, которую указываетъ Павелъ де-Лагардэ, и особенно съ кодексомъ Циттавійскимъ. Въ доказательство этого здѣсь не представляется нужды выписывать всѣ чтенія славянскаго перевода, сходныя съ чтеніемъ возстановляемой редакціи Лукіана; приведемъ только наиболѣе важныя по сходству мѣста. Таковы:

А. Чтенія славянскаго перевода, согласныя съ Циттавійскимъ кодексомъ [при согласіи въ большинствѣ случаевъ съ возстано-

---

[1]) «Еллинскій Лѣтописецъ» — рукопись Библіот. Моск. Главнаго Архива Иностр. дѣлъ за № 902/1498; вѣка XV; писана съ рукописи XIII в., а прототипъ ея восходитъ къ X вѣку; описаніе ея, сдѣланное архим. Леонидомъ, помѣщено въ статьѣ: «Древняя рукопись» — Русскій Вѣстникъ, 1889 г., апрѣль, стран. 3—24.

вляемою редакціею Лукіана], вопреки кодексу Александрійскому и изданію Сикстино-Ватиканскому (а равно при нихъ и другимъ кодексамъ).

Славян. пер. Циттав. к. (=Z) [и въ большей части ред. Лукіана (=Lg].	*Код. Александр., изд. Сикст.-Ватик. (= в) (и иногда ред. Лукіана).*
I, 24. И скоты и вся гады земли—№ 1 и КБ. καὶ τὰ κτήνη καὶ πάντα τὰ ἑρπετὰ (+ἐπὶ—Зл.) τῆς γῆς—Z, Lg, Злат. I, 42, 17 и 18 л.	А. в. Евр.-Самар. и Вульг.—нѣтъ.
II, 7. прьсть вземъ χοῦν λαβῶν—Z, Lg. Злат. I, 75, 16, 17; 19, 27, 39, 42 лл.; 76, 18–19; 78, 16–17 л. (Монфоконъ считаетъ „λαβῶν“ приданнымъ Златоустомъ „narrationi suae“; — Monf. IV, 1 ч., 114 стр. примѣч.).	А. в. Евр.-Сам. Вульг. χοῦν. (и нѣтъ λαβῶν).
II, 20. [и всѣмъ звѣремъ] земнымъ. [καὶ πᾶσι τοῖς θηρίοις] τῆςγῆς—Z. Lg. Злат. I, 89, 8–9; 90, 9, 10, 13, 39 л.	[καὶ πᾶσι τοῖς θηρίοις] τοῦ ἀγροῦ—А. в. Евр.-Сам. הַשָּׂדֶה
III, 2. сущаго в раи τοῦ ἐν τῷ παραδείσῳ—Z.|	τοῦ παραδείσου—А. в. Lg. Злат.
III, 6. [и вземши] жена [καὶ λαβοῦσα] ἡ γυνὴ — Z. Lg. Злат.	καὶ λαβοῦσα—А. в. Евр. וַתִּקַּח Вульг.: et tulit.
III, 16. и въздыханіа твоя καὶ τοὺς στεναγμούς σου — Z. Вульг. (et conceptos tuos)= Евр.-Самар.	καὶ τὸν στεναγμόν σου—А. в. Lg Злат.

IV, 5. и испаде лице его καὶ συνέπεσε τὸ πρόσωπον αὐτοῦ— Z. Lg. Злат. Вульг. (vultus ejus) и Евр.-Самар.	καὶ συνέπεσεν τῷ προσώπῳ (+αὐτοῦ—в) A. в.
IV, 8. поидевѣ убо διέλθωμέν δη—Z, Злат. I, 127, 39—40 л.; 128, 29; 129, 12—13.	διέλθωμεν—A. в. Lg. (и др.). eggrediamur—Вульг. (евр. не имѣетъ соотвѣтственнаго слова; Самар.—имѣетъ).
IV. 17. еноса τὸν Ενως—Z. Lg. Злат. I, 136, 27, 38—39;	τὸν Ενοχ—A. в. Вульг. (Henoh.) и Евр.-Самар.
V, 22. и поживе енохъ (по рожденіи Маѳусаловѣ) καὶ ἔζησεν Ενωχ (μετὰ τὸ γεννῆσαι αὐτὸν τὸν Μαθουσαλα)—Z. Lg. Вульг.: et vixit..	Нѣтъ словъ: καὶ ἔζησεν Ενωχ— A. в.
VI, 19—и ѿ всѣхъ звѣрей καὶ ἀπὸ πάντων τῶν θηρίων— Z. Lg. Злат.	καὶ ἀπὸ πάντων τῶν ἑρπετῶν καὶ ἀπὸ πάντων τῶν θηρίων—A. в. (и др.; Вульг. согл. Евр. имѣетъ только: ex cunctis animantibus).
VII, 4. (ѿ лица всея земли) ѿ чл҃ка даже до скота— ἀπὸ ἀνθρώπου ἕως κτήνους— Z. Lg. Злат.	Нѣтъ соотвѣтственныхъ словъ— A. в. (Вульг. и Евр. Самар.).
X, 19. Ласа. Λασαν—Z. Lg. (Вульг.—Lesa; Евр. Сам.—לֶשַׁע).	Λασα — A. в. (у Злат. не встрѣчается).
X, 21. брату аѳетову старѣйшему—ἀδελφῷ Ιαφεθ τῷ μείζωνι—Z [Акилла: τῷ μεγάλῳ] Согл. Вульг.: fratre Iapheth majore и Евр.-Самар. אֲחִי יֶפֶת הַגָּדֹל (по переводу	A. в. Lg. (и др.) ἀδελφῷ Ιαφεθ τοῦ μείζωνος.

московъ. митроп. Филарета: „Старшаго брата Іафету“).

Б. Чтенія славянскаго перевода, согласныя съ Циттавійскимъ [при согласіи во многихъ случаяхъ, но опять не вездѣ, съ редакціею Лукіана] и Александрійскимъ кодексами, вопреки Сикстино-Ватиканскому изданію.

Слав. п. Z. (Lg) A:	*в (Lg):*
III, 2. ѿ всего [№ 1: ѿ всякого] древа. ἀπο παντὸς ξύλου — Z. Lg. A. Злат.	ἀπὸ καρποῦ τοῦ ξύλου—в. Вульг. de fructu lignorum. Евр.-Самар. מִפְּרִי עֵץ
III, 14. Звѣрей земныхъ τῶν ϑηρίων τῆς γῆς Z. A.	τῶν ϑηρίων τῶν ἐπὶ τῆς γῆς—в. Lg. (Злат. и др.; = „сущихъ на земли“).
III, 20. яко та мати ὅτι αὔτη μήτηρ—Z. A. Злат.	ὅτι αὔτη ἦν μήτηρ Lg. ὅτι μήτηρ—в (Вульг.: eo quod mater esset).
IV, 12. яко дѣлаеши ὅτι ἐργᾷ—Z. A. Lg. Злат.	ὅτε ἐργᾷ—в. Вульг.: cum operatus fueris.
VIII, 1. и всякъ гадъ καὶ πάντων τῶν ἑρπετῶν — Z. A. (Злат. нѣсколько разъ).	καὶ πάντων τῶν ἑρπετῶν τῶν ἑρπόντων—в. Lg. (Вульг. и Евр.-Сам. не имѣютъ этихъ словъ).
VIII, 7. и послѣ вранъ] видѣти, аще есть уступило воды [ѿ лица земли] (добавки „ѿ лица земли“ не имѣется ни въ одномъ кодексѣ въ этомъ стихѣ) — ἰδεῖν εἰ κεκόπακε τὸ ὕδωρ—Z. A. Lg. Злат. (с).	в не имѣетъ соотвѣтственныхъ словъ — согл. Евр.-Самар. и Вульг.
IX, 16. и межи всякою душею καὶ ἀναμέσον πάσης ψυχῆς—Z. A. Злат. Евр.-Самар. וּבֵין כָּל נֶפֶשׁ Вульг.: et omnem animam.	в. Lg. καὶ ἀνὰ μέσον ψυχῆς.

В. Чтенія славянскаго перевода, согласныя съ Циттавійскимъ кодексомъ [при согласіи въ большинствѣ случаевъ съ редакціею Лукіана] и изданіемъ Сикстино-Ватиканскимъ, вопреки кодексу Александрійскому.

Слав. п. Z в. (Lg.).	*A.*
I, 14. Ѡсвѣщати землю и разлучати (не буквальная передача „εἰς φαῦσιν")—εἰς φαῦσιν ἐπὶ τῆς γῆς τοῦ διαχωρίζειν—Z. в. Lg. Злат. (I, 30, 25—29; 33, 24—26) [Евр. и Вульг. не имѣютъ соотвѣтственнаго „ѡсвѣщати землю; Самар. имѣетъ).	A. εἰς φαῦσιν τῆς γῆς καὶ ἄρχειν τῆς ἡμέρας καὶ τῆς νυκτὸς καὶ διαχωρίζειν.
II, 5. (не бѣаше дѣлати) ю—αὐτὴν—Z. в. Lg.	τὴν γὴν—A. Злат. (I, 72, 15—17 л.; 43;—73, 3; 16—17) Вульг.—terram (согл. Евр.-Самар.).
II, 15. в раи пища ἐν τῷ παραδείσῳ τῆς τρυφῆς—Z. в. Lg. Злат. (I, 83, 9—11 л.; 84, 38 л.; 85, 13; 20—24). Вульг. (согласно Евр.-Самар.) in paradiso voluptatis.	A. ἐν τῷ παραδείσῳ.
IV, 1. и заченши καὶ συλλαβοῦσα—Z. в. Lg. Злат.	A. καὶ συνέλαβεν (Вульг. et concepit).
IV, 18. Малелѣилъ Μαλελεηλ—Z. в. Злат.	A. Lg Μαιηλ. Вульг. Maviael.
V, 2. имя ему τὸ ὄνομα αὐτοῦ—Z. в. Lg.	τὸ ὄνομα αὐτῶν—A. (Вульг., согл. Евр.-Самар., nomen eorum).
VI, 2. видѣвше Сн҃ве Бж҃іи ἰδόντες δὲ υἱοὶ τοῦ Θεοῦ—Z. в. Lg. Злат. (I, 156, 32—33; 41—42; 157, 32 л.);	A. ἰδόντες δὲ οἱ ἄγγελοι τοῦ Θεοῦ.

Вульг. — filii (согл. Евр.-Самар.).	
VII, 17. потопъ ὁ κατακλυσμός—Z. в. Lg. Злат. (и др.) Вульг.: diluvium (согл. Евр.-Самар.).	A. ὁ κατακλυσμός ἐπὶ τῆς γῆς.

Кромѣ чтеній славянскаго перевода, указывающихъ на сродство его съ тѣмъ текстомъ перевода LXX-ти, какой содержится въ кодексѣ Циттавійскомъ въ частности и въ возстановляемой редакціи Лукіана вообще, находятся въ славянскомъ переводѣ и такія мѣста, которыя несогласны съ указанною группою, а сходны съ другими кодексами. При этомъ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть о томъ обстоятельствѣ, что большая часть послѣдняго рода чтеній славянскаго перевода слѣдуетъ греческому переводу, согласному въ каждомъ данномъ случаѣ съ еврейскимъ текстомъ. Таковы слѣдующія мѣста:

Славян. п. (Евр.).	*Z. и Lg.*
II. 14. четвертая еѵратъ ὁ τέταρτος Εὐφράτης—в.	ὁ τέταρτος οὗτος Εὐφράτης — Z. Lg. A. (у (Злат. не встрѣчается) Вульг.: ipse est. Евр.-Самар. также.
VI, 14. въ ковчезѣ—τὴν κιβωτόν—в. A. Злат. (I, 176. 22—24 л.). Вульг. in arca. Евр.-Самар. также.	Z. Lg. ἐπ' αὐτῆς.
VI, 16. дверижь ковчегу τὴν δὲ θύραν τῆς κιβωτοῦ—A. в. Вульг. ostium autem arcae; Евр.-Самар.—также.	Z. Lg. τὴν δὲ θύραν.
VII, 4. ѿтъ лица всея земля ἀπὸ προσώπου πάσης τῆς γῆς—в (Коттон. код., Альд. изд.).	ἀπὸ προσώπου τῆς γῆς—Z. Lg. Злат. (I, 180, 36—38; 181, 28—29) (A. = Вульг. и Евр.-Самар.

VII, 15. внидоша εἰσῆλθον—А. в. (Альд,) Вульг.: ingressae sunt Евр.-Самар. также.	Εἰσῆλθε (ν)—Z. Lg. (у Злат. здѣсь пропускъ).
VII, 22. и все елико бѣ καὶ πᾶν ὃ ἦν—в и Ὃ у Оригена.	Καὶ πᾶς ὃς ἦν—Z. Lg. A. Злат. (Евр.-Самар. и Вульг. нѣтъ).
VIII, 2. и обличишася (№ 1, КБ. № 1/4: облйшася) [=обличились, обозначились, открылись)—καὶ ἀπεκαλύφθησαν А. (Альд.).	καὶ ἐπεκαλύφθησαν (ἐπικαλύπτειν — покрывать) — Z. Lg. Злат. Вульг.: et clausi sunt Евр.-Самар. וַיִּסָּכְרוּ
VIII, 5. вода же уходящи τὸ δὲ ὕδωρ πορευόμενον (Вульг. At vero aquae ibant)—А (Альд.)	τὸ δὲ ὕδωρ—Z. Lg. Злат.
VIII, 5. въ а͠ı мц͠ъ — ἐν τῷ ἐνδεκάτῳ μηνὶ—А. (Альд.).	ἐν τῷ δεκάτῳ μηνὶ — Z. Lg. Злат. Вульг.: decimo enim mense (=Евр.-Самар.).
VIII, 14. въ мц͠ь же в͠ въ кз͠ дн͠ь мц͠а исше земля — ἐν δὲ τῷ δευτέρῳ μηνὶ ἑβδόμῃ καὶ εἰκάδι τοῦ μηνὸς ἐξηράνθη ἡ γῆ—А (Альд.)=Вульг. (septimo et vigesimo die mensis arefacta est terra)=Евр.-Сам. (Злат. и в ставятъ „ἐξηράνθη ἡ γῆ“ предъ „ἑβδόμῃ καὶ εἰκάδι“).	Lg. Z.—ἐν δὲ δευτέρῳ μηνὶ ἑπταχαιδεκάτῃ ἡμέρᾳ ἐξηράνθη ἡ γῆ καὶ ἑβδόμῃ καὶ εἰκάδι τοῦ μηνὸς ἀνέωξε τὴν κιβωτόν (=добавлено: „ἑπταχαιδεκάτῃ ἡμέρᾳ“ „καὶ“ „ἀνέωξε τὴν κιβωτόν“; источникъ добавки неизвѣстенъ: этихъ словъ нѣтъ ни въ Таргумѣ Онкелоса, ни въ Сирскомъ, ни въ Арабскомъ переводахъ).
IX, 2. и на всѣхъ скотѣхъ земныхъ—(τοῖς θηρίοις τῆς γῆς) καὶ ἐπὶ πᾶσι τοῖς κτήνεσι τῆς γῆς—(Коттон. код. и нѣкоторые другіе).	Z. Lg. Злат. А. нѣтъ этихъ словъ; въ Вульг. и Евр.-Самар.—также нѣтъ.
IX, 5. (крови бо вашихъ душъ) взыщу—ἐξητήσω—А.; Вульг. —requiram—Евр.-Сам. אֶדְרֹשׁ	Z. Lg. Злат. не имѣютъ.

IX, 10. (исковчега) всякому животному земному πᾶσι τοῖς ζώοις τῆς γῆς,' Вульг.: et universis bestiis terrae—Евр.-Самар. также.	Z. Lg. Злат. A. в. (и др.) не имѣютъ; у Оригена: „※ πᾶσι τοῖς ζώοις τῆς γῆς“.

Итакъ, предположеніе Павла де-Лагардэ въ общемъ оправдывается: сродство славянскаго перевода кн. Бытія съ редакціею Лукіана замѣтно выступаетъ на видъ. Что же касается частностей, то, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ выше примѣровъ, славянскій переводъ кн. Бытія болѣе близокъ не къ возстановляемой въ общемъ видѣ редакціи Лукіана, а къ кодексу Циттавійскому. Здѣсь нельзя не упомянуть и о томъ обстоятельствѣ, что кодексъ Циттавійскій по своему происхожденію, съ вѣроятностію, принадлежитъ одному изъ аѳонскихъ монастырей. А это послѣднее обстоятельство, не смотря на довольно позднее происхожденіе кодекса (XIV или даже XV в., по свѣдѣніямъ въ трудѣ P. de-Lagarde—„Genesis Graece“—Lipsiae, 1869; предисл. 7—8 стран.), допускаетъ возможность предположенія, что близость до-Острожскаго славянскаго перевода (въ кн. Бытія) къ тексту Циттавійскому не случайна, будетъ-ли причиной этой связи первоначальное пользованіе подобнымъ текстомъ при переводѣ просвѣтителей славянъ, или только послѣдующее исправленіе древнѣйшаго перевода.

Свящ. П. Поташевъ.

Моисей-гигіенистъ [1].

Предметъ сегодняшняго сообщенія съ давнихъ поръ останавливалъ на себѣ мою мысль. Евреи часто изумляли меня своею выносливостью и живучестью; мнѣ кажется, что они имѣютъ всѣ признаки расъ, называемыхъ у изслѣдователей расами устойчивыми.

При своемъ поселеніи въ Палестинѣ они побѣдили сильныя племена, подчинивъ ихъ своему владычеству; позднѣе, послѣ паденія Іерусалима, находясь въ гибельныхъ условіяхъ, гонимые, сжигаемые, разсѣянные по лицу земли евреи не исчезаютъ; они приспособляются ко всякимъ лишеніямъ, ко всякому образу жизни, привыкаютъ и къ странамъ жаркимъ, и къ странамъ съ длинною зимою; между тѣмъ вопреки этому историческій опытъ учитъ, что народы, перенесенные въ другую среду, сильно отличающуюся отъ ихъ родины, угасаютъ тамъ черезъ короткое время. Въ самомъ дѣлѣ, что осталось отъ полчищъ завоевателей Римской имперіи? Спустя столѣтіе нельзя было найдти готскаго типа; вестготы совершенно исчезли, несмотря на то, что долго царили на сѣверѣ Испаніи и въ Португаліи, и только съ трудомъ можно было отыскать въ Италіи слѣды лонгобардовъ.

И въ наше время въ различныхъ частяхъ Европы, весьма много отличающихся отъ Палестины по климату, евреи съ успѣхомъ борются съ весьма сильными народами іафетова племени, дав-

---

[1]) Переводъ статьи: «Moise Hygiéniste» доктора Suchard'a, помѣщенной въ Revue Chrétienne. Septembre 1890.

но уже акклиматизировавшимися; и тогда какъ коренное населеніе этихъ странъ уменьшается, если кровь другого племени не даетъ ему новой силы, еврейскій элементъ, безъ всякой посторонней помощи, сохраняется лучше. Данныя статистики показываютъ, что у евреевъ средняя продолжительность жизни и число рожденій болѣе, число умирающихъ менѣе, чѣмъ у окружающаго ихъ христіанскаго населенія. Замѣчено также, что они менѣе, чѣмъ другія расы, подвержены большимъ эпидеміямъ: еще въ средніе вѣка ихъ обвиняли въ сношеніяхъ съ колдунами и дьяволомъ за то, что чума не опустошала ихъ семей также, какъ христіанскихъ. Среди евреевъ, равнымъ образомъ, встрѣчается меньше хроническихъ болѣзней, меньше золотухи и волчанки, и такое исключительное санитарное состояніе евреевъ наблюдается даже въ столицахъ, гдѣ они живутъ, по большей части, въ самыхъ грязныхъ и нездоровыхъ кварталахъ, въ родѣ Уайтчапля или Голльборна въ Лондонѣ, въ которомъ и были сдѣланы эти наблюденія. Долголѣтіе ихъ такъ извѣстно, что многія общества страхуютъ ихъ жизнь по пониженной таксѣ.

Но это не все. Евреи не только вооружены противъ болѣзней; они берутъ верхъ еще своею большею способностью къ труду, большею выносливостью при всякаго рода утомленіяхъ и лишеніяхъ; они довольствуются пищею менѣе обильною и менѣе изысканною, что также даетъ имъ преимущество въ жизненной борьбѣ. Успѣхъ евреевъ въ предпріятіяхъ сдѣлалъ ихъ настоящею силою на всемірныхъ рынкахъ, въ виду чего христіане ищутъ ихъ помощи въ своихъ финансовыхъ и промышленныхъ дѣлахъ; и потому именно, что они имѣютъ большой успѣхъ [1]) и что борьба съ ними слишкомъ трудна, большая часть европейскихъ государствъ отказываетъ евреямъ въ правахъ гражданства и допускаетъ поселеніе ихъ въ своихъ предѣлахъ только подъ извѣстными условіями, и такимъ образомъ ведетъ такъ называемую нтисемитскую борьбу.

---

[1]) Говоря такъ, французскій авторъ имѣетъ, очевидно, въ виду одну внѣшнюю сторону предпріятій современныхъ евреевъ и не обращаетъ вниманія на тѣ безнравственныя, вредныя для мѣстнаго христіанскаго населенія, средства, какія весьма часто употребляются евреями для достиженія успѣшности ихъ гешефтовъ. *Перев.*

Берлинскій профессоръ Вирховъ, съ которымъ германское правительство часто совѣтовалось по вопросу объ устройствѣ нѣмецкихъ колоній, воспользовался съѣздомъ нѣмецкихъ натуралистовъ въ Страсбургѣ (сентябрь 1885 г.) для того, чтобы подвергнуть на немъ обсужденію важный вопросъ объ акклиматизаціи европейцевъ въ колоніяхъ. Показавъ, какъ легко креолы подвергаются болѣзнямъ жаркихъ странъ и какъ скоро исчезаютъ вслѣдствіе уменьшенія кровообразованія или, можетъ быть, чрезмѣрнаго израсходованія кровяныхъ шариковъ, знаменитый ученый разсматриваетъ этотъ вопросъ объ акклиматизаціи съ большею обстоятельностью по отношенію къ довольно извѣстной намъ сѣверной части африканскаго континента. Онъ доказываетъ, что между колонистами по степени выносливости въ порядкѣ слѣдованія отъ низшей ступени къ высшей, на первомъ мѣстѣ могутъ быть поставлены нѣмцы, за тѣмъ французы сѣверныхъ департаментовъ, провансальцы, испанцы и португальцы (имѣющіе мавританскую кровь), мальтійцы, въ жилахъ которыхъ течетъ кровь семитическая, финикійская и кареагенская, и наконецъ на послѣднемъ и самомъ высшемъ мѣстѣ евреи. Профессоръ Катрфажъ выставляетъ тѣже самые факты въ своемъ прекрасномъ сочиненіи: „*Единство человѣческаго рода*" (l'Unité de l'espèce humain).

Отъ чего же происходитъ эта, какъ мнѣ кажется, доказанная сила выносливости евреевъ, ихъ преимущественная предъ другими недоступность законамъ разрушенія?

Тяжелая жизнь, какую вели израильтяне послѣ своего разсѣянія, должна была закалить ихъ; извѣстно дѣйствіе привычки; но вѣрно и то, что менѣе сильные погибли бы.—Весьма подвижные, они сохранили свои кочевые нравы среди земледѣльческаго населенія, что также должно было поддержать ихъ силу. Всѣ эти, а можетъ быть и еще другія причины способствовали ихъ живучести, но намъ думается, что лучшее объясненіе крѣпости этого народа заключается въ заповѣдяхъ и законахъ, данныхъ ему Моисеемъ, великимъ законодателемъ, тѣхъ правилахъ и законахъ, которые сдѣлали его особымъ народомъ и которымъ евреи остаются вѣрными до нашихъ дней. Въ этомъ законодательствѣ, дѣйствительно

наблюдаются удивительныя знанія гигіены нравственной, укрѣпляющей семейную жизнь и вселяющей любовь къ труду, и не менѣе замѣчательныя знанія гигіены физической (medicale) относительно того, что можетъ препятствовать вырожденію народа и распространенію болѣзней; для тѣхъ древнихъ временъ это была столь совершенная гигіена, что нельзя удивляться, если она принесла такіе прочные плоды.

Это именно я и постараюсь доказать; но прежде чѣмъ приступить къ этому, я прошу позволенія сдѣлать небольшое отступленіе.

Для лучшаго пониманія книгъ: Левитъ и Второзаконіе я долженъ былъ внимательно прочесть книгу Бытія; читая ее, я не могъ забыть, что я натуралистъ. Такимъ образомъ я замѣтилъ въ самомъ началѣ еврейскаго народа, въ патріархальную эпоху его исторіи, стремленіе къ обособленію для развитія въ народѣ особыхъ качествъ и образованія его въ отдѣльный народъ. Сарра была сестрой Авраама, какъ видно изъ словъ кн. Бытія (XX, 12): *„Да она и подлинно сестра мнѣ: она дочь отца моего, только не дочь матери моей“*. Извѣстно изъ зоотехніи, что если у народовъ испорченныхъ браки родственниковъ усиливаютъ хроническія болѣзни, пороки и недостатки, то напротивъ въ расахъ совершенно здоровыхъ и сильныхъ они способствуютъ развитію блестящихъ качествъ. Во времена Авраама эти браки могли укрѣпить нѣкоторыя драгоцѣнныя качества евреевъ, не вредя силѣ молодого и неиспорченнаго народа. Это время было недалеко отъ того, когда сыны Божіи, ангелы [1]), находили красивыхъ дочерей человѣческихъ; это была эпоха героевъ, сильныхъ, издревле славныхъ людей, какъ сказано въ книгѣ Бытія (VI, 4). При поселеніи своемъ въ Палестинѣ, израильтяне нашли еще великановъ, Рефаимовъ, сыновъ Энаковыхъ: ложе одного изъ ихъ царей, Ога, царя Васанскаго,

---

[1]) Пониманіе названныхъ въ Быт. VI, 2—4 сыновъ Божіихъ въ смыслѣ ангеловъ съ рѣшительностью отвергаемо было знаменитыми отцами и учителями Церкви IV в. и въ библейскомъ текстѣ не имѣетъ твердыхъ основаній. *Перев.*

было длиною въ девять локтей (Втор. III, 11), т. е. $4^{1}/_{2}$ метра [1]). Не менѣе пораженъ я былъ другою особенностью, состоящею въ предпочтеніи дѣтей, рожденныхъ отъ престарѣлыхъ родителей, и, если сыновей было нѣсколько, въ предпочтеніи младшихъ. Ною было пятьсотъ лѣтъ, когда у него родились дѣти; Симу было сто лѣтъ, когда онъ родилъ Арфаксада, своего третьяго сына; Ѳарра, отецъ Авраама, женился семидесяти лѣтъ; Аврааму было девяносто девять, а Саррѣ девяносто, когда имъ было обѣщано, что у нихъ родится Исаакъ. Исаакъ такимъ образомъ былъ сыномъ старика. Извѣстно, что рожденные при такихъ условіяхъ дѣти оказываются лучше приспособленными къ странѣ и къ тому образу жизни, какой имъ предстоитъ вести; будучи менѣе сильны, менѣе одарены преобладавшими у соплеменниковъ физическими качествами, они напротивъ обладаютъ въ высокой степени качествами, пріобрѣтенными ихъ родителями извѣстнымъ образомъ жизни.

Въ первыя времена еврейскаго народа старшіе сыновья отодвигаются на задній планъ, какъ слишкомъ пылкіе и необузданные, и имъ предпочитаются младшіе; послѣднимъ принадлежатъ благословенія и выдающаяся роль въ исторіи. Такъ, напримѣръ, родъ Давида ведетъ начало не отъ старшаго сына Ѳамари, который былъ слишкомъ своеволенъ [2]), а отъ второго. Іаковъ предпочитается Исаву; въ родѣ Іакова Іосифъ, Веніаминъ и сыновья Іосифа получаютъ преимущество предъ другими; Іаковъ, благословляя дѣтей Іосифа, намѣренно кладетъ правую руку на голову младшаго, Ефрема. Прочтите послѣднія слова Іакова; онъ сказалъ старшему Рувиму: *ты бушевалъ, какъ вода, не будешь преимуществовать* (Быт. XLIX, 4), затѣмъ—Симеону и Левію: *орудія жестокости мечи ихъ; въ совѣтъ ихъ да не внидетъ душа*

---

[1]) Величина древняго еврейскаго локтя въ точности неизвѣстна; приблизительно онъ приравнивается $^{3}/_{4}$ аршина. *Перев.*

[2]) Говоря такъ, авторъ разумѣетъ, очевидно, сына Ѳамари Зару (Быт. XXXVIII), о которомъ однако ничего неизвѣстно, кромѣ обстоятельствъ его рожденія. *Перев.*

моя, и къ собранію ихъ да не пріобщится слава моя; *ибо во гнѣвѣ своемъ они убили мужа, и по прихоти своей перерѣзали жилы тельца; проклятъ гнѣвъ ихъ*... (Быт. XLIX. 5, 6, 7).

Іосифъ напротивъ осыпанъ благословеніями: *Іосифъ*, сказалъ Іаковъ,—*отрасль плодоноснаго дерева. Отъ Бога отца твоего, Который и да поможетъ тебѣ, и отъ Всемогущаго, Который и да благословитъ тебя благословеніями небесными свыше, благословеніями бездны, лежащей долу... благословеніями отца твоего, которыя превышаютъ благословенія горъ древнихъ... Да будутъ они на головѣ Іосифа и на темени избраннаго между братьями своими*. (Быт. XLIX. 22—26).

Въ этомъ предпочтеніи младшихъ нельзя не видѣть опредѣленнаго плана. Сила и стремительность—достояніе старшихъ—были тогда менѣе полезны, чѣмъ гибкость, ловкость и даже хитрость. Мускульная сила была дѣломъ обыкновеннымъ; ее имѣлъ всякій: извѣстна, напр., сила Іакова (Быт. XXIX, 10) и сила Моисея (Исходъ, II, 17); между тѣмъ проявленія разума, искусства, менѣе обычныя въ то время, давали истинное преимущество, почему библейскій разсказъ всегда отмѣчаетъ послѣднія, даже и тогда, когда такія дѣйствія не чужды нравственныхъ недостатковъ, подобно тому, какъ пѣсни Гомера, принадлежащія къ той же почти эпохѣ, воспѣваютъ всѣ дѣянія хитроумнаго Улисса. Но довольно объ этомъ; я хотѣлъ лишь показать, какъ, по моему мнѣнію, путемъ выдѣленія первобытный дикій элементъ силы замѣнялся мало-по-малу тонкими качествами ума.

Теперь, приступая къ главному предмету моего сообщенія, я разберу одну за другою различныя части Моисеева законодательства, уже намѣченныя мною, создавшія іудейскому народу силу жизнеупорности. Они касаются:

Семейной жизни;

Труда и субботняго отдыха;

Правилъ о пищѣ, которыми опредѣляется выборъ питательныхъ веществъ и въ частности животныхъ для убоя;

Правилъ относительно жилищъ и одежды;

Наконецъ, *предохранительныхъ средствъ противъ появленія и распространенія болѣзней.*

Сперва скажемъ о семейной жизни. Семья, по законамъ Моисея, устроена на гораздо болѣе твердыхъ началахъ, чѣмъ у другихъ народовъ той же эпохи: семья у евреевъ есть основаніе всего общественнаго устройства; изъ нея развивается колѣно. По семьямъ располагаются лагеремъ, по семьямъ сходятся на народныя собранія. Заповѣдь, стоящая на первомъ мѣстѣ послѣ заповѣдей, относящихся до религіозныхъ обязанностей, говоритъ о почтеніи къ родителямъ: „Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на землѣ, которую Господь Богъ твой даетъ тебѣ“ (Исходъ, XX, 12).

Глава семьи окруженъ особеннымъ почтеніемъ; судъ не вмѣшивается, какъ въ Спартѣ, въ его право рѣшать судьбу новорожденнаго младенца. Вообще власть родителей велика: они имѣютъ право жизни и смерти надъ своими дѣтьми [1]). *Если у кого будетъ сынъ буйный и непокорный,* говорится во Второзаконіи (XXI 18—21), *неповинующійся голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его, но онъ не слушаетъ ихъ,—то отецъ его и мать его пусть возьмутъ его и приведутъ къ старѣйшинамъ города своего и къ воротамъ своего мѣстопребыванія и скажутъ старѣйшинамъ города своего: сей сынъ нашъ буенъ и непокоренъ, не слушаетъ словъ нашихъ, мотъ и пьяница; тогда всѣ жители города его пусть побьютъ его камнями до смерти.* Ударившій или злословившій своего отца или мать наказывался смертью (Исх. XXI, 15—17). За прелюбодѣяніе было назначено тяжелое наказаніе. Новобрачный освобождался отъ военной службы.

---

[1]) Авторъ нѣсколько преувеличиваетъ здѣсь права родительской власти по закону Моисея, какъ видно изъ приводимаго затѣмъ установленія Второзаконія, по которому участь непокорнаго сына рѣшается не родителями, а судомъ по жалобѣ родителей. Рѣшать судьбу новорожденныхъ младенцевъ законъ родителямъ не предоставляетъ; чего либо благопріятствующаго такимъ рѣшеніямъ, какое произнесъ патр. Іуда надъ Ѳамарью (Быт. XXXVIII, 24), въ законѣ не встрѣчается. *Перев.*

Установленные праздники были также могущественнымъ средствомъ для укрѣпленія семейныхъ узъ; особенно способствовалъ этому праздникъ Пасхи, когда каждая семья закалала своего ягненка, или при малочисленности своихъ членовъ соединялась съ ближайшими сосѣдями такъ, чтобы число участвующихъ въ пасхальной вечери было достаточно для вкушенія агнца; такимъ образомъ и люди одинокіе находили себѣ мѣсто и на время праздника пользовались удобствами семейной жизни.

Можно было бы сказать еще очень много, чтобы показать ту чрезвычайную важность, какую Моисей придавалъ устройству семьи; она была имъ организована такъ прочно, что и въ наши дни у евреевъ жизнь семьи сохраняетъ такую внутреннюю связь и крѣпость, что ни одинъ изъ ея членовъ не остается безъ помощи во дни несчастія и что у нихъ почти не видно нищихъ.

Теперь скажемъ о трудѣ. По законамъ Моисея, каждая семья владѣла землею лишь опредѣленное время; принципомъ землевладѣнія была общность владѣнія кочевыхъ племенъ, усовершенствованная организаціею личной собственности. Каждые пятьдесятъ лѣтъ въ юбилейный годъ, всѣ земельные участки дѣлились снова; эти перемѣны предотвращали косность и рутину; новый собственникъ долженъ познакомиться съ доставшимся ему по жребію участкомъ, часто вновь разработать часть своихъ полей и расположить иначе свой домъ и амбары.

Удовольствіе имѣть собственность поддержано было мудрыми экономическими установленіями Моисея на различные случаи жизни, при которыхъ должны были сказаться плоды сдѣланныхъ сбереженій, при празднованіи, наприм., Пасхи или при жертвоприношеніяхъ. Несомнѣнно, что экономность была хорошо привита еврейскому народу, если и теперь стремленіе изъ всего извлечь пользу и накопить на всякій случай составляетъ неоспоримую народную черту евреевъ. Конечно, доведенная до крайности экономія становится непреодолимымъ корыстолюбіемъ, но съ точки зрѣнія соціальной, съ точки зрѣнія могущества народа, съ точки зрѣнія прогресса это желаніе богатѣть, эта экономія, даже слишкомъ большая, лучше, чѣмъ лѣность и беззаботность.

Часто говорятъ, что евреи, какъ всѣ семиты, какъ финикіяне и карѳагеняне, предпочитаютъ торговлю занятію ручнымъ трудомъ; до извѣстной степени это вѣрно, и въ настоящее время дѣйствительно рѣдко среди евреевъ можно встрѣтить столяровъ, жестяниковъ или каменщиковъ; но не надо при этомъ забывать, что это явленіе было, вѣроятно, слѣдствіемъ того рода жизни, который пришлось вести евреямъ въ изгнаніи, когда они не имѣли права владѣть землею и часто вовлекаемы были въ торговыя дѣла, такъ какъ ими не занимались христіане, запрещавшіе при этомъ евреямъ давать деньги подъ проценты. Всякій разъ, когда евреи владѣли землею, земля не оставалась невоздѣланною: Палестина была одною изъ странъ хорошо воздѣланныхъ; они преуспѣвали и въ искусствахъ: изъ 31-й главы кн. Исходъ видно, что среди евреевъ нашлись мастера для сооруженія ковчега завѣта; въ постройкѣ же храма (3 Царствъ, V, 13) участвовало тридцать тысячъ чернорабочихъ, семдесятъ тысячъ носильщиковъ и восемьдесятъ тысячъ каменщиковъ. Такимъ образомъ, евреи не были неспособны къ ручному труду; развитію же народнаго искусства мѣшала, можетъ быть, вторая заповѣдь, запрещавшая всякія изваянія или изображенія. На нашъ взглядъ несомнѣнно, что Моисеевъ законъ много способствовалъ тому, чтобы укрѣпить въ народной массѣ привычку къ труду до такой степени, что и теперь евреи отличаются какою-то особенною потребностью дѣятельности. Въ богатыхъ еврейскихъ семьяхъ молодые люди—будущіе наслѣдники громадныхъ состояній—отдаютъ столько времени дѣламъ и прилагаютъ столько стараній увеличить свое состояніе, какъ будто это бѣдняки, бьющіеся изъ-за куска хлѣба: они трудятся инстинктивно, по врожденной склонности къ труду.

На первыхъ страницахъ Библіи трудъ представленъ намъ съ настоящей точки зрѣнія: трудъ есть наказаніе.

Господь Богъ сказалъ человѣку: за то, что ты послушалъ голоса жены твоей, и ѣлъ отъ дерева, о которомъ Я заповѣдалъ тебѣ, сказавъ: не ѣшь отъ него, проклята земля за тебя. Со скорбью будешь питаться отъ нея во всѣ дни жизни твоей; терніе и волчцы произраститъ

она тебѣ; и будешь питаться полевою травою; въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ, доколѣ не возвратишься въ землю, изъ которой ты взятъ; ибо прахъ ты и въ прахъ возвратишься (Быт. III, 17—19).

Когда наказаніе послѣдовало, благословеніе почіетъ на покорности ему: трудящійся развиваетъ свои способности, идетъ впередъ, нарушенное равновѣсіе возстановляется во всѣхъ отправленіяхъ его существа; здоровье невозможно безъ труда; таковъ порядокъ жизни, установившійся послѣ паденія.

Установленная закономъ Моисеевымъ суббота могущественно содѣйствовала образованію у еврейскаго народа привычки къ труду. Подобно тому, какъ необходимость труда, необходимость субботы основывается на внутреннемъ устройствѣ космическаго міра, на самомъ способѣ, какимъ проявляютъ себя всѣ силы, извѣстныя намъ на нашей планетѣ. Ничто не дѣлается въ природѣ безъ смѣны труда и отдыха; всякая сила, какъ скоро не уравновѣшивается другою, совершенно равною ей, и не дѣйствуетъ въ безконечномъ пустомъ пространствѣ, что не возможно на землѣ, *проявляетъ свою дѣятельность въ ритмическомъ движеніи*, т. е. проявленіе силы, при ближайшемъ его наблюденіи, бываетъ сходно съ качаніями маятника или колебаніями камертона. Здѣсь дѣйствуетъ не простой законъ: ибо всякое движеніе есть слѣдствіе нарушенія равновѣсія, а покой наступаетъ послѣ ряда дѣйствій уменьшающейся напряженности. Этотъ *великій законъ* наблюдается во всѣхъ проявленіяхъ жизни: біеніе сердца и артерій, вдыханіе и выдыханіе суть поразительныя его доказательства. Наши тѣлесные мускулы также отправляютъ свое назначеніе ритмически, сокращаясь и растягиваясь попеременно и въ равные промежутки времени.

Понимать ли буквально или не буквально разсказъ о происхожденіи міра, сообщаемый въ Библіи и въ древнихъ халдейскихъ писаніяхъ, во всякомъ случаѣ не подлежитъ то сомнѣнію, что дѣло творенія совершилось въ творческіе дни, т. е. въ порядкѣ слѣдованія періодовъ дѣланія и покоя, ибо творческая сила должна была

сосредоточиться (fût condensée) передъ каждымъ великимъ появленіемъ новой жизни [1]).

Хотѣть избѣгнуть этого всеобщаго закона *ритма*, значитъ ставить этимъ себя внѣ природы; а согласоваться съ нимъ, значитъ входить въ установленный порядокъ, съ которымъ соединены пріямыя благословенія. Поэтому мы читаемъ въ Десятословіи, что Господь благословенъ: благословилъ день субботній и освятилъ его (Исх. XX, 11). Легко понять, что установленная Богомъ суббота, доставляя желанный покой мускуламъ, нервамъ и нервнымъ центрамъ человѣка, дѣлала для евреевъ трудъ лучшимъ, что замѣчается также и у народовъ, свято соблюдающихъ воскресенье, и возбуждала въ нихъ охоту къ труду, который могъ возобновляться и продолжаться безъ утомленія и болѣзни.

Болѣе того: такъ какъ евреи не отдыхали одни въ такой-то день, другіе въ другой, а всѣ въ одинъ и тотъ же день, то у нихъ было въ недѣлю 24 часа, въ которые каждый, забывъ о своихъ матеріальныхъ заботахъ, отдавался семьѣ, обмѣнивался своими мыслями въ кругу людей, отличномъ отъ того, въ какомъ онъ вращался впродолженіе недѣли; такимъ образомъ, устанавливались дружескія отношенія и нравственная солидарность, умъ и сердце развивались; это былъ великій источникъ физическаго развитія, чувство любви къ семьѣ, къ роду и къ отечеству, составляющее силу народа, достигалось благодаря соблюденію субботы. Я не буду говорить о субботѣ съ точки зрѣнія религіозной жизни и Богопочтенія, благодѣтельное вліяніе которыхъ также велико, такъ какъ это выходитъ изъ назначенныхъ мною рамокъ. Затѣмъ, не останавливаясь далѣе на этихъ правилахъ нравственной гигіены, которыя такъ много содѣйствовали воспитанію еврейскаго народа, я перейду къ болѣе медицинской части предмета моего сообщенія, части, ка-

[1]) По идеѣ божественнаго всемогущества, сосредоточеніе предъ каждымъ новымъ актомъ творенія нужно было собственно для тѣхъ естественныхъ или такъ называемыхъ вторичныхъ силъ, которыя служили къ выполненію творческой воли. *Перев.*

сающейся Моисеевыхъ законовъ о гигіенѣ въ собственномъ смыслѣ слова.

Разберемъ сперва, что установилъ этотъ великій законодатель относительно жизни, вопросъ о которой кажется сильно его занималъ, такъ какъ онъ говоритъ о немъ очень подробно. Онъ съ обстоятельностью заботливо показываетъ, какія животныя чистыя и нечистыя, какихъ животныхъ мясо можно ѣсть, и отъ мяса какихъ, напротивъ, нужно воздерживаться, выражая чрезъ это свое убѣжденіе въ великой важности выбора пищи для народнаго здоровья.

Всѣмъ извѣстно, что въ жаркихъ странахъ преобладающая животная пища опасна, какъ располагающая къ болѣзнямъ воспаленія; здѣсь нѣкоторыя болѣзни бываютъ сильнѣе у употребляющихъ много мяса; европейцы, переселяясь подъ тропики, подвергаются тамъ многочисленнымъ болѣзнямъ, если сохраняютъ свою пищу съ большимъ азотнымъ содержаніемъ; для сохраненія здоровья имъ нужно, слѣдуя инстинкту, мало по малу привыкнуть къ болѣе растительной пищѣ. Такимъ образомъ, ограниченіе Моисеевымъ законодательствомъ числа животныхъ, мясо которыхъ можетъ служить пищей, въ санитарномъ отношеніи является весьма цѣлесообразнымъ. Туже цѣль преслѣдовали многія другія законодательства древности, какъ говоритъ объ этомъ Геродотъ, авторъ, мнѣніе котораго объ этомъ предметѣ особенно цѣнно въ виду того, что онъ много путешествовалъ по прибрежнымъ странамъ Средиземнаго моря и по Малой Азіи и видѣлъ самъ почти все то, что описывалъ. По его словамъ, въ Египтѣ въ каждой области были свои дозволенныя и недозволенныя въ пищу животныя.

Различеніе чистыхъ и нечистыхъ животныхъ, о которомъ, какъ уже существующемъ, говорится въ книгѣ Бытія при изображеніи входа животныхъ въ ковчегъ, разсматривается пространно въ Моисеевыхъ постановленіяхъ. Въ XI главѣ книги Левитъ говорится: *Скажите сынамъ Израилевымъ: вотъ животныя, которыя можно ѣсть изъ всего скота на землѣ: всякій скотъ, у котораго раздвоены копыта и на копытахъ глубокій разрѣзъ и который жуетъ жвачку, ѣшьте; но не ѣшьте тѣхъ, кото-*

рые только жуютъ жвачку или только имѣютъ раздвоенныя копыта: верблюда, потому что онъ жуетъ жвачку, но копыта у него не раздвоены, нечистъ онъ для васъ; и тушканчика, потому что онъ жуетъ жвачку, но копыта у него не раздвоены, нечистъ онъ для васъ; и зайца, потому что онъ жуетъ жвачку, но копыта у него не раздвоены, нечистъ онъ для васъ; и свиньи, потому что копыта у ней раздвоены и на копытахъ у ней разрѣзъ глубокій, но она не жуетъ жвачки, нечиста она для васъ. Мяса ихъ не ѣшьте и къ трупамъ ихъ не прикасайтесь, не чисты они для васъ.

Въ этихъ постановленіяхъ говорится о большихъ животныхъ, о млекопитающихъ. По воззрѣнію Моисея, типъ чистаго животнаго составляетъ, очевидно, быкъ или корова, животныя смирныя и неспособныя къ хитрости; они пьютъ лишь чистую воду, ѣдятъ хорошія травы и неподвержены никакимъ вызывающимъ отвращеніе болѣзнямъ. Корова, въ глазахъ египтянъ, до такой степени представляла собою чистоту, что они боготворили ее, посвятивъ Изидѣ и изображая самую богиню съ головой и рогами коровы.

Для Моисея быкъ былъ животнымъ, предпочтительно назначеннымъ для убоя; другія животныя, дозволенныя въ пищу, были тѣ, которыя наиболѣе приближались къ типу быка и которыя указаны въ XIV главѣ книги Второзаконія; здѣсь, кромѣ вола, названы: *овца, коза, олень* [1], *серна, лань, каменный баранъ, антилопа, буйволъ и дикая коза* (но не жирафъ, какъ сказано въ нѣкоторыхъ переводахъ, по той простой причинѣ, что жирафъ не водился въ странѣ, гдѣ жили евреи).

Если открыть какой либо современный учебникъ зоологіи, то окажется, что всѣ эти десять животныхъ принадлежатъ къ одной

---

[1]) При передачѣ дальнѣйшихъ указанныхъ въ Второз. названій животныхъ древніе и новые переводы нѣсколько расходятся между собою; принятый французскимъ авторомъ переводъ имѣетъ для себя основанія, одно изъ которыхъ высказывается въ текстѣ статьи относительно послѣдняго въ Втор. XIV, 5 названія дозволеннаго въ пищу, животнаго у 70 толковниковъ χαμηλοπάρδαλις, что значитъ: «жирафъ», въ Славянской Библіи—саигакъ (изъ породы оленей). *Перев.*

и той же группѣ или семьѣ: это суть названныя у Линнея pecora. Этотъ великій ученый соединилъ ихъ вмѣстѣ вслѣдствіе того, что они живутъ обыкновенно стадами, предводимыми однимъ, и имѣютъ особенныя способности къ тому, чтобы сдѣлаться домашними животными.

Современные натуралисты въ семействѣ двухкопытныхъ отличаютъ разрядъ жвачныхъ, вслѣдствіе отличающихъ эту группу характерныхъ особенностей, важнаго именно зоологическаго значенія раздвоеннаго копыта, чему соотвѣтствуетъ особое анатомическое устройство этого типа животныхъ и надѣленіе четырьмя желудками, отъ чего и происходитъ жеваніе жвачки.

Не заслуживаетъ ли особаго вниманія то, что въ такую отдаленную отъ нашего времени эпоху Моисей замѣтилъ группы животныхъ, имѣющихъ между собою черты дѣйствительнаго зоологическаго сходства и что для обозначенія этихъ группъ онъ избралъ существенные два признака, отъ которыхъ зависятъ другіе второстепенные, и сдѣлалъ эту классификацію такъ же научно, какъ дѣлается она въ наше время?

Не долженствовалъ ли онъ для этого быть наблюдателемъ и натуралистомъ въ душѣ? Изыскивая въ природѣ планъ ея Творца, онъ достигъ познанія типа, какой должно осуществлять животное для того, чтобы быть болѣе или менѣе совершеннымъ, какъ это видно изъ только что приведенныхъ словъ Моисея, по смыслу которыхъ имѣніе жвачки, но отсутствіе раздвоенности копытъ, т. е. наличность одного признака животнаго типа и неимѣніе другого дѣлали это животное не соотвѣтствующимъ плану, несовершеннымъ, нечистымъ; и дѣйствительно, четыре животныя, названныя у Моисея, такія, которыя не имѣютъ одного изъ двухъ характеристическихъ признаковъ, принадлежатъ къ зоологическимъ группамъ, весьма отличнымъ отъ группы двухкопытныхъ жвачныхъ, и представляютъ достаточныя основанія для того, чтобы воздерживаться отъ употребленія ихъ мяса въ пищу. Такъ, верблюдъ ведетъ тяжелую жизнь, менѣе разборчивъ въ пищѣ, чѣмъ быкъ, и его мясо не вкусно; если его ѣдятъ арабы, то дѣлаютъ за неимѣніемъ другого; индѣйцы же и сабейцы не употребляютъ его совсѣмъ въ пищу и считаютъ его

нечистымъ. Заяцъ и тушканчикъ (въ нѣкоторыхъ переводахъ кроликъ) принадлежатъ по зоологіи къ породѣ грызуновъ; это не настоящія жвачныя, какъ долго думали на основаніи особеннаго движенія ихъ рта; ихъ организмъ устроенъ такъ, чтобы питаться не травою, а корнями и *сѣменами* (graines); ихъ ноги оканчиваются не копытами, а пальцами, почему эти животныя называются пальцеходящими. Мясо зайца въ жаркихъ странахъ дѣйствуетъ слишкомъ возбуждающимъ образомъ, почему, напримѣръ, у персовъ заяцъ считался самымъ нечистымъ изъ животныхъ.

Что касается свиньи, то она принадлежитъ къ разряду двухкопытныхъ, но имѣетъ одинъ желудокъ и поэтому не есть животное жвачное. Строеніе ея зубовъ ставитъ ее въ разрядъ животныхъ всеядныхъ, и дѣйствительно свинья ѣстъ все, что только находитъ, даже мясо; она прожорлива и нечистоплотна. Это животное, обладая очень толстой и непроницаемой для воздуха оболочкой, бываетъ подвержено иногда болѣзнямъ кожи, сходнымъ съ проказой, и какъ въ древности любили проводить въ медицинѣ аналогіи, должны были думать, что свинья могла распространять заразу. Кромѣ большей части эпизоотій въ острой формѣ, которымъ свинья подвержена тоже, какъ и всѣ домашнія животныя, у свиньи есть особенныя свойственныя ея породѣ, хроническія болѣзни паразитнаго характера, какъ, напримѣръ, угри (ladrerie), неизлечимая болѣзнь, дѣлающая свинью безобразной и отвратительной. „Египтяне", говоритъ Геродотъ, „считаютъ свинью животнымъ нечистымъ. Если кто изъ нихъ дотронется до свиньи, то онъ идетъ окунуться въ рѣкѣ вмѣстѣ съ одеждой; такъ что тѣ, хотя и египтяне по рожденію, которые держатъ свиней, не могутъ войти въ египетскій храмъ. Никто не выдаетъ за нихъ своихъ дочерей замужъ, ни кто на нихъ не женится; они заключаютъ браки лишь между собою" (Геродотъ, кн. II, 47),

Изъ этого легко понять, почему Моисей прямо запретилъ употреблять въ пищу мясо этого особенно нечистаго животнаго.

Перейдемъ къ другимъ животнымъ, о которыхъ говорится въ XI главѣ книги Левитъ: *Изъ всѣхъ животныхъ, которыя въ водѣ, ѣшьте сихъ: у которыхъ есть перья, въ водѣ, въ моряхъ*

ли или рѣкахъ, тѣхъ ѣшьте, а всѣ тѣ, у которыхъ нѣтъ перьевъ или чешуи, въ моряхъ ли или рѣкахъ, изъ всѣхъ плавающихъ въ водахъ, и изъ всего живущаго въ водахъ, скверны для васъ; онѣ должны быть скверны для васъ: мяса ихъ не ѣшьте, и труповъ ихъ гнушайтесь. Всѣ животныя, у которыхъ нѣтъ перьевъ и чешуи, скверны для васъ.

Относительно водяныхъ животныхъ, составляющихъ въ жаркихъ странахъ здоровую пищу, правило для распознаванія чистыхъ отъ нечистыхъ очень просто, какъ видно изъ приведенныхъ словъ. Дозволенныя въ пищу животныя суть тѣ, у которыхъ есть перья и чешуя, т. е. тѣ, которыя представляютъ собою настоящій типъ рыбы, которыя хорошо плаваютъ и организація которыхъ приспособлена для жизни въ текущей водѣ; угри же и сомы, водящіяся въ изобиліи въ Галилейскомъ морѣ, для употребленія въ пищу не дозволены, какъ нечистыя и не представляющія собою совершеннаго типа рыбы; они живутъ въ илѣ и питаются всѣмъ, чѣмъ попало. Мясо угря очень жирно и трудно переваривается желудкомъ. Само собою разумѣется, что не дозволены также въ пищу водныя животныя безъ перьевъ и чешуи—моллюски, лягушкообразныя (batraciens) и раковидныя (crustacés); извѣстно, что принадлежащія къ этой категоріи животныя, напримѣръ, ракъ, охотно питаются трупами, находящимися уже въ періодѣ разложенія, и мясо ихъ вслѣдствіе этого составляетъ нездоровую пищу.

Въ данномъ случаѣ, какъ и относительно млекопитающихся, Моисей, всегда искавшій совершеннаго типа, увидѣлъ, что перья и чешуя суть отличительные признаки нѣкоторой группы среди водныхъ животныхъ, что и является совершенно правильнымъ съ научной точки зрѣнія: при помощи этихъ именно главныхъ признаковъ Агассисъ первый выдѣлилъ особый порядокъ рыбъ.

Въ 13 и 14 стихахъ той же главы книги Левитъ идетъ рѣчь о птицахъ: *Изъ птицъ же гнушайтесь сихъ; не должно ихъ ѣсть, скверны онѣ: орла, грифа, морскаго орла, коршуна и сокола съ породою его, всякаго ворона съ породою его; страуса, совы, чайки и ястреба съ породою его; филина, рыболова и*

ибиса; ночной совы [1]*), пеликана и сипа; аиста; и цапли съ породою ея* [2]*); удода и нетопыря.* Здѣсь Моисей не указываетъ общихъ отличительныхъ признаковъ запрещаемыхъ въ пищу породъ, что было бы слишкомъ трудно, и ограничивается перечисленіемъ птицъ, отъ употребленія которыхъ въ пищу должно было воздерживаться. Эти птицы суть или птицы ночныя или птицы хищныя, питающіяся трупами, или безвредныя птицы, какъ аисты и ибисъ, питающіяся лягушками и ящерицами и слѣдовательно плотоядныя, точно также какъ летучая мышь, принадлежащая къ разряду не птицъ, а млекопитающихъ; она питается насѣкомыми. Послѣ птицъ рѣчь идетъ о животныхъ воздуха, крылатыхъ насѣкомыхъ. *Всѣ животныя пресмыкающіяся, крылатыя, ходящія на четырехъ ногахъ, скверны для васъ. Изъ всѣхъ пресмыкающихся крылатыхъ, ходящихъ на четырехъ ногахъ, тѣхъ только ѣшьте, у которыхъ есть голени выше ногъ, чтобы скакать ими по землѣ. Сихъ ѣшьте изъ нихъ: саранчу съ ея породою, саламъ съ ея породою, харгалъ съ ея породою, хагабъ съ ея породою. Всякое другое пресмыкающееся крылатое, у котораго четыре ноги, скверно для васъ* (ст. 20—23). Буквально съ еврейскаго 20-й стихъ можетъ быть переведенъ такъ: „все кишащее изъ крылатаго, что ходитъ на четырехъ ногахъ, мерзость для васъ", т. е. всякое животное, имѣющее крылья и болѣе двухъ ногъ; рѣчь идетъ слѣдовательно о крылатыхъ насѣкомыхъ, каковы: жукъ, майскій жукъ, стрекоза, сверчокъ и др., которыя, имѣя шесть маленькихъ лапокъ, должны ползать, если перестаютъ летѣть. Саранча,

---

[1]) Точный смыслъ употребленнаго въ 18 ст. названія птицы (*тиншеметъ*) остается неизвѣстенъ; у 70-ти толковниковъ и въ Славян. Библіи оно передано словомъ: «порфνріѡнъ», т. е. водяная курица, въ Вульгатѣ и въ русскомъ переводѣ — словомъ «лебедь»; у большей части современныхъ гебраистовъ здѣсь разумѣется особый видъ ночной совы. *Перев.*

[2]) Первыя въ 19 ст. два названія птицъ (*хасида* и *анафа*) въ греко-славян. Библіи переведены: є҆рѡді́а и харадрі́ѡна, т. е. цапли и зуя, съ чѣмъ соглашаются и современные библеисты, хотя и не всѣ; нѣкоторые въ первомъ изъ приведенныхъ еврейскихъ названій разумѣютъ аиста. *Перев.*

благодаря тому, что двѣ изъ ея шести лапъ обратились въ настоящія мясистыя ноги, составляетъ исключеніе, приближаясь къ типу царей воздуха—птицъ съ крыльями и двумя ногами: когда она не летаетъ, она прыгаетъ, но не ползаетъ. Поэтому для Моисея саранча есть животное болѣе совершенное, болѣе чистое; дѣйствительно саранча не принадлежитъ къ плотояднымъ и ея мясо составляетъ здоровую, очень употребительную на Востокѣ, пищу.

Если бросимъ общій взглядъ на совокупность животныхъ млекопитающихъ, рыбъ, птицъ и насѣкомыхъ, дозволенныхъ или запрещенныхъ въ пищу, то увидимъ, что, основываясь на соображеніяхъ зоологической философіи, на идеѣ относительно большей или меньшей степени совершенства животныхъ, степени ихъ чистоты или нечистоты, Моисей пришелъ къ тому, что позволилъ употреблять въ пищу лишь мясо тѣхъ животныхъ, которыя во всякомъ случаѣ питаются здоровыми веществами и поэтому не могутъ заключать въ своихъ мускулахъ зародышей болѣзней; припомнимъ то, что наши главныя паразиты: солитеръ и трихины никогда не появлялись бы у насъ, если бы мы не ѣли мяса животныхъ, питающихся также мясомъ другихъ. Если спросить у современнаго врача о томъ, мясо какихъ животныхъ можно ѣсть безъ боязни, то при своемъ отвѣтѣ онъ будетъ, конечно, руководиться имѣющимися въ настоящее время знаніями о зараженіи и о паразитахъ, но при этомъ его заключенія будутъ согласны съ установленіями Моисея. Главная цѣль, къ которой стремился этотъ великій законодатель, состояла въ томъ, чтобы напечатлѣть своему народу идею чистоты и святости. Такъ, отъ имени Бога онъ говоритъ въ концѣ 11-й главы кн. Левитъ: *Я Господь, Богъ вашъ: освящайтесь и будьте святы, ибо я святъ, и не оскверняйте себя какимъ либо животнымъ ползающимъ по землѣ. Ибо я Господь, выведшій васъ изъ земли Египетской, чтобы быть вашимъ Богомъ. Итакъ будьте святы, потому что я святъ* (ст. 44 и 45).

Стремясь къ этому идеалу чистоты и предписывая такъ сказать *духовную гигіену*, Моисей тѣмъ самымъ устанавливаетъ превосходную *гигіену физическую* и даетъ практическія правила, до которыхъ знаніе дошло лишь въ наши дни и послѣ тяжелаго пути.

Обыкновенно говорятъ, что Моисей, пользуясь пріобрѣтенными имъ въ Египтѣ знаніями, старался привить ихъ этому молодому народу и съ этою цѣлью внесъ ихъ въ религіозныя установленія, служившія ему такимъ образомъ лишь средствомъ.

Мы вѣримъ, напротивъ, что религіозная точка зрѣнія была главной у Моисея; онъ стремился образовать отдѣльный народъ, развивая въ немъ всѣ хорошіе инстинкты и возвышая до высшей степени совершенства; чрезъ это исканіе чистоты онъ установилъ законы гигіены высокой важности и, да позволено будетъ употребить выраженіе, установилъ эту гигіену, не зная ея.

Законы относительно крови и тука жертвенныхъ животныхъ имѣютъ также двойственный характеръ: кровь и тукъ играли главную роль при жертвоприношеніяхъ и не могли быть употребляемы въ пищу; отъ этого запрещенія здоровье народа могло только выиграть. Кровь была запрещена уже въ патріархальныя времена какъ содержащая въ себѣ душу; Моисей съ большею рѣшительностью исключительно назначилъ ее для жертвенника, гдѣ она должна служить къ очищенію нашихъ душъ. Всякое убиваемое животное тщательно очищалось отъ крови и такимъ образомъ устранялась весьма важная причина зараженія, такъ какъ кровь можетъ служить передаточною инстанціею для цѣлой массы заразительныхъ болѣзней.

Жиръ также былъ запрещенъ для употребленія въ пищу и былъ посвященъ потребностямъ культа: жиръ сжигался на жертвенникѣ, что также служило къ пользѣ народнаго здоровья, такъ какъ жиръ, вызывая при употребленіи его въ пищу слишкомъ много теплоты и располагая этимъ къ различнымъ болѣзнямъ, въ жаркихъ странахъ имѣетъ вредное вліяніе. Болѣе того: изъ описанія подробностей жертвоприношеній можно видѣть, что къ сожженію на жертвенникѣ назначенъ былъ тотъ жиръ, который окружаетъ центральные органы, почки, печень и кишки; чрезъ удаленіе всего этого жира, согласно повелѣнію закона, достигалось то, что изъ тѣла животнаго удалялись заразъ всѣ лимфатическіе узелки, представляющіе воспріимчивую почву для зародышей инфекціонныхъ болѣзней. Законъ Моисея запрещалъ категорически употреб-

леніе въ пищу жира и крови: *Это постановленіе вѣчное въ роды ваши: никакого тука и никакой крови не ѣшьте* (Лев. III, 17). *Кто будетъ ѣсть тукъ, кто будетъ ѣсть какую нибудь кровь, истребится душа та изъ народа своего* (Лев. VII, 25, 27).

Законъ Моисея идетъ еще далѣе: требуя чистоты при выборѣ видовъ животныхъ, употребляемыхъ въ пищу, законъ простираетъ это требованіе и при опредѣленіи качества закалаемаго животнаго, которое не должно носить въ себѣ никакихъ слѣдовъ болѣзни. Талмудъ, имѣющій (для евреевъ) въ подобныхъ вопросахъ такой же авторитетъ, какъ и самый законъ, предписываетъ жрецамъ дѣлать осмотръ главныхъ органовъ: легкаго, печени, селезенки и кишекъ. Коментируя Мишну, талмудическіе ученые, говоритъ докторъ Гено [1]), считаютъ нечистыми или негодными въ пищу тѣхъ животныхъ, легкія которыхъ приросли къ ребрамъ; такъ, какъ говоритъ одинъ раввинъ, подобнаго рода прирастаніе происходитъ отъ болѣзни реберъ, то мясо такого животнаго нельзя употреблять въ пищу, точно также, какъ и въ томъ случаѣ, если это прирастаніе существуетъ между отдѣльными лопатками легкихъ, или если жрецъ констатируетъ присутствіе разсѣянныхъ на поверхности легкаго прыщей.

Въ сомнительныхъ случаяхъ, легкое должно было быть надуто воздухомъ подъ водою, не слишкомъ теплою и не слишкомъ холодною. Не доказываютъ ли эти предосторожности, которыя въ наши дни употребляются анатомо-патологами для разрѣшенія сомнѣнія въ существованіи чахотки легкихъ, что тогдашнимъ знаніямъ не былъ безъизвѣстенъ туберкулёзъ у животныхъ, и не заставляютъ ли эти предосторожности думать, что евреи знали уже что эта болѣзнь можетъ быть сообщена употребленіемъ въ пищу больныхъ животныхъ? Могло конечно случиться, что запрещалось для употребленія въ пищу мясо животнаго больного простымъ воспаленіемъ легкихъ, какова плерезія или пневмонія, но за то была

---

[1]) Guéneau de Mussy въ статьѣ «Etude sur l'hygiène de Moise et des anciens Israelites» въ Union medicale. 1885. 4, 8 et 15 janvier.

увѣренность, что никогда не попадетъ въ пищу мясо животнаго, зараженнаго туберкулёзомъ. Эти предписанія исполняются и теперь оставшимися вѣрными своей религіи евреями и раввины наблюдаютъ на бойняхъ за ихъ исполненіемъ. Иногда эти предписанія бываютъ стѣснительны, какъ сказалъ г-ну Гено великій раввинъ Парижа; такъ изъ доставленныхъ съ сѣвера тридцати барановъ находятъ двадцать шесть съ сросшимися легкими, которые потому не годятся въ пищу для евреевъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Изъ церковной исторіи Египта.

Архимандритъ тавеннисіотовъ Викторъ при дворѣ константинопольскомъ въ 431 г.

I.

The Church Quarterly Review, October 1891, подарило читателей дѣйствительною новинкою. Среди тѣхъ „повтореній выше пройденнаго", которыя такъ обычны въ богословской литературѣ, среди разнородныхъ комбинацій давно извѣстнаго матеріала — иногда даже безъ всякихъ намѣреній сказать что нибудь новое, всякое ἀνέκδοτον, всякое сообщеніе изъ *рукописей*, является пріятнымъ оазисомъ. Англійскій ученый, не подписавшій даже своихъ иниціаловъ, въ статьѣ: „Ефесскій соборъ" даетъ довольно подробный очеркъ содержанія одной коптской рукописи въ парижской Bibliothèque Nationale. „Константинополь и константинопольскій дворъ во время ефесскаго собора"[1]), таково заглавіе, данное этой рукописи англійскимъ оріенталистомъ. Но въ наличности она не имѣетъ никакого титула, такъ какъ заглавный листъ ея утраченъ, повидимому она и безъ конца и въ срединѣ недостаетъ одного листа. По основному типу рукопись представляетъ собраніе дѣяній третьяго вселенскаго собора; но—какъ и въ другихъ, греческихъ и латинскихъ, рукописяхъ — этимъ дѣяніямъ предпосланъ

---

[1]) The Council of Ephesus: *The Court and City of Constantinople during the Council of Ephesus*, pp. 91—115.

рядъ поясняющихъ исторію собора документовъ, связанныхъ между собою короткими историческими замѣтками [2]).

А) Второй листъ рукописи представляетъ окончаніе посланія св. Кирилла александрійскаго. Онъ проситъ архимандрита Виктора „оставить на волю Божію всѣ другія дѣла" и поскорѣе прибыть въ Александрію. — Послушный этому зову, Викторъ немедленно отбылъ изъ Ф-воу [3]), 26 фаменотъ индиктіона 14-го (22 марта 431 г.) сѣлъ въ судно и 5 фармути (31 марта) былъ уже въ Александріи, совершивъ плаваніе внизъ по Нилу всего въ 10 дней. Пасха въ 431 г. была 19 апрѣля (24 фармути). 2 пахонъ (27 апрѣля, слѣд. въ понедѣльникъ ѳоминой седьмицы) Викторъ отбылъ изъ Александріи въ Константинополь, куда и прибылъ 25 пахонъ (20 мая). Во время пребыванія Виктора въ Александріи св. Кириллъ сдѣлалъ ему устно надлежащія наставленія и сверхъ того вручилъ ему „точный memorandum".

Б) Викторъ долженъ употребить все свое нравственное вліяніе на императора Ѳеодосія, чтобы ослабить могущество Несторія. Архимандритъ тавеннисіотовъ долженъ упросить императора *α*) предписать, чтобы первымъ на соборѣ былъ поставленъ вопросъ о вѣрѣ

---

[2]) Примѣры этого рода поясненій—Mansi, IV, 1104. 1108E. 1024D. 1036B Αὔτη]. 1225D. 1428—1432. 1460A [Δοθέντων]. V, 256A [Ἀνελθόντων]. ДВС, I, 355. 607. 859—863. 894. II, 298.

[3]) Сѣвернокоптскому φ-βωου соотвѣтствуетъ южнокоптское π-βοου и среднекоптское π-βαυ (*L. Stern*, Koptische Grammatik, Leipzig, 1880, §§ 59. 228) Vita s. Pachomii, n. 50: ἐν τῇ μεγάλῃ μονῇ Πρόου [чит. Πβόου по-южнокоптски] λεγομένῃ ὅπου ἦν ἡ οἰκονομία πάντων τῶν μοναστηρίων. cf. n. 35.—n. 52: ἦν γὰρ μεγάλη ἡ μονὴ ἡ Παβαῦ [среднекоптская форма]. Epist. Ammonii episcopi, n. 1: τῷ μοναστηρίῳ, ὃ καλεῖται Βαῦ.—n. 13: ἐν τῇ Βαῦ. Acta Sanctorum, Maii, Antverpiae 1680, t. 3, pp. 38*.64*.68*. Въ этомъ монастырѣ жилъ архимандритъ ὅλου τοῦ κοινοβίου (Vita s. Pachom. n. 77), всей тавеннисіотской конгрегаціи. На мѣстѣ этого монастыря въ настоящее время стоитъ арабское селеніе Fau (فو) подъ 26°14', с. ш., 32°37', в. д. Грин. (на Carte de l'Égypte, rédigée par *Jacotin* et par *Jomard* [1:1500000] при Description de l' Égypte, 2-de éd., par *Panckoucke*, Paris, 1830, État moderne, XVIII, 3,—болѣе точной, по моему мнѣнію, чѣмъ Map of Egypt, by *WM. Leake*, republished by E. Standford, London 1875 [1: 696960], или карта при *Murray*'s Handbook for travellers in Egypt, London 1880.

и никакія жалобы на епископовъ не были допускаемы на разсмотрѣніе собора, пока вопросъ о Несторіи не будетъ порѣшенъ окончательно; β) послать отрядъ православныхъ войскъ для поддержанія спокойствія во время собора и для защиты епископовъ отъ насилій—Кириллъ выражаетъ опасеніе даже за самую жизнь отцевъ собора—пришельцевъ на чужбинѣ; γ) не посылать комита Иринея, отъявленнаго партизана Несторія, на соборъ въ качествѣ императорскаго уполномоченнаго; лучше всего этимъ полномочіемъ облечь одного Лавса; если же Ириней отправится въ Ефесъ, то ему долженъ сопутствовать и Лавсъ. Кириллъ подозрѣваетъ, что δ) Несторій употребитъ всѣ усилія, чтобы соборъ не состоялся; что ε) „съ помощію ефесскихъ монаховъ онъ постарается разогнать епископовъ, а потомъ ихъ же обвинитъ въ томъ, что они не прибыли на соборъ"; что ζ) Несторій будетъ производить въ Ефесѣ всякія насилія.

В. Прибывъ въ Константинополь, Викторъ нашелъ весь городъ въ смятеніи. Всюду диспуты о вѣрѣ. Это возбужденіе вызвано было тѣмъ, что именно въ этотъ день (20 мая) Несторій отбылъ на соборъ. Вѣсть о прибытіи архимандрита Виктора скоро облетѣла столицу. Самъ императоръ пожелалъ его видѣть. На другой же день, 26 пахонъ (21 мая), императоръ принялъ Виктора въ высшей степени почетно. „Мы счастливы, что видимъ ваше преподобіе въ добромъ здоровьѣ, и только по благости Божіей мы сподобились такой чести. Мы надѣемся, что вы предстательствуете за насъ предъ Богомъ. Вы же, хотя вы живете далеко отъ насъ, всегда у насъ на памяти... Я вѣрую, что Богъ послалъ васъ подать мнѣ совѣтъ относительно собора". Послѣ такихъ ласковыхъ словъ государя, Викторъ не затруднился высказаться ясно и о цѣли своего появленія въ Константинополѣ и повліялъ на императора въ смыслѣ полученной инструкціи. „Императоръ обнялъ Виктора и простился съ нимъ".

Г) На другой день (22 мая) императоръ опять призываетъ Виктора и обсуждаетъ съ нимъ текстъ сакры, предназначенной къ отправленію въ Ефесъ. Черновой проектъ ея въ рукахъ императора. Она начинается: „Императоры—Θеодосій и Валентиніанъ

благочестивѣйшимъ и святѣйшимъ Несторію, Кириллу и прочимъ богочестивѣйшимъ епископамъ“. Викторъ возражаетъ, что такое начало сакры несомнѣнно произведетъ соблазнъ и смятеніе на соборѣ: аа) по ней Несторій выходитъ судьею, а не подсудимымъ; бб) Кириллъ долженъ стоять выше Несторія какъ старшій по церковному значенію каѳедры и по времени хиротоніи. „Для избѣжанія всякого соблазна лучше написать просто: „епископамъ, сошедшимся въ митрополіи ефесской“. Императоръ согласился съ этими замѣчаніями, и имена епископовъ были опущены [4]).

На этомъ мѣстѣ въ рукописи недостаетъ одного листа. Послѣ этого пробѣла слѣдуетъ—

Д) посланіе „Кирилла къ епископамъ Комарію и Потамону и архимандриту Виктору“. Видимо это первое посланіе, которое отправлено было имъ изъ Ефеса α). „Плаваніе (the passage) изъ Александріи въ Ефесъ было замедлено сильнымъ штормомъ. Кириллъ вынужденъ былъ подойти (to touch) къ берегамъ Ликіи; затѣмъ онъ присталъ (sailed to) къ неназванному по имени острову; наконецъ въ субботу наканунѣ пятьдесятницы [слѣдовательно 6 іюня] онъ прибылъ въ Ефесъ“ β). „Вечеромъ въ тотъ же день прибылъ и Несторій и немедленно пригласилъ Кирилла принять вмѣстѣ съ нимъ участіе въ бдѣніи (σύναξις), которое начиналось по возжженіи свѣтильниковъ“. γ) Когда св. Кириллъ получилъ это приглашеніе, „онъ былъ не одинъ“: съ нимъ были не только египетскіе епископы, но и многіе другіе съ Флавіаномъ во главѣ. δ) Состоялся живой обмѣнъ взглядовъ и опредѣлились два теченія. Одни изъ епископовъ не желали входить ни въ какое соприкосновеніе съ Несторіемъ: присутствовать вмѣстѣ съ нимъ на σύναξις значило бы извѣстнымъ образомъ предрѣшать дѣло Несторія, которое призванъ рѣшить только соборъ. Другіе напротивъ полагали, что не явиться на σύναξις значило бы подать поводъ Несторію подозрѣвать ихъ въ пристрастіи, а сподвижникамъ Несторія—предлогъ „къ бунтамъ или возстаніямъ (for rebellions

---

[4]) Это видимо сакра Πάντων μὲν τῶν κοινῇ, посланная съ Кандидіаномъ. Mansi, IV, 1117E. ДВС, I, 486.

or seditions)". Всѣ были согласны, что σύναξις слѣдуетъ совершить мѣстному епископу. Но самъ Мемнонъ „боялся служить безъ соучастія собора" и поручилъ совершить богослуженіе своимъ клирикамъ. Строгіе, смотрѣвшіе на Несторія уже какъ на осужденнаго, рѣшились не присутствовать на бдѣніи. ε) Затѣмъ Кириллъ отвѣчаетъ на клевету, распущенную противъ него „даже до Константинополя". Говорятъ, что онъ привезъ съ собою цѣлое полчище „параволановъ": на дѣлѣ при немъ лично находится „одинъ или два служителя и нѣсколько клириковъ"; не болѣе того и у каждаго изъ египетскихъ епископовъ. Говорятъ, что онъ привезъ съ собою цѣлую флотилію съ пшеницею, чтобы подкупить бѣдныхъ епископовъ: а въ дѣйствительности онъ и себѣ-то покупаетъ хлѣбъ на чистыя деньги у ефесскихъ пекарей. Наконецъ ζ) онъ увѣдомляетъ о прибытіи епископовъ въ Ефесъ и о промедленіи (the delay in the arrival) епископовъ антіохійскаго и іерусалимскаго.

Е. Прошло нѣсколько дней. Въ столицѣ не получали никакихъ вѣстей изъ Ефеса, такъ какъ комитъ Кандидіанъ не пропускалъ никого [къ императору] ни сушею ни моремъ. Кириллъ изложилъ, что̀ происходитъ въ Ефесѣ, въ посланіи къ своимъ представителямъ въ Константинополѣ. И вотъ въ одинъ изъ дней церемоніймейстеръ доложилъ императору: „Епископы Комарій и Потамонъ, равно какъ отецъ Викторъ, желаютъ видѣть ваше величество".—„Пусть отецъ Викторъ подождетъ и войдутъ епископы", былъ отвѣтъ императора. Епископы вошли и послѣ обычныхъ привѣтствій попросили позволеніе представить посланіе, полученное изъ Ефеса. Θеодосій сидѣлъ въ коронѣ, не протянулъ и руки, чтобы взять посланіе, и сказалъ только: „это посланіе частнаго характера, не отъ епископовъ и не отъ комита Кандидіана". Этимъ сухимъ отвѣтомъ и закончилась аудіенція епископовъ. Въ смущеніи вышли они изъ зала. У двери встрѣтилъ ихъ авва Викторъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, взялъ у нихъ посланіе, самъ явился предъ лицо императора и послѣ обычнаго привѣтствія спросилъ: „почему ваше величество отказались принять эту записку?" Θеодосій повторилъ свой прежній отвѣтъ и прибавилъ: „кромѣ того я получилъ се-

годня донесеніе отъ комита Кандидіана: онъ обвиняетъ епископовъ, что они возбуждаютъ въ городѣ смуты".—„Но разъ вы приняли донесеніе отъ одного лица, вы должны выслушать и то, что пишетъ самъ соборъ",—возразилъ Викторъ и достигъ того, что въ аудіенцъ-залъ былъ призванъ сопровождавшій его монахъ Ѳеодосій и прочиталъ предъ императоромъ записку.

Ж) Ея содержаніе было слѣдующее.

α) Комитъ Кандидіанъ 22 пауни (16 іюня) прибылъ въ Ефесъ. Чтобы избѣжать церемоніальностей пріема, комитъ намѣренно вступилъ въ Ефесъ ночью. Раннимъ утромъ на слѣдующій день (17 іюня) онъ сдѣлалъ продолжительный визитъ Несторію. β) Затѣмъ, прибывъ на соборъ, комитъ привлекъ къ отвѣтственности Клавдія, Филоѳея, Евсевія схоластика, Харисія (Kharaseios) пресвитера, Серапіона, діакона Романа и монаха Зоила. „Я имѣю предписаніе изгнать ихъ изъ города", сказалъ комитъ, и не обращая вниманія на возраженіе отцевъ, что предписаніе въ этомъ родѣ могъ отдать развѣ Несторій, а никакъ не императоръ, Кандидіанъ заявилъ, что если названныя лица въ теченіе трехъ дней не уйдутъ изъ города сами, то онъ заставитъ ихъ подчиниться закону. γ) На слѣдующій день [18 іюня] клирики епископа Далматія кизикскаго схватили клириковъ епископа Іоанна приконнисскаго и подвергли „жестокимъ истязаніямъ, словно намѣреваясь предать ихъ смерти". Епископъ Іоаннъ принесъ жалобу собору; соборъ обратился съ представленіемъ къ Кандидіану: если виновные въ истязаніяхъ дѣйствительно клирики, то пусть онъ пошлетъ ихъ къ епископу Далматію, чтобы тотъ наказалъ ихъ, если они дѣйствительно виновны. Но можетъ быть истязатели— простые слуги; въ такомъ случаѣ пусть самъ комитъ дастъ имъ внушительную острастку; „ибо нѣкоторые, особенно зевксипписты, парадируютъ взадъ и впередъ по городу, безъ всякой причины запугиваютъ народъ, производятъ безпорядки и насъ же обвиняютъ въ нарушеніи спокойствія". Вслѣдствіе этого епископа Іоанна и клириковъ Далматія пригласили въ преторію; но вмѣсто того, чтобы наказать виновныхъ, самого Іоанна приговорили къ изгнанію изъ города. Кандидіанъ отозвался объ этомъ епископѣ

въ такихъ словахъ: „Господинъ мой Далматій сказалъ мнѣ, что онъ даже вовсе не христіанинъ и что онъ стоитъ того, чтобы его выгнали изъ города". Епископы протестовали, что комитъ судить епископа совсѣмъ не имѣетъ права; но Кандидіанъ, не смотря на возраженія, держалъ Іоанна подъ арестомъ. Опять отцы послали депутацію къ комиту. „Еслибы господинъ мой Далматій не приказалъ мнѣ, я не изгналъ бы ихъ изъ города", отвѣтилъ Кандидіанъ депутаціи. Только послѣ долгихъ пререканій освободилъ онъ епископа Іоанна изъ тюрьмы (prison), но все же рекомендовалъ ему уходить изъ Ефеса. δ) Кромѣ того Кандидіанъ не хочетъ прочитать посланія императора по дѣлу о Несторіи, ссылаясь на то, что еще не прибылъ Іоаннъ антіохійскій. Цѣлые 15 дней откладывается открытіе собора. Средства содержанія епископовъ мало по малу истощились. Между тѣмъ, какъ епископы слышали, Несторій писалъ Іоанну антіохійскому, чтобы тотъ не слишкомъ спѣшилъ въ Ефесъ. Кандидіанъ никого не выпускаетъ изъ города ни сушею ни моремъ, что бы въ Константинополѣ не узнали, чтó творится въ Ефесѣ. Поэтому епископы настоятельно просятъ своихъ адресатовъ аа) немедленно довести о всемъ изложенномъ до свѣдѣнія императора и умолить его бб) не вѣрить донесеніямъ Кандидіана изъ Ефеса, какъ вполнѣ ложнымъ, и вв) послать предписаніе о немедленномъ открытіи собора.

3. Вѣсть, что Кандидіанъ такъ обращается съ епископами, глубоко возмутила императора. „И между тѣмъ въ присланномъ мнѣ докладѣ,—говорилъ императоръ,—онъ обвиняетъ епископовъ, что они производятъ смуты въ городѣ, что съ предосудительною поспѣшностію они собрались на засѣданіе, хотя еще не прибылъ епископъ антіохійскій и было извѣстно, что онъ находится недалеко отъ Ефеса". На это Викторъ отвѣтилъ: епископъ антіохійскій самъ виноватъ, что „не смотря на близость [Антіохіи] къ Ефесу" не прибылъ даже и 15 дней спустя послѣ пятьдесятницы; другіе епископы даже изъ болѣе отдаленныхъ мѣстъ явились же къ самому сроку; онъ, Викторъ, не членъ собора и живетъ „болѣе чѣмъ въ сорока дняхъ пути отъ Константинополя", и однако, изъ послушанія только одному епископу, немедленно пустился

въ путь; тогда какъ Антіохія „только въ двадцати дняхъ пути“ отъ Ефеса; поэтому поведеніе епископа антіохійскаго неизвинительно.

На эту обвинительную рѣчь отвѣтилъ самъ императоръ:

„Епископъ антіохійскій желалъ прибыть къ назначенному сроку; но такъ какъ теперь въ Антіохіи и на всемъ востокѣ сильный голодъ, то епископъ просилъ, чтобы соборъ состоялся безъ него. Но я отправилъ къ нему второе посланіе, чтобы такъ или иначе (under any circumstances) онъ прибылъ на соборъ. Я, поэтому, не нахожу, чтобы онъ заслуживалъ обвиненій; напротивъ я полагаю, что если онъ и опоздалъ на нѣсколько дней, то по важнымъ причинамъ“.

На это Викторъ возразилъ, что опасности для вѣры важнѣе голода; что никакой голодъ не задержалъ бы епископа антіохійскаго, если бы онъ имѣлъ ревность о вѣрѣ; что „съ городомъ епископу нечего дѣлать: вѣдь не на немъ лежитъ обязанность поставлять хлѣбъ“; что „о благосостояніи города должны заботиться городскія должностныя лица“. Наконецъ и императоръ согласился, что епископъ антіохійскій заслуживаетъ порицанія.

Такъ какъ Кандидіанъ писалъ императору, что епископы — или по меньшей мѣрѣ 14 изъ нихъ—отлучили Несторія только по личной враждѣ, и въ свою очередь семь другихъ епископовъ отлучили Кирилла и Мемнона, то императоръ намѣренъ былъ кассировать оба эти рѣшенія и предписать, чтобы всѣ епископы сошлись вмѣстѣ съ Несторіемъ и Іоанномъ антіохійскимъ, разсмотрѣли совмѣстно догматическій вопросъ и рѣшили дѣло Несторія. Викторъ возразилъ, что такъ какъ императоръ еще не получилъ донесенія отъ самого собора, то и ниоткуда не видно, что 14 епископовъ отлучили Несторія; императоръ благоволитъ не посылать никакихъ указовъ въ Ефесъ, а вмѣсто того потребовать изъ Ефеса акты отъ той и другой стороны: тогда, взглянувъ на подписи, онъ легко пойметъ, гдѣ большинство; рѣшеніе этого большинства и слѣдуетъ утвердить. „Если угодно вашему величеству, я самъ пойду въ Ефесъ и принесу оттуда достовѣрныя извѣстія“. Императоръ рѣшилъ не посылать указа, а вытребовать чрезъ курьера дѣянія обѣихъ сторонъ, обнялъ Виктора и отпустилъ его.

И. Прошло нѣсколько дней, и изъ Ефеса получено отъ Кирилла новое письмо. Онъ жалуется, что клириковъ, прибывшихъ изъ Константинополя съ обвиненіями противъ Несторія, въ Ефесѣ запугиваютъ. А показанія ихъ важны для защиты вѣры.

Между тѣмъ, послѣ нѣкотораго колебанія, императоръ отправилъ въ Ефесъ магистріана Палладія съ новою сакрою и получилъ отвѣтъ отъ собора [5]).

Въ тоже время въ Константинополѣ началось движеніе. До сихъ поръ никто не зналъ, что̀ происходитъ на соборѣ. Теперь же проникъ и въ столицу глухой слухъ, что Несторій низложенъ. То одинъ то другой документъ изъ соборныхъ дѣяній получали въ Константинополѣ [6]); но оффиціально было ничего неизвѣстно. Тогда произошло знаменитое шествіе монашествующихъ ко дворцу съ пѣніемъ антифоновъ. Архимандритъ Далматій вошелъ къ императору и получилъ отъ него „посланіе, которое онъ послалъ собору“.

Прошло нѣсколько дней, и въ Константинополѣ секретно были получены самыя дѣянія собора. Авва Викторъ взялъ на себя рискъ доставить ихъ императору. Θеодосій спросилъ въ упоръ: „Кто принесъ эти дѣянія въ городъ?“ Викторъ не далъ на это отвѣта и высказался въ томъ смыслѣ, что важно знать не то, *какъ* доставлены эти дѣянія, а то, *что̀* въ нихъ написано. Четыре дня императоръ внимательно читалъ дѣянія. Слухъ объ этомъ проникъ въ народныя массы, и въ субботу въ великой церкви константинопольцы громко потребовали, чтобы имъ прочитали наконецъ дѣянія собора. Посланный императоромъ референдарій Димитрій успокоилъ народъ обѣщаніемъ, что завтра, въ воскресенье, дѣянія будутъ прочитаны. Это завтра наступило, и снова загремѣли въ

---

[5]) Это посланіе императора Τοῦ μεγαλοπρεπεστάτου имѣетъ дату: τῇ πρὸ τριῶν καλανδῶν ἰουλίων=29 іюня. Отвѣтное посланіе собора Τὸ μὲν ὑμέτερον κράτος отправлено καλανδῶν ἰουλίων, ἐπιφὶ ζ'=1 іюля. Mansi, IV. 1377C. 1380C. 1421B. ДВС., I, 785. 853. Вмѣсто ἐπὶ εἴκοσι καὶ μίαν ἡμέραν Mansi, IV, 1424B въ коптскомъ текстѣ ошибочно читается: «на 25 дней».

[6]) Эти документы видимо слѣдующіе: Τρίτῃ ταύτῃ [или Γίνωσκε?], Γινωσκέτω и Προσεδοκῶμεν Mansi, IV, 1136A. 1228. ДВС, I, 504 [или 607?]. 608. 609.

церкви тѣже неумолкаемыя требованія [7]). „Преторъ Максиміанъ“ появился „на амвонѣ“ и попытался было отсрочить чтеніе опять до завтра. Но народъ заявилъ, что не уйдетъ вонъ изъ церкви, пока дѣяній не прочитаютъ. Опять появился референдарій Димитрій и объявилъ, что онъ принесъ дѣянія, но передастъ ихъ для разслѣдованія клиру, потому что въ документахъ содержится отлученіе какъ Несторію, такъ и Кириллу и Мемнону... Цѣлая буря восклицаній была отвѣтомъ на это нежданое извѣстіе [8]). Анаѳемы Несторію, многолѣтія императору и Пульхеріи, протесты противъ отлученія Кирилла и Мемнона, и опять анаѳемы, и опять многолѣтія... Клирики наконецъ нѣсколько успокоили это возбужденіе, заявивъ, что въ числѣ 30 епископовъ, отлучившихъ Мемнона, были и еретики и отлученные, а Несторія отлучили 264 святые епископа.—Новая буря возгласовъ [9]), и громкою анаѳемою Несторію закончились треволненія этого σύναξις. А на слѣдующій день опять все тѣ же настойчивые клики. И дѣянія собора пришлось прочитать народу, начиная съ „перваго посланія, которое императоръ написалъ по просьбѣ архимандрита Виктора“, а ко-

---

[7]) «Христе Спасе нашъ, Ты побѣдиши!.. Пусть принесутъ посланіе св. собора! Единъ соборъ, едина вѣра! Несторія-іудея въ огонь! его и Анастасія съ нимъ! Единъ Богъ! Несторій отлученъ; въ огонь его! и Анастасія и Иринея! Въ огонь волшебника Иринея!.. Долой іудея! Возьмите подъ арестъ Анастасія! Отдайте достояніе церквей бѣднымъ; отдайте церкви то, что принадлежитъ ей! Сошлите его на берега Тигра или Роны! Многая лѣта Пульхеріи! она утвердила вѣру. Принесите посланіе собора народу; едина вѣра и единъ соборъ! Голоса наши императору!»

[8]) «Кириллъ епископъ! Несторій преданъ анаѳемѣ!.. Кириллъ и Мемнонъ не брали денегъ... Несторій и Анастасій отреклись отъ Христа! они взяли богатства Христовы, чтобы бороться противъ Христа. Отдайте же церкви что̀ принадлежитъ ей; возвратите ея сокровища. Изъ-за благъ міра сего они борются противъ вѣры—они взяли принадлежащее Богу...»

[9]) «Несторій иИриней пусть будутъ прокляты! Возьмите подъ арестъ Анастасія! Отдайте достояніе церкви бѣднымъ, ея богатства и ея сокровища! Магистра (Magistras) спряталъ Анастасія! Христосъ Господь нашъ побѣдилъ!.. Кириллъ и Мемнонъ сохранили вѣру! Сыны Лукія спрятали Анастасія!.. День и ночь простоимъ мы здѣсь, пока посланные не доложатъ императору и не принесутъ сюда дѣянія тридцати еретиковъ, безыменныхъ іудеевъ! Анаѳема Несторію и Іоанну! Пусть Несторія сожгутъ живымъ! Зачѣмъ Клавдіана держатъ подъ арестомъ? Клавдіана обижаютъ за то, что онъ православенъ: вотъ за что̀ его держатъ подъ арестомъ! Наши прошенія императору!»

митъ Кандидіанъ едва согласился послѣ 16-ти дневной отсрочки прочитать отцамъ собора. На текстѣ дѣяній и обрывается коптская рукопись. Англійскій ученый „надѣется, что текстъ этого документа будетъ вскорѣ изданъ сполна“, и тогда ученая критика получитъ возможность произнести свое рѣшающее слово.

II.

Въ 1880 — 1883 гг. Э. Ревилью издалъ „разсказы Діоскора о халкидонскомъ соборѣ“, держась радужнаго взгляда на ихъ историческую цѣнность. Въ 1884 г. [10]) пишущій эти строки высказалъ свое мотивированное мнѣніе, что эти разсказы—довольно грубоватый подлогъ позднѣйшаго времени. Въ томъ же 1884 г. проф. Крюгеръ [11]) призналъ въ „мемуарахъ Діоскора“ подлинный въ основѣ историческій памятникъ, существенно важный для пониманія тогдашняго положенія дѣлъ. Въ 1888 г. Э. Амелино [12]) издалъ наконецъ сполна все, чтò уцѣлѣло отъ „похвальнаго слова Діоскора Макарію“, и высказалъ твердую и обоснованную увѣренность, что мнимое слово Діоскора подложно. Дѣйствительно, въ цѣломъ его апокрифическій характеръ выступаетъ даже яснѣе, чѣмъ въ извлеченіяхъ у Ревилью.

Англійскій ученый оріенталистъ знакомитъ читателей съ однимъ коптскимъ же памятникомъ, который оставался до сихъ поръ

---

[10]) «Хр. Чт.» 1884, II, 583. 584; ср. «Хр. Чт.» 1885, I, 9—94.

[11]) *G. Krüger*, Monophysitische Streitigkeiten im Zusammenhange mit der Reichspolitik, Jena, 1884. SS. 13 [An der Echtheit dieser Memoiren lässt sich nicht zweifeln]. 61 [jene—Memoiren des Patriarchen für eingehendes Verständniss der Sachlage unentbehrlich werden]. 63.

[12]) *E. Amélineau*, Monuments pour servir à l'histoire de l'Égypte chrétienne aux IV-e et V-e siècles, Paris, 1888, p. XXVII: La valeur historique de cette oeuvre est donc minime et même très minime. «Trois Mousquetaires» A. Дюма имѣютъ столько же права — считаться историческимъ источникомъ, сколько и это «похвальное слово» Діоскора.—Ср. *W. Möller*, Lehrbuch der Kirchengeschichte, Freiburg i. B., 1889, I, 422. 440. И для *Гарнака* (Lehrbuch der Dogmengeschichte, Freiburg i. B., 1888, II, 369,3) «разсказы Діоскора»—доброкачественный источникъ — Настолько я «заблуждался» когда писалъ «Хр. Чт.» 1885, I, 41 [78]!

совсѣмъ неизвѣстнымъ. Быть можетъ, и этой новинкѣ суждено стать предметомъ пререканій въ исторической критикѣ. Самъ англійскій авторъ хорошаго мнѣнія о коптскомъ памятникѣ. „Правда, это сказаніе представляетъ нѣкоторыя трудности; но во многихъ пунктахъ эти „акты" гармонируютъ съ исторически извѣстными данными и восполняютъ ихъ". Между другими коптскими памятниками, агіографическими въ особенности, есть и „сполна апокрифическіе". Но „можно утверждать, что разсматриваемые акты всецѣло другого характера. Прежде всего, они переведены съ греческихъ подлинниковъ. Ихъ слогъ, ихъ пріемы (manner), ихъ литературная форма,—не коптскіе. Затѣмъ, и первое впечатлѣніе говоритъ за ихъ подлинность". Какъ произведеніе лица крайне пристрастнаго, эти акты конечно односторонни. Но авторъ глубоко убѣжденъ въ правотѣ своего дѣла и ни мало не скрываетъ своей точки зрѣнія. Это—мемуары, интересные и своимъ субъективизмомъ, раскрывающіе предъ нами внутренніе мотивы дѣйствующихъ лицъ [13]).

Мое мнѣніе объ этомъ памятникѣ менѣе благопріятно. Въ цѣломъ, это произведеніе апокрифическое. Но — нужно согласиться съ англійскимъ ученымъ — этотъ апокрифъ очень выгодно отличается отъ тѣхъ истово коптскихъ фабрикатовъ, которые видимо предназначались для „назиданія" совсѣмъ темной массы читателей. „Акты" поражаютъ чистотою работы: въ нихъ просвѣчиваетъ историческая почва. Можетъ быть они написаны прямо для „интеллигенціи". Это достоинство ихъ допускаетъ различныя объясненія.

аа) Или ихъ авторъ отлично изучилъ существующіе историческіе памятники даннаго времени и потому повѣствуетъ такъ удачно. бб) Или этотъ авторъ былъ почти современникъ событія и потому, какъ знатокъ лицъ и положеній, могъ „возсоздать" изображаемую эпоху. вв) Или наконецъ онъ имѣлъ подъ руками дѣйствительно подлинные *несохранившіеся до насъ* памятники и воспроизвелъ ихъ по-своему.

---

[13]) pp. 114. 115. 92. 94. 95.

Нужно признаться, что историческая критика была бы безсильна, еслибы эти три предположенія оправдались надъ подобными памятниками. Говорятъ: se non è vero, è ben trovato. А умный современникъ можетъ довести свой разсказъ до такой высокой степени *правдоподобія*, что оно не будетъ, для читателя, отдѣленнаго чуть не 16-ю вѣками, разниться и отъ самой *правды*. Но, въ данномъ случаѣ, авторъ апокрифа ааа) не достаточно изучилъ историческіе памятники, сохранившіеся и до нашего времени, ббб) писалъ свой разсказъ съ опредѣленною тенденціею, которая застилала ему глаза и потому ввв) и своимъ спеціальнымъ источникомъ (существованіе котораго я допускаю) не умѣлъ воспользоваться по надлежащему. Благодаря всему этому и можно апокрифическіе акты подвергнуть исторической критикѣ.

III.

Прежде всего разсмотримъ тѣ itineraria, которыя указаны въ актахъ.

1. Архимандритъ Викторъ весною изъ своего монастыря прибылъ на *десятый* день въ Александрію [14]) Такая быстрота пла-

---

[14]) Для контроля этого показанія мнѣ доступны только слѣдующія данныя: 1. *Meyer*'s Reisebücher: Der Orient, I: Aegypten (Leipzig 1881) 96. 97. 185. 229. 231. 242. 247. 2. *Murray*'s Handbook, 18. 145. 146. 147. 225. 394. 422. 438. 3. Statistique de l'Égypte: 1872 (Alexandrie 1872), 73. 74. 4. *AB.Clot-Bey*, Aperçu général sur l'Égypte (Bruxelles, 1840), I, 85. 92—97 [метеорологическія наблюденія въ Каирѣ за пять лѣтъ 1835—1939, въ томъ числѣ указано направленіе вѣтровъ въ каждый мѣсяцъ на основаніи отмѣтъ ихъ по три раза въ сутки]. 105. II, 348. 349.| 376. 377. 5. *CRitter*, Die Erdkunde, (Berlin, 1822), I, 1, 772—774. 6. *Vansleb*, Nouvelle relation d'un voyage fait en Égypte (Paris, 1677), 170. 171. 420. 421. 7. Voyage du sieur *Paul Lucas* fait en 1714 etc. (Rouen, 1724), III, 81. 82. 8. *JMHartmann*, Erdbeschreibung und Geschichte von Africa: Das Paschalik Aegypten (Hamburg 1799), I, 137. 138. 745. 746 и 9. карта Египта *Жакотена* и *Жомара*.—По английскому автору, разстояніе по Нилу отъ Ф-воу до Александріи—«болѣе чѣмъ 600 [англійскихъ] миль» = болѣе 965.6 километровъ. Точнѣе, это разстояніе = около 917 km. [Александрія-Каиръ=180 англ. миль *Murray*=289.68 km.; Каиръ (Βαβυλὼν)-Асьютъ (Λυκόπολις)=409 km. *Meyer* 247.5 или 249.5 англ. миль *Murray* неточно); Асьютъ-Гу (Διόσπολις μικρὰ)=204km. *Meyer Murray*; Гу-Фау=ок. 14 km. на картѣ].—Въ дальнѣйшей справкѣ въ *этомъ* примѣчаніи—даты по *грегоріан*-

ванія—какъ замѣчаетъ англійскій авторъ—„конечно необычна въ настоящее время“. Дѣйствительно, такое путешествіе возможно, но не особенно вѣроятно. Цифра „10 дней“ такъ условно кругла... Не „перерисовалъ“ ли коптскій авторъ, когда обставилъ этотъ срокъ положительными датами: 26 фаменотъ—5 фармути?

скому календарю. Во сколько времени можно совершить это плаваніе внизъ по Нилу?

Отъ Каира до Розетты (внизъ по Нилу) 162.5 англ. миль *Murray*= 263.5 km., и на это плаваніе требуется отъ 36 до 96 часовъ.

	Выбылъ изъ Каира.	Приблизительное число часовъ.	Путешественникъ.	Годъ путешествія.
а.	9 августа. . . .	48	P. Lucas	1717
б.	24 сентября . . .	48	Irwin	1777
в.	12 октября . . .	36	Vansleb.	1673
г.	19 октября . . .	60	Fabri.	1484?
д.	4 ноября. . . .	54	Tucher	1480?
е.	1 января. . . .	50	Helffrich	1565
ж.	4 января. . . .	53	Löwenstein . . .	1562?
з.	30 мая	96	Vansleb	1672
и.	?	50	Breüning	1579

Въ *а* [«navigation fort heureuse»], *в* [«le bon vent—dans deux nuits et un jour»], *е* и *и*—вѣтеръ попутный; *гз*—вѣтеръ противный. Изъ этой таблички видно, что въ исключительно благопріятномъ случаѣ (*в*) судно плыветъ со скоростію до 7.25 km. въ часъ; но болѣе обычная скорость (*абдежи*)—5.5 km.; а въ случаяхъ неблагопріятныхъ она ниспадаетъ до 3 km.—Быстрота плаванія зависитъ отъ двухъ величинъ: аа) отъ быстроты теченія Нила и бб) отъ вѣтра. Быстрота теченія въ разныхъ мѣстахъ различна: 28 марта 1799 г. въ Асьютѣ — 27°10′14″ с. ш., 31°13′35″ в. д. Грин. [по Nouet] — она оказалась 1.31 mètre въ секунду = 4.36 km. въ часъ; а въ Манфалутѣ, 42 km. ниже Асьюта по теченію, въ томъ же мартѣ 1799 г. средняя скорость была лишь 0.6 mètre въ секунду=2.16 km. въ часъ. Но во время половодья (августъ—октябрь) вездѣ теченіе быстрѣе (напр. въ Асьютѣ 1.97 m. въ сек.=6.99 km. въ часъ). Архимандритъ Викторъ совершилъ свое плаваніе во время низкаго стоянія водъ Нила, когда среднюю скорость теченія полагаютъ отъ 3.7 (*Clot-Bey*) до 4.8 (*Murray*) km. въ часъ.—Еще важнѣе значеніе вѣтра. Въ Египтѣ вѣтры дуютъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ, и слѣдующая табличка, основанная на данныхъ 1835—39 гг., не лишена значенія для справки. *Мартъ Апрѣль* грегоріанскіе, СВЮЗ=Сѣверъ Востокъ Югъ Западъ, *до Каира*= теченіе Нила отъ Фау до Каира, *до Александріи*=теченіе Нила отъ Каира до Александріи. Цифры, стоящія противъ этихъ словъ, означаютъ процентныя

2. Викторъ 2 пахонъ отправился изъ Александріи и на 24-й день прибылъ въ Константинополь, 25 пахонъ. Разумѣется *можно* было и въ 431 г. совершить это путешествіе и въ болѣе короткій срокъ [15]); но сами по себѣ эти 24 дня ничего неестественнаго не представляютъ.

отношенія; такъ напр. *Апрѣль* СВ.8.0 показываетъ, что среднимъ числомъ въ апрѣлѣ $\frac{8\times30}{100}=2.4$ сутокъ вѣтеръ дуетъ *съ* сѣверо-востока; а *до Александріи* СВ 9.0 означаетъ, что $\frac{9}{100}\times289.7$ km.$=26.07$ km., е. на всемъ пути отъ Каира до Александріи Нилъ (resp. каналъ александрійскій) только на протяженіи 26 километровъ течетъ *на* сѣверо-востокъ.

	С.	СВ.	В.	ЮВ.	Ю.	ЮЗ.	З.	СЗ.
Мартъ . .	34.0	12.3	1.5	0.2	6.4	11.6	15.5	18.5
Апрѣль . .	36.0	8.0	2.9	0.2	4.4	8.9	22.0	17.3
до Каира .	48.9	7.3	0	0	0	0	19.6	24.1
до Александр	30.0	9.0	0	0	0	14.7	15.6	30.6

Изъ этой таблички ясно, что архимандритъ Викторъ долженъ плыть *большею частію* (48.9+30.0) *на* сѣверъ, а вѣтеръ вѣроятно *большею частію* (34+36) дулъ *съ* сѣвера. Правда, и попутный южный вѣтеръ весною въ Египтѣ бываетъ чаще, чѣмъ въ другое время года (въ іюнѣ, іюлѣ, августѣ и сентябрѣ вмѣсто 6.4 и 4.4 пришлось бы поставить чистый 0); но вѣроятность, что и въ 431 г. преобладали встрѣчные вѣтры съ сѣвера и сѣверо-запада, очень велика. Поэтому, или 431 годъ былъ въ этомъ отношеніи исключительный (въ родѣ 1836 г., когда *Мартъ*=16.1Ю, *Апрѣль*=11.1Ю), или же, вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ, довольно значительную часть пути аввѣ Виктору пришлось плыть не на парусахъ, а на веслахѣ. Вообще нельзя думать, что,—допустимъ, 9½ сутокъ,—всѣ 228 часовъ онъ плылъ, не дѣлая нигдѣ остановокъ. Во время сравнительнаго мелководья плыть ночью и небезопасно (песчаныя мели). Слѣдовательно возможно, что на дѣйствительное плаваніе изъ 228 часовъ пошли лишь 150, т. е, τὸ πλοῖον тавеннисіотовъ должно было идти со скоростію 6 километровъ въ часъ. А эта скорость, даже и для плаванія при высокомъ уровнѣ воды, настолька значительна, что коптское извѣстіе представляется не очень вѣроятнымъ. Ср. любопытное противорѣчіе съ этимъ въ 3 (стр. 69), гдѣ Викторъ заявляетъ, что отъ Фвоу до Константинополя «болѣе 40 дней пути»; между тѣмъ какъ 10+24=только 34 дня.

[15]) Викторъ «отбылъ», started, изъ Александріи и «прибылъ», arrived, въ Константинополь. Сухимъ путемъ или по морю? По первое было бы неестественно. По Itinerarium Antonini augusti [ср. «Хр. Чт.» 1891, I, 512e], 139.124 Wess. отъ Константинополя до Никомидіи = 65 mp.
отъ Никомидіи до Антіохіи . . . . = 682 »
отъ Антіохіи до Александріи . . . = 802 »

слѣдоват. отъ Константинополя до Александріи=1.549 mp.=2.290.1 km.

3. Несторій 20 мая отправился изъ Константинополя и вечеромъ 8 іюня, слѣдовательно на 18-й день пути прибылъ въ Ефесъ [16]). И противъ этого срока нельзя возражать съ рѣшительностью.

Для такого сухопутнаго разстоянія 23 дня — срокъ необычайно короткій. Ср. ниже прим. 16. А моремъ отъ Александріи до Константинополя — около 1.550 km. [Отъ Смирны до Александріи—524 морскія мили (см. карту «Aegypten und Sues-Canal», Gotha: Justus Perthes: 1882)=972.7 km. Отъ Константинополя до Смирны=571 km. *Kiep.*—Этимъ условнымъ *Kiep.* я отмѣчаю разстоянія, вымѣренныя мною по Nouvelle Carte Générale des Provinces Asiatiques de l'Empire Ottoman par *H. Kiepert* [1: 1.500000], Berlin 1884, и затѣмъ *умноженныя на* $^{11}/_{10}$ для поправки неточностей при измѣреніи извилинъ путей, которыя и невозможно передать на генеральной картѣ]. Изъ Дѣян. 27, 3 извѣстно, что ап. Павелъ, отплывъ изъ Кесаріи, «на другой день присталъ къ Сидону». Слѣд. корабль могъ пройти это разстояніе (=128 km.) въ сутки. Die Nautik der Alten, von Dr. *A. Breusing*, Direktor der Seefahrtschule in Bremen (Bremen 1886), 149. 150 [курсъ въ 10 штриховъ]. При равныхъ условіяхъ изъ Александріи въ Константинополь можно бы прибыть на 13-й день. Но, съ другой стороны, отъ Александріи до мыса Акаманта (с. з. оконечность Кипра, нынѣ Cap Arnaouti) прямое разстояніе 483 km. И однако шедшій [при менѣе благопріятномъ курсѣ въ 8 штриховъ] изъ Александріи корабль только на седьмой день поравнялся съ Акамантомъ. Lucian. nav. 7: ἀπὸ τῆς Φάρου ἀπάραντας οὐ πάνυ βιαίῳ πνεύματι, ἑβδομαίους ἰδεῖν τὸν 'Ακάμαντα у *Breusing*, 152—154. Но 483 : 6.5=74.3 km. въ сутки. Съ такою скоростію можно прибыть въ Константинополь на 21-й день Слѣдовательно 23—24 дня до Константинополя—срокъ вполнѣ вѣроятный.

[16]) Itinerarium Antonini и Itinerarium Burdigalense не даютъ полнаго пути отъ Константинополя до Ефеса, а цифры Tabula Peutingeriana спутаны и ненадежны. — a) Развалины Кизика-Banderma [Πάνορμος]-Sousourlou *Kiep.* = 33.5 mp. b) Isn k[Νίκαια]-Broussa[Προῦσα]-Ouloubad-Sousourlou *Kiep*=115.3 mp. c) Sousourlou - Mendehoura[Μάνδραι] - Akhissâr [Θυάτειρα] - Sart [Σάρδεις]-Tiré [Τύρρα] - Ayasluk [Ἔφεσος] *Kiep* = 217.5 mp. d) Изъ Константинополя въ Кизикъ чрезъ Мраморное море ок. = 75.6 mp. = 111.8 km. = около 20 часовъ моремъ. e) Itin. Anton., 139—141Wess, Константинополь-Халкидонъ-Никомидія-Никея=109 mp. Слѣдовательно Несторій могъ аа) переправиться моремъ въ Кизикъ [ок. 20 часовъ] и затѣмъ ѣхать 251 mp. сухимъ путемъ до Ефеса; бб) или же переправиться въ Халкидонъ и ѣхать въ Ефесъ чрезъ Никею. Этотъ сухой путь=442 mp.—Дальнѣйшій вопросъ: сколько римскихъ миль проѣзжали тогда въ одинъ день? Въ VI в. нормальный дневной путь полагали въ 30 mp. [*Прокопій* эту мѣру обыкновенно называетъ «ἡμέρας ὁδὸς εὐζώνῳ ἀνδρί». de aedif 3, 2; 6, 2. 3, pp. 249. 332. 333Bonn.; de b. Pers. 2, 5, p. 171, и поясняетъ — de b. Vand. 1, 1. 17 pp. 312. 384 — : μιᾶς δὲ ἡμέρας ὁδὸς ἐς δέκα καὶ διακοσίους διήκει σταδίους, ὅσον 'Αθήνηθεν Μέγαράδε ἰέναι... ἐς Δέκιμον [=ad Decimum, т. е. въ 10 mp. отъ Карѳагена] ἀφικόμεθα, σταδίοις ἑβδομήκοντα Καρχηδόνος ἀπέχον. И такой «многоопытный мужъ» въ

4. Наиболѣе затрудненій представляетъ разсказъ о пути св. Кирилла въ Ефесъ. Все, что извѣстно объ этомъ, сводится къ слѣдующему:

Въ своемъ „апологетикѣ къ имп. Θеодосію“ св. Кириллъ пишетъ [17]):

«А я съ радостію разстался съ родиною, пустился въ путь изъ вашей, христолюбивый государь, Александріи. Бурный вѣтеръ надувалъ парусъ и словно громъ гремѣлъ надъ кораблемъ; высоко поднималась волна и пѣнистыми брызгами обдавала верхъ кормы. А я и тогда благодушествовалъ: опасность отъ бури для меня значила меньше, чѣмъ высокое счастіе—видѣть вашу державу».

А въ своемъ „первомъ посланіи“ [Χάριτι] въ Александрію „изъ Родоса“ онъ говоритъ [18]):

этомъ отношеніи, какъ *Косма Индикоплевстъ*, въ своей Χριστιανικὴ τοπογραφία (l. 2, p. 138B *Montfaucon*) считаетъ μοναὶ ἀπὸ μιλίων λ΄]. Какъ видно изъ Itinerarium Burdigalense (333 г.), на римскихъ дорогахъ были станціи двухъ разрядовъ: на однихъ только перемѣняли лошадей или муловъ (это—«mutationes»), на другихъ путники оставались ночевать (это—«mansiones»=μοναί=σταθμοί). Слѣдовательно на каждой «mansio» была гостинница (франц. maison=«домъ» есть именно лат. mansio). Смотря по трудности пути и близости отъ городовъ, разстоянія между mansiones были неодинаковы: изрѣдка—болѣе 30 mp. [mansio Catavolo=31 mp., mansio Arcas=32 mp.], иногда [Антіохія, Лаодикія] даже только по 16 mp., но большею частію около 25 mp. Отъ Тарса до Антіохіи было 7 mansiones на 141 mp.; отъ Тира до Кесаріи—3 mansiones на 73 mp.; отъ Кесаріи до Іерусалима 4 mansiones на 116 mp.—Юлій, епископъ римскій, пишетъ: οἱ ἀπὸ τριάκοντα καὶ ἓξ μονῶν ἐν Ἀντιοχείᾳ ὀνομάσαντές τινα ὡς ἐπίσκοπον — εἰς τὴν Ἀλεξάνδρειαν (Athanas. apol. c. ar., n. 29). Отъ Антіохіи до Александріи — 802 mp.: 36=22.з mp. μονή. — Если принять какъ среднюю величину для mansio 25 mp., то изъ Кизика въ Ефесъ Несторій могъ прибыть въ 10 дней и во всякомъ случаѣ въ 11. Но если онъ отправился чрезъ Никею, то 442 : 25 = 17.68 дней. Такимъ образомъ *18 дней* въ коптскомъ памятникѣ оказываются цифрою хорошаго происхожденія.

[17]) Mansi, V, 249B: ἐγὼ δέ, ὦ φιλόχριστε βασιλεῦ, ἔχαιρον μὲν τῆς ἐνεγκούσης ἀπαίρων καὶ τῆς ὑμετέρας Ἀλεξανδρείας ἐκδεδημηκώς· πνεύματος δὲ λάβρου καταχεομένου τῶν ἱστίων καὶ μονονουχὶ καταβροντῶντος τῆς νεώς, αἰρομένου τε εἰς ὕψος τοῦ κύματος καὶ ταῖς τῶν οἰάκων περιπαφλάζοντος κεφαλαῖς, εὔθυμος καὶ οὕτω διετέλουν, τὸν ἐκ τοῦ χειμῶνος κίνδυνον ὀπίσω τιθεὶς τῆς εὐκταιοτάτης μοι θέας τοῦ ὑμετέρου κράτους. ДВС. II, 291. Подъ т. т. οἱ. κεφαλαῖς я понимаю τὰ ἄκρα κόρυμβα, т. е. возвышавшееся на кормѣ древнихъ кораблей рѣзное украшеніе въ видѣ лебединой головы или же въ видѣ фигурнаго пера, словно вѣеръ осѣнявшаго голову кормчаго. Breusing, 42. 43. 50. 68. 76. 88.

[18]) Mansi, IV, 1116C (ἀπὸ Ῥόδου πρώτη): Χάριτι καὶ φιλανθρωπίᾳ τοῦ—Χρι-

«Благодатію и человѣколюбіемъ Спасителя всѣхъ насъ Христа переплыли мы широкое и великое море при вѣтрахъ легкихъ и тишайшихъ, такъ что, совершивъ плаваніе безъ всякаго страха и опасности, прибыли въ Родосъ, славословя Бога и возглашая съ псалмопѣвцемъ: *Ты владычествуеши державою морскою и возмущеніе волнъ его Ты укрощаеши*».

Наконецъ во „второмъ посланіи" [Διφῶντι] александрійцамъ онъ говоритъ [19]):

«Опять жаждалъ я привѣтствовать васъ, и мнѣ представился удобный случай писать вамъ. Итакъ мы живемъ въ Ефесѣ, вашими молитвами, въ добромъ здоровьѣ. Близится наконецъ и время собора».

Спрашивается: когда была та буря, о которой св. Кириллъ упоминаетъ въ „апологетикѣ": на пути ли отъ Александріи къ Родосу? или на пути отъ Родоса къ Ефесу? Но слова: „при вѣтрахъ легкихъ и тишайшихъ — безъ всякаго страха и опасности" такъ опредѣленно ясны, что первая альтернатива становится если не наотрѣзъ невозможною [20]), то по меньшей мѣрѣ очень неудобною. И такъ — отвѣтъ: видимо на пути отъ Родоса къ Ефесу. Но въ такомъ случаѣ, если посланіе Διφῶντι есть дѣйствительно „второе" (а не третье) и непосредственно слѣдуетъ за посланіемъ Χάριτι, нужно думать, что и во вторую половину плаванія ничего чрезвычайнаго не случилось, и буря была эпизодомъ кратковременнымъ, такъ что св. Кириллъ не считаетъ нужнымъ и упоминать въ посланіи Διφῶντι объ этой части своего плаванія. Но можетъ быть будетъ проще предположить, что „второе" посланіе въ дѣйствительности утрачено, а Διφῶντι есть только „второе" изъ сохранившихся. Авторитетъ надписаній—далеко нерѣшительный [21]).

στοῦ τὸ πλατὺ καὶ μέγα διενηξάμεθα πέλαγος ἁπαλοῖς τε καὶ ἡμερωτάτοις πνεύμασιν, ὥστε δίχα φόβου καὶ κινδύνου παντὸς τὸν πλοῦν ἐξανύσαντας ἀφικέσθαι εἰς τὴν Ῥοδίων — λέγοντας — καὶ τὸν σάλον τῶν κυμάτων αὐτῆς σὺ καταπραΰνεις. ДВС, I, 483.

[19] Mansi, IV, 1117A (δευτέρα): Διφῶντι μοι πάλιν—τὴν πρόσρησιν, δέδοται τοῦ γράφειν καιρὸς καὶ τόπος. ἐσμὲν τοιγαροῦν ἐν τῇ 'Εφεσίων—ἐν εὐρωστίᾳ διατελοῦντες καὶ λοιπὸν ἐγγὺς ἔχοντες τὸν τῆς συνόδου καιρόν. ДВС, I, 484.

[20]) Въ крайнемъ случаѣ можно бы опереться лишь на слова: *возмущеніе волнъ его Ты укрощаеши* и толковать ихъ—съ натяжкою—въ томъ смыслѣ, что бурный вѣтеръ очень скоро стихъ.

[21]) Напр. margo изъ cod. Seguier. οὐκ ἐνεφανίσθη (Mansi, IV, 1117D)—прямая ошибка.

Почва для посланія „къ епископамъ Комарію и Потамону и архимандриту Виктору“, такимъ образомъ, расчищена. Какъ же обстоитъ дѣло съ новымъ памятникомъ? Увы, довольно плохо для его подлинности. Его авторъ, кажется, не зналъ посланія Χάριτι и плохо понялъ соотвѣтственное мѣсто въ „апологетикѣ“. Если неназванный островъ есть Родосъ и буря сбила корабль съ курса къ берегамъ Ликіи еще до времени написанія посланія Χάριτι, то коптскій авторъ повѣствуетъ самоочевидную небылицу. Если же этотъ „сильный штормъ“ случился по отбытіи изъ Родоса, то плохо уже то, что авторъ забываетъ назвать свой „островъ“: вѣдь Родосъ былъ митрополіею епархіи τῶν κυκλάδων νήσων, и епископы, читавшіе посланіе, естественно должны были спросить, о какомъ же островѣ рѣчь идетъ. Затѣмъ, какой невѣроятной силы и внезапности былъ тотъ встрѣчный West-Süd-Wester, который могъ вышедшій уже изъ Родоса корабль обратно пригнать къ берегамъ Ликіи, не давъ ему возможности укрыться ни за полуостровомъ Родіею, ни за островомъ Родосомъ! И ни о чемъ подобномъ не говоритъ св. Кириллъ въ своемъ апологетикѣ! Та буря, о которой тамъ идетъ рѣчь, несомнѣнно благопріятна его плаванію: вѣтеръ былъ не противный, а попутный. а) Отдаваться мысли о предстоящемъ свиданіи съ императоромъ психологически не совсѣмъ естественно, когда буря относитъ корабль въ противную сторону отъ Ефеса. б) Предлогъ κατα — въ словѣ καταχεομένου технически означаетъ вѣтеръ съ кормы, а не съ носа, вѣтеръ попутный [22]), и потому-то в) парусъ на кораблѣ не спущенъ и г) брызги обдаютъ корабль съ кормы. д) Можно наконецъ замѣтить, что легаты изъ Рима, являющіеся на соборѣ лишь 10 іюля, слѣдовательно спустя 33 дня по пятьдесятницѣ, такъ запоздали вслѣдствіе медленнаго плаванія и бурныхъ противныхъ вѣтровъ [23]), слѣдовательно въ маѣ—іюнѣ 431 г. преобладающіе вѣтры дули не съ запада и не съ югозапада, а съ востока или сѣверовостока.

---

[22]) Breusing, 163. 168; ср. Дѣян. 27, 14.

[23]) Mansi, IV, 1289B: εἰ καὶ τὰ μάλιστα ἡμᾶς τὸ βράδος τοῦ πλοὸς καὶ τοῦ χειμῶνος ἐναντιότης κατέσχεν ДВС, 678.

По всему этому никакъ нельзя сказать, что новый памятникъ „гармонируетъ“ на этомъ пунктѣ съ историческими данными: въ самомъ лучшемъ случаѣ онъ ничѣмъ не подтверждается.

5. Своеобразно представленіе коптскаго автора о разстояніи до Ефеса отъ Антіохіи. То фактъ, что Іоаннъ антіохійскій съ епископами „востока“ прибылъ въ Ефесъ лишь въ пятницу 26 іюня, употребивъ на путешествіе 40 дней. Видимо дорога была плоха, такъ какъ обыкновенно считали отъ Антіохіи до Ефеса отъ 30 до 33 дней пути [24]). Очевидно лишь 18 мая Іоаннъ отправился изъ Антіохіи. Онъ не рѣшился выступить ранѣе и оставить свою паству въ томъ смятенномъ состояніи, въ какое повергли ее и бывшій тогда въ Антіохіи голодъ и несвоевременные проливные дожди, грозившіе городу наводненіемъ [25]). Вѣроятно тѣже ливни попортили и дорогу. Но нашъ египтянинъ смѣло увѣряетъ, что отъ Антіохіи до Ефеса „близко“, всего лишь

---

[24]) Ἡμέρας ἔχω τριάκοντα· τοσοῦτος γὰρ ὁ κύκλος τῆς ὁδοῦ ἔχει, пишетъ самъ Іоаннъ антіохійскій [Mansi, IV, 1121B. ДВС, I, 490], и его показаніе повторяетъ Евагрій, h. e. 1, 3. Но Θеодоритъ кирскій, низложенный на ефесскомъ соборѣ 449 г., пишетъ: ἡμᾶς—πέντε καὶ τριάκοντα σταθμοῖς ἀφεστηκότας, κατέκριναν (epist. 118. 119. 113. 140). Въ это время онъ находился въ Кирѣ, πόλις δὲ αὕτη δυσὶ σταθμοῖς Ἀντιοχείας ἀπέχουσα (hist. relig., c. 3, p. 1134 *Schulze*). Слѣд. отъ Антіохіи до Ефеса 35—2=33 mansiones. Путь этотъ въ Itin. Ant. и Itin. Burd. не указанъ, Tabula Peutingeriana ненадежна. Но а) Антіохія—Тарсъ по картѣ Киперта=130.46 × 1,1 = *Kiep*. 143.5 mp. И дѣйствительно, по Itin. Burd., это разстояніе=141 или 142 mp. б) Tarsoûs-Porsouk-Eregli-Ismil-Konia [Ἰκόνιον] *Kiep*. = 219.2 mp. в) Konia-Kerelu-Karagatch-Yalowatch[Ἀντιόχεια Πισιδίας]-Karaslan-Kassaba[Σύνναδα] *Kiep*. = 156.7 mp. г) Konia-Yorgân Ladik[Λαοδίκεια κατακεκαυμένη]-Ilgoun [Τυριαῖον]-Akscheher [Φιλομήλιον]-Karaslan-Kassaba *Kiep*. = 157.3 mp. д) Konia-Beyscheher-Bayamlu-Beldjeis-Isbarta [Βάρις]-Bourdour [Ζώρζηλα]-Khonas [Κολοσσαὶ]-Λαοδίκεια Φρυγίας-Saraikeui *Kiep*.=277.1 mp. е) Kassaba-Sandouklu-Ischikli-Kaïbazâr-Saraïkeui *Kiep*. = 128.9 mp. ж) Saraïkeui-Naslu [Νύσα]-Aidan [Τράλλεις]—Ayasluk[Ἔφεσος] *Kiep*.=110.2. — Итакъ отъ Ефеса въ Иконію южнымъ путемъ, чрезъ Колоссы, [жд]=387.3 mp. и слѣдовательно до Антіохіи=750 mp.; а отъ Ефеса на Иконію сѣвернымъ путемъ чрезъ Синнаду [жег]=396.4 mp. и слѣд. до Антіохіи=759 mp. Такимъ образомъ, при mansio въ 25 mp., до Антіохіи было именно 30 дней пути.—Изъ Strab., 14, 29, p. 663, можно вывести, что, по счету Артемидора ефесскаго, отъ Ефеса до Иконіи 1585 стадій; но точная мѣра этой стадіи неизвѣстна.

[25]) Mansi, IV, 1272E (τεσσαράκοντα γὰρ μονὰς ὡδεύσαμεν). 1273A. ДВС, I, 659

20 дней пути, и никакъ не хочетъ допустить, что Іоаннъ замедлилъ по причинамъ во всякомъ случаѣ серьезнымъ. Сказалась ли въ этомъ слабость географическихъ свѣдѣній автора? Мнѣ представляется однако, что именно здѣсь коптъ эксплуатируетъ какой-то полемическій памятникъ, написанный въ Египтѣ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій 431 г. Всеисцѣляющее время еще не вступило въ свои права. Еще живо чувствовали ту обиду, которая всѣмъ египтянамъ нанесена была въ лицѣ ихъ блаженнѣйшаго папы епископомъ антіохійскимъ — и все изъ-за того, что самъ же Іоаннъ не поспѣлъ во-время въ Ефесъ! Подъ этимъ страстнымъ возбужденіемъ нетрудно было впасть въ эгоистическое равнодушіе къ чужой бѣдѣ, какъ голодъ и смятеніе въ Антіохіи. О разстояніи между Ефесомъ и Антіохіею по сухому пути имѣли представленіе довольно смутное; но египетскимъ ли морякамъ не знать, что отъ Антіохіи до ея порта—Селевкіи было едва 19 римскихъ миль [26]), а отъ Селевкіи до Родоса морской путь лишь немного длиннѣе, чѣмъ отъ Александріи до Родоса [27])? Такъ легко было увѣрить себя, что двадцати дней до Ефеса вполнѣ достаточно.

IV.

Въ коптскомъ памятникѣ названы по именамъ 33 лица. Это императоры 1. Ѳеодосій и Валентиніанъ, августа Пульхерія, епископы Несторій константинопольскій, 5. св. Кириллъ александрійскій, Іоаннъ антіохійскій, [св. Ювеналій] іерусалимскій, Мемнонъ ефесскій, св. архимандритъ Далматій, комиты 10. Кандидіанъ и 11.Ириней, 12. Клавдій, Филоѳей, Серапіонъ, 15. діаконъ Романъ, монахи Зоилъ и Ѳеодосій, преторъ Максиміанъ, референдарій Димитрій, 20. Магистра, 21. дѣти Лукія, епископы 22. Комарій, Потамонъ, Флавіанъ, 25. Далматій кизикскій и Іоаннъ приконнисскій, пресвитеръ Харисій, Евсевій схоластикъ, магистріанъ

---

[26]) Procop., de b. Pers., 2, 11, p. 199Bonn: «130 стадій».
[27]) Около 412 mр. отъ Александріи, около 460 mр. отъ Селевкіи.

Палладій, 30. Лавсъ, Анастасій, Клавдіанъ и 33. архимандритъ Викторъ.

Изъ этихъ именъ можно не останавливаться во-первыхъ на 11, которыя всѣмъ хорошо извѣстны даже изъ учебниковъ (1 — 11) и во-вторыхъ на 10 (12 — 21), которыя вѣроятно навсегда останутся неизвѣстными [28]). Остаются 12 именъ.

[22.23] Египетскіе епископы Комарій, Потамонъ, Ѳеопемптъ кавасскій и Даніилъ дарнійскій 30 ноября или 7 декабря 430 г. подали Несторію въ Константинополѣ посланіе св. Кирилла Τοῦ Σωτῆρος. 22 іюня 431 г. Ѳеопемптъ и Даніилъ участвовали въ засѣданіи собора. А Комарій и Потамонъ въ это время находились въ Константинополѣ и имъ св. Кириллъ посылаетъ посланіе Προσεδοχῶμεν ἐλθόντα, писанное между 22—26 іюня [29]).

[24]. Флавіанъ,—по мнѣнію англійскаго автора,—„безъ сомнѣнія (no doubt) тотъ самый, который былъ убитъ (killed) на соборѣ ефесскомъ 18 лѣтъ спустя“. Нѣтъ, безъ сомнѣнія это епископъ филиппскій, бывшій на соборѣ мѣстоблюстителемъ „викарія апостольскаго престола“, епископа Руфа ѳессалоникскаго. Видимо Флавіанъ и лично былъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ епископовъ своего времени: свои посланія Τῇ ἡμετέρᾳ στυγνότητι и Εὐχόμεθα Келестинъ римскій посылаетъ Кириллу александрійскому, Іоанну антіохійскому, Руфу ѳессалоникскому, Ювеналію іерусалимскому и Флавіану филиппскому [30]).

[25]. Далматій кизикскій есть тотъ самый, котораго кизикійцы избрали не спрашивая соизволенія Сисиннія константинопольскаго. Рукоположенный послѣднимъ Проклъ не былъ принятъ въ Кизикѣ. Судя по этому Далматій былъ не изъ числа тѣхъ, у которыхъ

---

[28]) Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что монахъ Зоилъ тождественъ съ Зоиломъ, ученикомъ св. Арсенія в. Apophthegmata patrum, Ἀρσένιος, λβ. μγ., Migre, Patr. S.G., 65, 100. 108.—Филоѳей, одинъ изъ адресантовъ посланія Ἀεὶ καὶ ἐκ νέας къ собору, Mansi IV, 1432A, ДВС. I, 863, очевидно настоятель константинопольскаго монастыря; а Филоѳей коптскаго памятника повидимому простой міряninъ.

[29]) Mansi, IV, 1180. 1228DE. ДВС, I, 556—7. 609.

[30]) Mansi, IV, 1021B. 1050D. 1124B. 1132D. 1284B. 1425D. 1457A. ДВС I, 370. 414. 491. 501. 671. 858. 892.

до скрупулезности развито чувство законности. Въ Ефесѣ въ 431 г. Далматій вмѣстѣ съ тремя своими суффраганами, епископами Тимоѳеемъ герискимъ, Аетіемъ піонійскимъ и Аѳанасіемъ скипсійскимъ, примкнулъ къ Несторію, вмѣстѣ съ ними 21 іюня подписался подъ заявленіемъ Nota quidem, что открытіе собора слѣдуетъ отложить до прибытія Іоанна антіохійскаго, а за тѣмъ и подъ протестомъ къ императорамъ противъ осужденія Несторія Εἰς τὴν Ἐφεσίων In Ephesinam. Но вскорѣ же за тѣмъ Далматій и его три суффрагана порываютъ съ Несторіемъ всякія связи, подписываются подъ дѣяніями собора и уже 26 іюня не принимаютъ участія въ засѣданіи Іоанна антіохійскаго. Но изъ подчиненныхъ митрополиту кизикскому епископовъ не послѣдовали за нимъ [26] Іоаннъ приконнисскій и Исихій парійскій и прямо стали на сторону св. Кирилла, а не Несторія. Inde ira Далматія на Іоанна, котораго онъ можетъ быть подозрѣвалъ и въ стремленіяхъ къ автокефальности [31]). Естественно Далматій и его клирики смотрѣли на Іоанна какъ на отщепенца и — при склонности къ громкимъ фразамъ—могли обозвать его даже и „нехристіаниномъ". По всему этому разсказъ о гоненіи на епископа приконнисскаго стоитъ на исторической почвѣ и заимствованъ изъ недошедшаго до насъ памятника.

[27]. Пресвитеръ „Харасій", разумѣется есть тотъ самый пресвитеръ и икономъ филадельфійскій Харисій, который выступилъ въ Ефесѣ съ обвиненіемъ противъ Несторія и его сообщниковъ въ нечестіи—пресвитеровъ Анастасія и Фотія, Іакова и Антонія [32]).

[28]. „Евсевій схоластикъ" [33]) есть всѣмъ извѣстный по событіямъ 448—451 гг. епископъ дорилейскій Евсевій, который „никогда не былъ подозрѣваемъ въ еретичествѣ, но противъ ере-

---

[31]) Socr., 7, 28.—Mansi, V, 766B. 767C. 770A. IV, 1232E. 1269. 1224CD. 1364C. 1144B. 1168D. 1217BC. ДВС, I, 655. 605. 766. 514. 542. 598.

[32]) Mansi, IV, 1344—48. ДВС, I, 742—746.

[33]) Theophan. a. 5940, p. 92,28 de Boor: Εὐσέβιος ὁ σχολαστικὸς, ὁ πρῶτος Νεστορίου λαβόμενος, προαχθεὶς εἰς ἐπισκοπὴν τοῦ Δορυλαίου. Mansi, VI, 652D. 716AB. VII, 1061B. Cyrilli alex. adv. Nest. l. 1, 5, p. 21 *Aubert*, ДВС, III, 205. 264.

тиковъ всегда боролся и православную вѣру защищалъ по возможности“, которому „и самый огонь казался холоднымъ по его ревности о благочестіи“, тотъ agens in rebus, который „первый напалъ на Несторія“ и громко въ церкви возразилъ ему во время проповѣди.

Сцена преслѣдованія семи лицъ, описанная въ коптскихъ актахъ, вполнѣ понятна [34]). Что Несторію и тѣмъ, которые держали его сторону, было совсѣмъ нежелательно, чтобы въ Ефесѣ пребывали такіе „ненужные собору клирики, монахи и міряне“, какъ Харисій и Евсевій, это ясно какъ день. Кандидіанъ — не забудемъ, что онъ былъ духовный сынъ Несторія, въ данное время законнаго епископа константинопольскаго, — былъ на сторонѣ Несторія и имѣлъ при себѣ сакру Πάντων, вмѣнявшую ему, Кандидіану, въ прямую обязанность „всячески удалять изъ Ефеса“ безполезные для собора элементы. Какъ естественно было для комита пойти на встрѣчу прямо выраженному желанію Несторія на счетъ „Евсевія схоластика“ e tutti quanti! Но въ тоже время Кандидіанъ не имѣлъ права (или по меньшей мѣрѣ не считалъ себя обязаннымъ) предъявить сакру епископамъ до открытія собора въ полномъ его составѣ и поэтому могъ только глухо ссылаться на волю императора. Вотъ источникъ подозрѣнія, что Кандидіанъ дѣйствуетъ вопреки императорскимъ повелѣніямъ, и жалобъ, что онъ не читаетъ граматы государя.—И такой элементъ безпорядка, какъ „зевксипписты“, — имя нарицательное, но оно стóитъ многихъ собственныхъ, потому что взять его „изъ воздуха“ нелегко,—тоже фактъ, а не выдумка.

[29]. Магистріанъ Палладій [35])—несомнѣнно лицо истори-

---

[34]) Mansi, IV, 1120B [τοὺς κοσμικοὺς καὶ μονάζοντας—τῆς αὐτῆς παντὶ τρόπῳ χωρίσαι τῆς πόλεως]. 1236A. 1437E. (τῶν Ζευξίππου [Soz. 3, 9,3: δημόσιον λουτρὸν ᾧ ὄνομα Ζεύξιππος, περιφανὲς δὲ τοῦτο καὶ μέγιστον, cf. Socr. 2, 16,3; эти thermae Zeuxippi въ Константинополѣ лежали близъ «великой церкви», cf. Notitia urbis Constantinopolitanae, Regio secunda, III, 10 въ Not. dign. imp. utr. ed. Seeck, Berolini 1876, p. 231] παραμενόντων τῷ καθῃρημένῳ Νεστορίῳ καὶ ἐπὶ τούτῳ τρεφομένων). ДВС, I, 487. 616. 871.

[35]) См. выше пр. 5.— Думаю, что этотъ магистріанъ Палладій есть тотъ самый Παλλάδιος ὁ ταχυδρόμος—Socr. 7, 19—который прославился необыкно-

ческое и даже немаловажное для исторической критики двухъ документовъ.

[30]. Лавсъ [36]) изображенъ въ освѣщеніи несомнѣнно исторически вѣрномъ: въ концѣ 432 г. св. Кириллъ выражалъ горячее желаніе, чтобы августа Пульхерія—для торжества православія—пожаловала Лавса въ praepositus sacri cubiculi.

Въ [31] Анастасіи, котораго константинопольцы такъ усердно прочатъ подъ арестъ, подозрѣвая въ растратѣ церковнаго имущества, конечно всѣ узнаютъ пресловутаго пресвитера Анастасія [37]).

Наконецъ и въ [32] Клавдіанѣ, котораго „держатъ подъ арестомъ за то, что онъ православенъ", нетрудно узнать [38]) того

венною быстротою ѣзды: въ трое сутокъ онъ умѣлъ домчаться до персидской границы и въ трое же сутокъ возвратиться опять въ Константинополь. Предположимъ, что этотъ пограничный пунктъ есть крѣпость Мардинъ, между Амидою и Нецибиномъ. Тогда a) Malatia [Μελιτινή] - Kharpout - Arghana Diyârbekr [Ἄμιδα] *Kiep.*=166.4 mp. и Diyârbekr-Mardîn *Kiep.*=61.9 mp.— б) По Itinerarium Antonini Константинополь-Никомидія-Анкира-Кесарія-Мелитина=65+280+198+228=771 mp. Слѣд. отъ Константинополя до κάστρον Μάρδης = 999 mp., и на день пути приходится по 333 римскія мили (1 mp.=693 сажени)! Предъ такою фельдъ-егерскою скоростію блѣднѣетъ и знаменитая поѣздка magister officiorum Кесарія, который въ мартѣ 387 г. видимо всего лишь въ 118 часовъ пріѣхалъ изъ Антіохіи въ Константинополь 747 mp.). Libanii orationes (ed. *Reiske*, Altenburgi 1781), I, 685—7. Но на сакру Τοῦ μεγαλοπρεπεστάτου отъ 29 іюня соборъ отвѣчаетъ 1 іюля. И *Гефеле* (Conciliengeschichte, Freiburg i. B. 1875, II, 197) полагаетъ, что дата «29 іюня» испорчена, но не пытается ее *поправить*. А это нелегко: во всякомъ случаѣ послѣ ночи съ 22 іюня обсуждено, составлено и въ Константинополь доставлено донесеніе Кандидіана [и вѣроятно вмѣстѣ съ протестомъ Εἰς τὴν Ἐφεσίων], обсуждено тамъ въ императорской consistorium, и наконецъ составлена и подписана сакра. Между тѣмъ для такого виртуова, какъ Палладій, въ 36–40 часовъ пролетѣть 442 mp.—дѣло очень выполнимое.

[36]) Mansi, V, 989D: festinet sanctitas tua, пишетъ архидіаконъ александрійскій Епифаній въ ноябрѣ — декабрѣ 432 г. Максиміану константинопольскому, rogare dominam Pulcheriam ut faciat dominum Lausum intrare et praepositum fieri, ut Chrysoretis potentia dissolvatur et sic dogma nostrum roboretur.

[37]) Socr. 7, 32.

[38]) Mansi, V, 988C [cum domino Philippo et domino Claudiano]. 987B: praesumentes de sanctitate tua, quippe tamquam de nostro fratre, quia omnia etiam quae possibilia sunt, ut nosti, potes complere... praesumentes de Deo et de tua, domine, religiositate. Къ удивленію, ни Балюзъ ни Шульце, ни Гардуэнъ ни Манси, какъ будто не видятъ, что титулъ Synod. c. 201: Presbyter Claudianus нужно поправить въ Presbytero Claudiano. Авторъ посланія не самъ

константинопольскаго пресвитера, котораго, наравнѣ съ пресвитеромъ Филиппомъ [конечно сидскимъ], давнимъ борцомъ противъ Несторія, св. Кириллъ настоятельно рекомендуетъ Максиміану константинопольскому, какъ такихъ лицъ, на совѣтъ которыхъ онъ можетъ положиться. А Епифаній, архидіаконъ александрійскій, полагается на пресвитера Клавдіана „словно на своего брата“ и—послѣ милости Божіей—надѣется на его испытанную ревность по вѣрѣ: онъ „можетъ, какъ знаетъ, выполнить все“, что только лежитъ въ предѣлахъ возможности.

Вообще сцены этихъ „αἱ ἐκβοήσεις αἱ δημοτικαί“, этихъ „φωναί“, и психологически и археологически [39]) такъ вѣрны, что ихъ можно выписать только изъ тахиграфической ἀναφορά или же, если и сочинить изъ своей головы, то только человѣку, отлично знакомому съ тогдашнимъ бытомъ. Противъ совершенно фотографической точности этихъ ἐντευκτικαὶ διδασκαλίαι я могу поставить только три вопроса: почему мы не слышимъ ни одной εὐφημία въ честь августы Евдокіи, супруги императора Θеодосія [40])? почему не раздается ни одной анаθемы епископу Дороθею маркіанопольскому, который скандализировалъ константинопольцевъ даже серьезнѣе, чѣмъ самъ Несторій? почему въ этой бурѣ пожеланій всего худшаго не выпало ни одного на долю константинопольскаго пресвитера Фотія, который, судя по его участи, былъ едвали не болѣе упорнымъ поборникомъ Несторія, чѣмъ самъ Анаста-

---

св. Кириллъ (въ это время онъ былъ «magna aegritudine detentus», ibid. 988BD), а видимо Епифаній.

[39]) Въ подлинныхъ документахъ — *G. Hoffmann*, Verhandlungen der Kirchenversammlung zu Ephesus 449 (Kiel 1873), 8—10. 13. 14 [сцены въ Едессѣ въ апрѣлѣ 449 г.]. Mansi, VIII, 1058—66 [въ Константинополѣ 15. 16 іюля 518 г.]. 1083—91 [въ Тирѣ 16 сентября 518 г.]. 1119—22 [въ Апаміи сирской]—сохранилось достаточно примѣровъ въ этомъ родѣ, чтобы судить объ историчности константинопольскихъ возгласовъ.

[40]) Самъ св. Кириллъ писалъ предъ соборомъ προσφωνητικὸς πρὸς τὸν εὐσεβέστατον βασιλέα Θεοδόσιον и даже два λόγοι προσφωνητικοὶ ταῖς εὐσεβεστάταις βασιλίσσαις. Восточные посылаютъ свою ἀναφορά и πρὸς τὰς βασιλίδας Mansi, IV, 617. 680. 804. 1109DE [πρὸς ἡμᾶς καὶ τὴν εὐσεβεστάτην αὐγούσταν Εὐδοκίαν τὴν ἐμὴν σύμβιον... πρὸς τὴν ἐμὴν ἀδελφὴν τὴν εὐσεβεστάτην αὐγούσταν Πουλχερίαν]. 1277D. V, 228D. ДВС, I, 477. 665. II, 265.

сій [41])?—Этимъ вопросамъ я не придаю значенія не потому, что они сводятся къ argumenta e silentio — бываетъ молчаніе подавляющее—и не потому только, что не все непонятное для насъ нерезонно [42]), но главнымъ образомъ потому, что можно предполагать *пропуски* въ коптскихъ извлеченіяхъ изъ подлинныхъ и *полныхъ* греческихъ ἐντευκτικαὶ διδασκαλίαι.

И такъ, до сихъ поръ коптскіе акты отлично выдерживаютъ пробную провѣрку на собственныхъ именахъ лицъ. Но лишь только поставимъ вопросъ объ Ахиллѣ этой коптской Иліады, объ [33] архимандритѣ тавеннисіотовъ Викторѣ, его-то историческая достовѣрность и оказывается сомнительною, онъ-то и вноситъ съ собою струю апокрифическаго въ общую историческую атмосферу этихъ актовъ.

В. Болотовъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

[41]) Mansi, IV, 1000BC. 1013BC. 1053B. 1236B. 1269A. 1425D [о Доровеѣ]. 1004D. 1345AD. V, 945D. 964D. 965A [о Фотіи]. ДВС. I, 344. 361. 418. 617. 655. 858. 349. 743. 744.

[42]) Возможно, разумѣется, что Анастасій былъ тогда икономомъ великой церкви и по характеру своего положенія озлоблялъ многихъ, а Фотій такого «практическаго» поста не занималъ; а народъ естественно—болѣе компетентный и зоркій оберегатель матеріальныхъ сокровищъ храма, чѣмъ безупречной чистоты догматовъ. А что касается молчанія объ Евдокіи, то можетъ быть народъ идетъ только au courant какого нибудь загадочнаго придворнаго теченія данной минуты.

Греческое рукописное Евангеліе первой половины XI-го вѣка, хранящееся въ библіотекѣ с.-петербургской духовной академіи (подъ № Б¹/₂).

На оборотѣ предпослѣдняго (397-го) листа настоящаго Евангелія, въ самомъ концѣ, сохранилась слѣдующая запись, писанная киноварью и хорошо сохранившаяся:

ἐτελειώθ[η] μ[ηνὶ] δεκ[εμβρίῳ] λ'. ἰνδ[ικτιῶνος] β' ἔτ[ους] ςφμβ, ἐπὶ βα[σιλέως] Ρωμ[αν], т. е. *«окончено въ мѣсяцѣ декабрѣ 30-го, индикта 2-го, въ лѣто 6542* (отъ сотв. міра) *при царѣ Романѣ»*, слѣдовательно *30 дек. 1033 года.*

Свѣдѣнія о настоящемъ греческомъ рукописномъ Евангеліи въ первый разъ даны о. архим. Амфилохіемъ (нынѣ епископъ угличскій) въ его трудѣ «Палеографическое описаніе греческихъ рукописей XI и XII вѣка» [1]). Но эти свѣдѣнія очень кратки, даже неполны: самое важное въ этой рукописи—это запись писца выписана у о. Амфилохія не вся, именно безъ послѣднихъ словъ ἐπὶ βασιλέως Ρωμάν. Между прочимъ эта прибавка придаетъ бóльшую точность и опредѣленность всей датѣ: въ ней кромѣ года, мѣсяца и числа, обозначено даже царствованіе византійскаго императора Романа. Этотъ императоръ Романъ (Агрира)—по счету 3-й; онъ при императорѣ Константинѣ былъ патриціемъ, а по смерти Константина (15 ноября 1028 года) тотчасъ вступилъ на престолъ; скончался насильственною смертію 11 апрѣля 1034 года [2]). Такимъ образомъ наше греческое рукописное Евангеліе начато

---

[1]) Томъ II, Москва, 1880, in 4-о, стр. 35.

[2]) *Скабалановичъ* «Византійское государство и церковь въ XI вѣкѣ». Спб. 1884, стр. 14 и 26.

и окончено при царѣ или императорѣ Романѣ, — именно 30-го декабря 1033 года. Затѣмъ на оборотѣ послѣдняго листа (398-го) настоящаго Евангелія сохранились двѣ надписи, принадлежащія двумъ рукамъ: первая писана крупною скорописью, въ 5 строкъ, вторая — мелкою и чоткою, въ $4^1/_2$ строки; но къ сожалѣнію та и другая неразборчивы, — особенно первая, въ которой первыя двѣ строки отъ времени почти совершенно выцвѣли. Но изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ словъ видно—по первой надписи, что Евангеліе это дано (кѣмъ-то) въ храмъ арханг. Михаила въ поминовеніе души,—по второй (съ четвероконечнымъ крестомъ впереди и съ надписью по внутреннимъ угламъ его: σημ [εῖα] Καλην́ήκης ἀρχ.), что нѣкто архимандритъ Калиникъ «мѣсяца іюля 7-го, шестой тысячи 747 года (Μηνὸς ιουλιου του ζ του εξαχης χιλιοστου φ̅. μ̅ζ т. е. 6747=1239 года), далъ сію книгу въ храмъ архистратига Михаила. Въ этой надписи также важно обозначеніе года, мѣсяца и дня вданія книги: древнѣйшее свидѣтельство о еще болѣе древнѣйшей рукописной книгѣ! И объ этихъ записяхъ у о. архим. Амфилохія ничего не говорится. — Въ интересахъ археологическихъ думаемъ не лишне будетъ дать нѣсколько болѣе подробное описаніе этой драгоцѣнной рукописи: Евангеліе это—одно изъ важнѣйшихъ съ безспорною датою отъ *первой* половины XI вѣка.

Это замѣчательное по своей древности и рѣдчайшее по сохранившейся датѣ греческое рукописное Евангеліе поступило въ собственность академич. библіотеки въ началѣ 1865 года по слѣдующему обстоятельству: одинъ греческій аѳонскаго Костомонидскаго монастыря архимандритъ Сѵмеонъ, пріѣзжавшій въ Россію за сборомъ на свой монастырь, «въ чувствѣ признательности за разрѣшеніе св. Синодомъ сбора подаяній въ Россіи на построеніе полуразрушенныхъ зданій въ означенномъ аѳонскомъ Костомонидскомъ монастырѣ», преподнесъ чрезъ высокопреосвященнаго митрополита Исидора эту драгоцѣнную книгу въ даръ св. Синоду, который препроводилъ ее въ Духовно-учебное управленіе для отсылки въ с.-петербургскую дух. академію въ ея библіотеку [1]). Благодаря этому, академ. библіотека обогатилась драгоцѣннѣйшимъ письменнымъ памятникомъ древности, который въ ея богатомъ собраніи рукописей доселѣ занимаетъ первое мѣсто между другими по древности рукописными памятниками.

Настоящее греческое рукописное Евангеліе есть такъ называемое

---

[1]) Отношеніе Дух.-уч. управленія отъ 27-го февраля 1865 года, за № 622.

ἀпракосъ [1]) иначе недѣльное Евангеліе, съ мѣсяцесловомъ въ концѣ. Оно писано на пергаменѣ, многіе листы котораго отъ времени пожелтѣли; самый пергаменъ — чистый, на половину толстый, на половину тонкій. Евангеліе писано довольно крупною скорописью полууставнаго характера въ два столбца, по 19—20 строкъ въ каждомъ; чернилы киноварнаго отлива, а заглавія, надписанія и заглавныя буквы крыты золотомъ,—послѣднія—фигурныя, но безъ всякихъ красокъ; начальныхъ и конечныхъ заставокъ очень мало и тѣ — безъ красокъ и покрыты лишь золотомъ; ни большихъ, ни малыхъ виньетокъ нѣтъ; вообще—письмо отличается древнею простотою и кромѣ киновари и золота никакихъ нѣтъ красокъ, узоровъ и особыхъ украшеній,—письмо отчетливое, красивое и во всемъ Евангеліи одного характера и почерка. Строчныхъ знаковъ въ немъ нѣтъ, вмѣсто ихъ употребляются чаще крестикъ (+) и изрѣдка малая точка (.), при чемъ крестикъ болѣе киноварнаго цвѣта или малиноваго кармина; есть еще такого же цвѣта знаки надъ буквами для протяжнаго (на распѣвъ) пѣнія: они одного характера и такъ часто употребляются, что при имѣющихся дыханіяхъ, предыханіяхъ и удареніяхъ (хотя и не вездѣ) пестрятъ текстъ. Заглавія или обозначенія недѣль писаны вверху (такъ: τη Γ της Γ εβδ.), а обозначеніе евангелиста—предъ самымъ текстомъ (напр. εν του κατα Λουκαν). Письмо рукописи сохранилось хорошо — безъ поврежденій и рукопись представляется чистою; есть, впрочемъ, по мѣстамъ приписки и поправки, но онѣ весьма рѣдки; самый характеръ письма въ рукописи — сплошной, безъ интерваловъ, и съ постоянными, впрочемъ обыкновенными, сокращеніями словъ и фразъ, напр. κσ=Κυριος, κε=Κυριε, Τῳ κ=Τῳ καιρῳ εκεινῳ, πν, πνα=πνεῦμα, ς=καὶ... [2]). Нумераціи въ рукописи нѣтъ ни по листамъ, ни по тетрадямъ, хотя послѣднюю должно предполагать, такъ какъ листы пергамена сильно обрѣзаны, урѣзана значитъ и помѣта тетрадей; уже въ послѣднее время рукопись дважды пронумерована по листамъ арабскими цифрами: первая доходитъ до 200-го листа, вторая—до конца; по этой послѣдней всего въ рукописи 398 листовъ [3]); но ихъ должно быть больше, такъ какъ въ началѣ недостаетъ двухъ листовъ, затѣмъ въ срединѣ: между 75 и 76 (по послѣдней нумераціи)

---

[1]) По замѣчанію о. арх. Амфилохія — *полный*, т. е. имѣющій послѣ нед. Пятидесятницы «и дневныя чтенія евангелій, кромѣ субб. и воскресныхъ» («Палеогр. опис.» II, стр. 35).

[2]) Подобный знакъ вмѣсто καὶ встрѣчается и въ печатномъ греческомъ Евангеліи венец. изданія 1776 года.

[3]) У о. архим. Амфилохія почему-то показано меньше, именно 394 листа.

одного листа [1]), между 157 и 158 одного листа [2]), между 163 и 164 двухъ листовъ [3]), между 166 и 167—одного [4]) и между 370 и 371—одного [5]), а всего недостаетъ 8 листовъ. Были ли эти листы при передачи рукописи въ академ. библіотеку — неизвѣстно: ни при передачи духовно-учебн. правленіемъ не дано никакихъ свѣдѣній и замѣтокъ относительно внѣшняго вида и сохранности ея, ни, къ сожалѣнію, самимъ правленіемъ академіи, получившимъ ее въ даръ, своевременно не сдѣлано надлежащаго и точнаго описанія рукописи. Изъ дѣла видно, однако, что въ мартѣ 1867 г. (уже послѣ 2-хъ лѣтъ) возникло недоумѣніе относительно *перваго* (?) листа, именно. Библіотекарь по отдѣленію рукописей, проф. Ив. Вас. Чельцевъ, отъ 7 марта 1867 года входилъ въ правленіе академіи съ слѣдующимъ заявленіемъ: «По опредѣленію св. Синода духовное-учебное управленіе, при отношеніи своемъ отъ 27 февраля 1865 года за № 622, препроводило въ правленіе спб. дух. Академіи для храненія въ акад. библіотекѣ рукописное греческое Евангеліе одиннадцатаго столѣтія, принесеное въ даръ св. Синоду архим. аѳонскаго Костомонидскаго монастыря Сѵмеономъ. Имѣю честь довести до свѣдѣнія правленія академіи, что эта драгоцѣнная рукопись канцеляріею академич. правленія сдана въ академич. библіотеку рукописей 19 января 1867 года, то есть, около двухъ лѣтъ послѣ полученія ея правленіемъ академіи, и притомъ безъ перваго листа въ ней, объ утратѣ или недостаткѣ котораго въ предшествующее время ничего не сказано въ отношеніи, при которомъ она получена правленіемъ и который, судя по нумераціи первыхъ ея листовъ, должно быть, утраченъ не очень давно. Марта 7-го дня 1867 года» [6]). Вслѣдствіе сего правленіе академіи отношеніемъ отъ 20 марта 1867 г. спрашивало духовно-учебное управленіе: «съ *первымъ* ли листомъ или безъ онаго означенное Евангеліе получено духовно-уч. управленіемъ», на что послѣднее отвѣтило, что «изъ дѣла онаго не видно—былъ ли *первый* листъ въ полученномъ изъ св. Синода экземплярѣ рукописнаго греческаго Евангелія».

---

[1]) Онъ долженъ начинаться: ἰδεῖν (вторн. 4-й нед.) и оканчиваться словомъ δυναμις (конецъ среды 4-й же нед.)—ев. отъ Матѳея.

[2]) Должно начинаться — δυνάσαί με, оканч.—πάντες (втор. и четв. 2 нед.—отъ Луки).

[3]) Должно начинаться (ἐμπρο)σθεν σου, оканч. τοῦ πόδας (четв. 3 нед.—пон. 4-й—отъ Луки).

[4]) Должно начинаться (ιχθυ)ες δύο, оканч. χειρ (пятн. — суб. 4-й нед.—отъ Луки).

[5]) Въ мѣсяцесловѣ,—именно конецъ декабря съ 28 дня и начало (нѣсколько строкъ) мѣсяца января.

[6]) Дѣло внутр. Правленія Академіи 1867 г. № 10, журналъ № 170.

Изъ заявленія проф. Чельцова и всего дѣла видно, что тогда въ рукописи недоставало въ началѣ одного *перваго* листа. Существующая теперь нумерація рукописи начинается съ 3-го листа; стало быть былъ 2-й листъ. Онъ содержалъ начало пасхальнаго Евангелія именно первые 14 съ $^1/_2$ стиховъ, такъ какъ сохранившійся первый (по нумераціи 3-й) листъ начинается словами: ἐρχόμενος ἔμπροσθέν μου, что̀ падаетъ на конецъ 15-го стиха 1-й главы еванг. отъ Іоанна, иначе на конецъ того же пасхальнаго Евангелія. Этотъ 2-й листъ заключалъ въ себѣ начало самаго Евангелія или рукописи [1]): не его ли разумѣлъ проф. Чельцовъ подъ утеряннымъ *первымъ* листомъ? Рѣшить въ утвердительномъ смыслѣ трудно въ виду прямаго заявленія профессора, что въ рукописи недостаетъ *перваго* листа, «который, *судя по нумераціи первыхъ ея листовъ,* утраченъ не очень давно». Послѣднія слова указываютъ, что листы рукописи были уже занумерованы къ началу 1867 года; нумерація эта есть первая и находится вверху по серединѣ листа, но доведена только до 200-го листа; она сдѣлана неизвѣстно кѣмъ и когда, но сдѣлана неопытною рукою—безъ соблюденія связи одного листа съ другимъ и потому брошена на половинѣ рукописи, а листы остались перепутанными. Черезъ 6 лѣтъ сдѣлана новая полная нумерація рукописи по листамъ, именно въ концѣ 1872 года однимъ студентомъ III-го курса, писавшемъ свое кандидатское сочиненіе объ этомъ Евангеліи; онъ свѣрилъ листы по тексту, привелъ ихъ въ порядокъ и заново перенумеровалъ всю рукопись, но безъ 2-го листа, котораго при немъ не было уже въ рукописи. Такимъ образомъ въ промежутокъ времени отъ 27 февр. 1865 года до 7 янв. 1867 затерянъ 2-й листъ—съ началомъ перваго пасхальнаго евангелія, который, впрочемъ, могъ быть и единственнымъ, ибо съ него *начиналось* Евангеліе или сама рукопись.

По формату описываемое греческое рукописное Евангеліе въ малый листъ (или большую четверку), длиною въ $5^7/_8$—6 вершковъ, шириною $4^5/_8$ вершк., къ корешку $^1/_2$—$^6/_8$ верш., между столбцами $^1/_2$ верш., къ правой сторонѣ (иначе поля) $^1/_2$—$^5/_8$ верш., къ верху $^1/_2$—$^6/_8$ верш. и къ низу $^6/_8$—1 верш.; такъ какъ верхъ листовъ при переплетѣ былъ обрѣзанъ, то длину рукописи нужно предполагать болѣе 6 вершковъ. Листы пергамена разлинованы металлическимъ остріемъ, но такъ, что поля остаются на $^2/_4$ и $^3/_4$ вершка чистыми; впрочемъ на поляхъ многихъ листовъ проведены еще линіи и въ вертикальномъ направленіи. Затѣмъ, строки находятся между линіями, а не на линіяхъ, т. е. верхъ

---

[1]) Для этихъ первыхъ $14^1/_2$ стиховъ совершенно достаточно *одного* листа чтобы они умѣстились на немъ или на 4-хъ его столбцахъ.

буквъ идетъ по внутренней сторонѣ линіи, такъ что характеръ письма представляетъ строки висящими [1]). Переплетъ рукописи не древній, но особенный: рукопись переплетена въ доски, обтянутыя тонкою кожею, а сверхъ кожи — красною шелковою (штофною) матеріею, которая отъ времени полиняла; листы сшиты тетрадями, прошиты нитками и прикрѣплены къ холстинѣ шелковыми шнурами съ обоихъ концовъ; рукопись повидимому крѣпкая, но множество листовъ выпадаетъ изъ корешка. Кромѣ того, на первыхъ 13 листахъ верхніе углы надклеены пергаменомъ же съ припискою на немъ позднѣйшею рукою недостающихъ буквъ и словъ, а на листѣ 21-мъ поврежденное мѣсто пергамена заклеено простою бумагою. Далѣе, на внѣшней сторонѣ нижней доски по крайнимъ угламъ сохранились два жука—круглые, серебрянные, а на верхней—два шпинечка для запорокъ; кромѣ того, остались слѣды, что на верхней доскѣ когда-то было большое металлическое по серединѣ украшеніе, а на нижней такое же малое. — Соотвѣтственно внѣшнему виду и довольно значительной сохранности, рукопись эта должна представлять и много неоцѣненныхъ достоинствъ для археолога и экзегета; въ концѣ ея находится мѣсяцесловъ съ указаніемъ памяти святыхъ цѣлаго года и съ указаніемъ еванг. чтеній на дни господскихъ, богородичныхъ и др. праздниковъ, что̀ въ литургическомъ отношеніи особенно важно.

Содержаніе рукописи составляютъ евангельскія чтенія отъ св. Пасхи до вел. Субботы и мѣсяцесловъ всего лѣта. Въ частности — составъ рукописнаго Евангелія и порядокъ евангел. чтеній слѣдующій:

1) Евангелія отъ Пасхи до Пятидесятницы — Іоанна, л. 3—59; заканчивается въ началѣ 2-го столбца, остальная часть столбца чистая, такъ что нѣтъ никакихъ конечныхъ фигуръ и знаковъ. Отмѣтимъ нѣсколько особенностей: α) вечерняго на 1-й день Пасхи евангелія здѣсь нѣтъ (въ печатномъ греч. Евангеліи венец. изд. 1776 г. есть); β) на Вознесеніе Господне здѣсь *два* евангелія: утреннее отъ Марка и литургійное отъ Луки (въ рук. славянскомъ XII в. и въ печатномъ греческомъ—только одно литургійное); γ) нѣтъ утренняго евангелія на день Пятидесятницы.—Есть и разночтенія: въ четв. и пятн. нед. Мѵроносицъ: εἶπεν ὁ Κύριος πρὸς τοὺς ἐληλυθότας, въ печ. οὓς πεπιστακότας,—также и въ субботнемъ 4-й недѣли.

2) Отъ 1-й по Пятидесятницѣ до 12 недѣли—еванг. отъ Матѳея,

---

[1]) Въ рукописномъ славянскомъ Евангеліи XII вѣка (Соф. б. № 1)—наоборотъ, строки идутъ поверхъ линій.

л. 60—118; начинается слѣд. надписаніемъ: Τῇ ἐπαύριον τῆς πεντηκοστῆς· ἐκ τοῦ κατα Ματθαῖον; оканчивается ниже половины 1-го столбца (118 л.) тонкою золотистою заставкою. Нѣкоторые варіанты: α) въ еванг. на среду 4-й нед.: Τῷ καιρῷ ἐκείνῳ, ἤρξατο ὁ Ἰησοῦς вм. ὁ Κύριος какъ въ печатн. греческомъ; β) конецъ евангелія въ пятницу 4-й же нед.: Κύριος γάρ ἐστιν ὁ Υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου καὶ σαββάτου.., въ печ. венец. изд. 1776: Κύριος γὰρ ἐστὶ καὶ τοῦ σαββάτου, ὁ Υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου [1])... γ) конецъ евангелія въ среду 5-й нед.: Οὕτως ἔσται καὶ τῇ γενεᾷ τῇ πονηρᾷ ταύτῃ, въ печ.— τῇ γενεᾷ ταύτῃ τῇ πονηρᾷ; δ) конецъ евангелія въ четвергъ 5-й же недѣли: Καὶ ἐλάλησεν αὐτοῖς πολλὰ ἐν παραβολαῖς [2]), въ печатн. αὐτοῖς εν παραβολαῖς πολλά; ε) Евангеліе въ пятницу 5-й же нед. здѣсь съ прибавкою (послѣ словъ: имѣяй уши...): «И приступивши ученицы его рекоша ему: почто притчами глаголеши имъ [3])...» до—«и еже имать возмется отъ него»; ζ) конецъ евангелія среды 6-й недѣли: ἦλθεν εἰς τὴν οἰκίαν αὐτοῦ [4]), въ печ. εἰς τὴν οἰκίαν ὁ Ἰησοῦς.

3) Отъ 12-й нед. по Пятидесятницѣ до нед. 17-й—евангеліе отъ Марка и Матѳея (согласно съ греч. печ. 1776 г.), л. 119—149. Здѣсь разности: α) конецъ евангелія въ четвергъ 15-й нед.: εὗρεν καὶ τὸ παιδίον βεβλημένον ἐπὶ τὴν κλίνην καὶ τὸ δαιμόνιον ἐξεληλυθὸς, въ печ. εὗρε καὶ δαιμόνιον ἐξεληλυθὸς, καὶ τὴν θυγατέρα βεβλημένην ἐπὶ τῆς κλίνης; β) конецъ евангелія въ пятницу 15-й нед.: Αλλ' ἦν αὐτῶν ἡ καρδία πεπωρρωμένῃ. καὶ διαπεράσαντες. ἀπῆλ'θον ἐπὶ .. въ печ.: ἦν γαρ αὐτῶν ἡ καρδία πεπωρομένη. καὶ διαπεράσαντες, ἦλθον ἐπὶ... γ) начало евангелія въ пятницу 16-й нед. Τῷ καιρῷ ἐκείνῳ. πολλοῦ ὄχλου οντος... въ печ. Τῷ κ. ε. παμπόλλου ὄχλου οντος... и другія.

4) Отъ новаго года до вел. поста—евангеліе отъ Луки (и Марка)— л. 150—267. Вверху листа заглавіе: Αρχη συν Θεων των καθημεριων ευαγγελ. του Λουκα; оканчивается евангеліе на об. 267 листа въ началѣ 2-го столбца; за тѣмъ сряду слѣдуетъ приписка позднѣйшею

---

[1]) Въ рукоп. слав. XII вѣка: «Господь бо есть субботѣ Сынъ человѣчь» (л. 43 об.),—въ слав. староп. М. 1606 года: «Господь бо есть суббота Сынъ человѣческій», — въ Никонов. изданіи 1657 г. «Господь бо есть и субботы Сынъ человѣческій».

[2]) Такъ и въ слав. рук. XII вѣка: «И глагола имъ много притчами» (об. 46 л.).

[3]) Такъ и въ слав. рук. XII в.—л. 47.

[4]) Такъ и въ слав. рук. XII в. «и приде въ домъ свой».

(XIII в.) рукою.—Особенности и разночтенія: α) конецъ евангелія въ понед. 2-й недѣли: εἰς τάς συναγωγάς τῆς ἰουδαίας,—по печатному:... ἐν ταῖς συναγωγαις τῆς Γαλιλαίας; β) конецъ евангелія въ пятн. 2-й же нед. ἐν τοῖς οὐρανοῖς,—по печатн... ἐν τῷ ουρανῷ; γ) конецъ евангелія во вторн. 3-й нед. Λαλεῖ τὸ στόμα,—въ печ. τὸ στόμα αὐτοῦ; δ) конецъ евангелія въ среду 6-й нед. δώσει Πνεῦμα ἀγαθὸν,.. въ печ. Πνεῦμα Ἅγιον; ε) въ концѣ евангелія въ четв. 8-й нед. есть прибавка противъ печатнаго (и рук. слав. XII в.): ὁ ἔχων ὦτα ἀκούειν ἀκουέτω; ζ) также прибавка противъ печ. (и рук. слав. XII в.) находится въ концѣ евангелія въ четв. 13-й нед.; впрочемъ здѣсь дневное евангеліе одно и тоже, что въ греч. печатн. и рукоп. слав. (XII в.), но надписывается здѣсь — «отъ Луки», тогда какъ въ другихъ «отъ Марка»; η) конецъ евангелія въ четв. 14-й нед. Καὶ ἐναγκαλισάμενος αὐτὰ κατηυλόγει τιθεὶς τας χεῖρας ἐπαὐτὰ, въ печ. καὶ εναγκαλισάμενος αὐτὰ, τιθεὶς τας χεῖρας ἐπ' αὐτὰ, ηὐλόγει αὐτὰ... и др.

5) Евангелія 1-й недѣли поста—листъ 268: здѣсь приведены евангелія κατὰ παννηχίδας полностью два евангелія: на среду (отъ Марка) и на четвергъ (отъ Матѳея), а на остальные дни сдѣланы указанія; оканчиваются въ началѣ перваго столбца слѣд. 269 листа, съ котораго слѣдуетъ:

6) Евангелія отъ Марка: в. поста, начинающіяся съ субботы 1-й нед.,—л. 269—314; вверху листа (269-го) находится надпись: σαβ. α̃ τῶν νηστείων. Здѣсь полностію приведены субботнія и воскресныя евангелія в. поста (всего 10 и одно — на воскресеніе 1-й недѣли—съ указаніемъ); съ об. 279 л. еванг. чтенія въ нед. Ваій (отъ Мѳ. и Іоанна: въ началѣ послѣдняго, на полѣ, помѣчено тою же рукою εις τ. λειτ.); съ об. 282 л. идутъ евангельскія чтенія на 1-е четыре дня страстной седмицы (всего 8).

7) Евангелія святыхъ страстей—л. 314 обор.—343; здѣсь полностію приведено только 11 евангелій, а на 12-е сдѣлано (на об. 343 л.—внизу) слѣд. указаніе: ευαγγ. ιβ̃. ζήτ. μεγ. σα. τοῦ ορθ. (евангеліе 12-е смотри вел. субботы—утреннее) [1].

8) Съ половины 2-го столбца 343 л. (обор.) по 349-й слѣдуютъ «Евангелія св. и вел. пятницы»: заглавіе написано вверху листа крупнѣйшею вязью (единственною во всей рукописи); здѣсь сдѣланы указанія на евангелія 1-го, 3, 6 и 9-го часовъ [2]), а полностію приведено одно:

---

[1]) Въ рукоп. слав Евангеліи XII в. приведены всѣ 12 евангелій.

[2]) Въ рук. слав. XII в. указаны только 1-й, 6-й и 9-й часы.

εἰς λειτουργίαν ἐκ κατὰ Ματθαῖον [1]); съ об. 349 листа по 352-й идутъ два евангелія св. и вел. субботы — утреннее и на литургіи (отъ Мѳ.).

9) Евангелія воскресныя—всего 11, изъ коихъ полностью приведены здѣсь 3, 4, 7, 8 и 10-е,—л. 352—357 [2]) (этотъ отдѣлъ въ рукописи начинается просто—со строки, безъ всякаго отдѣляющаго знака, черты или чего другаго).

10) Мѣсяцесловъ—л. 357—397; начинается съ конца 1-го столбца 357 листа, — послѣ узенькой золотистой заставки слѣдующимъ заглавіемъ, писаннымъ крупною вязью и золотомъ: ✠ Μηνὶ σεπτεμβρίῳ Ā.

11) Сряду послѣ Мѣсяцеслова, оканчивающагося на обор. 397 листа на полстолбцѣ, слѣдуютъ указанія еванг. чтеній на разные случаи: эта статья занимаетъ столбецъ (половину 1-го и половину 2-го), написана хорошо сохранившеюся киноварью,—почеркомъ какъ бы отличнымъ отъ всей рукописи, но несомнѣнно руки одного писца всего Евангелія, который этимъ и закончилъ свой трудъ, обозначивъ внизу (подъ 2-мъ столбцомъ) тою же киноварью мѣсяцъ, число, индиктъ, годъ и царствованіе окончанія переписки св. Евангелія. Уже позднѣйшею рукою (вѣка XIII-го) приписано на оставшемся чистомъ мѣстѣ 2-го столбца и на двухъ столбцахъ слѣдующаго 398 (послѣдняго) листа одно евангел. чтеніе отъ Луки.

Относительно *Мѣсяцеслова* при описываемомъ Евангеліи замѣтимъ вообще, что въ немъ памяти святыхъ приведены не на всѣ дни мѣсяца; затѣмъ еванг. чтенія полагаются не на всѣ большіе праздники и между прочимъ есть на дни святыхъ мѣстно чтимыхъ, указанія же евангел. чтеній по преимуществу на дни и мѣсяцы; далѣе—объ историческихъ событіяхъ, какъ напр. о великомъ пожарѣ, землетрясеніи, о воспоминаніи побѣдъ и проч. совсѣмъ не упоминается; потомъ, разныхъ примѣчаній и руководственныхъ объясненій въ немъ почти не встрѣчаемъ; наконецъ, памяти святыхъ X—XI вѣка, упоминаемыхъ въ греческомъ рукописномъ Евангеліи таврической семинаріи (по описанію г. Иванова) подъ указанными числами, нѣтъ ни одного. Имя I. Златоуста пишется сокращенно такъ: Χ̓ (Χρυσοστομος). Въ частности:

Мѣсяцъ сентябрь: нѣтъ памятей на 20, 21 и 25 числа; еванг.

---

[1]) Въ рук. слав. XII в. также озаглавлено: на литургіи.

[2]) Въ греч. печатн. еванг. и въ рук. слав. XII в. всѣ 11 евангелій приведены полностію.—О послѣднемъ нужно замѣтить, что оно въ порядкѣ, расположеніи, составѣ и вообще во многомъ имѣетъ большое сходство съ описываемымъ нами греческимъ рукописнымъ Евангеліемъ.

чтеній полностью приведено 4: на рождество Богородицы — два, предъ Воздвиженіемъ одно и на Воздвиженіе одно (литургійное), а на остальные дни святыхъ—указанія (ζήτει) на ев. чтенія со ссылкою просто на евангелистовъ, на недѣли, по преимуществу на мѣсяцы и дни; послѣднее относится къ всему мѣсяцеслову, и въ этихъ указаніяхъ замѣчается здѣсь большое несходство съ другими рукоп. и печатными, греч. и славянск. евангеліями. Мы въ каждомъ мѣсяцѣ приведемъ по нѣсколько такихъ примѣровъ; при этомъ отмѣтимъ и другія разности. *Подъ 1-мъ* числомъ здѣсь просто написано: εις αρχ. της ινδχ. του Συμ. του στυλ — и больше ничего,—о «Соборѣ Пресв. Богородицы въ Халкопратійскомъ храмѣ» и пр. не упоминается; *подъ 6-мъ*—τοῦ αγ. μαρτ. Ευδοξιου..., о чудѣ же архистр. Михаила въ Хонѣхъ не упоминается; *подъ 10-мъ*: поклоненіе честныхъ древъ (еще подъ 11, 12 и 13) и свв. Минодоры и Нимфодоры (св. Митродоры нѣтъ); *подъ 12-мъ*: поклоненіе... и св. Автонома (о другихъ не упоминается); *подъ 13-мъ* поклоненіе... и обновленіе св. (храма) Воскресенія (памяти св. нѣтъ); *подъ 15-мъ* память св. Никиты—о другихъ не упоминается; *подъ 17-мъ*—Вѣры, Надежды и Любви «дѣвственницъ» (Софіи не упоминается); *подъ 22-мъ* одного пророка Іоны; *подъ 27-мъ*—одного Каллистрата.

Мѣсяцъ октябрь: нѣтъ памятей на 8, 14, 17, 19, 26, 28 и 30 числа; евангельскихъ чтеній полностью нѣтъ, а только указаны—со ссылками, какъ и въ м. сентябрѣ. Особенность въ этомъ мѣсяцѣ та, что память свв. м. Зиновія и Зиновіи отнесены къ *31-му числу* вмѣсто 30-го [1]), съ указаніемъ ев. чтенія на іюля 16-е. Въ частности: *подъ 9-мъ* св. ап. Іакова Алфеева, еванг. отъ Марка вм. Матѳея; *подъ 11-мъ* память одной св. Зинаиды,—ев. Луки, вм. Марка; *подъ 13-мъ*—свв. Карпа и Папилы,—ев. Марка, вм. Мѳ.; *подъ 23-мъ* ап. Іакова и только, ев. Луки, вм. Мѳ.; *подъ 25*—просто: «святыхъ нотарей» безъ упоминанія именъ, т. е. Маркіана и Мартирія.

Мѣсяцъ ноябрь: нѣтъ памятей на 19, 29 и 30 числа; еванг. чтеніе полностью одно—на 13 число св. Іоанна Златоуста (отъ Іоанна). Затѣмъ, *подъ 1-мъ* числомъ значится просто: τῶν ἁγίων ἀναργύρων (именъ свв. Косьмы и Даміана не упомянуто); *подъ 4-мъ* — значится преп. Іоанникія — въ друг. подъ 3-мъ; *подъ 5-мъ* (свв. Галактіона и Епистиміи) замѣчено, что въ недѣлю предъ 6-мъ ноября должно читать евангеліе о богатомъ и Лазарѣ—нед. 5, Луки; *подъ 9-мъ* свв. Онисифора, Порфирія и *Ореста* (послѣдній вм. 10-го, подъ которымъ здѣсь

---

[1]) Въ рукоп. слав. Евангеліи XII в. (Соф. № 1) подъ 30-мъ значится «св. Павла первопостника» — и только.

значится прп. Нилъ); *подъ 11-мъ*—одного муч. Мины, а другихъ и прен. Θеодора Студита († 826) нѣтъ; *подъ 15-мъ* просто—τῶν ἁγίων ὁμολογητῶν, имена же не упомянуты; *подъ 20-мъ* свв. патр. Прокла, Максима, Анатолія и Геннадія (V в.)—еванг. 16 іюля, вм. 2 сент.

Мѣсяцъ декабрь (безъ конца — недостаетъ одного листа съ посл. числами съ 27-го): нѣтъ памятей на 3, 16 и 18-е числа; указанія еванг. чтеній преимущественно по мѣсяцамъ и числамъ, — полностію 5 ев. чтеній на праздникъ Рожд. Христова. Затѣмъ, *подъ 4-мъ* память одной великомуч. Варвары, а еванг. два—понед. 15. нед. отъ Мѳ. и Марка; *подъ 9-мъ* зачатіе св. Анны—еванг. одно, суб. 5 Луки; *подъ 23-мъ* упоминается только память св. 10 муч. въ Критѣ и прибавлено—недѣля св. праотецъ—ев. отъ Луки; за симъ еванг. чтенія предъ рожд. Христовымъ, въ навечеріе и въ самый праздникъ показаны тѣ же, что и въ рук. греч. Евангеліи тавр. семинаріи.

Мѣсяцъ январь—за утратою одного листа начинается съ половины 1-го стиха ев. чтенія на Обрѣзаніе Господне (αἰνοῦντες τὸν Θεὸν); еванг. чтеній сполна приведено 9: подъ 1-мъ—литургійное отъ Луки, *подъ 4-мъ* на предпразднество Просвѣщенія — Мѳ., въ недѣлю предъ Просвѣщеніемъ—Марка, *подъ 5-мъ*—въ навечеріе—Луки, *подъ 6-мъ*—литургійное—Мѳ., *подъ 7-мъ*—Соборъ Іоанна Предтечи—Іоанна, суббота по Просвѣщеніи—Мѳ., и недѣля по Просвѣщеніи—Мѳ., *подъ 12-мъ*—попразднество и св. муч. Татіаны—отъ Іоанна; затѣмъ—*подъ 21-мъ*—Максима Исповѣдника—ев. окт. 25; *подъ 22-мъ*—свв. Анастасія и Тимоѳея, съ указаніемъ евангелія на «нед. всѣхъ святыхъ»; *подъ 26*—одно ев., ноября 10; *подъ 31-мъ*—одно, ноября 1-го.

Мѣсяцъ февраль—всего 28 дней; сполна приведено одно евангеліе на 2-е число — литургійное, отъ Луки;—на памяти святыхъ сдѣланы указанія на мѣсяцы и числа, такъ: *подъ 4-мъ* преп. Исидора — ев. декабря 6; *подъ 6-мъ*—св. Вукола—ев. отк. 1; *подъ 9-мъ*—св. Никифора—ев. суб. 3 нед. пасхи; *подъ 19-мъ*—св. Авксивія (τοῦ ἁγίου Αὐξιβίου)—ев. янв. 10; *подъ 20-мъ*—ап. Архипа (вм. 19-го) и Льва Катанскаго—ев. іюля 15; *подъ 21-мъ*—св. Евстаѳія антіох.—ев. четв. 5 нед. Пасхи; *подъ 22-мъ*—св. Тимоѳея τοῦ ἐν συμβούλοις (вм. 21-го) ев. янв. 20.

Мѣсяцъ мартъ: нѣтъ памятей на 15, 16, 24, 28 и 29; еванг. чтеній сполна два: на 1-е число—отъ Іоанна и на 25-е—отъ Луки, на остальныя съ указаніемъ на мѣсяцы и числа. Особенности: *подъ 3-мъ*—свв. Евтропія, Клеоника и Василиска (καὶ Βασιλίσκου)—ев. сент. 20; *подъ 6-мъ* свв. 42-хъ въ Аморіи (въ греч. тавр. сем. *52-хъ*)—ев. 9 антип.; *подъ 7-мъ* свв. 7-ми въ Херсонѣ (безъ означенія именъ)—ев.

ноября 11; *подъ 20-мъ* свв. отцевъ убитыхъ въ монаст. преп. Саввы—безъ указанія ев. чтеній—тоже и подъ 21 и 22 числами; *подъ 26-мъ*—архистр. Гавріила—ев. окт. 8.

Мѣсяцъ апрѣль: нѣтъ памятей на 12, 17, 19, 21, 24, 28 и 29; еванг. чтеній полностію нѣтъ, а только указанія на мѣсяцы и числа, такъ: *подъ 3-мъ*—преп. Никиты ἡγουμ. τοῦ Μηδιϰίου—ев. генв. 20; *подъ 4-мъ*—свв. Θеодула и Агаѳопода (вм. 5-го)—ев. окт. 13; *подъ 6-мъ*—св. Евтихія, патр. константиноп. — ев. ноябрь 13; *подъ 9-мъ*—св. муч. Евтихія (τοῦ ἁγ. Εὐτυχ., — по друг. *Евпсихія*)—ев. сент. 20; *подъ 10-мъ* св. Терентія и иже съ нимъ—ев. чтенія не указано, тоже подъ 14, 15, 18 и 20 числами; *подъ 14-мъ* Павсолипа (вм. 8-го); *подъ 16-мъ* св. Акакія Мелетинскаго (вм. 17-го).

Мѣсяцъ май: нѣтъ памятей на 16 и 23 числа; еванг. чтеніе сполна приведено на 8-е число—отъ Іоанна,—на остальныя указанія и преимущественно на мѣсяцы и дни,—такъ: *подъ 2-мъ*—св. Аѳанасія—ев. іюля 16; *подъ 3-мъ* св. Еспера, Зои (вм. 2-го и безъ прибавки: «и дѣтей его»), Тимоѳея и Мавры — ев. сент. 20; *подъ 4-мъ* — св. Ирины (вм. 5-го) — ев. дек. 4; *подъ 8-мъ* св. Іоанна Богослова, Арсенія вел. ϰαὶ Ἀϰαϰίου (послѣдній въ греч. и слав. подъ 7-мъ числомъ)—ев. Іоанна; *подъ 12-мъ* свв. патр. Епифанія и Германа—ев. ноября 13; *подъ 15-мъ* преп. Θеодора Освящ. (вм. 16-го) и Пахомія—ев. янв. 20; *подъ 20*—св. Фалалея—ев. сент. 4; *подъ 26*—св. Ферапонта вм. 25-го и 27-го, а *подъ 27-мъ* св. ап. Іуды (въ друг. подъ 26 мая, въ слав. подъ 19-мъ іюня); *подъ 31-мъ* одного Ермія—ев. сент. 2.

Мѣсяцъ іюнь: нѣтъ памятей на 6, 16 и 22 числа; еванг. чтеній полностію три: 1) на 24-е отъ Луки зач. 1-е (Понеже мнози начаша — здѣсь предъ 5-мъ стихомъ на полѣ помѣчено: ἀρχὴ τοῦ γενέσιου), 2, на 29-е отъ Мѳ. зач. 67-е (Пришедъ же Іисусъ во страны) и 3, на 30-е отъ Мѳ. зач. 34 (Видѣвъ же народы); на остальные дни лишь указанія по мѣсяцамъ и числамъ по преимуществу. Особенности: *подъ 5-мъ* числомъ св. Дороѳея (по друг. 6-го)—ев. окт. 31; *подъ 15-мъ*—св. Тихона (по друг. и слав. 16-го)—ев. ноября 31.

Мѣсяцъ іюль: нѣтъ памятей на 6, 7, 10, 14, 21, 23 и 28 числа; полностію еванг. чтеній два: 1-е на 8-е (память велик. Прокопія) отъ Луки и 2-е на 16 число (память 4-го всел. собора) отъ Мѳ.; на остальные дни указанія преимущественно на мѣсяцы и числа. Особенности: *подъ 1-мъ* просто: свв. безсребренниковъ (безъ упоминанія именъ); *подъ 4-мъ* одного—св. Андрея Критскаго — ев. іюля 16; *подъ 5-мъ* преп. Марѳы матери Симеона Столбника (τοῦ στυλίτου,—въ слав. подъ 4-мъ)—ев. дек. 4; *подъ 18-мъ* св. Аѳиногена (въ др. и слав. подъ 16-мъ); *подъ*

19-мъ св. Емиліана (вм. 18-го)—ев. отъ Мѳ.; *подъ 30-мъ* св. Іоанна Воина, *а подъ 31-мъ* св. Геласія (въ слав. 23 дек.) — ев. сент. 20, а св. Геласію—окт. 25.

Мѣсяцъ августъ: нѣтъ памятей на 14 и 30 числа; евангел. чтеній полностью три: 1-е на Преображеніе Господне—два: утр. отъ Марка и литург. отъ Мѳ.; 2-е на Усѣкновеніе главы Предтечи—литургійное отъ Марка (а утреннее съ указаніемъ на вторникъ 7 нед. Мѳ.). Разности: *подъ 2-мъ* числомъ Перенесеніе мощей св. архид. Стефана—ев. пятн. 15 нед. отъ Луки и другое отъ Марка; *подъ 3-мъ* только св. Далмата и Фавста—ев. янв. 20; *подъ 9-мъ* ев. ап. Матѳея—безъ указанія ев. чтенія; *подъ 17-мъ*—одного св. муч. Мирона — ев. субб. 3. пасхи; *подъ 20-мъ* св. ап. Ѳаддея (въ слав. подъ 21-мъ) и прор. Самуила—ев. вторн. 13 нед. отъ Мѳ. и другое отъ Мѳ.; *подъ 27-мъ* преп. Пимена (въ др. подъ 28-мъ)—ев. дек. 6.

А. Р.

Лактанцій.

(Біографическій очеркъ).

О многихъ древнихъ, какъ и позднѣйшихъ, писателяхъ можно сказать, что внѣшними событіями жизнь ихъ была небогата, въ особенности по сравненію съ ихъ литературными трудами, что преобладающее значеніе въ жизни этихъ писателей, какъ и сами они заявляютъ иногда, имѣла литературная дѣятельность и что эта же дѣятельность должна получить центральное мѣсто и въ ихъ біографіи. Тоже самое почти можно сказать и о Лактанціѣ, съ одной лишь оговоркой относительно внѣшнихъ событій въ его жизни. Утверждать, что внѣшнихъ событій немного было въ жизни Лактанція, нѣтъ основаній. Но эти событія вполнѣ пока неизвѣстны, и такимъ образомъ дѣло сводится, въ сущности, къ тому же. При изученіи Лактанція также нужно больше и прежде всего имѣть въ виду его литературные интересы, тѣмъ болѣе, что эти интересы и въ глазахъ Лактанція имѣли первенствующее значеніе.

Прямыя историческія данныя о Лактанціѣ довольно малочисленны и неполны [1]). Оттого многіе существенные въ біографіи

---

[1]) Біографическія, историко-литературныя и иныя свѣдѣнія о Лактанціѣ почерпаются отчасти изъ сообщеній о немъ, впрочемъ очень немногихъ и часто состоящихъ всего изъ нѣскольких и даже изъ одного слова, въ сочиненіяхъ и отзывахъ болѣе или менѣе близкихъ къ его времени церковныхъ писателей и дѣятелей, именно Іеронима въ хроникѣ (Chron. ad a. Abr. 2333) (Migne, Patrol. curs. compl., series lat., t. XXVII, col. 670), въ соч. о знаменитыхъ людяхъ (De vir. ill. c. 80),

Лактанція пункты могутъ быть хотя отчасти выяснены и выясняются лишь путемъ разныхъ сопоставленій и при помощи не прямыхъ данныхъ. Таковы вопросы о родинѣ Лактанція, о времени его рожденія, о семьѣ, въ которой онъ родился, его полномъ имени и многомъ другомъ [1]).

Какъ прямыя данныя о Лактанціѣ, такъ и добываемыя посредствомъ разныхъ соображеній заключенія о немъ изложены въ существующихъ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ и замѣткахъ о Лактанціѣ или не вездѣ достаточно полно, или не всегда точно. На-

---

въ комментаріѣ на Екклезіаста (Comment. in Eccles. cap. X), (срав. Migne, VI, col. 77D—79A), на посланіе къ Галатамъ (Comm. in ep. ad Gal. Opp. ed. Vall. 7, 1, 426, Migne, t. XXVI, col. 553CD), къ Ефесянамъ (comm. in ep. ad Ephes. 4, 26, Opp. 7, 1, 628 Vall., Migne t. XXVI, col. 510C.), въ письмахъ къ Павлину (Epist. 58, 10 ad Paulin., Migne, t. XXII, col. 585), къ Магну (Epist. 70, 5 ad Magnum. Migne, t. XXII, col. 668), къ Паммахію и Оцеану (ad Pammach. et Oc. въ Hier. epist. 84, 7, Migne, t. XXII, col. 748),—у Августина (напр. въ De doctr. christ. II, 61 (III, 1, p. 42 F. Maur.), у папы Дамаса (Hier. opp. ed. Vall. 1, 1, 159, Migne, XXII, col. 451—452), папы Геласія, въ его декретѣ de recipiendis et non rec. libris, (Migne, LIX, 163 AB;Brandt, Ueber d. Leben des Lactantius, 10—11); епископа Евхерія въ письмѣ къ Валеріану, (Migne, t. L, col. 719A), Сидонія Аполлинариса, въ письмѣ къ Клавдіану (epist. lib. IV, ep. 3, Migne LIII, 782C); [о сообщеніяхъ о Лактанціѣ у позднѣйшихъ писателей см. Migne, VI 79B сл.]. Болѣе важнымъ источникомъ біографическихъ и иныхъ свѣдѣній о Лактанціѣ, какъ и о многихъ другихъ древнихъ писателяхъ, служатъ его собственныя сочиненія, въ которыхъ разсѣяно нѣсколько цѣнныхъ сообщеній апологета о самомъ себѣ, хотя впрочемъ тоже не многочисленныхъ: Лактанцій не распространяется о своихъ личныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ. При такого рода данныхъ о жизни Лактанція многое въ этой жизни, естественно, остается неяснымъ, почему изслѣдователямъ приходится обращаться къ косвеннымъ пособіямъ и недостатокъ прямыхъ свѣдѣній о жизни этого церковнаго писателя восполнять болѣе или менѣе вѣроятными соображеніями и догадками, основанными на историческихъ и иныхъ данныхъ объ эпохѣ, въ которую жилъ Лактанцій, и о людяхъ, имѣвшихъ въ ту пору значеніе или соприкасавшихся съ нимъ.

[1]) Извѣстный Вальхъ, касаясь одного частнаго вопроса относительно Лактанція, замѣтилъ: sententias cumulare, quae nituntur coniecturis, non necesse est (Walchii Diatribe de Lactantio etc., p. 4). Но если бы строго держаться этого правила, то о жизни Л. не пришлось бы совсѣмъ и говорить, оставляя безъ всякаго отвѣта и даже и въ малой мѣрѣ не удовлетворяя естественныхъ и незаглушимыхъ запросовъ мысли.

стоящій очеркъ, вызванный потребностью пересмотра вопроса о жизни этого писателя, въ связи съ посвященною ему литературою, представляетъ опытъ свода главнѣйшихъ данныхъ и наиболѣе существенныхъ выводовъ о немъ, съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ предположеній, поправокъ, дополненій и ограниченій къ тому, что изложено въ существующей литературѣ о Лактанціѣ [1]).

---

[1]) Въ дальнѣйшемъ изложеніи имѣются въ виду и дѣлаются ссылки на слѣдующія изслѣдованія и статьи о Лактанціѣ:

I. G. Walchii Diatribe de Lactantio въ Вальховомъ изданіи Лактанція, Lipsiae, 1715.

Lactantii vita въ изд. Migne, Patr. lat., VI, 75.C sqq. и біографическія замѣчанія въ Praefatio Nicolai Lenglet Dufresnoy in Lactantium—нѣсколько выше.

Excerpta de vita Lactantii въ изданіи Бюнеманна 1739 г.

Замѣтки о жизни и литературныхъ трудахъ Л., изложенныя въ notae разныхъ комментаторовъ на соч. Л., напр. Josephi Isaei въ Migne VI, 883 сл., Stephani Balusii въ M. VII, 299Б сл. и проч.

J. Chr. F. Baehr. Gesch. d. Röm. Lit., I Band, 4 Aufl. 1868,—Supplement—Band, Die christlich-römische Literatur, II Abth., Carlsruhe, 1837, S. 72 folg.

Его же статья о Лакт. въ Pauly Real-Encycl., IV Bd. (1846), S. 717—718.

Möhler, Patrologie, 1840, I, 917 сл.

Ch. Leuillier, Études sur Lactance, Beauvais, 1846, p. 3—7.

Overlach, Die Theologie des Lactantius, Schwerin, 1858, S. 1 ff.

P. Bertold, Prolegomena zu Lactantius, 1861, S. 5 folgg.

Jansen, Des Firmianus Lactantius Leben und Schriften, въ Bibliothek der Kirchenväter, Auswahl d. vorzügl. patrist. Werke, hrsg. v. V. Thalhofer, Bändch. 154, 178 и 188.

A. Ebert, Gesch. d. chr.-lat. Literatur, 2 Aufl., Leipzig, 1889, S. 72 ff. Тоже изданіе имѣется въ виду и при другихъ ссылкахъ на Эберта.

W. S. Teuffels, Gesch. d. R. Lit., neu bearb. von L. Schwabe, 5 Aufl., 1890, § 397, S. 996 ff. Срав. въ Vorwort. S. VI, сообщенеі издателя о помощи ему Ф. Г. Рейша (F. H. Reusch) по отношенію къ патристической литературѣ.

S. Brandt, Ueber das Leben des Lactantius, Wien, 1890 и Prolegomena къ его изданію первой части сочиненій Лактанція, pag. VII. Изслѣдованія Брандта составляютъ трудъ капитальный.

Журнальныя статьи и иныя изслѣдованія, на которыя дѣлаются указанія, цитуются въ подлежащихъ мѣстахъ вполнѣ.

Изъ русскихъ изданій цитуются кратко:

Избранныя мѣста изъ лат. христіанскихъ писателей до VIII вѣка. Составилъ И. Помяловскій. 1878.

Гдѣ родился Лактанцій?—Вопросъ этотъ находится въ связи съ вопросомъ о полномъ имени Лактанція, и отвѣтъ на него отчасти зависитъ отъ такого или иного рѣшенія послѣдняго вопроса, почему необходимо сначала коснуться имени писателя.

Блаженный Іеронимъ и Августинъ называютъ Лактанція просто или Лактанціемъ или Фирміаномъ, и только въ одномъ мѣстѣ у Іеронима употреблены рядомъ оба эти названія; другихъ наименованій его у названныхъ отцовъ не встрѣчается; Евхерій называетъ его Фирміаномъ. Отсюда Селье заключалъ, что у Лактанція и не было другихъ именъ. Въ подтвержденіе же такого своего взгляда онъ ссылался на свидѣтельства бывшихъ ему извѣстными девяти манускриптовъ туринской библіотеки и одного болонскаго, очень древняго, по его словамъ. Такой взглядъ въ настоящее время можетъ имѣть, конечно, лишь чисто историческій интересъ [1]).

Вопросъ объ именахъ Лактанція рѣшается [2]) прежде всего сви-

---

Избранныя мѣста изъ соч. Лактанція Inst. Div. Составилъ М. Гурьевъ. 1889.

Текстъ писателя приводится по изданію въ Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum, editum consilio et impensis Academiae litterarum Caesareae Vindobonensis, vol. XIX, pars I (Divinae Inst. et Epitome Div. Inst., rec. Samuel Brandt,, 1890), и въ Patrologiae cursus completus, accurante Migne, series latina, tom. VI—VII (1844).

[1]) Придавая въ данномъ случаѣ рѣшающее значеніе тому обстоятельству, что у Іеронима и другихъ встрѣчаются лишь указанныя имена Лактанція, названный изслѣдователь очевидно упустилъ изъ виду обычную у римлянъ манеру называть латинскихъ писателей, при ссылкахъ на нихъ, не полнымъ ихъ именемъ, а только тѣмъ ихъ именемъ, подъ которымъ они были наиболѣе извѣстны своимъ согражданамъ *), подобно тому, какъ и новые народы своихъ извѣстнѣйшихъ писателей, а равно и другихъ видныхъ дѣятелей называютъ лишь однимъ изъ ихъ «именъ», если употребить старое выраженіе, или одною ихъ «фамиліей», если пользоваться новой терминологіей. И римскіе поэты и римскіе прозаическіе авторы, на протяженіи всей исторіи римской литературы, какъ и позднѣе, были называемы обыкновенно только однимъ изъ трехъ или четырехъ, формально принадлежавшихъ имъ именъ, и уже гораздо рѣже двумя именами. Этому обычаю слѣдуетъ и Лактанцій.

[2]) Нѣкоторые изслѣдователи обходятъ этотъ вопросъ. O. Fr. Fritzsche, въ praefatio къ первой части своего изданія, придавши Лак-

---

*) И въ обыденной жизни полное имя не употреблялось. См. Marquardt, Privatleben d. Römer, S. 11—12.

дѣтельствомъ рукописей. По указаніямъ послѣднихъ, личное имя Лактанція было Луцій (Lucius) [1]) и относительно этого предмета разногласій нѣтъ. Споръ объ именахъ Лактанція прежде всего относится къ его родовому имени, и вызванъ онъ, какъ замѣчаетъ Брандтъ въ своихъ Prolegomena, p. VII [2]), тѣмъ, что Балюзій, приписавшій Лактанцію книгу „О кончинахъ гонителей", въ надписаніи которой стоитъ — Lucii Caecilii, призналъ нужнымъ дать

танцію наименованіе Firmianus Lactantius, дѣлаетъ затѣмъ по этому поводу такое замѣчаніе: Quae nomina Lactantio fuerint, aegre dixeris. Secutus sum plerosque libros scriptos; reliquorum haec potissimum est discrepantia, ut alii inverso ordine exhibeant L. F., quidam nomina praemittant Lucius Coelius vel L. Caecilius. Est haec res alicuius momenti. Но дальше этого замѣчанія издатель не пошолъ. Любопытно, что въ изданіи Fritzsche въ титулѣ значится: Firmiani Lactantii, а на каждой страницѣ вверху текста—Lactantii Firmiani. Чѣмъ вызвана была эта непослѣдовательность? Неувѣренностью? Намѣренна она или случайна?

[1]) Какъ у насъ имена даются иногда по нѣкоторымъ особеннымъ основаніямъ и нареченіе дитяти тѣмъ или другимъ именемъ пріобрѣтаетъ чрезъ то особенный смыслъ, такъ и у язычниковъ личныя имена давались иногда по особеннымъ сооображеніямъ. По объясненію въ Pauli Diaconi excerpta ex lib. Pomp. Festi de signif. verb. lib. x (Lindemannus, Corpus gramm. lat. vet., t. II, Lips. 1832, p. 89), Lucius praenomen est eius qui primum fuit, quia luce oriente natus est. И дальше: Manius praenomen dictum est ab eo, quod mane quis initio natus sit, ut Lucius, qui luce. Въ двухъ объяснительныхъ замѣчаніяхъ къ слову Lucius, приведенныхъ въ названномъ изданіи (pag. 478), сказано: Lucius. Qui oriente luce natus (Dac.), и затѣмъ: idem Varro de L. L. V. circa principium (VI, p. 185. Sp.) (Goth.). Сравн. ibid. pag. 505 въ комм. къ слову Manius: «Varro lib. VIII (p. 500. St.): Forsitan ab eo, qui mane natus diceretur, ut is Manius esset, ut qui luci, Lucius. Срав. въ Marquardt, Priv.—L. d. R., S. 10, A. 2 выдержку изъ Mommsen Röm. Forsch I, 43: Der Bedeutung nach geben die Praenomina, so weit sie verständlich sind, der grossen Mehrzahl nach, entweder die Umstände der Geburt an, z. B. Lucius, Manius, der am Tage, am Morgen geborene, etc. Можно догадываться, что такое же значеніе имѣло и имя Лактанція «Lucius».

[2]) Срав. Ueber das Leben d. L., 3. Брандтъ въ Prolegomena, въ нѣкоторыхъ частностяхъ, отступаетъ отъ изложенія своихъ мыслей въ Ueber das Leben d. L. Для болѣе точнаго опредѣленія времени, когда были изданы эти изслѣдованія Брандта, сравн. дату въ Ueber d. L., 42: «ausgegeben am 7 Februar 1890» и Брандтово дополнительное сообщеніе на стр. 41,—и дату въ Proleg. p. CIX: «dabam Heidelbergae mense Martio a. MDCCCLXXXX».

Лактанцію и имя Цецилія. Этотъ вопросъ рѣшается, хотя и не окончательно, свидѣтельствами рукописей: въ древнѣйшихъ и лучшихъ изъ этихъ рукописей Лактанцій называется Целіемъ (Caelius) [1]). Къ этому присоединяется еще то соображеніе, что имя „Цецилій" было переписчикамъ гораздо знакомѣе, чѣмъ „Целій", потому что церковь католическая въ числѣ святыхъ почитаетъ не мало Цециліевъ, между тѣмъ какъ съ именемъ „Целій" есть только одинъ святой—Целій Седулій, и—слѣдовательно—появленіе имени Цецилія въ нѣкоторыхъ спискахъ Лактанція объясняется весьма естественно [2]). Принадлежность Лактанцію имени Caelius отчасти подтверждается, повидимому, и тѣмъ обстоятельствомъ, что извѣстному автору схолій на эпосъ Стація „Ѳиваиду" было усвоено во многихъ рукописяхъ имя Caelius Firmianus Lactantius Placidus вслѣдствіе того, что этотъ схоліастъ смѣшивался съ апологетомъ [3]). О томъ, что это былъ за родъ Целіевъ, къ которому принадлежалъ Лактанцій, ничего навѣрное сказать нельзя [4]).

---

[1]) Безспорно, имя Caelius въ настоящее время является засвидѣтельствованнымъ несравненно лучше, чѣмъ имя Caecilius. Однако слѣдуетъ замѣтить, что сужденія Брандта, оцѣнивавшаго testimonia codicum, нѣсколько рѣшительны. Свидѣтельство болонскаго кодекса VI—VII в. не можетъ имѣть такой же убѣдительной силы, какъ свидѣтельство кодекса, современнаго Лактанцію и тѣмъ болѣе вышедшаго изъ рукъ самого автора. При ссылкѣ на одинъ изъ парижскихъ кодексовъ IX вѣка самъ же Брандтъ ставитъ предположеніе, что одно изъ свидѣтельствъ, здѣсь находящихся, принадлежитъ другой рукѣ. Вообще врядъ ли пока можно сказать, что quaestio testimoniis codicum deciditur окончательно (ср. Brandt, Prolegomena partis prioris, p. VII).

[2]). Proleg., p. VII; Ueber d. L., 3, A. 2.

[3]) См. Teuffel - Schwabe, § 321, Anm. 10, S. 785. Изъ приведеннаго факта во всякомъ случаѣ слѣдуетъ, что въ то время, къ которому относятся указанныя рукописи, Лактанцію усвоялось имя Целія.

[4]) Leuillier, который (p. 4) считаетъ имя Coelius родовымъ именемъ (le nom de famille), на основаніи принадлежности Лактанцію этого имени считаетъ возможнымъ предполагать, что Л. принадлежалъ къ извѣстному роду Целіевъ, игравшему довольно видную роль въ исторіи Рима. Важная должность, которую впослѣдствіи довѣрилъ Лактанцію Константинъ, до нѣкоторой степени оправдываетъ, по мнѣнію Лелье, эту мысль. Въ пользу ея указываетъ онъ еще на то, что, по его словамъ, въ нѣкоторыхъ манускриптахъ къ другимъ именамъ апологета присоединяется еще

Что касается одного изъ двухъ остальныхъ именъ писателя, именно Firmianus, то вопросъ о немъ находится въ тѣснѣйшей связи съ вопросомъ о родинѣ Лактанція, къ которому и обратимся.

О мѣстѣ родины Лактанція не говоритъ ни одинъ изъ древнихъ писателей, какъ не упоминаетъ объ этомъ и самъ Лактанцій. Изъ словъ послѣдняго видно только одно, что онъ происходилъ изъ западной половины римской имперіи, такъ какъ римляне для него nostri, которыхъ онъ противополагаетъ грекамъ (graeci) [1]. Мѣсто родины Лактанція опредѣляется предположительно [2]. При этомъ мнѣнія расходятся. Значительная часть изслѣдователей склоняется къ мысли о происхожденіи Лактанція изъ Африки. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невѣроятнаго, и прежде всего— съ общей точки зрѣнія на развитіе римской литературы. Эта литература, еще въ періодъ республики, вслѣдствіе постепеннаго расширенія политическаго значенія Рима, болѣе и болѣе становившаяся обще-италійскою литературою, нѣсколько позже перешла и границы Италіи. Въ числѣ носителей и представителей ея больше и больше является уроженцевъ и питомцевъ римскихъ провинцій. Между послѣдними особенно выдвигаются римскія провинціи на сѣверѣ Африки. Кромѣ языческихъ писателей [3]) отсюда вышли Тер-

---

имя Caldus, принадлежавшее многимъ выдающимся членамъ рода Целіевъ. Предположеніе Лелье, очевидно, виситъ въ воздухѣ.

[1]) Divin. Inst. I, 5, 11 и др. (M. VI, 132A). Срав. Div. Inst. VII, 15, 11—12 (M. VI, 787A). Боль сердечная, съ которою говоритъ здѣсь Л. объ униженіи римскаго имени, повидимому свидѣтельствуетъ только о патріотизмѣ Л. и врядъ ли указываетъ на происхожденіе его.

[2]) Вопросъ о родинѣ Л. возникалъ уже давно. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ декрета папы Геласія отъ 495—496 г. De recipiendis et non recipiendis libris, въ числѣ apocrypha, назывались opuscula Lactantii sive Africani sive Firmiani. Въ лучшихъ рукописяхъ нѣтъ словъ: sive Africani sive Firmiani (см. Brandt, Ueber d. L., 11), но въ нѣкоторыхъ—положимъ, и худшихъ—рукописяхъ они все же существовали. Отсюда видно не только то, что во время появленія этихъ рукописей или даже ихъ оригиналовъ уже существовалъ вопросъ о родинѣ Л., но и то, что этотъ вопросъ оставлялся нерѣшоннымъ ни въ ту, ни въ другую сторону.

[3]) См. по этому предмету сводъ нѣкоторыхъ данныхъ въ Pauly Real-Encycl. d. cl. A.—Wissensch., V (1848), 738.

тулліанъ, Кипріанъ, Арнобій, а также, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Минуцій Феликсъ,—рядъ весьма видныхъ христіанскихъ писателей, къ которымъ позднѣе присоединился Августинъ. Къ этимъ писателямъ, даннымъ римской литературѣ Африкою, причисляютъ нѣкоторые и Лактанція, основываясь на разныхъ соображеніяхъ и между прочимъ на разсмотрѣніи имени Лактанція—„Firmianus“. Къ довольно многочисленнымъ изслѣдователямъ, высказывающимся за африканское происхожденіе Лактанція, принадлежитъ и Брандтъ, новѣйшій издатель и изслѣдователь сочиненій этого автора.

Значительная часть другихъ древнихъ и новыхъ писателей о Лактанціѣ [1]) держится мнѣнія о происхожденіи его не изъ Африки, а изъ Италіи, при чемъ самое имя Firmianus производятъ отъ названія города Firmum въ Пиценской области [2]),—и это мнѣніе имѣетъ за себя не мало основаній. Во всякомъ случаѣ его нельзя еще считать сданнымъ въ архивъ и имѣющимъ одинъ только историческій интересъ даже и послѣ направленной противъ него аргументаціи Брандта, какъ нельзя закрывать глаза (что̀ иногда повидимому дѣлается) на слабыя стороны противоположнаго мнѣнія [3]).

---

[1]) Overlach, стр. 1—2, говоритъ: als Geburtsort (des Lactanz) hat man ...in neuester Zeit durchweg Italien angenommen. Bertold, S. 6, говоритъ, что der grössere Theil der neueren Historiker in Lactantius den eigentlichen Familiennamen, in dem Beinamen Firmianus aber das nomen patrium von dem alten Firmium im picentischen Gebiet erkennen wollen. По Брандту (Ueb. d Leb., 5) in neuester Zeit kommt mehr und mehr die Meinung auf, Lactanz stamme aus Italien, und zwar aus Firmum in Picenum, dem heutigen Fermo. Обзоръ мнѣній прежнихъ изслѣдователей, высказывавшихся въ этомъ смыслѣ, данъ Брандтомъ l. c., отчасти Вальхомъ, p. 9 sqq. Относительно того же предмета есть новѣйшая брошюра Curi-Colvanni, L'origine fermana di Lattanzio, Fermo, 1890, но эта небольшая брошюра (12 p. по B. ph. cl., 1891, I) извѣстна автору настоящей статьи по одному заглавію.

[2]) О другихъ производствахъ, о которыхъ можно сказать только то, что они оригинальны, см. Walchii Diatribe 10, 12,—Brandt, Ueb. d. L., 5, A. 1.

[3]) Нѣкоторая слабость этого послѣдняго мнѣнія обнаруживается уже изъ общей постановки направленной въ защиту его аргументаціи. Вотъ сущность этой аргументаціи: такъ какъ Іеронимъ, въ соч. De vir. illustr., гл. 80, говоритъ, что Л. былъ ученикомъ Арнобія, который, по гл. 79, Siccae apud Africam былъ учителемъ риторики,—что, далѣе,

Невозможность производства имени Firmianus отъ формы Firmum можетъ быть признана доказанною, по основаніямъ, приведеннымъ еще у Оверлаха [1]) и потомъ значительно дополненнымъ въ изслѣдованіи Брандта, который ссылается на новую литературу по этому предмету [2]). Но въ нѣсколько иномъ видѣ представляется дѣло, если производить Firmianus отъ другой формы названія указаннаго города. На эту сторону дѣла обращалось вниманіе уже давно. Касается этого пункта и Брандтъ. На стр. 7 его брошюры о жизни Лактанція читаемъ: „Конечно, то̀ вѣрно, что̀ говоритъ Мекки (Mecchi) на стр. XI и 38 сл. (своего изслѣдованія о Лактанціѣ и его родинѣ), что рядомъ съ греческой формой Φίρμον (у Страбона V, 4, 2) была и другая форма Φίρμιον (у Птоломея III, 1, 52 (45), и что у единственнаго автора, кото-

---

отъ Л. сохранился «Symposium», quod, по словамъ Іеронима же, adolescentulus scripsit Africae, и затѣмъ Ὁδοιπορικόν Africa usque Nicomediam hexametris scriptum versibus, то ничего нѣтъ естественнѣе, какъ признать, что Л. и родился въ той странѣ, въ которой жилъ совсѣмъ еще молодымъ человѣкомъ. Такъ излагается этотъ взглядъ Брандтомъ (въ Ueb. d. L., 5), который и самъ раздѣляетъ его. Также въ сущности аргументируютъ и нѣкоторые другіе защитники его (напр. Overlach, S. 2, De-Vit въ Onomasticon, II, 33, выражающійся впрочемъ сдержанно, и Teuffel-Schwabe § 397, A. 1, S. 997, а еще раньше и ихъ и Брандта такъ же разсуждалъ St. Baluzius (M. VII, 299). Но изъ данныхъ, лежащихъ въ основаніи приведенной аргументаціи, слѣдуетъ только то, что Лактанцій получилъ риторическое образованіе въ Африкѣ, и совсѣмъ не вытекаетъ съ необходимостью заключенія, что Африка была и его родиной. Блаж. Августинъ былъ африканецъ и однако онъ находился одно время подъ руководствомъ св. Амвросія въ Миланѣ, Квинтиліанъ родился въ Испаніи, но образованіе получилъ въ Римѣ, и т. д. [На возможное при этомъ возраженіе словами автора Lactantii vita въ Migne VI, 75C: nec mos fuit umquam Romanorum aut Italorum Africam petere, ut eloquentiam aut scientias edocerentur, imo Afri in Italiam disciplinarum aut artium discendarum ergo immigrabant saepissime, можно отвѣтить замѣчаніемъ, что нѣтъ никакой необходимости предполагать поѣздку Лактанція въ Африку именно съ образовательными цѣлями. Онъ могъ отправиться туда съ своими родителями, по обстоятельствамъ жизни послѣднихъ]. При томъ нужно полагать, что свою первую юность провелъ Л. не у Арнобія, потому что у римлянъ было не въ обычаѣ отдавать дѣтей съ самаго начала прямо риторамъ, минуя другихъ учителей.

[1]) Overlach, 1.

[2]) Brandt, Ueb. d. L., 6—7.

рый даетъ греческое названіе обывателей именно, у Плутарха, въ Cato mai. 13, дважды встрѣчается имя Φιρμιανοί; эти Φιρμανοί принимаются здѣсь въ смыслѣ Firmana cohors, Liv. 44, 40, 6. На этомъ мѣстѣ, кромѣ другихъ ничтожныхъ основаній [1]), основываетъ Мекки свое положеніе, что Firmianus, какъ cognomen Лактанція, нужно производить отъ Firmum. А чтобы еще болѣе оправдать эту форму имени, онъ долженъ прибѣгнуть къ совершенно невѣроятному предположенію, что Лактанцій принялъ это cognomen въ греческой формѣ уже позднѣе, когда онъ жилъ въ Никомидіи, гдѣ говорили по гречески, подобно тому, какъ и Помпоній назвалъ себя Аттикомъ (Atticus). Подобнаго рода гипотезы, взятыя изъ воздуха, въ основаніи которыхъ лежитъ еще недоказанное предположеніе, будто въ греческомъ языкѣ существовала только одна форма—Φιρμιανοί и не было вмѣстѣ съ ней и формы Φιρμανοί,—не нуждаются и въ опроверженіи“ [2]). Напрасно такъ пренебрежительно относится нѣмецкій ученый къ нераздѣляемому имъ мнѣнію, не считая его даже заслуживающимъ опроверженія. Предположеніе Мекки на счетъ того, что Лактанцій принялъ (допустимъ—греческую) форму имени—Firmianus въ бытность свою въ Никомидіи, во всякомъ случаѣ не болѣе невѣроятно, чѣмъ и Брандтова голословная, ничѣмъ не подтверждаемая, критика этого предположенія. Затѣмъ, развѣ не могло и у римлянъ существовать формы Firmium, кромѣ формы Firmum, какъ существовали у грековъ формы Φίρμον и Φίρμιον [3])? И откуда всего естественнѣе сами греки могли взять свою форму Φίρμιον, какъ не у римлянъ?

Но если могла существовать форма Firmium, то возможно ли производство имени Firmianus отъ Firmium?—Оверлахъ, который

---

[1]) Объ этихъ безусловно слабыхъ (nichtigen) основаніяхъ Брандтъ дѣлаетъ слѣд. замѣчаніе: «Не вѣрна ссылка на Ливія (безъ указанія мѣста) въ подтвержденіе формы Firmianus у Мекки стр. XI, прим. 1, и стр. 39; совершенно ненадежна (unsicher), какъ указываетъ самъ Мекки на стр. XII, подпись епископа подъ актами латеранскаго собора 649 г.; примѣры же изъ времени возрожденія (Мекки стр. XII сл.) не доказываютъ ничего».

[2]) Brandt, Ueber das Leben d. L., 7.

[3]) См. Onomasticon de-Vit, s. v. Firmum.

самое это названіе Firmium считаетъ сомнительнымъ [1]) замѣчаетъ, что отъ этого слова, по аналогіи съ именами мѣстъ на—ium, могло бы быть образовано прилагательное только въ видѣ Firminus или Firmiensis. Къ этому онъ прибавляетъ, что форма Brundisianus отъ Brundisium, какъ противная всякой аналогіи, не надежна [2]). Справки съ lexica не оправдываютъ этихъ рѣшительныхъ словъ Оверлаха. Авторъ настоящей статьи пересмотрѣлъ довольно надежный лексиконъ Клотца и нашолъ, что даже въ этомъ лексиконѣ, назвать который полнымъ нельзя, для разсматриваемой формы есть аналогіи. Въ лексиконѣ Клотца указана издателемъ словаря (s. v. Amorianus), по Muratori inscr. 1016, 8, слово Amorianus, съ значеніемъ „aus Amorium in Phrygien"; относительно же самаго города сказано: „Amorion od. Amorium, Stad- in Phrygien", при чемъ сдѣлана ссылка на tabula Peutingeriane (Amorianus, adject. ab Amorium, съ значеніемъ ad Amorium pertinens, указывается и въ Onomasticon de-Vit). Затѣмъ, въ томъ же словарѣ и также самимъ Клотцемъ приведено слово Antianus, a, um, съ значеніемъ „zur Stadt Antium gehörend", и сдѣлана ссылка на Cic. ap. Non. (Antianus значится и въ De-Vit Onomasticon, при чемъ приведено нѣсколько цитатъ). Тамъ же значится: Summoenianus, a, um, von der Mauer her, при

---

[1]) Die unsichere Lesart Firmium, welche sich vereinzelt bei Ptolomaeus findet. Overlach, 1. Сравн. Walchii Diatr., 12: Ptolemaeus—posuit Φίρμιον. Quamvis Vossius de Historicis latinis opere libr. II, c. 7, p. 192: «Lactantius, cui patria Firmum Picenum (Φίρμιον corrupte vocatur in codd. Ptolemaei) Diocletiani temporibus docuit Rhetoricen Nicomediae»; tamen non video, ob quam causam asserat, scripturam hanc male sanam esse.

[2]) Brundisianus von Brundisium (vgl. Scheller) ist, weil gegen alle Analogie, jedenfalls unhaltbar. Въ лексиконѣ Клотца (Handwörterbuch der lat. Spr., hrsg. von Klotz, 6-er Abdruck, 1879) слово Brundisianus признается и дѣлается ссылка на Plin. 32, 6 (21), 61. Георгесъ это мѣсто у Плинія приводитъ въ подтвержденіе формы Brundisinus, въ приложеніи въ данномъ мѣстѣ къ слову ostrea. De-Vit въ Onomasticon tom I, pag. 762, s. v. Brundisium, говоритъ de derivato Brundisinus, pro quo in antiquis MSS. et editis libris aliquando legitur Brundusinus, Brondisinus vel Brundisianus, ut — прибавляетъ лексикографъ—suo loco adnotavimus.

чемъ процитованъ Mart. 3, 82, 2 и 11, 61, 2; относительно же Summoenium, отъ котораго происходитъ это прилагательное, замѣчено: hinter der Mauer, eine Gegend in Rom. Этотъ примѣръ, конечно, не вполнѣ подходитъ къ настоящему случаю, но отчасти все же подходитъ: образованіе прилагательнаго отъ названія мѣстности представляетъ аналогію съ вышеуказаннымъ производствомъ прилагательныхъ отъ названій городовъ. Приведенное объясненіе реченій Summoenianus и Summoenium принадлежитъ одному изъ сотрудниковъ лексикографа, Фр. Любкеру. Сюда же относится слово Tritianus, a, um, производимое тѣмъ же Любкеромъ предположительно отъ Tritium (Τρίτιον), St. in Hispania Tarraconensi im Gebiete der Autrigoner, съ ссылкой на Plin. 3, 3 (4), гдѣ упоминается этотъ городъ, и на Plin. 19, 8 (41), гдѣ встрѣчается указанное прилагательное. Приведенныхъ примѣровъ, подтверждающихъ возможность производства имени Firmianus отъ названія города Firmium, немного, но и ихъ оставлять безъ вниманія нельзя, особенно если принять въ соображеніе допущеніе даже такъ наз. ἅπαξ λεγόμενα, а также и то, что слова, которыя признавались встрѣчающимися въ римской литературѣ только одинъ разъ, при дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказываются иногда употребленными гораздо больше разу [1]). Если бы даже въ существующей древне-латинской литературѣ и въ основанныхъ на ней лексиконахъ и не встрѣчалось производныхъ именъ, оканчивающихся на—ianus, отъ именъ городовъ на—ium, то это еще не давало бы права заключать, что такихъ производныхъ никогда не было и быть не могло: всей существовавшей когда-то латинской литературы не сохранилось и оттого всѣхъ латинскихъ словъ, которыми пользовались италійцы, мы не знаемъ и, конечно, никогда не узнаемъ, хотя число извѣстныхъ словъ трудами изслѣдователей постоянно увеличивается. Затѣмъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что Firmanorum Castellum или Firmum Castellum носитъ у итальянцевъ названіе Firmiano [2]). Это обстоятельство пріобрѣтаетъ

---

[1]) См., напр., Georges, Ausführl. lat.—d. Handwörterb., VI Aufl., Vorrede, S. VI—VII.

[2]) G. A. Saalfeld, Deutsch-Latein. Handbüchlein der Eigenamen etc.

особенное значеніе, если примемъ въ соображеніе, что, разъясняя вопросъ о Firmium-Firmum, мы имѣемъ дѣло съ фонетикой латинской уже второй половины 3 вѣка, когда вульгарная латынь и вульгарное произношеніе больше и больше распространялись и усиливались и когда, слѣдовательно, нѣкоторыя латинскія имена городовъ могли уже явиться въ формѣ, напоминающей соотвѣтствующія итальянскія названія.

Брандтъ, не придающій значенія тѣмъ историческимъ даннымъ и соображеніямъ въ пользу указанной этимологіи имени Firmianus, которыя были ему извѣстны, признаетъ вѣрнымъ то объясненіе этого имени, которое уже давно предложено было Гейманомъ (Heumann) и по которому Firmianus есть производное имя отъ имени Firmus. „Надписи во множествѣ представляютъ примѣры такихъ образованій: Flaccus Flaccianus, Florus Florianus, Fuscus Fuscianus... Cognomen Firmus не рѣдко; въ африканскихъ надписяхъ (CIL. VIII), представляющихъ для насъ особенный интересъ въ вопросѣ о Лактанціѣ, оно встрѣчается разъ 15. Быть можетъ, отецъ Лактанція носилъ это cognomen, какъ, напримѣръ, въ надписи, приведенной въ Marquardt-Mommsen Handbuch d. röm. Alterthümer, VII² S. 24, Anm. 5, третій сынъ нѣкоего М. Косинія Приска (M. Cosinius Priscus) носитъ имя М. Косинія Присціана (M. Cosinius Priscianus). Но, быть можетъ, это имя Firmianus есть дальнѣйшее развитіе родоваго имени матери Лактанція, подобно тому, какъ сынъ Флавія Сабина и Веспасіи Поллы (Vespasia Polla) получилъ имя Т. Флавія Веспасіана (T. Flavius Vespasianus). Въ такомъ случаѣ, въ качествѣ родоваго имени матери нужно предположить часто встрѣчающееся вездѣ, засвидѣтельствованное и для Африки (CIL. VIII, 730; 2586.34; 3667; 4981—Firmia) имя Firmius. Но сверхъ того возможно и производство отъ имени другихъ родственниковъ или другихъ близкихъ людей (срав. Marquardt, указ. соч., стр. 25). Имя Firmianus можно указать много разъ: въ

(Leipz. 1885), Sp. 172. Сравн. относительно castellum Firmanorum словарь Georges s. v. Firmum (Ausführl. Lat.—D. Handwörterbuch, 8-te Aufl., 1869).

верхней Италіи—CIL. V. 4449.19. 5068. 5633, въ средней Италіи CIL. IX. 1038. 1656 M. Tanonius Firmianus; въ раньше указанныхъ примѣрахъ, въ отличіе отъ послѣдняго, трехъ именъ не содержится. Изъ Испаніи есть имя въ CIL. II, 4568. Но—замѣчательно—именно Африка даетъ сравнительно большее число примѣровъ, въ которыхъ Firmianus стоитъ на третьемъ мѣстѣ въ качествѣ cognomen. CIL. VIII. 7241: L. Caecilius Firmianus, въ надгробной надписи одного 25-ти-лѣтняго молодого человѣка,—по игрѣ случая, совершенно тоже имя, которое желалъ Балюзій дать Лактанцію; 2569.11: C. Pompeius Firmianus, по прямому указанію—изъ Ламбэза (Lambaesis)...; изъ Мавританіи 8551: Q. Considius Firmianus, въ надгробной надписи одного 23-хъ-лѣтняго молодого человѣка. Ужели и всѣ эти люди—изъ Фирма (Firmum), какъ, по Мекки, слѣдовало бы утверждать, вопреки фактамъ (den Thatsachen zum Trotz)? Еще называется епископъ провинціи Нумидіи Фирміанъ (Firmianus) въ спискѣ епископовъ, собравшихся на совѣщаніе въ Кароагенѣ въ 484 г., въ Victor Vitensis ed. Petschenig p. 119, 6. Такимъ образомъ является совершенно простое и вполнѣ надежное объясненіе (eine ganz einfache und völlig sichere Erklärung) имени „Фирміанъ", между тѣмъ какъ, напротивъ, производство этого имени отъ Firmum противорѣчитъ всѣмъ фактамъ и аналогіямъ (allen Thatsachen und Analogien). Быть можетъ, прибавляетъ Брандтъ, мое опроверженіе этого взгляда покажется излишне обстоятельнымъ, но, въ виду обнаружившагося въ послѣднее время предпочтенія италійскаго происхожденія Лактанція, оказалось нужнымъ въ точности изложить частнѣйшія основанія и доказательства въ пользу защищаемаго здѣсь взгляда" [1]).

Брандтъ безспорно подыскалъ и сгруппировалъ немало новыхъ основаній въ защиту раздѣляемаго имъ взгляда и, сравнительно съ другими изслѣдователями, посвящавшими свой трудъ тому же предмету, хорошо обставилъ свое мнѣніе, притомъ доказательствами

---

[1]) Brandt, Ueber d. Leben d. L., 8—9.

очень вѣскими, именно лапидарными. Но отсюда еще далеко до признанія взгляда, который Брандтомъ отстаивается, несомнѣнно правильнымъ. Нѣмецкій ученый напрасно называетъ свое объясненіе имени Firmianus вполнѣ надежнымъ. О недостаточной надежности его свидѣтельствуетъ уже одно то, что Брандтъ далъ цѣлыхъ три частнѣйшихъ объясненія происхожденія имени Firmianus, хотя и объединяемыхъ одною общею точкою зрѣнія, и всѣ эти три объясненія призналъ возможными. Слишкомъ много сказалъ онъ и тогда, когда призналъ защищаемый имъ взглядъ „вполнѣ простымъ", а отвергаемый—„противорѣчащимъ всѣмъ фактамъ и аналогіямъ". Брандтъ не представилъ подробнаго опроверженія не раздѣляемаго имъ взгляда, хотя и считаетъ свое опроверженіе даже слишкомъ обстоятельнымъ, чѣмъ значительно ослабилъ силу своей аргументаціи. Взглядъ его, конечно, правдоподобенъ, даже весьма правдоподобенъ, но и только [1]).

Доказывая африканское, а не италійское происхожденіе Лактанція, Брандтъ основывается еще на усвояемомъ Лактанцію имени „Цэлій" и при этомъ предлагаетъ слѣдующее соображеніе: „Родовое имя Цэлій (Caelius, Coelius) въ африканскихъ надписяхъ встрѣчается необыкновенно часто; указатель относящагося сюда VIII

---

[1]) Въ указанномъ отношеніи взглядъ Брандта можно отчасти сравнить съ взглядомъ Оверлаха. Находя неосновательнымъ видѣть въ имени Firmianus указаніе на мѣсто родины Л., Оверлахъ считаетъ естественнымъ и легкимъ сдѣлать такое предположеніе: въ имени Firmianus заключается указаніе на то, что подлинное имя Лактанція было Firmius и что онъ былъ усыновленъ нѣкіимъ Луціемъ Цэліемъ (Overlach, 1). Опираясь, очевидно, на значеніе нѣкоторыхъ именъ, оканчивающихся на —anus, когда эти имена принадлежатъ лицамъ, переходящимъ изъ одного рода въ другой, и имѣя въ виду примѣры такихъ лицъ, какъ P. Cornelius Scipio Aemilianus Africanus minor, Оверлахъ полагаетъ, что Л. сначала назывался Фирміемъ, но потомъ, когда какой-то Луцій Цэлій усыновилъ его, онъ принялъ имя усыновившаго его лица и сталъ также и самъ называться Луціемъ Цэліемъ, какъ это обыкновенно бывало въ подобныхъ случаяхъ, присоединивъ къ этому имени, также по обычаю, и прежнее свое (родовое?) имя съ прибавленіемъ къ нему окончанія — anus. Этого предположенія, съ общей точки зрѣнія, невѣроятнымъ назвать нельзя, но и въ подтвержденіе его никакихъ положительныхъ данныхъ изъ имѣющихся свѣдѣній о Л. привести тоже нельзя.

тома Corpus даетъ для формы Caelius свыше ста, для Coelius— пятнадцать примѣровъ, которые можно еще увеличить на основаніи данныхъ въ V и VII томахъ Ephemeris epigraphica. Съ другой стороны, въ Firmum встрѣчается это имя только на одной надписи на кирпичѣ—T. Coeli въ CIL. IX 6078,63, между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ Пицена и въ остальныхъ средне-и нижне-италійскихъ мѣстностяхъ, которымъ посвященъ IX томъ Corpus, Цэліи не рѣдки" [1]). Что же отсюда слѣдуетъ? Ужели изъ того факта, что до XIX столѣтія не сохранилось надписей, свидѣтельствующихъ объ употребленіи имени Caelius или Coelius въ Firmum, или—точнѣе—изъ того обстоятельства, что въ XIX столѣтіи не извѣстны надписи, свидѣтельствующія объ употребленіи этого имени въ Firmum, слѣдуетъ, что такое имя не употреблялось въ Firmum и въ III вѣкѣ? Затѣмъ: если это имя и по справкамъ Брандта не рѣдко встрѣчается на надписяхъ средне-и нижне-италійскихъ и даже пицентскихъ, и—слѣдовательно—по меньшей мѣрѣ нерѣдко и употреблялось тамъ [2]), то почему же не допустить, что это имя нерѣдко употреблялось и въ Firmum, городѣ той же пицентской области? Съ другой стороны, развѣ многочисленность африканскихъ надписей съ именемъ Caelius или Coelius можетъ имѣть рѣшающее значеніе въ данномъ вопросѣ и свидѣтельствовать съ несомнѣнностью и объ особенно частомъ употребленіи этого имени въ Африкѣ?

Новое подтвержденіе африканскаго происхожденія Лактанція видитъ Брандтъ въ самомъ этомъ имени — „Лактанцій". „Не въ высшей ли степени замѣчательно, говоритъ онъ, что, — если не принимать въ соображеніе очень сомнительнаго [3]) „Лактанція" Плацида,—единственный надежный примѣръ этого имени опять идетъ изъ Африки, и это имя опять является здѣсь въ качествѣ signum.

---

[1]) Brandt, Ueber das Leben d. L. 9.

[2]) Выраженіе: «по меньшей мѣрѣ» употреблено потому, 1) что всѣ, существовавшія когда-то, надписи не могли сохраниться, 2) въ надписи не могли войти имена всѣхъ, находившихся когда--то въ этихъ мѣстностяхъ, жителей.

[3]) Ср. Teuffel-Schwabe, S. 1213 и 786

Примѣръ этотъ находится въ сообщенной въ Ephem. epigr. V p. 382 n. 681 надгробной надписи изъ Нумидіи, въ которой сказано: Seius Clebonianus qui et Lactantius. Въ указателяхъ къ Corpus и ко многимъ языческимъ и христіанскимъ писателямъ я не могъ найти другого примѣра; Onomasticon Де-Вита (De-Vit) также представляетъ только этотъ примѣръ. Если бы одинъ изъ сциллитанскихъ мучениковъ назывался не Лэтанціемъ (Laetantius), какъ передаетъ его имя Бароній въ Annal. eccles. II p. 400 (ed. Pagi) въ относящихся сюда актахъ на основаніи трехъ, по его словамъ, очень древнихъ рукописей, и съ нимъ Рюинаръ (Ruinart въ Acta Martyrum (1731) p. 65, но Лактанціемъ (Lactantius), какъ полагаетъ Тильмонъ (Tillemont) въ Mémoires pour servir à l'histoire ecclés. III p. 134 и какъ значится въ регенсбургскомъ изданіи (1859) Рюинара Acta Martyr. стр. 133, то это имя носилъ бы опять африканецъ" [1]). И это предположеніе нужно, конечно, признать весьма остроумнымъ; но бо̀льшее значеніе приписывать ему врядъ ли можно: на основаніи одной единственной надписи и невполнѣ надежнаго, по мнѣнію самого же Брандта, рукописнаго чтенія дѣлать общій широкій выводъ было бы рискованно.

Послѣ приведенныхъ, какъ видимъ, далеко не вполнѣ убѣдительныхъ данныхъ и соображеній въ пользу мысли объ африканскомъ происхожденіи Лактанція, Брандтъ замѣчаетъ: „мы нашли, что имена Лактанція не только не даютъ ни малѣйшей опоры для мысли объ италійскомъ его происхожденіи, но напротивъ очевидно указываютъ на Африку". Подобная рѣшительность сужденій въ такого рода вопросахъ и притомъ у такого изслѣдователя, какъ Брандтъ, нѣсколько удивительна.

Изъ остальныхъ аргументовъ и соображеній Брандта со многими нужно согласиться. Что касается, напримѣръ, отвѣта его нѣкоторымъ защитникамъ италійскаго происхожденія Лактанція, сославшимся на декретъ папы Геласія, то его нельзя не признать

---

[2]) Brandt, Ueb. d. L. d. L., 10.

основательнымъ [1]). Противъ замѣчаній Брандта по поводу ссылокъ тѣхъ же защитниковъ на Лактанціево противоположеніе римлянъ, въ качествѣ nostri (по отношенію къ Лактанцію), грекамъ [2]), также трудно возражать. Впрочемъ, такъ какъ оспариваемыя здѣсь Брандтомъ основанія взгляда, котораго онъ не раздѣляетъ, не существенны, то и собственное мнѣніе Брандта не особенно выигрываетъ отъ этой его критики. Нельзя не согласиться и съ защищаемой Брандтомъ [3]) той общей мыслью, что чистый и изящный латинскій языкъ Лактанція не можетъ необходимо свидѣтельствовать объ италійскомъ происхожденіи Лактанція, а также и съ нѣкоторыми приводимыми Брандтомъ фактическими указаніями и соображеніями въ защиту своего взгляда и въ опроверженіе противоположнаго. Но въ этомъ пунктѣ со всѣмъ, что̀ говоритъ Брандтъ, согласиться нельзя. Брандтъ, касаясь громадной разницы между языкомъ Лактанція и языкомъ Арнобія, обыкновенно признаваемаго учителемъ Лактанція, замѣчаетъ между прочимъ: „языкъ Лактанція, очевидно, вырабатывался, кромѣ вліянія Арнобія, еще подъ другими, совершенно иными, вліяніями, чѣмъ вліяніе Арнобія. Іеронимъ называетъ Арнобія учителемъ Лактанція, конечно, потому только (wohl nur deshalb), что тотъ былъ извѣстный и также христіанскій писатель. Но рядомъ съ Арнобіемъ могли на него вліять и учители совершенно другого направленія“ [4]). Но—спрашивается—какое основаніе было у Брандта предполагать, что Іеронимъ только потому называетъ Арнобія учителемъ Лактанція, что Арнобій былъ извѣстный и также, какъ и Лактанцій, христіанскій писатель? Основанія не указано, да его вѣроятно и не было, и однако же свое предположеніе высказываетъ Брандтъ съ полнѣйшей рѣшительностью, какъ нѣчто несомнѣнное. Въ заключеніе онъ говоритъ: „Въ виду этого мы принимаемъ за фактъ, что Лактанцій родился въ Африкѣ“ [5]). Эта рѣшительность сужденія по во-

---

[1]) Ibid., 10—11.
[2]) Ibid., 11 сл.
[3]) Ibid., 12 сл.
[4]) Ibid., 13.
[5]) Ibid., 14.

просу очень трудному, и—на сторонній взглядъ—изслѣдованіями Брандта только подвинутому къ разрѣшенію, не оправдывается положеніемъ дѣла, также какъ и отзывы Брандта о защитѣ и защитникахъ противнаго мнѣнія [1]).

Такимъ образомъ происхожденіе Лактанція изъ Африки пока еще не доказано, и возможность искать родину Лактанція въ Италіи, именно въ Фирмѣ, не устранена и не исключена [2]). Какъ и

---

[1]) Одинъ изъ такихъ отзывовъ дѣлаетъ Брандтъ, когда онъ отъ «наиболѣе существенныхъ и сильнѣйшихъ повидимому» доказательствъ этихъ защитниковъ переходитъ къ менѣе важнымъ и несущественнымъ. Брандтъ выражается такимъ образомъ: «остальныя, представляемыя Ed. a S. Xaverio и Мекки основанія не заслуживаютъ и опроверженія. Весь балластъ не относящихся къ дѣлу цитатъ, надписей, экскурсовъ не можетъ прикрыть слабости ихъ аргументаціи. Выраженіе: ἁπλοῦς ὁ μῦθος τῆς ἀληθείας ἔφυ имѣетъ силу и въ наше время; а если Мекки долженъ былъ писать книгу въ XXI и 140 страницъ для доказательства поддерживаемаго имъ положенія, что Лактанцій происходитъ изъ Фирма (Firmum), то уже одинъ этотъ громадный аппаратъ долженъ возбуждать крайнее недовѣріе къ правильности дѣла» (Ueber d. L., 14). Затѣмъ Брандтъ (на той же страницѣ и на страницѣ 5) не двусмысленно даетъ понять, что Мекки только изъ своего рода «патріотизма» защищаетъ происхожденіе Лактанція изъ Фирма. Ужели однако не могъ Мекки писать въ защиту мысли объ италійскомъ происхожденіи Лактанція единственно или, по крайней мѣрѣ, по преимуществу изъ желанія выяснить истину или то, что онъ считалъ истиной, при чемъ происхожденіе его самого изъ Фирма могло лишь дать ему первый толчокъ или поощрять его заниматься этимъ предметомъ? Ужели одинъ тотъ фактъ, что Мекки собираетъ всевозможныя данныя въ пользу защищаемой имъ мысли, можетъ самъ по себѣ быть или казаться подозрительнымъ? Если признать это, то придется, по требованію послѣдовательности, съ такимъ же правомъ считать подозрительною и аргументацію самого Брандта, тоже довольно обширную и обстоятельную. Брандтъ въ данномъ случаѣ явно измѣнилъ ученому безпристрастію и оказался придирчивымъ и несправедливымъ къ своему противнику по взглядамъ. Брандтъ, безспорно, очень остроумно иронизируетъ надъ Мекки и надъ его «патріотизмомъ»; но собственный взглядъ Брандта отъ этого не выигрываетъ въ убѣдительности.

[2]) Что касается находящихся въ сочиненіяхъ Л. слѣдовъ африканскаго колорита въ языкѣ, то это, по довольно распространенному и правдоподобному мнѣнію, можетъ объясняться продолжительнымъ пребываніемъ Л. въ Африкѣ и близостью его къ Арнобію. Въ школу же названнаго ритора въ Сиккѣ могъ онъ попасть потому, что отецъ Лактанція, въ качествѣ императорскаго чиновника, какъ предполагаютъ нѣкоторые сторонники италійскаго происхожденія Л., могъ быть переведенъ туда на службу.

откуда могла явиться въ Фирмѣ (если допустить рожденіе Лактанція именно здѣсь) фамилія, изъ которой произошолъ Лактанцій, неизвѣстно, но относительно этого возможны и существуютъ предположенія. Бенедиктинскій аббатъ Тирабоски предполагалъ напримѣръ, что Лактанцій принадлежалъ къ фамиліи Цэліевъ, которая, по нему, безъ сомнѣнія, была фамиліей римской и можетъ быть участвовала въ какой нибудь экспедиціи, предпринятой съ цѣлью колонизовать Фермо, вслѣдствіе чего Лактанцій сдѣлался гражданиномъ г. Фермо (Firmianus)[1]).

Относительно значенія имени Lactantius издавна высказывались неодинаковыя мнѣнія. Одни полагали, что имя „Лактанцій" дано ему потому, что его краснорѣчіе такъ же точно производитъ и оставляетъ пріятное впечатлѣніе, какъ вызываетъ и оставляетъ пріятное ощущеніе выпитое молоко. По другимъ, это имя объясняется не столько изъ природы и свойствъ краснорѣчія Лактанція, сколько изъ легкости его изложенія и языка, вслѣдствіе которой его мысли безъ труда воспринимались и усвоялись другими. Наконецъ, говорили, что если люди, которымъ предстоитъ выслушать наставленія въ христіанской религіи, считаются младенцами во Христѣ Іисусѣ, и если молоко есть пища дѣтей, то не могъ ли Лактанцій получить свое имя отъ того, что люди, къ которымъ онъ обращался съ своими наставленіями, еще не усовершились въ истинной религіи? Объясненіе имени „Лактанція" въ одномъ изъ этихъ значеній было многими принимаемо[2]), хотя встрѣчало и возраженія[3]). Держится его, въ числѣ другихъ изслѣдователей, Оверлахъ, который съ именемъ Lactantius сближаетъ имя Theophrastus, усвоенное Тиртаму, и имя Chrysostomus, данное Іоанну[4]). Брандтъ предлагаетъ нѣ-

---

[1]) G. Tiraboschi, Storia della letteratura italiana, tom. II, parte II, lib. III, 9, по Bertold, 6.

[2]) Сравн. Brandt, Ueb. d. L., 9.

[3]) Такъ Бэръ (Suppl.-B., II, 73, Anm. 3) съ ироніей относится къ мысли, что имя «Lactantius» было прозваніемъ Лактанція, усвоеннымъ ему вслѣдствіе привлекательности его рѣчи, a lactea et suavi eloquentia.

[4]) Overlach, 1.

сколько иное объясненіе имени Лактанція. По нему [1]), это имя есть дальнѣйшее развитіе — не преданнаго впрочемъ — слова Lactans, при чемъ Lactans и Lactantius находятся въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находятся Constans и Constantius, Prudens и Prudentius и т. п. Lactans, изъ котораго, по предположенію, образовалось слово Lactantius, не предано; но вѣдь не предано, повидимому, основное имя и для такихъ формъ, какъ Audentius, Augentius, Gaudentius. Брандтъ производитъ слово Lactans отъ lactare въ непереходномъ значеніи „сосать“, полагая, что переходное „кормить“ не даетъ разсматриваемому имени никакого (?) смысла. Lactans, по нему, будетъ значить: „сосущій“, „кто крѣпко сосетъ материю грудь“ (kräftig trinkend), такъ что для разсматриваемаго имени получается значеніе „возростающій“, „преуспѣвающій“ (so dass sich für diesen Wunschnamen die Bedeutung „gedeihend“ ergibt). Такъ же образованы и подобное же значеніе имѣютъ имена: Crescens Crescentius, Florens Florentius, Valens Valentius. Самую подходящую параллель представляло бы имя Pascentius, при предположеніи, что оно происходитъ отъ pascere и имѣетъ непереходное значеніе; но и Pascens указать нельзя [2]). Это мнѣніе Брандта безспорно оригинально и не лишено правдоподобія. О немъ нельзя сказать, что оно совсѣмъ виситъ въ воздухѣ, хотя нельзя и признать его ничѣмъ больше, какъ догадкой [3]). Во всякомъ случаѣ, объясненіе Брандта, даже и въ томъ видѣ, въ какомъ оно излагается имъ теперь, представляется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ объясненіе традиціонное.

Въ зависимости отъ того, какъ смотритъ тотъ или другой изслѣдователь на значеніе именъ „Фирміанъ“ и „Лактанцій“, находится и порядокъ, въ которомъ ставятся эти имена. Одни приводятъ ихъ въ такой послѣдовательности—Firmianus Lactantius,

---

[1]) Ueb. d. L., 9—10.

[2]) Ibid.

[3]) Самъ Брандтъ впрочемъ едва ли не придаетъ своему предположенію большаго значенія: свою мысль выражаетъ онъ съ большою рѣшительностью.

другіе—Lactantius Firmianus [1]). Въ виду всего вышеизложеннаго и въ виду мѣста даваемаго римлянами именамъ, взятымъ отъ названія странъ и городовъ, въ полномъ имени извѣстнаго лица [2]), употребленіе именъ Лактанція въ такомъ порядкѣ; L. Caelius Lactantius Firmianus представляется пока имѣющимъ за себя по крайней мѣрѣ не меньше основаній, чѣмъ и защищаемый нѣкоторыми обратный порядокъ двухъ послѣднихъ именъ [3]).

Одинаково съ мѣстомъ родины Лактанція, и годъ его рожденія опредѣляется только приблизительно и предположительно. Одни изслѣдователи, соглашаясь, кажется, съ разсчетомъ въ praefatio Nicolai Lenglet Dufresnoy in Lactantium [4]), относятъ рожденіе Лактанція, съ большей или меньшей рѣшительностью, къ 248 году и вообще къ половинѣ 3 вѣка [5]). Брандтъ, опираясь на нѣкоторыя соображенія и сопоставленія, предполагаетъ, что Лактанцій родился около 260 года [6]). Основанія для рѣшенія этого вопроса будетъ случай разсмотрѣть въ дальнѣйшемъ изложеніи по другому поводу.

Отецъ и мать Лактанція намъ вполнѣ неизвѣстны. Нѣтъ, въ частности, точныхъ свѣдѣній относительно того, кто были они по своему общественному положенію и состоянію. Существуетъ предположеніе, что отецъ Лактанція былъ императорскій чиновникъ, переведенный въ Сикку [7]); но это предположеніе подкрѣпляется

---

[1]) См., между прочимъ, Bähr, S.—Band, II, 72, и Brandt, Ueber d. L., 4.

[2]) Сравн. имена: P. Cornelius Scipio Aemilianus Africanus, P. Terentius Afer, T. Livius Patavinus, C. Plinius Secundus Novocomensis и т. п.

[3]) Достойно вниманія, что гуманисты называютъ его Lactantius Firmianus. См. Migne VI, 79. C sqq. Сравн. Commentationes Woelfflinianae, 1891, pag. 80.

[4]) См. Migne VI, 70 AB.

[5]) По N. Lenglet, Лактанцій «быть можетъ (forsan) родился въ 248 г.; г. Гурьевъ, стр. IX, замѣтивши, что Л. родился около половины III вѣка по Р. Хр., прибавляетъ: «и по всей вѣроятности въ 248 г.» Бертольдъ, стр. 6, тоже указываетъ мимоходомъ эту дату, но выражается при этомъ такъ, что нельзя рѣшить, признаетъ ли онъ ее правильною. Оверлахъ, стр. 2, предпочитаетъ отнести рожденіе Л. вообще къ половинѣ III вѣка.

[6]) Ueber d. L., 40.

[7]) Bertold, 6.

единственно тѣмъ обстоятельствомъ, что Лактанцій жилъ когда то въ этомъ городѣ, и сдѣлано оно, кажется, съ единственной цѣлью объяснить появленіе здѣсь Лактанція, не совсѣмъ понятное при предположеніи его италійскаго происхожденія. Между тѣмъ мотивъ этого предполагаемаго переѣзда родителей Лактанція въ Африку съ такимъ же правомъ можно усматривать въ ихъ какихъ либо чисто частныхъ дѣлахъ, при чемъ догадка о томъ, что отецъ Лактанція состоялъ на государственной или императорской службѣ, устранялась бы сама собой. Вальхъ [1]) считалъ несомнѣннымъ, что родители Лактанція принадлежали къ плебеямъ и не оставили сыну большого наслѣдства, и эту свою мысль подтверждалъ извѣстнымъ свидѣтельствомъ о томъ, что Crispum Lactantius latinis litteris erudivit, vir omnium suo tempore eruditissimus, sed adeo in hac vita pauper, ut plerumque etiam necessariis indigeret. Но Вальхъ очевидно извлекаетъ изъ приведеннаго свидѣтельства больше, чѣмъ можно. Прежде всего, на основаніи бѣдности Лактанція въ концѣ и во всякомъ случаѣ во второй половинѣ его жизни, полагать, что онъ былъ бѣденъ и прежде и что онъ, въ частности, не получилъ по наслѣдству отъ родителей никакого состоянія, рискованно. Притомъ, какъ выяснится въ дальнѣйшемъ изложеніи, бѣдность Лактанція, о которой говоритъ древній хронографъ, могла быть до извѣстной степени бѣдностью добровольною. Такимъ образомъ указанное свидѣтельство не даетъ твердыхъ основаній для вывода относительно бѣдности родителей Лактанція. Другія же данныя, напротивъ, скорѣе располагаютъ къ мысли, что родители Лактанція обладали нѣкоторымъ матеріальнымъ достаткомъ, нѣкоторой зажиточностью. Уже одно то обстоятельство, что Лактанцій поступилъ въ школу ритора и чрезъ то получилъ доступъ къ высшему по тому времени образованію, служитъ нѣкоторымъ ручательствомъ сравнительной матеріальной обезпеченности родителей Лактанція. Косвеннымъ подтвержденіемъ этого служитъ одно мѣсто у Лактанція въ Divinae Institutiones, гдѣ указываются

---

[1]) Diatribe, p. 6.

различные предметы школьнаго обученія въ Римѣ [1]) и при этомъ замѣчается: quae universa perdiscere neque feminae possunt..., neque servi, quibus per eos annos vel maxime serviendum est, quibus possunt discere; neque pauperes, aut opifices, aut rustici, quibus in diem victus labore est quaerendus [2]). Лактанцій эти предметы, какъ есть всѣ основанія думать, изучалъ; слѣдовательно, въ положеніи бѣдныхъ людей, которымъ приходится тяжелымъ трудомъ снискивать себѣ дневное пропитаніе, онъ не находился [3]).

Относительно Пентадія, которому Лактанцій посвятилъ свой трудъ Epitome Divinarum Institutionum и котораго онъ называетъ братомъ, многіе изслѣдователи не безъ основанія полагали, что это былъ братъ Лактанція по плоти [4]),—мнѣніе, къ которому нѣсколько склоняется и Брандтъ, хотя послѣдній, рядомъ съ этимъ, ставитъ въ видѣ предположенія пониманіе frater въ смыслѣ дружественнаго обращенія [5]). Но нельзя ли истолковывать это имя не въ буквальномъ смыслѣ, а въ смыслѣ указанія на то, что Пента-

---

[1]) Div. Inst. III, 25, 9 sqq. (Migne VI, 429 B—430 A).

[2]) Ibid.

[3]) Изъ приведеннаго мѣста можно, кажется, сдѣлать и еще нѣкоторыя заключенія относительно общественнаго состоянія родителей Л. или—точнѣе—о томъ, къ какимъ сословіямъ и классамъ они не принадлежали.

[4]) Такъ полагалъ еще Ed. a S. Xaverio, отождествлявшій этого Пентадія съ тѣмъ Пентадіемъ, который упоминается Амміаномъ въ XIV, 11, 21, въ качествѣ нотарія при Констанціѣ II, и который затѣмъ встрѣчается тамъ же въ XX, 8, 19, въ должности magister officiorum, и еще разъ въ XXII, 3, 5. Первое мѣсто, какъ замѣчаетъ Брандтъ (Ueber d. L., 16 сл.), относится къ 354 году, послѣднее къ 361 г. Такъ какъ Л. по всей вѣроятности умеръ около 340 г., въ самой глубокой старости, то—заключаетъ Брандтъ—«не вѣроятно, чтобы братъ его занималъ придворную должность еще такъ много лѣтъ спустя послѣ того». Почему же однако невѣроятно? Развѣ не могъ Пентадій быть значительно моложе Лактанція? Но во всякомъ случаѣ вышеуказанное предположеніе относительно тождественности Лактанціева Пентадія съ указанными лицами нужно признать чистымъ предположеніемъ, ни на чемъ не основаннымъ, кромѣ единства имени и близости ихъ по времени, такъ же какъ и догадки относительно тождества этого «брата Пентадія» съ Пентадіемъ поэтомъ или родства его съ другими Пентадіями, о чемъ см. весьма основательныя соображенія Брандта на стр. 17 указанной его брошюры.

[5]) Ueber d. L., 16 и 18.

дій для Лактанція есть братъ во Христѣ? Касаясь этого предмета, Лелье признавалъ, что христіане часто давали другъ другу имя братьевъ, но понимать Pentadi frater въ этомъ смыслѣ находилъ въ данномъ случаѣ неосновательнымъ, въ виду того, что Лактанцій не называетъ такъ (frater) ни Доната, ни Деметріана, которымъ онъ посвятилъ два другихъ своихъ труда [1]). Однако это соображеніе убѣдительнымъ назвать нельзя: оно теряетъ свою силу при томъ весьма естественномъ предположеніи, что Лактанцій могъ обратиться къ Пентадію съ наименованіемъ frater, какъ онъ и сдѣлалъ, назвать Доната carissime (въ De ira Dei 22, 1), а Деметріана (въ De opif. 1, 1 и 20, 1) назвать просто по имени (такъ же какъ и Доната въ De ira 1, 1), не имѣя въ виду непремѣнно соединять съ употребленіемъ или неупотребленіемъ указанныхъ эпитетовъ особенный смыслъ. Называя, напр., Доната carissime, а Пентадія нѣтъ, онъ чрезъ то не могъ выражать мысли, что Пентадій не есть для него carissimus (таковымъ является для него Пентадій уже какъ frater), или въ одинъ разъ усвояя Донату эпитетъ carissimus, въ другой разъ, притомъ въ томъ же самомъ сочиненіи, не усвояя, онъ, очевидно, не могъ этимъ давать понять, что Донатъ для него не всегда carissimus. Невозможность понимать frater въ данномъ мѣстѣ въ смыслѣ frater in Christo гораздо убѣдительнѣе доказываетъ Брандтъ ссылкой на несоотвѣтствіе такого пониманія съ шутливымъ тономъ всего обращенія Лактанція къ Пентадію, называемому имъ Pentadi frater [2]). Дѣйствительно, шутка, хотя бы легкая и благодушная, надъ Пентадіемъ не гармонировала бы съ обращеніемъ къ нему, какъ брату во Христѣ. Что касается объясненія frater въ смыслѣ „коллега по учительству“, то неосновательность такого объясненія подтверждается у Брандта слѣдующимъ соображеніемъ: принявъ такое объясненіе, пришлось бы допустить неправдоподобное предположеніе, что Лактанцій въ то время, когда писалъ Epitome, опять находился въ томъ положеніи учителя, въ которомъ онъ былъ въ Никомидіи [3]). Предположеніе о возвращеніи Лактанція къ прежней

---

[1]) Leuillier, 5.
[2]) Ueber d. L., 18.
[3]) Ibid.

учительской профессіи дѣйствительно неправдоподобно. Но прибѣгать къ нему и нѣтъ, кажется, нужды. Почему не могъ Лактанцій назвать Пентадія frater въ смыслѣ „коллега по учительству“, имѣя въ виду свою учительскую должность и свои учительскія занятія именно при Криспѣ? Говоря это, мы совсѣмъ не защищаемъ пониманія frater въ значеніи „коллега по учительству“, потому что такое пониманіе, въ какихъ бы частнѣйшихъ формахъ оно ни являлось, всегда будетъ болѣе или менѣе искусственно и натянуто. Мы хотимъ только сказать, что указываемое Брандтомъ пониманіе frater въ смыслѣ „коллега по преподаванію“ наименѣе удобное и что его соображенія по этому предмету не устраняютъ всѣхъ возможныхъ недоумѣній.

По словамъ Іеронима, въ его De vir. ill. 80, Лактанцій былъ ученикомъ Арнобія (Arnobii discipulus) [1]) о которомъ тотъ же Іеронимъ въ Chron. ad a. Abr. 2343=326 по Р. Хр.=1079 отъ основанія Рима (вѣроятно подъ годомъ смерти Арнобія) [2]) замѣчаетъ, что онъ rhetor in Africa clarus habetur и что онъ Siccae ad declamandum iuvenes erudiret, въ сочиненіи же De vir. illustr. 79 говоритъ, что Arnobius sub Diocletiano principe Siccae apud Africam florentissime rhetoricam docuit [3]). Сикка,

---

[1]) О томъ, почему Л., бывшій ученикомъ Арнобія, не называетъ этого своего учителя даже и тогда, когда былъ для того прямой повидимому поводъ, будетъ рѣчь дальше, по другому случаю. Теперь же пока ограничимся ссылкой на Brandt, Ueber d. L., 21.

[2]) Teuffel-Schwabe, § 396, Anm. 1 (S. 995).

[3]) Брандтъ (Ueber d. L., 19, говоритъ, что Арнобій преподавалъ риторику zu Sicca Veneria, der bekannten, nahe bei Numidien im proconsularischen Africa liegenden Stadt. Приведенное мѣсто изъ de vir. ill. 79 не подтверждаетъ такого представленія о мѣстоположеніи Сикки, цитата же въ Chron. ad a. Abr. 2343, повидимому, не указываетъ необходимо на мѣстонахожденіе Сикки возлѣ или близъ Нумидіи. Плиній причисляетъ Сикку къ городамъ самой Нумидіи (Nat. Hist. l. V, c. 3, § 22 Sillig). Соотвѣтственно съ этимъ, въ Gesch. d. r. L. von Teuffel-Schwabe, § 396, также § 463, Anm. 1, говорится о Sicca in Numidien [Ebert, стр. 64, по 2 изд., говоритъ о Sicca in Africa; но онъ, какъ видно изъ контекста, называетъ Африку въ смыслѣ части свѣта, а не въ качествѣ римской провинціи]. Составитель замѣтки о Sicca Veneria въ Pauly, Real-Encycl., именно Форбигеръ (см. Vorwort въ VI томѣ, 2 отдѣл., 1852 г., стр. IV), называетъ Сикку eine bedeutende

гдѣ провелъ Лактанцій годы (по крайней мѣрѣ нѣкоторые) своего ученья и своей юности, была очень виднымъ въ то время городомъ въ Африкѣ).

Учился ли Лактанцій въ школѣ Арнобія или же бралъ у него приватные уроки, какъ это бывало въ Римѣ, этого мы не знаемъ.

Образованіе, полученное Лактанціемъ у Арнобія, было—нужно думать—обычнымъ тогда риторскимъ образованіемъ. Этому образованію должно было предшествовать первоначальное обученіе, т. е. обученіе чтенію, письму и счисленію, которое Лактанцій могъ получить и въ школѣ и дóма, какъ это бывало въ Римѣ и прежде,—затѣмъ такъ называемое грамматическое обученіе, главнымъ предметомъ котораго были древніе авторы, греческіе и латинскіе, и которое заключалось въ правильномъ ихъ чтеніи, въ объясненіи и въ заучиваніи наизусть отдѣльныхъ мѣстъ изъ нихъ. О томъ, что и Лактанцій прошолъ школу такъ наз. грамматика, можетъ свидѣтельствовать, между прочимъ, масса извѣстныхъ ему и приводимыхъ имъ, въ своихъ сочиненіяхъ, стиховъ изъ древнихъ поэтовъ, въ томъ числѣ и читавшихся въ школахъ, притомъ не однихъ латинскихъ поэтовъ, но отчасти и греческихъ [2]). Риторическое обученіе, составлявшее третью, высшую ступень въ образованіи юноши и первоначально присоединявшееся къ грамматическому, по своему характеру и содержанію служило отчасти подготовленіемъ молодыхъ людей къ практической государственной и общественной

Stadt Numidiens. Къ Нумидіи относитъ ее и Клессъ (Cless), авторъ статьи о Нумидіи въ той же Encyclopädie (V, 738). Въ lexica Georges'a (1869) и Klotz'a (1879) Сикка также считается городомъ въ Нумидіи. Въ Atlas antiquus Kiepert'a (6-te Auflage, neue Ausgabe, tab. VII и tab. X) Sicca Veneria также отнесена къ Numidia, а не къ Africa. Относительно значенія и употребленія слова «Африка» срав. De-Vit, Onomasticon, I, 153—154.

[1]) Срав. Migne VI, 75 adnotat., Bertold, 6, Anm. 2, и замѣтку о Sicca Veneria въ Pauly, Real-Encycl. VI (1852), стр. 1156. О двоихъ siccenses, именно грамматикѣ Евтихіѣ Прокулѣ и писателѣ по медицинѣ Цэліѣ Авреліанѣ см. въ Pauly V (1848), стр. 738, и Т.—Schwabe, § 357, А. 4, и § 463, А. 1.

[2]) Объ авторахъ, читавшихся въ провинціальныхъ школахъ, ср. Archaismus von K. Sittl въ Commentationes Woelflinianae (Lipsiae 1891), S. 405.

дѣятельности. Ораторское искусство и во время имперіи имѣло еще значеніе, доставляя лицу, обладавшему такимъ искусствомъ, вліяніе, почетъ и извѣстность, а также и деньги. Конечно, краснорѣчіе являлось теперь оторваннымъ отъ жизни, при стѣсненіи свободы мысли и слова, или служило простымъ орудіемъ въ рукахъ государственной власти. Но, во всякомъ случаѣ, полученіе риторскаго образованія было необходимымъ условіемъ для достиженія видной должности и вообще вліятельнаго положенія и отличій; оно же, вмѣстѣ съ тѣмъ, давало право считаться человѣкомъ вполнѣ и научно образованнымъ. Состояло оно въ изученіи теоріи ораторскаго искусства и въ практическихъ упражненіяхъ, именно въ приготовленіи рѣчей на данныя темы и въ произнесеніи ихъ. Это краснорѣчіе уже не было прежнимъ краснорѣчіемъ, на которомъ лежала, въ общемъ, печать простоты и натуральности; прежнюю естественность замѣнила теперь вычурность, манерность и искусственность; да и сама риторская школа жила въ мірѣ измышленныхъ юридическихъ случаевъ и фактовъ, служа вмѣстѣ съ тѣмъ школою софистики.

Такого рода школу прошолъ, повидимому, и Лактанцій [1]). Ей онъ былъ обязанъ очень многимъ, въ томъ числѣ и той діалектикой, которая потомъ пригодилась ему въ его апологетическихъ трудахъ и которая вызывала удивленіе и у его современниковъ и у позднѣйшихъ поколѣній, хотя самъ Лактанцій, повидимому, склоненъ былъ видѣть въ этой школѣ преимущественно худыя стороны [2]).

Такимъ образомъ этотъ будущій видный апологетъ христіанства получилъ такое же образованіе, какое получили и другіе выдающіеся христіанскіе писатели и какое вообще было высшимъ образованіемъ для того времени.

А. С—въ.

(*Продолженіе будетъ*).

---

[1]) Срав. Marquardt, Privatleben d. R., 114.

[2]) Срав. Div. Inst. I,1, 8, sq. (Migne VI, 114) и Marquardt, l. c., 110, Anm. 1.

Съ Амура за Байкалъ и обратно.

(Отрывокъ изъ путевыхъ впечатлѣній) [1].

Пользуясь свободнымъ временемъ весною 1890 года, я предпринялъ путешествіе съ Амура на верховье рѣки Онона, забайкальской области.

Изъ впечатлѣній, врѣзавшихся въ мою память вскорѣ послѣ пріѣзда туда, я долженъ упомянуть о пилигримствѣ тунгусовъ, живущихъ въ окрестностяхъ Кыринскаго поселка, на поклоненіе пріѣхавшему изъ Тибета монгольскому ламѣ, расположившемуся съ своей свитой на монгольской сторонѣ, недалеко отъ Кыринскаго поселка, при впаденіи рѣки Кыры въ р. Ононъ. Говорятъ, что это явленіе рѣдкое. Лама—молодой человѣкъ около 22 лѣтъ, но занимающій важную должность въ тибетской іерархіи. Цѣлыми вереницами проѣзжали по Кыринскимъ улицамъ мужчины, женщины и дѣвицы на верховыхъ лошадяхъ, одѣтые въ самые нарядные, въ азіатскомъ вкусѣ, костюмы для полученія молитвъ и благословенія отъ ламы. Получивъ отъ него благословеніе и отдаривъ его, кто чѣмъ могъ, тунгусы и тунгузски возвращались обратно; послѣ нихъ ѣхали другіе, и это продолжалось около мѣсяца. Самъ обезноженный ширетуй Бырцынскаго дацана, человѣкъ довольно уже пожилыхъ лѣтъ, ѣздилъ къ монгольскому ламѣ на поклонъ въ телѣжкѣ, запряженной тройкой лошадей, тоже въ нарядномъ изъ желтой канфы костюмѣ и золотой шляпѣ, какъ особой принадлежности, отличающей ширетуя. Посѣщеніе тибетскимъ ламой прозелитовъ, послѣдователей ламской вѣры, дѣлается рѣдко и въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы поддержать ламаитовъ въ

---

[1]) Предлагаемый отрывокъ представляетъ извлеченіе изъ составленнаго авторомъ обстоятельнаго и во многихъ отношеніяхъ интереснаго описанія путешествія, совершеннаго имъ въ 1890 году изъ станицы Кумары, амурской области, въ забайкальскую область.

исповѣдуемой ими вѣрѣ. Говорятъ, что тибетскому ламѣ сильно хотѣлось побывать у тунгусовъ, живущихъ на нашей землѣ, и въ частности въ Бырцынскомъ дацанѣ, гдѣ цѣлое скопище ламъ разныхъ ранговъ, но это ему не удалось сдѣлать, такъ какъ онъ не имѣлъ свидѣтельства на право проѣзда на русскую территорію отъ пограничнаго русскаго комисара.

Кстати нѣсколько словъ о Бырцынскомъ дацанѣ. Бырцынскій дацанъ, или какъ называютъ его наши пограничные казаки — кумирня (отъ слова кумиръ, идолъ) находится всего въ 12 верстахъ отъ Кыринскаго поселка. Штатныхъ ламъ въ дацанѣ около 20 человѣкъ; но приватнымъ, частнымъ и проходимцамъ изъ Монголіи, шныряющимъ по юртамъ, кажется и счета нѣтъ; по крайней мѣрѣ, трудно, если не невозможно, представить опредѣленную ихъ цифру. Въ Бырцынскомъ дацанѣ я былъ 4-го августа. Такъ какъ мнѣ очень хотѣлось разсмотрѣть внутреннюю обстановку кумирни, а безъ позволенія самого ширетуя нельзя быть допущеннымъ въ нее, то я и заявился съ визитомъ къ самому ширетую. Въ это время ширетуй жилъ въ верхнемъ этажѣ флигеля. Въ тотъ моментъ, когда я вошелъ къ нему съ своимъ переводчикомъ, онъ сидѣлъ на кровати и читалъ какую-то рукопись; помѣщеніе, въ которомъ онъ находился, было небольшое; около противоположной стѣны была другая кровать, на которой лежалъ лама немолодыхъ лѣтъ. При входѣ нашемъ и по рекомендаціи чрезъ переводчика, лама всталъ и, сказавъ два-три слова ширетую, вышелъ изъ дома. Ширгету-Сывенгу — таково названіе ширетуя, не вставая съ кровати, подалъ намъ руку и просилъ меня сѣсть на освободившуюся кровать, а переводчику предложилъ сѣсть на войлокъ. Узнавъ отъ меня, кто я, откуда пріѣхалъ и зачѣмъ, ширетуй распорядился угостить насъ чаемъ, бараниной и аракой. Такъ какъ онъ былъ хорошо знакомъ съ двумя моими братьями, то это знакомство заставляло ширетуя быть любезнымъ и ко мнѣ. Разсказами моими объ ученіи моемъ въ с.-петербургской духовной академіи (1872—1876 г.), о жизни на Амурѣ, о поѣздкѣ съ Амура, онъ живо интересовался. Нашъ разговоръ съ нимъ, впрочемъ, часто перерывался тѣмъ, что къ нему, по докладу слуги, заходили на недолгое время мужчины и женщины. Приходившіе клали земной поклонъ, сложивъ ладони къ головѣ, за симъ подходили къ нему, а онъ правою рукою налагалъ на голову номъ. Номъ—это книга, обернутая въ шелковый платокъ и заключающая законъ, ученіе буддистовъ. Для однихъ изъ приходившихъ онъ прочитывалъ молитвы; другимъ давалъ лекарство порошками, такъ какъ онъ былъ докторъ медицины и лечилъ удачно не только тунгусовъ, но и русскихъ. Въ то время, когда ширетуй былъ отвлекаемъ другими, мы занимались разсмотрѣніемъ многихъ бурхановъ, расположенныхъ у стѣны

между кроватями. Главный бурханъ у ширетуя называется Дамдинъ, самый большой богъ. Онъ о 6 рукахъ, трехъ головахъ, двухъ ногахъ, при чемъ пальцы ногъ замѣняли змѣи, окрашенныя въ разный цвѣтъ. Видъ Дамдина страшный, и на первыхъ порахъ нужно имѣть крѣпкіе нервы, чтобы смотрѣть на него спокойно; дѣтей, увидавшихъ его, онъ можетъ напугать. По обѣ стороны этого главнаго бурхана расположено много другихъ бурхановъ разной величины; нѣкоторые изъ нихъ были вылиты изъ мѣди и весьма искусно. Ширетуй сожалѣлъ о томъ, что мы не были на праздникѣ,—хуралѣ, бывшемъ около Петрова дня; праздникъ этотъ считается годовымъ. Въ хуралъ 1890 года, въ Бырцынской кумирнѣ, читало около 200 ламъ священныя книги буддистовъ. На прощаніи ширетуй подарилъ мнѣ на память ходакъ, шелковый платъ, дѣлаемый въ Монголіи. Ходаки имѣютъ у буддистовъ большое, даже священное значеніе, и ими они одариваютъ другъ друга, а также дорогихъ и рѣдкихъ гостей.

Получивъ разрѣшеніе осмотрѣть кумирню, находящуюся въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ жилища ширетуя, мы направились къ ней. Провожатымъ нашимъ по осмотру кумирни былъ лама Ширабъ-Габжи-Закгбоевъ; этотъ лама второе лицо по ширетуѣ; онъ былъ ремонтеромъ ея и состоитъ въ должности завѣдывающаго всей кумирней. Кумирня—громадное, деревянное зданіе въ два свѣта; крыша и внутренность крашены въ голубой и красный цвѣтъ. Окна чрезвычайно рѣдки и малы, почему и свѣта въ ней очень мало. Вся передняя стѣна обставлена бурханами, кумирами, которые расположены въ открытыхъ шкафахъ и на полкахъ. Главный бурханъ — Шигамони находится посреди другихъ идоловъ, на мѣстѣ, называемомъ Бурханъ-широ. Съ правой стороны Шигамони находятся идолы: 1) Дзуюхибу, 2) Дсойни, 3) Хайдубъ, 4) Майдора, 5) Ногонъ-дараха—изображеніе женщины; съ лѣвой стороны Шигамони—1) Найданъ-Чуджукъ, около множество маленькихъ идоловъ, 2) далѣе—Цаганъ-дараха,—бѣлая богородица и т. д. Изъ перечисленныхъ здѣсь буддійскихъ божествъ: Ногонъ-дараха, Цаганъ-дараха и Найданъ-чуджукъ — женскаго пола, а остальные мужескаго пола. По обѣ стороны означенныхъ идоловъ находятся богослужебныя книги буддистовъ, расположенныя на полкахъ въ нѣсколько ярусовъ, и размѣщены такъ: на верхнихъ полкахъ находятся книги подъ названіемъ: Данжуръ, а на нижнихъ Ганжуръ. Послѣдняго рода книги у буддистовъ-ламаитовъ болѣе почитаемы.

Завѣдывающій кумирней пригласилъ насъ къ себѣ; небольшой деревянный домъ, въ которомъ онъ помѣщается, почти весь заваленъ былъ книгами и рукописями на тибетскомъ языкѣ; здѣсь намъ въ первый разъ довелось видѣть у бурятъ портретъ Государя Императора Александ-

ра III Александровича съ Его августѣйшимъ семействомъ, повѣшенный на видномъ мѣстѣ. Около дацана, въ разныхъ разстояніяхъ, находится много юртъ тунгузскихъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ доводилось тоже побывать. Въ одной изъ нихъ мы встрѣтили мальчика 10 лѣтъ, обучавшагося письму. Учитель диктовалъ что-то своему ученику, послѣдній писалъ на бѣлой деревянной дощечкѣ углемъ; когда вся доска исписывалась, то мальчикъ погружалъ ее въ воду, обтиралъ тряпочкой и просушивалъ надъ огнемъ; потомъ начиналась снова таже процедура.

Ламаизмъ здѣсь и вообще въ Забайкальѣ крѣпко укоренился; ламы умѣло и широко раскинули свои сѣти, и примѣры обращенія изъ язычества въ православіе чрезвычайно рѣдки. Почти на весь ононскій районъ, въ которомъ находятся два дацана: Бырцынскій и Мангутскій (въ 60 верстахъ отъ перваго), имѣется всего одинъ православный миссіонеръ, которому трудно и даже невозможно успѣшно вести дѣло христіанской проповѣди; притомъ же онъ занятъ и требоисправленіями по приходу. Мангутскій дацанъ устроенъ для тунгусовъ.

Константинъ Литвинцевъ.

г҃. Гла́съ вопі́ющагѡ въ пꙋ-
сты́ни: ᲂу҆гото́вайте пꙋ́ть Гдⷭ҇ень,
пра́вы сотвори́те стєзѝ Бг҃а на́-
шегѡ.

3. *Гласъ вопіющаго въ пу-*
стынѣ: приготовьте путь
Господу, прямыми сдѣлайте
въ степи стези Богу нашему.

д҃. Всѧ́ка де́брь напо́лнитсѧ,
и҆ всѧ́ка гора̀ и҆ хо́лмъ смѝ-
ритсѧ: и҆ бꙋ́дꙋтъ всѧ̑ стро́пѡт-
наѧ въ пра́во, и҆ ѻ҆́страѧ въ
пꙋтѝ гла́дки.

4. *Всякій долъ да напол-*
нится, и всякая гора и холмъ
да понизится, кривизны вы-
прямятся, и неровные пути
сдѣлаются гладкими.

пророка о сугубомъ возмездіи за грѣхи Іерусалима, не согласныя съ Пс. CIII, 10 и дал. CXXX, 3, въ связь съ мыслію объ отеческой любви и великомъ милосердіи Бога къ Іерусалиму, по которымъ для него, какъ для сынолюбиваго отца, извѣстное, заслуженное виновнымъ, наказаніе кажется сугубымъ, отзывается искусственностію. Эти слова получаютъ прямой и полный смыслъ при переводѣ חַטֹּאתֶיהָ въ знач. „жертвы о грѣхѣ его“, въ каковомъ значеніи основа сего слова חַטָּאת встрѣчается весьма часто (см. Лев. IV, 3, 8, 14, 20, 21, 24, 25, 29, 32, 33; VI, 18, 23; VII, 37; XVI, 3 и д. Пс. XL, 7 и друг., Мих. VI, 7), переводимое въ такихъ случаяхъ у 70 или περὶ τῆς ἁμαρτίας или ἁμαρτία, или τὸ ἁμάρτημα (см. Лев. IV, 29). При такомъ переводѣ, слова прор. значатъ: „что онъ принялъ отъ руки Господней сугубо за всѣ жертвы о грѣхѣ его“ (см. LXI, 7 по евр. и р. т., ср. Іов. XLII, 10). Павскій: „за всѣ свои страданія“. Подъ „жертвами о грѣхѣ“ Іерусалима ближайшимъ образомъ разумѣется указываемая ниже, въ LIII, 10, жертва, принесенная Отрокомъ Господнимъ, другими словами, жертва голгоѳская, совершенная за грѣхи Іерусалима и всего міра, почему ап. Павелъ во 2 Кор. V, 21, о Господѣ Іисусѣ Христѣ пишетъ: „не вѣдѣвшаго бо грѣха̀ по на́съ грѣ́хъ (ἁμαρτίαν = חַטָּאת) сотвори; или въ Евр. X, 12: ѻ҆́нъ же є҆ди́нꙋ ѡ҆ грѣсѣ́хъ принесъ же́ртвꙋ (ὑπὲρ ἁμαρτιῶν θυσίαν = חַטָּאת). См. всю X-ю гл. къ Евр.

Ст. 3—4. Утѣшительныя въ жизни Іерусалима событія обу-

є҃. И҆ ꙗ҆ви́тсѧ сла́ва Гд҇нѧ, и	5. *И явится слава Господня*

словливаются откровеніемъ славы Господней. Сіе откровеніе предваряется гласомъ проповѣдующаго въ пустынѣ объ уготовленіи здѣсь пути Господу, объ исправленіи въ степи стезей для Бога Израилева. Понимаемыя въ частномъ смыслѣ, примѣнительно къ отдѣльному историческому моменту, слова пророка указываютъ на предвареніе явленія міру Господа Іисуса Христа проповѣдію Іоанна Предтечи, который былъ посланъ оу҆гото́вати пꙋти̑ є҆гѡ̀ (Лк. I, 76; Мѳ. XI, 10; Малах. III, 1) и который посему вопрошавшему его іудейскому посольству рече: а҆́зъ гла́съ вопїю́щагѡ въ пꙋсты́ни: испра́вите пꙋ́ть Гд҇ень, ꙗ҆́кѡже речѐ И҆са́їа проро́къ (Іоан. I, 23; ср. Мѳ. III, 3; Мк. I, 3; Лк. III, 4). Понимаемыя же въ общемъ смыслѣ, данныя слова содержатъ указаніе на рядъ событій въ политической, религіозной и умственной жизни древняго человѣчества, предварявшихъ явленіе христіанства и облегчавшихъ распространеніе его въ степи язычества (Ис. XXXV) по проложеннымъ заранѣе стезямъ человѣческой мысли и цивилизаціи. Прокопій газскій: „при отвлеченномъ пониманіи, здѣсь должно разумѣть церковь изъ язычниковъ, которая прежде была пустыней Божіей, въ которой и до сихъ поръ взываетъ тотъ же гласъ и благовѣстіе для приходящихъ ко спасенію Божію, приготовляя слухъ ихъ къ принятію Бога Слова (τοῦ Θεοῦ λόγου), въ отличіе отъ котораго слово Божіе называетъ Іоанна гласомъ (φωνὴν)". Подобно сему и Іеронимъ. Въ мидрашѣ Песикта Зутарта (fol. 58, col. 2), при объясненіи Дан. XI, 14, между прочимъ говорится: „И Израиль будетъ искать Господа и Давида, царя своего, который потомъ откроется имъ и скажетъ: „Я есмь ожидаемый вами Мессія". И будетъ услышанъ בַּת קוֹל, согласно Исаіи: קוֹל קוֹרֵא בַּמִּדְבָּר" (ср. Nork, Rabbinische Quellen und Parallelen zu neutestamentlichen Schriftstellen, S. XXXIX).

Ст. 5. Такое откровеніе для видящихъ плотскими (בָּשָׂר) очами славы Господней совершилось тогда, когда Сло́во пло́ть (בָּשָׂר) бы́сть, и҆ всели́сѧ въ ны̀ (ἐσκήνωσεν = וַיִּשְׁכֹּן כְּבוֹד־יְהוָֹה Исх. XXIV,

оу҆́зритъ всѧ́ка пло́ть спасе́нїе Бж҃їе, ꙗ҆́кѡ Гдⷭ҇ь глаго́ла.

ѕ҃. Гла́съ вопїю́щагѡ: возопі́й. И҆ рекѡ́хъ: что̀ возопїю̀; всѧ́ка пло́ть сѣ́но, и҆ всѧ́ка сла́ва человѣ́ча ꙗ҆́кѡ цвѣ́тъ травны́й.

з҃. И҆́зсше трава̀, и҆ цвѣ́тъ ѿпадѐ,

и узритъ всякая плоть (спасеніе Божіе); ибо уста Господни изрекли это.

6. Голосъ говоритъ: возвѣщай! и сказалъ: что мнѣ возвѣщать? Всякая плоть трава, и вся красота ея, какъ цвѣтъ полевой.

7. Засыхаетъ трава; увядаетъ цвѣтъ, когда дунетъ на него дуновеніе Господа: такъ и народъ—трава.

16, откуда שְׁכִינָה, одинъ изъ предикатовъ Мессіи), и ви́дѣхомъ сла́вꙋ егѡ̀, сла́вꙋ ꙗ҆́кѡ единоро́днагѡ ѿ ѻ҆ца̀ (Іоан. I, 14, ср. Евр. I, 1—3; 1 Іоан. I, 1—2; 2 Петр. I, 16—21). 70 послѣ словъ וְרָאוּ כָל־בָּשָׂר, вмѣсто стоящаго въ еврейскомъ м. יַחְדָּו = вмѣстѣ, читали или יְהוָה, или יְשַׁעְיָה (ср. ниже LII, 10: יְשׁוּעַת אֱלֹהִים), почему и перевели: καὶ ὄψεται πᾶσα σὰρξ τὸ σωτήριον τοῦ θεοῦ. ср. Лк. III, 6 (снес. толков. XXXVIII, 11). Слова: ꙗ҆́кѡ Гдⷭ҇ь глаго́ла (вѣрнѣе: ꙗ҆́кѡ оу҆ста̀ Гдⷭ҇нѧ глаго́лаша, ибо по евр. כִּי פִּי יְהוָה דִּבֵּר (ср. слав. пер. этихъ словъ въ Ис. I, 20; LVIII, 14) понимаются одними въ смыслѣ подтвержденія истинности сказаннаго пророкомъ (כִּי = ибо; такъ: Пешито, Кирилл. алекс., Злат. арм., Деличъ, ср. Ис. I, 20; LVIII, 14), другими—въ смыслѣ дополнительнаго предложенія (כִּי = что; такъ: Таргумъ, Вульгата, Іеронимъ, Розенмюллеръ), причемъ эти слова, въ связи съ предшествующими, будутъ имѣть или тотъ смыслъ, что всякая плоть увидитъ (узнаетъ), что Господь говорилъ чрезъ пророка (Таргумъ); или же—тотъ, что всякая плоть увидитъ, что воплотившійся Господь говорилъ человѣческими устами (ср. ниже LII, 2; Мѳ. V, 2: и ѿве́рзъ оуста̀ своѧ̀, оу҆ча́ше и҆̀хъ; такъ: Кокцей, Витринга, Штиръ у Делича).

Ст. 6—7. Гласъ проповѣдующаго уподобляетъ современное

й. глаго́лъ же Бг҃а на́шегѡ пребыва́етъ во вѣ́ки.

ѳ҃. На го́рꙋ высо́кꙋ взы́ди, благовѣ́ствꙋѧй сіѡ́нꙋ, возвы́си крѣ́постію гла́съ тво́й, благовѣ́ствꙋѧй ієрꙋсали́мꙋ: возвы́сите, не бо́йтесѧ. рцы̀ градѡ́мъ іꙋ́динымъ:

8. Трава засыхаетъ, цвѣтъ увядаетъ; а слово Бога нашего пребудетъ вѣчно.

9. Взойди на высокую гору, благовѣствующій Сіонъ! возвысь съ силою голосъ твой, благовѣствующій Іерусалимъ! возвысь, не бойся; скажи городамъ Іудинымъ: вотъ Богъ вашъ!

откровенію славы Господней состояніе человѣчества изсохшей травѣ или увядшему полевому цвѣтку, когда ихъ обдастъ жаромъ (Пс. CII, 15—16). Таково именно и было состояніе язычества и іудейства во время явленія міру Господа Іисуса Христа. כָּל־הַבָּשָׂר = вся оная плоть, есть названіе человѣчества въ отношеніи къ его животнымъ наклонностямъ (ср. Быт. VI, 3; Ис. LXVI, 23; Зах. II, 17 по евр. т.; Римл. III, 20 сн. Гал. II, 16; Римл. VIII, 8); въ концѣ 7-го ст. этому выраженію соотвѣтствуетъ הָעָם = оный народъ (Мѳ. III, 12). Вмѣсто וְאָמַר 70 читали: וָאֹמַר = καὶ εἶπα = и рекохъ; а вмѣсто וְחַסְדּוֹ, переведеннаго у Ак. Сим. Ѳеод. τὸ ἔλεος αὐτῆς, читали וְהוֹדוֹ = δόξα ἀνθρώπου. 7-й ст. по евр. масор. т. у 70 оставленъ безъ перевода, какъ и въ 1 Петр. I, 24, гдѣ цитируется данное мѣсто; то, что по 70 и слав. составляетъ 7-й ст., есть 1-я полов. 8-го ст. по евр. м. т.; но этотъ ст. читается у Сим. Ѳеод., въ Пешито, Таргумѣ, у Іеронима.

Ст. 8. Упадокъ жизненной силы въ современномъ откровенію славы Господней человѣчествѣ не воспрепятствуетъ спасенію человѣчества: слово Бога Израилева возстанетъ во вѣкъ (1 Петр. I, 25. Мѳ. XXIV, 35; Псал. LXXXII, 8 по евр. м.).

Ст. 9—11. Благовѣстникъ Сіона получаетъ повелѣніе взойти на высокую гору, какъ это дѣлалось ораторами, обращавшимися къ народу (Суд. IX 7. Мѳ. V, 1), и возвѣстить городамъ іу-

і҃. Сѐ Бг҃ъ ва́шъ, сѐ Гдь, Гдь съ крѣ́постїю и҆де́тъ, и҆ мы́шца є҆гѡ̀ съ ни́мъ, и҆ дѣ́ло є҆гѡ̀ пре́дъ ни́мъ.

а҃і. Ꙗ҆́ки па́стырь ᲂу҆пасе́тъ па́ствꙋ свою̀, и҆ мы́шцею свое́ю соберетъ а҆́гнцы, и҆ и҆мꙋ́щыѧ во ᲂу҆тро́бѣ ᲂу҆тѣ́шитъ.

10. Вотъ, Господь Богъ грядетъ съ силою, и мышца Его со властію. Вотъ, награда Его съ Нимъ и воздаяніе Его предъ лицемъ Его.

11. Какъ пастырь Онъ будетъ пасти стадо Свое; агнцевъ будетъ брать на руки и носить на груди Своей, и водить дойныхъ.

дейскимъ о пришествіи Бога крѣпкаго, властителя, мздовоздаятеля (ниже LXII, 11) и пастыря.

Ст. 9. Благовѣ́ствꙋ́ѧй Сіо́нꙋ = מְבַשֶּׂרֶת צִיּוֹן (ср. קֹהֶלֶת = Е҆кклесіастъ) въ Таргумѣ понято въ смыслѣ отвлеченнаго понятія, что болѣе согласно съ еврейск. синтаксисомъ: נְבִיַּיָא דִי מְבַסְּרִין לְצִיּוֹן = пророки, благовѣствующіе Сіону (Ср. Римл. X, 15—18). Такъ же и слѣдующ. выраж. Сѐ Бг҃ъ ва́шъ = הִנֵּה אֱלֹהֵיכֶם въ Таргумѣ: אִיתְגְּלִיאַת מַלְכוּתָא דֶאֱלָהֲכוֹן = открылось царство Бога вашего, ср. Мк. I, 15: прибли́жисѧ ца́рствіе Бж҃іе (Мѳ, IV, 17; III, 2; X. 7).

Ст. 10—11. Гдь съ крѣ́постїю и҆де́тъ = μετὰ ἰσχύος ἔρχεται = בְּחָזָק יָבוֹא. Въ перев. 70 בְּ понято въ смыслѣ בְּ essentiae (ср. Исх. VI, 3; XXXII, 22; Іов. XXIII, 13), подобно сему Таргумъ и Іеронимъ (in fortitudine), Абенъ Езра и Кимхи (בְּיַד חֲזָקָה = съ рукою крѣпкою). Витринга, вслѣдъ за Раши (עַל הַכַּשְׂדִּים לִיפָּרַע) понимаетъ בְּ въ смыслѣ עַל (ср. Бт. XVI, 12 по евр. т.), почему переводитъ: „придетъ противъ крѣпкаго“, разумѣя подъ „крѣпкимъ“ сатану, называемаго въ Мѳ. XII, 29 ὁ ἰσχυρὸς = сильный (= חָזָק), разрушить дѣла котораго пришелъ Сынъ Божій (1 Іоан. III, 8; Іоан. XII, 31). Но разрушить дѣла „крѣпкаго“ могъ лишь Бг҃ъ крѣ́пкїй = אֵל גִּבּוֹר (Ис. IX, 6), о пришествіи котораго и говоритъ пророкъ. Изгнавъ князя міра (Іоан. XII, 31) и получивъ власть на небѣ и на землѣ (Мѳ. XXVIII, 18), Господь Іисусъ Христосъ является въ міровой исторіи, съ

в҃і. Кто̀ и҆змѣ́ри го́рстїю во́ду, и҆ не́бо пѧ́дїю, и҆ всю̀ зе́млю го́рстїю; кто̀ поста́ви го́ры въ мѣ́рилѣ, и҆ хо́лми въ вѣ́сѣ;

12. Кто исчерпалъ воды горстію своею, и пядію измѣрилъ небеса, и вмѣстилъ въ мѣру прахъ земли, и взвѣсилъ на вѣсахъ горы и на чашахъ вѣсовыхъ холмы?

одной стороны, мздовоздаятелемъ (Мѳ. XVI, 27; XX, 1—16; XXV, 14—46), а съ другой стороны,—пастыремъ, собирающимъ въ свою церковь пасомыхъ отовсюду и охраняющимъ ихъ (Іоан. X, 11; Іезек. XXXIV, 20—24; Зах. XIII, 7).

Ст. 12—31. Какъ мздовоздаятель и судія, Господь обращается къ израильскому народу и, обличая его въ извращеніи, открытаго ему, истиннаго понятія о Богѣ, произноситъ судъ относительно его, намѣчая также при этомъ иныхъ дѣлателей въ царствѣ Божіемъ.

Историческое призваніе израильскаго народа заключалось въ служеніи Сущему (Іеговѣ), какъ единому истинному Богу, въ исполненіи воли его и соединявшейся съ этимъ святости жизни (Исх. XIX, 5—8). Но такъ какъ образъ таковаго служенія, выражавшійся во множествѣ отдѣльныхъ правилъ и символовъ, въ своемъ принципѣ опредѣлялся содержаніемъ понятія יהוה (Сущаго) и былъ раскрытіемъ таковаго, примѣнительно къ историческому положенію и характеру израильскаго народа: то посему и историческое призваніе сего народа, можно сказать, заключалось въ ясномъ сознаніи и исповѣданіи открытаго ему истиннаго понятія о Богѣ, какъ יהוה (ср. Исх. III, 15; VI, 3; XX, 2. Втор. VI, 4). Съ точки зрѣнія исполненія своего историческаго призванія въ послѣднемъ смыслѣ, израильскій народъ теперь и поставляется предъ судомъ Божіимъ.

Ст. 12—17. Господь Богъ, Творецъ міра, по своему существу премудръ, всевѣдущъ, всемогущъ, вседоволенъ и всесовершенъ.

Ст. 12. Созданный имъ міръ, въ своихъ различныхъ областяхъ, необъятенъ для отдѣльнаго человѣческаго ума. Такъ, онъ

гі. Кто̀ оуразꙋмѣ̀ оумъ Гдень, и҆ кто̀ совѣтникъ є҆мꙋ̀ бы́сть, и҆́же наꙋча́етъ є҆гѡ̀;	*13. Кто уразумѣлъ духъ Господа, и былъ совѣтникомъ у Него и училъ Его?*

не можетъ составить себѣ точнаго понятія относительно количества воды, въ ея жидкомъ и парообразномъ состояніи, находящейся на землѣ и въ міровомъ пространствѣ (Бт. I, 6; Пс. CXLVIII, 4); не можетъ измѣрить всего мірового пространства (ср. Пс. CXLVIII, 4; 3 Цар. VIII, 27), опредѣлить количества атомовъ земли (ср. Притч. VIII, 26—27), а также указать точный вѣсъ горъ и холмовъ. Попытки измѣреній и вычисленій этого рода во время пророка совершались, вѣроятно, халдейскими и египетскими физиками, астрономами и химиками. Пророкъ называетъ здѣсь по еврейски употребляемые ими измѣрительные инструменты: שֹׁעַל (у 70 χεὶρ, посл. горсть, Ак. λιχας—мизинецъ, Іерон.—pugnum, т. е., кулакъ или сжатая ладонь; но Раши считаетъ за имя сосуда);זֶרֶת—пядь שָׁלִשׁ (у 70 δρὰξ, сл. горсть, можн. б., читали שֹׁעַל, ибо въ Пс. LXXX, 6 по евр. м. т. שָׁלִישׁ—μέτρον—мѣра; Ак. τρισσον, а по Іерон. τρίσωμον (кубъ?); по Абенъ Езр. и Кимхи—родъ большой мѣры); פֶּלֶס—безмѣнъ; מֹאזְנַיִם—вѣсы. Св. Кириллъ Алекс.: „Нѣкоторымъ кажется, что слова: „кто̀ измѣри горстію водꙋ и҆ не́бо пѧдію“ и дал. примѣняются къ всемогущему Богу, какъ такому, который можетъ измѣрить и воду, и небо, и землю, и горы, и холмы, — который имѣетъ познаніе рѣшительно обо всемъ, даже о недоступномъ, постигаетъ все сущее, и считаетъ за ничто то, что понимаютъ въ величіи, столь великомъ объемѣ и неизмѣримомъ множествѣ тварей. Если кто изберетъ такое пониманіе, то тотъ нисколько не погрѣшитъ“. А такъ именно понимаютъ: Таргумъ, Ѳеодоритъ, Злат.—арм., Іеронимъ, Раши, Витринга, Розенмюллеръ, Деличъ, предполагающіе субъектомъ въ отвѣтѣ на вопросъ יְהוָה и допускающіе въ словахъ пророка антропоморфизмъ, несогласный съ контекстомъ.

Ст. 13. Если сотворенный Богомъ видимый міръ не можетъ быть объятъ человѣческимъ умомъ, то тѣмъ болѣе не можетъ быть

ді. И҆лѝ съ кѝмъ совѣ́това, и҆ наста́ви и҆̀; и҆лѝ кто̀ показа̀ є҆мꙋ̀ сꙋ́дъ; и҆лѝ пꙋ́ть разꙋмѣ́нїѧ то̀ показа́ є҆мꙋ̀; и҆лѝ кто̀ пре́жде дадѐ є҆мꙋ̀, и҆ воздае́тсѧ є҆мꙋ̀;

єі. А҆́ще всѝ ꙗ҆зы́цы, а҆́ки ка́плѧ ѿ ка́ди, и ꙗ҆́кѡ претѧже́нїе вѣ́са вмѣни́шасѧ, и҆ а҆́ки плюнове́нїе вмѣнѧ́тсѧ;

14. Съ кѣмъ совѣтуется Онъ, и кто вразумляетъ Его, и наставляетъ Его на путь правды, и учитъ Его знанію, и указываетъ Ему путь мудрости?

15. Вотъ народы — какъ капля изъ ведра, и считаются какъ пылинка на вѣсахъ. Вотъ, острова какъ порошинку поднимаетъ Онъ.

постигнуть имъ Самый Духъ Божій (Іер. XXIII, 18. Прем. IX, 13; Римл. XI, 34; 1 Кор. II, 16). Но Таргумъ иначе: מַן תַּקִּין יַת רוּחַ קוּדְשָׁא בְּפוּם כָּל נְבִיַּיא הֲלָא יְיָ וְצַדִּיקַיָּא עַבְדֵי מֵימְרֵיהּ פִּתְגָמֵי רְעוּתֵיהּ הוֹדְעִנּוּן т. е. кто направлялъ Духа Святаго въ устахъ пророковъ? Не Господь ли? Онъ именно открывалъ праведникамъ, служителямъ слова своего, волю свою.

Ст. 14. Богъ имѣетъ абсолютный разумъ и вѣдѣніе (Римл. XI, 33—35. 1 Кор. II, 10): ꙗ҆́кѡ и҆зъ тогѡ̀ и҆ тѣ́мъ и҆ въ не́мъ всѧ́ческаѧ (Римл. ib. 36); такъ что къ нему не примѣнима процессуальность человѣческаго вѣдѣнія и развитія. Послѣднія слова стиха: „И҆лѝ кто̀ пре́жде дадѐ є҆мꙋ̀, и҆ воздае́тсѧ є҆мꙋ̀“ переведены съ александрійскаго списка; въ другихъ спискахъ, какъ и въ евр. м. текстѣ, соотвѣтствующихъ имъ нѣтъ, хотя они цитируются и у ап. Павла (Римл. l. c.). Таргумъ опять иначе: לְהוֹן דִּבְעוֹ מִן קֳדָמוֹהִי אַסְבַּר חָכְמָה וְאַלֵּיפִינּוּן אוֹרַח דִּין וִיהַב לִבְנֵיהוֹן אוֹרַיְתָא וְאוֹרַח דְּסוּכְלְתָנוּ לִבְנֵי בְנֵיהוֹן הוֹדְעִינּוּן т. е.: просившимъ у него онъ даровалъ мудрость и научилъ ихъ правильному пути, также далъ сынамъ ихъ законъ и открылъ путь разумѣнія сынамъ сыновъ ихъ.

Ст. 15—17. Богъ есть существо всесовершенное, а посему достоинство его несоизмѣримо съ достоинствомъ тварей, хотя бы и наиболѣе совершенныхъ (ср. Вт. XVIII, 27; Пс. CII, 14; Дан.

ѕі. Дꙋбра́ва же лїва́нова не дово́льна на сожже́нїе, и҆ вс҄ѧ четвероно́гаѧ не дово́льна на всесожже́нїе.

з҃і. И҆ всѧ̑ ꙗ҆зы́цы, ꙗ҆́кѡ ничто́же сꙋ́ть, и҆ въ ничто́же вмѣ́нишасѧ.

и҃і. Комꙋ̀ ᲂу҆подо́бисте Гд҇а, и҆ ко́емꙋ подо́бїю ᲂу҆подо́бисте его̀;

16. И Ливана недостаточно для жертвеннаго огня, и животныхъ на немъ—для всесожженія.

17. Всѣ народы предъ Нимъ какъ ничто; менѣе ничтожества и пустоты считаются у него.

18. Итакъ кому уподобите вы Бога? И какое подобіе найдете Ему?

IV, 32; Сир. XVII, 31). Вмѣсто כַּדַּק = какъ порошинку, 70 читали כְּרֹק = ὡς σίελος = ꙗ҆́ки плюнове́нїе (какъ слюна); а слово אִיִּים = острова, т. е., жители странъ, лежащихъ вдали отъ святой земли (ср. ниже XLI, 1; XLIX, 1; LI, 5), какъ синонимичное съ גּוֹיִם = ꙗ҆зы́цы, у 70 оставлено безъ перевода.

Ст. 18. Въ противность такому понятію о Сущемъ (Iеговѣ), современные пророку Исаіи іудеи готовы уподобить Его твари и почитать подъ видомъ истукановъ. Идолопоклонство, въ собственномъ и несобственномъ смыслѣ, составляло печальное, но въ тоже время постоянное явленіе въ исторіи израильскаго народа. Онъ предался ему у самой горы законодательства, не отрѣшался отъ него во время сорокалѣтняго странствованія по пустынѣ (Ам. V, 25—26; Дѣян. VII, 40—43), увлекся срамной формой его въ виду земли обѣтованной (Числ. XXV, 2—3); послѣ поселенія здѣсь, во все время судей, онъ терпѣлъ у себя культъ данитянъ, и часто увлекался культами окружавшихъ его народовъ. Сдерживавшійся въ своихъ наклонностяхъ при Саулѣ, Давидѣ и въ началѣ царствованія Соломона, онъ тѣмъ съ большимъ пыломъ отдается имъ по смерти Соломона, когда десять колѣнъ, вмѣстѣ со служеніемъ Господу, признали также установленный Iеровоамомъ культъ золотыхъ тельцовъ, существовавшій до паденія израильскаго царства; а въ іудейскомъ царствѣ, рядомъ съ богослуженіемъ въ храмѣ,

ѳі. Еда̀ ѻ҆́бразъ сотвори̑ древодѣ́латель, и҆лѝ зла́тарь слїѧ́въ зла́то позлати̑ е҆гѡ̀, и҆лѝ подо́бїемъ сотвори̑ е҆гѡ̀;

к҃. Дре́во бо не гнїю́щее и҆збира́етъ древодѣ́латель, и҆ му́дрѣ и҆́щетъ, ка́кѡ поста́витъ ѻ҆́бразъ е҆гѡ̀, и҆ да не поколе́блетсѧ.

19. Идола выливаетъ художникъ, и золотильщикъ покрываетъ его золотомъ, и придѣлываетъ серебряныя цѣпочки.

20. А кто бѣденъ для такого приношенія, выбираетъ негніющее дерево, пріискиваетъ себѣ искуснаго художника, чтобы сдѣлать идола, который стоялъ бы твердо.

установился культъ высотъ, и увлеченіе языческими культами у многихъ доходило до полнаго отрѣшенія отъ истиннаго богослуженія. Такое храмленіе израильскаго народа на обѣ плеснѣ, продолжавшееся до Езекіи, не нашло для себя исправленія и въ мудрыхъ мѣропріятіяхъ этого царя. Правда, при немъ совершилось религіозное обновленіе народа, спасшее іудейское царство отъ покоренія ассирійцами; но при немъ же состоялся несчастный союзъ съ вавилонянами, не обѣщавшій ничего хорошаго для чистоты религіознаго сознанія и религіозной жизни іудеевъ. И дѣйствительно, по смерти Езекіи, сынъ его, Манассія, очевидно, подъ вліяніемъ этого сближенія съ вавилонянами, сдѣлалъ идолослуженіе государственнымъ культомъ (4 Цар. XXI, 1—10; 2 Парал. XXXIII, 1—10). Настоящія слова пророка Исаіи, въ которыхъ можно видѣть характеристику всей религіозной жизни израильскаго народа (Дѣян. VII, 51), ближайшимъ образомъ относятся къ этому, имѣвшему послѣдовать по смерти Езекіи, водворенію въ Іерусалимѣ и іудеѣ идолопоклонства и языческихъ суевѣрій, что̀ было ближайшей причиной паденія Іерусалима и разсѣянія іудеевъ (4 Цар. XXI, 1—16. 2 Парал. XXXIII, 1—10).

Ст. 19—20. Изготовленіемъ идоловъ занимались особые мастера, которые дѣлали ихъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ (золота и серебра), или же изъ дерева, которое сверху покрывалось золо-

ка. Не разꙋмѣсте ли, не слышасте ли, не возвѣстисѧ ли вамъ искони; не разꙋмѣсте ли ѿ основанїѧ земли;

кв. Содержай кругъ земли, и живꙋщыѧ на ней ꙗки прꙋги:

21. Развѣ не знаете? развѣ вы не слышали? развѣ вамъ не говорено было отъ начала? развѣ вы не уразумѣли изъ основаній земли?

22. Онъ есть Тотъ, который возсѣдаетъ надъ кругомъ

тыми или серебряными пластинками. Изъ деревъ для этого употреблялись наименѣе поддающіяся гніенію (кедръ, дубъ, сосна, кипарисъ); ср. ниже XLIV, 12—19; Прем. Сол. XIII, 11—19. Какъ въ храмахъ, такъ и въ домахъ идолы утверждались на особыхъ постаментахъ, къ которымъ, частію для большей устойчивости, частію для безопасности отъ воровъ (Бт. XXXI, 19), прикрѣплялись цѣпями. Въ 1-мъ сл. 19-го ст. הַפֶּסֶל 70 приняли ה за вопросительное הֲ, и, поставивъ въ соотношеніе съ ו въ וְצֹרֵף, перевели μὴ—ἐдà, ἢ—лѝ. Первыя два слова 20 ст. הַמְסֻכָּן תְּרוּמָה у 70 оставлены безъ перевода, можетъ быть, потому, что въ הַמְסֻכָּן они видѣли собственное имя негніющаго дерева, изъ котораго дѣлали идоловъ, какъ это видимъ позднѣе у Іеронима (AMSUCHAN, что есть родъ негніющаго дерева, изъ котораго большей частію дѣлаются идолы), въ Таргумѣ אוֹרָן—лавровое дерево.

Ст. 21—26. Уподобленіе Божества твари и почитаніе его подъ образомъ идоловъ, по отношенію къ израильскому народу, не имѣло для себя никакого извиненія, такъ какъ истинное понятіе о Богѣ было открыто ему издревле, а къ тому же оно подтверждалось размышленіемъ о явленіяхъ окружающаго міра и человѣческой исторіи (ср. Римл. I, 20).

Ст. 21: искони = מֵרֹאשׁ = отъ начала, т. е. исторіи израильскаго народа, ср. ἀπ' ἀρχῆς κόσμου = отъ начала міра (Мѳ. XXIV, 21; сн. Ис. XLI, 4; XLVIII, 16); ѿснованїѧ земли, т. е., исторія образованія земли (Псал. CI, 26 по сл., CII, 26 по евр. т. Бт. I).

Ст. 22. Содержай кругъ земли = ὁ κατέχων τὸν γῦρον τῆς

поста́вивый не́бо ꙗ҆́кѡ кама́ру, и҆ простёръ є҆̀, ꙗ҆́кѡ ски́нїю ѡ҆би-та́ти:

земли, и живущіе на ней— какъ саранча предъ Нимъ; Онъ распростеръ небеса, какъ тонкую ткань, и раскинулъ ихъ, какъ шатеръ для жилья.

к҃г. Даѧ́й кнѧ̑зи, ꙗ҆̑ки ничто́же, владѣ́ти, и҆ зе́млю, ꙗ҆̑ки ничто́же, сотвори̑.

23. Онъ обращаетъ князей въ ничто, дѣлаетъ чѣмъ-то пустымъ судей земли.

к҃д. Не насадѧ́тъ бо, нижѐ насѣ́ютъ, и҆ не вкорени́тсѧ въ земли̑ коре́нїе и҆́хъ: дхнѐ на ни́хъ вѣ́тръ, и҆ и҆зсхо́ша, и҆ бꙋ́рѧ ꙗ҆̑ки сте́блїе во́зметъ и҆́хъ.

24. Едва они посажены, едва посѣяны, едва укоренился въ землѣ стволъ ихъ, и какъ только Онъ дохнулъ на нихъ, они высохли и вихрь унесъ ихъ, какъ солому.

к҃є. Нн҃ѣ оу҆̑бо комꙋ̀ мѧ̀ оу҆подо́бисте, и҆ вознесꙋ́сѧ, речѐ ст҃ый.

25. Кому же вы уподобите Меня, и съ кѣмъ сравните? говоритъ Святый.

γῆς, въ смыслѣ: ѡ҆блада́ѧй кру́гъ земли̑, такъ какъ по евр.: הַיֹּשֵׁב עַל־חוּג הָאָרֶץ сидящій надъ кругомъ земли. Земля представлялась круглой плоскостью, окруженной океаномъ (ср. Bocharti Geographia S. P. II, L. I. c. XXXVI), а сверху покрытой и обнимаемой кругомъ небеснымъ (Іов. XXII, 14), въ центральной и высшей точкѣ котораго возсѣдаетъ Господь (ср. Бт. XI, 5; 7), надзирающій всю поднебесную (Іов. XXVIII, 24). ꙗ҆̑ки пру́ги ср. Числ. XIII, 34, причемъ у пророка חֲגָבִים въ соотвѣтствіе съ חוּג־הָאָרֶץ.

Ст. 23. Ближайшій примѣръ непрочности человѣческаго могущества представляла исторія Сеннахерима (см. выше XXXVII, 22—29; 36—38) и израильскаго царя Осіи (4 Цар. XVII, 4; XVIII, 10); ср. Псал. II, 2; 10 по евр. т.

Ст. 24; ср. Дан. II, 35; 44—45.

Ст. 25. Вмѣсто וְאֶשְׁוֶה = и я равенъ, 70 читали וְאֶשָּׂגֵב = καὶ ὑψωθήσομαι = и҆ вознесу́сѧ.

кѕ. Воззри́те на высотꙋ̀ ѻ҆чи́ма ва́шима, и҆ ви́дите, кто̀ сотворѝ сїѧ̑ всѧ̑; носѧ́й по числꙋ̀ ѹ҆тва́рь свою̀, и҆ всѧ̑ по и҆ме́ни прозове́тъ ѿ мно́гїѧ сла́вы, и҆ въ держа́вѣ крѣ́пости своеѧ̀: ничто́же ѹ҆таи́сѧ ѿ тебѐ.

26. *Поднимите глаза ваши на высоту небесъ, и посмотрите, кто сотворилъ ихъ? Кто выводитъ воинство ихъ счетомъ? Онъ всѣхъ ихъ называетъ по имени: по множеству могущества и великой силѣ у Него ничто не выбываетъ.*

кз. Е҆да́ бо рече́ши і҆а́кѡве, и҆ что̀ глаго́лалъ є҆сѝ, і҆сра́илю; ѹ҆таи́сѧ пꙋ́ть мо́й ѿ Бг҃а, и҆ Бг҃ъ мо́й сꙋ́дъ ѿѧ̀, и҆ ѿстꙋпѝ.

27. *Какъ же говоришь ты, Іаковъ, и высказываешь, Израиль: «путь мой сокрытъ отъ Господа; и дѣло мое забыто у Бога моего».*

Ст. 26. Наблюденіе и изученіе движенія свѣтилъ небесныхъ особенно располагаетъ къ признанію, какъ причины этого движенія, единаго Премудраго и Всемогущаго Творца (Пс. VIII, 2; 4. Пс. XVIII, 1—7). Этимъ аргументомъ пользовались лучшіе апологеты христіанства, напр. Минуцій Феликсъ, Арновій и друг., въ борьбѣ съ языческимъ многобожіемъ.

Ст. 27—31. Осужденіе израильскаго народа за неисполненіе своего историческаго призванія не препятствуетъ исполненію обѣтованій Божіихъ праотцамъ этого народа: имѣющій власть надъ всѣмъ міромъ, всемогущій и премудрый Богъ, на мѣсто ослабѣвшаго и преткнувшагося израиля, привлечетъ въ свое царство иныхъ дѣлателей.

Ст. 27. Выслушавъ опредѣленіе Божіе относительно Іерусалима и іудейскаго царства (выше XXXIX, 6—7), вѣровавшіе слову Божію іудеи и израильтяне могли высказывать недоумѣніе относительно дальнѣйшаго направленія исторіи царства Божія и способа исполненія обѣтованій, данныхъ ихъ праотцамъ. ѹ҆таи́сѧ пꙋ́ть, т. е., направленіе жизни (ср. Пс. XXXVI, 5; Пс. CXLII, 8); судъ—(מִשְׁפָּט), т. е., право (Исх. XXI, 1; Пс. IX, 5; Пс.

ки. И҆ нынѣ̀ не оу҆разꙋмѣ́лъ ли є҆сѝ, ни лѝ слы́шалъ є҆сѝ; Бг҃ъ вѣ́чный, Бг҃ъ оу҆стро́ивый концы̀ землѝ, не взалче́тъ, нижѐ оу҆трꙋди́тсѧ, нижѐ є҆́сть и҆зѡбрѣ́тенїе премꙋ́дрости є҆гѡ̀.

к҃ѳ. да́ѧй а҆́лчꙋщымъ крѣ́пость, и҆ неболѣ́зненнымъ печа́ль.

л҃. Взалчꙋ́тъ бо ю҆нѣ́йшїи, и҆ оу҆трꙋдѧ́тсѧ ю҆́нѡты, и҆ и҆збра́нніи некрѣ́пцы бꙋ́дꙋтъ.

л҃а. Терпѧ́щїи же Гд҇а и҆змѣнѧ́тъ крѣ́пость, ѡ҆крылатѣ́ютъ а҆́ки ѻ҆рлѝ, потекꙋ́тъ и҆ не оу҆трꙋдѧ́тсѧ, по́йдꙋтъ и҆ не взалчꙋ́тъ.

28. Развѣ ты не знаешь? развѣ ты не слышалъ, что вѣчный, Господь Богъ, сотворившій концы земли, не утомляется и не изнемогаетъ; разумъ Его неизслѣдимъ.

29. Онъ даетъ утомленному силу, и изнемогшему даруетъ крѣпость.

30. Утомляются и юноши и ослабѣваютъ, и молодые люди падаютъ;

31. А надѣющіеся на Господа обновятся въ силѣ; поднимутъ крылья, какъ орлы, потекутъ, и не устанутъ, пойдутъ, и не утомятся.

LXXI, 2; Ис. LIX, 8—9; Іов. XXVII, 2), въ данномъ случаѣ историческое право, какъ носителя божественныхъ обѣтованій.

Ст. 28—29. Пророкъ напоминаетъ недоумѣвающимъ іудеямъ и израильтянамъ, что Господь Богъ, давшій ихъ праотцамъ обѣтованіе о благословеніи чрезъ сѣмя ихъ всѣхъ народовъ земли, есть властитель всего міра и его творческой энергіи и премудрости нѣтъ предѣла (ср. Пс. CXLVI, 5): онъ даетъ силу уставшему и укрѣпляетъ немощнаго. Послѣднія слова 29 ст. по евр. мас. т. וּלְאֵין אוֹנִים עָצְמָה יַרְבֶּה 70 читали: וּלְאֵין עָנִים עָצְבָּה יַרְבֶּה = καὶ τοῖς μὴ ὀδυνωμένοις λύπην (διδούς) = и҆ неболѣ́зненнымъ печа́ль.

Ст. 30—31. Въ безконечной мудрости и всемогуществѣ владычествующаго надъ всѣмъ міромъ Бога скрывается возможность исполненія обѣтованій праотцамъ богоизбраннаго народа: въ то время, когда наиболѣе жизненные въ человѣчествѣ элементы ослабѣютъ, а избранники преткнутся (כָּשׁוֹל יִכָּשֵׁלוּ), прилѣпившіеся своей вѣрой ко Господу обновятся силами и бодро устремятся по

пути Божію. Это пророчество, понимаемое въ примѣненіи къ отдѣльному историческому моменту, нашло полное оправданіе въ первомъ вѣкѣ христіанства, когда наиболѣе жизненныя языческія націи, греческая и римская, истощившись въ своихъ силахъ, почувствовали нужду въ помощи Божіей, а избранный въ ветхомъ завѣтѣ народъ преткнулся о камень преткновенія въ Сіонѣ (Римл. IX, 32—33; ср. Ис. XXVIII, 16), и, не принявъ хлѣба жизни (Іоан. VI, 51), обрекъ себя на гладъ словесъ Божіихъ (Ам. VIII, 11—12); тогда какъ прилѣпившіеся вѣрою къ Начальнику жизни Господу Іисусу Христу (Римл. XI, 11; 20) обновились силами, подобно орламъ, и устремились по пути добродѣтели (Пс. XXX, 25). И҆ и҆збра́нніи = *καὶ ἐκλεκτοί*: 70, вмѣсто стоящаго въ евр. мас. т. וּבַחוּרִים = и молодые люди, читали: וּבְחוּרִים part. pass. отъ בָּחַר избирать, (Ср. Пс. CXXXV, 4 по евр. т.) ѡ҆крыла́тѣютъ а҆҆ки о҆рли҆: орелъ въ опредѣленный срокъ мѣняетъ свои перья, и такимъ образомъ какъ бы обновляется, дѣлается снова молодымъ. Отсюда у многихъ древнихъ народовъ было распространено повѣрье объ орлѣ, что онъ, спустя 100 лѣтъ, погружается въ море и, выкупавшись здѣсь, молодѣетъ (ср. Bocharti Hierozoik. P. II, с. I. ср. Пс. CII, 5).

Гл. XLI. Въ пророческой рѣчи, содержащейся въ XLI-й гл., Господь устами пророка обращается къ языческому міру, и, указывая на Себя, какъ на виновника совершающейся въ жизни царей и народовъ исторической правды, посредникомъ чего является избранный и охраняемый имъ народъ израильскій, разъѣдающій идолопоклонство (ст. 1—16), однихъ изъ язычниковъ, жаждущихъ воды истиннаго боговѣдѣнія, утѣшаетъ обѣщаніемъ насытить таковой водой пустыню язычества, вслѣдствіе чего она станетъ плодородною (ст. 17—20), а другихъ, упорствующихъ въ идолопоклонствѣ, убѣждаетъ въ суетности идоловъ, которые не могутъ возвѣстить ни прошедшаго, ни будущаго, въ частности, не могутъ предузнать явленія посылаемаго Богомъ Благовѣстника въ Іерусалимъ, имѣющаго сокрушить силу язычества (ст. 21—29).

Глава̀ м҃а.

а҃. Ѡбновлѧ́йтесѧ ко мнѣ̀ ѻ҆́строви, кнѧ́зи бо ꙵ҆змѣнѧ́тъ крѣ́пость: да приближа́тсѧ, и҆ да глаго́лютъ вкꙋ́пѣ, тогда̀ сꙋ́дъ да возвѣща́ютъ.

в҃. Кто̀ возста́ви ѿ востѡ́къ пра́вдꙋ, призва̀ ю҆̀ къ нога́мъ свои́мъ, и҆ по́йдетъ; да́стъ пред̾ ꙗ҆зы́ки, и҆ царѝ ᲂу҆жаси́тъ: и҆ пове́ржетъ на зе́млю мечы̀ и҆́хъ, и҆ ꙗ҆́ки сте́блїе ѿве́ржены лꙋ́цы и҆́хъ.

г҃. И҆ проже́нетъ ѧ҆̀, и҆ про́йдетъ съ ми́ромъ пꙋ́ть но́гъ є҆гѡ̀.

д҃. Кто̀ содѣ́ла и҆ сотворѝ сїѧ̀; призва̀ ю҆̀, призыва́ѧй

Гл. XLI.

1. Умолкните предо Мною, острова, и народы да обновятъ свои силы; пусть они приблизятся и скажутъ: станемъ вмѣстѣ на судъ.

2. Кто воздвигъ отъ востока мужа правды, призвалъ его слѣдовать за собою, предалъ ему народы и покорилъ царей? Онъ обратилъ ихъ мечемъ его въ прахъ, лукомъ его въ солому, разносимую вѣтромъ.

3. Онъ гонитъ ихъ, идетъ спокойно дорогою, по которой никогда не ходилъ ногами своими.

4. Кто сдѣлалъ и совершилъ это? Тотъ, кто отъ

Ст. 1. Жители странъ, лежащихъ вдали отъ св. земли, призываются вступить въ разсужденіе съ Богомъ (ср. Іов. IX, 32). *Ѻ҆строви ср. Соф. II, 11: всѝ ѻ҆́строви ꙗ҆зы́честїи, Раши: אִיִּים אומות = острова—племена,—здѣсь у пророка разумѣются ближе всего племена, населявшія берега Средиземнаго моря и его острова. Обновлѧ́йтесѧ по евр. הַחֲרִישׁוּ = молчаливо внимайте (ср. Іов. XXXIII, 31), прочитанное у 70 הַחֲדִישׁוּ, почему ἐγκαινίζεσθε.

Ст. 2—4. Совершающаяся въ ихъ жизни историческая правда, вызывающая паденіе царей и народовъ и имѣющая своимъ послѣдствіемъ миръ, есть дѣло Господа, призвавшаго ихъ къ исторической жизни. Св. Кириллъ алекс. слова о „пра́вдѣ ѿ востѡ́къ" относитъ къ Лицу Господа Іисуса Христа, и҆̀же бы́сть на́мъ пре-

ю҆ ѿ нача́ла родѡ́въ: а҆́зъ Бг҃ъ пе́рвый, и҆ въ грѧдꙋ́щаѧ а҆́зъ є҆́смь.	*начала вызываетъ роды; Я Господь первый, и въ послѣднихъ Я тотъ же.*

мꙋ́дрость ѿ Бг҃а, пра́вда же и҆ ѡ҆свѧще́нїе и҆ и҆збавле́нїе (1 Кор. I, 30) и который въ Мал. IV, 2 называется солнцемъ правды. Св. Кир. ал. слѣдуетъ Прокопій газскій, но онъ же приводитъ мнѣніе толковниковъ, относящихъ эти слова къ Киру. Бл. Θеодор., цитируя 1 Кор. I, 30, видитъ въ словахъ пророка указаніе на евангельскую проповѣдь, обошедшую весь міръ и распространившую миръ. Злат. арм. говоритъ, что одни понимаютъ эти слова о Кирѣ, другіе—о Зоровавелѣ, а иные о мщеніи, возбужденномъ съ востока. Блаж. Іеронимъ относитъ ихъ къ лицу Господа Іисуса Христа, но замѣчаетъ, что другіе относятъ къ Киру, а нѣкоторые изъ евреевъ—къ Аврааму. Таргумъ и слѣдующіе ему Раши, Кимхи, Абарбанель и мн. др. относятъ къ Аврааму, но Абенъ-Езра—къ Киру. Большая часть западно-европ. толкователей, подобно Абенъ-Езрѣ, относятъ эти слова къ Киру (Витринга, Розенмюллеръ, Гезеніусъ, Деличъ и мн. др.), при чемъ, какъ на параллельное мѣсто, указываютъ на Ис. XLV, 1; 13. XLVI, 11. Видящіе здѣсь указаніе на отдѣльную историческую личность, подобно Іерон. и Вульгатѣ, понимаютъ еврейское צֶדֶק — правда въ смыслѣ צַדִּיק—праведный (justus), что̀ произвольно. Переводъ 70 (δικαιοσύνη) и Пешито (Задикуто) въ данномъ случаѣ болѣе точно передаетъ еврейск. צֶדֶק. Согласно этимъ переводамъ и евр. м. тексту, здѣсь идетъ рѣчь о совершеніи исторической правды въ жизни тѣхъ народовъ и царей, къ которымъ обращена рѣчь. Посредниками для совершенія таковой являлись славные побѣдители древняго міра: Навуходоносоръ (Іерем. XXV, 9), Киръ (Ис. XLV, 1) и Александръ Македонскій (Antiqu. XI, VIII, 5), своими побѣдами потрясавшіе силу язычества и подготовлявшіе человѣчество ко вступленію въ церковь Христову. Выраженіе о правдѣ ср. съ под. въ Пс. LXXXIV по сл. и LXXXV по евр. м. т. ст. 14: пра́вда пред̾ ни́мъ пред̾и́детъ, и҆ положи́тъ въ пꙋ́ть

є҃. Видѣша ꙗзыцы и̓ оу̓боѧ́шасѧ, концы̀ земні́и приближи́шасѧ, и̓ пріидо́ша вкꙋ́пѣ.

ѕ҃. Сꙋдѧ́й кі́йждо ближнемꙋ, и̓ бра́тꙋ помощи̑, и̓ рече́тъ:

з҃. превозмо́же мꙋ́жъ древодѣлатель, и̓ кова́чь біѧ́й мла́томъ, вкꙋ́пѣ прокова́ѧй: овогда̀ оу̓бѡ рече́тъ: спаѧ́ніе добро̀ есть, оу̓твердиша ѧ҆̀ гвоздьмѝ, положа́тъ ѧ҆̀, и̓ не подви́гнꙋтсѧ.

5. Увидѣли острова, и ужаснулись, концы земли затрепетали. Они сблизились и сошлись;

6. Каждый помогаетъ своему товарищу, и говоритъ своему брату: крѣпись!

7. Кузнецъ ободряетъ плавильщика, разглаживающій листы молотомъ — кующаго на наковальнѣ, говоря о спайкѣ: «хороша»; и укрѣпляетъ гвоздями, чтобъ было твердо.

стѡпы̀ своѧ̑. Евр. слова: כֶּעָפָר חַרְבּוֹ כְּקַשׁ נִדָּף קַשְׁתּוֹ 70 поняли, а м. б., читали такъ: בֶּעָפָר חַרְבָּם כְּקַשׁ נִדָּף קַשְׁתָּם, почему: εἰς γῆν τὰς μαχαίρας αὐτῶν, καὶ ὡς φρύγανα ἐξωσμένα τὰ τόξα αὐτῶν= на зе́млю мечы̀ и҆́хъ, и̓ а҆́ки сте́бліе ѿве́ржены лꙋ́цы и҆́хъ. Таргумъ предъ חַרְבּוֹ и קַשְׁתּוֹ ставитъ קֳדָם—предъ (предъ мечемъ его, предъ лукомъ его) ср. Іерон.—Вульг.: gladio ejus, arcui ejus. Въ 3-мъ ст., вмѣсто: שָׁלוֹם אֹרַח בְּרַגְלָיו, 70 читали: בְּשָׁלוֹם אֹרַח רַגְלָיו = ἐν εἰρήνῃ ἡ ὁδὸς τῶν ποδῶν αὐτοῦ = съ ми́ромъ пꙋ́ть но́гъ є҆гѡ̀; послѣднее слово לֹא יָבֹא не перевед. ни въ алекс. код., ни въ ватик. текстѣ, почему не перевед. и въ слав., хотя, согласно нѣкоторымъ греч. спискамъ, гдѣ переведено οὐχ ἥξει—не пріи́детъ, внесено въ изд. алекс. текста Грабе.

Ст. 5—7. При видѣ воздвигаемой Богомъ правды, язычество приходитъ въ трепетъ; поддерживая и поощряя другъ друга, народы собираются вмѣстѣ и стараются воздвигать возможно крѣпчайшія преграды для побѣдоносно шествующей правды. Стоящее въ 1-й полов. 5-го ст. יֶחֱרָדוּ (трепещутъ) у 70 отнесено наконецъ 2-й полов. сего ст. и прочитано יַחְדָּיו = ἅμα = вкꙋ́пѣ. Послѣднее сл. въ 6-мъ ст. по евр. м. т. חֲזָק = крѣпись у 70 по ал. в. т. оставлено безъ перевода. Стоящее въ 7-мъ ст. предъ צֹרֵף (пла-

и҃. Ты́ же, Їсра́илю, ра́бе мо́й, Їа́кѡве, є҆го́же и҆зbра́хъ, сѣ́мѧ а҆враа́мле, є҆го́же возлюби́хъ,

ѳ҃. є҆го́же поѧ́хъ ѿ конє́цъ землѝ, и҆ ѿ стра́жбъ є҆ѧ̀ призва́хъ тѧ̀, и҆ рекоу́хъ ти̑: ра́бъ мо́й є҆сѝ, и҆збра́хъ тѧ̀, и҆ не ѡ҆ста́вихъ тебѐ.

і҃. Не бо́йсѧ, съ тобо́ю бо є҆́смь, не прельща́ю: а҆́зъ бо є҆́смь Бг҃ъ тво́й, оукрѣпи́вый тѧ̀, и҆ помого́хъ ти̑, и҆ оу҆тверди́хъ тѧ̀ десни́цею моє́ю пра́ведною.

8. А ты, Израиль, рабъ Мой, Іаковъ, котораго Я избралъ, сѣмя Авраама, друга моего,

9. Ты, котораго Я взялъ отъ концовъ земли, и призвалъ отъ краевъ ея, и сказалъ тебѣ: ты Мой рабъ, Я избралъ тебя, и не отвергну тебя.

10. Не бойся, ибо Я съ тобою; не смущайся, ибо Я Богъ твой; Я укрѣплю тебя, и помогу тебѣ, и поддержу тебя десницею правды Моей.

вильщикъ) и הוֹלֵם (ἐλαύνων) אֶת, какъ знакъ винительн. падежа, у 70 понято, какъ предлогъ: при, съ, почему въ первомъ случаѣ переведено καὶ = и, во второмъ — ἅμα = вкупѣ; слѣдующее за הוֹלֵם слово פָּעַם (ударъ) понято, какъ нарѣчіе „тогда = τότε μὲν (ѻ҆когда̀ оу҆бѡ); вмѣсто יְחַזְּקֵהוּ, они читали: יְחַזְּקוּהוּ, θήσουσιν ἀυτὰ (αὐτὸ?) = положа́тъ ѧ҆̀.

Ст. 8—13. Въ тоже время, служащій Господу, Богоизбранный Израиль, исторія котораго тѣсно связана съ исторіей окружающихъ народовъ, не долженъ опасаться за свое существованіе, ибо самъ Богъ будетъ охранять и защищать его отъ враговъ. Исторія вѣрныхъ потомковъ Авраама во время плѣна, въ частности исторія Товита и Товіи, прор. Даніила и трехъ отроковъ, Есѳири и Мардохея, потомъ исторія построенія 2-го храма и время маккавейскихъ войнъ представляютъ фактическое оправданіе этихъ словъ.

Ст. 8: сѣмя Авраама, друга моего ср. Іак. II, 23; 2 Парал. XX, 7. Въ Коранѣ Авраамъ также называется другомъ Божіимъ: халилу-л-ляги, Кор. Сура IV, 24.

а҃i. Сѐ постыдѧ́тсѧ и҆ посра́мѧтсѧ всѝ сопротивлѧ́ющїисѧ тебѣ̀, бꙋ́дꙋтъ бо ꙗ҆́кѡ не сꙋ́щїи, и погѝбнꙋтъ всѝ сопе́рницы твоѝ.

в҃i. Взы́щеши и҆̀хъ, и҆ не ѡ҆брѧ́щеши человѣ́кѡвъ, и҆̀же порꙋга́ютсѧ тебѣ̀: бꙋ́дꙋтъ бо ꙗ҆̀ки не бы́вшїи, и҆ не бꙋ́дꙋтъ ра́тꙋющїи тебѐ.

г҃i. Ꙗ҆́кѡ а҆́зъ Бг҃ъ тво́й держа́й десни́цꙋ твою̀, глаго́лѧй тебѣ̀:

11. Вотъ, въ стыдѣ и посрамленіи останутся всѣ, раздраженные противъ тебя; будутъ какъ ничто, и погибнутъ препирающіеся съ тобою.

12. Будешь искать ихъ, и не найдешь ихъ, враждующихъ противъ тебя; борющіеся съ тобою будутъ какъ ничто, совершенно ничто.

13. Ибо Я Господь, Богъ твой; держу тебя за правую руку твою, говорю тебѣ: «не бойся, Я помогаю тебѣ».

Ст. 10: не прельща́ю. Греч. μὴ πλανῶ, согласно съ еврейскимъ слов. אַל־תִּשְׁתָּע и соотвѣтственно предъидущему μὴ φοβοῦ, слѣдуетъ перевести imperativo passivi: не прельща́йсѧ.

Ст. 13. Послѣднія слова стиха по евр. м. т. אֲנִי עֲזַרְתִּיךָ (я помогалъ тебѣ) въ александр. код. и ватик. текстѣ оставлены безъ перевода, почему соотвѣтствующихъ имъ нѣтъ и въ слав. Послѣднія сл. сего ст. по греч. ват. т. μὴ φοβοῦ (не бо́йсѧ) въ слав. отнесены къ началу 14-го ст.

Ст. 14—16. Разсѣявшись среди народовъ, Израиль, подобно червю, долженъ подтачивать корень язычества, подобно новой зубчатой молотильной машинѣ, долженъ сокрушать тѣхъ идоловъ, предъ которыми оно преклонялось, и вмѣстѣ съ тѣмъ содѣйствовать прославленію имени Господа, Бога Израилева. Наглядный примѣръ такого значенія пребыванія вѣрныхъ сыновъ Авраама среди язычниковъ представляетъ исторія Ананіи, Азаріи и Мисаила, исповѣданіе которыми своей вѣры въ истиннаго Бога имѣло послѣдствіемъ приказъ Навуходоносора, запрещавшій хулу на Бога седрахова, и мисахова, и авденаго: поне́же нѣ́сть Бг҃а дрꙋга́гѡ, и҆́же возмо́жетъ и҆зба́вити си́це (Дан. III, 96); далѣе — исторія

ДI. не бойсѧ ІаКѡве, малый Ісраилю, азъ помогохъ ти, глаголетъ Бгъ твой, избавлѧѧй тѧ стый Ісраилевъ.

ЕI. Се сотворихъ тѧ аки колеса колесничнаѧ нѡваѧ стирающаѧ аки пила, и сотреши горы, и истончиши холмы, и аки прахъ положиши,

SI. и извѣеши, и вѣтръ возметъ ѧ, и бурѧ развѣетъ ѧ: ты же возвеселишисѧ во свѧтыхъ Ісраилевыхъ.

14. Не бойся, червь Іаковъ, малолюдный Израиль, Я помогаю тебѣ, говорить Господь и Искупитель твой, Святый Израилевъ.

15. Вотъ, Я сдѣлалъ тебя острымъ молотиломъ, новымъ, зубчатымъ; ты будешь молотить и растирать горы, и холмы сдѣлаешь, какъ мякину.

16. Ты будешь вѣять ихъ, и вѣтеръ разнесетъ ихъ, и вихрь развѣетъ ихъ; а ты возрадуешься о Господѣ, будешь хвалиться Святымъ Израилевымъ.

прор. Даніила, твердость вѣры котораго способствовала изданію Даріемъ приказа по мидо-персидскому царству о почитаніи Бога Даніилова, ꙗкѡ той есть Бгъ живый, и пребываѧй во вѣки (Дан. VI, 26), а потомъ предъ царемъ Астіагомъ обнаружила суетность идола Вила, ложь его жрецовъ и смертность змѣя, которому воздавали божескія почести (Дан. XIV, 1—42).

Ст. 14. Первыя слова по евр. м. т.: אַל־תִּירְאִי תּוֹלַעַת = не бойся, червь, въ алекс. код. и ват. текстѣ оставлены безъ перевода, но внесены въ изд. Грабе, такъ какъ встрѣчаются въ нѣкоторыхъ греч. спискахъ, между прочимъ читаются у св. Кирилла александр., который, кромѣ сего, въ концѣ стиха прибавляетъ ненаходящіяся въ другихъ греческихъ спискахъ слова: *καὶ αἰνετὸς εἰς τοὺς αἰῶνας* = и хвальный во вѣки.

Ст. 15 ср. Мих. IV, 13.

Ст. 16. Послѣднее сл. по евр. м. т. תִּתְהַלָּל = будешь хвалиться 70 читали: יִתְהַלְלוּ = *καὶ ἀγαλλιάσονται*—и возрадуютсѧ, и отнесли его къ началу ст. 17.

зі. И҆ возра́дꙋютсѧ ѹ҆бо́зїи и҆ неимꙋ́щїи: пои́щꙋтъ бо воды̀, и҆ не бꙋ́детъ, ѧ҆зы́къ и҆́хъ ѿ жа́жды и҆зсше. А҆́зъ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ, а҆́зъ ѹ҆слы́шꙋ и҆́хъ Бг҃ъ І҆сра́илевъ, и҆ не ѡ҆ста́влю и҆́хъ:

и҃і. но ѿве́рзꙋ на гора́хъ рѣ́ки, и҆ средѝ по́лѧ и҆сто́чники: сотворю̀ пꙋсты́ню въ лꙋ́ги водны́ѧ, и҆ жа́ждꙋщꙋю зе́млю въ водоте́чы.

17. Бѣдные и нищіе ищутъ воды, и нѣтъ ея; языкъ ихъ сохнетъ отъ жажды: Я, Господь, услышу ихъ, Я, Богъ Израилевъ, не оставлю ихъ.

18. Открою на горахъ рѣки и среди долинъ источники; пустыню сдѣлаю озеромъ, и сухую землю—источниками воды.

Ст. 17—20. Слѣдствіемъ потрясенія вѣры въ идоловъ и другихъ переворотовъ въ язычествѣ явится здѣсь сознаніе нищеты духовной (Мѳ. V, 3) и жажда воды небесной благодати, вслѣдъ за чѣмъ Господь откроетъ въ языческой пустынѣ источники таковой воды, отчего она станетъ плодородной и произраститъ зеленѣющія и годныя для строенія въ царствѣ Божіемъ деревья,— въ чемъ будетъ видима ясно для всѣхъ творческая рука Господня.

Ст. 17. А҆́ще кто̀ жа́ждетъ, да прїи́детъ ко мнѣ̀ и҆ пїе́тъ. Вѣ́рꙋѧй въ мѧ̀, ꙗ҆́коже речѐ писа́нїе, рѣ́ки и҆з̾ чре́ва є҆гѡ̀ и҆стекꙋ́тъ воды̀ жи́вы (Іоан. VII, 37—38).

Ст. 18. Раши: נְהָרוֹת : לֵב מֵבִין לְתוֹרָה וְלִנְבוּאָה = рѣки: сердце, разумѣющее законъ и пророчество. Онъ же: מִדְבָּר : מָקוֹם שֶׁלֹּא הָיְתָה חָכְמַת הַתּוֹרָה = пустыня: мѣсто, гдѣ не было мудрости закона. Св. Кириллъ алекс.: „Но ѿве́рзꙋ на гора́хъ рѣ́ки, т. е., святыхъ мужей, обогатившихся божественнымъ и горнимъ словомъ, изливающихъ и какъ бы источающихъ для жаждущихъ нѣчто въ родѣ рѣчныхъ струй, такъ что нѣкогда пустынная земля измѣняетъ видъ: на ней являются озера и рощи, и жаждущая земля превращается въ водотечи; водотечами же могутъ служить тѣ, которые въ различныя времена, въ каждой странѣ и городѣ, были тайноводителями и церковными учителями“.

҃ѳі. Положꙋ̀ въ безво́днꙋю зе́млю ке́дръ, и҆ смѣ́рчїе, и҆ мѵ́рсїнꙋ, и҆ кѵ́парі́съ, и҆ то-по́лю:

҃к. да ᲂу҆́зрѧтъ, и҆ ᲂу҆разꙋ-мѣ́ютъ, и҆ помы́слѧтъ, и҆ ᲂу҆вѣ́-дѧтъ вкꙋ́пѣ, ꙗ҆́кѡ рꙋка̀ Гдⷭ҇нѧ сотвори̇̀ сїѧ̑ всѧ̑; и҆ ст҃ы́й і҆сра́-илевъ показа̀.

19. Посажу въ пустынѣ кедръ, ситтимъ, и мирту, и маслину; насажу въ степи кипарисъ, яворъ и букъ вмѣстѣ.

20. Чтобъ увидѣли и познали, и разсмотрѣли и уразумѣли, что рука Господня содѣлала это, и Святый Израилевъ сотворилъ сіе.

Ст. 19. Называемыя по евр. м. т. деревья имѣютъ особенно свѣжую зелень, и даютъ древесину, годную для прочныхъ построекъ и издѣлій. Слова этого стиха, какъ и предшествующихъ, имѣютъ аллегорическій смыслъ: покрытое свѣжей зеленью и прочно стоящее дерево есть символъ человѣка, живущаго по закону Господню (Пс. I, 3; XCI, 13). Переводъ даннаго стиха по алекс. код. и ват. тексту не вполнѣ передаетъ евр. м. текстъ, но въ нѣкоторыхъ другихъ греч. спискахъ онъ восполняется, согласно Θеодот.: *καὶ θήσω ἐν τῇ ἀραβα βραθυδαάρ καὶ θaασοὺρ ἅμα*, при чемъ евр. сл., за исключеніемъ перваго и послѣдняго, оставлены безъ перевода.

Ст. 21—24. Упорствующихъ въ идолопоклонствѣ Господь убѣждаетъ въ суетности идоловъ указаніемъ на то, что они не могутъ возвѣстить ни прошедшаго, ни будущаго, не могутъ сами по себѣ дѣлать ни добра, ни зла.

Всевѣдѣніе считалось свойствомъ божества и по языческимъ представленіямъ: θεοὶ ἀεὶ ὄντες *πάντα* ἴσασι *τὰ γεγεννημένα καὶ τὰ* ὄντα, *καὶ* ὅτι ἐξ ἑκάστων ἀυτῶν ἀποβήσεται, т. е.: боги, будучи вѣчными, знаютъ все: какъ прошедшее, такъ настоящее, такъ и то, что произойдетъ отъ каждаго изъ нихъ (Ксеноф. Кироп. L. I). Съ другой стороны, по языческимъ представленіямъ, всевѣдущее божество должно открывать будущее людямъ. Эту мысль языческой теософіи хорошо формулировалъ Цицеронъ въ формѣ рогатаго силлогизма: „если есть боги и они не предвѣщаютъ людямъ буду-

ка҃. Приближаетсѧ сѹдъ | *21. Представьте дѣло ва-*

щаго, то они или не любятъ людей, или не знаютъ будущаго, или считаютъ знаніе его безполезнымъ для человѣка, или считаютъ предсказаніе его несвойственнымъ ихъ величію, или даже сами боги не могутъ обозначить его. Но они любятъ насъ: ибо благодѣтельны и дружественны къ роду человѣческому; знаютъ то, что установлено и назначено ими самими; знаніе будущаго для насъ полезно: ибо, зная его, мы будемъ осторожнѣе; не считаютъ сего чуждымъ по своему величію; ибо нѣтъ ничего славнѣе благотворенія; наконецъ, могутъ предузнать будущее... Итакъ, есть предсказаніе" (De divinatione L. I, c. XXXVIII). Имѣющіе вѣру въ возможность наученія людей божествомъ и въ тоже время почитающіе идоловъ теперь призываются испытать ихъ: имѣютъ ли они всевѣдѣніе? и могутъ ли предвозвѣстить будущее, — вообще проявить себя въ какомъ либо знаменіи? Таковое испытаніе должно убѣдить почитателей идоловъ, что идолъ самъ по себѣ ничто (1 Кор. VIII, 4). Блаж. Іеронимъ здѣсь говоритъ между прочимъ слѣдующее: „если кто-либо скажетъ, что идолами было предсказано многое, то должно знать, что они всегда связывали съ истиной ложь, и такъ примѣняли высказываемыя мысли, что возможно было понимать какъ о добромъ, такъ и дурномъ приключеніи. Таково, напримѣръ, извѣстное изрѣченіе относительно Пира, царя Эпирскаго: Aio te (ты или тебя?) Aeacida Romanos vincere posse, и—Креза: Croesus, transgtessus Halym, maxima regna perdet (погубитъ или потеряетъ?)". Останавливаясь на словахъ, что идолы сами по себѣ не могутъ дѣлать ни добра, ни зла, блаж. Іерон. замѣчаетъ: „не отъ того, что идолы или пребывающіе въ идолахъ демоны не стали бы часто дѣлать зло, а отъ того, что они не могутъ сдѣлать этого, если имъ не будетъ дана на то Богомъ власть", ср. Мѳ. VIII, 31. Іов. I, 12; II, 6; 1 Тим. I, 20, также 1 Кор. V, 15. Подобно Іерониму въ послѣднемъ пунктѣ разсуждаетъ и Златоустъ—армян.

Ст. 21. קָרְבוּ 70 поняли не въ ф. Піэлъ, а въ ф. Калъ,

ва́шъ, глаго́летъ Гдⷭ҇ь Бгъ: при-
бли́жишасѧ совѣ́ти ва́ши, гла-
го́летъ ца́рь Іа́кѡвль.

кв. Да прибли́жатсѧ, и̑ воз-
вѣстѧ́тъ ва́мъ, ꙗ҆́же сбꙋ́дꙋтсѧ,
и̑ли̑ ꙗ҆́же пре́жде бы́ша рцы́те:
и̑ приста́вимъ оу҆́мъ, и̑ ѹ҆разꙋ-
мѣ́емъ, что̀ послѣ́днѧѧ и̑ бꙋ́дꙋ-
щаѧ: рцы́те на́мъ,

кг. возвѣсти́те на́мъ грѧдꙋ́-
щаѧ напослѣ́докъ, и̑ ѹ҆вѣ́мы,
ꙗ҆́кѡ бо́зи е҆стѐ: бла́го сотвори́-
те, и̑ ѕло̀ сотвори́те, и̑ почꙋ-
ди́мсѧ, и̑ оу҆́зримъ вкꙋ́пѣ.

кд. И҆́кѡ ѿкꙋ́дꙋ е҆стѐ вы̀, и̑
ѿкꙋ́дꙋ дѣ́ло ва́ше: ѿ землѝ
ме́рзость и̑збра́ша ва́съ.

*ше, говоритъ Господь; приве-
дите ваши доказательства,
говоритъ царь Іакова.*

*22. Пусть они представятъ,
и скажутъ намъ, что̀ про-
изойдетъ; пусть возвѣстятъ
что либо прежде, нежели оно
произошло, и мы вникнемъ
умомъ своимъ, и узнаемъ, какъ
оно кончилось, или пусть пред-
возвѣстятъ намъ о будущемъ.*

*23. Скажите, что̀ произой-
детъ въ будущемъ, и мы бу-
демъ знать, что вы боги, или
сдѣлайте что нибудь, доброе
ли, худое ли, чтобы мы изу-
мились, и вмѣстѣ съ вами
увидѣли.*

*24. Но вы ничто, и дѣло
ваше ничтожно; мерзость
тотъ, кто избираетъ васъ.*

почему ἐγγίζει = приближа́етсѧ; הַגִּישׁוּ עֲצֻמוֹתֵיכֶם = приведите доказательства ваши 70 читали: הַגִּישׁוּ עֲצֹתֵיכֶם, почему: ἤγγισαν (въ нѣк. ἠγγίκασιν) αἱ βουλαὶ ὑμῶν = прибли́жишасѧ совѣ́ти ва́ши.

Ст. 22. И҆́же сбꙋ́дꙋтсѧ = ἃ συμβήσεται = אֲשֶׁר תִּקְרֶינָה = что случится: рѣчь идетъ о такомъ будущемъ, которое не можетъ быть предугадано на основаніи знанія законовъ природы и человѣческой жизни, такъ что является какъ бы случаемъ.

Ст. 24. Вмѣсто מֵאָפַע (по однимъ: изъ ничтожества, какъ מֵאָפֶס; по другимъ: „изъ легкаго вѣянія“; по инымъ какъ: מֵאֶפְעֶה: „отъ ехидны или хуже ехидны“) 70 читали מֵעָפָר, почему: ἐκ γῆς = ѿ землѝ.

кє҃. А҆́зъ же воздви́гнѹхъ, и҆́же ѿ сѣ́вера, и҆ и҆́же ѿ восто́кѡвъ со́лнечныхъ, прозовѹ́тсѧ и҆́менемъ мои́мъ: да прїи́дѹтъ кнѧ́зи, и҆ ꙗ҆́кѡ бре́нїе скѹде́льника, и҆ ꙗ҆́кѡ скѹде́льникъ то́пчѹщъ бре́нїе, та́кѡ попра́ни бѹ́дете.

25. Я воздвигъ его отъ сѣвера, и онъ прійдетъ; отъ восхода солнца будетъ призывать имя Мое, и попирать владыкъ, какъ грязь, и топтать какъ горшечникъ глину.

25—29. Пробуждаемые Богомъ народы придутъ отъ сѣвера и отъ востока призовутъ имя Господа Бога, а прежніе ихъ властелины будутъ попраны, послѣ того какъ въ неизвѣстное для нихъ время явится посылаемый Богомъ Благовѣстникъ Іерусалима,—тогда-то обнаружится суетность идолопочитанія.

Ст. 25. Слова этого стиха у разныхъ толкователей объясняются различно. Тѣ, которые выше, во 2—7 ст., видятъ указаніе на Кира, относятъ слова даннаго стиха къ Киру, побѣдившему многихъ царей и освободившему іудеевъ изъ плѣна (ср. ст. 27);—такъ: Абенъ-Езра, Витринга, Розенмюлл., Гезен., Деличъ и большая часть западноевпроп. экзег., а также Раши. Св. Ефремъ Сиринъ разумѣетъ здѣсь Зоровавеля, за которымъ слѣдовали Іисусъ священникъ, сынъ Іоседековъ, со своими левитами, и многіе другіе іудеи съ востока; подобное же толкованіе блаж. Іерон. присвояетъ евреямъ своего времени. Таргумъ разумѣетъ здѣсь Мессію: אַיְתֵיתִי בִגְלַאי מְלַךְ דְתַקִיף מֵרוּחַ צִפּוּנָא וְיֵיתֵי כְּמִפַּק שִׁמְשָׁא בִגְבוּרְתֵיהּ מִמַּדְנְחָא׃ אֲגַבְּרִנֵיהּ בִשְׁמִי וְיֵיתֵי וְיֵדוּשׁ שִׁלְטוֹנֵי עַמְמַיָא כְּמָא דְדָיְשִׁין יַת עַפְרָא וּכְפַחְרָא דְעָרֵיךְ יַת טִינָא׃ т. е. „Я открыто приведу царя, крѣпчайшаго сѣвернаго вѣтра; онъ придетъ, какъ восходъ солнца, съ силою своею, отъ востока. Я укрѣплю его именемъ своимъ, и онъ придетъ и будетъ попирать владыкъ народовъ, какъ попираютъ прахъ, и—какъ горшечникъ, обдѣлывающій глину“. Пониманіе Таргума принимаетъ Кимхи-отецъ, находящій для него основаніе въ евр. м. мѣстѣ: הַעִירוֹתִי = воздви́гнѹхъ имѣетъ одинъ субъектъ и объектъ съ אֶתְמָךְ = воспрїи́мѹ въ XLII, 1, гдѣ субъектъ—Господь Богъ, а объектъ—עַבְדִּי = ѻ҆́трокъ мо́й—Мессія.

кѕ. Кто́ бо возвѣсти́тъ, ꙗ҆̀же и҆спе́рва, да ᲂу҆вѣ́мы, ꙗ҆̀же на- пре́ди; и҆ рече́мъ, ꙗ҆́кѡ и҆́стинна сꙋ́ть: нѣ́сть предглаго́лющагѡ, ни слы́шащагѡ слове́съ ва́шихъ.

26. Кто возвѣстилъ объ этомъ изъ начала, чтобы намъ знать, и задолго предъ тѣмъ, чтобы намъ можно было сказать: «правда?» но никто не сказалъ, никто не возвѣстилъ, никто не слыхалъ словъ вашихъ.

кз. Нача́ло сі́ѡнꙋ да́мъ, и҆ і҆ерꙋсали́ма ᲂу҆тѣ́шꙋ на пꙋ́ти.

27. Я первый сказалъ Сіону: вотъ оно! и далъ Іерусалиму благовѣстника.

ки. Ѿ ꙗ҆зы́къ бо, се̑ ни еди́нъ: и҆ ѿ кꙋмі́ръ и҆́хъ нѣ́сть возвѣща́ѧй: и҆ а҆́ще вопро́шꙋ и҆́хъ, ѿкꙋ́дꙋ є҆стѐ; не ѿвѣща́- ютъ мѝ.

28. Итакъ Я смотрѣлъ, и не было никого, и между ними не нашлось совѣтника, чтобъ Я могъ спросить ихъ, и они дали отвѣтъ.

Св. Кириллъ алекс. 1-ю пол. ст. понимаетъ объ увѣровавшихъ изъ язычниковъ; блаж. Іерон. подъ „и҆̀же ѿ сѣ́вера“ разумѣетъ увѣровавшихъ изъ язычниковъ, а подъ „и҆̀же ѿ восто́къ“—Господа Іисуса Христа, называемаго у Захар. VI, 12 мужемъ, восто́къ и҆́мѧ є҆́мꙋ, о чемъ ниже упоминаетъ и св. Кирилл. Алекс.; блаж. Ѳеодоритъ отличается здѣсь отъ блаж. Іерон. лишь тѣмъ, что подъ и҆̀же ѿ восто́къ разумѣетъ евангельскую проповѣдь. Должно замѣтить, что въ евр. м. т. послѣ הֵעִירוֹתִי не названъ объектъ, который при слѣдующихъ глаголахъ служилъ бы субъектомъ: такимъ образомъ эти глаголы должно переводить и понимать безлично, какъ это и сдѣлано у 70. Согласно сему переводу и евр. м. т., здѣсь отмѣчается два факта изъ исторіи царства божія: а) пробужденіе Богомъ пребывающихъ на сѣверѣ, т. е., въ области мрака духовнаго (ср. Мѳ. IV, 16. Ис. IX, 1—2; Дѣян. XVII, 30), для вступленія въ царство Божіе (Мѳ. VIII. 11—12) и призыванія имени Божія съ востока; б) попраніе князей вѣка сего (Іоан. XII, 31; Еф. VI, 12), т. е., духовъ

к҃ѳ. Сꙋ́ть бо творѧ́щіи ва́съ, и҆ всꙋ́е прельща́ющіи ва́съ.	*29. Вотъ, всѣ они ничто, ничтожны и дѣла ихъ; вѣтеръ и пустота истуканы ихъ.*

злобы, Господомъ Іисусомъ Христомъ въ его крестной смерти (ср. Ис. LXIII, 3; Пс. LXVII, 19—22: Еф. IV, 8—10; I Іоан. III, 8).

Ст. 27. Св. Кирилл. Алекс.: „Дамъ, говоритъ, Сіону, т. е., церкви, или множеству вѣрующихъ спасительное начало, т. е., Христа; но утѣшу и Іерусалимъ, который есть также входъ въ церковь“. Въ Талмудѣ здѣсь также разумѣется Мессія. Такъ, въ тракт. Песахимъ, въ одномъ мѣстѣ, гдѣ идетъ рѣчь объ употребленіи слова רִאשׁוֹן, между прочимъ замѣчается: וְלִשְׁמוֹ שֶׁל מָשִׁיחַ דִּכְתִיב רִאשׁוֹן לְצִיּוֹן הִנֵּה הִנָּם (Pesachim, fol. 5, a), т. е.: и къ имени Мессіи, какъ написано, и — первая полов. 27 ст. Ср. у Іоанна VIII, 25: глаго́лахꙋ оу́бѡ є҆мꙋ̀: ты̀ кто̀ є҆сѝ; и҆ речѐ и҆̀мъ І҆и҃съ: нача́токъ, ꙗ҆́кѡ и҆ глаго́лю ва́мъ.

Ст. 29. Въ алекс. и ват. сп. греческій текстъ здѣсь поврежденъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ греч. сп. пер. 70 этотъ стихъ читается правильнѣе: εἰσὶ γὰρ οἱ ποιοῦντες ὑμᾶς ἄοικοι (исправляется въ ἄδικοι) καὶ ματαιότης οἱ πλάσσοντες ὑμᾶς = сꙋ́ть бо творѧ́щіи ва́съ непра́ведни и҆ сꙋ҆єта̀ ѡ҆бразꙋ́ющіи ва́съ: вмѣсто מַעֲשֵׂיהֶם = дѣла ихъ, у Θеод. τὰ ἔργα αὐτῶν, 70 чит.: הָעֹשֵׂיכֶם = οἱ ποιοῦντες ὑμᾶς, а вмѣсто: נִסְכֵּיהֶם = истуканы ихъ, у Θеод. τὸ χώνευμα αὐτῶν, чит.: נֹסְכֵיכֶם = οἱ πλάσσοντες (потомъ измѣненное въ πλανῶντες = прельща́ющіи) ὑμᾶς.

ГЛАВА XLII.

Въ XLII главѣ содержится пророчество: а) о явленіи Отрока Господня, совершителя воли Божіей по утвержденію суда на землѣ и просвѣщенію язычниковъ (ст. 1—9); б) о соединяемомъ съ симъ распространеніи вѣры въ истиннаго Бога и паденіи идоло-

Глава̀ м҃в.

а҃. Іа́кѡвъ ѻ҆́трокъ мо́й, воспрі́имꙋ є҆̀: і҆сра́иль и҆збра́нный мо́й, пріѧ́тъ є҆гѡ̀ дꙋша̀ моѧ̀, да́хъ дꙋ́хъ мо́й на́нь, сꙋ́дъ ꙗ҆зы́кѡмъ возвѣсти́тъ.

Гл. XLII.

1. Вотъ, Отрокъ Мой, котораго Я держу за руку, избранный Мой, къ которому благоволитъ душа Моя. Положу Духъ Мой на Него, и возвѣститъ народамъ судъ.

поклонства среди язычниковъ (ст. 10—17) и в) объ отверженіи народа Израильскаго, какъ непослушнаго раба Божія, и послѣдующемъ за симъ его жалкомъ политическомъ существованіи (ст. 18—25).

Ст. 1—4. Господь предвозвѣщаетъ явленіе Отрока своего, Который есть соучастникъ его по устроенію царства Божія на землѣ. Съ нимъ, какъ избранникомъ Господа, пребываетъ благоволеніе Божіе, на немъ почіетъ Духъ Господень; со спокойствіемъ, милосердіемъ и не ослабѣвая въ силѣ, установитъ Онъ, согласный съ истиной, судъ на землѣ: отдаленные отъ святой земли народы послѣдуютъ за нимъ. Содержаніе этихъ стиховъ св. евангелистъ Матѳей относитъ къ Лицу Господа Іисуса Христа (Мѳ. XII, 17—21).

Ст. 1. „Давъ прежде обѣщаніе въ словахъ: „нача́ло Сіѡ́нꙋ да́мъ“ (XLI, 27), онъ ясно показываетъ и то, каково именно это начало, говоритъ св. Кириллъ алекс. Сѐ ѻ҆́трокъ мо́й (какъ цитируетъ ев. Мѳ. XII, 17) въ Таргумѣ: הָא עַבְדִּי מְשִׁיחָא = вотъ, рабъ мой, Мессія. Стоящія въ переводѣ 70 слова Ἰακὼβ—Ἰσραὴλ = Іа́кѡвъ—і҆сра́иль не имѣютъ себѣ соотвѣтствующихъ ни въ евр. м. т., ни въ Таргумѣ, ни у еванг. Матѳея. Но ихъ прибавленіе у 70 ничуть не устраняетъ пониманія даннаго мѣста въ мессіанскомъ смыслѣ: ибо идея богоизбраннаго народа и идея Мессіи, какъ внѣшнеисторическихъ факторовъ, имѣютъ одинаковое содержаніе, и признаки понятія „Іаковъ“, „Израиль“ входятъ въ число признаковъ понятія „Мессія“. Какъ израильскій народъ

в҃. Не возопіе́тъ, нижѐ ѡ҆сла́битъ, нижѐ ᲂу҆слы́шитсѧ внѣ̀ гла́съ є҆гѡ̀.

2. Не возопіетъ и не возвыситъ голоса Своего, и не дастъ услышать его на улицахъ.

былъ рабомъ Божіимъ (Втор. VI, 13; X, 20; Ис. XLI 8—9; XLIV, 1 и др.), такъ и исполнившій историческое призваніе сего народа, Мессія, былъ рабомъ Божіимъ, (Зах. III, 8. Филип. II, 7; Дѣян. III, 13), исполнителемъ воли Божіей (Пс. XXXIX, 8—9; ср. Евр. X, 5—7. Іоан. V, 30); но если израильскій народъ, въ лицѣ своихъ руководителей, явился рабомъ, не исполнившимъ воли Господина своего (Мѳ. XXIII, 1—3; XXI, 28—32; Римл. II, 17—24), то истинный Мессія, Господь Іисусъ, зра́къ раба̀ пріи́мъ, послꙋ́шливъ бы́въ да́же до сме́рти, сме́рти же кре́стныѧ (Филип. II, 8), имѣя вкусить оную, въ молитвѣ къ Пославшему Его Отцу говоритъ: дѣ́ло соверши́хъ, є҆́же да́лъ є҆сѝ мнѣ̀ да сотворю̀ (Іоан. XVII, 4). Воспріимꙋ̀ є҆̀ ср. Втор. XXXII, 11 — 12; Ис. XLI, 14; относительно Лица Господа Іисуса Христа это выраженіе выясняется въ Іоан. VIII, 28—29; XIV, 10. Св. Кириллъ алекс. по поводу сего выраженія замѣчаетъ: „Отецъ содѣйствовалъ Сыну и совершалъ дивныя дѣла какъ бы своею собственною силою“. И҆збра́нный мо́й: какъ израильскій народъ есть избранный изъ прочихъ народовъ (ср. XLI, 8—9. Втор. XXXII, 9. Пс. CXXXIV, 4), такъ и Мессія есть избранникъ изъ всѣхъ людей: ибо кра́сенъ добро́тою па́че сынѡ́въ человѣ́ческихъ (Пс. XLIV, 3). Пріѧ́тъ є҆го̀ дꙋша̀ моѧ̀, да́хъ дꙋ́хъ мо́й на́нь, сꙋ́дъ ꙗ҆зы́кѡмъ возвѣсти́тъ. Понимаемыя въ буквальномъ смыслѣ, эти слова примѣнимы только къ Лицу Господа Іисуса Христа: о немъ Богъ Отецъ сказалъ: се́й є҆́сть сн҃ъ мо́й возлю́бленный, ѡ҆ не́мже благоволи́хъ (Мѳ. III, 17; Мк. I, 11; Лк. III, 22; Мѳ. XVII, 5. Мк. IX, 7; Іоан. V, 37; 2 Петр. I, 17); на него, по человѣчеству (τῷ τῆς ἀνθρωπότητος μέτρῳ, по выраженію св. Кирилла Алекс.), во время крещенія, сошелъ Духъ Святый (Мѳ. III, 16; Мк. I, 10; Лк. III, 22; Іоан. I, 32—33); ему, какъ Сыну своему, Богъ Отецъ

г҃. Трости сокрꙋшены не сотретъ, и льна кꙋрѧщасѧ не оугаситъ, но во истинꙋ изнесетъ сꙋдъ.

д҃. Возсіѧетъ, и не потꙋхнетъ, дондеже положитъ на земли сꙋдъ, и на имѧ егѡ ѧзыцы оуповати имꙋтъ.

є҃. Такѡ глаголетъ Гдь Бгъ, сотворивый небо, и водрꙋзивый є҃, оутверждей землю, и ѧже на ней, и даѧй дыханіе людемъ, иже на ней, и дꙋхъ ходѧщымъ на ней.

3. Трости надломленной не переломитъ, и льна курящагося не угаситъ; будетъ производить судъ по-истинѣ.

4. Не ослабѣетъ и не изнеможетъ, доколѣ на землѣ не утвердитъ суда, и на законъ Его будутъ уповать острова.

5. Такъ говоритъ Господь Богъ, сотворившій небеса и пространство ихъ, распростершій землю съ произведеніями ея, дающій дыханіе народу на ней и духъ ходящимъ по ней.

далъ весь судъ (Іоан. V, 22) и Онъ, изгнавъ князя міра сего вонъ (Іоан. XII, 31) и получивъ власть на небѣ и на землѣ (Мѳ. XXVIII, 18) будетъ судить живыхъ и мертвыхъ (2 Тим. IV, 1).

Ст. 2. Въ сл. לֹא יִשָּׂא 70 поняли נָשָׂא въ смыслѣ נָשָׂא עָוֹן (ср. Исх. XXXIV, 7. Іис. Нав. XXIV, 19; Бт. XVIII, 24), почему перевели: οὐδὲ ἀνήσει = ниже ѿслабитъ, хотя въ приложеніи къ голосу слѣдуетъ: „не возвыситъ".

Ст. 4. Сл. לֹא יִכְהֶה 70, переведшіе въ 3-мъ ст. כֵּהָה = καπνιζόμενον = кꙋрѧщасѧ, здѣсь перевели однимъ словомъ: ἀναλάμψει = возсіяетъ, что въ соединеніи съ οὐ θραυσθήσεται = и не потꙋхнетъ, значитъ: Онъ будетъ сіять постояннымъ, не ослабѣвающимъ свѣтомъ.

Ст. 5—7. Господь обращаетъ свою рѣчь къ Отроку своему, указывая на цѣль и значеніе его явленія въ міръ.

Ст. 6 ср. Іер. XXXI, 31—34. Лк. II, 32. Дѣян. XIII, 47.

ѕ҃. Ѧ҆́зъ Гдь Бг҃ъ призва́хъ тѧ̀ въ пра́вдѣ, и҆ оу҆держꙋ̀ за ру́кꙋ твою̀, и҆ оу҆крѣплю̀ тѧ̀. и҆ да́хъ тѧ̀ въ завѣ́тъ ро́да і҆сра́илева, во свѣ́тъ ꙗ҆зы́кѡвъ,

з҃. Ѿверзти̑ ѻ҆́чи слѣпы́хъ, и҆звестѝ ѿ оу́зъ свѧ́занныѧ, и҆ и҆зъ до́мꙋ темни́цы, и҆ сѣдѧ́щыѧ во тмѣ̀.

и҃. Ѧ҆́зъ Гдь Бг҃ъ, сі҆ѐ моѐ є҆́сть и҆́мѧ, сла́вы моеѧ̀ и҆но́мꙋ не да́мъ, нижѐ добродѣ́телей мои́хъ и҆стꙋка́ннымъ.

ѳ҃. И҆̀же и҆зъ нача́ла сѐ прі-идо́ша, и҆ нѡ́выѧ, ꙗ҆̀же а҆́зъ возвѣщꙋ̀, и҆ пре́жде не́же возвѣсти́ти, ꙗ҆ви́шасѧ ва́мъ.

6. *Я, Господь, призвалъ Тебя въ правду, и буду держать Тебя за руку, и хранить Тебя, и поставлю Тебя въ завѣтъ для народа, во свѣтъ для язычниковъ.*

7. *Чтобы открыть глаза слѣпыхъ, чтобы узниковъ вывести изъ заключенія и сидящихъ во тьмѣ—изъ темницы.*

8. *Я Господь, это — Мое имя, и не дамъ славы Моей иному и хвалы Моей истуканамъ.*

9. *Вотъ, предсказанное прежде сбылось, и новое Я возвѣщу, прежде нежели оно произойдетъ, Я возвѣщу вамъ.*

Ст. 7. Лк. IV, 17 — 21. 1 Петр. III, 19. Евр. II, 14—15.

Ст. 8. Ср. Исх. III, 14—15. XX, 2—7. Захар. XIV, 9. Іоан. XVII, 3. Сла́вы моеѧ̀ и҆но́мꙋ не да́мъ. Присемъ, замѣчаетъ блаж. Іеронимъ, „Онъ не исключаетъ Сына“, Который въ молитвѣ къ Отцу говоритъ: просла́ви мѧ̀ ты̀ ѻ҆́ч҃е оу тебѐ самогѡ̀ сла́вою, ю҆́же и҆мѣ́хъ оу҆ тебѐ, пре́жде мі́ръ нѐ бы́сть, и потомъ: Сла́вꙋ, ю҆́же да́лъ є҆сѝ мнѣ̀, да́хъ и҆̀мъ (Іоан. XVII, 5; 22).

Ст. 9. Въ противность идоламъ, которые не могутъ возвѣстить ни прошедшаго, ни будущаго, ни вообще совершить какое-либо знаменіе, Господь, какъ Живой Богъ, Всевѣдущій и Всемогущій, предсказываетъ о явленіи Отрока своего теперь, гораздо раньше времени явленія его. Блаж. Іерон. замѣчаетъ о словахъ Господа: „То, что Я говорилъ, что обѣщалъ чрезъ Моисея и

О религіозномъ равнодушіи [1].

«Отвѣща убо ему Господь, и рече: лицемѣре, кождо васъ въ субботу не отрѣшаетъ ли своего вола или осла отъ яслій, и ведъ напаяетъ; сію же дщерь Авраамлю сущу, юже связа сатана се осмонадесяте лѣто, не достояше ли разрѣшитися ей отъ юзы сея въ день субботный»; (Лук. XIII, 15, 16).

Почему это, благочестивые слушатели, приходитъ въ такое негодованіе долготерпѣливый Господь? Почему съ такою горечью и такъ явно обличаетъ и порицаетъ Онъ начальника синагоги? Потому, что слова послѣдняго, на сколько они кажутся простыми и незначущими, на столько же они и коварны, если вникнуть въ ихъ смыслъ, какъ слѣдуетъ. Вѣдь что̀ такое хотѣлъ показать начальникъ синагоги, негодуя *«зане въ субботу исцѣли Іисусъ»*, и говоря къ народу: *«шесть дній есть, въ няже достоитъ дѣлати: въ тыя убо приходяще цѣлитеся, а не въ день субботный»*? Что другое имѣлъ онъ въ виду, какъ не то, чтобы представить Іисуса Христа презирающимъ и нарушающимъ законъ, не имѣющимъ почтенія къ вѣрѣ отцовъ своихъ? Итакъ, не безъ основанія съ такимъ негодованіемъ отклоняетъ Богочеловѣкъ нечестивую мысль, неосновательное обвиненіе, которое старался навлечь на Него начальникъ синагоги, и доказываетъ примѣромъ, что исцѣлять въ день субботный немощныхъ—не изъ такихъ дѣлъ,

---

[1]) Бесѣда митрополита миѳимнскаго Никифора (Глика̀). Переводъ съ греческаго священника А. Смирнопуло.

которыя законъ запрещаетъ, но которыя дозволяетъ и относительно которыхъ выражаетъ даже требованіе, чтобы они совершались въ день субботный, и что, слѣдовательно, начальникъ синагоги не изъ почтенія къ закону, не изъ религіознаго рвенія, но изъ зависти и ненависти къ Іисусу Христу отвращалъ народъ отъ богоугодныхъ этихъ дѣлъ. «*Лицемѣре, кождо васъ въ субботу не отрѣшаетъ ли своего вола или осла отъ яслій, и ведъ напаяетъ; сію же дщерь Авраамлю сущу, юже связа сатана се осмоенадесяте лѣто, не достояше ли разрѣшитися ей отъ юзы сея въ день субботный*». Какъ бы такъ говоритъ Господь начальнику синагоги: нѣтъ, не преступаю закона я, пришедшій исполнить законъ; не нарушаю заповѣдей закона я, пришедшій усовершить заповѣди закона; не презираю религіи я, пришедшій установить должное почтеніе къ истинной религіи и къ Богу; Я не отмѣняю соблюденія субботы и прочихъ внѣшнихъ обрядовъ богопочтенія, но учу богопочтенію въ духѣ и истинѣ, а не ложному и лицемѣрному, какое наблюдается тобою и подобными тебѣ книжниками и фарисеями, къ осмѣянію религіи и во вредъ народу.

Братіе христіане! Богочеловѣкъ былъ Господомъ, какъ Самъ говорилъ Онъ, и субботы, и, слѣдовательно, могъ относиться безразлично къ соблюденію постановленій и предписаній закона; но, однако, чтобы показать, какъ велика обязанность чтить вѣру отцовъ, и чтобы дать намъ примѣръ исполненія по силѣ возможности внѣшнихъ дѣлъ богопочтенія, Онъ всегда заботился строго и нерушимо исполнять все, предписываемое закономъ Моисея. И дѣйствительно, когда мы видимъ, что надъ Нимъ, младенцемъ, совершаютъ обрѣзаніе по закону и приносятъ потомъ Его во храмъ, а Онъ впослѣдствіи принимаетъ крещеніе (какъ во грѣхахъ рождающіеся и живущіе люди); когда мы видимъ, что Онъ постится сорокъ дней и ночей, всегда посѣщаетъ по субботамъ синагогу и присутствуетъ на торжествахъ и празднествахъ; когда мы видимъ Его приходящимъ въ храмъ Божій, преклоняющимъ колѣни воочію народа и учениковъ, возводящимъ очи къ небу, и часто со слезами и сильнымъ воплемъ возносящимъ молитвы къ Богу и Отцу; когда мы видимъ, что Господь совершаетъ все это съ усердіемъ:

къ какому разумному заключенію придти намъ, если не къ тому, что Его воля, чтобы мы исполняли нерушимо всѣ дѣла благочестія, которыя Онъ Самъ же черезъ своихъ апостоловъ узаконилъ въ церкви благодати?

Не смотря однако на это, многіе христіане нашего времени, чтобы ихъ не обвиняли въ суевѣріи или въ лицемѣріи, когда видятъ ихъ благочестиво исполняющими религіозные обряды, впадаютъ, незамѣтно для самихъ себя, въ полное религіозное равнодушіе. Нѣтъ сомнѣнія, что большое зло—лицемѣрное благочестіе и ложное религіозное рвеніе, какое, какъ мы видѣли, проявилъ начальникъ синагоги; но развѣ равнодушное или высокомѣрное отношеніе къ религіи—меньшее, менѣе значущее зло? Худо представлять изъ себя, не будучи таковымъ, благочестиваго и святаго человѣка, какъ нѣкогда дѣлали книжники и фарисеи, которыхъ въ этомъ и обличалъ столько разъ Господь, и произнесъ противъ нихъ извѣстное «горе вамъ»; но быть равнодушными къ вѣрѣ своей, въ которой родились и воспитывались и которую какъ бы продолжаютъ еще чтить и исповѣдывать — развѣ это менѣе значительное зло?

Но хуже всего то, что на великое зло нечестія, равнодушнаго отношенія къ религіознымъ своимъ обязанностямъ, не только не смотрятъ нѣкоторые, какъ на грѣхъ, но увы! считаютъ его даже преимуществомъ образованнаго человѣка. И не рѣдко приходится съ душевнымъ негодованіемъ видѣть и слышать среди христіанъ людей на столько нерелигіозныхъ и невѣрующихъ, что они не только рѣшаются дерзко преступать постановленія и правила церкви, искони преданныя св. апостолами, узаконенныя соборами, доселѣ, по Божіей благодати соблюдающіяся въ православной церкви, но дерзаютъ даже, для оправданія своего соблазнительнаго и антихристіанскаго поведенія, называть все это людскими измышленіями, предразсудками, суевѣріями, отъ которыхъ, говорятъ, долженъ быть вполнѣ свободенъ образованный и благоразумный человѣкъ; а соблюдающихъ предписываемое церковью они не стыдятся называть суевѣрными, людьми съ предразсудками, лицемѣрами и т. п.

При такомъ положеніи вещей, при такомъ непростительномъ и

предосудительномъ отношеніи нѣкоторыхъ къ религіи и къ церкви, что слѣдуетъ дѣлать служителю Божію, который поставленъ не только проповѣдникомъ, но и защитникомъ вѣчныхъ истинъ Божіихъ въ ихъ правомъ исповѣданіи? Ему слѣдуетъ возвысить голосъ противъ такого соблазна и заблужденія, ему слѣдуетъ провозгласить во имя Господне, что такое нечестіе, такая небрежность со стороны нѣкоторыхъ христіанъ къ ихъ религіознымъ обязанностямъ — хула противъ Бога и, слѣдовательно, тяжкій, непростительный грѣхъ!

Конечно, это — такъ, братіе христіане. Если бы земной царь призвалъ кого-либо изъ насъ и повелѣлъ бы ему приходить правильно въ опредѣленные дни и часы во дворецъ для исполненія того или другого дѣла, а призванный не оказалъ бы вниманія и не позаботился бы о точномъ и своевременномъ исполненіи приказа,—развѣ не было бы такое невниманіе дерзостью, презрѣніемъ къ царской особѣ? Итакъ, да трепещутъ тѣ, кто ради своего равнодушія и невниманія къ божественнымъ предписаніямъ презираютъ и хулятъ Творца неба и земли, Царя ангеловъ и вселенной! Но нѣтъ, противъ Всевышняго дерзость невозможна. «*Не льститеся*, вопіетъ небошественный апостолъ, *Богъ поругаемъ не бываетъ*»; напротивъ, Онъ наказываетъ и разитъ дерзкихъ, презирающихъ и оскорбляющихъ Его божественную славу и величіе.

А что могутъ представить подобные люди въ свою защиту передъ Богомъ за соблазнъ, причиняемый ихъ антихристіанскимъ поведеніемъ другимъ людямъ, какъ вѣрующимъ, такъ и невѣрующимъ? Что могутъ сказать о нихъ вѣрующіе, и особенно тѣ, которые простодушнѣе, видя, что называющіе себя христіанами такъ равнодушны къ вѣрѣ своей, такъ невнимательны къ своимъ религіознымъ обязанностямъ? Что говорятъ и невѣрующіе, которыхъ мы должны своими благочестивыми дѣлами и христіанскимъ примѣромъ привлекать къ истинной религіи, когда они видятъ насъ такими холодными, такъ небрежно относящимися къ исполненію религіозныхъ нашихъ обязанностей?

Чтить религію, благочестивые слушатели, т. е. соблюдать и исполнять точно и добросовѣстно все ею предписываемое, это—

первый долгъ, первая обязанность каждаго православнаго христіанина, и никто не могъ бы пренебречь ею безъ большой отвѣтственности и передъ Богомъ, и передъ людьми. Почтеніе къ религіи должно быть, конечно, прежде всего внутреннимъ, какъ заповѣдуетъ Самъ Господь, — почтеніемъ въ духѣ, потому что оно воздается Богу, Который — Духъ и испытуетъ сердца и помышленія человѣческія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ частности же для назиданія ближнихъ, оно должно и проявляться, обнаруживаться, а именно: намъ нужно собираться въ храмъ Божій, слушать священныя службы и послѣдованія, молиться всѣмъ вмѣстѣ, принимать участіе въ божественныхъ таинствахъ, вообще исполнять все, что касается внѣшняго богопочтенія (согласно съ ученіемъ матери нашей православной церкви), и такимъ образомъ богопочтеніе въ духѣ и истинѣ усовершается.

Когда отъ какого-либо начальника, отъ кого-либо изъ сильныхъ земли удостоиваемся мы или надѣемся получить какое-нибудь благодѣяніе, какую-нибудь милость, которая можетъ польстить нашему самолюбію или расширить наши матеріальныя средства, чего только мы не дѣлаемъ, какимъ только жертвамъ ни подвергаемъ себя! Какъ внимательны бываемъ мы, чтобы случайно въ малѣйшемъ чемъ-нибудь не непонравиться этому человѣку; и не только не осмѣливаемся мы противорѣчить словамъ его, но даже слѣдимъ за всякимъ его движеніемъ. И изъ-за чего все это? Къ чему такія жертвы и со стороны самолюбія, и со стороны спокойствія нашего? Чтобы не пришлось потерять благорасположеніе этого человѣка, чтобы не лишиться его покровительства. И такъ, между тѣмъ какъ передъ сынами человѣческими, «*ихъ же дніе яко зеліе, слава же и сила яко цвѣтъ*», мы выражаемъ столько рабскаго поклонничества и почтенія; относительно Бога безсмертнаго и вѣчнаго, «*о Немъ же живемъ и движемся и есмы*», «*отъ Него же толикая воспріяхомъ, Нань же и уповаемъ*», относительно Бога, даровавшаго намъ и жизнь, и счастіе, и искупленіе, и усыновленіе, и все благое, чѣмъ только пользуется или духъ, или тѣло наше, относительно Бога, отъ Котораго надѣемся мы получить и здравіе, и долготу дней, и конецъ благій и

блаженный, а послѣ смерти нашей—спасеніе и упокоеніе, царство и радость неизглаголанную и вѣчную; относительно Бога и обязанностей нашихъ къ Нему мы... невнимательны, равнодушны!

Но какія же это Богомъ возложенныя на насъ обязанности, исполненіе которыхъ кажется намъ такимъ затруднительнымъ? Господь призываетъ насъ, напр., въ праздничные дни въ храмъ Свой, во святый домъ Свой, т. е. Царь царствующихъ разрѣшаетъ предстать предъ Собою, чтобы созерцать намъ божественную Его славу, чтобы видѣли мы образно божественное Лице Его и поклонились Ему, чтобы воспѣвали и славословили божественное Его величіе со святыми ангелами, невидимо здѣсь предстоящими: вотъ на какое небесное торжество призываетъ тебя Богъ; а ты, христіанинъ, равнодушенъ къ призыву?! «*Возвеселихся о рекшихъ мнѣ*, возглашаетъ ликуя псалмопѣвецъ, *возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдемъ*»; а ты остаешься такимъ холоднымъ и безчувственнымъ! Какъ поистинѣ отрадно, радостно чтить Бога живаго и на сколько религіозное равнодушіе и маловѣріе безотрадны, въ этомъ уже убѣдились. — Призываетъ насъ также Господь къ таинству св. покаянія: «*Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою вы*»—раздаются Его милосердныя и любвеобильныя слова. Пріидите, грядите всѣ, кто несетъ тяжкое бремя беззаконій, кто согбенъ, какъ евангельская скорченная, тяжестью всяческихъ грѣховъ и не можетъ вполнѣ выпрямиться, пріидите, сложите у подножія креста Моего грѣхи ваши, и Я успокою васъ, Я облегчу васъ, Я исцѣлю васъ: вотъ что обѣщаетъ намъ Христосъ; а мы... остаемся холодными на Его призывъ.— Призываетъ насъ Господь (это самое великое и самое чудное) къ таинству св. причащенія, къ трапезѣ Своей, за которой присутствуютъ ангелы со страхомъ и трепетомъ, гдѣ ради насъ Онъ закалаетъ въ жертву и предлагаетъ, какъ агнца упитаннаго, — что можетъ быть больше? — самое Тѣло Свое и самую Кровь Свою, чтобы насъ обезсмертить, чтобы насъ обожествить. Чего мы удостоиваемся! Но все-таки мы равнодушны къ призыву; а если иногда и являемся на зовъ, то безъ должнаго почтенія и благоговѣнія.

И къ вамъ, отцы и братіе во Христѣ, обращаюсь я, къ вамъ, священникамъ и служителямъ Вышняго, которые чрезъ Божію благодать удостоились входить во внутренняя завѣсы, лицезрѣть славу божественную вблизи, служить Царю всѣхъ со святыми ангелами. Будьте внимательны, ради любви къ Богу, чтобы вамъ не сдѣлаться, по недостатку почтенія и благоговѣнія ко святынѣ, претвновеніемъ и соблазномъ для вѣрующихъ братьевъ нашихъ, за которыхъ умеръ Христосъ.

Откуда же, откуда это великое зло религіознаго равнодушія и нечестія, которое, какъ эпидемическая болѣзнь, распространяется, съ Божія попущенія, почти всюду и поражаетъ, безъ различія, людей всякаго званія и возраста? Откуда зло это, которое и въ глазахъ людей не должно намъ дѣлать особенной чести, а передъ Богомъ и совѣстью является такимъ ужаснымъ нашимъ обличителемъ? Откуда? «*Мужіе льсти и кровей*», люди враждебные и Христу и Богу, люди невѣрующіе и нечестивые распространили въ мірѣ эту заразу, бичующую все христіанское общество и колеблющую самыя основанія вѣры и святой религіи нашей. Правда, зло религіознаго равнодушія не вторглось еще, по Божіей благодати, всецѣло въ нашъ городъ [1]) и въ наше общество, чему намъ нельзя не радоваться. Но ради этого именно и слѣдуетъ быть осмотрительными, прежде чѣмъ язва появится всюду и станетъ неизлечимою. Мы воздадимъ слово предъ Богомъ и за себя самихъ, и за потомство, которое послѣдуетъ нашему примѣру.

И такъ, подумаемъ, братіе, о великой отвѣтственности, которую мы принимаемъ на себя, и поспѣшимъ, на сколько можемъ, предупредить великое это зло. Отъ насъ, братіе, отъ насъ, по Божьему благоволенію стоящихъ у власти церковной или гражданской, отъ насъ зависитъ и отеческими своими совѣтами и внушеніями, и, прежде всего, хорошимъ собственнымъ примѣромъ оживить, воскресить древнее благочестіе нашихъ предковъ, которое, по причинѣ смертоноснаго вѣянія чужихъ и нечестивыхъ нововве-

---

[1]) Бесѣда произнесена въ Константинополѣ.

деній, поблекло, охладѣло до такой степени, что это внушаетъ даже всякому благочестивому православному страхъ за наше спасеніе.

Ты же, Господи Іисусе Христе, Единородный Сыне и Слове Божій, насъ ради человѣкъ вочеловѣчивыйся и вся яже ко спасенію нашему и словомъ, и образомъ, намъ показавый, исцѣли немощи наша, укрѣпи насъ чтущихъ Тя еже духомъ и истиною поклоненіе угодное Тебѣ приносити, и со страхомъ, и благоговѣніемъ чтити Тя благопріятно, во славу всесвятаго и всехвальнаго Имене Твоего. Буди, Господи, буди! Аминь.

О путяхъ, ведущихъ къ познанію Бога.

Въ Немъ была жизнь, и жизнь была свѣтъ человѣковъ. И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла его. Ев. Іоан. I, 4—5.

Въ стремленіи къ высшему идеалу у людей существуютъ различные пути. У человѣка есть разумъ и онъ ищетъ истины; у него есть воля и она стремится осуществить благо; у человѣка есть чувство и оно ищетъ красоты и наслажденія. Но въ земной жизни, въ чувственномъ бытіи человѣка, всѣ эти элементы его духа не могутъ быть удовлетворены.

Въ мірѣ человѣкъ не нашелъ еще истины, а тѣмъ паче абсолютной истины, и разумъ его сплошь и рядомъ блуждаетъ въ сѣтяхъ лжи, въ туманѣ обмана, часто принимая его за истину. Воля человѣка не могла еще на землѣ осуществить не только абсолютнаго, но даже относительнаго блага, а сплошь и рядомъ творитъ зло, принимая его за благо. Чувство человѣка въ земной жизни не можетъ быть насыщено и вѣчно наслаждаться красотой безусловной, ибо таковой въ мірѣ нѣтъ. Но если духъ человѣка, блуждая въ сѣтяхъ лжи, зла и безобразія, все же ищетъ идеаловъ, то, несомнѣнно, онъ сознаетъ, что долженъ быть абсолютный идеалъ, который вполнѣ удовлетворилъ бы этотъ вѣчный голодъ и жажду человѣческой души.

Но гдѣ-же несомнѣнные и вѣрные пути къ этому абсолютному идеалу? Гдѣ пути къ Божеству?

Для человѣка, не имѣющаго теплаго религіознаго чувства, для

человѣка, который, почему бы то ни было, не можетъ удовлетвориться одной вѣрой, и особенно для человѣка образованнаго и скептика въ религіозныхъ вопросахъ, можно указать на три пути, ведущіе къ познанію и служенію вѣчной абсолютной истинѣ и добру.

Первый путь—это путь естествознанія на строгихъ началахъ безпристрастныхъ фактовъ и философской критики ихъ. Второй путь—путь исторіи, безпристрастнаго анализа событій въ жизни человѣчества, наконецъ, третій путь—это путь богословскихъ знаній и религіозной жизни.

I.

Что касается перваго пути, то на немъ мы можемъ встрѣтить цѣлую систему доказательствъ бытія и свойствъ Божіихъ. Не останавливаясь на всѣхъ ихъ, коснемся только самыхъ существенныхъ, основныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и популярныхъ данныхъ естествознанія для установки доказательства реальности и законности идеи бытія Божія. Во всѣхъ естественныхъ наукахъ изслѣдуется природа и ея явленія по извѣстнымъ методамъ. Всѣ эти науки устанавливаютъ въ изслѣдованныхъ явленіяхъ и фактахъ извѣстную законосообразность, порядокъ и гармонію. Наука считаетъ несомнѣннымъ и безусловно вѣрнымъ то положеніе, что міръ существуетъ, живетъ, развивается по строго опредѣленнымъ законамъ, совершенно планосообразно и гармонично: Тамъ, гдѣ не установлено разумомъ человѣка извѣстныхъ законовъ, порядка и системы, тамъ не можетъ быть и рѣчи о наукѣ. Самая совершенная изъ естественныхъ наукъ—астрономія. Въ этой наукѣ математическій анализъ предъявилъ всѣ свои права и господствуетъ во всѣхъ ея отдѣлахъ почти безусловно. Астрономическіе законы на столько точны и вѣрны, что астрономъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, простыми математическими вычисленіями часто предугадываетъ, предсказываетъ различныя явленія въ сферахъ небесныхъ, даже совершаетъ грандіозныя открытія. Въ остальныхъ естественныхъ наукахъ, съ усовершенствованіемъ методовъ изслѣдованія, законо-

сообразность явленій и фактовъ шире и глубже устанавливается на твердой, незыблемой почвѣ съ каждымъ, можно сказать, днемъ. Если же естествознаніе, въ философскихъ своихъ выводахъ, признаетъ безусловную законность, порядокъ и гармонію въ явленіяхъ міра и жизни, то это обстоятельство можетъ служить самымъ нагляднымъ доказательствомъ существованія премудраго Законодателя и Управителя вселенной. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только усомниться въ существованіи Бога, какъ міръ является для нашего разума непонятнымъ, нелогичнымъ, страннымъ и, horribile dictu, безъ разума разумнымъ, безъ воли всесильнымъ, безъ чувства красивѣйшимъ и гармоничнымъ. Никто не скажетъ, что луна (или силы, движущія луну по ея орбитѣ), всезнающа и т. д., а вѣдь, если отринуть Бога, двигателя, управителя и законодателя вселенной, то придется допустить совершенно логично, что луна обладаетъ, напр., всевѣдѣніемъ, ибо правильность ея движенія немыслима безъ знанія этого движенія, безъ знанія остальныхъ милліардовъ движеній небесныхъ тѣлъ и отношеній этихъ движеній къ движенію самой луны. Правильныя стратегическія и тактическія дѣйствія громаднаго количества войскъ въ сраженіи на огромномъ пространствѣ можно объяснить только существованіемъ военачальника, командующаго и управляющаго всѣми дѣйствіями арміи, ибо, въ противномъ случаѣ, придется допустить необыкновенныя способности ума и сверхъестественную силу зрѣнія и слуха каждаго солдата и необыкновенное единодушіе, т. е. одинаковый строй чувствъ и мыслей у каждаго солдата арміи, чего, конечно, нельзя допустить. Если бы я не зналъ, что въ устройствѣ механизма локомотива виновникомъ его существованія является человѣческій разумъ, то я бы долженъ былъ придти къ заключенію, что локомотивъ создался своею собственною силою и т. д. Но если я даже въ человѣческомъ разумѣ не могу допустить всевѣдѣнія, то какимъ образомъ я допущу его въ лунѣ и ея силахъ, въ атомахъ матеріи и т. д.?

Итакъ, законосообразность міровыхъ явленій, ихъ планъ и порядокъ непосредственно указываютъ мнѣ на Законодателя, Управителя, Двигателя силами вселенной, обладающаго необъятнымъ для

человѣка, высочайшимъ разумомъ, и притомъ, всесильнаго, вездѣсущаго и всезнающаго.

Скажутъ: философскіе выводы естествознанія указываютъ пока только на законодателя и управителя вселенной, но гдѣ же доказательства существованія Творца вселенной? Быть можетъ, вселенная существуетъ съ своими законами отъ вѣка, какъ это предполагаютъ матеріалисты и пантеисты? И на это есть безошибочный отвѣтъ. Знаменитый и геніальный французскій естествоиспытатель Пастёръ доказалъ окончательно, что самозарожденія организмовъ и вообще органической живой матеріи въ природѣ нѣтъ и быть не можетъ, и это положеніе принято всѣми. Если же, при настоящемъ состояніи нашей планеты, немыслимо самозарожденіе организмовъ изъ неорганической матеріи, то какимъ образомъ оно могло возникнуть въ то время, когда наша планета, по даннымъ геологіи, находилась въ расплавленномъ состояніи?! Въ огненномъ шарѣ, при температурѣ въ нѣсколько тысячъ градусовъ, могла ли возникнуть живая протоплазма, когда она, будучи во влажномъ состояніи, уже свертывается при 60° Р. (напр. яйцо), въ сухомъ же видѣ обугливается даже на пламени свѣчи? Итакъ, самостоятельнаго возникновенія живой матеріи изъ мертвой быть не можетъ, и результатъ или слѣдствіе не можетъ быть больше своей причины; стало быть, жизнь создана, организмы возникли по волѣ Творца. А если органическая жизнь, столь сложная въ своей сущности, явленіяхъ и комбинаціяхъ и неизмѣримо выше стоящая неорганической матеріи и ея функцій, обязана своимъ возникновеніемъ и существованіемъ творческой волѣ Создателя, то тѣмъ паче столь простая и неизмѣримо низшая по своей субстанціи и явленіямъ неорганическая матерія, очевидно и несомнѣнно, создана той же творческой волей Создателя.

Такимъ образомъ, мы пришли къ заключенію на основаніи данныхъ естествознанія, что есть невидимый для нашихъ чувственныхъ глазъ Господь, Вседержитель, Законодатель, Управитель и Творецъ. И если Онъ создалъ человѣческую личность, то нужно сдѣлать заключеніе, что и Богъ есть существо личное, потому

что слѣдствіе не можетъ быть больше своей причины. До сихъ поръ наука не нашла въ мірѣ видимомъ болѣе совершеннаго и изумительнѣйшаго явленія, какъ человѣческая личность. И если человѣкъ есть существо личное, то невозможно допустить его происхожденія отъ существа безличнаго. Такимъ образомъ, уже первый путь приводитъ меня къ Богу и къ познанію нѣкоторыхъ Его свойствъ.

II.

Обратимся къ исторіи. На основаніи самой строгой и безпристрастной исторической критики, признано, что около 2000 лѣтъ тому назадъ жилъ въ Палестинѣ Богочеловѣкъ Іисусъ Христосъ, создавшій религію любви. Онъ обладалъ всевѣдѣніемъ, ибо предсказывалъ такія событія, о которыхъ даже самый геніальный человѣческій разумъ и помыслить не могъ. Онъ зналъ и читалъ тайныя мысли людей. Онъ обладалъ всемогуществомъ и творилъ чудеса, какъ въ сферѣ неодушевленной природы, такъ и надъ людьми: ходилъ по водамъ, претворялъ воду въ вино, насыщалъ тысячи людей нѣсколькими хлѣбами, укрощалъ словомъ и мгновенно бурю, исцѣлялъ неизлѣчимыхъ больныхъ и калѣкъ, и тоже лишь словомъ и даже заочно, и, наконецъ, воскрешалъ мертвыхъ. Будучи владыкой жизни и смерти, Онъ воскресъ изъ мертвыхъ и вознесся на небо послѣ своихъ крестныхъ страданій, смерти и погребенія, о которыхъ предрекъ съ необыкновенной точностью даже въ деталяхъ. Онъ училъ, и словомъ и примѣромъ собственной жизни, такой нравственности, о какой еще не слыхалъ до того міръ. Изъ устъ Его лилось небесное слово, пересоздавшее міръ. Онъ подтвердилъ все, что о Немъ предсказывали пророки еще задолго до Его рожденія: что Онъ Сынъ Божій, второе лице Св. Троицы, что Онъ нашъ Богъ, искупитель грѣховъ и немощей человѣчества, что онъ Спаситель міра.

Исторія безпристрастно свидѣтельствуетъ, что Богъ открылся людямъ во времени и пространствѣ, въ человѣческомъ естествѣ. Богъ сталъ человѣкомъ, чтобы помочь людямъ стать ближе къ

Богу. Исторія ко всѣмъ аттрибутамъ и свойствамъ Божества, открываемаго естествознаніемъ, присовокупляетъ съ особенною силою еще одно свойство, самое дорогое для страдающаго человѣчества,—то, что Богъ есть сама Любовь, что Онъ безконечно милостивъ къ людямъ, ибо, для спасенія и искупленія людей, не щадитъ Своего Единороднаго Сына. Сынъ Божій идетъ на страшную крестную смерть, „дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную" (Іоан. III, 15) Развѣ это не безмѣрное милосердіе, не безконечная милость къ падшему, грѣховному человѣчеству, о которомъ еще не слыхалъ міръ?! Развѣ это не абсолютный идеалъ для человѣчества?

III.

Безъ опыта и изслѣдованія, безъ метода, естественныя науки не могутъ развиваться. Если начинающій химикъ будетъ сомнѣваться въ томъ, что химическіе законы вѣрны, то онъ не въ состояніи будетъ работать въ своей наукѣ. Если, далѣе, онъ будетъ пренебрегать экспериментомъ и только будетъ теоретически изучать свою науку, то изъ него выйдетъ очень плохой химикъ. Такъ и христіанинъ; если онъ не будетъ вѣрить въ историческіе факты христіанства, засвидѣтельствованные не только безпристрастной исторіей, но и кровію мучениковъ, то онъ не будетъ стоять на твердой почвѣ исторической науки, а тѣмъ паче истиннаго христіанина. И если онъ будетъ пренебрегать опытомъ христіанской нравственной жизни и только теоретически изучать религію, то изъ него выйдетъ плохой христіанинъ. Какъ въ естествознаніи безъ опытовъ нельзя изучить и полюбить науки, такъ и въ религіи безъ опытовъ нравственной жизни и чистоты душевной нельзя приблизиться къ Божеству и любить Его всѣми силами души, всѣмъ существомъ. Одни знанія религіозныхъ истинъ, одно религіозное чувство, безъ добродѣтели и вполнѣ чистой нравственной жизни, не могутъ человѣка сдѣлать истинно-религіознымъ, то есть, знающимъ Бога и близкимъ къ Нему. Вотъ почему мы видимъ часто мистиковъ, фанатиковъ, ханжей, но сравнительно рѣдко

видимъ истинно-религіозныхъ людей, христіанъ въ полномъ и чистомъ смыслѣ этого слова. Въ самомъ дѣлѣ, истинный христіанинъ во всѣхъ своихъ поступкахъ преслѣдуетъ лишь одни святыя цѣли. Онъ любитъ добро, истину и ненавидитъ зло и ложь. Въ человѣкѣ онъ видитъ образъ и подобіе Божіе, почему всякій человѣкъ является для него дорогимъ существомъ, ради котораго онъ готовъ, въ случаѣ необходимости, жертвовать своей жизнью. Любовь—вотъ та сила, которою живетъ истинный христіанинъ.

Таковы люди, которымъ церковь присвоила наименованіе праведниковъ. Въ каждомъ поступкѣ праведника царитъ любовь, свѣтится живая вѣра въ Бога и безконечная преданность Его святой волѣ. Праведникъ уже здѣсь, на землѣ, часто испытываетъ райское блаженство, чувствуя свою близость къ Божеству. Онъ спокойно переноситъ всякія бѣды и напасти этой жизни, ибо для него не въ благахъ земныхъ счастье: блаженство его въ одномъ только Христѣ. Ему одному подражать—вотъ стремленіе праведника. Праведникъ поистинѣ свободнѣйшее существо въ мірѣ.

Обыкновенный человѣкъ всегда, или, по крайней мѣрѣ, большею частію является въ своей жизни рабомъ грѣха, страсти, эгоизма. Только тотъ человѣкъ вполнѣ свободенъ, который имѣетъ силу въ себѣ побѣдить зло, который владѣетъ своими страстями и эгоистическими стремленіями. Подобно тому, какъ армія, окруженная со всѣхъ сторонъ врагомъ, не можетъ считаться свободной до тѣхъ поръ, пока или не пробьется, или не побѣдитъ вражью силу, такъ и человѣкъ, окруженный со всѣхъ сторонъ арміей пороковъ, страстей, всяческаго зла міра сего, не можетъ считаться свободнымъ до тѣхъ поръ, пока не побѣдитъ всего этого зла, окружающаго его душу. Поэтому, если говорить о силѣ воли человѣческой, то безусловно придется признать ее во всей полнотѣ лишь у праведника, у котораго она служитъ твердѣйшимъ основаніемъ всего строя его жизни. Чувственный міръ для праведника является переходной ступенью въ міръ духовный, въ міръ блаженной жизни. Онъ на землѣ путникъ и пришелецъ, а не коренной житель. Вотъ почему онъ такъ стремится выбирать себѣ завѣщанный Христомъ надежнѣйшій и безопасный путь въ царствіе

Божіе. Этотъ надежный путь, ведущій ко Христу черезъ узкія врата, для обыкновеннаго человѣка очень труденъ. Для него онъ, во 1-хъ, теменъ, ибо никакой свѣтъ не можетъ освѣтить этотъ путь, кромѣ свѣта Христова, Который самъ есть Свѣтъ жизни; а такимъ свѣтомъ грѣшный человѣкъ не можетъ легко воспользоваться. Во 2-хъ, этотъ путь для обыкновеннаго человѣка весьма узокъ, тѣсенъ и неудобопроходимъ, ибо страсти и зло міра усѣяло этотъ путь заманчивыми баррикадами ада и сѣтями князя міра сего. Эгоизмъ міра, вотъ то непреоборимое препятствіе, которое является на пути ко Христу для обыкновеннаго человѣка, не имѣющаго возможности съ чистой совѣстью протянуть руки къ Тому, къ Кому обратился утопающій Петръ съ словами: „Господи, спаси меня!“ (Матѳ. XIV, 30). Для человѣка мірскаго, страстнаго, эгоиста этотъ путь непроходимъ, но для праведника, просвѣщеннаго свѣтомъ Христовымъ, имѣющаго разумъ Христовъ и любовь Его, онъ легокъ, ибо самъ Христосъ сказалъ: „иго Мое благо и бремя Мое легко“.

Умъ человѣка цѣпенѣетъ и сердце трепещетъ при одной мысли, что великій, безконечный, вѣчный Богъ соблагоизволилъ проявить Себя людямъ въ конечномъ мірѣ, въ предѣлахъ пространства и времени, въ естествѣ человѣка, того человѣка, которому, казалось, имя среди этой необъятной вселенной, среди этихъ грандіозныхъ міровъ и свѣтилъ небесныхъ—ничтожество! Богъ нисходитъ въ ясли, живетъ въ нищетѣ и восходитъ на крестъ, чтобы смертью своею упразднить смерть! Великій Богъ сталъ черезъ Христа столь близкимъ намъ, что человѣкъ осмѣливается вотъ уже почти 2000 лѣтъ именовать Его своимъ Отцемъ! Черезъ Христа мы смѣемъ называться дѣтьми Божіими, и теперь только понимаемъ, что Богъ есть Абсолютная Любовь! И вотъ при созерцаніи страданій Того, Кому и мы и міръ обязанъ своимъ существованіемъ, человѣкъ, не испорченный порочной жизнью и гордыней, умиляется до теплыхъ слезъ покаянія, забываетъ о своемъ эгоизмѣ, и тутъ-то настаютъ тѣ моменты, когда особенно хочется молиться. Въ молитвѣ человѣкъ приближается къ Божеству, а въ таинствахъ вступаетъ въ непосредственное, хотя и таинственное общеніе съ

Божествомъ. И вотъ опять чудо изъ чудесъ и необъятное поле для размышленій, для чистыхъ, высокихъ и святыхъ сердечныхъ изліяній: истинное Тѣло и Кровь Христа, подъ видомъ хлѣба и вина, предлагаются христіанамъ, желающимъ войти въ теснѣйшее общеніе всѣмъ существомъ, и духомъ и тѣломъ, съ великимъ, вѣчнымъ Богомъ! „О бездна богатства, и премудрости, и вѣдѣнія Божія!

При такихъ необыкновенныхъ и таинственныхъ средствахъ не удивительно, что духъ человѣка способенъ къ прогрессивному и вѣчному развитію. Будучи черезъ Христа и Его таинства усыновленъ Богу, онъ на этомъ третьемъ пути еще болѣе приближается къ Богу.

Посмотримъ теперь, оправдываетъ ли съ своей стороны современная наука этотъ третій путь въ царство любви, жизни и свѣта Христова, этотъ путь христіанскаго опыта, чистой нравственной жизни.

Современная психіатрія, въ лицѣ лучшихъ ея представителей, признаетъ, что нравственность есть высшее выраженіе психическаго здоровья человѣка, а, стало быть, и его нервной системы. Только здоровая психика способна осуществить хоть сколько нибудь завѣты Христа въ этой земной жизни. Доказано, что любовь къ ближнему охладѣваетъ по мѣрѣ развитія какой ни на есть душевной болѣзни человѣка. Страсти человѣка, гипертрофируясь, если такъ можно выразиться, доводятъ человѣка до скотскаго состоянія и разрушаютъ его не только психическое, но и тѣлесное здоровье.

Съ другой стороны, другая наука, гигіена совершенно подтверждаетъ требованія нравственной, христіанской жизни. Доказано, что всѣ страсти человѣка, начиная съ самыхъ отвлеченныхъ и тонкихъ и кончая самыми грубыми, какъ то: гордость, тщеславіе, зависть, любостяжаніе, чревоугодіе, пьянство, прелюбодѣяніе и т. д., разрушаютъ какъ психическое, такъ и тѣлесное здоровье человѣка. Найдено и доказано, что спокойный строй души, благодушіе, доброе отношеніе къ людямъ, добродушіе, воздержаніе, умѣренность во всемъ и періодическій постъ не только не разстраиваютъ психическаго и тѣлеснаго здоровья человѣка, но, напротивъ того, какъ доказываетъ медицинская статистика и гигіена, способствуютъ наилучшему

сохраненію его и долголѣтней жизни. Извѣстно, напримѣръ, что многіе постники, подвижники, достигали и достигають самой глубокой старости. Постъ въ современной терапіи является иногда самымъ могучимъ лечебнымъ средствомъ во многихъ болѣзняхъ.

Никто также не сомнѣвается въ томъ, что наибольшая способность къ труду и выносливость въ разносторонней дѣятельности человѣка являются наилучшими показателями и духовнаго и тѣлеснаго здоровья человѣка. И кто же, какъ не истинный христіанинъ, способенъ къ самой разносторонней дѣятельности? Всѣ силы его души и тѣла съ необыкновенной энергіей работають неустанно на благо ближняго и во славу Божію. Въ любви христіанина проявляется именно эта энергія, необычайная сила этой разносторонней дѣятельности; а гдѣ сила, тамъ и здоровье. Вѣдь, и по слову Божію, болѣзни и смерть суть результатъ грѣха.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что современная наука, въ лицѣ историковъ, естествоиспытателей и врачей, оправдываетъ всѣ пути къ Божеству, съ какой бы точки зрѣнія мы ни взглянули на нихъ.

Итакъ, жизнь земная есть приготовленіе человѣка къ лучшей жизни въ царствѣ любви и свѣта Христова, и хотя она часто кажется однимъ рядомъ безпрерывныхъ страданій, но эти страданія чувствительны лишь для людей слабыхъ духомъ, для эгоистическихъ и невѣрующихъ сердецъ; для сильнаго же духомъ, высоконравственнаго человѣка, свободнаго, христіанина въ высшемъ смыслѣ этого слова, и на ней свѣтится тихій свѣтъ Христовъ, умиряющій и успокоивающій надорванное сердце измученнаго и истерзаннаго грѣхами и страстьми бѣднаго человѣчества.

Д-ръ мед. Пясковскій.

Природа и Промыслъ [1].

Употребляя слово «природа» для обозначенія всѣхъ матеріальныхъ явленій, съ которыми мы знакомы по нашему ли собственному наблюденію или по свидѣтельству другихъ, мы спрашиваемъ: въ чемъ состоитъ отношеніе Бога въ природѣ? Затѣмъ, насколько это отношеніе подтверждаетъ нашу вѣру въ постоянное, дѣятельное присутствіе Бога въ матеріальной вселенной?

Новѣйшая наука вполнѣ доказала тотъ фактъ, что въ каждой части природы господствуетъ законъ. Сила, которая производитъ все то, о чемъ сообщаютъ намъ наши чувства, дѣйствуетъ не по капризу, но по системѣ, такъ что ея дѣйствіе съ точностію можетъ быть предсказано тѣми, которые достаточно изучили ее. Химикъ знаетъ, каковы будутъ свойства смѣси, которую онъ составляетъ; механикъ можетъ вычислить, какова будетъ сила машины, которую онъ строитъ; астрономъ знаетъ точно во всякое мгновеніе, въ какомъ мѣстѣ неба онъ найдетъ извѣстную планету. Даже и неученый умъ наблюдаетъ много обнаруженій той же самой законосообразности, напримѣръ, въ правильномъ возвращеніи дня и ночи, въ періодическомъ возвратѣ временъ года, въ постоянныхъ свойствахъ огня, воды и другихъ предметовъ, съ которыми онъ знакомъ. Явленія, о которыхъ когда-то думали, что они совершенно недоступны человѣческому пониманію, теперь разсматри-

---

[1]) Переводъ, въ сокращенномъ видѣ, главы изъ книги: The Basis of Religion, by A. W. Momerie. London, 1883.

ваются, какъ управляемыя также законами. Болѣзни приходятъ и уходятъ по «законамъ здоровья»; направленіе бурь и измѣненіе погоды подчиняются законамъ, которые съ каждымъ днемъ становятся болѣе и болѣе понятны. Эта истина такъ твердо доказана, что какъ скоро случается явленіе, которое кажется отступленіемъ отъ законовъ, раньше установленныхъ, всякій научный умъ или старается примирить его съ ними, или считаетъ его указаніемъ на какой-то новый законъ, который долженъ быть открытъ; никто ни на мгновеніе не будетъ считать этого явленія исключительнымъ явленіемъ, несоотвѣтствующимъ порядку въ общемъ планѣ міроздания. Совмѣстимо ли это господство закона съ дѣятельностью личнаго Бога?

Когда вопросъ дѣлается по отношенію къ причинѣ естественныхъ явленій, иногда думаютъ, что въ отвѣтъ достаточно указать на «законы природы», какъ будто бы они объясняютъ все. Но что мы разумѣемъ подъ «закономъ»? Не свойство или силу, но просто правило или планъ, по которому какое-нибудь свойство или сила обнаруживается. Такъ, когда мы говоримъ о «гражданскомъ законѣ», мы разумѣемъ систему постановленій, которымъ граждане подчиняются и посредствомъ которыхъ правительство управляетъ ими. Такъ и въ природѣ, законы суть только планъ, согласно съ которымъ проявляется сила, и мы еще должны отыскивать эту силу. Говорить, что планъ можетъ производить какой-либо результатъ безъ всякой дѣйствующей силы, выполняющей его, также неразумно, какъ неразумно было бы сказать, что расписаніе времени отправленія желѣзнодорожныхъ поѣздовъ двигаетъ поѣзды, потому что они отправляются отъ станцій согласно съ нимъ, или что «Собраніе Законовъ» управляетъ народомъ, потому что чиновники сообразаются въ своей дѣятельности съ его требованіями. Законъ есть только образецъ правильнаго образа дѣйствій, онъ не производитъ и не продолжаетъ этого образа дѣйствій и не можетъ производить или продолжать его; какъ бы ни былъ хорошо устроенъ планъ, онъ будетъ безполезенъ, если нѣтъ силы, которая поддержитъ его. Точно также, когда мы станемъ изслѣдовать точно, что разумѣемъ, когда говоримъ о «законахъ природы»,

станетъ очевиднымъ, что сами по себѣ эти законы не представляютъ полнаго объясненія для дѣятельности природы; при нихъ еще остается потребность вѣры въ нѣкоторую непрерывно дѣйствующую силу.

Но намъ говорятъ, что эта «сила» дѣйствуетъ съ непреложной правильностію, и она, поэтому, не есть личная воля. Предполагается, что воля должна дѣйствовать съ нѣкоторой капризностью, безъ абсолютнаго и непреложнаго однообразія въ планѣ. Кажется, иногда принимаютъ за аксіому выраженіе: «чѣмъ болѣе дѣйствуетъ воля, тѣмъ менѣе будетъ однообразія въ дѣйствіи». Это вытекаетъ изъ нашего наблюденія, что человѣческая воля мѣняетъ планъ своихъ дѣйствій и терпитъ неудачи въ достиженіи предназначенной цѣли. Но это происходитъ не оттого, что она — воля, а оттого, что она связана съ человѣческимъ невѣдѣніемъ и слабостію. Даже и въ человѣкѣ сильная воля въ связи съ разумностью производитъ большую правильность дѣйствія.

Если въ обширномъ учрежденіи вы находите правила, съ которыми служащіе строго сообразуются, при чемъ всѣ работаютъ согласно и все идетъ подобно часовому механизму, то вы не дѣлаете заключенія, что во главѣ его нѣтъ воли, но напротивъ думаете, что учрежденіе управляется разумнымъ и рѣшительнымъ человѣкомъ, который мудро составляетъ свои планы и настаиваетъ на выполненіи своихъ предначертаній. Когда мы наблюдаемъ мудрое устройство природы, въ которой все совершается однообразно и законосообразно, то мы приходимъ къ заключенію, что должна быть разумная воля, чтобы сохранять въ гармоніи каждую часть въ природѣ. Когда планъ природы былъ установленъ и законы утверждены, еще нужно проявленіе силы, чтобы привести его въ исполненіе, чтобы вызвать непрерывную жизнь и прогрессъ. Такимъ образомъ ненарушимый порядокъ и правильность природы, вмѣсто того, чтобы уменьшить наше убѣжденіе въ управленіе личнаго Бога, только увеличиваютъ и усиливаютъ наше удивленіе предъ разумомъ, составляющимъ одинъ изъ Его аттрибутовъ.

Баденъ Пауэлъ [1]) придаетъ особенную важность слѣдующему аргументу. Если мы читаемъ книгу, которая требуетъ глубокаго размышленія для своего пониманія и открываетъ тѣмъ болѣе истинъ, чѣмъ болѣе мы изучаемъ ее, то дѣлается очевиднымъ, что авторъ этой книги долженъ былъ обнаружить при ея составленіи способности, которыя и мы должны имѣть, чтобы понимать его сочиненіе. То же происходитъ и въ томъ случаѣ, когда мы читаемъ книгу природы. Астрономъ или біологъ находитъ, что при изученіи природы онъ замѣчаетъ дѣйствія мудрости, превышающей его собственную; всѣ его открытія составляютъ просто замѣтки о мысляхъ какого-то высшаго ума. Много можетъ быть такого, чего онъ не можетъ понять, но чѣмъ болѣе онъ изслѣдуетъ, тѣмъ болѣе убѣждается въ гармоніи частей природы; то, что когда-то представлялось ему аномаліею, оказывается потомъ подходящимъ подъ общіе законы, и такимъ образомъ является заключеніе, что есть высшая мудрость, слабымъ толкователемъ которой служитъ его собственная.

Итакъ, природа въ своей непрекращающейся дѣятельности и своей регулярности даетъ указаніе на разумную волю, какъ на свой источникъ, научая насъ видѣть Бога всюду присутствующимъ, всюду дѣйствующимъ, поддерживающимъ и одушевляющимъ тотъ порядокъ, который Онъ произвелъ.

Какъ эта воля, преслѣдующая опредѣленный планъ, относится къ человѣческому роду? Можетъ ли эта регулярность дѣйствія быть признана совмѣстимою съ вѣрою въ то, что мы называемъ «Промысломъ»?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, постараемся понять, отчего Богъ находитъ удобнымъ сохранять въ однообразномъ и непрерывномъ дѣйствіи тѣ общіе законы, которые Онъ установилъ въ природѣ? Одна причина состоитъ въ томъ, что такое Его дѣйствіе направляется ко благу человѣка. Это — единственно возможный путь, при которомъ можетъ быть мѣсто для человѣческой са-

[1]) Rev. Baden Powell; англійскій философъ и математикъ, жилъ 1796—1860.

модѣятельности. Предположимъ, что подобнаго однообразія не существовало бы, такъ что мы никогда не были бы увѣрены въ томъ, что свойства матеріальныхъ предметовъ и дѣйствіе матеріальныхъ причинъ будетъ всегда одно и то же. Предположимъ, напримѣръ, что тотъ же самый огонь, который такъ пріятно согрѣваетъ насъ сегодня, будетъ, можетъ быть, замораживать насъ завтра; что то же самое вещество было бы иногда питательной пищей, иногда отравляло бы на смерть; что дѣйствіе, которое было для одного человѣка источникомъ невиннаго удовольствія, для другого было бы причиною непоправимаго вреда. Тогда, очевидно, наступилъ бы конецъ для всякаго человѣческаго труда для всякаго побужденія къ дѣятельности. Вообще первый результатъ однообразнаго дѣйствія общаго закона въ матеріальномъ мірѣ состоитъ въ томъ, что въ человѣкѣ воспитывается привычка къ прилежанію и труду и развивается самодѣятельность. Вторымъ важнымъ результатомъ является возникновеніе въ человѣкѣ привычки къ разсудительности, предусмотрительности и осторожности.

Исторія человѣческаго рода и опытъ отдѣльныхъ личностей доказываютъ, что божественный Правитель всегда заботится о дѣлѣ нравственнаго воспитанія человѣчества. Предоставляя намъ въ извѣстныхъ предѣлахъ свободу избирать нашъ собственный путь и направлять наши дѣйствія; помѣщая насъ въ мірѣ, въ которомъ регулярность и опредѣленность матеріальныхъ причинъ и дѣйствій представляютъ возможность для индивидуальнаго дѣйствія и человѣческой предусмотрительности; напечатлѣвая на нашей природѣ извѣстные законы, повиновеніе которымъ производитъ благосостояніе, между тѣмъ какъ нарушеніе ихъ имѣетъ въ своемъ результатѣ страданіе человѣка; дѣлая исторію человѣка исторіею преемственности цивилизацій, изъ которыхъ каждая въ нѣкоторомъ отношеніи подвигается впередъ предъ тѣми, которыя уже миновали, и такимъ образомъ производя общій прогрессъ; научая каждаго изъ насъ посредствомъ несчастій, какія ошибки мы сдѣлали и какія заблужденія мы совершили, — Богъ такимъ образомъ руководитъ всею человѣческою семьею, мало-по-малу, шагъ за шагомъ, пово-

ленie за поколѣнiемъ, и приводитъ каждаго и всѣхъ ближе къ Себѣ.

Но тогда выступаетъ вопросъ: если существуетъ такимъ образомъ промышленie объ истинномъ благосостоянiи всего человѣчества, то существуетъ ли также промышленie о каждомъ человѣкѣ? Можетъ ли человѣкъ сказать, среди затрудненiй и горестей, страдая разочарованiемъ и безпокойствомъ, или пораженный глубокою печалью: «высшая власть распредѣляетъ все къ лучшему для меня; существуетъ рука, на которую я могу опереться, любовь, которая знаетъ о моихъ нуждахъ и удовлетворитъ ихъ».

Человѣкъ не имѣетъ власти измѣнить или устранить ни одинъ изъ законовъ природы, однако онъ можетъ дѣйствовать при этихъ законахъ такимъ образомъ, чтобы приносить благодѣянie своему ближнему. Родитель, заботящiйся о своемъ дитяти, хирургъ, спасающiй жизнь раненаго посредствомъ искусной операцiи, сидѣлка, облегчающая и успокоивающая больныхъ, внимательный капитанъ, заботящiйся о безопасности своего экипажа, представляютъ примѣры этого рода. Если при нашемъ ограниченномъ знанiи и слабыхъ силахъ мы можемъ такимъ образомъ заставить неизмѣняющiеся законы производить такiе разнообразные результаты, то почему не можетъ Богъ, не уклоняясь отъ Своего общаго плана, совершать многое, чтобы помочь и осчастливить и спасти тѣхъ, которые надѣются на Него? Мы должны сознавать, что Онъ можетъ дѣйствовать и дѣйствительно такъ поступаетъ. Привычка представлять Его стоящимъ вдали отъ мiра, установившимъ механизмъ природы, заведеный вначалѣ, вмѣсто того чтобы постоянно двигать его, много препятствуетъ вѣрить въ Его заботу о каждомъ изъ насъ. Необходимо остерегаться этой ошибочной привычки.

Если мы будемъ помнить, что матерiальная природа даетъ постоянное указанie на непрерывную дѣятельность одной великой Причины, то мы можемъ вѣрить, что эта же самая вездѣприсущая Сила видитъ нужды каждаго изъ своихъ созданiй и заботится о каждомъ согласно съ его особенными нуждами, не уклоняясь отъ своего общаго плана. Все, что необходимо для вѣры въ провидѣ-

ніе, заключается въ признаніи того факта, что безъ всякаго нарушенія общихъ матеріальныхъ законовъ Богъ, присутствуя съ нами всегда, можетъ такъ умѣрить ихъ дѣйствіе по отношенію къ каждому изъ насъ и такъ направить ихъ дѣятельность, что доставитъ каждому то, что составляетъ дѣйствительно лучшее для него.

Старинные русскіе иконостасы.

(*Продолженіе*) [1]).

II.

(Разборъ иконографическаго содержанія иконостасовъ).

Всѣ изображенія иконостаса имѣютъ между собою тѣсную связь и направлены къ выраженію одной идеи церкви въ широкомъ смыслѣ этого слова [2]). Это будетъ ясно изъ анализа иконостасныхъ изображеній, къ которому теперь и перейдемъ.

Царскія двери, сѣнь и столбцы.

Царскія двери составляютъ необходимую принадлежность какъ древней алтарной преграды, такъ и позднѣйшаго высокаго иконостаса. Иногда онѣ привѣшивались къ иконостасу однѣ, иногда же вмѣстѣ съ сѣнью и столбцами. Въ архитектурномъ и художественномъ отношеніи царскія врата бываютъ двухъ родовъ: простыя досчатыя и рѣзныя. Священныя изображенія составляютъ необходимую принадлежность обоихъ типовъ царскихъ дверей. Въ досчатыхъ дверяхъ изображенія писались прямо на дверныхъ доскахъ, а въ рѣзныхъ вставлялись маленькія иконы въ рамочкахъ между

---

1) См. янв.—февр. кн. «Хр. Чт.» (I, 1—23).

2) Изъясненіе въ узкомъ смыслѣ рая см. въ ст. Н. Троицкаго: Иконостасъ и его символика. Правосл. Обозр. 1891 г., апрѣль. Мы не видимъ особенной необходимости разбирать замысловатыя археологическія соображенія г. Троицкаго.

рѣзьбою. Сѣнь и столбцы тоже иногда украшались рѣзьбою и небольшими иконами въ рамочкахъ. Царскія двери со стороны находящихся на нихъ изображеній мы раздѣляемъ на три группы: а) съ изображеніемъ четырехъ евангелистовъ, б) съ изображеніемъ двухъ святителей и в) съ изображеніемъ многихъ святыхъ. Общую принадлежность царскихъ дверей всѣхъ трехъ группъ составляетъ икона Благовѣщенія.

Благовѣщеніе изображалось на царскихъ вратахъ въ различныхъ переводахъ, употреблявшихся въ нашей старинной иконографіи. Богоматерь изображалась то съ рукодѣліемъ [1]), то читающею книгу [2]), то черпающею воду изъ колодца [3]), то стоящею у трона и смиренно выслушивающею благовѣствованіе Гавріила [4]), то, наконецъ, сидящею на тронѣ [5]). Точно также и Архангелъ Гавріилъ представлялся на царскихъ дверяхъ въ различныхъ положеніяхъ: то просто предстоящимъ Дѣвѣ Маріи съ жезломъ или трезубцемъ въ лѣвой рукѣ и съ благословляющею десницею [6]), то съ цвѣткомъ въ рукѣ [7]), то, наконецъ, летящимъ по воздуху [8]).

На царскихъ вратахъ первой группы подъ Благовѣщеніемъ обыкновенно помѣщались четыре евангелиста. Этотъ типъ царскихъ дверей самый распространенный съ давнихъ временъ. Евангелисты на царскихъ дверяхъ изображались съ символами и безъ оныхъ [9]).

---

[1]) Таковы, напримѣръ, царскія двери въ новгородской Пятницкой церкви, въ Александро-Свирскомъ придѣлѣ новгородской Прокопіевской церкви, въ музеѣ при Академіи Художествъ №№ 29, 32, 33 и др.

[2]) Царскія двери въ придѣльныхъ храмахъ—Рождества Богородицы, въ новгородской Софіи, Захаріи и Елисаветы на хорахъ въ новгородской церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ.

[3]) Двери главнаго иконостаса въ новгородской Прокопіевской церкви.

[4]) Двери главнаго иконостаса въ новгородской Софіи.

[5]) Двери въ придѣлѣ Кирика и Улиты на хорахъ въ Предтеченской церкви на Опокахъ.

[6]) Двери главнаго иконостаса въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ, въ музеѣ Академіи Художествъ №№ 30, 32 и др.

[7]) Царскія двери въ главномъ иконостасѣ Спасо-Мошенской церкви боровичскаго уѣзда, новгородской губерніи.

[8]) Двери въ главномъ иконостасѣ новгородской Прокопіевской церкви и др.

[9]) Евангелисты съ символами изображены на царскихъ вратахъ въ

На царскихъ дверяхъ второй группы подъ Благовѣщеніемъ помѣщались изображенія двухъ святителей: Василія Великаго и Іоанна Златоустаго. Такихъ дверей въ прежнее время устраивалось множество, какъ это можно видѣть, напримѣръ, изъ „Историко-статистическаго описанія церквей и монастырей въ рязанской епархіи“ свящ. И. В. Добролюбова. Образцы подобныхъ царскихъ дверей сохранились и доселѣ [1]). Святители изображались на царскихъ вратахъ или съ закрытыми книгами (евангеліями) въ рукахъ [2]), или съ развернутыми исписанными свитками [3]).

Къ третьей группѣ принадлежатъ такія царскія двери, которыя украшены изображеніями многихъ святыхъ. Такія царскія двери устраивались весьма рѣдко и мы имѣемъ о нихъ не много свѣдѣній, какъ по письменнымъ, такъ и по вещественнымъ памят-

---

главномъ иконостасѣ новгородскаго Софійскаго собора, въ новгородской Пятницкой церкви, въ музеѣ Академіи Художествъ №№ 29, 30, 32, 33 и др. Евангелисты безъ символовъ написаны на царскихъ дверяхъ новгородскихъ церквей—Іоанно-Богословской, Прокопіевской и др.

[1]) Таковы, напримѣръ, царскія двери въ Александро-Свирскомъ придѣлѣ новгородской Прокопіевской церкви, въ музеѣ при с.-петербургской дух. академіи и др.

[2]) Таковы вышеупомянутыя царскія двери въ музеѣ с.-петербургской дух. академіи.

[3]) По словамъ А. К. Жизневскаго, въ тверскомъ музеѣ подъ № 81-мъ хранятся царскія врата съ изображеніемъ на нихъ Благовѣщенія и святителей Василія В. и Златоуста. У перваго въ свиткѣ написано: «Боже Боже нашь іже небесныї хлѣбъ пищу все му миру Господа нашего і Бога Іисусъ Христа посла». У Іоанна Златоустаго написано: «Благословяй благословящая тя Господи ї освятяй тя уповающая спаси люди своя и благосл...» Первый текстъ взятъ изъ молитвы предложенія на проскомидіи, а второй — изъ заамвонной молитвы. Кромѣ того, мы сами нашли въ притворѣ Спасо-Мошенской церкви половинку царскихъ дверей съ изображеніемъ наверху ея Богоматери съ рукодѣліемъ (Благовѣщеніе), а внизу—Златоуста со свиткомъ, въ которомъ написано: «Господи Боже нашъ егоже дрьжава бесприкладна». Этотъ текстъ заимствованъ изъ литургійной молитвы перваго, послѣ великой ектеніи, антифона. Вообще всѣ царскія врата второй категоріи кромѣ святителей имѣютъ и Благовѣщеніе. Какъ на исключеніе изъ этого правила мы можемъ указать только на царскія двери Лазаревской церкви муромскаго монастыря, олонецкой губ., на которыхъ изображены два святителя безъ Благовѣщенія (Хр. Чтен. 1886 г., II, 530—31).

никамъ. Приведемъ сперва письменныя извѣстія о царскихъ дверяхъ съ изображеніями многихъ святыхъ.

По описи московскаго Успенскаго собора за 1627 г., въ немъ были двери „со евангелистами и святыми“, а какіе это были святые и сколько ихъ, неизвѣстно [1]). По описи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря за 1718 г., въ монастырской церкви Іоанна Лѣствичника были царскія двери „рѣзь ровная прорѣзная по краямъ *образы святыхъ* рѣзные... на дверяхъ писано образъ благовѣщеніе пресвятые Богородицы и четырѣ образа евангелистовъ“ [2]). По описи Хутынскаго монастыря за 1642 г., въ монастырской церкви св. пр. Иліи были царскія двери, на которыхъ было написано: „Благовѣщеніе Пресвятѣй Богородицы, да четыре евангелиста, да *четырнадцать преподобныхъ*“ [3]).

Кромѣ того, мы сами лично осмотрѣли въ Новгородѣ двои царскія двери съ изображеніемъ на нихъ многихъ святыхъ. Одни изъ нихъ находятся въ Іоанно-Богословской, а другія—въ Петропавловской церкви, приписанной къ Духову монастырю. Двери Іоанно-Богословской церкви иконописныя. Каждая половинка ихъ раздѣлена горизонтальными линіями на четыре части или отдѣленія, которыхъ на обѣихъ половинкахъ восемь. Два самыхъ верхнихъ отдѣленія по обычаю заняты изображеніемъ Благовѣщенія, рядомъ съ которымъ нарисованы св. Косьма на лѣвой (сѣверной) половинкѣ дверей и Даміанъ на правой (южной). Среднія четыре отдѣленія заняты евангелистами безъ символовъ, расположенными въ обычномъ порядкѣ. Два нижнихъ отдѣленія заняты изображеніемъ шести святыхъ, при чемъ на лѣвой половинѣ написаны—Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ, а на правой—Антоній Римлянинъ, Аѳанасій Александрійскій и Алексій, митрополитъ московскій. Двери Петропавловской церкви, украшенныя накладною мелкою рѣзьбою, имѣютъ шесть квадратныхъ отдѣленій, изъ коихъ

---

[1]) Русск. Ист. Библ., III, 399.

[2]) Рукоп. Кирилло-Бѣлозерскаго мон. въ библіотекѣ с.-петербургской дух. акад. № 97/1334.

[3]) Опись Хутынскаго мон. за 1642 г., изданная архим. Макаріемъ стр. 61.

въ двухъ верхнихъ помѣщено изображеніе Благовѣщенія въ особыхъ круглыхъ медальонахъ, а остальныя четыре заняты евангелистами тоже въ медальонахъ, которые вставлены въ рѣзьбу. Кромѣ того, царскія двери украшены миніатюрными изображеніями святыхъ. Въ двухъ верхнихъ отдѣленіяхъ изображены пониже Благовѣщенія архангелы Михаилъ и Гавріилъ и апостолы Петръ и Павелъ. Въ среднихъ двухъ отдѣленіяхъ написаны Косьма съ Даміаномъ и Флоръ съ Лавромъ. Въ соотвѣтствіе этимъ миніатюрнымъ изображеніямъ царскихъ дверей и подзоръ надъ ними украшенъ по верхнимъ угламъ подобными же миніатюрными изображеніями св. мученицъ Параскеви и Анастасіи. — Таково вообще иконографическое содержаніе царскихъ дверей [1]. Теперь перейдемъ къ подзорамъ.

Подъ именемъ подзора или сѣни извѣстна особая доска, которая ставится въ иконостасѣ надъ царскими вратами и украшается священными изображеніями. Эта доска имѣетъ по большей части четвероугольную форму съ полукруглой выемкой внизу для царскихъ дверей. Иконографическое содержаніе подзоровъ довольно разнообразно; но при всемъ разнообразіи можно раздѣлить ихъ на три группы.

Къ первой группѣ принадлежатъ такіе подзоры, на которыхъ

---

[1]) Довольно интересное исключеніе составляютъ царскія двери, найденныя нами въ часовнѣ въ селѣ Любоняхъ, боровичскаго уѣзда, и остающіяся теперь безъ употребленія. Эти двери досчаныя и къ верху закруглены. Горизонтальными линіями онѣ раздѣлены на восемь частей точно такъ-же, какъ и двери Іоанно-Богословской церкви. Два верхнихъ отдѣленія заняты изображеніемъ Благовѣщенія. Въ двухъ среднихъ написанъ Метадосисъ, а въ четырехъ нижнихъ—евангелисты безъ символовъ, притомъ Іоаннъ нарисованъ вмѣстѣ съ Прохоромъ. Метадосисъ изображенъ на обѣихъ половинкахъ царскихъ дверей: на правой половинкѣ—«піите отъ нея вси» (Христосъ преподаетъ 12 апостоламъ св. чашу), а на лѣвой—«пріимите ядите» (Христосъ преподаетъ 12 апостоламъ св. хлѣбъ). Описанныя царскія двери работы топорной, росписаны новгородскимъ пошибомъ. Въ верхней части надъ архангеломъ надпись: «благовіщеніе». Ихъ можно отнести къ XVII вѣку. Надъ этими царскими дверями былъ подзоръ одинаковой съ ними работы, сохраняющійся и доселѣ въ упомянутой часовнѣ. На подзорѣ написанъ Нерукотворенный Образъ и два ангела съ рипидами.

изображается одна только Тайная вечеря. Эти подзоры бывают по большей части рѣзные, а Тайная вечеря помѣщается въ нихъ среди рѣзьбы въ особой рамкѣ. Такіе подзоры получили распространеніе преимущественно въ позднѣйшее время. На иконѣ Тайной вечери, вставлявшейся въ рѣзные подзоры, изображался Христосъ, сидящій за столомъ вмѣстѣ съ апостолами и благословляющій хлѣбъ и чашу.

Вторую группу составляютъ такіе подзоры, на которыхъ, кромѣ Тайной вечери, помѣщались и другія изображенія. Обыкновенно подзоры этой группы досчатые и дѣлились вертикальными линіями на три части или отдѣла. Если же подзоръ дѣлался рѣзной, хотя это было весьма рѣдко, то въ немъ, въ соотвѣтствіе указаннымъ отдѣленіямъ, устраивались три и болѣе кадьяна для помѣщенія священныхъ изображеній. Въ среднемъ отдѣленіи на подзорахъ помѣщались слѣдующія изображенія: Всевидящее Око [1]), Богъ Отецъ съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на лонѣ [2]), Св. Троица Ветхозавѣтная [3]), Нерукотворенный образъ Спасителя [4]), Спаситель на престолѣ во образѣ Предвѣчнаго Архіерея [5]), изображеніе честнаго Креста Господня [6]), Знаменіе Пре-

---

[1]) Подзоръ въ главномъ иконостасѣ Прокопіевской церкви.

[2]) Подзоры во Владимірской, Епифаніевской и Евѳиміевской церквахъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (Рук. Кир.-Бѣлозер. мн. № 115/1350).

[3]) Таковы, напримѣръ, подзоры въ церквахъ: Нередицкой, Петропавловской, приписанной къ новгородскому Духову монастырю; а также и въ монастырскихъ храмахъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря: Успенскомъ, Кирилловскомъ, Діонисіевскомъ, Никольскомъ и др. (Рукоп. Кирилло-Бѣлозер. мон. въ библіотекѣ с.-петерб. дух. ак. № 115/1350).

[4]) Подзоры, найденные нами на чердакѣ въ Спасо-Мошенской церкви и въ Любонской часовнѣ, подзоръ въ музеѣ Общ. Любит. Древ. Пис. № 168 и др.

[5]) Подзоръ въ музеѣ при Акад. Худож. № 32 и др.

[6]) Подзоръ въ тверскомъ музеѣ № 83-й (Описан. Жизневск. въ Труд. Моск. Арх. Общ., т. IX, вып. 2—3), подзоръ надъ царскими дверями въ Богородице-Рождественскомъ придѣлѣ новгородскаго Софійскаго собора, въ которомъ вырѣзано крестообразное отверстіе для хрустальнаго креста, увѣнчивающаго царскія двери.

святыя Богородицы [1]), Деисусъ [2]), Софія Премудрость Божія [3]), Благовѣщеніе [4]), Распятіе [5]) и многія другія изображенія подобнаго характера. Въ двухъ боковыхъ отдѣленіяхъ на подзорахъ разсматриваемой группы обыкновенно изображалась Тайная вечеря по литургическому переводу. На одной половинѣ изображался Христосъ, преподающій апостоламъ Св. Тѣло Свое подъ видомъ хлѣба, а на другой Онъ же преподаетъ апостоламъ Честную Кровь Свою подъ видомъ вина. Въ такомъ видѣ евхаристія написана на всѣхъ, перечисленныхъ выше, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, подзорахъ. Въ рѣдкихъ случаяхъ она замѣнялась другими изображеніями, которыя однако можно поставить съ нимъ въ тѣсную связь [6]). Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ подзорахъ на нижнихъ углахъ подъ Метадосисомъ помѣщались изображенія ангеловъ съ рипидами или орудіями Страстей Христовыхъ [7]), херувимовъ и серафимовъ [8]) и, наконецъ, св. діаконовъ съ рипидами [9]).

---

[1]) Подзоры въ церквахъ Усѣкновенія и Преображенія въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ (Рук. № 115/1350).

[2]) Церковь Іоанна Лѣствичника въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ (Рук. № 115/1350).

[3]) Ильинская церковь въ Хутынскомъ мон. (Опись, изд. архим. Макаріемъ, 61).

[4]) На подзорѣ въ Богородице-Рождественскомъ придѣлѣ новгородскаго Софійскаго собора, по обѣ стороны отверстія для хрустальнаго креста.

[5]) Подзоръ въ Введенской церкви въ угличскомъ Улейменскомъ монастырѣ (Угличъ. Матеріалы для исторіи города въ XVII и XVIII вѣкахъ. Москва, 1887 года).

[6]) Такъ, въ придѣлѣ св. Онуфрія и Петра аѳонскихъ чудотворцевъ, въ новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ, на подзорѣ помѣщено изображеніе небесной литургіи или великаго входа; въ главномъ иконостасѣ новгородск. Прокопіевской церкви одна половина подзора занята изображеніемъ Умовенія ногъ, а другая—изображеніемъ Спасителя, подающаго Іудѣ кусокъ хлѣба; наконецъ, на подзорѣ въ монастырской Бѣлозерской церкви Іоанна Лѣствичника, вмѣсто Метадосиса, написано Умовеніе ногъ (Рук. № 115/1350) и др.

[7]) Таковы подзоры въ придѣлѣ Александра Свирскаго, въ Прокопіевской церкви, въ музеѣ Академіи Худож. № 32, въ Бѣлозерскихъ монастырскихъ церквахъ Евѳиміевской, Діонисіевской, Преображенской (Рук. 115/1350) и др.

[8]) Подзоры въ музеѣ академ. худож. № 30, въ Бѣлозерск. монастырскихъ церквахъ Кирилловской и Никольской (Рук. 115/1350) и др.

[9]) Подзоръ въ придѣлѣ Рождества Богородицы въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ.

Къ этой же группѣ нужно отнести подзоръ въ главномъ иконостасѣ новгородскаго Софійскаго собора, устроенный вмѣстѣ съ царскими дверями и столбцами, какъ видно изъ надписи на немъ: въ лѣто 7161 (1653 г.), и отличающійся сложностію своего иконографическаго содержанія. Этотъ подзоръ горизонтальною линіею дѣлится на два пояса. Въ верхнемъ поясѣ посрединѣ изображена Св. Троица Ветхозавѣтная, а по сторонамъ Ея Метадосисъ. Въ нижнемъ поясѣ изображенъ посрединѣ Нерукотворенный образъ Спасителя, поддерживаемый двумя ангелами, а по сторонамъ стоятъ еще два ангела съ рипидами. Такимъ образомъ, здѣсь на одномъ подзорѣ написано то, что слѣдовало бы писать на двухъ различныхъ подзорахъ.

Къ третьей группѣ относятся такіе подзоры, на которыхъ нѣтъ изображенія Тайной вечери ни по историческому, ни по литургическому переводу. Такого рода подзоровъ немного. На нихъ изображались почти тѣ-же сюжеты, какіе и на подзорахъ второй группы, кромѣ Тайной вечери. Напримѣръ, на этихъ подзорахъ изображали Св. Троицу [1]), Господа Саваоѳа съ ангелами [2]), Христа съ двумя ангелами, держащими рипиды [3]), Деисусъ [4]) и даже храмовую икону [5]). Особенно интересны тѣ подзоры третьяго разряда, на которыхъ изображался Христосъ въ видѣ младенца (агнца), лежащаго на дискосѣ. Одинъ изъ такихъ подзоровъ мы видѣли въ старинномъ иконостасѣ платановской Покровской церкви боровичскаго уѣзда. Здѣсь посрединѣ подзора изображенъ Богомладенецъ на дискосѣ, а по сторонамъ два ангела съ орудіями

[1]) Подзоръ въ придѣлѣ св. Алексія московскаго въ новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ.

[2]) Подзоръ въ Іаковлевскомъ придѣлѣ соборной церкви угличскаго Воскресенскаго монастыря, въ Благовѣщенской Нефедьевской церкви (Угличъ. Матер. для истор. города) и др.

[3]) Подзоръ въ музеѣ с.-петербургской дух. академіи.

[4]) Подзоръ въ Предтеченской церкви въ селѣ Бродяхъ, боровичскаго уѣзда, новгородской губерніи.

[5]) Подзоръ въ Симеоновской церкви въ ярославскомъ архіерейскомъ домѣ (Описаніе ярослав. архіерейскаго дома. Іеромон. Владиміра, стр. 35).

Страстей Христовыхъ. Этотъ подзоръ написанъ московскимъ пошибомъ или въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII столѣтія.

Свѣдѣнія о подобныхъ подзорахъ мы находили и въ письменныхъ источникахъ. Въ описи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря за 1802 г. говорится, что въ монастырской церкви св. Сергія была „надъ царскими вратами доска вырѣзная гладкая, на оной доскѣ посредѣ образъ на дискосѣ почивающаго агнца Божія по сторонамъ подпись чернилом̾ писанная (:такова:), Се агнецъ божій вземляй грѣхи всего міра, по сторонамъ два образа на колѣни падшихъ двоихъ ангеловъ, держащія рипиды на оной же доскѣ чернилом̾ написанная подпись (:такова:) сія врата Господня праведніи внидутъ в ня“ [1]). Въ соборной церкви угличскаго Воскресенскаго монастыря, въ придѣлѣ архистратига Михаила, на сѣни былъ написанъ „Агнецъ Божій со ангелы и херувими“ [2]).

Въ нѣкоторыхъ большихъ иконостасахъ надъ обычнымъ подзоромъ устраивалась еще другая сѣнь, называемая въ церковныхъ описяхъ короною. На этой коронѣ помѣщались три иконы, изъ которыхъ на средней писалось распятіе съ предстоящими, а на боковыхъ—вознесеніе І. Христа на крестъ и снятіе со креста. Такая корона находилась въ соборномъ Успенскомъ храмѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Эта корона въ монастырской описи за 1718 годъ описана такъ: „надъ сѣнью каруна въ срединѣ образъ распятія Господня по сторонамъ креста образы Пресвятыя Богородицы Маріи Магдалины по другую сторону креста образы Иоанна Богослова Логина сотника по сторонь того образа образъ распинаніе Господне по другую сторону снятіе со креста образа плоти Господни“ [3]).

[1]) Рукопись Кирилло-Бѣлозерск. мон. въ библ. с.-петерб. дух. ак. № 115/1350.

[2]) Угличъ. Матеріалы для исторіи города.

[3]) Рукоп. Кирилло-Бѣлозер. мон. № 97/1334. Подобныя же короны были устроены въ московскомъ Успенскомъ соборѣ (Рук. Ист. Библ., стр. 399 и 567), въ суздальскомъ Богородице-рождественскомъ соборѣ (Владимір. Губ. Вѣдом., 1875 г., №№ 36 и 37), въ Кирилловской придѣльной церкви Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (Рукоп. Кирилло-Бѣлозерск. мон. въ библіот. с.-петербургск. дух. акад. № 97/1334) и др.

Столбцы устраивались въ иконостасахъ для того, чтобы прикрѣпить къ нимъ царскія двери. Они обыкновенно имѣютъ четырехгранную форму и украшаются на верху многогранными головками. Иконографическое содержаніе ихъ не отличается такимъ разнообразіемъ, какое наблюдается на подзорахъ, но за то оно болѣе устойчиво. На столбцахъ обыкновенно изображались Спаситель, Богоматерь и шестокрылые серафимы на головкахъ, затѣмъ ангелы, святители (преимущественно вселенскіе) и діаконы съ ковчегами и кадильницами въ рукахъ.

Чтобы составить себѣ ясное представленіе о подобныхъ столбцахъ, опишемъ, для примѣра, столбцы въ новгородской Петропавловской церкви, приписанной къ Духову монастырю. Эти столбцы имѣютъ четырехгранную форму и украшены священными изображеніями только съ двухъ сторонъ, видимыхъ для народа. На правомъ (отъ царскихъ дверей) столбцѣ съ лицевой западной стороны на головкѣ написанъ поясной благословляющій Спаситель съ евангеліемъ въ лѣвой рукѣ; подъ Нимъ святители: Іоаннъ Златоустъ, ниже—Николай Чудотворецъ, еще ниже—Андрей Критскій. На боковой сѣверной сторонѣ, на головкѣ, херувимъ огненнаго цвѣта, а подъ нимъ діаконы: Авивъ, Евплъ и Филиппъ, расположенные другъ подъ другомъ, какъ и святители. На лѣвомъ столбцѣ съ лицевой стороны, на головкѣ Богоматерь, а внизу святители: Григорій Богословъ, Василій Великій и Власій. На боковой (южной) сторонѣ, на головкѣ серафимъ темнаго цвѣта, подъ которымъ—діаконы: Кириллъ, Лаврентій и Ермилъ. Такихъ столбцовъ сохранилось до нашего времени въ старинныхъ храмахъ громадное количество [1]). Опишемъ еще столбцы въ главномъ иконостасѣ нов-

---

[1]) Столбцы, подобные описаннымъ, мы видѣли въ Богородице-Рождественскомъ придѣлѣ новгородскаго Софійскаго собора, въ новгородской Пятницкой церкви, въ музеяхъ Академіи Художествъ и Общества Любителей Древней Письменности и пр. Довольно много подобныхъ столбцовъ и съ достаточною подробностію описано въ рукописной описи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря за 1802 г., хранящейся въ библіотекѣ с.-петербургской дух. академіи за № 115/1350. Всѣ эти столбцы и въ отношеніи иконографическаго содержанія сходны съ петропавловскими. Разница заключается только въ томъ, что на однихъ

городскаго Софійскаго собора, отличающіеся богатствомъ своего иконографическаго содержанія. Эти столбцы не имѣютъ головокъ. Правый столбецъ съ западной стороны украшенъ тремя изображеніями ангеловъ въ діаконскихъ облаченіяхъ съ кадильницами въ рукахъ, расположенныхъ другъ подъ другомъ. Затѣмъ, ниже ангеловъ нарисованъ во весь ростъ Спаситель, благословляющій десницею и держащій евангеліе въ лѣвой рукѣ. Ниже Спасителя изображенъ Василій Великій, а подъ нимъ—Іоаннъ Златоустъ. Боковая сѣверная сторона того же столбца занята изображеніями на верху семи херувимовъ, расположенныхъ одинъ подъ другимъ, а внизу архидіаконовъ Стефана, Лаврентія и Авива съ дароносицами и кадилами въ рукахъ. На лѣвомъ столбцѣ съ западной стороны сверху тоже три ангела съ діаконскими принадлежностями; ниже Богоматерь съ воздѣтыми руками, а подъ Нею святители Григорій Богословъ и Григорій Двоесловъ. На боковой южной сторонѣ столбца—сверху семь серафимовъ, а внизу діаконы Архипъ, Евплъ и Кириллъ съ приличествующими ихъ сану принадлежностями.

Въ заключеніе разбора иконографическаго содержанія столбцовъ приведемъ помѣщенную въ извѣстномъ намъ подлинникѣ П. Н. Тиханова небольшую замѣтку о томъ, какъ писать „на столпахъ 6 діаконовъ“. „На правой стране, говорится въ подлинникѣ, Стефанъ, подъ нимъ Авивъ русъ, подниимъ Ѳилиппъ младъ, на другой стране архидіаконъ Лаврентій седъ аки Николае, подниимъ Еуплъ аки Никита, подъ нимъ Кириллъ младъ“.

Сводя все сказанное относительно иконографическаго содержанія царскихъ дверей, подзоровъ и столбцовъ къ общему итогу, мы можемъ раздѣлить иконографическіе сюжеты на нихъ на двѣ ка-

---

столбцахъ изображались одни святители и діаконы, а на другихъ—другіе. Исключеніе составляютъ столбцы въ Ильинской церкви Хутынскаго монастыря, на которыхъ были написаны «въ верху Іисусъ Христосъ, да Пречистая Богородица, да шесть святителей, да два страстотерпца, да семь архидьяконовъ» (Опись Хутын. мон. за 1642 годъ, изд. архим. Макар., стр. 62). Замѣчательно, что здѣсь на столбцахъ помѣщены страстотерпцы, которые на столбцахъ обыкновенно не изображались.

тегоріи: одни изъ нихъ отличаются устойчивостію и встрѣчаются часто на разсмотрѣнныхъ частяхъ иконостаса, а другіе отличаются характеромъ случайности и составляютъ большею частію отступленія отъ принятаго порядка. Къ первой категоріи должно отнести Благовѣщеніе, четырехъ евангелистовъ и двухъ святителей на царскихъ дверяхъ;—Св. Троицу, Бога Отца, Спасителя, Тайную вечерю въ разныхъ переводахъ и Литургію на подзорѣ;—Спасителя, Богоматерь, ангеловъ, херувимовъ, серафимовъ, святителей и діаконовъ на столбцахъ. Ко второй категоріи относятся изображенія разныхъ святыхъ на царскихъ дверяхъ, а также изображенія Деисуса, Софіи Премудрости Божіей и пр. на подзорахъ.

Если сравнимъ изображенія первой категоріи съ древними стѣнными росписями православныхъ храмовъ, то убѣдимся въ сходствѣ тѣхъ и другихъ. Такъ, евангелистовъ мы видѣли на парусахъ подъ главнымъ куполомъ [1]), Благовѣщеніе — на предъалтарныхъ столбахъ [2]), Тайную вечерю, преимущественно по литургическому переводу и Литургію—въ главной алтарной апсидѣ, святителей—въ той же апсидѣ подъ Тайною вечерею, ангеловъ въ діаконскихъ одеждахъ съ рипидами и другими принадлежностями—около престола въ изображеніи евхаристіи [3]), св. діаконовъ съ прили-

---

[1]) Таковы, наприм., извѣстныя изображенія евангелистовъ на парусахъ подъ куполомъ въ Нередицкой церкви (XII в.), Волотовской (XVII в.) и др. Н. В. Покровскій, Стѣнн. росписи, стр. 56 и 65.

[2]) Благовѣщеніе на предъалтарныхъ столбахъ, притомъ съ такимъ же размѣщеніемъ фигуръ, какъ и на царскихъ вратахъ, сохранилось въ Кіево-Софійскомъ соборѣ (мозаика XI в.), въ Кіевскомъ Кирилловомъ монастырѣ (XII в.) и др. (Стѣн. росписи, стр. 45 и 48).

[3]) Тайная вечеря, по переводу Метадосисъ, сохранилась на алтарной апсидѣ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ (мозаика XI в.), въ Кіевскомъ Михаиловскомъ монастырѣ (тоже мозаика XII в.), въ Нередицкой церкви (фреска XII в.), въ Волотовской (XVII в.) и др. Изображенія Литургіи находятся въ алтарѣ лавры св. Аѳанасія на Аѳонѣ (XVI в.), въ ярославскомъ Успенскомъ соборѣ (1674 г.), ярославскихъ церквахъ — Предтечинской на Толчковѣ (1694—5 г.), Ильинской (1680—81 г.) и др. Во всѣхъ упомянутыхъ церквахъ при изображеніи Тайной вечери, а также и Литургіи написаны ангелы съ діаконскими принадлежностями. Подъ изображеніями Тайной вечери и Литургіи въ тѣхъ же храмахъ находятся святители (Стѣнныя росписи, стр. 43—44, 57, 64, 85—86, 122, 125 и 132).

чествующими ихъ сану принадлежностями находимъ отчасти въ самомъ алтарѣ возлѣ святителей подъ Тайной вечерею [1]), а отчасти и въ жертвенникѣ [2]), и, наконецъ, Христа почивающаго на дискосѣ—тоже въ жертвенникѣ [3]). Однимъ словомъ, всѣ главнѣйшія священныя изображенія алтаря и ближайшихъ къ нему частей храма повторяются и на царскихъ дверяхъ съ подзорами и столбцами:

Всѣ священныя изображенія, составляющія необходимую принадлежность царскихъ дверей, сѣни и столбцовъ, подчинены одной общей идеѣ: всѣ они имѣютъ отношеніе къ безкровной жертвѣ, которая совершается во св. алтарѣ. Тайная вечеря, особенно въ литургическомъ переводѣ, напоминаетъ намъ объ учрежденіи св. таинства Евхаристіи Самимъ І. Христомъ; изображеніе Литургіи напоминаетъ намъ о завѣщаніи Спасителя творить таинство евхаристіи въ воспоминаніе Его искупительныхъ заслугъ; Христосъ изображается на столбцахъ и на подзорахъ въ разныхъ положеніяхъ, какъ принесшій себя въ жертву за грѣхи людей и искупившій ихъ честною Своею Кровію; Богоматерь, какъ послужившая тайнѣ искупленія, которая воспоминается въ евхаристіи; святители, какъ совершители таинства; діаконы, какъ видимые служители приономъ; ангелы, какъ невидимые служители; наконецъ, архангелъ, благовѣствующій Дѣвѣ Маріи, изображается на царскихъ дверяхъ потому, что его благовѣстіе было, по выраженію церкви, „главизною нашего спасенія“, которое торжественно воспоминается въ

---

[1]) Напримѣръ, въ Нередицахъ (XII в.), Волотовѣ (XVII в.) и др. (Стѣн. росп. стр. 57 и 64).

[2]) Напр. въ Ильинской церкви въ Ярославлѣ (1680—81) и др. (ibid. 126).

[3]) Наприм., въ московскомъ Успенскомъ (XVI в.), и ярославскомъ Успенскомъ соборахъ (1674 г.), при чемъ дискосъ держитъ въ своихъ рукахъ Іоаннъ Предтеча. Агнецъ Божій на дискосѣ (который находится не въ рукахъ Предтечи, а стоитъ просто такъ) изображенъ во многихъ ярославскихъ церквахъ, каковы напримѣръ, Ильинская (1680—81), Предтечинская на Толчковѣ, (1694—95), Ѳеодоровская (XVII в.) и др. (Стѣн. росп., стр. 126, 139 и 151). Притомъ въ Ильинской церкви надъ дискосомъ изображены два ангела съ орудіями страданій (ibid. 126).

евхаристіи, а евангелисты, какъ благовѣстники всему міру объ этомъ спасеніи. Однимъ словомъ, все, что изображалось на царскихъ вратахъ, подзорахъ и столбцахъ, выражало нагдядно тайну искупленія человѣческаго рода посредствомъ крестной жертвы Христа Спасителя,—тайну, которую церковь, по завѣту Христа, торжественно воспоминаетъ на каждой литургіи. Даже самыя надписи на подзорѣ говорятъ намъ о жертвѣ Христа за грѣхи людей, а въ свиткахъ святителей эти надписи взяты прямо изъ литургіи, предметомъ которой служитъ воспоминаніе объ этой великой жертвѣ.

Что касается изображеній второго разряда, которыя не часто встрѣчаются на царскихъ дверяхъ, столбцахъ и подзорахъ, то о нихъ трудно сказать, какой они идеѣ подчиняются, откуда, какъ и почему сюда попали. Они составляютъ отступленія отъ общепринятаго порядка, подобныя тѣмъ, которыя мы встрѣчаемъ и на другихъ частяхъ иконостаса. Изображенія распятія, вознесенія I. Христа на крестъ и снятія Его со креста, на коронахъ царскихъ вратъ, имѣютъ отношеніе къ искупительной жертвѣ Христа, которая изображается на царскихъ вратахъ, подзорахъ и столбцахъ и которая воспоминается на литургіи. Однако, зачѣмъ въ большихъ и богатыхъ церквахъ устраивалась корона надъ сѣнью съ изображеніями страстей Христовыхъ, когда эти изображенія помѣщались своимъ чередомъ въ праздничномъ ярусѣ [1])? Намъ думается, что обычай нашихъ предковъ, помѣщать на коронѣ вышеупомянутыя иконы вызванъ желаніемъ выдвинуть ихъ изъ праздничнаго яруса на болѣе видное мѣсто; притомъ это желаніе могло имѣть смыслъ прежде, чѣмъ было издано постановленіе московскаго собора 1666—67 года—ставить распятіе на верху иконостаса. По крайней мѣрѣ, всѣ намъ извѣстныя короны, какъ свидѣтельствуютъ о нихъ церковныя описи, сооружены ранѣе вышеупомянутаго опредѣленія. Кромѣ того, короны устраивались какъ разъ на

[1]) Напримѣръ, въ Успенскомъ соборномъ храмѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря изображенія на коронѣ буквально повторяли то, что было и въ праздничномъ ярусѣ (опись за 1718 г. въ библіот. с.-петербургской дух. акад. № 97/1334).

тѣхъ иконостасахъ, которые не имѣли на верху распятія съ предстоящими или безъ оныхъ [1]). Поэтому весьма возможно, что наши предки, желая выдвинуть на видное мѣсто въ иконостасѣ изображеніе распятія Христова, не догадались поставить его на самомъ верху иконостаса и помѣстили его немного повыше царскихъ дверей. Къ тому же единство идеи, выражаемой въ изображеніи распятія съ предстоящими, съ идеею изображеній на царскихъ дверяхъ, столбцахъ и подзорахъ, дѣлало помѣщеніе разсматриваемыхъ изображеній на коронѣ надъ сѣнью болѣе всего приличнымъ и умѣстнымъ.

Николай Сперовскій.

(Продолженіе будетъ).

---

[1]) Повидимому, исключеніе составляетъ извѣстный намъ иконостасъ въ соборномъ храмѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, но и въ немъ Распятіе поставлено на верху—послѣ, о чемъ было уже замѣчено въ первомъ отдѣлѣ настоящаго изслѣдованія.

Наши грѣхи и неурожай [1].

Недавно въ одномъ собраніи сельскихъ хозяевъ у насъ, въ городѣ, читался рефератъ—«о неурожаѣ въ Россіи». Всѣ присутствующіе съ большимъ вниманіемъ слушали сообщеніе свѣдущаго референта о предметѣ, у всѣхъ въ настоящее время вызывающемъ полное сочувствіе и серьезную заботу. Цѣлыхъ двадцать двѣ губерніи нашего отечества поразилъ неурожай и уже теперь милліонамъ людей причиняетъ множество бѣдъ, а въ будущемъ грозитъ еще бо́льшими несчастіями. За послѣднія 50 лѣтъ въ Россіи еще не видали подобнаго бѣдствія. Были, правда, мѣстами неурожаи и въ послѣдніе годы; но это было только, такъ сказать, накрапываніе предъ настоящимъ дождемъ. Впрочемъ, если велико постигшее наше отечество бѣдствіе, то не менѣе велико и противодѣйствіе, выказанное ему со стороны нашего общества. На помощь пострадавшимъ явилась не только благотворительность сострадательныхъ русскихъ людей, но и наука, въ лицѣ своихъ представителей принявшаяся за изслѣдованіе причинъ неурожая и его возможное устраненіе въ будущемъ.

---

[1]) Переводъ брошюры пастора Г. Пэнгу, (S. Pingoud, Pastor zu St. Michaelis in St.-Petersburg Unsere Sünden und die Hungersnoth), вышедшей въ изданіи книжнаго магазина Еггерса и К°, въ декабрѣ прошлаго года. Въ переводѣ сдѣланы нѣкоторыя измѣненія и пропуски. По мнѣнію одного почтеннаго петербургскаго протоіерея, при посредствѣ котораго былъ доставленъ въ редакцію этотъ переводъ, въ предлагаемомъ трудѣ есть, между прочимъ, довольно много матеріала для проповѣдей о голодѣ.

Одна изъ главныхъ причинъ неурожая, по словамъ референта въ упомянутомъ собраніи, изсякновеніе рѣкъ. Какъ ближайшее слѣдствіе этого изсякновенія, направляющагося изъ Азіи все болѣе и болѣе на западъ, замѣчается будто бы постепенный упадокъ грунтовой воды, а въ связи съ этимъ измѣненіе климата, особенно на сѣверѣ, и недостаточность почвенной влаги. Другую причину референтъ видѣлъ въ истребленіи лѣсовъ, принявшемъ во многихъ мѣстахъ Россіи такіе размѣры, что является настоятельная необходимость разводить новые лѣса для защиты отъ холодныхъ вѣтровъ и увеличенія влажности воздуха. Въ качествѣ дальнѣйшихъ причинъ нашихъ неурожаевъ, онъ указывалъ на сельско-хозяйственный бытъ страны, на то, что хлѣбъ промышленниками скупается и вывозится за-границу въ количествѣ, далеко несоразмѣрномъ съ потребностію въ немъ внутри страны, на нецѣлесообразную обработку полей, на пьянство и т. п.

Но уже послѣднія изъ приведенныхъ причинъ указываютъ на то, что вопросъ о неурожаѣ въ Россіи касается не однихъ естествоиспытателей и сельскихъ хозяевъ, и что имъ должны заняться всѣ, живущіе въ нашемъ отечествѣ. Допустимъ, что природа измѣнилась и начинаетъ отказывать намъ въ томъ, что мы привыкли получать отъ нея, какъ принадлежащее намъ по праву, часто, къ слову сказать, не питая ни малѣйшей благодарности къ Подателю всѣхъ благъ. Пусть наука неутомимо изслѣдуетъ природу, какъ въ ея микроорганизмахъ, такъ и въ крупныхъ явленіяхъ нашей планетной системы, чтобы расширить кругъ нашихъ знаній и тѣмъ внушить уваженіе къ ней и научить разумному обращенію съ нею. Подобно тому, какъ юноша, въ надеждѣ на неизсякаемый запасъ своихъ силъ, часто сначала истощаетъ свой организмъ, а затѣмъ, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ, увидѣвъ, что не безнаказанно грѣшилъ противъ своего здоровья, начинаетъ изучать свое тѣло и ухаживать за нимъ, чтобы сохранить, какъ можно долѣе, дорогое здоровье; такъ точно, намъ кажется, и цѣлый народъ въ первый періодъ своего развитія легкомысленно и расточительно обращается съ сокровищами своей страны, пока, наконецъ, не дадутъ себя почувствовать громадныя недоимки, которыя и обнаружатъ ему его грѣхи. Конечно, хорошо, если въ такія

времена народъ обратится къ изученію состоянія своего сельскаго хозяйства и станетъ прислушиваться къ совѣтамъ науки. Но какъ недостаточно помощи врача, чтобы поправить здоровье тѣла, разстроенное легкомысліемъ юноши, какъ у юноши для того, чтобы мѣры врача были дѣйствительны, долженъ произойти нравственный переворотъ, измѣниться взглядъ на жизнь, такъ точно нѣчто подобное этому требуется и примѣнительно къ цѣлому народу.

Погрѣшности, сдѣлавшіяся причиной неурожая, не сельско-хозяйственныя только. Развѣ вырубка лѣсовъ, одна изъ многихъ указываемыхъ причинъ, не свидѣтельствуетъ о нравственныхъ недугахъ народа, о любостяжаніи и проч.? А безпорядочная обработка полей не находится ли въ связи съ пьянствомъ и лѣнью? Такимъ образомъ, найденныя наукою причины неурожая по большей части еще не послѣднія, но такія, которыя указываютъ на другія, внутреннія причины, лежащія въ самомъ человѣкѣ, на его нравственныя качества. Послѣднія же, къ сожалѣнію, далеко не соотвѣтствуютъ доброкачественности почвы... Но мало того,—послѣднія причины не лежатъ даже исключительно въ человѣкѣ. Есть еще высшій факторъ, вліяніе котораго проявляется въ этомъ случаѣ. Вѣдь нельзя не согласиться съ тѣмъ, что, и при существующихъ у насъ нынѣ климатическихъ и сельско-хозяйственныхъ условіяхъ, могутъ быть годы, обильные дождемъ. Имѣли уже и въ этомъ году нѣкоторыя безлѣсныя мѣстности избытокъ дождя и богатые урожаи.

Итакъ, что касается вопроса о неурожаѣ, то мы здѣсь отчасти ясно сознаемъ сельско-хозяйственныя и нравственныя причины послѣдняго; отчасти стоимъ предъ великой тайною міроуправленія. Эта тайна часто особенно ясно предстаетъ предъ сознаніемъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ, и всякій разъ при этомъ особенно сильно сказывается фактъ великаго проявленія могущественной и разумной Божественной силы. Въ сознаніи еще неиспорченнаго и впечатлительнаго народа связь между тяжкими событіями, каковъ, напр., неурожай, и могучею десницею Божіею сохранилась живѣе, чѣмъ у такъ называемыхъ просвѣщенныхъ людей, которые порвали уже всякую связь съ природою. Ложно понятая наука,

стремленіе и страсть къ наживѣ, почестямъ и наслажденіямъ, по большей части поверхностная литература дня и пустой общественный этикетъ совершенно разучили ихъ думать по-божески. Въ ихъ кружкахъ стыдятся и говорить о Богѣ, да и не могутъ ничего сказать о Немъ. Правда, мы не можемъ въ этомъ случаѣ безусловно полагаться и на сознаніе о Богѣ, живущее въ народѣ: это сознаніе слишкомъ смутно и часто проникнуто суевѣріемъ. Но мы имѣемъ за собою долговѣчную исторію человѣчества, и притомъ такую исторію, въ которой Богъ Самъ неоднократно открывалъ Себя намъ. На ней-то основаны и наши духовно-нравственныя воззрѣнія на жизнь. Если, поэтому, предъ нами, въ качествѣ вопроса, требующаго разрѣшенія, предстанетъ событіе, которое внушаетъ намъ необыкновенный страхъ и опасеніе, то мы поступимъ, какъ нельзя болѣе хорошо, обратившись къ источнику Божественнаго Откровенія, чтобы поискать, не найдется ли тамъ подтвержденія для нашихъ предчувствій и смутныхъ представленій о всемогуществѣ Божіемъ, проявляющемся въ данномъ событіи нашей жизни, и не можемъ ли мы почерпнуть изъ этого источника точныхъ свѣдѣній и уразумѣть то, что намъ кажется непонятнымъ и таинственнымъ. Это было бы для насъ весьма полезно, такъ какъ помогло бы намъ легче перенести тяжелое время неурожая и выйдти изъ него «*испытанными*», по словамъ псалмопѣвца (Пс. LXV, 10).

Священная исторія, дѣйствительно, знакомитъ насъ и съ неурожаями, подобными тому, который мы переживаемъ въ настоящее время. Неурожаевъ въ исторіи избраннаго Богомъ народа было нѣсколько: и во время пребыванія его въ Египтѣ, когда грунтовая вода, благодаря полноводію Нила, стояла высоко, и послѣ, когда народъ жилъ въ Палестинѣ, землѣ «*хорошей и пространной, гдѣ течетъ молоко и медъ*» (Исх. III, 8).

Большія ли земли или малыя, плодородныя ли мѣста или безплодныя, — для Всевышняго безразлично. Если Онъ хочетъ, чтобы «земля дала плодъ свой», то «роса съ горъ напояетъ и безплодную землю»; а если Онъ захочетъ, чтобы поле не дало человѣку плода, то, хотя бы оно принесло плодъ и самъ-сто, но отъ саранчи, или отъ чего другого, выросшіе хлѣба погиб-

нуть, прежде, чѣмъ человѣкъ уберетъ ихъ въ свои житницы.

Народъ Божій неоднократно претерпѣвалъ неурожаи; они длились то годъ, то три года, то даже 7 лѣтъ, чего мы, благодаря Богу, еще не испытали. Одни изъ неурожаевъ не были предвѣщаемы, другіе же были. Если мы будемъ доискиваться закона или Божественной цѣли, съ точки зрѣнія которой должно смотрѣть на подобное событіе и судить о немъ, то и на это мы найдемъ отвѣтъ въ словѣ Божіемъ. Къ пророку Іезекіилю Господь Богъ говоритъ (гл. XIV, 13): «*Сынъ человѣческій! если бы какая земля согрѣшила предо Мною, вѣроломно отступивши отъ Меня, и Я простеръ на нее руку Мою и истребилъ въ ней хлѣбную опору, и послалъ на нее голодъ и сталъ губить на ней людей и скотъ, и если бы нашлись въ ней сіи три мужа: Ной, Даніилъ и Іовъ, то они праведностію своею спасли-бы только свои души, говоритъ Господь Богъ*». Подобныя же Божественныя откровенія о неурожаѣ сообщаются и другимъ пророкамъ для передачи народу. Такъ, Господь Богъ устами пророка Іереміи говоритъ (гл. V, 22): «*Меня ли вы не боитесь, говоритъ Господь, предо Мною ли не трепещете? Я положилъ песокъ границею морю, вѣчнымъ предѣломъ, котораго не прейдетъ; и хотя волны его устремляются, но превозмочь не могутъ. А у народа сего сердце буйное и мятежное: они отступили и пошли: и не сказали въ сердцѣ своемъ: убоимся Господа Бога нашего, который даетъ намъ дождь ранній и поздній въ свое время, хранитъ для насъ седмицы, назначенныя для жатвы. Беззаконія ваши отвратили это, и грѣхи ваши удалили отъ васъ это доброе*».

Далѣе мы видимъ изъ Слова Божія, что неурожай есть только одинъ изъ видовъ цѣлаго ряда Божіихъ казней, которыя посылаются на людей по мѣрѣ возрастанія ихъ грѣховъ. Вотъ что говоритъ, напр., пророкъ Іезекіиль (гл. XIV, 21): «*четыре тяжкія казни Мои—мечъ и голодъ, и лютыхъ звѣрей и моровую язву—пошлю на Іерусалимъ, чтобы истребить въ немъ людей и скотъ*». Подъ «мечемъ» мы должны понимать здѣсь страшный бичъ войны, въ какой бы то формѣ ни было, войны, которая въ послѣднія десятилѣтія такъ изму-

чила Европу и которою націи и теперь угрожаютъ другъ другу, забывая, что въ существѣ дѣла они угрожаютъ въ этомъ случаѣ другъ другу Божескою карою, поражающею, въ случаѣ ея осуществленія, одинаково обѣ стороны. Подъ «лютыми же звѣрями», упоминаемыми на ряду съ моровою язвою, мы, по всей вѣроятности, должны понимать не только скорпіоновъ, лютыхъ мухъ и т. п., но и тѣхъ микроскопическихъ вредныхъ насѣкомыхъ, о существованіи которыхъ цѣлыми милліонами въ одной каплѣ извѣстила насъ въ послѣднее время наука. Эти вредоносныя насѣкомыя поражаютъ насъ и производятъ тѣ заразительныя болѣзни, которыя не щадятъ ни цвѣтущей молодости, ни почтенной старости, которыя равнымъ образомъ приводятъ къ смерти молодую невѣсту и вырываютъ изъ семьи счастливую мать. Мы, къ сожалѣнію, совершенно отвыкли разсматривать природу съ точки зрѣнія религіозной и допускаемъ такое разсмотрѣніе развѣ только въ поэзіи. Изъ жизни, гдѣ этотъ взглядъ на природу прежде былъ источникомъ глубокаго благоговѣнія и богобоязненности, теперь, благодаря такъ называемому «просвѣщенію», религія для многихъ совершенно исчезла. Мѣсто Бога заняла «природа». На все мы смотримъ какъ на нѣчто, исключительно принадлежащее внѣшней природѣ, и оттого становимся безбожными и все болѣе удаляемся отъ того истиннаго Духа природы, Который уже въ началѣ, при сотвореніи неба и земли, носился надъ водою и въ книгѣ Бытія называется «Духомъ Божіимъ».

Мы уже сказали, что неурожай есть одна изъ казней, которыми Господь Богъ напоминаетъ людямъ о Своемъ существованіи. При этомъ, конечно, мы не должны представлять себѣ дѣло такъ, какъ будто Господь прибѣгаетъ къ этимъ наказаніямъ всегда чрезъ сверхъестественныя средства, или въ опредѣленномъ, какъ перечисляетъ пророкъ Іеремія, порядкѣ. Нѣтъ, всѣ онѣ имѣютъ свои ближайшія причины, распознаніе которыхъ—задача науки, и лишь послѣднія причины и время появленія той или другой изъ казней всецѣло зависятъ отъ Бога. «*Кто вдали*», читаемъ у пророка Іезекіиля (гл. VI, 12), «*тотъ умретъ отъ моровой язвы; а кто близко, тотъ падетъ отъ меча; а оставшійся и уцѣлѣвшій, умретъ отъ голода; такъ совершу надъ ними гнѣвъ Мой: И узнаете, что Я*—

Господь». Такъ поступаетъ Господь Богъ. Но какого-нибудь опредѣленнаго правила относительно способа и порядка Божественнаго воздѣйствія установить здѣсь нельзя, кромѣ, конечно, того общаго начала, которое лежитъ во всѣхъ этихъ случаяхъ, именно, что Богъ, посылая казни, хочетъ напомнить о Себѣ людямъ, совершенно забывшимъ о Немъ и даже презирающимъ Его.

Нашъ слухъ, наши нервы содрогаются, когда мы слышимъ о «гнѣвѣ Божіемъ». Обыкновенно, это называютъ тогда грубымъ представленіемъ о Богѣ, средневѣковымъ невѣжествомъ и темнымъ суевѣріемъ. Но подобныя рѣчи не должны поколебать насъ въ нашемъ убѣжденіи и заставить повѣрить, будто наше мнѣніе ошибочно, будто мы держимся еще чего-то такого, отъ чего всякій разумный человѣкъ давно долженъ былъ бы отказаться.

Если люди перестаютъ бояться Бога и не вѣрятъ больше въ гнѣвъ Божій, то они не страшатся больше и грѣха, и онъ представляется для нихъ уже чѣмъ-то совершенно естественнымъ, чему они могутъ предаваться, сколько хотятъ. Но Іосифъ, сынъ Іакова, думалъ иначе; онъ боялся кары Божіей въ случаѣ обезчещенія жены своего ближняго, и потому остался цѣломудреннымъ, и Господь Богъ пребылъ съ нимъ. Нечего намъ стыдиться, если мы раздѣляемъ его вѣру. Вѣдь, потому мы и высоки, что раздѣляемъ ту самую вѣру, которая преподана намъ Христомъ Спасителемъ и Его преславными послѣдователями-учениками; хотя были времена, когда и ихъ презирали, отвращали и отъ нихъ лица и показывали видъ, будто не знаютъ ихъ. А Господь нашъ Іисусъ Христосъ прямо указываетъ на гнѣвъ Божій, какъ на слѣдствіе нашихъ грѣховъ. Сказавъ въ притчѣ «о зломъ рабѣ», что «*Государь его, разгнѣвавшись, отдалъ его истязателямъ, пока не отдастъ онъ ему всего долга*»,—Спаситель прибавляетъ: «*такъ и Отецъ Мой Небесный поступитъ съ вами, если не проститъ каждый изъ васъ отъ сердца своего брату своему согрѣшеній его*» (Матѳ. XVIII, 23—35).

Разсуждая съ точки зрѣнія нашихъ мнимо-просвѣщенныхъ людей, нужно было бы и Христу Спасителю сдѣлать въ этомъ случаѣ упрекъ въ томъ, что Онъ имѣетъ «грубыя представле-

нія объ Отцѣ небесномъ». А между тѣмъ Онъ говоритъ: «*Отца не знаетъ никто, кромѣ Сына, и кому Сынъ хочетъ открыть*» (Матѳ. XI, 27).

Мы хорошо понимаемъ, почему для свѣтскихъ людей непріятно слышать о гнѣвѣ Божіемъ: потому, что имъ тогда за свои грѣхи приходилось бы ожидать кары и осужденія, а такое ожиданіе нарушаетъ ихъ грѣховное наслажденіе и лишаетъ ихъ жизнь пріятнаго спокойствія. Но такъ какъ однимъ невниманіемъ къ словамъ угрозы гнѣвомъ Божіимъ мы все-таки не отвратимъ послѣдняго, то гораздо бóльшаго достигнемъ, если всегда будемъ помнить, что Господь Богъ открываетъ свой гнѣвъ и свое негодованіе на всякое нечестіе и всѣ мірскія похоти человѣка, и, помня это, всегда будемъ страшиться Его гнѣва. Не Онъ ли во время неурожая при пророкѣ Іереміи спрашивалъ: «*Меня ли вы не боитесь, предо Мною ли вы не трепещете?*» И кто дерзнулъ бы на этотъ, обращенный къ совѣсти человѣка, вопросъ отвѣтить рѣшительно: «нѣтъ, не боюсь», «не трепещу»?

Но вотъ возникаетъ другой вопросъ, имѣющій нѣкоторое основаніе. Если неурожай есть проявленіе гнѣва Божія и служитъ карою за грѣхи, то почему одна мѣстность поражается подобною карою, другая—нѣтъ? Развѣ первая грѣшнѣе второй, гдѣ въ тоже время было достаточно и дождя и солнечнаго тепла, и былъ, потому, богатый урожай? Мы знаемъ людей и здѣсь и тамъ, хорошо знакомы съ ихъ общественнымъ бытомъ и, при ихъ взаимномъ сравненіи, не можемъ въ матеріальномъ избыткѣ однихъ признать необходимаго послѣдствія ихъ праведности. Какъ часто возникаетъ подобный вопросъ и заставляетъ насъ сомнѣваться, отъ Бога ли то, что мы переживаемъ?! Ибо, если дѣйствуетъ Богъ, разсуждаемъ мы, то Онъ долженъ дѣйствовать справедливо. Другими словами, въ этомъ случаѣ мы воображаемъ, что Богъ долженъ поступать такъ, какъ поступили бы мы, если бы были на Его мѣстѣ. Но вѣдь затрудняются же люди произнести приговоръ, какъ присяжные на судѣ, когда ходъ дѣла и мотивы дѣйствій подсудимыхъ запутываются подъчасъ такъ, что трудно разобрать, кто правъ, кто виноватъ; мало того, затрудняются даже, когда приходится быть судьею въ микрокосмѣ собственнаго сердца, гдѣ, по словамъ апостола

Павла, «*мысли ихъ то обвиняютъ, то оправдываютъ одна другую*» (Рим. II, 15)? Какъ же они рѣшаются дерзать остановить Господа Бога и сказать Ему: «Ты поступаешь несправедливо!» Какъ овца не понимаетъ своего пастыря, такъ и человѣкъ не можетъ понять Господа, доколѣ не войдетъ въ святилище, чтобы тамъ преклониться предъ Тѣмъ, Который сказалъ: «*Я святъ и явлю святость Мою и прославлю Меня предъ глазами многихъ народовъ*».

И въ священной исторіи народа Израильскаго былъ поднимаемъ вопросъ, почему одна земля постигается неурожаемъ, а другая нѣтъ. И Господь Богъ, на сколько мы понимаемъ, даетъ на то отвѣтъ.

Такъ, у пророка Амоса (гл. IV, 4—8) читаемъ: «*Идите въ Веѳиль—и грѣшите, въ Галгалъ—и умножайте преступленія; приносите жертвы ваши каждое утро, десятины ваши хотя чрезъ каждые три дня. Приносите въ жертву квасное, провозглашайте о добровольныхъ приношеніяхъ вашихъ и разглашайте о нихъ, ибо это вы любите, сыны Израилевы, говоритъ Господь Богъ. За то и далъ Я вамъ голые зубы во всѣхъ городахъ вашихъ и недостатокъ хлѣба во всѣхъ селеніяхъ вашихъ; но вы не обратились ко Мнѣ, говоритъ Господь. И удерживалъ отъ васъ дождь за три мѣсяца до жатвы; проливалъ дождь на одинъ городъ, а на другой городъ не проливалъ дождя; одинъ участокъ напоеmъ былъ дождемъ, а другой, не окропленный дождемъ, засыхалъ. И сходились два, три города въ одинъ городъ, чтобы напиться воды и не могли до-сыта напиться; но и тогда вы не обратились ко Мнѣ, говоритъ Господь*». Изъ этихъ словъ мы видимъ, что намѣреніе Господа не направлено къ тому, чтобы опозорить, заклеймить одинъ участокъ земли въ глазахъ другихъ,—кто думаетъ такъ, тотъ думаетъ фарисейски; нѣтъ, несчастные пострадавшіе должны обратиться къ тѣмъ, которые не пострадали, и послѣдніе должны подѣлиться съ первыми отъ своего избытка и пострадать вмѣстѣ съ ними. Если, поэтому, неурожай и голодъ усиливаются во многихъ мѣстностяхъ, то само собою рука Божія постепенно достигаетъ всѣхъ, и нужда становится общею.

Пилатъ однажды велѣлъ убить нѣкоторыхъ галилеянъ во время жертвоприношенія въ храмѣ, такъ что ихъ кровь смѣшалась съ кровію жертвъ. Когда объ этомъ разсказали Іисусу Христу, то Онъ отвѣтилъ (Лук. гл. XIII, 2—5): «*Думаете ли вы, что эти галилеяне были грѣшнѣе всѣхъ галилеянъ, что такъ пострадали? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ также погибнете. Или думаете ли, что тѣ восемнадцать человѣкъ, на которыхъ упала башня Силоамская и побила ихъ, виновнѣе были всѣхъ живущихъ въ Іерусалимѣ? Нѣтъ, говорю вамъ; но если не покаетесь, всѣ также погибнете*». И дѣйствительно, такъ какъ они не исправились, то и сбылось то, что сказалъ Спаситель. Роль Пилата досталась римскому императору Титу, и кровь народа Израилева текла ручьями; при разрушеніи Іерусалима обрушились всѣ башни и стѣны и похоронили подъ собою виновный народъ, остатки котораго скитаются по землѣ, сами не находя покоя и не давая его тѣмъ, среди которыхъ живутъ. Народъ этотъ и по настоящее время своимъ удивительнымъ существованіемъ и характеромъ является невольнымъ свидѣтелемъ истины той священной книги, изъ которой мы почерпаемъ свою мудрость.

Стало быть, неурожай, постигшій нѣсколько членовъ великаго тѣла, составляющаго народъ, отзывается на всемъ тѣлѣ, какъ бываетъ и съ нашимъ тѣломъ: когда страдаетъ одинъ его членъ, то съ нимъ страдаютъ и всѣ (1 Кор. XII, 26). Здѣсь сразу становится намъ понятнымъ то, что, примѣненное къ цѣлому народу, кажется столь темнымъ. А почему кажется темнымъ? Потому что мы думаемъ, какъ эгоисты, эгоизмъ дѣлаетъ наши воззрѣнія мелочными и низкими и съуживаетъ нашъ умственный кругозоръ. Увы, какъ много наши мнѣнія и сужденія зависятъ отъ нашего сердца, т. е. отъ нашей симпатіи или антипатіи, отъ нашего желанія или нежеланія! Если бы наше сердце было шире, если бы въ немъ было больше любви къ ближнему и духа общественности, то оно въ такихъ вопросахъ, каковъ, напр., данный, не остановилось бы на полъ-пути.

Нужно ли еще доказывать, какъ всѣ мы страдаемъ отъ такого неурожая, который охватилъ цѣлыхъ 22 губерніи? То об-

стоятельство, что мы должны дѣлить съ потерпѣвшими свой хлѣбъ, еще не самое тяжелое. Гораздо тяжелѣе для всѣхъ насъ другія послѣдствія неурожая. Какъ тяжело, напр., отзывается на торговлѣ и промышленности запретъ вывоза хлѣба, къ которому было принуждено правительство обратиться! Сколько такихъ, которые, вслѣдствіе этой мѣры, принуждены сократить число рабочихъ, а эти послѣдніе, лишившись мѣста, не въ состояніи прокармливать своихъ семействъ! Это обстоятельство сильно тяготѣетъ на всей странѣ и, подобно камню, брошенному въ воду, распространяетъ кругъ своего вліянія такъ далеко, что мы должны отказаться прослѣдить его.

Къ этому присоединяются дурныя послѣдствія неурожая въ нравственномъ отношеніи.

Благосостояніе народа обусловливается опредѣленными порядками, которые должны быть поддерживаемы, чтобы не упала нравственность. Семейный порядокъ, порядки и дисциплина школы, правильныя и опредѣленныя занятія, — всѣ они болѣе или менѣе нарушаются во время этого бѣдствія. Члены семейства разъединяются, оставляя свои домы; школы закрываются; дѣти прерываютъ свое обученіе; люди, лишившіеся мѣста, толпами стекаются въ города, наводняютъ сосѣднія губерніи, скитаются, нищенствуютъ, крадутъ, грабятъ, становятся въ тягость для другихъ, пріучаютъ другихъ къ безпорядочной жизни. Словомъ, появляется необозримый рядъ золъ, простирающихся на всю страну. «*Малая закваска заквашиваетъ все тѣсто*». Пророки ветхаго завѣта также указываютъ на то, какъ въ подобныхъ случаяхъ страдаетъ вся страна, и какъ въ ней такими явленіями нарушается порядокъ вещей. Пора же и намъ отказаться отъ мнѣнія, будто въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло только съ несчастнымъ явленіемъ природы, а не такимъ, которое ясно показываетъ, что Господь Богъ хочетъ чрезъ подобную кару научить насъ добру. «*Входилъ ли ты въ хранилища снѣга*», спрашиваетъ Богъ Іова (Іов. XXXVIII, 22—41) «*и видѣлъ ли сокровищницы града, которыя берегу Я на время смутное, на день битвы и войны? По какому пути разливается свѣтъ, и разносится восточный вѣтеръ по землѣ? Кто проводитъ потоки для изліянія воды и путь для громоносной молніи, чтобы шелъ дождь на землю безлюдную,*

нилось живо въ его душѣ и было яркою звѣздою, руководившею имъ. Поэтому, онъ и былъ человѣкомъ, для котораго молитва стала второю природою: ей онъ предавался, и будучи узникомъ въ темницѣ, и получивши высокій санъ правителя, когда Богъ возвысилъ его. А такая внутренняя настроенность даетъ человѣку особенный, независимый взглядъ на предметы міра сего и, если нужно, способность управлять ими. И дѣйствительно, такъ какъ Іосифъ, по милости Божіей, далъ мудрый совѣтъ Фараону, то послѣдній очень хорошо сдѣлалъ, довѣривъ ему участь своего царства. Цѣломудренному и богобоязненному человѣку смѣло можно довѣрить, что угодно. Въ умныхъ людяхъ и теперь недостатка нѣтъ, научно образованныхъ тоже не мало, знатоковъ своего дѣла больше, чѣмъ когда либо, но богобоязненныхъ, цѣломудренныхъ людей, которые, чуждаясь мірскихъ цѣлей и честолюбивыхъ стремленій, хотятъ быть только слугами Божіими среди какого бы то ни было народа, какъ Іосифъ среди египтянъ, — такихъ, намъ кажется, въ настоящее время, найдется мало. Быть можетъ нѣтъ почвы, на которой они родились бы, т. е. христіанской семьи, въ лонѣ которой дѣти еще въ малолѣтствѣ воспринимаютъ въ свои сердца и умы вѣчныя истины. По крайней мѣрѣ, Іосифъ, тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался, обязанъ былъ родительскому дому.

Но въ семьѣ и общественной жизни нынѣшней господствуетъ уже иной духъ. Стоитъ только взять въ руки любую газету въ любой странѣ: какъ рѣжетъ въ ней глаза ѳиміамъ самовоскуренія, прославленіе характера и подвиговъ собственной націи и въ тоже время умаленіе и униженіе своихъ сосѣдей! Не вѣрится вовсе, что живешь среди христіанъ, о которыхъ апостолъ Павелъ говоритъ: «*Вси вы, во Христа крестившіеся, во Христа облеклись. Нѣтъ уже іудея, ни язычника; нѣтъ раба, ни свободнаго; нѣтъ мужескаго пола, ни женскаго: ибо вси одно во Христѣ Іисусѣ*» (Гал. IV, 26 — 27). Какъ на подобной почвѣ, гдѣ плевелы и тернія растутъ такъ высоко, можетъ возстать «*отраслъ праведная!*» Она, по словамъ Христа, «*заглушается и бываетъ безплодна*». Но вернемся къ Іосифу.

Дѣло народнаго пропитанія, которое онъ повелъ съ замѣчательною предусмотрительностію и энергіею, достойно удивле-

будетъ далеко не безполезно, если мы поближе познакомимся съ тѣми неурожаями, о которыхъ говорится въ словѣ Божіемъ.

Первый большой неурожай, о которомъ упоминается въ священномъ Писаніи, былъ тогда, когда народъ Израилевъ существовалъ еще, какъ одна семья, во времена Іакова и его сыновей. Онъ длился семь лѣтъ. Такъ какъ откровеніе о Богѣ въ то время было еще мало распространено, то у большинства пострадавшихъ отъ неурожая было мало пониманія воли Божіей. Языческія представленія господствовали среди людей, и они искали помощи у кумировъ, о которыхъ пророкъ говоритъ, что они не могутъ «*производить дождя*». И сыновья Іакова, по словамъ книги Бытія, долго «*смотрѣли*», откуда имъ взять хлѣба. А псалмопѣвецъ въ 104 псалмѣ говоритъ, что Господь «*призвалъ этотъ голодъ на землю*», и мы вполнѣ въ состояніи прослѣдить въ немъ руку Господню. Удивительнымъ промысломъ Божіимъ Іосифъ, отвергнутый братьями и проданный ими измаильтянамъ, былъ отвезенъ въ Египетъ. Но Богъ былъ съ Іосифомъ и ради него благословилъ не только домъ египтянина Потифара, къ которому Іосифъ попалъ въ качествѣ раба, но и всю землю Египетскую. Благодаря божественному откровенію, праведный юноша, послѣ многихъ испытаній и страданій, сдѣлался совѣтникомъ фараона и правителемъ всего Египта; а когда настал большой неурожай, то Богу было угодно чрезъ него подать Свою помощь. Мудрость Іосифа одержала верхъ въ борьбѣ съ природою, и милліоны людей были спасены отъ голодной смерти, а въ томъ числѣ и его братья, столь жестоко съ нимъ поступившіе. Св. Писаніе говоритъ объ Іосифѣ, что вельможъ египетскихъ онъ наставлялъ «*по своей душѣ и старѣйшинъ Египта училъ мудрости*» (Пс. CIV, 22). Мы знаемъ, какова была эта душа его: она совсѣмъ иная, чѣмъ у сыновъ міра сего. Душа Іосифа прежде всего отличалась цѣломудріемъ и чистотою. Очутившись среди «прелюбодѣйнаго рода», онъ страшился Бога, а «*страхъ Божій есть начало премудрости*» (Пс. CX, 10). Любодѣй не имѣетъ общенія съ Богомъ и не въ состояніи мыслить по-божески. Далѣе, Іосифа въ жизни воодушевляла высокая цѣль. Еще будучи отрокомъ, онъ стоялъ у жертвенниковъ отца своего, Іакова, когда тотъ молился: «*На помощь твою надѣюсь Господи* (Быт. XLIX), 18)!» Обѣтованіе, данное его отцамъ, хра-

Намъ, быть можетъ, еще долго придется помогать пострадавшимъ, если Господь Богъ не помилуетъ насъ и не пошлетъ намъ обильной жатвы.

Но въ насъ должно еще пробудиться сознаніе, что не мы въ состояніи устранить нужду, но одинъ Господь Богъ, или, точнѣе, что не одна только христіанская благотворительность устраняетъ окончательно это зло, но что къ ней должны присоединиться еще нравственное возрожденіе и всеобщее покаяніе. Но мы еще вернемся къ этому. Описываемые въ священномъ Писаніи неурожаи сами наведутъ насъ на эту мысль.

О другомъ неурожаѣ въ народѣ Израилевомъ, постигшемъ его уже послѣ долговременнаго пребыванія въ собственной странѣ—во дни царя Давида—читаемъ во второй книгѣ Царствъ (гл. XXI). Этотъ неурожай длился три года, годъ за годомъ, и лежалъ тяжкимъ гнетомъ на народѣ. Вслѣдствіе этого Давидъ *«вопросилъ Господа»*, и Господь чрезъ пророка повелѣлъ сказать ему, что неурожай постигъ народъ ради Саула за то, что онъ умертвилъ гаваонитянъ. Обстоятельства этого послѣдняго дѣла таковы. Народъ Израилевъ, еще при Іисусѣ Навинѣ, заключилъ съ гаваонитянами миръ, обязавшись сохранить имъ жизнь и подтвердивъ это свое обязательство клятвою. Эту-то клятву и нарушилъ царь Саулъ и побилъ многихъ изъ гаваонитянъ. Давидъ, узнавъ отвѣтъ Господа, призвалъ гаваонитянъ и спросилъ ихъ, какое удовлетвореніе желаютъ они получить за вѣроломство Саула. Они потребовали изъ потомства послѣдняго семь человѣкъ. Давидъ, глубоко сознавая предъ Богомъ и людьми вину своего народа, рѣшился выдать гаваонитянамъ пять внуковъ Саула отъ дочери его Мелхолы и двухъ сыновей его отъ Рицпы, дочери Айя. Ихъ взяли гаваонитяне и повѣсили на горѣ. Въ тѣ времена нерѣдко примиряли обиженный народъ, выдавая въ руки его заложниковъ. Въ наше время иначе смотрятъ на это, точно такъ же, какъ въ послѣдующія столѣтія на нѣкоторые существующіе теперь обычаи будутъ тоже смотрѣть иначе. И какъ Богъ допускаетъ нынѣ существующіе обычаи, такъ и въ тѣ времена Онъ допускалъ разные обычаи и обряды, которые при большемъ распространеніи Божественнаго откровенія исчезали сами собой. И мы вѣдь отъ дѣтей не требуемъ всего сразу.

Давъ удовлетвореніе обиженнымъ, Давидъ просилъ прощенія у Бога, и Богъ умилостивился надъ страною.

Мы поражены причиною этого неурожая — нарушеніемъ клятвы. Но кто и въ наше время заботится о клятвахъ, соблюдаются ли они или нѣтъ? Кто въ политическихъ отношеніяхъ народовъ между собою думаетъ о карающемъ Богѣ, имѣющемъ очи свои какъ *«пламень огненный?»* Честь и слава Его не оставляются ли въ сторонѣ, когда дѣло касается личной выгоды? Мы разучились, совершенно разучились въ этой области спрашивать о Богѣ. Всюду распространено правило: кто сильнѣе, тотъ и правъ. Мы до того стали чужды страха Божія, что намъ даже трудно вѣрится, чтобы трехлѣтній неурожай во дни Давида дѣйствительно былъ посланъ Богомъ за нарушенную клятву. Загляните, хотя разъ, въ народную среду и посмотрите, какъ подкупается лжесвидѣтель и затѣмъ является въ судъ, идетъ къ присягѣ и клянется, призывая Всевышняго Бога во свидѣтели того, что говоритъ правду! И несправедливость беретъ верхъ, а правый дѣлается виновнымъ. Послушайте раздирающія душу жалобы соблазненныхъ дѣвицъ, повѣрившихъ горячимъ клятвамъ въ вѣрности и затѣмъ безстыдно обманутыхъ и лишенныхъ чести и счастія всей своей жизни! Кто сочтетъ всѣ нарушенныя клятвы и клятвопреступленія въ общественной жизни? Кто можетъ обозрѣть всѣ случаи напраснаго произношенія имени Господа, когда почти нельзя перейти черезъ улицу, не услыхавъ изъ устъ народа проклятій и клятвенныхъ словъ?

Не даромъ къ словамъ третьей заповѣди: *«не возмеши имени Господа Бога твоего всуе»*—прибавлены и эти слова: *«ибо Господь не оставитъ безъ наказанія того, кто произноситъ имя Его напрасно»*.

Невѣріе относительно того, что Богъ за нарушеніе клятвы посылаетъ неурожаи, можно, поэтому, объяснить только тѣмъ, что существуетъ неправильное понятіе о святости Божіей и нарушеніи Его заповѣдей. Но мы можемъ быть вполнѣ увѣрены, что неурожаи случаются для того, чтобы люди узнали, что Богъ есть Господь и чтобы подумали о томъ, какъ они виновны предъ Нимъ. Поэтому, упомянутый неурожай и не прекратился раньше, чѣмъ было совершено возмездіе за проступокъ

Саула, и праведный царь Давидъ, какъ ни было это для него тяжело, далъ требуемое удовлетвореніе и молитвой предъ Господомъ Богомъ испросилъ прощеніе за грѣхи народа. Съ Израилемъ Богъ обращается иначе, чѣмъ съ язычниками: «*отъ всякаго, кому дано много, много и потребуется*» (Лук. XII, 48). Народъ, получившій отъ Бога свое существованіе, свою землю, свою политическую организацію и свои законы, народъ, вслѣдствіе удивительныхъ судебъ своихъ и долговременнаго пользованія безчисленными щедротами Божіими, получившій наименованіе народа Божія, народъ, удостоенный среди всѣхъ другихъ быть свѣтильникомъ и посредникомъ Божественнаго Откровенія,—этотъ народъ не долженъ ли ожидать, какъ сынъ, быть наказаннымъ своимъ отцомъ, если провинился предъ Тѣмъ, Кто излилъ на него всю Свою любовь?..

Что же теперь представляемъ изъ себя мы, новозавѣтные христіане, по отношенію къ ветхозавѣтному Израилю? Каждый изъ насъ, которымъ Христосъ сказалъ: «*вы свѣтъ міра*» и «*соль земли*» (Матѳ. V, 13—14)—не то же ли въ частности, чѣмъ былъ въ свое время народъ Израилевъ? Требуетъ ли отъ насъ Господь Богъ меньше, чѣмъ требовалъ въ свое время отъ народа Израилева? Напротивъ, на сколько Откровеніе во Христѣ яснѣе и опредѣленнѣе, чѣмъ было при Моисеѣ, на столько требованія, исполненіе которыхъ ожидается отъ насъ, выше. Это показываютъ и слова Христа: «*не клянитесь вовсе, но да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ; а что сверхъ этого, то отъ лукаваго*» (Матѳ. V, 37). Неужели же христіанскому народу будетъ позволено «*имя Божіе пріимать всуе*», тогда какъ народъ Израилевъ за то былъ караемъ? Итакъ, какъ видимъ, стóитъ и очень стóитъ призадуматься надъ вопросомъ: неурожай постигшій насъ не есть ли кара Божія, которую мы заслужили своими грѣхами?

Съ тою же ясностію, какъ по поводу только что описаннаго неурожая, это обнаруживается и при слѣдующемъ неурожаѣ, бывшемъ въ царствованіе Ахава, сына Амврія (3 Ц. XVI, 28 сл.). Женатый на безбожной Іезавели, дочери царя Сидонскаго, онъ царствовалъ 22 года и дѣлалъ неугодное предъ очами Господа болѣе всѣхъ, бывшихъ до него, царей. Мало того, онъ, благодаря вліянію своей жены, самъ служилъ Ваалу; онъ даже

построилъ ему капище въ столицѣ своей земли, Самаріи, и поставилъ въ немъ жертвенникъ. Недовольный этимъ, онъ ввелъ крайне безнравственный культъ богини Астарты, которой служили въ дубравахъ и на высокихъ горахъ такъ, что даже совѣстно и говорить объ этомъ. Во всемъ этомъ Ахаву помогала Іезавель, и ея вліянію должно приписать и то, что были приглашены четыреста пятьдесятъ пророковъ Вааловыхъ и четыреста пророковъ Астарты, изъ коихъ послѣдніе обѣдали за царской трапезой и, повидимому, получали содержаніе отъ казны. Пророковъ же Господнихъ Іезавель преслѣдовала и даже убивала, такъ что набожный Авдій, управлявшій Ахавовымъ дворцомъ, долженъ былъ скрывать ихъ въ пещерахъ и тайно питать хлѣбомъ и водою.

Илія, пророкъ, полный Духа Божія и удостоенный дара чудотворенія, долгое время молчалъ; но когда всѣ его попытки вразумить Ахава оказались тщетными, онъ предсталъ предъ Ахавомъ и сказалъ: «*живъ Господь Богъ Израилевъ, предъ Которымъ я стою! въ сіи годы не будетъ ни росы, ни дождя, развѣ только по моему слову*» (3 Ц. XVII, 1). Неудивительно, что эти слова сначала поразили царя и его слугъ, но затѣмъ побудили его дать приказаніе схватить и убить пророка Божія. Но Господь уже указалъ ему убѣжище у потока Хорива. Тамъ онъ оставался, питаемый воронами и пользуясь водою изъ потока, пока, въ силу его же слова, этотъ потокъ совершенно не высохъ. Вскорѣ затѣмъ изсякли въ странѣ и всѣ другіе источники и потоки, и безводіе сдѣлалось общимъ. Даже кони и лошаки царскіе не имѣли корма, такъ что Ахавъ съ Авдіемъ пошли ко всѣмъ источникамъ и потокамъ искать травы, чтобы не лишиться скота. Гнѣвъ Ахава на Илію былъ такъ великъ, что царь далеко за предѣлы своей страны разослалъ людей, чтобы отыскать пророка; а съ посланныхъ и возвращавшихся съ пустыми руками онъ даже бралъ клятву, дѣйствительно ли они не могли отыскать его. Конечно, всѣ эти попытки были напрасны: Господь хранилъ своего пророка. Наконецъ Илія самъ предсталъ предъ Ахавомъ и объявилъ ему, что дождь пойдетъ, если онъ пошлетъ и соберетъ на Кармилѣ всѣхъ пророковъ Вааловыхъ, чтобы Илія могъ поговорить съ ними. Затѣмъ слѣдуетъ извѣстное состязаніе съ пророками Ваало-

выми въ томъ, чья молитва дѣйственнѣе. Въ этомъ состязаніи Вааловы пророки выказали полное безсиліе; народъ сталъ на сторону Иліи и всѣ жрецы были схвачены и *«заколоты»* у потока Киссона.

Илія избавилъ народъ отъ идолопоклонства и предотвратилъ судъ Божій, ибо послѣ избіенія пророковъ Вааловыхъ мы видимъ праведнаго пророка на вершинѣ Кармила *«наклонившимся къ землѣ»*, въ горячей молитвѣ просящаго о помилованіи своего народа и ниспосланіи дождя. Велика сила его вѣры! Семь разъ онъ посылаетъ отрока своего къ морю посмотрѣть, не показывается ли облако. Наконецъ въ седьмой разъ тотъ говоритъ: *«вотъ небольшое облако поднимается отъ моря, величиною въ ладонь человѣческую»*. Тогда Илія велитъ сказать Ахаву: *«запрягай и поѣзжай, чтобы не засталъ тебя дождь»* (3 Цар. XVIII, 42 сл.). Между тѣмъ небо сдѣлалось мрачно отъ тучъ и отъ вѣтра и, наконецъ, пошелъ большой дождь. Невольно припоминаются слова Іисуса Христа: *«если вы будете имѣть вѣру въ горчичное зерно и скажете горѣ сей: перейди отсюда туда,—и она перейдетъ; и ничего не будетъ невозможнаго для васъ»* (Матѳ. XVII, 20).

Выводъ, который мы дѣлаемъ для себя изъ описаннаго событія, снова тотъ, что неурожай есть кара Божія, постигающая людей тогда, когда ихъ грѣхи и отпаденіе отъ Всемогущаго Бога принимаютъ слишкомъ большіе размѣры. При предыдущемъ неурожаѣ кару Божію вызвало нарушеніе клятвы, при послѣднемъ—служеніе и поклоненіе идоламъ, служеніе, притомъ, не только дѣйствующее совращающимъ образомъ на другихъ, но соединенное съ насиліемъ и силою вытѣсняющее служеніе истинному Богу. Пророки, слуги Божіи, истребляются; ихъ преслѣдуютъ, захватываютъ, убиваютъ, такъ что они для сохраненія своей жизни принуждены искать убѣжища въ пещерахъ. Господь Богъ не можетъ допускать подобныхъ поступковъ среди народа, при посредствѣ котораго Онъ хочетъ сохранить на землѣ истинное познаніе и почитаніе Себя, и этимъ объясняется то, почему Господь такъ долго отказывалъ въ самомъ, такъ сказать, очевидномъ проявленіи Своей божественной силы—дождѣ и въ связи съ нимъ—жатвѣ. Благодаря этому отказу, всего яснѣе обнаружилось безсиліе

языческихъ боговъ, которые сами не въ состоянiи ниспослать дождь. Потому-то эта именно кара Божiя и была предвѣщена Ахаву Илiею. Въ словахъ пророка: «*живъ Господь, Богъ Израилевъ, предъ которымъ я стою! Въ сiи годы не будетъ ни росы, ни дождя, развѣ только по моему слову*» — очень явственно слышно, чей онъ служитель и чьею силою и властiю онъ дѣйствуетъ. Богъ хочетъ напомнить людямъ о Себѣ, а этого ничѣмъ нельзя достигнуть лучше, какъ отказавши имъ въ тѣхъ именно дарахъ, которые «*нисходятъ свыше*» отъ Отца небеснаго. Обратимъ еще вниманiе на то, что прекращенiе дождя наступило совершенно независимо отъ такого или иного веденiя сельскаго хозяйства, отъ количества лѣсовъ, уровня рѣчной и грунтовой воды, направленiя и силы вѣтровъ, состоянiя промышленности, культуры и т. д. Мы не говоримъ, чтобы этихъ естественныхъ причинъ совсѣмъ и не существовало (и у Моисея былъ жезлъ, которымъ онъ ударилъ въ скалу, чтобы изъ нея потекла вода), но пророкъ корень зла ищетъ въ другомъ. Онъ имѣетъ въ виду только религiозные и въ связи съ ними нравственные недостатки народа, какъ болѣе важные, ибо религiя и нравственность, основанная на божественномъ откровенiи, должны идти рука объ руку. Это именно и есть то, на что, при постигшемъ насъ неурожаѣ, въ общественной жизни обращаютъ слишкомъ мало вниманiя; а между тѣмъ въ Словѣ Божiемъ объ этомъ ясно говорится.

Правда, иные могутъ сомнѣваться въ томъ, имѣютъ ли какое либо значенiе эти событiя глубокой древности и для нашего христiанскаго вѣка. Можно разсуждать такъ: мы находимся подъ благодатiю Господа Iисуса Христа; намъ нечего потому бояться: Онъ понесъ наказанiе за грѣхи наши и Богъ уже примиренъ съ людьми, «*на землѣ* (водворился) *миръ, въ человѣцѣхъ благоволенiе*». Но припомнимъ, что и ветхозавѣтнымъ пророкамъ, когда они призывали людей къ покаянiю, тоже постоянно возражали: «*миръ, миръ!*» (Iерем. VIII, 11; VI, 14; Мих. III, 5, 11; Iез. XIII, 10, 16) и пользовались миромъ для прикрытiя зла. Замѣтимъ еще, что и Самъ Господь нашъ Iисусъ Христосъ и Его ученики-апостолы ссылаются на то, что сдѣлалъ Илiя. Христосъ подтверждаетъ, что во дни Илiи «*заключено было небо три года и шесть мѣсяцевъ*» (Лук. IV, 25) и что Илiя на

это время былъ посланъ къ Сарептской вдовѣ, и изъ этихъ историческихъ ссылокъ дѣлаетъ затѣмъ примѣненіе для всѣхъ. Точно также и апостолъ Іаковъ говоритъ слѣдующее (Іак. V, 17): «*Илія былъ человѣкъ подобный намъ, и молитвою помолился, чтобы не было дождя: и не было дождя на землѣ три года и шесть мѣсяцевъ. И опять помолился: и небо дало дождь, и земля произрастила плодъ свой*». «*Много можетъ усиленная молитва праведнаго*» — прибавляетъ онъ.

И такъ, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ неурожаемъ, который и Іисусъ Христосъ считаетъ за явленіе, посылаемое Богомъ, и мы не можемъ не вѣрить словамъ небеснаго Учителя, Котораго апостолъ Павелъ (Евр. XII, 2) называетъ «*начальникомъ и совершителемъ вѣры*». Представимъ себѣ, что засуха и неурожай во дни Ахава не были вызваны по волѣ Божіей чрезъ пророка Илію, — во что̀ тогда они превращаются? Въ какую-то безсмысленную пытку людей, вызванную случайными или неслучайными, но во всякомъ случаѣ неблагопріятными и трудно опредѣляемыми явленіями природы. Если бы существовали тогда ученыя общества, какъ въ наше время, то они поступили бы правильно, изслѣдуя климатическія и экономическія условія страны. Они, вѣроятно, нашли бы причину неурожая и въ экономическихъ и климатическихъ условіяхъ; но для религіозно-нравственной жизни, для духовнаго возрожденія народа ихъ указанія все-таки были бы совершенно безплодны. Изъ этого ясно видно, насколько намъ нуженъ духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія, духъ, обличающій міръ «*о грѣхѣ, что не вѣруютъ въ Бога*» (Іоан. XVI, 9) и духъ вѣры. Неужели же мы хотимъ безъ этого духа и разума переживать настоящее время неурожая и вообще все время своей жизни, какъ неразумная тварь, заботясь только объ одномъ, какъ бы прокормить себя и другихъ? Какъ были бы мы въ такомъ случаѣ скудны духомъ и разумомъ! Избави насъ, Господи, отъ этой скудости! Не дай намъ еще этой скудости вдобавокъ къ той, которая такъ поразила наши поля! Своими грѣхами мы заслужили Твою кару, но будь милостивъ, Господи, къ намъ грѣшнымъ! «*Поступайте по духу*», писалъ апостолъ Павелъ къ галатамъ. О если бы и мы, относительно неурожая, постигшаго насъ, поступали по

духу, или хотя бы только смотрѣли на него глазами Иліи, въ которомъ былъ духъ Божій! Если пророкъ Іоиль (Іоиля II, 12 — 28) свое пророчество объ изліяніи Духа Святаго приводитъ въ связь съ бывшею въ его время засухою, говоря, что, когда іудеи обратятся къ Господу Богу, то Онъ не только пошлетъ имъ дождь, какъ прежде, и пастбища и пустыни произростятъ траву, но и *«изліетъ отъ Духа своего на всю плоть»*, такъ что земля и люди будутъ радоваться,—если такъ говоритъ пророкъ, то мы видимъ изъ этого, что явленія природы находятся въ очень тѣсной связи съ религіозно-нравственными условіями человѣческой жизни и служатъ для насъ яснымъ показателемъ Божественной промыслительной заботы о нашемъ спасеніи, если только мы разсматриваемъ ихъ при свѣтѣ Слова Божія. Собственный духъ людей въ религіозно-нравственной области, какъ бы ни были прекрасны ихъ цѣли, ведетъ ихъ къ заблужденію. Это мы ясно видимъ у тѣхъ народовъ, которые стояли или еще стоятъ внѣ христіанскаго міра. Они впадаютъ въ разныя заблужденія: то доходятъ до самаго грубаго идолопоклонства, ужасы котораго отказывается описывать перо, то возвышаются, если только это есть возвышеніе, до такихъ высотъ, гдѣ прославляется сущее «ничто». Кому охота довѣриться этому или собственными вымыслами увеличить легіонъ заблужденій? *«Слово Твое свѣтильникъ ногѣ моей и свѣтъ стезѣ моей»* (Пс. CXVIII, 105)—это убѣжденіе и въ настоящее тяжелое время неурожая пусть съ новою силою укоренится во всѣхъ, вѣрующихъ въ Іисуса Христа и получившихъ отъ Него свое имя. Этотъ же свѣтъ проявляется и въ описываемомъ нами неурожаѣ.

Мы не станемъ, конечно, торопливо сравнивать тѣ времена съ нашимъ; не станемъ разбирать, находятся ли наши общины въ религіозно-нравственномъ отношеніи въ такомъ же печальномъ положеніи, какъ современники Ахава. Мы, богословы, любимъ говорить о тонкомъ идолопоклонствѣ, столь же дурномъ, какъ и грубое. Мы разумѣемъ подъ нимъ поклоненіе золотому тельцу, любостяжаніе, чревоугодіе и т. п. Но мы должны съ осторожностью относиться къ вопросу о томъ, за какіе именно грѣхи наши постигла насъ кара Божія. Одно только несомнѣнно здѣсь: духовно-нравственная жизнь наша такова, что Господь Богъ считаетъ нужнымъ жестоко наказать насъ.

Что касается до устраненія неурожая при царѣ Ахавѣ, то инымъ кажется страннымъ, что оно, какъ и при египетскомъ неурожаѣ, а равно и бывшемъ во дни Давида, соединено съ отдѣльною личностью. Въ первомъ случаѣ посредникомъ при устраненіи неурожая является богобоязненный Іосифъ, во второмъ—благочестивый царь Давидъ, который *«вопросилъ Господа»*, и въ послѣднемъ — пророкъ Илія, который положилъ конецъ поруганію Всевышняго закланіемъ пророковъ Вааловыхъ, и молитвой, соединенной съ крѣпкою вѣрою, низвелъ дождь. Мы уже не разъ имѣли случай замѣтить, какъ мы, люди новаго времени, отвыкли думать по-божески. Мы разсуждаемъ съ точекъ зрѣнія—естественной, сельско-хозяйственной, политической, соціальной, научной,—разсуждаемъ вообще такъ, какъ того требуетъ, такъ называемый нами, здравый смыслъ. Поэтому, то обстоятельство, что Илія своею молитвою положилъ конецъ неурожаю, во многихъ христіанскихъ кружкахъ подвергается большому сомнѣнію. Религія до того вытѣснена у насъ изъ общественной жизни, что очень мало находится людей, обращающихся къ ней за помощію. Еще несравненно меньше такихъ мужей, какъ Илія, которые могли бы возстановить благоговѣніе къ религіи. Если объ Иліи мы читаемъ въ книгѣ премудрости Іисуса, сына Сирахова (XLVIII, 1—4): *«и возсталъ Илія пророкъ, какъ огонь, и слово его горѣло, какъ свѣтильникъ. Онъ навелъ на нихъ голодъ и ревностію своею умалилъ число ихъ; словомъ Господнимъ онъ заключилъ небо и три раза низводилъ огонь. Какъ прославился ты, Илія, чудесами твоими, и кто можетъ сравниться съ тобою въ славѣ!»*—то въ этихъ словахъ очевидно выражается удивленіе потомства, вызываемое сознаніемъ собственной немощи. О если бы и мы сознавали свою духовную немощь! Слишкомъ уже вовгордились мы своими успѣхами, своимъ знаніемъ и умѣньемъ. Слишкомъ уже высоко всюду мнѣніе о національномъ величіи. Поэтому-то намъ и приходится подчасъ испытывать, что это величіе имѣетъ и свою весьма прискорбную сторону — обще-распространенную духовно-нравственную слабость нынѣшняго поколѣнія и въ связи съ этимъ недостатокъ въ благочестивыхъ мужахъ, которые могли бы явиться предъ Господомъ Богомъ ходатаями за свой народъ. Есть вѣдь среди насъ не мало та-

кихъ, которые сочли бы за странность, если бы по поводу неурожая стали призывать народъ къ покаянію. Бóльшая по крайней мѣрѣ часть образованнаго общества увидѣла бы въ этомъ нѣчто искусственное, пустую, продиктованную страхомъ, церемонію, и не встрѣтила бы этой мѣры ни съ сердечною радостью, ни съ надеждою на успѣхъ. Точно также образованнымъ людямъ нашего времени показалось бы напрáснымъ молиться объ отвращеніи неурожая. Увеселяться въ пользу голодающихъ на танцовальныхъ вечерахъ, играть въ карты, давать спектакли, устраивать обѣды — это больше во вкусѣ времени; только бы не каяться и молиться! Многіе даже не имѣютъ понятія о покаяніи и о томъ, какъ каяться. «*Дайте намъ вашего масла*», сказали неразумныя дѣвы мудрымъ, «*потому что свѣтильники наши гаснутъ*». «*О кто дастъ головѣ моей воду*», восклицаетъ Іеремія (Іер. IX, 1), «*и глазамъ моимъ источникъ слезъ! я плакалъ бы день и ночь о пораженныхъ дщери народа моего*», пораженныхъ—«*попавшихся разбойникамъ*». А разбойникъ этотъ—духъ времени со своимъ трезубцемъ—«*похотью плоти*», «*похотью очей*» и «*гордостью житейскою*». Гдѣ господствуетъ этотъ духъ, тамъ пророкъ бродитъ, какъ чужой—среди людей другого міра. Они не понимаютъ—ни откуда онъ, ни чего онъ отъ нихъ хочетъ.

Другіе говорятъ, что уже совершили покаяніе. «*Они каждый день ищутъ Меня*», говоритъ Богъ устами пророка Исаіи, «*и хотятъ знать пути Мои, какъ бы народъ, поступающій праведно и не оставляющій законовъ Бога своего; они вопрошаютъ Меня о судахъ правды, желаютъ приближенія ко Мнѣ: «почему мы постимся, а Ты не видишь, смиряемъ души свои, а Ты не знаешь?» Вотъ, въ день поста вашего вы исполняете, и требуете тяжкихъ трудовъ отъ другихъ. Вотъ, вы поститесь для ссоръ и распрей и для того, чтобы дерзкою рукою бить другихъ; вы не поститесь въ это время такъ, чтобы голосъ вашъ былъ услышанъ на высотѣ. Таковъ ли тотъ постъ, который Я избралъ?*» (Ис. LVIII, 2—5). Одни не умѣютъ поститься и каяться, а другіе того мнѣнія, что уже покаялись, и выходитъ въ концѣ концевъ, что никто не кается, кромѣ немногихъ.

Озабоченно спрашиваешь себя, пробудитъ ли среди насъ

духъ искренняго покаянія то тяжелое время, которое мы переживаемъ? О если бы тѣ, которымъ данъ даръ слова, всюду воззвали громко и возвысили голосъ свой! О если бы тяжкій неурожай открылъ уши прочимъ и сдѣлалъ ихъ готовыми принять истину Бога, подобно сухой землѣ, *«пьющей многократно сходящій на нее дождь»*.

Не легко проповѣдывать о покаяніи. Самому нужно быть кающимся, чтобы почерпать *«воды живой»* и крестить въ ней другихъ, подобно Іоанну, который тоже стоялъ въ Іорданѣ, когда крестилъ народъ *«въ покаяніе»*. Но не менѣе трудно и само покаяніе, особенно, когда кто отвыкъ каяться въ своихъ грѣхахъ. Слово «покаяніе» кажется тогда какимъ-то дикимъ; его страшатся какъ чего-то такого, съ чѣмъ связывается понятіе о разныхъ трудныхъ подвигахъ. Въ представленіи многихъ съ нимъ связывается представленіе чего-то механическаго. Ничто, однако, не совмѣстимо съ религіею менѣе, чѣмъ механическое. Возьмемъ слѣдующій примѣръ: Христосъ говоритъ, что *«всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделѣніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ»* (Матѳ. V, 28). Развѣ нельзя, въ силу этого изреченія, подвергнуть испытанію свою жизнь, не показывая одинъ лишь видъ, что въ это время каешься? Остановимся немного на этомъ, подвергнемъ испытанію свои глаза: сколько мы позволяемъ себѣ взглядовъ, которыхъ должны были бы стыдиться, если бы при этомъ обнаружились и наши мысли! Мы видимъ въ наукѣ, съ какою изумительною настойчивостью ученый изслѣдователь подъ микроскопомъ разсматриваетъ состояніе раны; почему же и намъ, въ области нравственности, при изслѣдованіи своихъ мыслей и словъ, не поступать съ тою же, чувствительною даже и къ мелочамъ, наблюдательностью? Іисусъ Христосъ говоритъ (Лук. XII, 54—57): *«Когда вы видите облако, поднимающееся съ запада, тотчасъ говорите: дождь будетъ—и бываетъ такъ; и когда дуетъ южный вѣтеръ, говорите: зной будетъ — и бываетъ. Лицемѣры! лице земли и неба распознавать умѣете, какъ же времени сего не узнаете? Зачѣмъ же вы и по самимъ себѣ не судите, чему быть должно?»* Въ этомъ-то и горе наше, здѣсь-то и лежитъ наше лицемѣріе, что мы со всевозможнымъ усердіемъ разсматриваемъ окружающій насъ міръ,

а міръ внутренній, міръ духовный, который гораздо важнѣе, нашъ образъ мыслей, наши слова и дѣянія мы не подвергаемъ строгой критикѣ и суду. А что такое покаяніе, какъ не испытаніе и изслѣдованіе нашего образа мыслей?! А развѣ это нѣчто механическое? Или васъ соблазняетъ то, что покаяніе, будучи живымъ, искреннимъ и дѣйствительнымъ, когда оно вытекаетъ само собой изъ души человѣка, можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ вызвано и внѣшнимъ впечатлѣніемъ? Но обратитесь къ художникамъ: какую важную роль въ ихъ дѣятельности играютъ внѣшнія побужденія! Тѣмъ не менѣе никому не придетъ въ голову видѣть въ этомъ непремѣнно нѣчто механическое. Благородный поступокъ другого развѣ не можетъ побудить насъ къ осужденію самихъ себя и заставить насъ преклонить колѣни предъ Господомъ Богомъ и оплакивать собственную порочность? Неужели мы станемъ ждать другого подобнаго случая, чтобы покаяться со временемъ? Научный изслѣдователь достигалъ ли бы результатовъ, если бы находился въ зависимости отъ удобнаго случая и настроенія? Конечно, бываютъ открытія и случайныя, но выше стоятъ и заслуживаютъ большаго уваженія тѣ, которыя дѣлаются путемъ неутомимаго изслѣдованія и старанія. Такъ точно и самоиспытаніе и покаяніе бываютъ, съ одной стороны, невольныя, возникающія въ душѣ сами собою, а съ другой стороны — такія, которыя являются вслѣдствіе усерднаго изученія Слова Божія. Если, поэтому, тяжелое время неурожая невольно во всякомъ религіозномъ человѣкѣ возбуждаетъ серьезныя думы, то зачѣмъ въ требованіи церкви—«кайтесь» и въ исполненіи этого требованія находить нѣчто механическое или искусственное? Весь вопросъ только въ томъ, есть ли способность къ покаянію? Если имѣешь добрую волю и сознаешь свою немощность, то имѣешь эту способность. Тогда нужно только обратиться туда, гдѣ все дышетъ словами истины и мыслями покаянія, къ драгоцѣнному Слову Божію, изъ котораго и мы почерпнули все здѣсь изложенное.

Что во время неурожая усиленная молитва вполнѣ умѣстна, доказывать для христіанъ излишне: Слово Божіе говоритъ: «*призови Меня въ день скорби, Я избавлю тебя и ты прославишь Меня*» (Пс. XLIX, 15). Но, конечно, тяжело начать молиться, когда долгое время не молился, точно также, какъ тяжело просить

прощенія у человѣка, вражда къ которому успѣла уже укорениться въ душѣ. Почему же тяжело? Не хочешь уронить своего достоинства? Но развѣ Господь — человѣкъ, гордящійся, когда мы смиряемся предъ нимъ? Развѣ отецъ не выбѣгаетъ на встрѣчу блудному сыну, завидѣвъ его издали?

Правда, даже тѣмъ, которые не чужды молитвеннаго духа, бываетъ не легко рѣшиться на молитву объ отвращеніи столь великой и заслуженной кары, какъ неурожай. Вѣры у нихъ слишкомъ мало и ея недостаетъ для этого, — стоишь точно предъ высокой и крутой скалой, на которую нужно взобраться. Чувствуешь, что на то нужно бы быть самому Иліею и имѣть его силы. И все-таки апостолъ Іаковъ говоритъ: «*Илія былъ человѣкъ подобный намъ*», стало быть онъ считаетъ возможнымъ, что и наша молитва будетъ услышана. Дѣйствительно, воспроизвесть образъ Иліи было бы весьма своевременно въ наши дни. Художники наши—что день, то выставляютъ картины высокаго и низкаго содержанія, больше однако послѣдняго. Все въ нихъ въ духѣ «натурализма», такъ что и искусство низведено въ область одной лишь природы. О если бы художники поднялись выше, на вершину Кармила, и изобразили намъ молящагося Илію, «наклонившаго лице свое къ землѣ», въ горячей молитвѣ просящаго Господа о прощеніи грѣховъ народа своего и о дождѣ для изнемогающихъ отъ жажды людей и страдающаго ради людей скота! Такія картины теперь были бы своевременны! Такія пишите теперь и всюду выставляйте, такія покупайте: онѣ каждое утро и каждый вечеръ побуждали бы васъ къ молитвѣ, и мы «*хотя бы въ сей нашъ день узнали, что служитъ къ миру нашему*» (Лук. XIX, 42). И если вы не можете ни писать, ни покупать такихъ картинъ, то сами изображайте ихъ на дѣлѣ, почаще «*входя въ свою комнату*», чтобы помолиться Отцу своему небесному. Свыше посланъ къ намъ неурожай,—туда пусть и направитъ онъ наши мысли и чувства. Или мы преувеличиваемъ все это? Но развѣ наши нужды и бѣдствія дѣйствительно не велики? Проснемся ли мы только тогда, когда послѣдствія неурожая будутъ еще чувствительнѣе? Мало ли тѣхъ нуждъ и лишеній нашихъ соотечественниковъ, о которыхъ мы читаемъ въ отчетахъ и сообщеніяхъ, присылаемыхъ изъ мѣстностей, пострадавшихъ отъ неурожая? Можетъ быть, у насъ

нѣтъ родственниковъ въ тѣхъ мѣстахъ; въ противномъ случаѣ мы ужаснулись бы, если бы увидѣли всѣ бѣдствія своими глазами. Можетъ быть, нашъ эгоизмъ мѣшаетъ намъ близко принимать къ сердцу нужду другихъ. Можетъ быть, мы по невѣрію своему въ настоящемъ неурожаѣ видимъ только временное явленіе природы, которое, при свойственномъ намъ фарисействѣ, до насъ мало касается. Если такъ, то мы тѣмъ болѣе имѣемъ основаній молиться, молиться о томъ, чтобы Господь избавилъ наши сердца отъ этого окаменѣнія, которое намъ самимъ причиняетъ горе, но устранить которое мы не въ силахъ. Или кто-нибудь думаетъ, что мы все сдѣлали съ своей стороны, если раздѣлимъ свой хлѣбъ съ пострадавшими отъ неурожая? Но въ томъ-то и дѣло, что неурожай посылается Богомъ не ради только тѣхъ, которые страдаютъ теперь вслѣдствіе него,— это ясно показываетъ Слово Божіе.

Что не только нѣкоторые особенно благочестивые люди, или непосредственно пострадавшіе, но всѣ мы, великіе и малые, знатные и незнатные, во все время большихъ неурожаевъ должны смиряться предъ Господомъ и обращаться къ Нему съ горячей молитвой объ отвращеніи кары,—это показываетъ намъ четвертый неурожай, описываемый въ Словѣ Божіемъ.

Этотъ неурожай былъ въ Іудейской странѣ въ царствованіе Іоаса, сына Охозіи, около 850 года до Р. Х. Цѣлыя тучи саранчи въ связи съ большою засухою въ конецъ опустошили страну. Четыре полчища этого алчнаго насѣкомаго прошли чрезъ всѣ поля и сады, и что оставили одни, доѣли другіе. Всѣ плодовыя деревья, смоковницы, гранатовыя деревья, пальмы, маслины и яблони или посохли, или были поѣдены саранчею; въ виноградникахъ остались однѣ голыя, бѣлыя вѣтви, по которымъ еще ползаютъ алчныя насѣкомыя, ища, не найдутъ ли еще чего-нибудь. Земледѣльцы стоятъ на своихъ поляхъ и рыдаютъ о пшеницѣ и ячменѣ, потому что погибла жатва въ полѣ. Житницы опустѣли, кладовыя разрушены. Солнце жжетъ землю какъ огонь. Скотъ стонетъ; уныло ходятъ стада воловъ, нигдѣ не находя для себя пастбищъ; овцы томятся и не находятъ себѣ пищи. Даже злачныя пастбища пустыни, орошавшіяся подземными источниками, спалены жгучимъ солнцемъ (грунтовая вода пала, сказали бы теперь!).

По ночамъ въ пустынѣ слышенъ вой дикихъ звѣрей, взывающихъ къ своему Создателю, такъ какъ изсохли потоки водъ. Веселіе и радость людей обратились въ рыданія. Всюду начинаетъ появляться голодъ. Пища исчезла на глазахъ всѣхъ; дѣти слышатъ рыданіе родителей: «что намъ ѣсть, что намъ пить»? Думаютъ о кончинѣ міра и наступленіи дня Господня. Кто можетъ спастись отъ него? Лица всѣхъ блѣднѣютъ отъ страха и трепещутъ всѣ живущіе на землѣ... Это описаніе кары Божіей, постигшей Іудейскій народъ, мы читаемъ у пророка Іоиля. Конечно, можно было бы и здѣсь доказывать, что виной этого несчастія были, между прочимъ, плохое сельское хозяйство и небрежная обработка полей; но это еще не было бы достаточнымъ объясненіемъ. Къ засухѣ присоединяется здѣсь еще саранча, по словамъ пророка, «*народъ сильный и безчисленный; зубы у него—зубы львиные и челюсти у него какъ у львицы*» (Іоиля I, *6*); и Господь Богъ называетъ ее «*войскомъ своимъ, которое послалъ*» Онъ на іудеевъ. Она опустошаетъ виноградную лозу и обжираетъ смоковницу до гола. Она независима отъ разумной обработки поля и тщательнаго хозяйства; она прилетаетъ съ вѣтромъ и является какъ бы вѣстницей свыше. Еще въ большей степени, чѣмъ дождь сходящій съ неба по извѣстнымъ законамъ природы, она заставляетъ людей на опытѣ убѣждаться, что есть Господь Богъ на небѣ, Который можетъ то опустошить, то сохранить жатву. До появленія саранчи земля была полна всякаго изобилія, подобно «*саду Божію*»; съ появленіемъ же ея она стала нагой и голой, какъ безводная пустыня. Если раньше она оправдывала слова псалмопѣвца: «*вкусите и увидите, какъ благъ Господь! горы капаютъ виномъ и холмы текутъ молокомъ*», то теперь она какъ бы проповѣдуетъ: «*да боится Господа вся земля, да трепещутъ предъ Нимъ всѣ живущіе во вселенной!*» Въ подобныхъ словахъ изливаетъ душу свою и пророкъ Іоиль (Іоиля II 1, 13, 16, 17): «*Да трепещутъ всѣ жители земли! Раздирайте сердца ваши, а не одежды ваши; соберите народъ, созовите собраніе, пригласите старцевъ, соберите отроковъ и грудныхъ младенцевъ; пусть выйдетъ женихъ изъ чертога своего и невѣста изъ своей горницы. Между притворомъ и жертвенникомъ да плачутъ священники, служители Господни, и говорятъ: пощади,*

Господи, народъ Твой, не предай наслѣдія Твоего на поруганіе». Всѣ должны собраться для покаянія и молитвы: «*Обратитесь ко Мнѣ всѣмъ сердцемъ своимъ въ постѣ, плачѣ и рыданіи. Обратитесь ко Господу Богу вашему, ибо Онъ благъ и милосердъ, долготерпѣливъ и многомилостивъ и сожалѣетъ о бѣдствіи*». Пророкъ не называетъ особенныхъ грѣховъ, вызвавшихъ кару Божію, и этимъ описанный неурожай отличается отъ предыдущихъ, а желаетъ вообще показать намъ, что грѣховность и безбожіе, принявши извѣстные размѣры, такъ сказать, вынуждаютъ Бога «*явить тяготѣющую мышцу Свою въ сильномъ гнѣвѣ*». При этомъ, конечно, имѣется въ виду совсѣмъ не раззореніе народа, такъ какъ пророкъ нарочно указываетъ на то, что Господь «*многомилостивъ и сожалѣетъ о бѣдствіи*». А это значитъ, что Господь и во время самаго наказанія готовъ на примиреніе, какъ скоро люди принимаютъ кару такъ, какъ Онъ того желаетъ, т. е. съ искреннимъ раскаяніемъ и смиреніемъ. Поэтому-то Господь и избавилъ землю Іудейскую отъ постигшаго ее бѣдствія, какъ скоро народъ, по призыву пророка, покаялся въ своихъ грѣхахъ. Какъ страшно было вначалѣ опустошеніе, такъ милостива была затѣмъ пощада. Пророкъ въ яркихъ краскахъ описываетъ всеобщее, послѣдовавшее затѣмъ утѣшеніе, которое онъ прозрѣвалъ тогда только въ будущемъ. И къ людямъ и даже къ животнымъ онъ обращается съ приглашеніемъ принять участіе въ общей радости и веселіи. «*Хлѣба, и вина и елея снова будетъ вдоволь*», говоритъ онъ; «*смоковница и виноградная лоза окажутъ свою силу*», по волѣ Господа. Даже «*воздать*» Господь Богъ обѣщаетъ «*за тѣ годы, въ которые пожрала все саранча*». *Тогда узнаютъ*», говоритъ Онъ, «*что Я посреди Израиля, и Я Господь Богъ вашъ, и нѣтъ другаго*».

«*О, глубина богатства, и премудрости и разума Божія!*» Все «*изъ Него, Имъ и къ Нему*» (Рим. XI, 33). Онъ посылаетъ неурожай, и къ Нему же послѣдній долженъ вести. Поэтому, не смотря на ужасное бѣдствіе, отъ котораго и люди и скотъ помираютъ съ голоду, никто не дерзай хулить Господа. Можетъ быть, въ такое время иная мать поступаетъ, какъ Агарь, оставляетъ своего ребенка подъ кустомъ и вопіетъ: «*не хочу видѣть смерти отрока*». Вообще, мѣстами могутъ быть страшныя бѣд-

ствія. Все-таки это еще никому не даетъ права усумниться въ любви и милосердіи Божіемъ, или воскликнуть: «нѣтъ Бога». Богъ только хочетъ показать, какой невозможной стала бы для людей жизнь, если бы Онъ отказался отъ нихъ и предоставилъ ихъ тѣмъ кумирамъ, которымъ они покланяются. Но гдѣ нѣтъ сознанія, что безъ Бога жить невозможно, тамъ, дѣйствительно, становятся возможными подобные примѣры ожесточенія другъ противъ друга и даже противъ Бога, ожесточенія, не рѣдко ведущаго къ самымъ ужаснымъ преступленіямъ. Такіе ожесточенные люди въ своемъ отчаяніи способны даже проклинать себя. Проклялъ же, въ такой злой часъ, день своего рожденія Іовъ! Такія крайности въ природѣ, какъ изобиліе и голодъ, всегда очень сильно отзываются въ душѣ человѣческой и пробуждаютъ въ ней дремлющее сознаніе о Богѣ. Какъ струна, приведенная въ сильное движеніе, принимаетъ должное движеніе не сразу, такъ и люди послѣ подобныхъ душевныхъ волненій не могутъ сразу перейти въ прежнее состояніе нравственной спячки и оцѣпенѣнія. Индифферентизмъ здѣсь во всякомъ случаѣ исчезаетъ, а этого-то Богъ и хочетъ. «*О, если бы ты былъ холоденъ, или горячъ!*» читаемъ мы въ Откровеніи св. Іоанна (III, 16), «*но поелику ты тепелъ, а не горячъ и не холоденъ, то изверину тебя изъ устъ Моихъ*».

Поэтому, въ такія тяжелыя времена не слѣдуетъ слишкомъ строго осуждать и проявленій ожесточенія и душевнаго волненія. Они являются не рѣдко предвѣстниками душевнаго переворота и обращенія къ Богу. Но для этого необходимо обращаться въ такихъ случаяхъ къ слову Божію, такъ какъ оно даетъ намъ объясненіе и того, почему Господь Богъ на время иногда оставляетъ насъ. Изъ слова Божія мы узнаемъ священную исторію прошлаго, а изъ нея узнаемъ и то, какія Господь имѣетъ относительно насъ цѣли. Слово Божіе является свѣтомъ и притомъ единственнымъ свѣтомъ во мракѣ скорби и бѣдствія; оно говоритъ сокрушеннымъ сердцамъ: «*Живу Я*», говоритъ Господь Богъ: «*не хочу смерти грѣшника, но чтобы грѣшникъ обратился отъ пути своего, и живъ былъ*» (Іез. XXXIII, 11).

Поэтому, времена неурожаевъ—времена благодатныя, когда можетъ произойти духовно - нравственное обновленіе, или, по

крайней мѣрѣ, быть положено начало его. Такія времена во многихъ вновь пробуждаютъ чистую вѣру и побуждаютъ къ молитвѣ ихъ сердца, удрученныя до того, что они только и въ состояніи восклицать: «*Господи, помилуй*». А съ молитвою и жизнь становится свѣтлою. «*Взыщете Меня, и найдете, если взыщете Меня всѣмъ сердцемъ вашимъ*» (Іер. XXIX, 13). Такъ было и съ бѣдствіями при Іоилѣ. Вслѣдъ за прекращеніемъ бѣдствія пророкъ предвѣщаетъ изліяніе Духа Святаго: «*И будетъ послѣ того, излію отъ Духа моего на всяку плоть, и будутъ пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; старцамъ вашимъ будутъ сниться сны, и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія. И будетъ: всякій, кто призоветъ имя Господне, спасется*» (Іоиля II, 28—32). Здѣсь, конечно, имѣется въ виду животворящій Духъ Божій, вразумляющій душу, впавшую въ мірскія похоти, и возвышающій ее къ Богу. Подобно тому, какъ въ природѣ во время засухи нѣтъ ни травы, ни растеній, ни цвѣтовъ, ни плодовъ, такъ и большинство людей лишено праведности и благочестія. А если Господь благословляетъ полевыя растенія, то какъ же Ему не благословить рода человѣческаго? Что для тѣхъ дождь, то для людей Духъ Божій.

Тотъ или другой, не захваченный бѣдствіемъ неурожая, быть можетъ, думаетъ про себя, что онъ праведенъ, что кара Божія касается остальныхъ, а не его. Но въ этомъ только проявляется наше фарисейское чувство. Ветхозавѣтные пророки всюду въ своихъ рѣчахъ и молитвахъ причисляютъ и себя къ согрѣшившему народу и не дѣлаютъ различія между такими, которые заслужили неурожай, и праведными. «*Кому много дано, отъ того много и потребуютъ*», говоритъ слово Божіе, и это должно служить основаніемъ для постояннаго смиренія христіанина. И для него неурожай — *обличеніе для наставленія въ праведности* (2 Тим. III, 16). «*Кто имѣетъ, тому дано будетъ, и пріумножится; а кто не имѣетъ, у того отнимется и то, что имѣетъ*» (Матѳ. XIII 12).

Бѣдствіе неурожая дѣйствуетъ на вѣру, какъ вѣтеръ на пламя. Если пламя слабо, вѣтеръ его гаситъ; а если въ пламени таится сила, то вѣтеръ его раздуваетъ. Въ этомъ отношеніи такія времена—критическія. Что неурожай можетъ про-

изводить и такое дѣйствіе, что свѣтильникъ вѣры погашается, тому служитъ доказательствомъ послѣдній неурожай, упоминаемый въ св. Писаніи. О немъ пророчествуетъ пророкъ Іеремія. Народъ Израильскій въ то время былъ уже въ глубокомъ религіозно-нравственномъ упадкѣ, по отношенію къ которому времена пророка Іоиля были еще сравнительно очень сносными. Іоилю еще легко удалось склонить народъ къ покаянію; Іереміи это уже не удается. Плотскія похоти и служеніе языческимъ богамъ слишкомъ уже распространились въ это время. Убѣжденіе евреевъ, что они избранный народъ, укоренилось у знатныхъ и незнатныхъ. Великая и священная идея этого народа—быть свѣтильникомъ для прочихъ народовъ, носителемъ божескихъ обѣтованій, лишилась теперь у евреевъ всякаго содержанія. Они хотятъ пользоваться своими правами, но не исполняютъ обязанностей, сопряженныхъ съ этимъ преимуществомъ. Въ упованіи на обманчивыя слова лжепророковъ—«*здѣсь храмъ Господень, храмъ Господень*» (Іер. VII, 4), они увѣрены, что ихъ не можетъ постигнуть никакое бѣдствіе, хотя и приняли разные обряды язычниковъ и стали приносить жертвы ихъ ложнымъ богамъ. Пророкъ, призывающій къ покаянію—ихъ врагъ; они ненавидятъ его и заключаютъ въ оковы за то, что онъ пророчествуетъ имъ судъ Божій. И вотъ, за все это раздается слѣдующее пророческое вѣщаніе Іереміи: «*Жгучій вѣтеръ несется съ высотъ пустынныхъ на путь дочери народа Моего, не для вѣянія и не для очищенія; вотъ поднимается онъ подобно облакамъ, и колесницы его, какъ вихрь, кони его быстрѣе орловъ*» (Іер. IV, 11). Здѣсь имѣется въ виду бездождіе. И послѣдствія его ужасны: «*почва растрескалась отъ того, что не было дождя на землю. Дикіе ослы стоятъ на возвышенныхъ мѣстахъ, и глотаютъ, подобно шакаламъ, воздухъ; глаза ихъ потускли, потому что нѣтъ травы. Земледѣльцы въ смущеніи и покрываютъ свои головы. Вельможи посылаютъ слугъ своихъ за водою; они приходятъ къ колодезямъ, и не находятъ воды; возвращаются съ пустыми сосудами*» (Іер. XIV, 6, 4, 3). «*Истаевающіе отъ голода*» лежатъ на улицахъ городовъ и на полѣ. Къ этому несчастію присоединяются и другія не менѣе ужасныя: страшное халдейское войско вторгается въ страну, и тотъ,

кого раньше пощадилъ голодъ, теперь падаетъ отъ меча; а пощаженные голодомъ и мечемъ умираютъ отъ моровой язвы. О горе, горе великое, предстоящее народу Израилеву! Пророкъ, предвидя гибель, восклицаетъ: «*Да льются изъ глазъ моихъ слезы день и ночь и да не перестаютъ*». Но на него не обращаютъ вниманія. Лжепророки своими рѣчами совращаютъ народъ. Они говорятъ, что положеніе послѣдняго не такъ плохо, какъ изображаетъ этотъ пророкъ Іеремія; они даже хвалятъ людей, льстятъ вельможамъ и подстрекаютъ національное тщеславіе. Для большаго успѣха въ неразумной толпѣ они придаютъ своимъ словамъ и религіозную подкладку и увѣряютъ легковѣрный народъ: «*не увидите меча, и голода не будетъ у васъ. Господь съ нами и недалеко отъ насъ*» (XIV, 13). Пророкъ опровергаетъ ихъ слова. Господь Богъ чрезъ него спрашиваетъ: «*Развѣ Я Богъ только вблизи, говоритъ Господь, а не Богъ и вдали? Иногда Я скажу о какомъ либо народѣ и царствѣ, что искореню, сокрушу и погублю его. Не могу ли Я поступить такъ и съ вами, домъ Израилевъ* (XXIII, 23, XVIII, 6, 7)?» Но всѣ слова его напрасны. Народъ ослѣпленъ и остается безпечнымъ въ своемъ безбожіи.

Тогда пророкъ, предвидящій большое несчастіе, рѣшается на послѣднее средство,—онъ является предъ Богомъ ходатаемъ за свой народъ. Народъ не хочетъ каяться, поэтому пророкъ самъ кается и смиренно говоритъ: «*Хотя беззаконія наши свидѣтельствуютъ противъ насъ; но Ты, Господи, твори съ нами ради имени Твоего; отступничество наше велико, согрѣшили мы предъ Тобою. Надежда Израиля,—Спаситель его во время скорби! Для чего Ты, какъ чужой, въ этой землѣ, какъ прохожій, который зашелъ переночевать? Развѣ Ты совсѣмъ отвергъ Іуду? Развѣ Твоей душѣ опротивѣлъ Сіонъ? вспомни, не разрушай завѣта Твоего съ нами*» (гл. XIV, 7, 8, 19, 11, 12, VII, 17, 18). Такъ онъ молится и взываетъ къ Господу. Но Богъ на это отвѣчаетъ ему: «*ты не молись о народѣ семъ во благо ему, Я не услышу вопля ихъ. Не видишь ли, что они дѣлаютъ въ городахъ Іудеи и на улицахъ Іерусалима? Дѣти собираютъ дрова, и отцы разводятъ огонь и женщины мѣсятъ тѣсто*

для того, чтобы дѣлать хлѣбы для богини неба и совершать возліяніе инымъ богамъ, чтобы огорчить Меня». Затѣмъ слѣдуетъ исчисленіе грѣховъ, переполнившихъ чашу гнѣва Господня. «*Хотя бы*», продолжаетъ Господь, «*предстали предъ лице Мое Моисей и Самуилъ, душа Моя не приклонится къ народу сему; отгони ихъ отъ лица Моего, пусть они отойдутъ. Кто обреченъ на смерть, иди на смерть; и кто подъ мечъ—подъ мечъ, и кто на голодъ—на голодъ; и кто въ плѣнъ—въ плѣнъ. Ты оставилъ Меня, отступилъ назадъ; поэтому, я простру на тебя руку Мою, и погублю тебя; Я усталъ миловать*» (гл. XV, 1—6).

Эти слова уже не то, что мы слышали до сихъ поръ, и совершенно иной характеръ имѣетъ неурожай, о которомъ говорятъ они. Причины его, правда, тѣ же, что и прежде: отпаденіе отъ Бога и нарушеніе его священныхъ заповѣдей. Но есть разница въ томъ, «называешь ли кислое сладкимъ и черное — бѣлымъ, или имѣешь еще на столько чувства правды, что зло такъ и называешь зломъ, а добро — добромъ». Вотъ этого-то чувства правды во время пророка Іереміи уже не было въ народѣ. «*Если око*, по словамъ Христа, *станетъ худо, то и все тѣло твое будетъ худо*» (Мѳ. VI, 23). А духовныя очи Израиля, дѣйствительно, были тогда «худы». Какъ великъ, поэтому, долженъ быть у него религіозно-нравственный мракъ! Но вотъ, снова одинъ мужъ является предъ Богомъ, чтобы отвратить грозящую бѣду. Онъ молится, какъ Давидъ, какъ Илія, какъ Іоиль, но Богъ запрещаетъ ему молиться о народѣ. Господь отказывается на этотъ разъ быть милостивымъ, такъ какъ громадное большинство народа вовсе не желаетъ спасенія. Слова пророка отвергаются этимъ народомъ, какъ ложныя; надъ пророкомъ издѣваются и ненавидятъ его. Народъ вѣритъ тому, чего желаетъ, слѣдуетъ духу своего времени, тогда какъ пророкъ требуетъ сопротивленія ему. И вотъ, при такихъ-то обстоятельствахъ наступаетъ судъ Божій, слѣдуетъ ударъ за ударомъ. Со страхомъ начинаешь понимать здѣсь связь между грѣхомъ и карою за него.

Послѣ этого, намъ надлежитъ, имѣя въ виду наше время, предложить себѣ вопросъ, на сколько мы можемъ примѣнить

къ нему то, что узнали изъ Слова Божія? Мы живемъ въ христіанскомъ вѣкѣ, мы обладаемъ благодатію Христовой. Но христіане ли мы? И если христіане, то не имѣемъ ли мы тѣмъ болѣе повода подчиниться слову апостола Петра (1 посл. V, 6), съ которымъ онъ обращается къ христіанамъ: «*Итакъ, смиритесь подъ крѣпкую руку Божію, да вознесетъ васъ въ свое время*».

Съ нѣмецкаго перевелъ **А. К.**

Идея Промысла Божія въ исторіи

(преимущественно по воззрѣнію бл. Августина и Боссюэта).

Рѣчь, читанная на торжественномъ актѣ С.-Петербургской Духовной Академіи 24 февраля 1892 года.

Исполняя данное мнѣ совѣтомъ академіи почетное порученіе составить и произнесть предъ ея высокопросвѣщенными гостями въ день ея торжественнаго акта рѣчь, я перебралъ въ своей головѣ цѣлый рядъ предметовъ, которые могли бы послужить темой для этой рѣчи, и наконецъ остановился на предметѣ, который, по моему мнѣнію, болѣе всего нуждается, если не въ новомъ изслѣдованіи (да для него конечно и не могутъ считаться достаточными рамки торжественной рѣчи предъ смѣшаннымъ собраніемъ), то по крайней мѣрѣ въ новомъ освѣженіи его въ сознаніи. Это именно вопросъ о Промыслѣ Божіемъ въ исторіи. Вопросъ этотъ много разъ разработывался въ исторической наукѣ и имѣетъ цѣлую литературу, въ которой значатся многія знаменитыя имена, служащія центрами цѣлыхъ историческихъ школъ, такъ что задаваться цѣлію сказать что-либо новое по этому предмету значило бы предпринимать слишкомъ рискованное дѣло, и оно нисколько не входитъ въ мою задачу; но я полагаю, что освѣжить этотъ вопросъ въ сознаніи въ настоящее время болѣе необходимо и полезно, чѣмъ когда либо. Эта задача вызывается самою насущною потребностью времени. Всѣ, у кого только сохранилась достаточная чуткость въ наблюденіи знаменій времени, способность подслушивать таинственное біеніе пульса исторической жизни человѣчества, не могутъ не при-

знать, что къ концу доживаемаго нами вѣка начинаетъ совершаться глубокознаменательный и высокоинтересный процессъ, долженствующій очевидно выработать то, что должно сдѣлаться отличительной чертой этого вѣка въ отличіе отъ всѣхъ другихъ. Въ литературѣ уже не разъ дѣлалась попытка отыскать эту отличительную черту нашего вѣка и перебрано не мало кличекъ, которыя однако-же оказались или недостаточно мѣткими, или недостаточно полными. И эта неудача объясняется просто тѣмъ, что нашъ вѣкъ слишкомъ сложенъ въ своемъ теченіи, слишкомъ много разнообразныхъ наслоеній представляетъ собою, чтобы можно было подвести ихъ подъ одно всеобъемлющее начало. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли есть такое міросозерцаніе, которое такъ или иначе не выдвигалось бы въ теченіе доживаемаго вѣка и не выступало съ гордой претензіей сказать послѣднее слово въ отвѣтъ на роковой вопросъ о смыслѣ и цѣли бытія. Начавшись мистическимъ піетизмомъ, составлявшимъ сильную реакцію противъ прошловѣковаго раціонализма, онъ перешелъ къ идеализму, который въ лицѣ Гегеля хотѣлъ все бытіе низвесть на чистую идею, изглаживая всякую противоположность между идеей и дѣйствительностью, духомъ и матеріей, Творцомъ и твореніемъ. Но этотъ всепоглощающій идеализмъ скоро оказался слишкомъ не соотвѣтствующимъ реальнымъ запросамъ мысли и жизни и потому долженъ былъ уступить мѣсто иному міросозерцанію, которое, можно сказать, болѣе всѣхъ другихъ наложило свою печать на физіономію нашего вѣка, именно матеріалистическому. Было время, когда матеріализмъ грозилъ сдѣлаться основнымъ символомъ вѣры цивилизованнаго міра и, найдя себѣ временнаго союзника въ естествознаніи, получившемъ въ нашъ вѣкъ небывалое развитіе, рѣшительно выступалъ въ качествѣ послѣдняго выразителя всѣхъ чаяній человѣческаго духа. Потворствуя чувственной сторонѣ человѣческой природы и будучи доступенъ самому непосредственному мышленію, матеріализмъ широкой волной пробѣжалъ по духовной жизни Европы, захватывая и такія области ея, которыя обыкновенно стоятъ въ сторонѣ отъ умственныхъ движеній, — въ простыя, народныя массы. Подъ его именно вліяніемъ въ народныхъ массахъ новѣйшаго времени болѣе всего по-

дорваны были высшія идеальныя стремленія и въ жизни водворилось господство самыхъ грубыхъ интересовъ, заставлявшее всѣхъ лучшихъ людей серьезно опасаться за будущее. Это господство матеріализма продолжается и доселѣ, хотя уже скорѣе въ его практическихъ результатахъ, чѣмъ въ теоріи. Какъ теорія онъ весьма замѣтно начинаетъ терять свое обаяніе и все болѣе обнаруживаетъ свою несостоятельность въ удовлетвореніи высшихъ запросовъ разума и жизни. Еще такъ недавно подъ его вліяніемъ отрицалось все таинственное и сверхъестественное, что даже становится невѣроятнымъ, до какой степени теперь вездѣ замѣчается жажда таинственности. Современный культурный человѣкъ съ какою-то болѣзненною чуткостью прислушивается къ страннымъ голосамъ въ мрачныхъ сеансахъ спиритизма, благоговѣйно внимаетъ таинственнымъ постукиваніямъ и движеніямъ бездушнаго стола, увлекается загадочнымъ фокусомъ отгадыванія чужихъ мыслей, и даже люди положительной науки не прочь вѣрить въ возможность невѣдомаго четвертаго измѣренія [1]). Не удовлетворяя запросовъ разума, матеріализмъ затѣмъ пересталъ удовлетворять и запросы жизни. Чувственная сторона человѣка оказалась не единственною, которая нуждается въ удовлетвореніи. Даже при полномъ удовлетвореніи всѣхъ потребностей этой чувственной стороны оказалось, что въ человѣкѣ есть еще существо, которое тѣмъ болѣе голодаетъ, чѣмъ болѣе утучняется тѣло, и такъ какъ сразу признать права этого внутренняго существа было бы слишкомъ крутымъ переходомъ отъ полнаго его отрицанія, то по необходимости пришлось пережить еще одну стадію, которая также накладываетъ свой особый отпечатокъ на туже испещренную уже физіономію нашего вѣка. Эта стадія есть пессимизмъ, который даже какъ теорія получилъ въ послѣднее время весьма широкое распространеніе и глашатаи котораго—Шопенгауэръ и Гартманъ—самые популярные философы нашего времени. Если бы пессимизмъ въ состояніи былъ удержать за собою господство надъ умами нашего времени, то это было

---

[1]) Ср. наше публичное чтеніе: «Заокеанскій западъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи», чтеніе первое, стр. 1.

бы самымъ яркимъ доказательствомъ полной несостоятельности тѣхъ началъ, которыми жилъ нашъ вѣкъ,—это было бы самое печальное банкротство—на подобіе того, которое уже не разъ повторялось въ исторіи, и именно въ концѣ крупныхъ историческихъ эпохъ, приходившихъ послѣ блестящаго разцвѣта культуры къ безотрадному сознанію полной несостоятельности самыхъ основъ ея. Но это очевидная невозможность, и пока человѣчество окончательно не истощило своихъ жизненныхъ силъ, оно никогда не можетъ удовлетвориться пессимизмомъ, какъ всеобъемлющимъ міросозерцаніемъ, и самое широкое распространеніе его послужитъ лишь переходной ступенью къ другому, болѣе отрадному міросозерцанію, которое въ состояніи удовлетворить никогда не умирающія въ человѣкѣ высшія духовнонравственныя потребности и чаянія. И едва ли можно отрицать, что поворотъ въ этомъ отношеніи уже явственно совершается; прежніе кумиры, еще недавно пользовавшіеся почти всеобщимъ поклоненіемъ, низвергаются, представители матеріализма и пессимизма отодвигаются на задній планъ, а на мѣсто ихъ выдвигаются представители другого, религіознонравственнаго міросозерцанія, произведенія которыхъ пользуются чрезвычайно широкою распространенностью. Достаточно въ этомъ отношеніи указать на знаменитыя въ своемъ родѣ сочиненія и бесѣды Друммонда [1]), которыя облетѣли весь міръ и, по моему мнѣнію, составляютъ поразительное доказательство того, насколько назрѣла въ современномъ культурномъ человѣчествѣ потребность освободиться отъ ига грубаго матеріализма и пессимизма и найти удовлетвореніе своей жаждущей душѣ въ началахъ иного, болѣе возвышеннаго міросозерцанія. Вмѣстѣ съ поворотомъ въ принципѣ явно замѣ-

[1]) Мы разумѣемъ его Supernatural law in the natural world, разошедшееся въ безчисленныхъ изданіяхъ на многихъ языкахъ (нѣсколько статей изъ него было напечатано нами въ журналѣ Странникъ за 1889 годъ подъ заглавіемъ: «Единство законовъ бытія»), а также и его бесѣды на разныя религіознонравственныя темы (The Greatest thing in the world, Pax vobiscum и др.), разошедшіяся также въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ на разныхъ европейскихъ языкахъ (вышли и на русскомъ, Москва. 1892 г.).

чается поворотъ и въ частностяхъ. Если еще недавно подъ вліяніемъ извѣстной теоріи человѣкъ съ какимъ-то злорадствомъ развѣнчивалъ себя въ качествѣ высшаго представителя духовной жизни на землѣ и низводилъ на одинъ уровень со всѣмъ остальнымъ животнымъ міромъ и главнымъ образомъ со своими ближайшими предками—изъ породы четверорукихъ, то теперь замѣчается какъ разъ обратное движеніе: развѣнчанный человѣкъ вновь возстановляется въ свои права и вновь выдвигаются на первый планъ тѣ великіе представители человѣчества, въ которыхъ выразилась съ наибольшею силою идея богоподобія человѣка. И это стремленіе съ особенною силою сказывается въ томъ поразительномъ фактѣ, что въ переживаемое нами время пробудилась особенная жажда къ ближайшему изученію Того, Который былъ и есть совершенный Богъ и совершенный человѣкъ, чѣмъ и можно объяснить тотъ небывалый успѣхъ, которымъ пользуются въ наше время жизнеописанія Христа [1]).

Но эти симптомы составляютъ лишь начало благотворной реакціи, и для полнаго возстановленія нормальной жизни остается сдѣлать еще весьма много. Подъ вліяніемъ пережитой смѣны нѣсколькихъ разнородныхъ міровоззрѣній въ человѣкѣ нашего вѣка остался цѣлый рядъ осадковъ, которые подорвали цѣльность его существа, произвели въ немъ крайній разладъ и затемнили въ его сознаніи самыя простыя истины. Отсюда стали возможными такія странныя явленія, что въ лицахъ, которыя можно считать типическими представителями нашего вѣка, даже при добромъ желаніи ихъ осмыслить для себя и для другихъ жизнь человѣчества, обнаруживается какое-то чудовищное недомысліе въ пониманіи самыхъ основныхъ истинъ, которыя дотолѣ считались не выходящими за предѣлы элементарнаго катихизическаго знанія [2]). И нужно сказать, что

---

[1]) Между многими другими жизнеописаніями Христа особенно широкое распространеніе получили извѣстныя сочиненія Фаррара «Жизнь Іисуса Христа», Дидона, «Іисусъ Христосъ», переведенныя почти на всѣ европейскіе языки и въ томъ числѣ и на русскій.

[2]) Мы разумѣемъ религіозно-философскія сочиненія графа Л. Толстаго: «Въ чемъ моя вѣра», «Крейцерова соната» и др.

этотъ разладъ присущъ не отдѣльнымъ только лицамъ, а и всему современному культурному человѣчеству. Оно все проникнуто такими странными противорѣчіями, которыя ясно показываютъ, насколько потрясены въ немъ самыя основы разумнаго, логически стройнаго воззрѣнія на міръ и его жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, достаточно отмѣтить нѣсколько самыхъ осязательныхъ фактовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Несомнѣнно высшимъ предметомъ честолюбія нашего вѣка было стремленіе обосновать на чисто естественныхъ началахъ гуманизмъ или человѣчность съ ея лучшими проявленіями, и въ умахъ передовыхъ глашатаевъ этого естественнаго гуманизма уже ясно рисовался идеалъ вѣчнаго мира между людьми и цѣлыми народами, такъ что извѣстный историкъ цивилизаціи въ Англіи (Бокль) съ этой точки зрѣнія могъ смѣло объявлять бывшую при немъ (крымскую) войну послѣднимъ остаткомъ отживавшаго варварства. И однакоже въ странномъ противорѣчіи съ этимъ идеаломъ стоитъ тотъ несомнѣнный фактъ, что едва-ли еще въ какомъ вѣкѣ проливалось столько человѣческой крови и погибало отъ насильственныхъ переворотовъ столько человѣческихъ жизней, какъ именно въ нашъ вѣкъ, и вмѣсто того, чтобы при помощи этихъ началъ водворить миръ на землѣ и благоволеніе въ человѣкахъ, нашъ культурный вѣкъ закончилъ водвореніемъ страшнаго милитаризма, который поглощаетъ лучшія силы народовъ и призываетъ на служеніе себѣ высшую изобрѣтательность съ цѣлію усиленія и безъ того адской разрушительности своего оружія. Для соціально-экономической жизни культурный прогрессъ, при помощи множества чрезвычайно важныхъ открытій, давшихъ возможность пользоваться такими великими силами, какъ паръ и электричество, могъ обѣщать осуществленіе небывалаго благосостоянія и освобожденія народныхъ массъ отъ тяжкаго, непосильнаго труда; а въ дѣйствительности этотъ прогрессъ привелъ лишь къ еще большей противоположности между высшими и низшими классами въ народахъ и содѣйствовалъ лишь тому, что блага культуры сосредоточиваются все въ болѣе ограниченномъ кругѣ, за предѣлами котораго все болѣе усиливается нужда, доходящая въ главнѣйшихъ центрахъ цивилизаціи до ужасающей бѣдственности, предъ которой невольно

останавливаешься въ крайнемъ недоумѣніи, а питаемая этою бѣдственностью демократія смѣло дѣлаетъ вызовъ самой цивилизаціи, отрицая ее какъ несостоятельную въ самой своей основѣ. Уровень общаго образованія въ нашъ вѣкъ поднялся весьма высоко и современный культурный человѣкъ обладаетъ массой такихъ знаній, о которыхъ и не подозрѣвали наши еще не особенно далекіе предшественники; а между тѣмъ рядомъ съ этимъ высокимъ просвѣщеніемъ уживается самое вопіющее нравственное убожество и въ нравственнообщественной жизни постоянно проявляется такое одичаніе, котораго трудно было бы и предполагать, если бы его не подтверждала наличная дѣйствительность. Наконецъ, чтобы не удлиннять этой параллели противорѣчій, укажемъ еще на то, что удобства жизни, благодаря успѣхамъ цивилизаціи, несомнѣнно чрезвычайно увеличились и современный человѣкъ имѣетъ возможность пользоваться множествомъ самыхъ изысканныхъ наслажденій; и однакоже въ разительномъ противорѣчіи съ этимъ выступаетъ тотъ фактъ, что истинная жизнерадостность нисколько не возвысилась, а напротивъ ослабѣла, и съ каждымъ годомъ все болѣе возростающее количество самоубійствъ ясно показываетъ, что всѣ успѣхи цивилизаціи не только не могли превратить землю изъ юдоли плача въ рай сладости, а напротивъ еще болѣе усилили скорбность земнаго бытія, количество труждающихся и обремененныхъ возросло до чудовищной степени, и всѣ они, отчаявшись въ возможности получить облегченіе себѣ отъ цивилизаціи и не имѣя уже въ себѣ достаточнаго дерзновенія для того, чтобы питать вѣру въ возможность высшаго избавленія, съ мрачнымъ отчаяніемъ воспринимаютъ страшную проповѣдь пессимизма, гласящаго, что небытіе лучше бытія и что самый міръ есть нѣчто такое, чего не должно бы быть совсѣмъ.

И вотъ въ виду такихъ и множества другихъ противорѣчій, выступающихъ тѣмъ сильнѣе и рѣзче, чѣмъ больше цивилизація стремилась сгладить ихъ, у массы современнаго человѣчества рѣшительно теряется нить разумнаго пониманія явленій наличной и исторической жизни, и въ виду явнаго несоотвѣтствія результатовъ съ стремленіями невольно зарождается вопросъ: не есть ли

весь этотъ калейдоскопъ противорѣчивыхъ явленій игра неразумныхъ случайностей? Не есть ли вся исторія человѣчества безконечный рядъ подобныхъ же случайностей, въ которыхъ отдѣльные люди и цѣлые народы, являясь на землѣ, мятутся на ней безъ всякаго смысла и цѣли, къ чему-то стремятся, никогда не достигая желаемаго, борятся, страдаютъ, напрягаютъ всѣ свои усилія создать что-то такое, что однако-же отъ какой нибудь глупой случайности сразу рушится, и сходятъ съ исторической сцены, оставляя по себѣ лишь смутныя воспоминанія?—Къ ряду отмѣченныхъ противорѣчій нашего вѣка несомнѣнно принадлежитъ и то, что не смотря на всѣ успѣхи научнаго знанія въ наше время, стремящагося всѣ явленія подвесть подъ общіе опредѣленные законы, въ массѣ современнаго человѣчества явно преобладаетъ взглядъ на исторію именно какъ на сцѣпленіе случайностей, и потому-то повсюду замѣчается крайняя растерянность предъ лицомъ тѣхъ или другихъ политическихъ или соціальныхъ явленій, которыя всѣхъ поражаютъ своею неожиданностью и какъ бы безпричинностью и приводятъ въ смущеніе даже тѣхъ, кто съ напускною научною серьезностью во всемъ хотятъ видѣть господство неумолимой необходимости, дѣйствующей по неизмѣннымъ общимъ законамъ [1]). Но такой взглядъ, ставящій историческую жизнь человѣчества подъ господство случайностей или же необходимости (которая, какъ не имѣющая предъ собою опредѣленной цѣли, есть такая же случайность, какъ и всякое безпричинное явленіе), дѣлающій изъ человѣка во всѣхъ формахъ его жизни игрушку какихъ-то слѣпыхъ безцѣльныхъ силъ, отнюдь не имѣетъ въ себѣ ничего такого, что вселяло бы въ человѣка вѣру въ возможность достиженія лучшаго будущаго, поддерживало бы въ немъ бодрость при перенесенія всякихъ невзгодъ и бѣдствій, и напротивъ способно лишь отнимать всякую энергію и притуплять всякую нрав-

---

[1]) Опаснымъ распространеніемъ подобныхъ воззрѣній въ обществѣ въ Германіи вызвано между прочимъ появленіе сочиненія проф. Кнейзеля: Die Weltgeschichte ein Zufall? (Berlin 1891), въ которомъ выдвигается и доказывается идея разумной цѣлесообразности въ исторіи.

ственную самодѣятельность, водворяя полное равнодушіе къ счастью и несчастью, къ добру и ко злу. А такое настроеніе равносильно отрицанію всякаго прогресса, и если бы этому воззрѣнію удалось восторжествовать надъ всѣми другими, то этимъ произнесенъ былъ бы смертный приговоръ надъ всей новѣйшей цивилизаціей и надъ всей будущностью человѣчества. Но какъ въ отношеніи крайнихъ выводовъ пессимизма, такъ и въ отношеніи этого безотраднаго воззрѣнія на исторію нужно сказать, что оно находитъ себѣ непримиримаго противника въ нравственномъ самосознаніи человѣчества, инстинктивно чувствующаго, что его историческая жизнь не можетъ не заключать въ себѣ какого нибудь смысла, что она не есть игрушка случайностей или слѣпой необходимости, а напротивъ движется въ опредѣленномъ направленіи и стремится къ опредѣленной цѣли, которая при извѣстныхъ условіяхъ не можетъ быть недостижимою. И это сознаніе нашло себѣ дѣятельную поддержку въ томъ общемъ поворотѣ къ религіозному міросозерцанію, который отмѣченъ выше, и у многихъ начинаетъ все болѣе проясняться взглядъ на смыслъ историческихъ судебъ, или по крайней мѣрѣ является живая потребность уяснить ихъ себѣ съ высшей точки зрѣнія нравственнаго міроправленія,—единственной точки зрѣнія, которая способна удовлетворить человѣка, какъ нравственно-свободное, самосознающее, разумное существо [1]). И на насъ лежитъ священная обязанность по мѣрѣ своихъ силъ удовлетворять этой потребности, и если не самимъ выступать путеводителями общественной мысли (что̀ было бы задачей слишкомъ великой и смѣлой), то по крайней мѣрѣ указывать на тѣ свѣточи, которые уже раньше разгоняли тьму человѣческаго недомыслія въ отношеніи

---

[1]) Доказательствомъ глубокой потребности, чувствуемой въ настоящее время въ уясненіи себѣ міровой жизни какъ нравственнаго міроправленія, можетъ служить большой успѣхъ такихъ сочиненій, какъ Mc Cosh, Method of Divine government, которое вышло въ 1887 году 13-мъ изданіемъ. Такой же смыслъ имѣетъ и тотъ фактъ, что религіозное общество въ Гаагѣ назначило въ минувшемъ году премію за лучшее сочиненіе на тему о «Нравственномъ міроправленіи» съ цѣлію его научно-философскаго оправданія.

историческихъ судебъ міра, направляя мысль къ истинному разумѣнію ихъ и выводя своихъ современниковъ на путь яснаго пониманія величественнаго плана божественнаго домостроительства въ судьбахъ человѣчества.

Среди многихъ свѣточей, такъ или иначе озарявшихъ своимъ геніемъ планъ всемірно-историческаго движенія, выдаются особенно два, которые, выступая въ двѣ различныя, отдаленныя между собою эпохи, но такія, изъ которыхъ каждая въ своемъ родѣ имѣла значеніе поворотныхъ пунктовъ въ исторіи и потому способна была производить необычайное смущеніе въ умахъ,—съ геніальною проницательностью указали тѣ именно начала, при помощи которыхъ мысль только и можетъ уяснять себѣ сложный ходъ всемірной исторіи и въ самыхъ его повидимому случайныхъ, разрозненныхъ и противорѣчивыхъ явленіяхъ улавливать непрерывную нить стройнаго, цѣлесообразнаго развитія. Мы разумѣемъ бл. Августина и Боссюэта. Творенія этихъ знаменитыхъ мужей доселѣ составляютъ богатѣйшій источникъ христіанско-философской мысли и къ нимъ не разъ уже обращались многіе изъ новѣйшихъ мыслителей, чтобы почерпать въ нихъ озареніе для своей мысли въ періоды ея потемнѣнія и подкрѣпленіе для своего нравственнаго существа въ случаѣ его ослабленія подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій современности. И особенно благотворно изученіе ихъ въ такія времена какъ наше, когда все старое подверглось безпощадной критикѣ, а новаго еще ничего не создано и общественное сознаніе тщетно ищетъ болѣе или менѣе устойчивыхъ началъ. Сами эти великіе мужи жили какъ разъ въ подобныя же эпохи, и особенно бл. Августинъ, на глазахъ котораго совершилось страшное крушеніе всемірнаго могущества Рима,—крушеніе, которое произвело необычайное смятеніе въ народахъ, такъ какъ съ упадкомъ Рима падалъ весь древній міръ и нарождался при невообразимыхъ мукахъ міръ новый, еще ничего опредѣленнаго не обѣщавшій и только возбуждавшій смутныя опасенія и слабыя надежды. Только величайшій геній могъ разобраться въ смятеніяхъ такой эпохи, и такимъ геніемъ именно и явился бл. Августинъ, который въ своемъ великомъ твореніи „О градѣ Божіемъ“ далъ своимъ современникамъ

не только успокоительное разъясненіе пережитыхъ ими историческихъ переворотовъ, но и общія начала для разумѣнія путей домостроительства Божія въ исторіи [1]). Поэтому, нельзя не радоваться, что въ наше время опять пробудился живѣйшій интересъ къ изученію этого великаго представителя христіанской мысли, и не только на западѣ, но и у насъ, при чемъ этотъ интересъ не ограничивается узкими предѣлами ученыхъ кружковъ, а захватываетъ и широкіе круги вообще образованнаго общества, для котораго явились новые переводы твореній бл. Августина, сопровождаемые цѣлымъ рядомъ научныхъ и популярныхъ изслѣдованій и изложеній [2]). Что касается Боссюэта, то и онъ также стоялъ на глубоковаж-

[1]) Поводомъ къ составленію «De Civitate Dei» послужилъ разгромъ Рима Аларихомъ въ 410 г., и задачей бл. Августина было опровергнуть нареканія язычниковъ, что всѣми бѣдствіями, которыя приходилось испытывать Римской имперіи въ это время, она обязана-де была христіанамъ, изъ-за гнѣва на которыхъ боги, создавшіе величіе Рима, отняли у него свое покровительство. Вслѣдствіе этого твореніе имѣетъ по преимуществу апологетическій характеръ. Его XXII книги по частямъ являлись въ 413—426 годахъ. Въ изданіи Миня оно составляетъ XLI томъ Латинской патрологіи.

[2]) Изъ новыхъ переводовъ конечно на первомъ планѣ нужно поставить русскій переводъ, сдѣланный при кіевской духовной академіи, въ 4 выпускахъ съ 1880 по 1887 годъ. Къ сожалѣнію, этотъ переводъ оставляетъ желать весьма многаго какъ въ стилистическомъ, такъ и въ логическомъ отношеніи, и далеко не соотвѣтствуетъ важности знаменитаго труда, нуждавшагося въ переводѣ не только точномъ и изящномъ, но вмѣстѣ и ученомъ, съ необходимыми учеными примѣчаніями, чего совсѣмъ нѣтъ въ русскомъ переводѣ. Несравненно выше во всѣхъ отношеніяхъ стоитъ новый англійскій переводъ д-ра Додса (въ 2 томахъ, Эдинбургъ 1888 года). Изъ многихъ изслѣдованій и статей можно указать въ русской литературѣ извѣстное сочиненіе проф. Красина «Твореніе бл. Августина De Civ. Dei какъ апологія христіанства въ его борьбѣ съ язычествомъ», Казань. 1873 г.; двѣ статьи іером. Григорія въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» подъ заглавіемъ: «Сочиненіе бл. Августина о Градѣ Божіемъ, какъ опытъ христіанской философіи исторіи» (№№ 15 и 17 за 1891 г.) и нѣсколько статей князя Трубецкого въ журналѣ «Вопросы Философіи и Психологіи» (книга X, статья «Философія христіанской теократіи въ V вѣкѣ»); въ иностранной: Reinkens, Geschichtsphilosophie des h. Augustinus, 1860; G. Seyrich, Die Geshichtsphilosophie Augustins, Chemnitz 1891; лекція приватъ-доц. Лаухерта въ Deutscher Merkur, 1892 г. № 5 и сл.; рядъ статей Boissier въ Revue des Deux Mondes за 1890 годъ и др.

номъ рубежѣ, отдѣлявшемъ средневѣковый періодъ отъ новѣйшаго, когда также великій историческій переворотъ, совершенный протестантизмомъ, производилъ крайнее смятеніе въ умахъ и заставлялъ ихъ искать болѣе устойчивыхъ началъ въ исторіи. Эти начала и указалъ Боссюэтъ въ своемъ знаменитомъ „Разсужденіи о всемірной исторіи“ [1]), гдѣ онъ, имѣя для себя великаго руководителя въ бл. Августинѣ, сдѣлалъ блестящее примѣненіе тѣхъ же началъ къ потребностямъ своего времени,—тѣмъ самымъ показывая, что эти начала по своей сущности имѣютъ всеобщее значеніе, и какъ бы ни разнообразились времена, какіе бы ни наступали въ исторіи перевороты, мысль всегда можетъ находить въ этихъ началахъ достаточное для себя успокоеніе и удовлетвореніе предъ запросами удручающей своими превратностями дѣйствительности. И вотъ почему мы въ свою очередь обратились къ изученію этихъ двухъ великихъ представителей христіанской исторической мысли, и въ настоящей рѣчи предлагаемъ результаты этого изученія, хотя не столько по буквѣ, сколько по духу ихъ, въ силу извѣстнаго изреченія: буква убиваетъ, духъ животворитъ. Съ этой точки зрѣнія мы и попытаемся представить нѣсколько данныхъ, способныхъ уяснить ту схему, которою опредѣляется сущность историческаго процесса по воззрѣнію величайшихъ геніевъ христіанскаго историческаго міросозерцанія.

Міръ историческихъ явленій несравненно сложнѣе, а потому и интереснѣе, чѣмъ міръ явленій окружающей человѣка природы. Въ природѣ, не смотря на все разнообразіе ея явленій, все носитъ на себѣ печать извѣстной правильности и законосообразности, вносящей понятіе стройнаго механизма даже въ то, что на первый взглядъ можетъ показаться случайнымъ. Самая случайность здѣсь очевидно имѣетъ лишь условный, субъективный характеръ и означаетъ лишь то, что называемыя случайными явленія таковы лишь по тому, что при данномъ состояніи знанія мы не можемъ поды-

---

[1]) Мы имѣли предъ собою полное собраніе твореній Боссюэта парижск. изд. Didot, 1858; Discours sur l'histoire universelle помѣщ. въ 1 томѣ.

скать для нихъ достаточной причины, существованіе которой однакоже допускается, какъ апріорное требованіе разума. Самыми неуловимыми, неподдающимися доселѣ никакимъ опредѣленнымъ схемамъ представляются напр. явленія метеорологическія,—и однако уже тотъ фактъ, что въ своей общей суммѣ они повторяются съ неизмѣнною правильностью, даетъ мысли возможность предполагать существованіе такихъ опредѣленныхъ законовъ, которымъ подчиняются и эти явленія [1]). Совершенно инымъ характеромъ отличаются явленія историческія. Здѣсь мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ явленій, которыя и по непосредственному сознанію, и по философскому воззрѣнію представляютъ собою нѣчто такое, что̀ качественно отлично отъ явленій природы и представляетъ собою совершенно особый міръ съ ему только присущими свойствами. Среди этихъ явленій на первомъ планѣ стоитъ личность, которая представляетъ собою высшую форму бытія и обладаетъ свойствомъ, рѣшительно отличающимъ ее отъ явленій природы и дѣлающимъ ее неподлежащею тѣмъ законамъ, которымъ подлежитъ все существующее. Это свойство есть свобода, которая придаетъ движеніямъ личности извѣстную независимость и случайность, вносящія неувѣренность во всѣ разсчеты касательно ея возможныхъ дѣйствій. Конечно каждая личность выходитъ изъ извѣстнаго народа, живетъ въ условіяхъ извѣстнаго времени; но именно то, что̀ дѣлаетъ ее личностью, именно ея индивидуальная самобытность не можетъ быть объяснена изъ этихъ общихъ условій и всегда въ своей сущности представляетъ собою нѣчто новое, самобытное. Каждая личность, воспользовавшись всѣмъ тѣмъ достояніемъ, которое принадлежитъ извѣстному народу, не ограничивается рабскимъ усвоеніемъ его, а перерабатываетъ его сообразно съ своими индивидуальными особенностями и создаетъ для себя особый міръ, въ которомъ она живетъ и движется и для котораго работаетъ, хотя бы онъ по своимъ цѣлямъ нѣсколько или даже весьма

---

[1]) Мысль Канта въ его «Идеѣ всемірной исторіи съ космополитической точки зрѣнія» 1874 г. См. Laurent, La Philosophie de l'Histoire, Paris. 1880, стр. 96.

рѣзко отступалъ отъ цѣлей всѣхъ остальныхъ, тѣмъ самымъ внося новый элементъ въ общую жизнь и не давая ей застояться въ одномъ и томъ же положеніи. Когда личность оказывается особенно одаренною этою самобытностью, то она съ своимъ самосозданнымъ міромъ и съ своими индивидуальными цѣлями вторгается въ самый ходъ всемірной исторіи и производитъ въ немъ перевороты. Великій геній, каковымъ терминомъ обозначается подобная личность, творчески воздѣйствуетъ на окружающую жизнь, подобно молніи падаетъ въ мертвую неподвижную массу другихъ, недостаточно развившихъ въ себѣ самодѣятельность личностей, и воспламеняетъ ее, воодушевляя къ достиженію поставленныхъ ею цѣлей. Тогда въ народахъ происходитъ необычайное движеніе, и совершаются величайшія событія, которыя безъ такого случайнаго воздѣйствія генія не совершились бы—по крайней мѣрѣ въ данный моментъ. Появленіе и дѣйствіе такихъ личностей случайнѣе — въ иномъ смыслѣ этого слова, чѣмъ напр. ударъ молніи въ сухое дерево и происходящій отсюда пожаръ, и существенное отличіе этихъ случаевъ между собою заключается въ томъ, что послѣдняя случайность всегда предполагаетъ за собою опредѣленный, необходимый законъ (хотя быть можетъ еще и не открытый, а только предполагаемый), между тѣмъ какъ первая сводится на саму личность съ ея сознаніемъ своего самоопредѣленія по существу и потому съ нею необходимо связывается совершенно чуждый естественнымъ дѣйствіямъ элементъ отвѣтственности за совершенное дѣяніе. Еще случайнѣе въ указанномъ смыслѣ, чѣмъ личность, оказывается отношеніе человѣка къ природѣ, которая хотя лежитъ внѣ его существа, однакоже оказываетъ на него чрезвычайно важное вліяніе. Извѣстный зародышъ ростетъ успѣшно или чахнетъ, развивается правильно или ненормально, полно или односторонне — смотря по обстоятельствамъ, при которыхъ ему пришлось развиваться. Также и на личность условія окружающей природы могутъ оказывать самое глубокое вліяніе, такъ что каждая личность такъ или иначе приспособляется къ этимъ условіямъ и можетъ оказаться неприспособленною къ условіямъ другой природы. Особенно большое значеніе въ этомъ отношеніи имѣютъ географическія условія въ ихъ

общемъ объемѣ, форма земной поверхности и распредѣленіе на ней народовъ, именно для ихъ взаимныхъ отношеній, для характера ихъ жизни и для всей ихъ судьбы, такъ что даже не безъ доли основанія явилось мнѣніе, что еще до появленія человѣческаго рода самой формой земной поверхности былъ предначертанъ весь ходъ его исторіи. Такимъ образомъ каждой личности, какъ самобытному явленію, случайно приходится встрѣчаться съ условіями, которыя такъ или иначе могутъ направлять ея развитіе независимо отъ внутренняго самоопредѣленія. Но еще большій просторъ подобныя случайности, какъ явленія, необъяснимыя никакими неизмѣнными законами, имѣютъ въ широкой области возможностей, непредвидѣнно осуществляющихся вслѣдствіе случайнаго совпаденія внѣшнихъ условій и обстоятельствъ съ цѣлями и дѣлами людей. Каждое изъ этихъ обстоятельствъ, взятое въ отдѣльности, можетъ имѣть совершенно достаточныя, доступныя познанію основанія; но случайность ихъ обнаруживается именно въ ихъ неожиданности, такъ что случись тоже обстоятельство въ другое время, оно не имѣло бы никакого значенія, произойдя же въ данный именно моментъ, оно производитъ громадныя послѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, смерть человѣка есть самое обычное и необходимое явленіе, и умри Александръ Великій 70 или 80 лѣтъ отъ роду, его смерть конечно была бы отмѣчена въ исторіи, но она вѣроятно не имѣла бы тѣхъ послѣдствій, которыя повлекла за собою та случайность, что онъ умеръ всего 32 лѣтъ отъ роду, вслѣдствіе чего сразу рушилась вся съ такимъ трудомъ созданная имъ всемірная монархія. Буря на моряхъ также есть обычное явленіе; но когда такая буря совпала съ выходомъ великой армады для подавленія протестантизма и разсѣяла ее, то послѣдствія этой случайности имѣли громадное значеніе въ исторіи Европы. Суровыя зимы въ Россіи повторяются нерѣдко и не составляютъ ничего особеннаго, но когда одна изъ особенно суровыхъ зимъ совпала съ походомъ Наполеона I въ Россію и причинила величайшую бѣдственность непобѣдимой дотолѣ арміи военнаго генія, то эта случайность опять повлекла за собою громадныя слѣдствія. Пуля направлялась въ грудь великаго императора, вступившаго въ отчаянный полтавскій бой, долженствовавшій рѣшить,

кому распоряжаться судьбою сѣвера Европы. Уклонись она на полдюйма вправо или влѣво, и великій царь палъ бы бездыханнымъ и всѣ исполинскія усилія его рушились бы отъ этой случайности. Но пуля выдержала свое направленіе и ударила какъ разъ въ тотъ пунктъ на груди, гдѣ висѣлъ крестъ, и встрѣтивъ это непроницаемое препятствіе, отскочила, и судьба сѣверной Европы была рѣшена въ пользу русскаго царя.

Такими случайностями переполнены лѣтописи исторіи. На всемъ ея протяженіи мы то и дѣло видимъ, какъ въ ней совершается какой-то неуловимый калейдоскопъ необъяснимыхъ случайностей и самыхъ странныхъ совпаденій. Отъ какого нибудь ничтожнѣйшаго самого по себѣ явленія происходятъ величайшія событія; какая нибудь случайность, происшедшая именно въ данный, а не другой моментъ, создаетъ или разрушаетъ счастье отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ народовъ. Человѣкъ прибѣгаетъ къ какимъ нибудь страшнымъ усиліямъ, напрягаетъ всѣ силы своего ума для достиженія той или другой цѣли, и вдругъ по какой-либо странной случайности всѣ эти усилія разлетаются въ прахъ или приводятъ какъ разъ къ противоположной цѣли; или наоборотъ изъ самыхъ ничтожныхъ явленій развиваются событія, поражающія своею неожиданною важностью. „Нить, на которой повидимому виситъ цѣлый міръ событій, часто въ самый рѣшительный моментъ обрывается и такимъ образомъ не осуществляется множество такихъ событій, которыя иначе непремѣнно осуществились бы; съ другой стороны нить, которая повидимому готова порваться во всякій моментъ, чудесно сохраняется, хотя бы достаточно было самаго ничтожнаго напряженія, чтобы она порвалась и вслѣдствіе этого весь дальнѣйшій ходъ исторіи получилъ бы совсѣмъ другое направленіе. Наконецъ изъ самыхъ далекихъ областей случайно сталкиваются между собою самыя разнородныя, совершенно чуждыя между собой вещи и производятъ чрезъ это событія, которыя дѣлаютъ цѣлую эпоху въ исторіи“ [1]). Эта пестрота неуловимыхъ и необъяснимыхъ

---

[1]) Haug, Allgem. Geschichte, стр. 43. Нѣсколько страницъ тому же

случайностей представляетъ самую характеристическую черту исторіи,—ту черту, которая прежде и больше всего представляется непосредственному наблюденію. Но уже по этому самому ясно, что это лишь одна сторона историческаго міра и притомъ самая внѣшняя. Тотъ, кто не въ состояніи открыть въ немъ еще другой какой либо стороны, отнюдь не можетъ быть названъ глубокимъ историкомъ, какъ таковымъ не можетъ быть названъ напр. Вольтеръ, который полагалъ, что крестовые походы, повлекшіе за собою громадныя жертвы людьми и произведшіе цѣлый нравственно-соціальный переворотъ въ Европѣ, произошли вслѣдствіе проповѣди какого-то полоумнаго Петра Амьенскаго, такъ что во-время пришиби турки этого страннаго пилигрима, они, да и европейскіе народы избавились бы отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій, которыми сопровождались для нихъ эти походы [1]); или что реформація произошла вслѣдствіе случайной ссоры монаховъ между собою, такъ что не будь этой ссоры между августинцами и доминиканцами изъ-за права вести выгодный торгъ индульгенціями, не произошло бы и реформаціи [2]); или что происшедшая уже реформація нашла себѣ сочувствіе въ Сѣверной Европѣ и не имѣла успѣха на югѣ потому, что сѣверные народы были бѣднѣе южныхъ, и, не имѣя возможности покупать индульгенцій по высокой цѣнѣ, съ досады порѣшили совсѣмъ отвергнуть папство и принять болѣе дешевую религію. Тотъ, говоримъ, кто сталъ бы ограничиваться въ разсмотрѣніи судебъ исторіи подобными наблюденіями и объясненіями, не получилъ бы названія глубокаго историка. Поэтому всякая, болѣе или менѣе серьезная мысль не останавливается на пестрой игрѣ внѣшнихъ случайностей, а старается заглянуть внутрь ихъ, на ту общую основу, на которой происходитъ эта внѣшняя игра; и когда она дѣйствительно проникаетъ глубже, то видитъ предъ собой совершенно иную картину. „Если на поверхности наблюдателю представляется безконечно богатое и

предмету посвящено въ сочиненіи проф. *Н. И. Карѣева*, Основные вопросы философіи исторіи, т. I, стр. 198—211.

[1]) См. его Essai sur les Moeurs, II, гл. LIV, стр. 263 (XVIII томъ общаго собранія его сочиненія 1829 и сл. год.).

[2]) Тамъ же т. III, стр. 446.

разнообразное зрѣлище явленій, которыя въ своей крайней разрозненности повсюду ускользаютъ отъ всякой попытки связать и осмыслить ихъ; то съ другой стороны—подъ ними серьезный мыслитель замѣчаетъ неподвижное единство, которое стремится связать все это живое, непрестанно движущееся разнообразіе въ твердыя формы и опять поглотить его въ нѣдрахъ всеобщихъ началъ; но никогда не удается ни одной изъ этихъ сторонъ окончательно одолѣть другую и чрезъ это вполнѣ достигнуть своей цѣли. Принципы, лежащіе въ основѣ обѣихъ этихъ сторонъ, тамъ случай и индивидуальная свобода, здѣсь необходимость, составляютъ громаднѣйшую противоположность, которую тщетно старается понять и сгладить разумъ: ихъ сосуществованіе и взаимодѣйствіе есть глубочайшая загадка бытія, вслѣдствіе чего и общій результатъ ихъ — исторія, пеструю ткань которой производятъ онѣ, столь таинственна въ своемъ процессѣ. Мы ясно видимъ, какъ вслѣдствіе этой путаницы сталкивающихся между собою вліяній развитіе, хотя быть можетъ и съ уклоненіями, которыя однакоже сглаживаются въ общемъ, продолжаетъ свой тихій размѣренный ходъ, какъ ему часто чудесно содѣйствуетъ самый случай, какъ разрозненность и раздвоеніе опять возвращаются къ единству, и свобода, какъ бы сдерживаемая невидимыми узами, никогда не можетъ слишкомъ далеко уклониться отъ него, даже повидимому въ самыхъ случайнѣйшихъ и капризнѣйшихъ проявленіяхъ человѣческой жизни— поразительнымъ образомъ просвѣчиваетъ законъ“ [1]).

Такой именно двусторонній процессъ и представляетъ собою міръ историческихъ явленій для всякаго мыслящаго наблюдателя. Для наглядности его можно сравнить съ океаномъ. На поверхности его подъ вліяніемъ разныхъ случайностей происходятъ движенія, не подчиняющіяся никакимъ опредѣленнымъ законамъ, такъ что всякое парусное судно вполнѣ находится во власти капризной стихіи; но если мы взглянемъ вглубь, то увидимъ совершенно правильныя движенія водъ, въ опредѣленныхъ направленіяхъ и

---

[1]) Haug, Allgem. Geschichte, p. 44.

по опредѣленнымъ законамъ, очевидно въ силу естественной необходимости, такъ что эти теченія могутъ составлять предметъ точнаго изученія и даже изображенія на географическихъ картахъ. И обѣ эти стороны сосуществуютъ въ одномъ и томъ же процессѣ. Тоже самое представляетъ и исторія. И эта двусторонность ея была уже замѣчена въ самое древнее время, и тогда же мысль начала дѣлать попытки согласить между собою эти двѣ повидимому несогласимыя стороны историческаго процесса и найти такую общую основу, на которой онѣ могли бы найти себѣ примиреніе въ общемъ синтезѣ. Но замѣчательно, что при этихъ попыткахъ, лишь только мысль старалась найти какой нибудь общій принципъ, который могъ бы послужить всеобъемлющимъ началомъ, она рѣдко удерживалась на равновѣсіи этихъ двухъ сторонъ и всегда отдавала предпочтеніе какой либо одной изъ нихъ, или законосообразность принося въ жертву случайности, или наоборотъ—случайность въ жертву законосообразности. Такъ какъ послѣдняя представляетъ больше возможности для научнаго созерцанія, подкупая устойчивостью своего движенія, столь необходимаго для подведенія явленій подъ опредѣленные законы, то неудивительно, что эта именно сторона, по которой исторія выступаетъ какъ міръ необходимости, была излюбленной темой научнаго историческаго міросозерцанія. Какъ и вездѣ, тутъ также сказалась извѣстная ограниченность человѣческаго ума, который не въ состояніи обнять истины во всей ея полнотѣ и почти всегда воспринимаетъ ее лишь съ одной какой либо стороны. Вотъ почему всѣ главнѣйшія попытки осмыслить историческій процессъ съ точки зрѣнія высшаго начала сводятся какъ въ древнее, такъ и въ новое время къ тому, что въ смыслѣ этого начала выдвигается необходимость въ той или другой ея формѣ и историческое движеніе мыслится какъ движеніе по неизмѣннымъ законамъ, поглощающимъ собою всѣ частныя, такъ называемыя случайныя явленія. Свобода человѣческихъ дѣйствій съ этой точки зрѣнія есть лишь обманчивый призракъ, обманъ самочувствія, разсѣевающійся подъ строгимъ анализомъ научнаго изслѣдованія, и она не можетъ быть понимаема иначе, какъ свобода или случайность метеорологическихъ явленій, которыя кажутся случайными лишь потому, что мы еще

не имѣемъ возможности услѣдить связь ихъ съ управляющею или необходимостью. Въ доказательство этого приводилось много всевозможныхъ соображеній и между прочимъ особенно большое употребленіе дѣлалось изъ показаній статистики, которая даетъ возможность услѣдить поразительную правильность въ повторяемости въ извѣстные періоды даже такихъ явленій, которыя на обыденный взглядъ кажутся наиболѣе случайными и произвольными, какъ напр. количество повторяющихся ежегодно преступленій и даже случаевъ опусканія въ почтовые ящики писемъ безъ адреса [1]. Въ частностяхъ этотъ взглядъ весьма разнообразился. Отыскивая основную исходную точку, мыслители этого направленія перебрали почти все, что только имѣетъ какое либо замѣтное вліяніе на судьбу человѣка, и указывали напр. на климатъ, на климатъ и почву вмѣстѣ, на всю природу вообще, на составъ крови и т. далѣе; но основная тенденція его заключалась въ томъ, чтобы низвесть историческій процессъ на почву безусловной необходимости, подвесть его подъ тѣ неизмѣнные, роковые законы, которыми управляется весь остальной міръ—во всемъ его объемѣ. Это воззрѣніе, которому особенную систематизацію придалъ Огюстъ Контъ, нашло себѣ въ новѣйшее время наиболѣе послѣдовательнаго выразителя въ лицѣ одного изъ самыхъ популярныхъ философствующихъ мыслителей нашего времени, именно Спенсера, который сдѣлалъ широкое примѣненіе къ исторіи и соціологіи того, что извѣстно подъ названіемъ эволюціи. Весь міръ, по этой теоріи, находится подъ безусловнымъ господствомъ общихъ неумолимыхъ законовъ, которые имѣютъ роковую тенденцію производить движеніе въ томъ или другомъ направленіи, и это движеніе есть развитіе или эволюція, которая по этому самому совершается съ безусловною необходимостью. Никакія посторонняя или случайныя вліянія не въ состояніи остановить, замедлить или усилить это развитіе: оно совершается съ такою же роковою необходимостью, какъ рѣка катитъ свои воды по наклонной плоскости къ морю. Человѣкъ съ своими дѣйствіями

---

[1] Съ особенною настойчивостью на этихъ фактахъ останавливался Бокль въ своей «Исторіи цивилизаціи Англіи».

и затѣями есть лишь одно изъ проявленій этой эволюціи, въ которой утопаетъ всякая его свобода, и міръ общественной жизни и историческихъ явленій движется самъ собою безъ всякаго съ его стороны участія въ этомъ отношеніи. Чтобы придать извѣстную правдоподобность этой теоріи, въ ней въ полномъ объемѣ выдвигается идея организма, живущаго и развивающагося по своимъ неизмѣннымъ законамъ, — но эта постановка нисколько не спасаетъ личности человѣка, которая совершенно теряется въ органическомъ процессѣ и самая исторія перестаетъ быть областью свободнаго движенія къ опредѣленной, сознательнопоставленной цѣли, а превращается въ роковой процессъ, въ которомъ не можетъ быть рѣчи даже о прогрессѣ или усовершенствованіи — въ собственномъ смыслѣ этого слова [1]). Въ самомъ дѣлѣ, если личность настолько ничтожна, что она даже не принимается во вниманіе этимъ процессомъ, то нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что этотъ процессъ есть именно прогрессивный, и напротивъ можно указать не мало условій, которыя дѣлаютъ его рѣшительно регрессивнымъ, хотя бы потому, что сила солнечнаго свѣта, производящаго и поддерживающаго органическую жизнь на землѣ, по астрономическимъ соображеніямъ, изъ года въ годъ ослабѣваетъ, рисуя весьма непріятную перспективу состоянія, когда земля за недостаткомъ свѣта и тепла должна будетъ превратиться въ мертвую планету. Но и помимо такой перспективы, эта теорія, приносящая личность въ жертву необходимости, тѣмъ самымъ подрываетъ всякій смыслъ въ историческомъ процессѣ. Исторію мы можемъ мыслить (какъ справедливо замѣчаетъ проф. Карѣевъ), только предполагая существованіе личности, какъ особаго начала, отличнаго отъ органической жизни, способнаго влiять на нее и обладающаго способностью создавать нѣчто такое, чего не можетъ создать никакой органическій процессъ, способностью создавать особый міръ надъ-органическій, судьба котораго и составляетъ главное содержаніе исторіи. Разъ

---

[1]) Обстоятельное изложеніе этой теоріи сдѣлано въ сочиненіи *Карѣева*, Основные вопросы философіи исторіи и въ *его же* Сущность историческаго процесса (Спб. 1890 г.), въ разныхъ мѣстахъ.

будетъ отвергнуто самостоятельное значеніе личности, потеряетъ всякій смыслъ и исторія, и останется одна соціологія, въ которой дѣйствуютъ тѣже законы, что и въ зоологіи.

Результатъ очевидно весьма неутѣшительный. Неудивительно, что онъ не могъ удовлетворить даже самыхъ сторонниковъ эволюціи, и напр. проф. Карѣевъ, въ общемъ примыкая къ теоріи эволюціи, нашелъ однакоже необходимымъ уклониться отъ строгаго ея развитія, и въ своихъ философскоисторическихъ трудахъ поставилъ задачей придать нѣкоторое значеніе личности въ исторіи. Безъ личности, какъ самодѣятельнаго начала, по его воззрѣнію, не можетъ быть мыслима самая исторія, такъ какъ личность есть именно то реальное существо, для котораго существуютъ всѣ соціально-историческія формы и помимо котораго онѣ теряютъ всякій смыслъ [1]). Но разъ признана личность, какъ самобытное существо, способное создавать нѣчто несуществующее помимо ея, эволюція какъ органическій процессъ оказывается совершенно непримѣнимой къ исторіи, и если мы будемъ стараться удержать эволюцію, то придемъ къ странному противорѣчію, что личность, какъ необходимый продуктъ общаго развитія, имѣетъ въ себѣ однакоже способность вліять на это развитіе, ставить самосознательныя цѣли и вырабатывать извѣстныя формы, способствующія ихъ достиженію. Чтобы избѣгнуть этого противорѣчія, теорія должна представлять себѣ личность не болѣе, какъ извѣстную среду, чрезъ которую проходитъ извѣстный процессъ и благодаря которой образуется нѣчто новое лишь по формѣ, а не по существу,— подобно тому, какъ растеніе представляетъ такую именно среду, пройдя чрезъ которую извѣстные неорганическіе или органическіе элементы получаютъ новую форму, но по существу остаются одними и тѣми же. Въ такомъ случаѣ защита личности оказывается совершенно призрачною, фактъ ея несомнѣннаго значенія въ исторіи остается попрежнему неразъясненнымъ и самый процессъ исторіи непонятнымъ и безцѣльнымъ. Главное дѣло безцѣльнымъ; потому

---

[1]) Осн. вопросы ф. и., т. I, стр. 401—2.

что доказывать, что сущность историческаго процесса есть прогрессъ, какъ это и доказываетъ проф. Карѣевъ, значитъ утверждать нѣчто такое, что не имѣетъ для себя достаточныхъ основаній въ самомъ значеніи такъ понимаемой личности. Это сомнѣніе въ устойчивости такого воззрѣнія невольно и сказалось въ томъ, что тотъ же философствующій историкъ нашелъ невозможнымъ построить какой-либо общій планъ для исторіи человѣчества и даже отрицаетъ его въ принципѣ [1]). Вмѣсто построенія такого плана, онъ посвящаетъ себя весьма кропотливому и утомительному труду, стараясь показать, какъ, какими путями, изъ чего, подъ вліяніемъ какой общей тенденціи личности ведутъ ту многовѣковую работу, которая извѣстна подъ названіемъ исторіи, и результатъ получается самый ничтожный: уясняется нѣсколько черновая, такъ сказать сторона историческаго процесса, но совершенно въ сторонѣ остается капитальный вопросъ: для какой высшей цѣли ведется весь этотъ трудъ, причиняющій столько радостей и горя, требующій такихъ колоссальныхъ усилій и такого геройства, кто главный управитель этой работы и, слѣдовательно, составитель ея плана, и кто будетъ награждать за успѣшное выполненіе его? Однимъ словомъ высшая телеологія, вызываемая самымъ понятіемъ сознательнаго труда сознательныхъ дѣятелей на поприщѣ исторіи, не находитъ себѣ здѣсь никакого удовлетворенія. Такой изслѣдователь исторіи уподобляется, по сравненію одного американскаго писателя, человѣку, который, впервые увидѣвъ величественный соборъ въ Кёльнѣ, и изучивъ его составъ, самый матеріалъ, изъ котораго онъ сдѣланъ, самый процессъ работы надъ нимъ, всѣ техническія подробности постройки, вообразилъ, что онъ составилъ себѣ полное понятіе объ этомъ предметѣ. Но конечно, если бы онъ остановился на этомъ только изслѣдованіи, а не разрѣшилъ бы себѣ главнаго вопроса, для чего собственно создано это величественное зданіе, то его понятіе о немъ было бы далеко неполнымъ и въ сущности совершенно неяснымъ [2]).

---

[1]) Основные вопросы Ф. И., т. I, стр. 205 и сл.

[2]) McCosh, The Method of Divine Government, 13-е изд.

Такимъ образомъ міръ историческихъ явленій съ разсмотрѣнной точки зрѣнія оказывается совершенно непостижимымъ. Это какая-то загадка, для которой нѣтъ ни малѣйшихъ данныхъ, наводящихъ на ея разрѣшеніе. И особенно непостижимы становятся тѣ явленія исторіи, которыя составляютъ самую характеристическую черту ея, именно явленія, въ которыхъ личный элементъ съ его сознательными цѣлями и стремленіями становится въ противорѣчіе съ подавляющими его враждебными силами, въ которыхъ страшныя усилія сознательныхъ существъ рушатся отъ бездушной случайности и страшное горе чувствующихъ существъ не находитъ себѣ нигдѣ ни малѣйшаго отголоска или сочувствія, въ которыхъ преждевременно гибнущія личности и цѣлые народы оказываются жертвой какой-то безчувственной эволюціи. Нѣтъ, такая теорія не можетъ удовлетворить ни разума, ни чувства, оставляя по себѣ лишь горестное сознаніе безпомощности и безцѣльности самаго бытія. Къ счастью существуетъ еще одна теорія, которая, не разъясняя всѣхъ явленій историческаго процесса (а какая же теорія при ограниченности человѣческаго знанія можетъ заявлять претензію на полное постиженіе его?), однакоже во многихъ отношеніяхъ представляетъ громадное преимущество предъ изложенной и всѣми сродными съ ней, и именно потому, что она вводитъ новаго фактора въ исторію, расширяетъ историческій кругозоръ до безконечности и тамъ находитъ принципъ, способный обнять все, что не можетъ подходить ни подъ какія другія теоріи. Эта теорія есть провиденціальная, выдвигающая въ качествѣ объединительнаго принципа для

1887 года.—Правда, и сторонники эволюціи, какъ Спенсеръ и проф. Карѣевъ, не хотятъ вполнѣ оставить этого вопроса безъ отвѣта, и указываютъ цѣль прогресса въ достиженіи высшаго счастья, понимая подъ нимъ полное совпаденіе стремленій съ цѣлями, и даже рисуютъ идеальную картину вполнѣ осуществимаго на землѣ счастья. Но въ этомъ они лишь повторяютъ зады древнихъ «идеальныхъ республикъ», отнюдь не внося большей основательности въ свою расплывающуюся до слащавости аргументацію, не говоря уже о томъ, что вполнѣ оставляютъ въ сторонѣ капитальную проблему о з л ѣ, какъ принципѣ, противодѣйствующемъ всякому добру. См. изложеніе и критику этого воззрѣнія въ лекціяхъ П. С. *Астафьева*, Смыслъ исторіи (2 лекціи).

обѣихъ сторонъ историческаго процесса идею Промысла, и эта-то именно идея и нашла себѣ геніальное развитіе въ трудахъ бл. Августина и Боссюэта.

Идея Промысла въ примѣненіи къ исторіи не новая. Напротивъ она, коренясь какбы въ инстинктивномъ чувствѣ человѣка, невольно чувствующаго свою зависимость какъ разумнаго существа отъ такого же, но высшаго Существа, есть самая древняя изъ теорій, выдвигавшихся для объясненія смысла историческаго процесса. Уже древній языческій умъ предполагалъ, что міръ историческихъ явленій, представляющій такое чудесное разнообразіе повидимому случайныхъ, вѣчно сталкивающихся между собою, но не саморазрушающихся, борящихся, но не самоуничтожающихся фактовъ, и напротивъ изъ всего своего безпорядочнаго движенія направляющихся къ достиженію опредѣленныхъ цѣлей, не можетъ быть предполагаемъ безъ существованія всеуправляющаго высшаго Разума. Эта мысль впервые была высказана Анаксагоромъ и нашла сочувственный отголосокъ у послѣдующихъ поэтовъ и историковъ, хотя и получила весьма слабое развитіе. Умъ древняго человѣка, находясь еще подъ подавляющимъ вліяніемъ внѣшнихъ силъ природы, выступавшихъ въ качествѣ олицетворенныхъ существъ, былъ не въ состояніи скоро придти къ ясному разумѣнію высшаго разума во всѣхъ свойствахъ его безконечнаго совершенства, и Анаксагоръ повидимому ограничивалъ его дѣйствіе неопредѣленною областью вселенной, не касаясь спеціальнаго участія его въ дѣлахъ собственно человѣческихъ. Яснѣе примѣнилъ эту идею къ судьбамъ народовъ Эсхилъ, который въ своей трагедіи *Персы*, поставивъ вопросъ, почему этотъ могущественный народъ потерпѣлъ пораженіе отъ слабыхъ грековъ, пришелъ къ тому отвѣту, что причина эта вовсе не въ сравнительныхъ силахъ самихъ народовъ, а заключается выше ихъ, именно во всеограничивающей и всеуравнивающей длани боговъ. Персы потерпѣли пораженіе за свою чрезмѣрную гордость, которою они нарушили равновѣсіе, установленное богами, и за это понесли должное наказаніе. Тутъ ясно выступаетъ идея высшаго разума не только все устраняющаго согласно съ требованіями своей разумно-

сти, но и прямо вмѣшивающагося въ дѣла людей, чтобы воспрепятствовать имъ въ нарушеніи этого гармоническаго устройства или равновѣсія. Еще шире въ смыслѣ конкретнаго примѣненія къ историческимъ явленіямъ эта идея выступаетъ у Геродота, отца исторіи. Чрезъ всѣ его знаменитыя историческія книги проходитъ та повсюду замѣтная и намѣренно выдвигаемая мысль, то ходъ историческихъ судебъ человѣчества не есть сцѣпленіе совершенно безпорядочныхъ явленій, что напротивъ въ основѣ ихъ лежитъ общій законъ, котораго нельзя преступать безъ нарушенія справедливости, какъ основнаго принципа всякой жизни, и что всякое такое нарушеніе непремѣнно вызываетъ вмѣшательство Немезиды, которая грозно караетъ нарушителей существующаго равновѣсія. Богъ, какъ олицетвореніе этого закона, установилъ опредѣленный порядокъ въ мірѣ, и онъ же опредѣляетъ долговѣчность царствъ, сообразуетъ наказанія со степенью преступности и смиряетъ гордыхъ. Свою волю онъ открываетъ въ оракулахъ, иногда въ сновидѣніяхъ, а иногда и въ личныхъ представителяхъ своихъ на землѣ—особенно одаренныхъ людяхъ, а болѣе всего въ такихъ грозныхъ явленіяхъ, какъ землетрясеніе, необычайныя знаменія, непредвидѣнныя случайности, служащія для городовъ и царствъ нѣмыми признаками угрожающей гибели или страшныхъ бѣдствій [1]). Отсюда ясно, что въ исторической жизни допускается вліяніе высшаго существа, которое наблюдаетъ за сохраненіемъ установленнаго порядка и во имя справедливости караетъ его нарушителей. Но эта справедливость еще весьма условна, и она едва возвышается надъ уровнемъ простого механическаго уравнителя, не допускающаго преобладанія однихъ вещей надъ другими — изъ опасенія, чтобы это преобладаніе не повело къ разрушенію всего. Въ ней нѣтъ нравственнаго отношенія къ человѣку, нѣтъ любви, которая сорадовалась бы его благосостоянію; напротивъ, какъ сила бездушноуравнивающая, она даже способна завидовать ему, и достигнутое

---

[1]) Fr. Rougement, Les deux cités, t. I, p. 216. Также Laurent, La Grèce, въ отдѣлѣ историковъ и поэтовъ и во введеніи къ Philosophie de l'histoire.

собственными усиліями счастье навлекаетъ на человѣка такое же мщеніе, какъ и нарушеніе вообще всякаго равновѣсія. Счастливецъ Поликратъ, чтобы устранить этотъ завистливый взглядъ Немезиды, долженъ былъ хоть искусственно сдѣлать себя несчастнымъ, бросая въ море свое драгоцѣнное кольцо [1]). Тутъ очевидно мысль, допуская существованіе міросохраняющей силы, поддерживающей въ мірѣ порядокъ, не дошла еще до представленія о томъ, чтобы допускать бытіе Существа, способнаго стать выше этого мертваго механизма разъ установленныхъ отношеній и сознающаго себя достаточно мудрымъ, чтобы, позволяя человѣку уклоняться отъ существующей нормы, умѣть направлять его и въ этихъ уклоненіяхъ къ достиженію порядка, стоящаго выше наличнаго. Мысль у Геродота очевидно не предполагаетъ возможности, чтобы совокупностью свободно разумныхъ усилій можно было достигать высшаго совершенства; напротивъ его божество боится всякаго уклоненія отъ существующаго порядка, опасаясь, что вслѣдствіе такого уклоненія все пойдетъ вверхъ дномъ. Такое воззрѣніе въ корнѣ подрываетъ основной принципъ жизни—стремленіе къ усовершенствованію, которое именно и производится тѣмъ, что въ наличномъ положеніи вещей дѣлаются постоянныя измѣненія, направляемыя къ лучшему. А въ такомъ случаѣ самый міръ историческихъ явленій не есть міръ прогресса, а міръ постояннаго повторенія разъ установленныхъ формъ, и вслѣдствіе этого становится лишнимъ самый вопросъ о планѣ исторіи и ея смыслѣ. Въ ней нѣтъ никакого смысла, какъ нѣтъ его въ болотѣ, для обитателей котораго главную грозу представляетъ цапля, сторожащая на берегу, чтобы поглотить всякаго такого обитателя, который неосторожно болѣе чѣмъ слѣдуетъ выдвинется изъ своей грязной стихіи.

Въ этомъ античномъ воззрѣніи очевидно сказалось общее міросозерцаніе древняго человѣка, чувствовавшаго на себѣ неотразимое

---

[1]) Herod. III, 40, 41. Ср. I, 34—о судьбѣ Креза. Въ своей знаменитой рѣчи къ Крезу аѳинскій мудрецъ Солонъ, предостерегая его не слишкомъ гордиться своимъ внѣшнимъ счастьемъ, прямо говорилъ ему: τὸ θεῖον πᾶν ἐὸν φθονερὸν—«завистливо божество»,—I, 32.

давленіе окружающаго міра. Человѣкъ не могъ освободиться отъ такого воззрѣнія, пока въ немъ не явилась идея, что въ природѣ человѣческаго существа есть кромѣ внѣшней еще внутренняя сущность, которая независима отъ случайностей внѣшняго бытія, что эта сущность живетъ по своимъ особымъ законамъ и имѣетъ свою самостоятельную цѣнность, что сущность эта нравственная и потому нуждающаяся въ нравственыхъ отношеніяхъ. Какъ нравственное существо, человѣкъ нуждается не въ одной только уравнивающей справедливости, которая неблагопріятна всякому самостоятельному усилію воли, а кромѣ того и въ любви, которая бы сочувствовала добрымъ усиліямъ и своею мудростью поддерживала и поощряла ихъ. Онъ нуждается не въ слѣпой силѣ, которая неизмѣнно повторялась бы въ своихъ дѣйствіяхъ при одинаковыхъ условіяхъ, но которая вела бы человѣка и весь міръ къ одной опредѣленной цѣли, а цѣль эта состоитъ въ достиженіи лучшаго состоянія, чѣмъ то, въ которомъ находится наличная дѣйствительность. А такая потребность и находитъ себѣ единственное удовлетвореніе въ христіанской идеѣ Промысла, предполагающей именно бытіе Существа не только безконечно справедливаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безконечно любящаго, со всѣми вытекающими отсюда слѣдствіями. Съ точки зрѣнія этой именно идеи возможно не только уяснить себѣ смыслъ исторіи, но и составить себѣ и представленіе о томъ планѣ, который положенъ въ основу ея и которымъ объясняются до извѣстной степени всѣ явленія, неспособныя уложиться ни въ какое другое историческое воззрѣніе.

Если разсмотрѣнное выше воззрѣніе эволюціонизма дѣлаетъ „единственнымъ факторомъ исторіи (человѣческую) личность“ [1]), а античное воззрѣніе—Немезиду, вслѣдствіе чего въ томъ и другомъ случаѣ мысль отказывается отъ возможности составить себѣ разумный планъ всемірно-исторической жизни, то съ другой стороны христіанское воззрѣніе дѣлаетъ главнымъ факторомъ исторіи Бога, какъ существо всемогущее, всеправедное и вселюбящее, а второстепеннымъ факторомъ является человѣческая личность, какъ по

---

[1]) *Н. И. Карѣевъ*, Осн. вопросы Ф. И., т. I, стр. 155.

своему существу составляющая образъ Божій, а по своей дѣятельности стремящаяся достигнуть подобія Ему. Богъ, по выразительному свидѣтельству бл. Августина, есть тотъ принципъ, отъ котораго зависитъ весь міръ въ его стройномъ составѣ и движеніи. Сотворивъ человѣка разумнымъ, давъ всему порядокъ, подчинивъ все мѣрѣ, числу и вѣсу, водворивъ повсюду добрую гармонію, „не оставивъ не только неба и земли, не только ангела и человѣка, но и внутренностей самаго малаго и самаго презрѣннаго одушевленнаго, и перышка птицы, и цвѣтка травы, и листка дерева безъ того, чтобы не дать имъ извѣстной соразмѣрности въ ихъ частяхъ и въ своемъ родѣ взаимнаго согласія, Богъ конечно не могъ оставить внѣ законовъ своего провидѣнія царства человѣческія и ихъ положенія, господственныя и подчиненныя“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ прямо утверждая это предполагаемое здѣсь положеніе, онъ же говоритъ, что „Богъ—виновникъ и податель счастья,—самъ раздаетъ земныя царства и добрымъ и злымъ. И дѣлаетъ Онъ это не безъ разбора и какбы случайно (поелику Онъ Богъ, а не фортуна), но сообразно съ порядкомъ вещей и времени,—порядкомъ для насъ сокровеннымъ, а Ему вполнѣ извѣстнымъ“ [2]). Такимъ образомъ вмѣсто бездушной судьбы или механической эволюціи вводится высшее личное начало, которое, являясь всеобъемлющимъ разумомъ и совершеннѣйшею справедливостью, обнимаетъ своею мудростью и любовію весь міръ и въ немъ все человѣчество, относясь къ нему какъ нравственное существо къ нравственному. Это отношеніе получаетъ характеръ Промышленія, въ которомъ все основывается на высшихъ нравственныхъ началахъ и поэтому все становится цѣлесообразнымъ. Богъ, какъ всесовершеннѣйшее существо, давъ бытіе міру не по какой нибудь нуждѣ въ немъ, а исключительно по своей безконечной благости и любви, чтобы дать и твари насладиться этими свойствами Его бытія, тѣмъ самымъ

---

[1]) О градѣ Божіемъ V, 11.

[2]) О градѣ Божіемъ IV, 33. Тоже и у Боссюэта, въ его «Разсужденіи о всемірной исторіи», франц. изд. Oeuvres, t. I, стр. 297 и 298: «Богъ царствуетъ надъ всѣми народами» и пр.

поставилъ цѣль жизни для всего живущаго и особенно для человѣка, какъ способнаго сознательно участвовать въ благахъ бытія, и эта цѣль есть достиженіе высшаго блага, какое только можетъ быть мыслимо разумнымъ существомъ, и именно пребываніе въ Богѣ, какъ высшемъ средоточіи высшаго блага. Благо увеличивается въ своей цѣнности, когда оно достигается собственными усиліями и собственнымъ самоопредѣленіемъ. Поэтому Богъ далъ человѣку **свободу**, какъ способность стремиться или не стремиться къ этому благу, достигать или не достигать его, возможность раздваиваться въ своемъ стремленіи, чтобы чрезъ побѣду надъ этимъ разладомъ съ одной стороны увеличивать цѣнность достигнутаго, а съ другой имѣть естественный стимулъ къ поступательному нравственному движенію и совершенствованію. Отсюда уже въ первобытномъ состояніи человѣка наступилъ извѣстный историческій процессъ въ смыслѣ планомѣрнаго и цѣлесообразнаго развитія, — но процессъ нормальный, въ которомъ элементы духа и плоти находились въ полномъ и совершенномъ равновѣсіи, центростремительное движеніе въ равновѣсіи съ центробѣжнымъ, при чемъ свобода, мотивируемая нравственною зависимостью отъ всемогущаго Творца, имѣла естественную наклонность давать преимущество первому, хотя и сохраняя возможность дѣйствовать въ обратномъ направленіи. На этомъ равновѣсіи человѣкъ однако не удержался. Злоупотребивъ своей свободой, онъ совершилъ преступленіе и палъ. Прежняя гармонія бытія была разрушена, невинное состояніе, относящееся къ тому періоду, который въ собственномъ смыслѣ можно назвать доисторическимъ, закончилось и наступилъ новый періодъ, который и есть періодъ дѣйствительной исторіи. Но эта исторія уже по этому самому есть исторія грѣховная. Соотношеніе силъ въ ней существенно измѣнилось, и центръ тяжести въ развитіи передвинулся въ сторону къ міру, т. е. дальше отъ Бога. Человѣкъ сдѣлался рабомъ грѣха и своихъ страстей и сознаніе своего истиннаго блага настолько ослабѣло и помрачилось въ немъ, что безъ высшей помощи онъ уже не въ состояніи былъ бы достигнуть его. Отсюда, если въ первобытномъ состояніи человѣкъ былъ вполнѣ правоспособенъ и вполнѣ могъ быть предоставленъ въ своемъ развитіи собственному

самоопредѣленію, то теперь онъ, потерявъ эту правоспособность, долженъ былъ подвергнуться сильному внѣшнему контролю, вслѣдствіе чего самая исторія получила характеръ процесса воспитательнаго, который какъ такой предполагаетъ внѣшнее руководительство въ направленіи къ опредѣленной цѣли, при помощи разныхъ поощрительныхъ и побудительныхъ средствъ [1]). Такой именно характеръ и носитъ на себѣ дѣйствительная исторія.

Но какъ планомѣрный, воспитательный процессъ, зависящій въ своемъ движеніи отъ опредѣленныхъ факторовъ, исторія можетъ быть мыслима только при предположеніи, что главный объектъ ея—человѣкъ есть существо, способное сохранять свой основной типъ во всемъ множествѣ представляющихъ его, смѣняющихся и размножающихся особей, что всѣ эти особи находятся въ неразрывной связи съ своимъ первоначальнымъ родоначальникомъ, т. е. другими словами, исторія предполагаетъ единство человѣческаго рода. Эта идея лишь смутно сознавалась въ древнемъ до-христіанскимъ мірѣ, выдвигавшемъ идею самобытности или автохфтонности отдѣльныхъ народовъ, и не разъ подвергалась сильнымъ нападкамъ и со стороны новѣйшей науки, предполагавшей нѣсколько центровъ происхожденія человѣка, пока эта послѣдняя теорія не нашла себѣ поразительное опроверженіе въ другой, самой распространенной теоріи эволюціи, допускающей не только единство человѣческаго рода, но даже и единство всего вообще органическаго міра [2]). Такой скачекъ положительной науки служитъ самымъ краснорѣчивымъ подтвержденіемъ библейской истины—единства человѣческаго рода, и эта истина составляетъ необходимый элементъ здраваго пониманія

---

[1]) Идея воспитанія явственно выдвигается бл. Августиномъ напр. въ Civ. Dei X, 14.

[2]) Въ этомъ фактѣ сказалась поразительная неустойчивость новѣйшихъ научныхъ теорій. Дѣлая чудовищный скачекъ отъ отрицанія единства человѣческаго рода къ утвержденію единства всего органическаго міра, новѣйшая наука олицетворила въ себѣ странный капризъ, какъ бы такъ говоря библейскому міросозерцанію: если ужъ нельзя отстоять неединства человѣческаго рода, то я пожалуй готова признать единство, но только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы включить въ него и обезьяну и весь органическій міръ,—такъ что выбирай любое, или неединство людей между собою, или же единство ихъ съ обезьяной...

всемірноисторическаго процесса. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ объясняется фактъ наслѣдственности, воспроизводящей въ послѣдующихъ особяхъ весь складъ нравственнаго и физическаго бытія родоначальника и извѣстную правильность въ самыхъ формахъ жизни, видоизмѣняющихся лишь подъ воздѣйствіемъ второстепенныхъ причинъ. Такъ какъ родоначальникъ совершилъ актъ, произведшій полное разрушеніе первоначальной гармоніи бытія, то этотъ разладъ въ силу наслѣдственности передался и всему человѣчеству, и вся его жизнь именно стала печальнымъ выраженіемъ этого разлада. На всемъ протяженіи исторіи мы повсюду видимъ этотъ именно разладъ, который составляетъ самую характеристическую черту историческаго процесса, разсматриваемаго въ его наличной, феноменальной дѣйствительности, и дѣлаетъ этотъ процессъ попреимуществу грѣховнымъ, а вслѣдствіе этого и необходимо бѣдственнымъ.

Такъ какъ весь историческій процессъ представляетъ собою результатъ дѣйствія факторовъ, стремящихся къ опредѣленной цѣли, то вслѣдствіе этого онъ есть процессъ прогрессивный. Идея прогресса опять есть идея, которой не зналъ древній міръ и которая находитъ свое полное оправданіе только съ точки зрѣнія идеи Промысла. Въ древнемъ мірѣ рѣшительно преобладала идея регресса, какъ стремленія къ постепенному ухудшенію, и она есть именно та идея, которая прежде всего дается непосредственному воспріятію и даже вытекаетъ изъ естественнаго мышленія человѣческаго ума. Напрасно проф. Н. И. Карѣевъ, кладущій въ основу своего философско-историческаго воззрѣнія идею прогресса, говоритъ, что „психологическое происхожденіе ея весьма ясно“ [1]). Психологически напротивъ самая понятная и естественная идея есть идея регресса, какъ ухудшенія производнаго сравнительно съ производителемъ, дѣтей съ родителями, потомковъ съ предками и эта идея находитъ себѣ примѣненіе даже въ родовой психологіи, по которой родители и особенно дѣды всегда идеализируютъ предъ своимъ младшимъ

[1]) Исторія и философское значеніе идеи прогресса, «Сѣверный Вѣстникъ», ноябрь 1891 г., стр. 95.

поколѣніемъ свое „старое" время, когда, какъ говорятъ изъ своего физіологическаго наблюденія старики своимъ внукамъ, самое солнце свѣтило и грѣло лучше и во всемъ было неизвѣстное теперь изобиліе. Если эмпирически и замѣчаются успѣхи изобрѣтательности и механическаго прогресса, то этотъ прогрессъ есть лишь жалкая замѣна общаго регресса, вынужденное усиліе возмѣщать огромные результаты общаго регресса изысканіемъ искусственныхъ средствъ противодѣйствія ему. Вотъ почему всѣ древнія міросозерцанія представляютъ собою типъ эманаціи, истеченія всѣхъ явленій міровой жизни изъ божества, при чемъ чѣмъ далѣе идетъ этотъ процессъ истеченія отъ своего исходнаго пункта, тѣмъ болѣе онъ ухудшается въ своемъ составѣ. Отсюда составилась извѣстная теорія четырехъ вѣковъ, изъ которыхъ каждый представляетъ ухудшеніе по сравненію съ предшествующимъ,—золотой вѣкъ смѣняется серебрянымъ и все заканчивается вѣкомъ желѣзнымъ, каковой и есть вѣкъ наличной дѣйствительности. Это воззрѣніе лежитъ и въ основѣ классическаго міросозерцанія, и оно именно, вмѣстѣ съ личнымъ, психологически понятнымъ наблюденіемъ, дало поводъ великому римскому поэту Горацію, не смотря на всѣ признаки несомнѣннаго культурнаго превосходства его эпохи надъ всѣми предшествующими, жаловаться, что все въ мірѣ идетъ отъ худого къ худшему и что если уже жалко и дрянно теперешнее поколѣніе, то оно произведетъ отъ себя поколѣніе еще болѣе жалкое и негодное [1]). Если регрессъ для естественнаго ума есть сущность историческаго и вообще мірового процесса, то и самое чаяніе лучшаго будущаго, выставляемое тѣмъ же изслѣдователемъ въ качествѣ второго источника идеи прогресса [2]), есть лишь желаніе возврата къ тому лучшему, которое рисуется не впереди, а сзади, и если бы даже это лучшее могло быть когда либо достигнуто и возстановлено вновь,

---

[1]) Разумѣемъ извѣстные стихи Горація:
Aetas parentum, pejor avis, tulit
Nos nequiores, mox daturos
Progeniem vitiosiorem. Horat. Od. III, 6.

[2]) Исторія и философское значеніе идеи прогресса, «Сѣв. Вѣст.», ноябрь, стр. 95.

то для этого нужно было бы произвесть попятное движеніе къ первоисточнику всякаго бытія, слѣдовательно движеніе во всякомъ случаѣ регрессивное, какъ это съ поразительною смѣлостью выразилъ новѣйшій представитель древняго міросозерцанія—Руссо, объявившій всю новѣйшую цивилизацію великимъ бѣдственнымъ самообольщеніемъ и заблужденіемъ. Но въ дѣйствительности и это попятное движеніе невозможно, потому что историческій процессъ съ точки зрѣнія естественнаго ума есть процессъ необходимый, совершающійся съ такою же безусловно роковою необходимостью въ одномъ опредѣленномъ направленіи, съ какою рѣка катитъ свои воды по наклонной плоскости къ своему устью. Потому-то въ древнемъ мірѣ мы видимъ преобладаніе какой-то томящей грусти во всемъ [1]): люди не имѣли никакой надежды на лучшее будущее и предавались самому мрачному отчаянію, которое достигало своего высшаго развитія именно въ періоды наивысшей культуры (какъ напр. предъ появленіемъ христіанства на землѣ).

Такимъ образомъ идея прогресса логически можетъ вытекать лишь изъ идеи Промысла, по которой человѣкъ имѣетъ свой идеалъ въ высшемъ совершенствѣ, воплощаемомъ въ Богѣ, и внутри себя имѣетъ непреодолимое побужденіе стремиться къ этому идеалу. Когда съ наступленіемъ собственно наличнаго историческаго процесса въ человѣкѣ произошелъ указанный выше разладъ, то хотя самый историческій процессъ и получилъ совершенно иной характеръ, при чемъ центръ влеченій человѣка сильно передвинулся, и именно по направленію къ міру, тѣмъ не менѣе идея прогресса не потерпѣла чрезъ это никакого ущерба. Прогрессъ остался во всей силѣ; но какъ въ самомъ человѣкѣ произошелъ разладъ, такъ раздвоился и самый прогрессъ, при чемъ съ одной стороны въ человѣкѣ сохранилось стремленіе къ своему высшему идеалу, которое есть высшее благо, а съ другой стороны—всѣ свойства испорченной природы направляли его въ противоположную сторону, гдѣ

---

[1]) См. напр. Плиній, H. N. XXVIII, 2; Геродотъ, I, 31; Lüken Traditionen d. Menschengeschlechts, стр. 302; Lasaulz, Ueber den Sinn der Oedipussage, 1841, стр. 10 и др.

подъ чарующимъ прикрытіемъ благъ міра сего скрывался злой принципъ. Отсюда въ исторической жизни началъ совершаться двоякій прогрессъ, прогрессъ положительный, т. е. развитіе всѣхъ оставшихся зачатковъ добра, съ цѣлію достиженія высшаго блага, и прогрессъ отрицательный, какъ развитіе всѣхъ вторгшихся въ человѣческую природу элементовъ зла, съ цѣлію достиженія высшаго зла [1]). Въ виду такой двусторонности прогресса естественно возникаетъ вопросъ: какой же изъ этихъ двухъ прогрессовъ увѣнчается полнѣйшимъ успѣхомъ—положительный, или отрицательный? Торжество послѣдняго было бы прямымъ противорѣчіемъ основной цѣли самаго бытія человѣка. Съ другой стороны, и полное прекращеніе этого прогресса было бы равносильно лишенію человѣка предоставленной ему способности свободнаго самоопредѣленія, въ силу котораго онъ могъ предпочитать по своему усмотрѣнію добро или зло. Очевидно, торжество въ исторіи должно принадлежать прогрессу положительному, какъ имѣющему своею цѣлію осуществленіе истиннаго назначенія человѣка. Но такъ какъ этотъ прогрессъ не могъ разсчитывать на собственныя силы человѣка, по своей испорченной природѣ склоннаго къ явленіямъ отрицательнымъ, то оказалась необходимою высшая помощь, и она дана была высшимъ факторомъ исторіи—Богомъ, который поэтому взялъ весь историческій процессъ подъ свое руководительство или промышленіе и вслѣдствіе этого—вся исторія человѣчества становится исторіей одного великаго града Божія, который, не смотря на внутренній разладъ его частей, въ общемъ направляется къ достиженію предназначенной ему высшей цѣли, именно высшаго блага [2]). Это предположеніе вытекаетъ изъ того, что Богъ по своей безконечной любви не хотѣлъ предоставить человѣчество полной погибели подъ тор-

[1]) На этомъ воззрѣніи покоится знаменитая система двухъ градовъ—небеснаго и земнаго—у бл. Августина. О градѣ Божіемъ, XIV, 28.

[2]) Хотя у бл. Августина терминомъ «Градъ Божій» въ тѣсномъ смыслѣ называется лишь одна сторона историческаго процесса, именно царство людей добрыхъ и святыхъ, въ частности избранный народъ, но по ходу его мысли и весь міръ есть также Civitas Dei, потому что онъ весь составляетъ предметъ воспитательнаго промышленія Божія, хотя и не въ одинаковой степени.

жествомъ зла, а по своему всемогуществу Онъ могъ направить его къ достиженію истинной цѣли его бытія, и вся исторія есть именно свидѣтельство того премудраго водительства Божія, по которому человѣчество направляется къ своему высшему благу. Но какимъ образомъ совершается это водительство?

Въ этомъ пунктѣ идея Промысла въ ея приложеніи къ исторіи встрѣчаетъ самое сильное возраженіе, которое разные противники ея не перестаютъ повторять на всевозможные лады. Если, гласитъ это возраженіе, весь всемірно-историческій процессъ во всемъ его объемѣ находится подъ безусловнымъ водительствомъ Промысла, который, не смотря на частныя уклоненія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ царствъ отъ конечной цѣли, въ концѣ концовъ весь его направляетъ именно къ достиженію этой цѣли, то очевидно, что здѣсь не можетъ быть вопроса о свободномъ самоопредѣленіи человѣка, а слѣдовательно подрывается основной жизненный нервъ исторіи,—именно предположеніе самодѣятельнаго стремленія человѣка къ сознательно поставленной цѣли, подрывается самая идея прогресса, который превращается въ механическій, вполнѣ необходимый процессъ, и съ человѣка снимается всякая отвѣтственность за его добро или зло. Замѣчательно, что это возраженіе признается иногда непреоборимымъ даже въ нашей богословской литературѣ [1]). Но въ дѣйствительности оно основывается на одномъ весьма существенномъ недоразумѣніи. Оно исходитъ изъ предположенія, что всемогущество Божіе какъ безграничное дѣйствуетъ въ достиженіи своихъ цѣлей съ безусловною необходимостью, такъ какъ иначе оно и не было бы всемогуществомъ. При этомъ однако упускается изъ вида весьма существенная мысль, что всемогущество Божіе въ области исторіи не есть физическое, которое именно и дѣйствуетъ съ безусловною необходимостью, а всемогущество нравственное, которое можетъ самоограничивать себя, нисколько не

---

[1]) См. «Вѣра и Разумъ», № 17, 1891 г., стр. 309, въ статьѣ іером. Григорія о «Сочиненіи бл. Августина О градѣ Божіемъ». Статья эта вообще изобилуетъ крупными ошибками и опрометчивыми сужденіями. См. напр. стр. 316, 317 — 19, гдѣ понятіе высшаго блага смѣшивается съ понятіемъ относительнаго блага, на каковомъ смѣшеніи построена крайне неосновательная критика воззрѣній бл. Августина.

умаляя, а напротивъ — тѣмъ еще болѣе возвышая самую идею всемогущества. Идея безусловнаго всемогущества предполагаетъ возможность сдѣлать все, на что только направится мысль и воля всемогущаго существа; но эта идея возвышается еще болѣе, когда мы мыслимъ, что такое всемогущество, имѣя возможность сдѣлать все, однакоже не дѣлаетъ этого, слѣдовательно простираетъ свое ограничивающее дѣйствіе не только на все, что̀ лежитъ внѣ его и потому безконечно ниже и слабѣе его, но и на себя само, слѣдовательно на то, что равно ему. Такое всемогущество очевидно еще выше, и оно-то и есть всемогущество нравственное. Какъ такое, оно вполнѣ можетъ ограничивать себя, чтобы рядомъ съ собою предоставлять достаточное мѣсто и для самодѣятельности внѣ его. Нравственное всемогущество можетъ быть присуще только личному существу, и такъ какъ оно въ исторіи проявляется въ отношеніи къ человѣку, также личному нравственному существу, то изъ этого взаимоотношенія личныхъ существъ, хотя безконечно неравныхъ между собою, и складывается то отношеніе, которое заключаетъ въ себѣ единственно удовлетворительное объясненіе для историческаго процесса во всѣхъ его элементахъ и перипетіяхъ, что̀ мы и постараемся теперь объяснить.

Намъ нѣтъ надобности по существу входить въ разсмотрѣніе вопроса о томъ, обладаетъ ли человѣкъ свободою воли, или нѣтъ. Это вопросъ психологіи или философіи; для исторіи же его не существуетъ, такъ какъ она, признавая человѣка непремѣннымъ факторомъ и содержаніемъ ея, напередъ предполагаетъ его какъ существо свободное, способное располагать своими дѣйствіями, а потому и отвѣтственное за нихъ. Въ такомъ только смыслѣ исторія можетъ сохранять свой нравственный характеръ, и всемірная исторія можетъ быть всемірнымъ судилищемъ надъ дѣлами лицъ и народовъ [1]). Если же и здѣсь нерѣдко возникаетъ вопросъ о свободѣ воли, то просто по недоразумѣнію, при чемъ или свободу воли смѣшиваютъ съ произволомъ, понимая подъ нею безусловную возможность дѣлать все, что вздумается, или даже, и не впадая

[1]) Согласно извѣстному изреченію: Die Weltgelchichte ist das Weltgericht.

въ подобную крайность, упускаютъ изъ вида ту истину, что свобода воли человѣка какъ ограниченнаго существа не только не предполагаетъ полнаго отсутствія ограничивающихъ условій, а напротивъ требуетъ ихъ, и есть вообще понятіе относительное. Будучи же понятіемъ относительнымъ, она тѣмъ самымъ можетъ сохранять свою относительную независимость рядомъ съ зависимостью въ безусловномъ смыслѣ отъ безусловнаго существа. Пояснимъ это нагляднымъ примѣромъ. Свободно располагая собою, я сажусь на корабль, который отправляется на западъ, въ Америку. Будучи на кораблѣ, я конечно уже менѣе свободенъ, чѣмъ былъ на сушѣ, потому что ограниченъ предѣлами корабля, увлекающаго меня именно на западъ. Но сама по себѣ свобода личнаго самоопредѣленія сохранилась во мнѣ, хотя и въ ограниченныхъ условіяхъ моего новаго положенія, такъ что я могу располагать собою во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, кромѣ того, въ которомъ я самъ ограничилъ себя, садясь на корабль. Даже и въ условіяхъ этого положенія мое самоопредѣленіе можетъ доходить до возможности съ моей стороны движенія какъ разъ противоположнаго движенію самаго корабля. На пространствѣ его длины, въ предѣлахъ 70 саженъ, я могу, двигаясь отъ носа къ кормѣ, совершать движеніе на востокъ, когда корабль движется на западъ. Хотя конечно, когда я сдѣлаю 70 саженъ по направленію къ востоку, корабль увлечетъ меня на нѣсколько верстъ къ западу, тѣмъ не менѣе это нисколько не подрываетъ моей относительной задачи — достигнуть пункта, лежащаго ближе къ востоку, чѣмъ носъ корабля. Больше же этого я уже не въ состояніи сдѣлать, потому что корабль или та воля, которая управляетъ имъ, направляя его на западъ, подчинила меня себѣ въ указанныхъ условіяхъ, такъ что хотя бы я и старался въ предѣлахъ корабля идти на востокъ, онъ непремѣнно будетъ увлекать меня все далѣе и далѣе на западъ. Но въ свою очередь и самая воля, управляющая кораблемъ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ подчинена другой еще высшей волѣ, которая увлекаетъ его какъ разъ въ обратномъ направленіи. Хотя корабль въ представленіи капитана и всѣхъ пассажировъ направляется на западъ, однако въ дѣйствительности онъ гораздо бы-

стрѣе въ тоже время направляется на востокъ, и, сдѣлавъ нѣсколько миль на западъ, въ дѣйствительности въ это же время дѣлаетъ нѣсколько тысячъ миль по направленію на востокъ,— именно потому, что весь земной шаръ, подъ вліяніемъ другой высшей силы, движется на востокъ и вмѣстѣ съ собой конечно увлекаетъ и корабль съ его пассажирами, воображающими, что они плывутъ на западъ. Но хотя корабль въ этомъ высшемъ астрономическомъ смыслѣ дѣйствительно движется на востокъ, однако въ относительномъ смыслѣ онъ все-таки направляется въ Америку, т. е. на западъ, и непремѣнно достигнетъ своей цѣли. Весь вопросъ здѣсь въ той точкѣ зрѣнія, съ которой мы будемъ смотрѣть. Съ земной, географической точки зрѣнія корабль направляется на западъ и слѣдовательно вполнѣ свободенъ въ своемъ движеніи къ поставленной цѣли; а съ высшей, астрономической точки зрѣнія онъ движется на востокъ, потому что въ этомъ смыслѣ онъ несвободенъ и подчиненъ высшей волѣ, движущей его вмѣстѣ съ земнымъ шаромъ на востокъ. Логически здѣсь происходитъ антиномія, коллизія двухъ движеній, совершающихся въ одно и тоже время въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ; но въ дѣйствительности нѣтъ никакой коллизіи, и оба движенія вполнѣ совмѣщаются между собою, такъ что корабль, въ астрономическомъ смыслѣ увлекаемый на востокъ, въ географическомъ смыслѣ все-таки приходитъ къ своей цѣли на западъ. Утверждать противное, значило бы впадать въ тонъ знаменитой древнефилософской софистики, по которой быстроногій Ахиллесъ никогда не догонитъ черепахи. Такое же именно недоразумѣніе имѣетъ мѣсто и въ исторіи въ отношеніи свободы личности. Свобода ея отрицается нѣкоторыми историками потому, что высшая историческая точка зрѣнія обнаруживаетъ цѣлый рядъ такихъ отношеній, въ которыхъ человѣкъ оказывается несвободнымъ или даже совсѣмъ дѣйствующимъ подъ вліяніемъ необходимости. Стремясь къ одной опредѣленной цѣли, хотя бы, если взять тотъ же примѣръ, направляясь на западъ, онъ въ дѣйствительности увлекается на востокъ, или, если возьмемъ болѣе понятный въ историческомъ смыслѣ примѣръ, стараясь совершить какое-нибудь зло, въ дѣйствительности (какъ это и оказывалось часто

въ исторіи) причиняетъ добро, какъ это мы напр. видимъ въ исторіи Іосифа, которому братья, продавая его измаильскимъ купцамъ, хотѣли конечно сдѣлать зло, а между тѣмъ въ дѣйствительности сдѣлали величайшее добро, давъ первый толчекъ къ тому ряду событій, который привелъ къ возвышенію его на постъ перваго министра могущественнѣйшей и богатѣйшей монархіи древняго міра. Если мы будемъ смотрѣть на этотъ фактъ съ высшей точки зрѣнія, то конечно должны будемъ придти къ мысли, что братья въ своемъ зломъ актѣ не были свободны, они думали, что причиняютъ Іосифу зло, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности причиняли ему добро,—и съ этой точки зрѣнія личность оказывается несвободною въ исторіи и находящеюся подъ подавляющимъ ее вліяніемъ другой высшей силы, направляющей все независимо отъ воли человѣческой. Такъ именно и смотрятъ детерминисты въ исторіи. Но смотря съ этой одной точки зрѣнія, они тѣмъ самымъ обнаруживаютъ свою односторонность, которая и вводитъ ихъ въ заблужденіе. Стоитъ только взглянуть на тотъ же фактъ съ другой точки зрѣнія, и результатъ получится совершенно иной. Если братья въ абсолютномъ смыслѣ и сдѣлали для Іосифа то, чего не хотѣли, вмѣсто зла причинили добро, то это именно только въ абсолютномъ смыслѣ. Въ дѣйствительности же, если мы возьмемъ этотъ фактъ не въ его окончательныхъ результатахъ, а въ непосредственной наличности и именно въ его тѣсномъ ограниченіи, то во всякомъ случаѣ братья достигли своей цѣли: они хотѣли причинить Іосифу зло и дѣйствительно причинили ему тяжкое зло, которое, какъ мы естественно можемъ предположить, надрывало сердце бѣдному юношѣ и стоило ему страшныхъ нравственныхъ страданій и цѣлыхъ потоковъ слезъ, когда онъ, безжалостно проданный въ рабство, по его убѣжденію, навсегда оторванъ былъ отъ своего любящаго отца, также убивавшагося невыразимымъ горемъ отчаянія. И такимъ образомъ оба воззрѣнія, повидимому столь противоположныя между собою, такъ что по одному братья были свободны, а по другому были несвободны въ одномъ и томъ же дѣйствіи, оказываются каждое въ своей сферѣ истинными. Эта кажущаяся антиномія объясняется именно тѣмъ, что свобода человѣка

понятіе вполнѣ относительное и свое полное осуществленіе находитъ только въ тѣсномъ кругу индивидуальной жизни, за предѣлами которой начинаются ограниченія ея, возрастающія постепенно болѣе и болѣе, такъ что результатъ ея дѣятельности, т. е. исторія, оказывается несвободною. Это соображеніе необходимо имѣть въ виду, чтобы ясно понимать историческій процессъ и значеніе въ немъ личности, и непониманіе этой простой истины и приводитъ къ той мысли, будто идея Промысла Божія не примирима съ идеей свободы личности.

Между тѣмъ, въ дѣйствительности, она не только вполнѣ примирима, но и раскрываетъ въ исторіи великую премудрость, которую Гегель называлъ „хитростью разума", но которая на самомъ дѣлѣ есть Премудрость Божія, примиряющая какъ-бы непримиримое, свободу съ необходимостью. Въ самомъ дѣлѣ, если мы взглянемъ на исторію именно съ изложенной точки зрѣнія, то увидимъ, какъ въ ней свободно примиряются эти противоположности и при посредствѣ цѣлаго ряда градацій складываются въ дивную картину величественнаго единства, въ которомъ все сохраняетъ принадлежащее ему значеніе и мѣсто. Взятый въ своей личной или индивидуальной обособленности, человѣкъ вполнѣ свободенъ располагать собою во всѣхъ отношеніяхъ, не выходящихъ за предѣлы его естественной ограниченности. Индивидуальная жизнь есть та именно область, въ которой человѣкъ оказывается наиболѣе свободнымъ, такъ какъ онъ за исключеніемъ ограниченій своей и окружающей природы не связанъ еще никакими другими узами. Но такая индивидуальная жизнь сама по себѣ ограничена весьма тѣснымъ кругомъ собственной души въ ея самозаключенномъ состояніи. Лишь только личность выходитъ за предѣлы этой самозаключенности, она подвергается цѣлому ряду ограниченій, дѣлающихъ ее все менѣе и менѣе свободною. Человѣкъ вступаетъ въ бракъ, и семейныя отношенія уже сразу накладываютъ на него извѣстное ограниченіе, которое заставляетъ его отказаться отъ части своей прежней свободы и пожертвовать ею въ пользу своего семейства, заботиться не только о себѣ, но и о семействѣ, дѣлать не только то, что̀ онъ хотѣлъ бы по своему личному влеченію,

но и то, что̀ требуется для удовлетворенія нуждъ семейства. Слѣдующую градацію жизни представляетъ общество, которое также подвергаетъ личность ограниченію, заставляя человѣка дѣлать не только то, что̀ онъ хотѣлъ бы для себя и для своего семейства, но и то, что̀ требуетъ отъ него окружающее общество, такъ что и въ пользу его онъ долженъ отказаться еще отъ части своей свободы. Наконецъ, чтобы не перечислять многихъ промежуточныхъ градацій, представляющихъ собою великое разнообразіе общественныхъ отношеній, дальнѣйшую градацію представляетъ государство, которое подвергаетъ личность еще большему ограниченію, заставляя ее дѣлать не только то, что она хотѣла бы для себя, для своего семейства и общества, но и то, что требуется государствомъ; а государство иногда простираетъ свои требованія даже до такой степени, на которой личность можетъ совсѣмъ лишиться своей свободы, лишиться возможности дѣлать что-либо для себя, для своего семейства и для общества, такъ какъ вся она во всемъ своемъ объемѣ можетъ быть потребована на службу государству и можетъ быть даже принесена ему въ жертву, какъ напр. во время войны. Ясное дѣло, что этотъ рядъ ограниченій сводитъ свободу личности на полное отрицаніе ея, ставя ее въ такія условія, въ которыхъ свобода приносится въ жертву необходимости. Предъ лицемъ государства личность есть уже извѣстная единица, вполнѣ подчиненная ему даже до возможности ея уничтоженія. Но заключать отсюда, что личность, живущая въ государствѣ, не есть уже свободна, значило бы тоже самое, что заключать о кораблѣ, плывущемъ на западъ, но увлекаемомъ земнымъ шаромъ на востокъ, что онъ не свободенъ въ своемъ движеніи и никогда не достигнетъ своей цѣли. Но какъ въ приложеніи къ кораблю это заключеніе оказывается невѣрнымъ, такъ невѣрнымъ оно оказывается и въ приложеніи къ личности въ ея отношеніи къ государству. Не смотря на указанный рядъ ограниченій, доводящихъ въ государствѣ личность до степени возможности ея полнаго уничтоженія, сама по себѣ личность однако же остается свободной. Всѣ эти ограниченія стѣсняютъ въ дѣйствительности лишь проявленіе свободы, но не самую свободу. Даже предъ лицемъ государства человѣкъ не сво-

боденъ лишь какъ членъ его, какъ гражданинъ, который какъ таковой поглощается государствомъ; но будучи гражданиномъ, человѣкъ въ тоже время остается личностью, и какъ таковой онъ продолжаетъ быть столь же свободенъ, какъ и внѣ ограниченій государства. Эта антиномія находитъ себѣ поразительное подтвержденіе въ томъ извѣстномъ фактѣ, что одинъ и тотъ же человѣкъ за одно и тоже дѣйствіе, напр. убійство, можетъ быть отвѣтственъ и неотвѣтственъ. Когда онъ совершаетъ убійство въ качествѣ гражданина, т. е. подъ вліяніемъ велѣнія государства, напр. на войнѣ, онъ неотвѣтственъ, потому что его воля въ данномъ случаѣ была поглощена волей государства; но если онъ совершаетъ убійство не какъ гражданинъ, а какъ личность, т. е. при полномъ распоряженіи своею волею, то онъ отвѣтственъ за него и подлежитъ карѣ. Очевидно, что здѣсь мы имѣемъ предъ собою новый примѣръ совмѣщенія свободы съ необходимостью, при чемъ человѣкъ оказывается дѣйствующимъ и свободно, и въ силу необходимости, смотря по тому, въ какихъ условіяхъ мы разсматриваемъ его и съ какой точки зрѣнія смотримъ на него. Конечно въ точности опредѣлить, когда человѣкъ вполнѣ свободенъ и въ какихъ условіяхъ и насколько онъ теряетъ эту свободу, невозможно,—но самый фактъ совмѣщенія свободы и необходимости здѣсь не можетъ подлежать сомнѣнію. И онъ имѣетъ огромное значеніе для рѣшенія вопроса о свободѣ личности и ея значеніи въ исторіи.

Свобода личности въ исторіи съ особенною настойчивостью отрицается соціологами, которые при этомъ ссылаются главнымъ образомъ на статистику, показывающую поразительное однообразіе въ количественномъ отношеніи различныхъ соціальныхъ фактовъ—не только такихъ, какъ рожденіе и смерть, но даже и такихъ, которые повидимому вытекаютъ изъ полной свободы воли и могли совершиться или нѣтъ, какъ напр. бракъ или преступленіе. Изъ этого однообразія въ количествѣ соціальныхъ фактовъ выводятъ, что очевидно тутъ дѣйствуетъ законъ необходимости, совершенно исключающій свободу. Но это заключеніе, съ изложенной нами точки зрѣнія, совершенно неосновательно, и съ нея самая статистика получаетъ совершенно иной смыслъ, вовсе не затрогивающій

вопроса о свободѣ воли человѣка какъ личности. Статистика съ этой точки зрѣнія есть лишь показательница наличнаго состоянія общества или государства, суммы дѣйствующихъ въ немъ нравственныхъ или соціальныхъ силъ, степени вліянія государства или общества на личность, условій, ограничивающихъ ея свободу,— однимъ словомъ имѣетъ дѣло съ отвлеченными или общими данными, въ предѣлахъ которыхъ дѣйствительно человѣкъ не свободенъ, какъ соціальная или политическая единица, но которыя отнюдь не лишаютъ его свободы самоопредѣленія, а слѣдовательно и отвѣтственности какъ личность. Въ самомъ дѣлѣ статистика намъ показываетъ, что извѣстное государство или общество ежегодно даетъ извѣстное количество преступниковъ, и количество это настолько опредѣленно, что правительство имѣетъ возможность заранѣе опредѣлить необходимое число тюремъ или исправительныхъ домовъ, и никогда при нормальномъ теченіи жизни число преступниковъ не возрастаетъ и не можетъ возрасти неожиданно настолько, чтобы тюремъ не оказалось вдвое напр. меньше противъ потребности, или вдвое больше противъ потребности, такъ чтобы можно было половину ихъ употребить на другія цѣли, напр. на школы. Тоже самое и съ вопросомъ о бракѣ. Число ихъ изъ года въ годъ при нормальномъ теченіи жизни повторяется съ поразительною правильностью, такъ что духовенство, извлекающее отъ ихъ совершенія наибольшій доходъ (не опредѣленный притомъ никакими таксами, а совершенно зависящій отъ личной щедрости брачущихся), всегда можетъ разсчитывать на опредѣленный доходъ и заранѣе составлять свой домашній бюджетъ, занося цифру этого дохода какъ вполнѣ обезпеченную [1]). Но ни въ томъ, ни въ

---

[1]) Одно почтенное духовное лицо (законоучитель одной изъ гимназій въ С.-Петербургѣ) сообщило намъ любопытный въ этомъ отношеніи фактъ изъ своей практики. Состоя при безприходной церкви въ столицѣ и слѣдовательно вполнѣ зависящей въ своихъ богомольцахъ отъ случайныхъ условій, о. законоучитель тѣмъ не менѣе вполнѣ выяснилъ себѣ свой доходъ отъ этихъ богомольцевъ не только въ общей суммѣ, но даже и въ частностяхъ, такъ что заранѣе можетъ съ поразительною точностью опредѣлять тѣ или другія статьи своего дохода. Напр., онъ вполнѣ увѣренъ, что за освященіе куличей и пасокъ въ первый день

другомъ случаѣ статистика не даетъ никакого основанія къ отрицанію свободы воли человѣка: въ данныхъ случаяхъ она показываетъ намъ состояніе соціальныхъ фактовъ, имѣетъ дѣло съ соціальными единицами, которыя какъ таковыя, находясь подъ ограничивающими условіями соціальнаго склада, конечно несвободны и живутъ въ области необходимости; но эти соціальныя единицы не есть личности, а именно отвлеченныя числа; личная же жизнь человѣка статистикой совершенно не затрогивается и остается ей недоступной. Поэтому-то статистика и ограничивается именно общими числами, не входя въ разсмотрѣніе частностей, и это совершенно понятно, потому что въ этихъ частностяхъ, т. е. въ личностяхъ она встрѣчается съ неподлежащими никакой регламентаціи фактомъ личной свободы воли. Такъ, напередъ предсказывая, что общество дастъ въ наступившемъ году столько-то преступниковъ, статистика только и ограничивается этимъ общимъ числомъ, но никогда и ни въ какомъ случаѣ не въ состояніи указать, кто же будутъ эти преступники какъ личности, будутъ ли этими преступниками Иванъ, Василій или Петръ. Такое предсказаніе для нея рѣшительно недоступно, и именно потому, что здѣсь она встрѣчается уже не съ соціальными фактами, а съ живою личностью, свободно располагающею своими дѣйствіями. Изъ двухъ личностей, находящихся совершенно въ одинаковыхъ внѣшнихъ условіяхъ, одна можетъ совершить преступленіе, а другая остаться невинною, и чтобы понять этотъ фактъ, необходимо заглянуть въ душу этихъ личностей, что совершенно недоступно статистикѣ, и только душа ихъ и покажетъ, почему произошла такая разница между ними. На этомъ именно основывается отношеніе суда къ преступникамъ. Какъ соціальныя единицы, т. е. безличныя особи, оба преступника одинаково жертвы соціальнаго недуга и поэтому неотвѣт-

---

Пасхи онъ получитъ непремѣнно 14 р. съ коп., и заранѣе распредѣляетъ этотъ мелкій доходъ въ качествѣ праздничныхъ наградъ разнымъ слугамъ по дому и по заведенію, и дѣйствительность съ поразительною точностью оправдываетъ его разсчетъ: куличи даютъ ему непремѣнно 14 р. съ коп.,—ни болѣе ни менѣе изъ года въ годъ...

ственны за свои преступленія. Но судъ не ограничивается подобнымъ безличнымъ обсужденіемъ факта: онъ подвергаетъ обсужденію эти единицы какъ личности, заглядываетъ имъ въ душу, оцѣниваетъ тѣ побужденія, которыми руководились онѣ въ совершеніи преступленія, и тогда уже произноситъ свой справедливый приговоръ, по которому одинъ преступникъ будетъ осужденъ, а другой быть можетъ оправданъ, потому что послѣдній дѣйствительно могъ быть до извѣстной степени жертвой соціальнаго недуга, а другой вполнѣ дѣйствовалъ какъ свободная личность, слѣдовательно какъ личность, взявшая на себя всю отвѣтственность за совершенный актъ. Но даже и оправдательный приговоръ въ сущности не есть безусловно справедливый, если только онъ имѣлъ дѣло съ самосознающею личностью, а не съ какимъ либо болѣзненнымъ автоматомъ. Соціальная среда могла смягчить виновность, но не изгладить ее, и оправданный въ такомъ случаѣ субъектъ есть ходячая опасность для общества, потенція для повторенія того же преступленія. Такимъ образомъ статистика нисколько не доказываетъ отсутствія свободы воли въ личности, которая и есть факторъ историческаго развитія, а доказываетъ только отсутствіе свободы воли въ соціальныхъ фактахъ, которые по самому существу не могутъ быть свободными какъ неличности. Статистика въ своей области устанавливаетъ лишь тотъ несомнѣнный фактъ, что въ соціальной жизни происходитъ поразительное сочетаніе свободы съ необходимостью, опять та премудрость, которая есть Премудрость Божія, умѣющая совмѣщать свободу воли съ законами необходимости, а вслѣдствіе этого направлять все къ опредѣленной цѣли, не посягая на свободу или самоопредѣленіе личности. Такое совмѣщеніе свободы съ необходимостью и есть высшая гарантія правильности соціальной или государственной жизни. Не будь этого совмѣщенія, никакое правительство не въ состояніи было бы разумно управлять извѣстнымъ государствомъ: свободныя личности не поддавались бы никакой регламентаціи и разрушали бы всякія попытки на предусмотрѣніе. Но благодаря этому мудрому совмѣщенію, правительство, предоставляя личности свободу самоопредѣленія какъ личности, можетъ подводить соціальные факты подъ опредѣленныя категоріи, имѣетъ въ своемъ распоряженіи твер-

дныя цифры, выражающія собою движеніе жизненныхъ силъ въ государственномъ организмѣ, напередъ знаетъ, сколько этотъ организмъ произведетъ добра и зла, какой дастъ доходъ и сколько потребуетъ расхода, и пользуясь этими данными, можетъ спокойно направлять корабль государства къ предназначенной ему цѣли, хотя бы эта цѣль и не всегда совпадала съ частными цѣлями отдѣльно взятыхъ личностей [1]).

Если такое примиреніе между свободой и необходимостью возможно уже въ естественныхъ отношеніяхъ между личностью и государствомъ, между единичной волей и волей коллективной, то тѣмъ болѣе оно мыслимо въ высшемъ порядкѣ, въ отношеніяхъ между личностями и Промысломъ, и съ указанной точки зрѣнія рука Промысла, направляя человѣчество къ предназначенной ему цѣли, нисколько не становится въ противорѣчіе съ частными цѣлями отдѣльныхъ личностей, и не только индивидуальныхъ, но и коллективныхъ. Что касается индивидуальныхъ личностей, то это отношеніе понятно само собою изъ того, что Промыслъ дѣйствуетъ какъ нравственная, самоограничивающаяся сила, слѣдовательно попускающая свободѣ личнаго человѣка проявляться въ полномъ самоопредѣленіи, даже до противленія Промыслу и полнаго его отрицанія, какъ это и показываютъ часто встрѣчающіеся факты личностей, дерзко и безнаказанно выступающихъ съ отрицаніемъ Бога и всякаго нравственнаго міроправленія. Но уже гораздо больше и замѣтнѣе подчинены закону всемогущества коллективныя личности, какъ народы, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою отличительную волю, направляющуюся къ опредѣленной цѣли, отличной отъ цѣлей другихъ народовъ и находящей въ нихъ огра-

---

[1]) Этотъ законъ соотношенія свободы съ необходимостью служитъ единственной гарантіей правильности всѣхъ общественныхъ предпріятій, не опирающихся на принудительность. Благодаря ему торговецъ въ состояніи разсчитывать на извѣстный оборотъ въ торговлѣ, желѣзныя дороги на извѣстное количество пассажировъ, редакціи газетъ на извѣстное число читателей, почтамтъ на извѣстное число писемъ и посылокъ и такъ далѣе. Не будь этого соотношенія, не возможно было бы никакое правильное веденіе общественнаго дѣла.

ниченіе. Каждый отдѣльный народъ или государство, господствуя надъ волями своихъ членовъ, въ тоже время въ своей коллективной волѣ подчиняется высшей волѣ другихъ государствъ, на чемъ и основывается законъ международной политики. Въ своихъ стремленіяхъ каждый народъ долженъ сообразоваться не только съ тѣмъ, чего онъ хочетъ самъ, но и съ тѣмъ, чего хотятъ другіе народы, которые тѣмъ самымъ ограничиваютъ его и такъ сказать подчиняютъ своей высшей волѣ, хотя это и не подрываетъ принципа національнаго самоопредѣленія. Если же народы подчиняются высшей такъ сказать всечеловѣческой волѣ безъ отреченія отъ своей національности въ естественныхъ международныхъ отношеніяхъ, то тѣмъ болѣе это отношеніе мыслимо между народами и Промысломъ. Насколько народы болѣе подчинены всеуправляющей волѣ Промысла, ясно показываетъ тотъ фактъ, что національная воля уже не въ состояніи доходить до отрицанія Промысла, и исторія не знаетъ народа, который бы какъ народъ отрицалъ существованіе Бога или высшаго нравственнаго міроправленія, хотя и можетъ заблуждаться въ пониманіи его [1]). Наконецъ все человѣчество уже вполнѣ подчинено волѣ Промысла, такъ что его воля совпадаетъ съ волей Бога, откуда и вышло извѣстное заблужденіе, приведшее къ боготворенію человѣчества.

Изъ изложеннаго такимъ образомъ видно, какую чудесную цѣпь взаимосоподчиняющихся цѣлей представляетъ собою человѣчество въ его различныхъ подраздѣленіяхъ—отъ личности до цѣлаго его организма. Каждая изъ его частей живетъ по своимъ особымъ законамъ, при чемъ, начиная отъ личности, совершается постепенное ограниченіе свободы воли, пока она во всемъ человѣчествѣ не совпадаетъ съ волей Божества. Но это ограниченіе совершается именно по предустановленному порядку Промысла, и въ немъ-то именно и проявляется высшая премудрость Промышленія, чудесно примиряющая частные интересы съ общими и все направ-

---

[1]) Язычество, напр., не есть отрицаніе Бога, а лишь неправильный взглядъ на Него. Отверженіе евреями Христа также есть не отрицаніе воли Бога, а непониманіе ея («не вѣдятъ бо, что творятъ»...).

вляющая къ одной высшей цѣли, которая есть высшее благо для всѣхъ. Съ такой точки зрѣнія удобно разъясняется и трудность, представляемая вопросомъ о предопредѣленіи. Богъ предопредѣлилъ спасти человѣчество чрезъ Сына своего Единороднаго, и эта цѣль вполнѣ достигается въ отношеніи къ человѣчеству какъ къ цѣлому. Но предопредѣленіе не обнимаетъ всѣхъ личностей, какъ индивидуальныхъ или коллективныхъ волей, которыя какъ такія могли принять и не принять даръ искупленія, и такъ какъ многія изъ нихъ по своей свободной волѣ дѣйствительно не приняли его, и возможность этого предусмотрѣна божественною мудростью, то и явился фактъ необходимости осужденія многихъ, предопредѣленныхъ къ осужденію, вслѣдствіе именно предусмотрѣнія божественной мудрости [1]).

Выясненнымъ порядкомъ отношеній, въ которыхъ стоятъ отдѣльныя личности, народы и все человѣчество между собою и къ Промыслу, опредѣляется планъ всемірноисторическаго развитія во всѣхъ его подробностяхъ. Этотъ планъ есть именно стройная цѣпь

---

[1]) Непониманіе такого отношенія между Промысломъ и человѣчествомъ часто приводитъ къ неправильному толкованію самаго смысла предопредѣленія, будто бы совершенно исключающаго идею свободнаго содѣйствія человѣка въ дѣлѣ спасенія. Этого недостатка не избѣгла и прекрасная вообще статья князя Трубецкого въ журналѣ «Вопросы философіи и психологіи» (кн. 10) подъ заглавіемъ: «Философія христіанской теократіи въ V вѣкѣ», см., наприм., стр. 142, 143, гдѣ излагается ученіе бл. Августина о предопредѣленіи. На истинное разумѣніе идеи предопредѣленія могла бы навесть автора и сдѣланная имъ выдержка изъ бл. Августина, гдѣ говорится, что Богъ *предвидѣлъ* (т. е. предопредѣлилъ) *не дѣла наши*, имѣющія предшествовать, а *будущія свои дѣла*»; т. е. Онъ предопредѣлилъ конечныя цѣли, а не свободу отдѣльныхъ личностей, подобно тому какъ соціальная статистика предопредѣляетъ извѣстное количество преступниковъ, но не лично каждаго изъ нихъ. Что бл. Августинъ не отрицаетъ свободы воли человѣка; это доказывается многими мѣстами его твореній. См., напр., о Градѣ Божіемъ V, 9 и 10. Если же и встрѣчаются по мѣстамъ выраженія, какъ-бы противорѣчащія этому, то при разсмотрѣніи ихъ не нужно упускать изъ вида основного правила, по которому при разсмотрѣніи древнихъ системъ, въ виду невыработанности въ нихъ строгой философской терминологіи, нужно обращать вниманіе не только на то, что̀ дѣйствительно говоритъ древній авторъ, но и главнымъ образомъ на то, что онъ *хочетъ сказать*.

взаимосоподчиняющихся цѣлей, вполнѣ проявляющихъ премудрость и благость Божію въ исторіи. Все въ этомъ планѣ предустановлено такъ, что безконечноразнообразныя части его, повидимому даже идущія противъ основной идеи плана, въ дѣйствительности содѣйствуютъ его гармоніи и чудесному осуществленію его въ цѣломъ. Конечно, вполнѣ постигнуть этотъ дивный планъ во всей его полнотѣ при теперешней ограниченности нашего знанія невозможно, и безумно заявлять притязаніе на это, когда нашъ разумъ не можетъ постигнуть вполнѣ даже міра физическаго, при изученіи котораго онъ постоянно наталкивается на непостижимыя тайны бытія, между которыми первое мѣсто занимаютъ такіе предметы, какъ матерія и сила. Если и здѣсь разумъ долженъ ощупью ходить среди тайнъ, окружающихъ его на каждомъ шагу, то тѣмъ болѣе это естественно въ мірѣ исторіи, гдѣ дѣйствуютъ не одни только законы необходимости, но гдѣ умъ встрѣчается и съ таинственнѣйшими изъ тайнъ бытія, каковыми несомнѣнно являются дѣйствія свободныхъ существъ, свободно дѣйствующихъ въ мірѣ необходимости. Но тѣмъ не менѣе, даже при всей ограниченности нашего знанія планъ всемірноисторическаго развитія съ достаточностью опредѣляется для того, чтобы въ немъ усмотрѣть указанную выше гармонію отношеній между проявленіями свободы и необходимости, примиряющимися на общей идеѣ Промысла.

Всемірная исторія представляетъ массу примѣровъ, подтверждающихъ эту теорію взаимосоподчиненія цѣлей, какъ сущности историческаго процесса. Мы часто видимъ въ исторіи, какъ отдѣльныя личности, ставя себѣ частныя цѣли, употребляютъ на достиженіе ихъ всѣ свои усилія, думая, что они достигаютъ ихъ только для самихъ себя, чтобы пользоваться эгоистическимъ самоуслажденіемъ, даже во вредъ другимъ; и дѣйствительно достигаютъ этихъ цѣлей. Но когда послѣдующій историкъ получаетъ возможность взглянуть на тотъ же предметъ съ высшей точки зрѣнія, то онъ, имѣя предъ своими глазами болѣе широкій историческій кругозоръ, видитъ, что сами эти личности несознательно дѣйствовали подъ вліяніемъ постороннихъ для нихъ побужденій и, достигая своихъ цѣлей, тѣмъ самымъ содѣйствовали лишь достиженію другихъ цѣлей, имѣю-

щихъ великое историческое значеніе для цѣлаго народа или человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ возьмемъ уже приводившійся примѣръ братьевъ Іосифа. Лично они одушевлены были одною цѣлію—отдѣлаться отъ своего брата Іосифа, любовь къ которому со стороны ихъ престарѣлаго отца возбуждала въ нихъ неукротимую зависть. И они дѣйствительно достигли своей цѣли, когда продали бѣднаго юношу измаильтянамъ, которые конечно въ свою очередь стремились перепродать его подороже въ другія руки. Цѣль тѣхъ и другихъ была вполнѣ достигнута: братья навсегда отдѣлались отъ ненавистнаго имъ брата, который, какъ и естественно было ожидать, навсегда затеряется въ морѣ житейскихъ интересовъ; въ свою очередь измаильтяне выгодно перепродали купленнаго ими юношу на берегахъ Нила и слѣдовательно тоже достигли своей цѣли. Ни тѣ, ни другіе не сознавали, что они достиженіемъ своихъ цѣлей содѣйствовали какой-то высшей цѣли, а въ частности для братьевъ эта высшая цѣль была даже и нежелательна, если бы даже они и сознавали ее. Проявивъ крайнее безчеловѣчіе къ своему брату, они болѣе всего конечно желали, чтобы уже никогда не встрѣчаться съ нимъ, а тѣмъ менѣе въ такихъ условіяхъ, при которыхъ они оказались бы въ зависимости отъ него. А между тѣмъ все такъ именно и случилось. Продавая Іосифа измаильтянамъ, они несознательно исполняли высшую волю Промысла, который направлялъ свой избранный родъ въ Египетъ, чтобы тамъ онъ, воспитавшись въ нѣдрахъ самаго цивилизованнаго народа въ мірѣ (притомъ безъ опасенія слиться съ нимъ, потому что египтяне сильно чуждались всѣхъ другихъ народовъ какъ нечистыхъ), могъ возрасти въ цѣлый народъ, чтобы затѣмъ занять свое всемірноисторическое положеніе въ человѣчествѣ въ качествѣ свѣта для него. Конечно, Богъ, какъ всемогущій распорядитель судебъ лицъ и народовъ, могъ достигнуть этой цѣли и прямо, — повелѣвъ напр. Іакову переселиться въ Египетъ. Но тогда всемогущество Божіе дѣйствовало бы прямо подавляющимъ образомъ и историческій процессъ былъ бы просто механическимъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности событіе совершилось такъ, что въ немъ частныя человѣческія цѣли, достигаемыя собственнымъ самоопредѣленіемъ человѣка, привели къ

высшей цѣли совершенно свободно, и потому историческій процессъ въ данномъ случаѣ получаетъ характеръ нравственный. А такой только процессъ и можетъ быть названъ вполнѣ историческимъ, въ отличіе отъ процесса механическаго — въ неодушевленномъ или одушевленномъ, но не разумномъ мірѣ. Превосходство нравственнаго процесса надъ механическимъ заключается въ томъ, что онъ именно представляетъ изъ себя систему воспитанія. Вѣдь сущность и задача воспитанія въ томъ и состоитъ, чтобы, предоставляя человѣку уклоняться отъ высшей цѣли, тѣмъ самымъ предоставлять ему возможность опытомъ познавать результаты своихъ дѣйствій, а въ концѣ концовъ, приводя человѣка къ опредѣленной цѣли, давать ему полную возможность оцѣнить свои предшествовавшія дѣйствія съ высшей нравственной точки зрѣнія и такимъ образомъ подвергнуть ихъ безпристрастному суду и собственной совѣсти и исторіи. Можно себѣ представить, какой великій урокъ вынесли братья Іосифа изъ всѣхъ перипетій ихъ встрѣчи съ своимъ нѣкогда проданнымъ братомъ, когда онъ явился предъ ними въ качествѣ великаго властелина могущественной монархіи, какъ громко говорила въ нихъ совѣсть, воспроизводя предъ ними нѣкогда содѣянное ими злодѣяніе: не даромъ они и послѣ опасались, какъ бы Іосифъ не вздумалъ отомстить имъ (Быт. L, 15) за причиненное ему нѣкогда зло. Но Іосифъ въ своемъ отвѣтѣ имъ торжественно выразилъ принципъ историческаго процесса съ высшей провиденціальной точки зрѣнія, когда сказалъ имъ: „Не бойтесь; ибо я боюсь Бога. Вотъ, вы умышляли противъ меня зло; но Богъ обратилъ это зло въ добро, чтобы сдѣлать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей“ (ст. 19, 20). Послѣднее выраженіе имѣетъ особенно знаменательный смыслъ: продавая Іосифа, братья тѣмъ самымъ совершали нѣчто въ родѣ убіенія его — по крайней мѣрѣ для себя и отца; а между тѣмъ это безкровное убійство въ концѣ концовъ привело къ тому, что чрезъ него спасена была жизнь не только самихъ братьевъ во время голода, но и жизнь цѣлаго народа въ Египтѣ—во время знаменитаго семилѣтняго голода.

Конечно, чтобы могъ быть достигнутъ этотъ великій резуль-

татъ, долженъ былъ совершиться цѣлый рядъ промежуточныхъ событій, которыя съ извѣстной точки зрѣнія кажутся совершенно случайными. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ показаться случайнымъ, что когда братья раздумывали, какъ имъ отдѣлаться отъ Іосифа, на горизонтѣ показался караванъ измаильскихъ купцовъ, который и навелъ братьевъ на мысль воспользоваться этимъ случаемъ. Случайно повидимому измаильтяне продали Іосифа придворному сановнику Потифару, въ домѣ котораго ему пришлось встрѣтиться съ сомнительной нравственности госпожей, которая притомъ послѣ извѣстной неудачи въ достиженіи своей цѣли оклеветала невиннаго юношу и конечно съ чисто безсердечною злобою обманувшейся въ своихъ низкихъ разсчетахъ женщины настояла на томъ, чтобы Потифаръ подвергъ его безпощадному наказанію, лишивъ свободы чрезъ заключеніе въ тюрьму. Все это повидимому случайно, и съ простой человѣческой точки зрѣнія тутъ нѣтъ ничего провиденціальнаго. Но, какъ говоритъ Боссюэтъ, то, что въ нашихъ глазахъ есть случай, въ дѣйствительности есть преднамѣреніе высшаго Разума [1]). И дѣйствительно, если мы возьмемъ этотъ фактъ во всемъ его объемѣ, то увидимъ, какъ всѣ эти случайности составили изъ себя поразительную цѣпь фактовъ, необходимо приведшихъ къ той конечной цѣли, которая имѣлась въ виду. Вѣдь не покажись въ этотъ самый день измаильскій караванъ, озлобленіе братьевъ могло бы привесть и прямо къ убійству Іосифа. Затѣмъ продай измаильтяне Іосифа не Потифару, а какому нибудь заурядному египтянину, весь послѣдующій рядъ событій не совершился бы: Іосифъ не встрѣтился бы съ сластолюбивой госпожей, не ввергнутъ былъ бы въ привилегированную темницу, не встрѣтился бы тамъ съ подвергшимися немилости сановниками фараона, не истолковалъ бы имъ сновъ, о немъ не доведено было бы до свѣденія фараона, онъ не сдѣлался бы министромъ Египта, не сдѣлалъ бы хлѣбныхъ запасовъ во время урожаевъ и погибъ бы самъ во время наступившаго голода, а вмѣстѣ съ нимъ погибли бы его братья, его престарѣлый отецъ и масса еги-

---

[1]) Oeuvres de Bossuet, t. I, стр. 297.

петскаго народа. Если же все это случилось какъ разъ наоборотъ, то всѣ эти случайности ясно свидѣтельствуютъ, что въ основѣ ихъ дѣйствовала высшая Разумная сила, съумѣвшая примирить то, что на простой взглядъ кажется случаемъ, съ тѣмъ, что даже и на простой взглядъ уже оказывается разумною необходимостью. И эта сила конечно есть не что иное, какъ промыслительная воля Божія, все направившая къ предопредѣленной цѣли такимъ путемъ, который нисколько не затрогивалъ личнаго самоопредѣленія дѣйствовавшихъ въ этомъ сложномъ событіи людей. Утверждать послѣ этого, что здѣсь совершилась простая игра случайностей (какъ должна утверждать всякая теорія, не признающая идеи Промысла), значило бы утверждать, что изъ случайно взятой и брошенной на воздухъ глины можетъ когда нибудь случайно образоваться какое нибудь художественное скульптурное произведеніе.

При посредствѣ совершенно такого же ряда случайностей состоялось и освобожденіе выросшаго на берегахъ Нила избраннаго народа отъ рабства египетскаго. Въ самомъ дѣлѣ, народъ, который предназначался быть носителемъ великой истины искупленія для распространенія ея въ человѣчествѣ, видимо погибалъ въ Египтѣ: жестокій деспотизмъ фараоновъ изобрѣталъ все новыя и новыя тягости, чтобы подорвать силы молодого народа, сокрушить его жизненность и превратить въ своего вѣчнаго дарового раба. Изданъ былъ даже кровожадный законъ объ умерщвленіи всѣхъ новорожденныхъ мальчиковъ, и конечно только безнадежное отчаяніе Амрама и Іохаведы подсказало имъ мысль, положить своего новорожденнаго мальчика-сына въ корзинку и спустить ее въ рѣку въ чащу напируснаго камыша, — чтобы онъ, если уже погибать ему, лучше погибъ невѣдомою для нихъ смертью, чѣмъ быть убитымъ на глазахъ своихъ родителей. И конечно, этотъ бѣдный мальчикъ могъ погибнуть отъ многихъ смертей: онъ могъ быть залитъ водою, задохнуться въ пеленкахъ, могъ быть наконецъ пожранъ первымъ, случившимся по близости крокодиломъ; но ничего этого не случилось, а случилось то, что бѣдный мальчикъ найденъ былъ царскою дочерью, которая сжалилась надъ нимъ, усыновила его и дала ему блистательное образованіе, „посвятивъ его во всю мудрость

египетскую" (Дѣян. VII, 22). А такъ какъ этотъ мальчикъ былъ никто иной, какъ Моисей, великій освободитель и законодатель народа, которому для совершенія своего великаго дѣла нужно было лично сталкиваться съ фараономъ и вести борьбу съ ученѣйшими жрецами и мудрецами Египта, то весь этотъ рядъ случайностей ясно обнаруживаетъ лежащую въ ихъ основа разумную волю, направлявшую все къ опредѣленной разумной цѣли. Эта разумность воли особенно ясно обнаруживается еще и въ томъ, что чудесное совпаденіе этихъ случайностей произошло не въ жизни кого-либо другого, а именно Моисея. И другіе родители навѣрно прибѣгали ко всевозможнымъ способамъ для спасенія жизни своихъ новорожденныхъ малютокъ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ усыновленъ дочерью фараона; да если бы даже кто-нибудь изъ нихъ и былъ усыновленъ или вообще какимъ нибудь образомъ принятъ при дворѣ, то все-таки, не обладая несокрушимою самобытностью геніальной натуры Моисея, онъ легко превратился бы въ честолюбиваго царедворца, для котораго личные интересы были бы выше всего на свѣтѣ, сталъ бы стыдиться своего происхожденія отъ жалкаго и презираемаго всѣми народа, вполнѣ отрекся бы отъ него и конечно изъ него вышелъ бы придворный льстецъ или великосвѣтскій нуль, а не великій избавитель народа и мудрѣйшій законодатель въ мірѣ. Если и здѣсь дѣйствовалъ простой случай, а не премудрый Разумъ, умѣющій изъ случайнаго калейдоскопа фактовъ создавать стройный планъ міроправленія,—то предполагать это, значитъ предполагать, что отъ случайнаго вулканическаго сотрясенія гранитныхъ горъ можетъ случайно образоваться Исаакіевскій соборъ...

Мы беремъ эти примѣры изъ Библейской исторіи, потому что эта исторія ярче изображаетъ пути Промысла Божія въ судьбахъ человѣка, чѣмъ исторія всякаго другого народа. Но параллельные факты можно указать и изъ исторіи другихъ народовъ. При этомъ прежде всего нужно замѣтить, что дѣйствіе Промысла отнюдь не ограничивается только избраннымъ народомъ. Оно простирается и на все человѣчество, хотя и не въ одинаковой степени. Какъ солнце, освѣщая всю землю, однакоже на однѣ страны изливаетъ

всю свою согрѣвающую и озаряющую силу, а другимъ предоставляетъ пользоваться только отраженіемъ слабыхъ и косвенныхъ лучей, такъ и Промыслъ Божій распространяетъ свое руководящее дѣйствіе не одинаково, а по мѣрѣ того, насколько извѣстный народъ стоитъ ближе къ центру духовной истины, къ солнцу религіозной правды, не оставляя однакоже безъ высшей помощи въ дѣлѣ достиженія высшаго блага ни одинъ народъ въ исторіи человѣчества. Здравая богословская мысль никогда не отрицала того положенія, что и языческіе народы, отпавшіе отъ истиннаго Бога и служившіе въ своей слѣпотѣ идоламъ, не были окончательно оставлены Богомъ, и Промыслъ велъ также и ихъ, хотя и иными путями, путями заблужденія, къ общей цѣли человѣчества. Различіе между ними и избраннымъ народомъ состояло лишь въ томъ, что языческіе народы, какъ самовольно отпавшіе отъ Бога, были болѣе предоставлены самимъ себѣ, чтобы до конца обнаружить то, къ чему можетъ привести богоотступничество, чтобы до дна испить горькую чашу своихъ грѣховныхъ страстей, опытомъ познать всю безпомощность человѣка въ состояніи его богооставленности, и вслѣдствіе этого самосознательно и съ чувствомъ глубокаго нравственнаго раскаянія опять придти къ исканію собственнымъ разумомъ того Бога, который нѣкогда былъ отвергнутъ имъ. И вся исторія древняго языческаго міра представляетъ поразительное доказательство этого. Отличительная особенность этого міра заключалась именно въ томъ, что это былъ міръ чисто человѣческаго развитія. Онъ состоялъ изъ народовъ, которые отвергли вѣру въ истиннаго Бога, въ своей гордости порѣшили жить безъ Бога, полагая, что собственныхъ человѣческихъ силъ вполнѣ достаточно для осуществленія цѣлей земной жизни. Такъ какъ вслѣдствіе этого имъ приходилось полагаться только на самихъ себя и на свою самодѣятельность, то отсюда среди нихъ именно впервые началась культура въ смыслѣ борьбы человѣка съ природой и ея силами. Типическими представителями такого культурнаго поколѣнія были Каинъ до потопа и Хамъ послѣ него. Какъ люди, отрѣшившіеся отъ всѣхъ возвышенныхъ идеаловъ жизни, они, а за ними и всѣ происшедшіе отъ нихъ народы стали жить только для себя, для своихъ зем-

ныхъ цѣлей. Эгоизмъ личный или національный сдѣлался ихъ богомъ, которому они и служили отъ всего сердца. Вся исторія древнеязыческаго міра представляетъ именно служеніе этому личному или національному эгоизму. Мы постоянно видимъ, съ какою настойчивостью древнеязыческіе народы стремятся достигнуть своихъ земныхъ цѣлей, удовлетворить свои земныя потребности, во всей полнотѣ развить свои силы и достигнуть того, что̀ они признавали своимъ національнымъ назначеніемъ. Египтяне съ изумительною настойчивостью развивали свою чистоматеріальную культуру и не щадили милліоновъ жизней, чтобы создать тѣ поразительные памятники человѣческаго трудолюбія, которые подъ названіемъ пирамидъ и досслѣ составляютъ предметъ удивленія народовъ. Ассиріяне съ такою же настойчивостью вели безпощадныя войны, подчиняя себѣ силою оружія народы западной Азіи. Финикіяне всю силу своего національнаго генія употребляли на развитіе торговли и изъ золота сдѣлали того тельца, который былъ для нихъ главнымъ божествомъ. Греки, отличаясь съ природы чувствомъ красоты и даромъ умозрѣнія, развивали этотъ свой идеалъ, съ презрѣніемъ относясь ко всѣмъ другимъ народамъ какъ къ варварамъ, недостойнымъ названія людей. Римляне всю цѣль жизни видѣли въ завоеваніи и на осуществленіе ея потратили весь свой національный геній, не щадя никакихъ жертвъ. Каждый изъ нихъ (равно какъ и каждый изъ другихъ не перечисленныхъ народовъ) всѣми силами стремился къ удовлетворенію только своихъ національныхъ цѣлей, полагая, что это удовлетвореніе и есть конечная цѣль ихъ бытія. О томъ, чтобы каждый народъ кромѣ своихъ національныхъ цѣлей имѣлъ еще и миссію общечеловѣческую, что каждый изъ нихъ долженъ былъ работать и на все человѣчество, объ этомъ древніе народы не имѣли и понятія, и самая мысль была чужда имъ. Хотя у нѣкоторыхъ философовъ по временамъ и проглядывала идея братства народовъ, но она не имѣла никакого практическаго значенія и фактически попиралась самими же философами [1]). Та-

[1]) Это раздвоеніе замѣтно даже у Сократа и Платона. См. о нихъ у Laurent, La Grèce (Histoire du droit, t. II).

кимъ образомъ вся исторія этихъ народовъ по самому ея характеру должна представлять лишь картину разрозненныхъ цѣлей, постоянно сталкивающихся между собою и взаимноподавляемыхъ—въ чисто эгоистическихъ разсчетахъ. Борьба за существованіе, самая безпощадная и часто ужасная, была главнымъ движущимъ мотивомъ ихъ жизни, и грубая сила торжествовала надъ всѣми лучшими и возвышенными задачами ея. Въ виду этого основнаго мотива можно бы ожидать, что древній міръ представитъ собою безотрадную картину взаимопожиранія народовъ, и вся его исторія закончится взаимоистребленіемъ, съ разрушеніемъ всего того, что могли бы выработать болѣе идеальные, но безсильные представители человѣчества. Но въ дѣйствительности, эта исторія вовсе не представляетъ такого безотраднаго хаоса. Напротивъ, мы видимъ, что хотя отдѣльные народы преслѣдовали исключительно свои національные интересы, однако въ тоже время каждый изъ нихъ несознательно трудился для какой-то высшей цѣли. Какая-то высшая воля незримо направляла ихъ, такъ, что они, работая по своему сознанію только для себя и достигая только своихъ цѣлей, въ тоже время работали для всего человѣчества и достигали его высшей идеальной задачи. Теперь уже не можетъ подлежать серьезному оспариванію тотъ фактъ, что вся исторія древняго міра представляла подготовленіе къ христіанству, и къ этой именно цѣли несознательно направлялись усилія народовъ. Ассиріяне напр., ведя свои кровожадныя войны, конечно имѣли въ виду только удовлетвореніе своей алчности и хищничества; но вмѣстѣ съ тѣмъ они же впервые силою оружія начали сближать и объединять между собою дотолѣ совершенно разрозненные народы, и въ этомъ отношеніи уже работали въ интересахъ человѣчества. Египтяне также вырабатывали матеріальную культуру и развивали свою мудрость конечно только для себя, вслѣдствіе чего даже всячески сторонились отъ всего окружающаго міра. Но эта культура однако сдѣлалась общечеловѣческимъ достояніемъ, такъ какъ окружающіе народы изъ алчности или зависти стремились воспользоваться ея плодами, грозные воители грабили Египетъ и увозили съ собою громадныя массы сокровищъ, которыя ложились въ основу матеріальнаго развитія ихъ собствен-

ныхъ странъ. Финикіяне вели торговлю изъ своихъ національныхъ интересовъ, а между тѣмъ, служа торговыми посредниками между отдаленными и отчужденными народами, они пролагали пути къ единенію между ними, сближали ихъ между собою, возбуждали соревнованіе въ производительности и содѣйствовали общему умственному развитію. Какое громадное значеніе для общечеловѣческой цѣли имѣли эти алчные и въ общемъ крайне недобросовѣстные торгаши (такою именно худою славою они пользовались у всѣхъ древнихъ народовъ), показываетъ тотъ фактъ, что эти именно торгаши впервые выработали (из египетскихъ или вавилонскихъ знаковъ, это еще нерѣшенный въ наукѣ вопросъ) алфавитъ, который легъ въ основу алфавитовъ всего цивилизованнаго міра. Сближеніе народовъ, начатое завоевателями и продолженное торгашами, нуждалось въ болѣе прочной основѣ, соотвѣтствующей болѣе благороднымъ стремленіямъ народовъ, и эта основа была выработана греками, которые, обладая высшимъ художественнымъ чутьемъ и силою философскаго мышленія, выработали выразительный, гармоничный и точный языкъ, способный выражать глубочайшіе оттѣнки мысли и чувства, и создали глубочайшую философію, способную обнимать самыя возвышенныя истины. Свои умственныя сокровища они вырабатывали только для себя, видя въ нихъ гордость и славу своего національнаго генія и считая другіе народы неспособными къ нимъ. Но этотъ національный эгоизмъ разрушенъ былъ Александромъ Великимъ, который, опять руководясь чисто національной задачей—отмстить персамъ, предпринялъ великій походъ въ Азію, и этотъ походъ имѣлъ громадное значеніе для распространенія эллинизма во всѣхъ его формахъ среди народовъ этого обширнаго материка. Греческій языкъ и греческая литература сдѣлались модными во всемъ образованномъ мірѣ и всякая мысль, воплощенная въ греческую форму, могла быстро становиться достояніемъ всего образованнаго, читающаго человѣчества по всему востоку. Оставался въ сторонѣ еще западъ, но и онъ скоро введенъ былъ въ общечеловѣчесую семью народовъ. Тамъ явился и съ чудесною быстротою развилъ необычайное могущество римскій народъ,—народъ, который выше всего на свѣтѣ ставилъ

внѣшній правовой порядокъ. А въ такомъ именно внѣшнемъ правовомъ порядкѣ теперь болѣе всего нуждался міръ, который достигъ высокой степени культуры, но не выработалъ общечеловѣческаго права и, подѣленный на неравныя политическія группы, велъ страшную самоистребительную войну. И вотъ римскій орелъ, сильно взмахнувъ своими могучими крылами, двинулся на завоеваніе міра, и чрезъ нѣсколько столѣтій разбойничій притонъ на берегу Тибра разросся въ міровую столицу. Всѣ народы, какъ цивилизованнаго востока, такъ и варварскаго еще запада, склонились предъ этимъ орломъ и подчинились введенному имъ повсюду правовому порядку, въ силу котораго прекратились всѣ взаимоистребительныя войны и повсюду водворился миръ. Введя въ предѣлы своего завоеванія Грецію, Римъ, подчинивъ ее своему оружію, самъ плѣнился ея культурой и такимъ образомъ пріобщился къ общечеловѣческой культурѣ. И вотъ, такимъ образомъ, изложеннымъ путемъ древній міръ пришелъ къ тому, что онъ весь объединенъ былъ и духовно и политически: всѣ прежде раздѣлявшія міръ грани, служившія препятствіемъ къ взаимообщенію народовъ, теперь были устранены; всякое слово на греческомъ языкѣ могло разноситься по всему міру и всякій проповѣдникъ, пользуясь правами римскаго гражданства, могъ безпрепятственно разъѣзжать по всѣмъ странамъ, пользуясь при этомъ великолѣпными военными дорогами на сушѣ и правильными рейсами кораблей на морѣ. Ясное дѣло, что только сознательная воля могла изъ хаоса международныхъ эгоистическихъ отношеній создать столь чудесныя условія для распространенія истины, и когда ложь собственно языческаго міросозерцанія была раскрыта философами, подорвавшими вѣру въ боговъ и произведшими въ народахъ духовную пустоту, которую они и жаждали заполнить истиной,— тогда-то именно въ отдаленномъ уголкѣ презираемой Іудеи родился Тотъ, Кто былъ истиной и свѣтомъ міру, и подготовленные народы съ благоговѣніемъ преклонились предъ Нимъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, какъ чисто національныя, эгоистическія цѣли отдѣльныхъ языческихъ народовъ древности послужили въ рукахъ высшей воли средствомъ приготовленія древняго

міра къ христіанству, какъ цѣли общечеловѣческой. Для осуществленія этой цѣли требовалось конечно множество всякихъ средствъ, и эти средства всегда оказывались въ высшей степени цѣлесообразными, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они повидимому должны бы имѣть какъ разъ обратное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ повидимому общаго между войной, предпринимаемой изъ чисто-національнаго чувства мщенія, и объединеніемъ народовъ на почвѣ общей высокоразвитой культуры? А между тѣмъ, такой именно результатъ имѣлъ походъ греческаго героя въ глубь Азіи — противъ персовъ. Римляне прежде всего конечно руководились въ своей завоевательной дѣятельности жаждой властолюбія и алчностью, — мотивами, совсѣмъ непригодными для водворенія мира на землѣ; а между тѣмъ ихъ завоеванія привели къ объединенію всѣхъ народовъ подъ однимъ правовымъ порядкомъ, который дѣйствительно водворилъ миръ на землѣ. Такихъ примѣровъ можно бы указать множество, и они показываютъ, какъ высшая воля умѣетъ обращать на достиженіе своей цѣли даже совершенно противорѣчащія ей средства. Затѣмъ, въ самомъ процессѣ этого громаднаго подготовительнаго труда встрѣчаются моменты, когда вся судьба міра такъ сказать висѣла на волоскѣ, и случись что нибудь иначе, весь дальнѣйшій ходъ исторіи могъ бы, а по человѣческому разсужденію, и долженъ бы получить совершенно иное направленіе. Въ самомъ дѣлѣ — походъ Александра великаго въ Азію имѣлъ рѣшающее значеніе для торжества греческой культуры въ мірѣ; а между тѣмъ этого похода могло бы и не осуществиться, если бы не произошло одной ничтожной случайности, именно если бы въ 337 году во время своего брачнаго пиршества Филиппъ Македонскій не поскользнулся и не упалъ. Во время этого пиршества, какъ извѣстно, Филиппъ, раздраженный на своего уже взрослаго тогда сына Александра, бросился на него съ обнаженнымъ мечемъ и несомнѣнно закололъ бы его, — но отъ порывистаго движенія поскользнулся и упалъ, и этотъ случай спасъ жизнь величайшему герою въ мірѣ [1]). Но если эта ничтожная случайность спасла

[1]) См. W. Smith, History of Greece, p. 522.

для міра величайшаго генія, бывшаго столь необходимымъ для достиженія великой міровой цѣли, то другая случайность преждевременно отняла его у исторіи. Эта случайность была преждевременная смерть, скосившая его, какъ извѣстно, въ 32-лѣтнемъ возрастѣ, когда онъ, только что закончивъ свое завоеваніе міра, сталъ строить планъ основанія всемірной монархіи. Смерть его не разъ оплакивалась и древними и новыми историками, которые справедливо указывали на этого ужаснаго врага, весьма часто своей косой сражающаго людей въ тотъ именно моментъ, когда они, достигнувъ цѣли своей жизни, думаютъ воспользоваться плодами своихъ страшныхъ усилій. Не умри Александръ въ столь раннемъ возрастѣ, онъ конечно закончилъ бы предпринятое имъ дѣло, основалъ бы могущественную монархію, которую въ цѣлости передалъ бы своему преемнику. Вся послѣдующая исторія могла бы получить совершенно иное направленіе. Но смерть однимъ ударомъ разрушила всѣ возможности,—и если внимательно всмотрѣться въ ходъ историческихъ событій, то это было во всѣхъ отношеніяхъ къ лучшему для человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, если бы Александръ дѣйствительно основалъ всемірную монархію, то эта монархія, какъ состоящая главнымъ образомъ изъ странъ востока, по необходимости сдѣлалась бы деспотическою—съ ея обычнымъ произволомъ и недостаткомъ справедливости; даже если бы въ ней восторжествовалъ греческій элементъ, то и въ такомъ случаѣ въ ней во всей силѣ проявилась бы греческая неспособность къ политической организаціи и началась бы безконечная путаница политическихъ страстей, интригъ и соперничества между ея отдѣльными областями. Наконецъ, объединенный политически эллинизмъ по необходимости встрѣтился бы съ Римомъ, востокъ столкнулся бы съ западомъ, и отъ этого столкновенія двухъ великихъ завоевателей потряслись бы основы міра и во время исполинской борьбы погибли бы многіе города и цѣлые народы. Всѣ эти бѣдствія были устранены одною случайностью—смертью Александра, и вслѣдствіе этого все случилось именно такъ, какъ и должно было случиться по плану историческаго движенія: грандіозный планъ

восточной всемірной монархіи рушился, преемники Александра подѣлили между собой великую добычу геніальнаго завоевателя, крайне ослабили себя, и чувствуя свое политическое и военное ничтожество, не задавались уже никакими завоевательными замыслами, а полагали свою честь въ томъ, что и было несознательной, но главной задачей Александра, именно сдѣлались страстными поклонниками и распространителями греческой культуры, которую и водворяли повсюду. Когда же они такимъ образомъ закончили дѣло эллинизма, то Римъ могъ безъ всякаго труда, часто однимъ страхомъ своего имени ввести ихъ въ сферу своей всемірной монархіи съ ея правовымъ порядкомъ, долженствовавшимъ водворить на землѣ человѣческую справедливость, какъ подготовленіе къ явленію правды божественной. Наконецъ въ этомъ процессѣ былъ еще одинъ великій моментъ, когда судьба міра висѣла на волоскѣ. Это было въ 216 г., когда происходила борьба на жизнь и смерть между Римомъ и Кареагеномъ. Кареагенъ въ лицѣ своего военнаго генія Ганнибала видимо бралъ перевѣсъ, и Римъ стоялъ на краю гибели. Сдѣлай онъ еще одинъ шагъ, и Римъ погибъ-бы, а вмѣстѣ съ нимъ погибла бы и вся римская цивилизація; съ всемірно-историческаго поприща сметенъ былъ бы народъ-цивилизаторъ, водворившій по всей западной Европѣ начала своего права, которыми она въ значительной степени живетъ и доселѣ; полудикіе народы ея сдѣлались бы рабами Кареагена, который внесъ бы въ нихъ разрушительный ядъ своей торговой эксплоатаціи, своей безчестной политики и своего безнравственнаго, развращающаго культа. Однимъ словомъ вся судьба западнаго міра измѣнилась бы въ корнѣ. Но этого не случилось,—и просто потому, что сами же кареагеняне, въ своемъ непостижимомъ ослѣпленіи, изъ-за своихъ партійныхъ счетовъ не дали во-время надлежащаго подкрѣпленія своему герою-побѣдителю, и тѣмъ самымъ спасли великаго западнаго цивилизатора, а себѣ вырыли историческую могилу. Поистинѣ, можно сказать съ Боссюэтомъ, что „Богъ съ высоты небесъ держитъ въ своихъ рукахъ бразды всѣхъ царствъ“, и когда Онъ хочетъ ниспровергнуть царство, то ослѣпляетъ мудрость человѣческую и

спутываетъ совѣты ея, такъ что народы сами неудержимо стремятся къ своей погибели [1]).

Но если и въ языческомъ мірѣ съ такою очевидностью давала о себѣ знать высшая воля, все направлявшая къ одной опредѣленной цѣли, подчиняя ей частныя цѣли отдѣльныхъ народовъ, то тѣмъ понятнѣе становится, что эта-же воля еще явственнѣе выступаетъ въ исторіи избраннаго народа. Идея избранности совершенно непонятна съ точки зрѣнія естественнаго разума, старающагося видѣть въ исторія лишь процессъ естественныхъ силъ и случайностей, простой необходимой эволюціи. А между тѣмъ исторія представляетъ намъ дѣйствительный фактъ избраннаго народа, который, занимая совершенно особое положеніе въ мірѣ и даже среди своей собственной расы, будучи народомъ съ обыденной мірской точки зрѣнія совершенно незначительнымъ, не создавшимъ ни собственной культуры, ни собственной философіи, однакоже въ данный моментъ оказалъ на человѣчество такое вліяніе, предъ которымъ блѣднѣетъ вліяніе величайшихъ народовъ языческаго міра. Въ самомъ дѣлѣ, на обычный взглядъ это совершенно странный народъ. Онъ занималъ ничтожнѣйшій уголокъ на земномъ шарѣ, сторонился отъ всѣхъ окружающихъ народовъ, враждовалъ даже съ своими единоплеменниками, говорившими съ нимъ на одномъ и томъ же языкѣ (какъ моавитяне и др.), былъ предметомъ презрѣнія и поношенія у великихъ культурныхъ народовъ, которые не иначе смотрѣли на него, какъ на народъ злобный и человѣконенавистный, ни къ чему неспособный и преданный самымъ нелѣпымъ суевѣріямъ и гнусностямъ. Политически онъ (за исключеніемъ непродолжительнаго періода первыхъ трехъ царей) былъ такъ слабъ, что никогда не игралъ самостоятельной роли въ международныхъ отношеніяхъ, и всегда былъ лишь жалкой игрушкой въ рукахъ великихъ окружающихъ монархій,—буферомъ, за которымъ особенно любилъ укрываться хитрый фараонъ въ борьбѣ съ Ассиро-Вавилоніей, подводя его подъ тѣ грозные удары, которые предназначались для самого Египта. Это былъ народъ—какъ-бы пасынокъ

[1]) Oeuvres, vol. I, p. 297, Discours, ч. III, гл. VIII.

исторіи, забитый судьбою. Всемірные завоеватели, съ презрѣніемъ относясь къ его ничтожеству, не удостоивали его даже своего высокомѣрнаго вниманія, и мимоходомъ давъ ему презрительный толчекъ съ той или другой стороны, нисколько не заботились объ устроеніи его судьбы, а напротивъ, когда оказывалось нужнымъ устранить его совсѣмъ, они весь уводили его въ плѣнъ, чтобы заселить имъ какіе нибудь необработанные пустыри и потопить его въ морѣ другихъ народностей. Римляне смотрѣли на іудеевъ какъ на отребіе человѣчества, и не считая ихъ пригодными даже быть полезными въ качествѣ рабовъ, съ презрѣніемъ за самую ничтожную плату отпускали тѣхъ плѣнниковъ, которыхъ привелъ въ Римъ Помпей. Однимъ словомъ — народъ, самое существованіе котораго на обыденный взглядъ было странной ошибкой исторіи,—въ родѣ той ошибки, какую иногда допускаетъ и природа, создавая какія нибудь во всѣхъ отношеніяхъ безполезные и поэтому лишніе виды живыхъ существъ (въ родѣ мухъ или комаровъ). Такъ смотритъ на него, да и не можетъ иначе смотрѣть простая теорія эволюціонизма, полагающая, что весь историческій процессъ есть результатъ слѣпой необходимости. И однакоже, стоитъ только взглянуть съ другой высшей точки зрѣнія,—съ той точки зрѣнія, по которой не только въ исторіи нѣтъ ничего лишняго и безцѣльнаго, но даже и волосъ съ головы не падаетъ напрасно, и то, что̀ казалось страннымъ и безцѣльнымъ, получаетъ глубочайшій, поразительно цѣлесообразный смыслъ, озаряющій всю исторію человѣчества. Идея избранности съ этой точки зрѣнія является логически необходимымъ явленіемъ въ исторіи. Вѣдь если человѣчество должно было достигнуть своей цѣли, именно высшаго блага въ смыслѣ соединенія съ Богомъ, то оно во всякомъ случаѣ должно было имѣть среди себя зародышъ, изъ котораго логически могъ развиться планъ спасенія. Языческіе народы, какъ отпавшіе отъ Бога и забывшіе Его, по влеченію своихъ страстей и руководству своего извращеннаго разума, естественно имѣли тенденцію все дальше и дальше идти по тому же пути богоотчужденія и ихъ разумъ уже не въ состояніи былъ возсоздать себѣ потерянный положительный идеалъ высшаго блага, и только отрицательнымъ путемъ могъ при-

водить къ сознанію потребности въ немъ. Поэтому нужно было дать противовѣсъ этому грѣховному развитію, и онъ данъ былъ именно въ лицѣ избраннаго народа, который, будучи поставленъ посреди его и имѣя положительный идеалъ въ своихъ богооткровенныхъ книгахъ, въ своемъ божественномъ законѣ, могъ всегда служить живымъ изобличеніемъ языческаго заблужденія и такъ сказать свѣтящимъ маякомъ, указывавшимъ нормальный путь историческаго развитія. Избранный народъ, по удачному сравненію знаменитаго мыслителя-богослова, былъ тѣмъ же въ исторіи человѣчества, чѣмъ является совѣсть въ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка,—именно скромнымъ свидѣтелемъ истины среди заблужденія языческаго міра [1]). Какъ совѣсть внутри человѣка постоянно возвышаетъ свой голосъ противъ нравственнаго заблужденія, противопоставляя ему законъ какъ норму развитія, такъ и избранный народъ долженъ былъ служить нагляднымъ изобличителемъ тьмы языческаго заблужденія, вслѣдствіе чего онъ и былъ предметомъ ненависти и презрѣнія со стороны гордыхъ язычниковъ, невольно чувствовавшихъ въ немъ безмолвнаго обличителя ихъ неправды. Какъ такой, онъ былъ необходимымъ моментомъ историческаго воспитанія человѣчества, и вся исторія его удивительно приспособлена къ этой цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, самый уголокъ, обитаемый этимъ народомъ, былъ чудесно приспособленъ къ его исторической миссіи. Палестина по своему географическому положенію занимала какъ разъ центральное мѣсто среди древняго цивилизованнаго міра, почти въ буквальномъ смыслѣ представляя собою пупъ земной, и въ ея горныхъ ущельяхъ и долинахъ народъ могъ жить въ отчужденіи отъ всего окружающаго міра, хотя въ тоже время, когда настала пора для общенія съ этимъ міромъ, онъ лежалъ подъ рукою: тутъ же были и Египетъ съ своею многовѣковою мудростью, и Ассиро-Вавилонія съ ихъ поразительною культурою, и Финикія съ ея кораблями, готовыми вести проповѣдниковъ истинной вѣры хоть на край свѣта, и

---

[1]) Martensen, Die christliche Dogmatik, Berlin, 1856, стр. 213, § 121. Ср. нашу «Библейскую Исторію при свѣтѣ нов. изслѣд. и открытій», т. II, стр. 676.

Грецiя съ ея богатѣйшей наукой и философiей. И вотъ поэтому, когда среди народовъ началось историческое движенiе къ взаимообщенiю, то каждый изъ нихъ волей или неволей, такъ или иначе долженъ былъ соприкасаться или сталкиваться съ этимъ народомъ и по необходимости знакомиться съ его жизнью и закономъ, съ его царями и его духовными выразителями - пророками, которые уже рано начали распространять свою дѣятельность за предѣлы Палестины. Уже Илiя и Елисей бывали въ окружающихъ странахъ, а Iона своею проповѣдью потрясъ гордыню даже высокомѣрной Ниневiи, предъ которою трепеталъ мiръ. А когда языческiй мiръ уже настолько изжилъ свои собственныя начала, что началъ чувствовать духовную пустоту, то избранный народъ долженъ былъ громко возвѣстить предъ нимъ сохранявшуюся имъ истину, и къ этой проповѣди мiру приводили его самыя неожиданныя событiя, повидимому не имѣвшiя никакой связи съ проповѣднической миссiей. Конечно великiе ассиро-вавилонскiе воители, переселяя цѣликомъ покоренный ими презрѣнный народъ, не имѣли при этомъ въ виду никакихъ высшихъ цѣлей, кромѣ цѣлей своей политики и алчности; да и самъ завоеванный народъ видѣлъ въ своемъ политическомъ плѣненiи только гнѣвъ Божiй за свои многочисленныя прегрѣшенiя. Но въ дѣйствительности, все направлялось къ высшей цѣли и чудесно содѣйствовало ей. Настало время, когда языческiе народы должны были ближе познакомиться съ истинной религiей, и какъ разъ въ это время грозные воители начали своей могучей рукой разсѣевать избранный народъ по разнымъ странамъ, гдѣ онъ становился невольнымъ миссiонеромъ своей вѣры. Со времени плѣна вавилонскаго избранный народъ буквально становится народомъ всемiрнымъ, раскинувшимъ сѣть своего миссiонерства по всему цивилизованному мiру и имѣвшимъ доступъ во всѣ сферы жизни—отъ бѣдной хижины поселянина и ремесленника до гордыхъ дворцовъ царей и кесарей. И такъ какъ повсюду уже начиналась чувствоваться та томительная духовнонравственная пустота, которая образовалась вслѣдствiе разрушенiя народныхъ языческихъ вѣрованiй со стороны безпощадной въ своей критикѣ философiи, изобличившей все ничтожество такъ называемыхъ боговъ,

то народы съ суевѣрнымъ страхомъ начали прислушиваться къ проповѣди страннаго народа, вѣровавшаго въ какого-то единаго, таинственнаго Бога. Когда геній Александра великаго объединилъ восточные народы на почвѣ греческаго языка и культуры, то этимъ самымъ подготовилъ возможность того, что греческій переводъ Библіи могъ сдѣлаться доступнымъ для всѣхъ тѣхъ, кто желалъ познакомиться съ вѣрою избраннаго народа въ ея первоисточникѣ. И когда они ознакомились, то къ изумленію своему нашли въ его вѣрѣ именно то, чего жаждала ихъ собственная душа,—идею личнаго, безконечно всемогущаго, всеправеднаго и безконечно любящаго Бога, безконечное сердце котораго способно обнять своею любовію весь міръ. И еще болѣе того. Древніе народы, потерявъ вѣру въ своихъ боговъ, потеряли и вѣру въ лучшее будущее. Они изнывали подъ томительною тяжестью нравственной пустоты и негодности, и самое мрачное отчаяніе томило душу даже величайшихъ мыслителей, которые наконецъ ни въ чемъ не видѣли болѣе спасенія отъ бѣдственности и пустоты земной жизни, какъ только въ самоубійствѣ [1]). И понятно, что среди этой самоубійственной безотрадности истинно сладостнымъ благовѣстіемъ прозвучала проповѣдуемая избраннымъ народомъ идея, что міръ еще не долженъ погибнуть, что скоро долженъ придти на землю самъ Богъ, чтобы освободить народы отъ тяготѣющаго на нихъ ига грѣховности и всѣхъ ихъ ввести въ свое царство, гдѣ не будетъ уже больше ни іудея ни эллина, ни раба ни свободнаго, а будетъ одно великое братство, основанное на правдѣ и любви. Вотъ почему съ чудесною быстротою разнеслась по всей Римской имперіи, отмѣченная даже римскими историками и поэтами, молва, что изъ ничтожной Іудеи возстанетъ великій царь, предъ которымъ повергнется въ ничтожество самъ кесарь. И тогда-то въ отвѣтъ на напряженное ожи-

---

[1]) Плиній младшій писалъ: «Изъ всѣхъ благъ, данныхъ человѣку природой, нѣтъ лучше благовременной смерти; а еще лучше то, что каждый можетъ самъ причинить ее себѣ» (idque in ea optimum, quod illam sibi quisque praestare poterit). Hist. Nat. XXVIII, 2.

даніе міра—дѣйствительно явился Христосъ, Спаситель міра, и Его явленіе было завершеніемъ всей исторіи древняго міра.

Такъ закончился историческій процессъ древняго міра, который, не смотря на всѣ уклоненія отъ предназначенной ему цѣли, въ концѣ концевъ въ обѣихъ своихъ половинахъ, стремившихся къ совершенно разнымъ цѣлямъ и шедшихъ по совершенно различнымъ дорогамъ, пришелъ къ одной и той же цѣли, которая именно и была цѣлію человѣчества и цѣлію Бога. Такъ-то дивны и неисповѣдимы пути Божіи. Эволюціонизмъ конечно можетъ возразить на это, что весь изложенный процессъ есть лишь субъективное построеніе разума, а не объективный планъ, и что пути Божіи потому и называются неисповѣдимыми, что они недоступны изслѣдованію конечнаго человѣческаго разума [1]). Но возраженіе это основывается на полномъ недоразумѣніи. Конечно пути Божіи неисповѣдимы и никакая философія исторіи не въ состояніи постигнуть всей глубины премудрости Промысла, часто дѣйствующаго въ исторіи по мотивамъ, скрытымъ отъ человѣка. Поразительный примѣръ этого представляетъ исторія Іова, который при всей своей праведности пережилъ рядъ страшныхъ испытаній и бѣдствій, не имѣвшихъ для себя никакого достаточнаго основанія въ глазахъ ни его самого, ни окружавшихъ его людей, такъ что послѣдніе, теряясь въ догадкахъ о причинѣ ихъ, пришли къ совершенно ложному убѣжденію, что Іовъ заслужилъ всей этой бѣдственности какимъ-нибудь тяжкимъ тайнымъ грѣхомъ. А между тѣмъ оказалось, что причина этой бѣдственности праведника лежала далеко за предѣлами логики человѣческихъ событій, въ тѣхъ высшихъ сферахъ, гдѣ царствуетъ вѣчная правда, сдѣлавшая праведника средствомъ торжества истины надъ исконною ложью [2]). И конечно, не будь открыто этой тайны, человѣческая логика такъ и потерялась бы въ безосновательныхъ догадкахъ. Но въ томъ-то и

---

[1]) Такое именно возраженіе противъ построенія плана исторіи съ точки зрѣнія Промысла выставляетъ проф. Н. И. Карѣевъ въ своихъ «Основныхъ вопросахъ философіи исторіи» т. I, стр. 484.

[2]) См. нашу «Библейскую Исторію при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій», т. I, стр. 139.

дѣло, что Промыслъ, ведя человѣчество къ опредѣленной цѣли, не скрываетъ этого водительства, а напротивъ — имѣя дѣло съ разумными, нравственно свободными существами, то и дѣло открываетъ имъ свою волю, давая ее уразумѣть чрезъ голосъ совѣсти, чрезъ особыхъ великихъ посланниковъ или великихъ людей, чрезъ поучительныя испытанія жизненнаго опыта. Никогда еще не было народа, который бы сознательно стремился ко злу или не старался уразумѣть высшей воли изъ испытаній своей жизни. Поэтому исторія для каждаго народа какъ книга опыта всегда служитъ источникомъ практической назидательности и уразумѣнія того, въ чемъ заключается высшее благо для народа и высшая цѣль его назначенія. Только на основаніи конечно исторіи римскій поэтъ съ такою поразительною мѣткостью охарактеризовалъ миссію римскаго народа, когда онъ сказалъ, что назначеніе его—„управлять народами“ [1]), и въ этомъ смыслѣ исторія была истиннымъ откровеніемъ божественной воли для римскаго народа, что и нашло себѣ блистательное подтвержденіе въ дѣйствительности. Съ такою же поразительною мѣткостью пророки опредѣляли миссію избраннаго народа — „быть свѣтомъ для народовъ“ [2]), и она также нашла себѣ оправданіе въ дѣйствительной судьбѣ этого народа. Если такимъ образомъ въ исторіи каждаго народа открывается высшая воля, указывающая ту цѣль, къ которой долженъ стремиться тотъ или другой народъ, а слѣдовательно опредѣляется и планъ его историческаго движенія, то уже по простой логикѣ выходитъ, что исторія всѣхъ народовъ вмѣстѣ взятыхъ можетъ и должна служить проявленіемъ или откровеніемъ высшей воли Промысла касательно цѣли стремленія всего человѣчества, а сообразно съ цѣлію опредѣляется и самый планъ. И планъ этотъ настолько ясенъ въ своихъ общихъ чертахъ, что не даромъ же онъ сдѣлался аксіомой въ исторической наукѣ, такъ что отъ него не могутъ освободиться

---

[1]) Tu regere imperio populos, Romane, memento,
Haec tibi erunt artes!
(Помни, римлянинъ, что властвовать надъ народами, —
Вотъ твое искусство!). Изреченіе Виргилія.

[2]) Исаіи XLII, 6; XLIX, 6.

въ своей исторической концепціи даже такіе умы, которые имѣютъ явный интересъ низвесть весь всемірноисторическій процессъ на почву чисто естественнаго и слѣдовательно случайнаго развитія человѣчества [1]). Если планъ, составляющій логическій выводъ изъ столь осязательныхъ историческихъ фактовъ, есть построеніе субъективное, то въ такомъ случаѣ можно отчаяться за всякую вообще логику и по меньшей мѣрѣ за возможность разграниченія между тѣмъ, что субъективно, и тѣмъ, что можетъ быть названо объективнымъ. И во всякомъ случаѣ эволюціонизмъ даже въ его урѣзанной формѣ, въ какой онъ является въ теоріи проф. Н. И. Карѣева, отнюдь не обезпечиваетъ большей объективности въ воззрѣніи на исторію, хотя онъ и отказывается отъ возможности построенія какого бы то ни было историческаго плана и даже не признаетъ никакихъ историческихъ законовъ [2]). Для всякаго непредубѣжденнаго разума, существованіе въ исторіи разумной всемогущей воли, все направляющей къ опредѣленной цѣли и повсюду проявляющей чудесную цѣпь приспособленныхъ средствъ къ достиженію предназначенныхъ цѣлей, имѣетъ гораздо болѣе реальное значеніе и слѣдовательно отличается болѣе объективнымъ характеромъ, чѣмъ предположеніе какого-то полусознательнаго тяготѣнія силъ по пути прогресса—къ достиженію какого-то недостижимаго равновѣсія силъ [3]).

Въ явленіи христіанства древній міръ нашелъ свое завершеніе. То, къ чему стремились языческіе народы несознательно, а избранный народъ сознательно—исполнилось. Состоялось соединеніе Божества съ человѣчествомъ и въ лицѣ Богочеловѣка явился какъ Искупитель грѣховнаго человѣческаго рода отъ ига смерти, такъ и совершеннѣйшій образецъ нравственности. Вмѣстѣ съ этимъ въ исторію внесенъ былъ новый факторъ, котораго не было въ древ-

---

[1]) Напр. даже Ренанъ въ своей Histoire du peuple Israel въ исторической концепціи роли израильскаго народа весьма близко соприкасается съ Боссюэтомъ, великимъ выразителемъ идеи промыслительнаго домостроительства въ исторіи человѣчества. См. введеніе въ I томѣ.

[2]) Основные вопросы, т. I, стр. 205 и сл.

[3]) Исторія и философское значеніе идеи прогресса, статья проф. Н. И. Карѣева, «Сѣверный Вѣстникъ», декабрь, 1891 г., стр. 65.

ности, — именно спасающая благодать, какъ сила, вліяющая на волю непосредственнымъ образомъ и ставящая человѣка на прямой путь къ сознательному достиженію ясно поставленной цѣли, достиженія царства Божія. Этотъ факторъ передвинулъ центръ тяжести въ сознаніи человѣка. Если прежде подъ давленіемъ ига грѣховности воля человѣческая имѣла больше наклонности къ отчужденію отъ Бога, то теперь въ ней стала преобладать наклонность къ соединенію съ Нимъ,—вслѣдствіе чего если въ древности избранный народъ былъ слабъ и ничтоженъ, теряясь почти среди необозримыхъ массъ народовъ языческихъ, то теперь христіанскій міръ, составляющій прямое продолженіе избраннаго народа, стоитъ во главѣ человѣчества, а дѣятельность его миссіонеровъ буквально обнимаетъ весь земной шаръ, рано или поздно долженствующій преклониться предъ Крестомъ. Но хотя центръ тяжести въ сознаніи новѣйшаго міра и передвинулся въ пользу болѣе дѣятельнаго стремленія человѣчества къ высшему благу, однако это нисколько не измѣнило общаго плана нравственнаго міроправленія, и какъ прежде, такъ и теперь человѣчество есть предметъ любящаго руководительства и воспитанія со стороны Промысла. Христіанинъ по сравненію не только съ язычникомъ, но и іудеемъ есть гораздо болѣе нравственнозрѣлая личность, вслѣдствіе чего и воспитательный пріемъ по отношенію къ ней долженъ былъ значительно измѣниться; но такъ какъ и въ этой зрѣлой личности остались слѣды прежняго разлада, плоть попрежнему воюетъ противъ духа и на каждомъ шагу искушенія подвергаютъ тяжкому испытанію даж освященную и искупленную свободу, то высшее воспитательное руководительство необходимо и теперь, и оно составляетъ такую же сущность историческаго процесса, какъ и прежде. И если мы окинемъ взглядомъ прожитые вѣка новѣйшей христіанской исторіи, то хотя этотъ міръ еще не законченный и слѣдовательно, не представляя конечныхъ результатовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ не даетъ возможности болѣе или менѣе полно обнять планъ его развитія, однако и въ томъ, что уже совершилось, нельзя не усмотрѣть поразительнаго водительства Промысла, все направляющаго къ опредѣленной цѣли. Пути Его въ этомъ отношеніи также неисповѣдимы

и нѣкоторыя явленія очевидно составляютъ тайну высшаго домостроительства, въ которую невозможно проникнуть ограниченному человѣческому разуму. Такую тайну напр. представляетъ то явленіе, что огромныя группы народовъ съ высокоразвитой, своеобразной культурой, какъ Китай и Индія, остались въ сторонѣ отъ христіанства, что многіе уже христіанскіе народы были отсѣчены отъ тѣла церкви мечемъ лжепророка, знамя котораго гордо развѣвается тамъ, гдѣ нѣкогда возвышался крестъ, что самъ христіанскій міръ распался на враждебныя между собой общины, взаимнымъ соперничествомъ истощающія свои силы, что сама православная церковь въ значительной своей части несла и несетъ еще иго лжепророка и часто раздирается ересями и расколами, и многія другія подобныя явленія. Все это въ извѣстномъ отношеніи есть тайна домостроительства Божія, и никакой умъ не можетъ проникнуть въ совѣты Промысла, какъ не могъ бы проникнуть онъ въ тайну причины страданій праведнаго Іова, превосходившую всякую возможность логическаго мышленія о ней. Современемъ, когда мы, освобожденные отъ чувственныхъ ограниченій своей природы, станемъ лицемъ къ лицу съ самымъ источникомъ истины, предъ нами конечно во всемъ объемѣ откроются всѣ тайны историческаго домостроительства. Но теперь наше знаніе ограниченно, мы познаемъ даже осязаемые предметы только какъ-бы зерцаломъ гаданія, никогда не имѣя возможности проникнуть до вещи самой въ себѣ; тѣмъ менѣе конечно могутъ быть доступны намъ во всей полнотѣ тайны Промысла въ историческихъ судьбахъ человѣчества. Но даже и при теперешнемъ знаніи мы все-таки при помощи историческаго созерцанія можемъ отчасти понимать цѣлесообразность даже и такихъ явленій, которыя повидимому стоятъ въ прямомъ противорѣчіи съ общимъ планомъ историческаго домостроительства.

Въ нашу задачу не входитъ полное изложеніе этого плана [1]), и для насъ совершенно достаточно будетъ отмѣтить лишь нѣкото-

---

[1]) Популярный опытъ его построенія сдѣланъ проф. Кнейзелемъ въ его небольшой упомянутой уже выше книжкѣ Die Weltgeschichte ein Zufall? Berlin, 1891.

рия выдающіяся черты его. И прежде всего мы можемъ указать на тотъ самоочевидный фактъ, что новѣйшій христіанскій міръ, какъ болѣе зрѣлый, пользуется въ своей жизнедѣятельности гораздо большею свободою самоопредѣленія, чѣмъ древній избранный народъ, который въ сущности находился подъ игомъ закона, опредѣлявшаго всю его жизнь — до мельчайшихъ подробностей. Это очевидно высшая ступень воспитательнаго процесса. Сообразно съ этою ступенью зрѣлости, воспитываемому предоставляется больше возможности извлекать собственными силами уроки для себя изъ собственныхъ житейскихъ испытаній, такъ какъ это именно воспитаніе глубже захватываетъ все существо человѣка, чѣмъ внѣшнія наставленія и правила. И вотъ вся христіанская исторія есть именно непрерывный рядъ подобныхъ воспитательныхъ испытаній человѣчества, заканчивавшихся обыкновенно глубокимъ и плодотворнымъ урокомъ для него. Такъ, уже съ первыхъ вѣковъ христіанства мы встрѣчаемся съ тѣмъ фактомъ, что, злоупотребляя свободой, массы христіанъ уклонялись отъ истины евангелія и впадали во всевозможныя сектантскія бредни, неизбѣжно сопровождавшіяся крайнею распущенностью и упадкомъ нравственности. Но этотъ печальный опытъ немедленно вызывалъ реакцію, и плодотворнымъ результатомъ его было то, что сущность христіанскаго вѣроученія была точно и подробно опредѣлена на вселенскихъ соборахъ. Когда однако и вселенскіе соборы не въ состояніи были обуздать церковнаго и умозрительнаго своеволія еще не достаточно проникшихся духомъ евангелія народовъ и по всему востоку продолжалось пагубное религіознонравственное броженіе, проявлявшееся во множествѣ возникавшихъ и исчезавшихъ сектъ, которыя дерзко разрывали церковь и злоупотребляли свободой, то оказалась необходимою болѣе сильная мѣра. Для очищенія церкви отъ накопившейся въ ней сектантской и нравственной скверны нуженъ былъ бичъ, который въ лицѣ лжепророка и совершилъ свою очистительную работу. Какъ буря очищаетъ застоявшуюся атмосферу, такъ и исламъ, подобно бурѣ пронесшись по всему востоку, очистилъ христіанскій міръ отъ накопившихся въ немъ міазмовъ, поглотивъ въ себя всѣ негодные для церкви элементы. Внѣ-

стѣ съ тѣмъ исламъ, представляя собою новую форму подзаконнаго ига, какъ-бы нарочно созданъ былъ для того, чтобы самымъ своимъ существованіемъ представлять глубочайшій контрастъ христіанству, наглядно показывая все преимущество его какъ царства свободы [1]. Понятнымъ съ этой воспитательно-промыслительной точки зрѣнія становится и распаденіе христіанства на враждебныя между собою общины. Происхожденіе различныхъ вѣроисповѣдныхъ формъ съ достаточностью объясняется отчасти неспособностью человѣческаго ума, въ отчужденіи его отъ авторитета вѣры, обнять истину христіанства во всей ея полнотѣ и отчасти злоупотребленіемъ христіанской свободой — въ предпочтеніи національно-культурныхъ интересовъ интересу вселенской истины [2]. Съ этой стороны раздѣленіе христіанства такимъ образомъ есть зло или по меньшей мѣрѣ выраженіе духовной немощи. Но съ высшей точки зрѣнія и оно не лишено глубокаго значенія и есть одинъ изъ существенныхъ элементовъ въ дѣлѣ воспитанія христіанскаго самосознанія. Въ каждомъ изъ главныхъ вѣроисповѣданій выразилась особенно какая либо одна изъ сторонъ христіанства, и вслѣдствіе этого могла получить такое развитіе, какого она не могла бы имѣть при отсутствіи раздѣленія. Въ самомъ дѣлѣ въ римскомъ католицизмѣ съ необычайною силою развилась внѣшняя юридическая сторона христіанства до такой степени, что римская церковь въ періодъ ея высшаго развитія могла чисто внѣшнимъ

---

[1]) Съ этой-же точки зрѣнія не трудно понять и значеніе того факта, что такія старыя страны культурныя, какъ Китай и Индія, остались внѣ христіанства. Въ нихъ христіанскому міру какъ-бы нарочито сохраненъ наглядный примѣръ того духовнаго и вообще культурнаго состоянія, къ которому могъ придти языческій міръ собственными силами и дальше котораго онъ оказался не въ состояніи идти, и это состояніе его по сравненію съ состояніемъ христіанскаго міра лучше всего показываетъ, какое великое значеніе имѣетъ христіанство для человѣчества.

[2]) Подробнѣе объ этомъ см. въ нашихъ публичныхъ чтеніяхъ о «Современномъ западѣ въ религіозно-нравственномъ отношеніи», въ приложеніи къ русскому изданію «Апологія христіанства» Лютардта (СПБ. 1892 г.) стр. 673 и сл.

авторитетомъ сдерживать и подавлять самыя грубыя страсти дикихъ и цивилизованныхъ варваровъ и тѣмъ несомнѣнно оказала громадную услугу новѣйшей культурѣ, единогласно признаваемую историками. Съ другой стороны протестанизмъ, явясь какъ необходимый противовѣсъ чрезмѣрному развитію папства, имѣлъ свое особое воспитательное значеніе. Въ немъ особенно развилась внутренняя умозрительная сторона христіанства, и въ тѣ періоды, когда православный востокъ застылъ въ своей умственной жизни подъ страшнымъ гнетомъ ислама, а римскокатолическій западъ подъ всеподавляющимъ авторитетомъ папства, въ протестантскомъ мірѣ свободно развивалось христіанское умозрѣніе и, хотя оно и уклонялось отъ строгихъ началъ вселенскаго христіанства, однако не смотря на это дало богатѣйшую пищу для духовной христіанской жизни и плодами протестантскаго богословія пользовались и не перестають пользоваться даже православные народы, особенно въ борьбѣ съ римскимъ католицизмомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, оба западныя вѣроисповѣданія, представляя собою двѣ крайнія противоположности въ пониманіи христіанства и слѣдовательно двѣ односторонности, по необходимости должны вести постоянную борьбу и изъ этой полемической борьбы логически выясняется односторонность ихъ обоихъ, является необходимость найти для нихъ всеобъемлющій синтезъ, и этимъ синтезомъ для всякаго серьезнаго и безпристрастнаго ума оказывается воззрѣніе, тождественное съ православіемъ, какъ это и сказалось во многихъ новѣйшихъ сочиненіяхъ и даже въ цѣлыхъ движеніяхъ, какъ старокатолическое [1]). Отсюда западныя вѣроисповѣданія, содѣйствуя каждое съ своей стороны развитію христіанскаго самосознанія, составляютъ воспитательныя ступени къ уясненію несравненнаго сокровища вселенскаго православія, для котораго они вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ часто

---

[1]) Въ виду такого значенія протестантизма въ системѣ религіознаго воспитанія христіанскаго міра становится вѣроятнымъ объясненіе повидимому случайной гибели непобѣдимой армады, долженствовавшей подавить протестантскіе народы сѣвера, вмѣшательствомъ высшей воли. Въ сознаніи самихъ протестантовъ это объясненіе не подлежитъ никакому сомнѣнію. Afflavit Deus et dissipavit eos!

возбуждающими жизнедѣятельность мотивами. И не разъ на опытѣ оказывалось, что сами православные тогда только начинали понимать и цѣнить православіе, когда они знакомились съ западными вѣроисповѣданіями и получали возможность для сравненія. Да и въ народахъ православныхъ жизнедѣятельность православной мысли и жизни всегда особенно возвышалась въ тѣ періоды, когда имъ приходилось близко сталкиваться съ народами инославными и защищаться отъ ихъ нападенія съ оружіемъ ли въ рукахъ, или перомъ и чернилами, на поприщѣ духовнаго состязанія.

Въ раздѣленіи христіанскаго міра затѣмъ сказалась еще одна самая важная сторона промыслительнаго воспитанія человѣчества. Хотя весь христіанскій міръ есть міръ избранный, свѣтъ для міра языческаго, однако какъ въ древнемъ избранномъ народѣ были особые избранники, болѣе соотвѣтствовавшіе идеѣ избранія, чѣмъ остальной народъ, для котораго они служили примѣромъ и обличеніемъ, такъ и среди христіанскихъ народовъ самая идея воспитанія требуетъ особаго избранника, который бы служилъ свѣтомъ и воплощеніемъ вселенской истины христіанства во всей ея полнотѣ. Западные народы, хотя и оставаясь въ сущности христіанскими, однако въ значительной степени позволили себѣ увлечься своими земными идеалами, въ жертву которымъ они принесли вселенскую истину. Вслѣдствіе этого они стали больше преуспѣвать въ матеріальной земной культурѣ и образъ Христа для нихъ слишкомъ часто сталъ затѣняться идоломъ національныхъ интересовъ. Самый планъ воспитанія требовалъ выставить противовѣсъ имъ — въ лицѣ народа, который больше всего въ мірѣ цѣнилъ бы Христа, хотя бы это временно и ставило его ниже другихъ народовъ въ успѣхахъ земной культуры. Какой это именно народъ, на это можетъ отвѣтить только исторія. Но конечно, это народъ, который воплощаетъ въ себѣ не одностороннюю, а вселенскую истину христіанства, именно народъ православный. И благо тому народу, который во-время пойметъ свое высшее назначеніе въ исторіи и своею свободною самодѣятельностью будетъ содѣйствовать цѣлямъ своего избранія, а не отрекаться отъ возложеннаго на него высшаго призванія — во имя туманнаго космополитизма.

Настоящій міръ находится въ процессѣ воспитанія, и никто не можетъ сказать, что̀ ожидаетъ его въ будущемъ. Но одно несомнѣнно бросается въ глаза наблюдателю историческихъ судебъ, именно, что если православіе есть свѣтъ христіанскому міру, то носящимъ его народамъ приходилось и приходится болѣе всего испытывать на себѣ жезлъ наказующей любви и правды. Въ самомъ дѣлѣ, православный востокъ съ его народами болѣе всего испыталъ историческихъ невзгодъ, и въ то время, какъ западные народы могли свободно жить и развиваться, православные народы томились подъ тяжкимъ игомъ азіатскихъ варваровъ, всею своею тяжестью обрушившихся на нихъ, какъ на передовыхъ стражей христіанскаго міра. Цѣлые вѣка православная Россія томилась подъ игомъ монгольскимъ, и цѣлые вѣка православная Греція изнывала, да еще и теперь въ главной своей части нахо̀дится подъ игомъ турецкимъ, тяготѣвшимъ и на балканскихъ славянахъ. Никакая человѣческая логика не въ состояніи вполнѣ объяснить себѣ этой тайны промыслительнаго домостроительства во всей ея полнотѣ, и въ этомъ отношеніи пути Божіи неисповѣдимы. Но въ полномъ невѣденіи мы однакоже не оставлены, и уже теперь одинъ край тайны явно приподнятъ исторіей. И тутъ прежде всего открывается великая истина, что Богъ наказуетъ, его же любитъ. Избранники Его всегда подвергаются самымъ тяжкимъ на человѣческій взглядъ испытаніямъ, составляющимъ однакоже благо и для нихъ и для всего міра. Тоже самое сказалось и въ этомъ фактѣ. Православная византійская имперія подверглась тяжкому игу Магомета, водрузившаго полумѣсяцъ на самыхъ величавыхъ храмахъ христіанства и наложившаго тяжелое иго на православные народы на цѣлые вѣка. Это конечно было великое бѣдствіе. Но если всмотрѣться ближе, то оно не лишено было и весьма благихъ результатовъ. Такъ, послѣ завоеванія Константинополя, избѣгая жестокаго ига варваровъ, массы греческихъ православныхъ ученыхъ переселились на западъ и тамъ своею православною ученостью оплодотворили мертвую схоластику латинства и несомнѣнно содѣйствовали тому великому возрожденію наукъ и искусствъ, которое привело къ порыву западнаго міра сбросить съ себя иго

латинства и возстановить болѣе чистое, болѣе близкое къ вселенской истинѣ христіанство. Это было чистое благо для западнаго міра. Но бѣдствіе не лишено было своей доброй, и притомъ глубоко важной стороны и для самого православнаго востока. Подъ тяжелымъ игомъ онъ прекратилъ свое духовное развитіе и тѣмъ съ большею преданностью сталъ хранить ввѣренныя ему сокровища православія. Отчужденный отъ сношенія съ западомъ, онъ остался въ сторонѣ отъ его пагубнаго во многихъ отношеніяхъ вліянія, сдѣлался недоступнымъ для посягательствъ папства, и въ полной неприкосновенности, подобно тому, какъ египетская древность во всей ея неприкосновенности сохранилась въ каменныхъ гробницахъ, сохранилъ древнее православіе до настоящаго времени, когда ему суждено вновь выступить на поприще всемірно-исторической жизни. Вмѣстѣ съ православіемъ сохранили свою историческую жизненность и православные народы грекославянскаго міра, и конечно не случайно то поразительное явленіе, что тѣ изъ славянскихъ народовъ, которые въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ томились подъ тяжкимъ турецкимъ игомъ, теперь опять выступаютъ на поприще всемірно-исторической жизни—свободные и въ политическомъ и духовномъ отношеніи, между тѣмъ какъ ихъ западные братья, не находившіеся подъ этимъ игомъ, теперь находятся и въ политическомъ и духовномъ рабствѣ, во всякомъ случаѣ не имѣютъ ни политической, ни религіозной самостоятельности, будучи поглощены инославнымъ западомъ [1]).

Еще съ большею поразительностью таже сторона промыслительнаго воспитанія выступаетъ въ судьбѣ православнаго русскаго народа. Во многихъ отношеніяхъ это народъ въ полномъ смыслѣ

---

[1]) Этимъ мы хотѣли бы хотя косвенно отвѣтить рецензенту «Вѣстника Европы», который, разсматривая книжку профессора Кнейзеля Die Weltgeschichte ein Zufall? и найдя въ ней объясненіе благой стороны турецкаго ига въ томъ, что подъ его давленіемъ греческіе ученые оказали большое содѣйствіе просвѣщенію запада, иронически замѣчаетъ, что «авторъ забылъ только о судьбѣ народностей, непосредственно подпавшихъ подъ вѣковое турецкое иго» и «что говорить о пользѣ турецкаго владычества для распространенія знаній и культуры на западѣ, въ виду бѣгства ученыхъ грековъ въ другія

многострадальный и жезлъ высшей любви и правды часто каралъ его въ исторіи съ необычайною суровостью. Въ самый разцвѣтъ его юношеской силы, когда все повидимому обѣщало ему великую и свѣтлую будущность, онъ былъ задавленъ и сокрушенъ дикой азіатской ордой, которая наложила на него свое тяжкое иго на цѣлые вѣка. Вопль отчаянія разнесся по всей Русской землѣ и мудрѣйшіе сыны ея терялись въ догадкахъ о тайнѣ неисповѣдимыхъ путей Промысла, да и доселѣ многіе историки не видятъ въ монгольскомъ игѣ ничего, кромѣ великаго зла, продолжающаго сказываться въ нашей жизни и теперь. А между тѣмъ, стоитъ только взглянуть на это бѣдствіе съ другой высшей точки зрѣнія, и все представится въ иномъ свѣтѣ: тяжкое бѣдствіе окажется любящимъ наказаніемъ, принесшимъ чудесно добрые и великіе плоды. Въ самомъ дѣлѣ, монгольское нашествіе застало русскій народъ въ тотъ самый моментъ, когда славянская рознь довела его до наиболѣе пагубнаго политическаго разъединенія, когда княжества истощали другъ друга въ нескончаемыхъ междуусобицахъ и когда начались уже опасныя попытки вмѣшивать иноземцевъ въ свои внутреннія дѣла. Ясно, къ чему могло бы привести это. Инославный западъ не преминулъ бы наложить свою коварную руку на эти обезсиленныя взаимной враждой княжества, и за этимъ неминуемо послѣдовало бы духовное рабство, которому и подверглись западные славяне. Тогда несомнѣнно гораздо лучше было отдать въ рабство свое тѣло, чтобы спасти душу, и въ такое-то вещественное рабство русскій народъ повергнутъ былъ монголами. Конечно тяжки были страданія православнаго русскаго народа и вопль лѣтописцевъ, оплакивавшихъ дымящіяся развалины городовъ и весей, не можетъ не трогать сердца даже въ настоя-

страны,—значитъ ужъ быть слишкомъ снисходительнымъ въ оцѣнкѣ кровавыхъ историческихъ катастрофъ» (авг. 1891, стр. 863). Указанный нами въ текстѣ фактъ показываетъ, что сами эти народности получили въ награду за свое историческое испытаніе еще большее благо, чѣмъ западныя страны отъ греческихъ ученыхъ, и только непонятное ослѣпленіе могло закрыть отъ автора рецензіи (Л. С.) этотъ капитальный историческій фактъ.

щее время. И однако изъ этого великаго бѣдствія вышло великое благо. Подъ тяжкимъ испытаніемъ, рознь прекратилась, Русь начала собираться, нашла себѣ устойчивый центръ тяжести въ Москвѣ, и все болѣе и болѣе стягивая къ этому центру свои народныя силы, она выросла въ могучее государство, предъ которымъ въ изумленіи остановились западные народы и затрепеталъ исламъ. Россія теперь стала именно тѣмъ, что она есть, т. е. могущественною хранительницею вселенской правды христіанства, русскій же народъ, являясь въ своей церковной жизни носителемъ вселенской истины, начинаетъ предъ лицемъ міра обнаруживать силу и мощь, возбуждающіе невольное удивленіе изживающагося въ своей односторонности инославнаго запада.

Приведенные примѣры составляютъ немногія страницы изъ великой книги исторіи, раскрывающей предъ нами судьбы народовъ и всего человѣчества. Но и ихъ достаточно для того, чтобы видѣть, что не слѣпыя силы необходимости управляютъ исторіей, которая въ такомъ случаѣ превратилась бы въ мертвый, бездушный механизмъ, безцѣльно воспроизводящій и безпощадно давящій выплывающія на поверхность личности и народы. Нѣтъ, въ ней царствуетъ Промыслъ Божій, который своею правдою и любовію обнимаетъ весь міръ, для котораго дороги не только цари и народы, но и каждый отдѣльный человѣкъ составляетъ предметъ Его любящаго попеченія, такъ что въ собственномъ смыслѣ слова и волосъ съ головы его не падаетъ даромъ. Съ этой точки зрѣнія все человѣчество есть, выражаясь терминомъ бл. Августина—Civitas Dei, градъ Божій, въ которомъ съ чудесною, единственно возможною только при отношеніи личнаго верховнаго Существа къ личнымъ конечнымъ существамъ послѣдовательностію все представляетъ собою цѣпь взаимоограничивающихся цѣлей, сливающихся наконецъ въ общій синтезъ, который есть согласіе воли человѣчества съ волей Бога, есть идеалъ, ставящій для человѣка цѣлію достиженіе совершенства божественнаго, т. е. совершеннаго подобія Богу, по слову самого Христа: „Будьте совершенны какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный“ (Матѳ. V, 48). И къ этой великой цѣли, не смотря

на противорѣчія личной свободы, все направляется съ чудесною послѣдовательностью. Даже то, что на поверхностный взглядъ кажется противорѣчіемъ ей, различныя непредвидѣнныя случайности, бѣдствія войны, язвы или голода, составляющія часто источникъ столькаго горя и слезъ для переживающихъ ихъ лицъ или поколѣній, въ концѣ концовъ служитъ все той же конечной цѣли, представляя собою удары любовно воспитывающаго жезла. Достаточно указать на переживаемое одною изъ нашихъ окраинъ бѣдствіе неурожая, чтобы убѣдиться въ этомъ. Помимо своего чисто экономическаго значенія, оно ясно вывело на свѣтъ Божій всѣ таящіеся въ нашемъ обществѣ добрые и злые элементы, предъ всѣми обнаружило недостатки нашего соціальнаго строя, донынѣ скрывавшіеся подъ прикрытіемъ либеральныхъ фразъ, указало, кто враги и кто друзья нашего народа и конечно вообще дало намъ такой урокъ, который будетъ долго не забытъ нами [1]). Въ этомъ великомъ процессѣ домостроительства даже явно враждебныя ему силы, сознательно идущія противъ него, въ дѣйствительности работаютъ для той же предопредѣленной Промысломъ цѣли. Проповѣдники невѣрія несознательно для себя укрѣпляютъ вѣру; распространители ересей и расколовъ, направленныхъ къ подрыву церкви, въ дѣйствительности усиливаютъ ее, возбуждая въ ней жизнедѣятельность; даже разбойники, производя разбои и убійства, несознательно служатъ усовершенію общественнаго благоустройства, побуждая принимать мѣры къ огражденію безопасности своихъ гражданъ. Конечно, только неразуміе можетъ вмѣнить имъ это въ заслугу, и въ дѣйствительности они вполнѣ заслуживаютъ извѣстной общественной кары за свою злую волю. Изъ того, что зло часто оказывается содѣйствующимъ добру вовсе не слѣдуетъ еще—что оно по самому существу составляетъ полезный и необходимый моментъ въ историческомъ процессѣ, а слѣдуетъ лишь то, что оно *сдѣлалось* таковымъ вслѣдствіе грѣхопаденія человѣка, самовольно нарушившаго нормальный ходъ своего развитія, и потому въ сущ-

---

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ нашихъ «Размышленіяхъ на праздникъ Рожд. Христова», «Церк. Вѣстникъ» № 51, 1891 года.

ности этотъ фактъ есть лишь поразительное свидѣтельство грѣховности человѣка, сказывающейся во всей его жизни. Подобно тому, какъ въ жизни отдѣльнаго человѣка самые естественные его процессы часто сопровождаются страданіями, и величайшимъ изъ нихъ—самый процессъ рожденія человѣка (въ силу проклятія: „въ болѣзняхъ будешь родить дѣтей“), такъ равнымъ образомъ подобныя же страданія сдѣлались неизбѣжными и въ исторической жизни народовъ и человѣчества, и главные историческіе процессы часто совершаются съ невообразимыми муками, въ которыхъ погибаютъ не только единицы, но часто цѣлые города и государства. Въ силу грѣховности этотъ болѣзненный процессъ сдѣлался неизбѣжнымъ, и отсюда даже самое торжество добра достигается страданіями. Нѣтъ такого побѣдоноснаго войска, которое бы могло одерживать побѣды, не искупая ихъ ужасными страданіями и даже смертью отдѣльныхъ своихъ членовъ; такъ равнымъ образомъ и человѣчество, достигая своего высшаго блага, въ силу той же грѣховности необходимо должно искупать его страданіями и даже гибелью многихъ своихъ членовъ—какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и народовъ. И если не смотря на всѣ эти страданія, всетаки достигается высшая цѣль, которой содѣйствуетъ самое зло, то этотъ фактъ лишь показываетъ, какъ дивно все устроено въ великомъ градѣ Божіемъ, какъ все въ немъ сливается въ одну великую цѣль, которая есть высшее благо человѣчества. Съ этой точки зрѣнія становится наконецъ понятнымъ высшее значеніе тѣхъ блужданій мысли, которыя пережиты были и еще переживаются нашимъ вѣкомъ. Если онъ, злоупотребляя свободой мысли, увлекался всякимъ вѣтромъ ученій, доходившихъ до порицанія всего святаго и великаго, стараясь обосновывать самыя чудовищныя теоріи на данныхъ научнаго и философскаго знанія, то это былъ лишь новый великій опытъ воспитательнаго попущенія для человѣчества, чтобы оно наконецъ убѣдилось, что даже весь научный геній новѣйшаго времени, даже всѣ великія научныя открытія, которыми такъ гордится нашъ вѣкъ, въ сущности никогда не въ состояніи удовлетворить требованій безсмертнаго духа. Рано или поздно, сколько бы ни питали его разными самоизмышленными *измами*, онъ опять возжаждетъ высшей

духовной истины, и этой истины во всей ея полнотѣ не дастъ ему никакая, даже самая геніальная теорія, и поэтому онъ опять съ необходимостью и съ усиленною жаждою и любовію обратится туда, гдѣ истина живетъ въ своемъ немеркнущемъ свѣтѣ. И если этотъ поворотъ замѣчается уже теперь, если эта духовная жажда возгорается въ милліонахъ душъ, дотолѣ находившихся въ рабствѣ бездушныхъ теорій (а это фактъ, не подлежащій больше никакому сомнѣнію), то въ этомъ и будетъ существенная характеристика нашего вѣка. Заключительное слово его будетъ состоять въ томъ, что Христосъ есть единственный источникъ свѣта и истины для міра.

И вотъ въ виду этой дивной гармоніи историческаго процесса съ точки зрѣнія идеи Промысла становится жалкимъ утвержденіе эволюціонизма, который, путаясь въ своихъ противорѣчіяхъ, приходитъ наконецъ къ безотрадному убѣжденію, что въ исторіи нѣтъ никакого плана и не можетъ быть никакихъ историческихъ законовъ, такъ какъ-де все движется куда-то въ неопредѣленную даль подъ давленіемъ какой-то роковой или полусознательной тяги [1]). Нѣтъ, въ исторіи не только есть планъ, а есть даже своего рода божественное художество, развивающееся по особымъ дивнымъ законамъ, слѣды которыхъ мы явственно можемъ видѣть и въ самомъ процессѣ и особенно въ его результатахъ. И поэтому-то правъ бл. Августинъ, который, обозрѣвъ весь историческій процессъ съ высоты своего великаго генія, пришелъ къ убѣжденію, что весь міръ и исторія есть какъ бы „превосходнѣйшій стихъ, украшенный своего рода антитезами“ [2]), или какъ бы картина, на которой свѣтъ и тѣни содѣйствуютъ красотѣ цѣлаго [3]). Правъ поэтому Боссюэтъ, который, заканчивая свое знаменитое разсужденіе о всемірной исторіи, говоритъ, что Богъ свыше содержитъ въ

---

[1]) По теоріи Спенсера, главнаго представителя эволюціонизма.

[2]) О градѣ Божіемъ XI, 18: tanquam pulcherrimum carmen.

[3]) «Ибо какъ картина съ чернымъ цвѣтомъ, положеннымъ на надлежащемъ мѣстѣ, такъ и совокупность вещей (въ мірѣ и исторіи), если кто сможетъ окинуть ее взоромъ, представляется прекрасною даже съ грѣшниками, хотя безобразіе ихъ, когда они разсматриваются сами по себѣ, дѣлаетъ ихъ гнусными». Тамъ же XI, 23 (въ русск. перев. часть 4, стр. 211).

своихъ рукахъ судьбы царствъ и народовъ. „То, что на нашъ взглядъ можетъ показаться случаемъ, есть опредѣленное намѣреніе, состоявшееся въ высшемъ совѣтѣ, т. е. въ томъ вѣчномъ совѣтѣ, который сводитъ всѣ причины и всѣ слѣдствія въ одинъ и тотъ же порядокъ. И такъ-то все сводится къ одной и той же цѣли, и только по недостатку своего разумѣнія мы можемъ находить случай или неправильность въ частныхъ противорѣчіяхъ“ [1]). Правъ наконецъ знаменитый американскій историкъ Банкрофтъ, который говоритъ: „міровой порядокъ есть божественная поэма, которая развивается отъ вѣчности и которой не могутъ нарушить вмѣшательства людей. Событія развертываются въ немъ по предопредѣленному порядку, въ величественной гармоніи, и подобно тому, какъ искусный артистъ извлекаетъ гармоническіе звуки изъ струнъ своей арфы, такъ и исторія отмѣчаетъ божественные аккорды, звучащіе на великой лирѣ временъ. Но эта гармонія не можетъ быть воспринята въ тотъ самый моментъ, когда совершаются событія. По слѣдамъ событій идетъ философія, чтобы показывать причины и описывать результаты... Событія складываются въ последовательную цѣпь. Люди, системы, народы, все человѣчество— все это повинуется божественной волѣ, и когда завершается часть судебъ человѣчества, мы открываемъ въ нихъ пути Промысла... Да, подъ каждой страницей въ лѣтописяхъ міра можно написать: царствуетъ Богъ. Событія, по мѣрѣ своего совершенія, повѣдываютъ о Его верховномъ планѣ, и когда мы прислушаемся внимательно, то услышимъ, какъ вѣка, удаляясь въ темныя бездны исчезающихъ временъ, своимъ безчисленнымъ хоромъ поютъ хвалебную пѣснь: Te Deum laudamus! Тебе Бога хвалимъ!“ [2]).

---

[1]) Oeuvres de Bossuet, p. 297, t. I, изд. 1858 г.

[2]) Изъ разсужденія Банкрофта, прочитаннаго въ 1856 году въ историческомъ обществѣ въ Нью-Іоркѣ. La libre Recherche, t. II, p. 424. Привед. въ Laurent, La Philosophie de l'histoire, Paris 1880 (2 изд.) стр. 1 и 2.

Отчетъ о состояніи С.-Петербургской Духовной Академіи за 1891 годъ.

Преосвященнѣйшіе Архипастыри,
Милостивые Государи!

Совѣтъ С.-Петербургской духовной академіи, на основаніи требованій академическаго устава (§ § 90—91), имѣетъ долгъ предложить Вашему благосклонному вниманію отчетъ о состояніи академіи за 1891-й годъ.

I. О почетныхъ членахъ академіи.

Въ началѣ отчетнаго года почетными членами академіи состояло 32 лица, изъ нихъ 18 Преосвященныхъ Архипастырей, 1 архимандритъ, 1 протопресвитеръ, 6 протоіереевъ и 6 лицъ свѣтскаго званія. Въ отчетномъ году академія понесла утрату въ составѣ своихъ почетныхъ членовъ въ лицѣ скончавшагося 1 октября одного изъ старѣйшихъ и высшихъ іерарховъ отечественной церкви Высокопреосвященнаго Платона, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, члена Св. Правительствующаго Синода. При воспоминаніи о почившемъ Архипастырѣ, академія, питомцемъ которой онъ былъ, не можетъ не раздѣлить чувствъ православнаго русскаго общества и не цѣнить потери, понесенной православною русскою церковію. По окончаніи образованія въ академіи почившій Архипастырь и начальные годы службы провелъ также въ академіи, сначала въ званіи баккалавра, затѣмъ въ должности инспектора, принявъ въ академіи же въ 1830 г. и постриженіе въ монашество. Какъ академическому дѣятелю, ему первому принадлежитъ мысль о введеніи въ духовныхъ академіяхъ преподаванія ученія о русскомъ расколѣ. По оставленіи академической службы, занявъ впослѣдствіи высокое іерархическое положеніе, почившій Архипастырь не прерывалъ съ академіей общенія, которое особенно оживлялось въ то время,

когда Высокопреосвященный, по обязанности присутствованія въ Св. Синодѣ, живалъ въ Петербургѣ. Съ своей стороны и академія всегда съ участливымъ вниманіемъ относилась къ Высокопреосвященному Платону, чутко прислушиваясь ко всякой перемѣнѣ въ его судьбѣ, и съ 1877 г. считала его своимъ почетнымъ членомъ. Высокопреосвященный Платонъ принадлежалъ къ числу іерарховъ и личностей, имена которыхъ заносятся на страницы исторіи, и о дѣятельности которыхъ сохраняется всегдашняя память.

Въ концѣ отчетнаго года избраны Совѣтомъ академіи и утверждены Св. Синодомъ въ званіи почетныхъ членовъ академіи: Высокопреосвященный Амвросій, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, Преосвященный Діонисій, Епископъ Уфимскій и Мензелинскій, и профессоръ богословія въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ протоіерей В. Г. Рождественскій.

II. О начальствующихъ, учащихъ и прочихъ должностныхъ лицахъ академіи.

Въ личномъ составѣ и служебномъ положеніи начальствующихъ, наставниковъ и прочихъ должностныхъ лицъ академіи въ отчетномъ году произошли слѣдующія перемѣны:

Исправляющій должность инспектора академіи іеромонахъ Михаилъ указомъ Св. Синода отъ 5 декабря утвержденъ въ должности инспектора съ возведеніемъ въ санъ архимандрита.

Экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ новой общей гражданской исторіи Н. А. Скабалановичъ утвержденъ Св. Синодомъ въ званіи ординарнаго профессора съ 31 августа, со дня избранія его Совѣтомъ академіи въ это званіе.

Доцентъ по каѳедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи И. Г. Троицкій и доцентъ по каѳедрѣ нравственнаго богословія Ѳ. А. Тихомировъ утверждены Св. Синодомъ въ званіи экстраординарныхъ профессоровъ по занимаемымъ ими каѳедрамъ, согласно избранію ихъ въ это званіе Совѣтомъ академіи—Троицкій съ 18 сентября, а Тихомировъ съ 11 октября.

23 августа предъ началомъ учебныхъ занятій послѣ лѣтнихъ каникулъ скончался заслуженный ординарный профессоръ академіи, состоявшій вмѣстѣ членомъ Правленія академіи, М. О. Кояловичъ. Покойный былъ изъ воспитанниковъ Виленской семинаріи времени управленія Литовскою епархіею приснопамятнаго Высокопреосвящен-

наго митрополита Іосифа Сѣмашко, къ которому покойный питалъ чувства глубокаго уваженія. Поступивъ въ 1851 г. въ составъ 22 академическаго курса, М. О. окончилъ образованіе въ 1855 г. со степенью магистра. Послѣ кратковременнаго служенія въ Рижской и С.-Петербургской семинаріяхъ, въ званіи профессора, магистръ Кояловичъ опредѣленъ на службу при академіи баккалавромъ русской церковной и русской гражданской исторіи, которыя и преподавалъ до раздѣленія этихъ наукъ академич. уставомъ 1869 г. на двѣ самостоятельныя каѳедры. Съ поступленіемъ въ академію на службу и начинается извѣстность М. О., какъ выдающагося ученаго изслѣдователя по Литовской уніи. Эта извѣстность, слѣдуя за покойнымъ, какъ тѣнь, постепенно росла, снискивая ему уваженіе за его многостороннюю дѣятельность. М. О. былъ и выдающимся ораторомъ, говорившимъ ученыя рѣчи и читавшимъ научные рефераты въ собраніяхъ разныхъ ученыхъ обществъ и талантливымъ публицистомъ, печатно высказывавшимъ свои мнѣнія по вопросамъ церковной и общественной жизни. За разнообразные и капитальные труды по изданію историческихъ памятниковъ и по изслѣдованіямъ въ области русской исторіи, М. О. заслуженно пользовался именемъ признаннаго ученаго. Бывшіе слушатели М. О. хранятъ живую память о немъ, какъ о профессорѣ, поставлявшемъ особенною задачею своего академическаго преподаванія то, чтобы въ историческихъ фактахъ указывать управлявшіе оными высшіе мотивы. Проникновеніе въ глубину событій и освѣщеніе ихъ съ точки зрѣнія коренныхъ историческихъ началъ русской жизни, составляли отличительную черту и неотъемлемыя особенности преподавательскаго таланта покойнаго профессора. Представляя все это, академія не можетъ не засвидѣтельствовать, что она потеряла въ М. О. своего лучшаго профессора, который высоко держалъ академическое знамя, лишилась ученаго дѣятеля, который такъ много потрудился для чести и славы академіи.

Экстраординарный профессоръ по каѳедрѣ священнаго писанія новаго завѣта протоіерей В. Г. Рождественскій, вслѣдствіе его прошенія, уволенъ отъ службы при академіи съ 15 августа.

На вакантную по смерти профессора Кояловича каѳедру русской гражданской исторіи Совѣтомъ академіи избранъ и Его Высокопреосвященствомъ утвержденъ, въ званіи доцента академіи, съ 8 октября, преподаватель Литовской духовной семинаріи, магистръ

богословія изъ воспитанниковъ нашей академіи П. Н. Жуковичъ.

На вакантную каѳедру св. писанія новаго завѣта Его Высокопреосвященствомъ опредѣленъ, въ званіи доцента академіи, съ 21 октября, преподаватель Воронежской духовной семинаріи, магистръ богословія изъ питомцевъ Московской академіи Н. Н. Глубоковскій.

На должность члена академическаго правленія, послѣ смерти профессора Коядовича, Совѣтомъ академіи избранъ и Его Высокопреосвященствомъ утвержденъ съ 20 сентября заслуженный ординарный профессоръ по каѳедрѣ церковнаго права Т. В. Барсовъ.

Вслѣдствіе состоявшихся въ отчетномъ году перемѣнъ въ личномъ составѣ академическихъ преподавателей, въ 1 января текущаго 1892 года при академіи состояло 30 преподавателей, изъ нихъ 28 штатныхъ и 2 нештатныхъ преподавателя. Въ числѣ штатныхъ преподавателей было 7 ординарныхъ профессоровъ, изъ нихъ 4 заслуженныхъ, 10 экстраординарныхъ, 3 доцента, 5 исправляющихъ должность доцента, и 3 лектора новыхъ языковъ.

III. Объ учащихся.

Студентовъ въ академіи въ началѣ отчетнаго года было 227, изъ нихъ въ отчетномъ году окончили полный курсъ ученія 52; въ теченіе года уволено изъ академіи 15 студентовъ, изъ нихъ 6— безъ прошеній, по несоотвѣтствію ихъ нравственныхъ качествъ требуемымъ отъ воспитанниковъ высшаго духовно - учебнаго заведенія условіямъ, а 9 согласно прошеніямъ, по болѣзни, по недостатку средствъ къ содержанію въ академіи, для поступленія на священническое мѣсто и проч., умерли 2 студента и перешли въ Кіевскую академію, вслѣдствіе суровости для нихъ петербургскаго климата, также 2 студента.

Въ отчетномъ году поступило въ академію, въ составъ студентовъ нынѣшняго I курса, 68 воспитанниковъ, изъ нихъ 63 воспитанника, получившіе образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ, 2 въ классическихъ гимназіяхъ, 1 сербъ, обучавшійся въ учительской семинаріи въ Бѣлградѣ, 1 японецъ, окончившій курсъ духовной семинаріи, состоящей при Россійской духовной миссіи въ Токіо, и, по прибытіи въ Россію, проведшій годъ въ С.-Петербургской духовной семинаріи, и 1 грекъ, получившій образованіе въ бывшемъ Патріаршемъ училищѣ въ Константинополѣ и въ Смирнской гимназіи.

Въ отчетномъ же году зачислены въ студенты академіи бывшій студентъ Историко-Филологическаго института Георгій Юнгеръ въ составъ II, нынѣ третьяго курса академіи, бывшій студентъ академіи нынѣ священникъ Вячеславъ Роггенгагенъ въ составъ студентовъ III, нынѣшняго IV курса и бывшій студентъ Московской духовной академіи Петръ Говоровъ въ составъ студентовъ II курса.

Постороннихъ слушателей въ академіи въ первую половину отчетнаго года было 8, а во вторую 4 человѣка.

Всѣхъ учащихся въ академіи къ концу отчетнаго года насчитывалось 231, изъ нихъ, какъ сказано, 227 студентовъ и 4 постороннихъ слушателя.

Изъ указаннаго числа студентовъ академіи въ первую половину отчетнаго года имѣли священный санъ 16 человѣкъ: 1 архимандритъ болгаринъ, 4 іеромонаха, 7 священниковъ, 2 іеродіакона и 2 діакона; во вторую половину года, за послѣдовавшими перемѣнами чрезъ окончаніе академическаго курса одними и поступленіе для обученія въ академію новыхъ лицъ, въ священномъ санѣ состояло также 16 человѣкъ, изъ нихъ упомянутый архимандритъ болгаринъ, 1 іеромонахъ, 11 священниковъ, 1 іеродіаконъ и 2 діакона. Въ составѣ постороннихъ слушателей въ священномъ санѣ въ первую половину отчетнаго года было трое: два священника и 1 іеродіаконъ а во вторую половину 1 іеродіаконъ.

По курсамъ студенты распредѣлялись такимъ образомъ: а) въ началѣ года въ I курсѣ было 58, во II — 62, въ III — 51 и въ IV—56 иб) въ концѣ года въ I-мъ курсѣ 67 студентовъ, во II-мъ— 53, въ III—60 и въ IV-мъ—47. Кромѣ того въ первую половину года слушали лекціи: 5 постороннихъ слушателей по предметамъ I курса и 3 по предметамъ разныхъ курсовъ и во вторую половину года 1—по предметамъ I курса, 1 по предметамъ II курса и 2— по предметамъ разныхъ курсовъ.

Изъ числа 227 студентовъ академіи полнымъ содержаніемъ пользовались 150, изъ нихъ 120 на счетъ положенныхъ по штату казенныхъ вакансій, 14 на особыя суммы Св. Синода, 13 на счетъ стипендій имени частныхъ лицъ, находящихся въ распоряженіи академіи, 1—на стипендіи покойнаго Высокопреосвященнаго Василія, бывшаго епископа Полоцкаго, впослѣдствіи члена Св. Синода, принадлежащей Могилевской духовной семинаріи, и 2 на суммы Святотроицкія Александро-Невскія лавры; изъ остальныхъ

77 бывшихъ своекоштными студентами, 58 помѣщались въ академическомъ зданіи въ качествѣ пансіонеровъ, а 19 жили внѣ академическихъ зданій.

Къ концу отчетнаго года полнымъ казеннымъ содержаніемъ пользовалось 119 студентовъ, вслѣдствіе временнаго перемѣщенія одной изъ 120 казенныхъ вакансій въ Кіевскую духовную академію для содержанія въ оной перешедшаго туда казеннокоштнаго студента Михаила Горлова, на особыя суммы Св. Синода содержались 16 и вновь учрежденная при академіи стипендія имени протоіерея Варшавскаго каѳедральнаго собора Н. А. Горизонтова предоставлена въ текущемъ учебномъ году студенту I курса свящ. Іоанну Дьяконову. За послѣдовавшими измѣненіями къ концу отчетнаго года полнымъ содержаніемъ пользовались 152 студента, своекоштныхъ студентовъ, жившихъ въ качествѣ пансіонеровъ въ академическихъ зданіяхъ, числилось 50 человѣкъ.

Въ половинѣ отчетнаго, или съ начала текущаго учебнаго года, въ академическомъ зданіи помѣщался еще одинъ посторонній слушатель, бывшій преподаватель Тверской учительской женской школы, кандидатъ историко-филологическаго факультета Императорскаго Московскаго университета Михаилъ Великановъ, на содержаніе котораго Св. Синодомъ назначена особая временная стипендія. Въ концѣ отчетнаго года Великановъ принялъ монашество съ именемъ Меѳодія и рукоположенъ въ санъ іеродіакона.

Въ концѣ отчетнаго года всѣхъ студентовъ въ академическомъ общежитіи находилось 202 и 1 посторонній слушатель, остальные изъ числа 227 студентовъ—25 жили внѣ академическихъ зданій.

Главнымъ источникомъ обезпеченія студентовъ-пансіонеровъ (помѣщавшихся въ академическомъ общежитіи) и жившихъ внѣ академическихъ зданій были средства, доставляемыя обществомъ вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ С.-Петербургской духовной академіи, которое и въ отчетномъ году дѣятельно оказывало помощь бѣднѣйшимъ изъ своекоштныхъ студентовъ. Это общество въ теченіе отчетнаго года вносило въ Правленіе академіи за содержаніе въ первую половину года 12, въ послѣднюю 15 студентовъ отъ 112 до 25 руб. и выдавало ежемѣсячныя пособія, отъ 5 до 8 руб.,—въ первую половину года 7, въ послѣднюю 2 студентамъ, проживающимъ внѣ академіи. Всего же обществомъ выдано пособій въ теченіе отчетнаго года 3172 руб. 75 к.

На ряду съ обществомъ вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ С.-Петербургской духовной академіи оказывали помощь бѣднѣйшимъ воспитанникамъ и частныя лица. Настоятель Жировицкаго Успенскаго второклассного монастыря, Литовской епархіи, Архимандритъ Серапіонъ прислалъ въ Правленіе академіи 112 р. 50 к. на содержаніе студента I курса Игнатія Хлѣбцевича въ первой половинѣ отчетнаго года. Настоятельница С.-Петербургскаго Воскресенскаго женскаго монастыря игуменія Валентина въ отчетномъ году внесла въ академическое Правленіе полную пансіонерскую плату за годовое содержаніе студента II курса Михаила Померанцева. Одно лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ, передало въ распоряженіе Преосвященнаго Антонія, Ректора академіи, для выдачи недостаточнымъ студентамъ 300 р. Деньги эти внесены Преосвященнымъ Ректоромъ въ академическое Правленіе въ качествѣ пансіонерской платы за содержаніе студентовъ III курса священника Прокопія Попова (37 р.) и Вячеслава Ляхоцкаго (151 р.) и II курса Ивана Савича (112 руб.). Студентъ IV курса Александръ Серебреницкій содержался въ теченіе всего отчетнаго года на деньги, пожертвованныя въ 1889 году священникомъ села Верхняго Кужэбара, Енисейской епархіи, Николаемъ Коровинымъ. Кромѣ того за содержаніе студента II курса Павла Данилова въ теченіе первой половины 189¹/₂ учебнаго года было прислано изъ Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ 112 р. 50 к. заимообразно съ тѣмъ, чтобы эти деньги были возвращены Даниловымъ по поступленіи его по окончаніи курса на службу. Выборгское духовное правленіе прислало въ Правленіе академіи на содержаніе студента I курса Виктора Крохина въ теченіе первой половины 189¹/₂ учебнаго года 112 р. 50 к. въ счетъ имѣющей быть назначенною сему студенту Финляндскимъ Сенатомъ стипендіи.

I. О занятіяхъ Совѣта академіи.

Совѣтъ академіи въ отчетномъ году имѣлъ 13 собраній, изъ коихъ одно торжественное по случаю годичнаго акта и 12 очередныхъ. Предметами занятій Совѣта служили обычныя текущія дѣла по учебно-воспитательной части. Въ числѣ этихъ дѣлъ особое вниманіе Совѣта занимали замѣщеніе вакантныхъ каѳедръ св. писанія новаго завѣта и русской гражданской исторіи, о чемъ было упомянуто выше, составленіе, согласно указу Св. Синода отъ 15 мая 1891 г. за № 1594, правилъ касательно чтенія студентами ака-

деміи книгъ, каковыя правила и были 15 ноября утверждены Его Высокопреосвященствомъ, пополненіе академической библіотеки и церковно-археологической коллекціи и разсмотрѣніе сочиненій представлявшихся на ученыя степени.

Въ академическую библіотеку въ отчетномъ году поступило 798 названій, въ количествѣ свыше 1,200 книгъ, въ томъ числѣ 14 рукописей; всего же въ библіотекѣ съ прежде пріобрѣтенными состоитъ 44,898 названій, въ количествѣ свыше 87,685 экземпляровъ, изъ нихъ рукописей—3,827 названій, въ количествѣ 3,913 томовъ.

Изъ числа обогатившихъ въ отчетномъ году академическую библіотеку сочиненій въ количествѣ 798 названій пріобрѣтено покупкою на суммы библіотеки 369 названій, въ томъ числѣ одна рукопись, и поступило въ даръ отъ разныхъ лицъ и учрежденій 489 названій, въ томъ числѣ 83 отъ Оберъ-Прокурора Св. Синода, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника К. П. Побѣдоносцева, 15 названій въ 20 томахъ отъ Князя Кантакузена—Графа Сперанскаго, 13 названій, въ числѣ ихъ двѣ рукописи, отъ Управляющаго Контролемъ при Св. Синодѣ Т. С. И. А. Чистовича и 213 названій, въ томъ числѣ 10 рукописныхъ памятниковъ, отъ заслуженнаго профессора Д. С. С. И. Е. Троицкаго, который каждый годъ обогащаетъ академическую библіотеку книгами изъ собственной библіотеки. Въ числѣ пожертвованныхъ въ академическую библіотеку книгъ обращаетъ на себя особенное вниманіе греческое пергаменное евангеліе, подаренное Управляющимъ Канцеляріею Св. Синода Т. С. В. К. Саблеромъ. Это евангеліе представляетъ рукопись X вѣка (985 г.), составляющую драгоцѣнную рѣдкость, она полная и превосходно сохранилась, писана некрупнымъ полууставомъ въ два столбца съ киноварью и киноварными нотными знаками для пѣнія на распѣвъ, съ раскрашенными заставицами и фигурными иниціалами, изъ коихъ одинъ представляетъ изображеніе руки съименословнымъ благословеніемъ. Вся рукопись по формату въ квадратный листъ, обнимаетъ 303 не обрѣзанныхъ и хорошо сохранившихся листовъ пергамена въ старинномъ кожанномъ съ досками переплетѣ.

По устройству библіотеки въ отчетномъ году сдѣлано слѣдующее: а) разобраны 4,743 латинскихъ книгъ старыхъ изданій, по преимуществу богословско-историческаго содержанія, хранившихся

въ библіотечномъ архивѣ, и составлена имъ опись на карточкахъ; б) по примѣру прежнихъ лѣтъ составленъ и напечатанъ «Алфавитный указатель книгъ и рукописей, поступившихъ въ библіотеку С.-Петербургской духовной академіи въ 1890 году». Книгами и рукописями библіотеки пользовались, кромѣ наставниковъ и студентовъ, и стороннія лица—съ разрѣшенія начальства. Всего выдано было въ отчетномъ году свыше 22 тысячъ экземпляровъ.

Въ церковно-археологическую коллекцію вновь поступило нѣсколько предметовъ русской старины. Изъ нихъ обращаютъ на себя вниманіе подаренное графинею Н. Н. Ланскою бронзовое распятіе, принадлежавшее, повидимому, одной изъ масонскихъ ложъ, икона св. Іоанна Богослова новгородскаго происхожденія, пожертвованная протоіереемъ П. Ѳ. Николаевскимъ, и желѣзное большое било, доставленное причтомъ Липенской церкви Тихвинскаго уѣзда. Общее число предметовъ коллекціи простирается свыше 3000. Коллекція была посѣщаема студентами академіи и сторонними любителями старины.

V. О занятіяхъ Правленія академіи.

Правленіе академіи въ отчетномъ году имѣло до 64 засѣданій, которыя были посвящены распоряженіямъ по хозяйственной части и обсужденію предоставленныхъ завѣдыванію Правленія учебно-воспитательныхъ дѣлъ. Особенная забота Правленія въ отчетномъ году, именно во вторую его половину, была обращена на то, чтобы, не выходя изъ предѣловъ смѣтнаго назначенія по содержанію академіи, покрыть расходы и не ввести академію въ долги, вслѣдствіе непомѣрно поднявшихся въ послѣдней трети года на хлѣбные продукты цѣнъ, отъ постигшаго нѣкоторыя мѣстности нашего обширнаго отечества неурожая. Для этой цѣли Правленіе принуждено было отступить отъ обыкновенно принятой въ казенныхъ заведеніяхъ системы поставки по годовымъ контрактамъ и обратиться къ хозяйственному способу заготовки важнѣйшихъ хлѣбныхъ припасовъ по особому каждый мѣсяцъ соглашенію съ поставщиками, примѣнительно къ справочнымъ цѣнамъ. Подобный способъ, при необходимой бережливой разсчетливости по другимъ частямъ, далъ Правленію возможность заключить отчетный годъ безъ дефицита противъ назначенной по смѣтѣ денежной ассигновки и безъ долга для наступившаго 1892 года.

VI. О занятіяхъ наставниковъ академіи.

а) Наставники академіи, кромѣ преподаванія своихъ наукъ и исполненія соединенныхъ съ занимаемыми ими каѳедрами обязанностей, исполняли разныя порученія, возлагаемыя на нихъ Высшимъ Начальствомъ, или Совѣтомъ и Правленіемъ академіи, или принимаемыя ими по собственнымъ побужденіямъ.

Преосвященный Антоній, Епископъ Выборгскій, Ректоръ академіи, состоялъ, какъ и въ прежніе годы, главнымъ наблюдателемъ за преподаваніемъ Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ г. С.-Петербурга.

Инспекторъ *Архимандритъ Михаилъ*, по случаю увольненія Преосвященнаго Антонія, Ректора академіи, въ отпускъ, исправлялъ должность Ректора съ 15 іюня по 15 августа, а заслуженный ординарный профессоръ *Ловягинъ*, по назначенію Его Высокопреосвященства, исправлялъ за тоже время должность инспектора академіи.

Заслуженный ординарный профессоръ *Катанскій*, по порученію Совѣта академіи, составилъ прочитанный имъ въ торжественномъ собраніи академіи отчетъ о состояніи академіи за 1890 годъ.

Преподаватель, заслуженный профессоръ *Троицкій*, по порученію Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, разсматривалъ книгу Розова «Христіанская Нубія», представленную на соисканіе преміи покойнаго Высокопреосвященнаго митрополита Макарія.

Ординарный профессоръ *Скабалановичъ* продолжалъ состоять редакторомъ «Церковнаго Вѣстника», а экстраординарный профессоръ *Садовъ*—редакторомъ «Христіанскаго Чтенія».

Экстраординарный профессоръ *Покровскій* продолжалъ состоять завѣдующимъ церковно-археологическою коллекціею.

Экстраординарный профессоръ *Лопухинъ*, по порученію начальства, переводилъ на русскій языкъ съ англійскаго документы по дѣламъ православной церкви въ Америкѣ.

Исправляющій должность доцента *Аквилоновъ* съ 31 октября утвержденъ сверхштатнымъ членомъ Учебнаго Комитета при Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи.

б) Многіе изъ наставниковъ продолжали состоять членами разныхъ ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, принимая участіе въ ихъ занятіяхъ и дѣятельности.

Преосвященный Антоній, Ректоръ академіи, состоялъ Вице-Предсѣдателемъ и Членомъ Совѣта Попечительства Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ.

Экстраординарный профессоръ *Покровскій* избранъ въ число членовъ нижегородской ученой архивной коммиссіи.

Экстраординарный профессоръ *Пономаревъ* состоялъ членомъ нео-филологическаго общества при С.-Петербургскомъ университетѣ почетнымъ членомъ Археологическаго института и членомъ этнографическаго отдѣленія Императорскаго Географическаго Общества.

Доцентъ *Глубоковскій* избранъ въ члены Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія.

в) Кромѣ того, наставники академіи вносили свои вклады и въ литературу (дѣлились съ обществомъ своими учено-литературными трудами).

Преподаватель, заслуженный профессоръ *Троицкій* напечаталъ рядъ оригинальныхъ и переводныхъ статей въ «Церковномъ Вѣстникѣ» и «Христіанскомъ Чтеніи».

Ординарный профессоръ *Скабалановичъ* напечаталъ въ «Церковномъ Вѣстникѣ» около 20 статей по разнымъ церковнымъ вопросамъ и нѣсколько библіографическихъ замѣтокъ.

Экстраординарный профессоръ *протоіерей Николаевскій* въ «Христіанскомъ Чтеніи» продолжалъ печатаніе своего изслѣдованія «О московскомъ печатномъ дворѣ при п. Никонѣ», помѣстивъ кромѣ того историческую справку «Объ архидіаконѣ московскаго патріарха Адріана».

Экстраординарный профессоръ *священникъ Соллертинскій* въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ» помѣстилъ рѣчь о Православіи, произнесенную въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ въ день памяти Равноапостольнаго Епископа Меѳодія.

Экстраординарный профессоръ *Покровскій* напечаталъ церковно-археологическое изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: «Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, преимущественно византійскихъ и русскихъ».

Экстраординарный профессоръ *Пономаревъ*, вмѣстѣ съ помощникомъ инспектора академіи Васильковымъ, продолжалъ состоять редакторомъ-издателемъ журнала «Странникъ» и помѣстилъ въ немъ нѣсколько историко-литературныхъ статей.

Экстраординарный профессоръ *Пальмовъ* напечаталъ: а) въ «Христіанскомъ Чтеніи» статью «Историческій взглядъ на начало

автокефаліи сербской церкви и учрежденіе патріаршества въ древней Сербіи. Рѣчь на годичномъ академическомъ актѣ 17 февраля 1891 года», б) въ «Церковномъ Вѣстникѣ» нѣсколько статей по вопросамъ современной церковной жизни заграничныхъ славянъ и в) въ «Славянскихъ Извѣстіяхъ»—статью «Памяти Михаила Іосифовича Кояловича».

Экстраординарный профессоръ *Лопухинъ* а) въ «Церковномъ Вѣстникѣ» велъ еженедѣльную «лѣтопись церковной и общественной жизни заграницей» и напечаталъ отдѣльно двѣ статьи для пасхальнаго и рождественскаго выпусковъ того же журнала (при чемъ пасхальная статья была переведена на болгарскій языкъ въ еженедѣльной софійской газетѣ «Селянинъ»), б) въ журналѣ «Страннинкъ» напечаталъ нѣсколько обозрѣній иностранной церковной жизни, а также нѣсколько переводныхъ статей изъ новой книги аббата Вигуру «Новый Завѣтъ и новѣйшія археологическія открытія», именно статьи: «Языкъ, на которомъ говорили Христосъ и апостолы», «Квириніева перепись въ годъ Рождества Христова» и «Страданія Христа съ археологической точки зрѣнія», в) въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза по просьбѣ покойнаго профессора И. Е. Андреевскаго напечаталъ двѣ статьи подъ заглавіями: «Библейская археологія» и «Библейская исторія», а по просьбѣ новѣйшей редакціи этой Энциклопедіи—большую статью о «Вавилоніи» и нѣсколько мелкихъ статей по преимуществу древне-историческаго и библейско-историческаго содержанія и г) въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» напечаталъ одну полемико-библіографическую статью.

Экстраординарный профессоръ *Троицкій* а) въ «Христіанскомъ Чтеніи» печаталъ и продолжаетъ печатать составленное имъ толкованіе на книгу пророка Исаіи и б) въ «Церковномъ Вѣстникѣ» помѣстилъ статьи: «Къ исторіи христіанства въ семирѣченской области», «Исторія прославленія иконы Скорбящей Божіей Матери, въ селеніи Императорскаго Стеклянаго завода», «Происхожденіе и значеніе прилагаемаго въ Евангеліи и книгѣ Дѣяній Апостольскихъ къ имени Господа Іисуса Христа названія «Назорей» и «Назарянинъ», а также нѣсколько библіографическихъ замѣтокъ.

Доцентъ *Глубоковскій* напечаталъ: а) въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія»—статью «Литературная дѣятельность митрополита Кипріана» и критическое обозрѣніе сочиненія проф. М. Муретова «Внѣшній видъ ветхозавѣтнаго храма», б) въ

«Воронежских Епархіальных Вѣдомостях» и сокращенно в «Московских Вѣдомостях» статью «Возрожденіе папства и его настоящее положеніе по сравненію с прошлым», в) в «Прибавленіях к Твореніям свв. отцов» статью «Историческое положеніе и значеніе личности Феодорита, епископа Киррскаго» и г) нѣсколько статей и замѣток церковно-историческаго и критико-библіографическаго содержанія в других повременных изданіях (в Русском Обозрѣніи—о книгѣ проф. А. Архангельскаго «Творенія отцов церкви в древне-русской письменности», в Московских Вѣдомостях, Московских Церковных Вѣдомостях, журналѣ «Наука и Жизнь»).

Исправляющій должность доцента *Серебреников* напечатал магистерскую диссертацію «Ученіе Локка о прирожденных началах знанія и дѣятельности. Опыт установки Локкова ученія на основаніи историко-критическаго изслѣдованія и критическаго разсмотрѣнія его в связи с христіанским ученіем об образѣ Божіем».

Лектор *Размуссен* в «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за іюнь, іюль, сентябрь и ноябрь 1891 года напечатал статью «О глагольных временах и об отношеніи их к видам в русском, нѣмецком и французском языках».

VII. О занятіях и поведеніи студентов.

Занятія студентов всѣх четырех курсов в теченіе отчетнаго года состояли в слушаніи лекцій, изученіи преподаваемых в академіи наук, письменных работах и чтеніи для этих работ книг. Студентам первых трех курсов приходилось в теченіе недѣли выслушать от 20 до 24 лекцій и написать в теченіе года по три семестровых сочиненія. Студенты IV курса выслушивали от 12 до 14 лекцій в недѣлю и занимались составленіем диссертацій на ученыя степени.

Представленныя ими в концѣ $18^{90}/_{91}$ учебнаго года диссертаціи признаны Совѣтом удовлетворительными для степени кандидата за исключеніем одной. Из диссертацій, признанных удовлетворительными для степени кандидата, особенное вниманіе по обстоятельной полнотѣ изслѣдованія и тщательной разработкѣ предмета обратили на себя слѣдующія кандидатскія диссертаціи: *Бриллiантова Александра* на тему: «Вліяніе восточнаго

богословія на западное въ произведеніяхъ Іоанна Скота Эригены», *Вознесенскаго Петра*—«Исторія ветхозавѣтной церкви отъ возвращенія изъ плѣна до конца времени пророковъ», *Яхонтова Ѳеодора*—«Ветхозавѣтные законы о рабахъ», *Рункевича Стефана*—«Исторія минской епископіи до учрежденія полоцкой епископіи», *Ситкевича Андрея*—«Исторія епархіальныхъ капитуловъ въ западно-русской уніатской церкви», *Князева Николая*—«Состояніе духовныхъ семинарій во второй половинѣ XIX вѣка», *Хвалынскаго Михаила*—«Состояніе духовныхъ училищъ во второй половинѣ XIX вѣка», *Петровскаго Михаила*—«Ученіе о волѣ въ системѣ Вундта и оцѣнка его съ богословско-философской точки зрѣнія», *Мегорскаго Ѳеодора*—«Ученіе о волѣ въ системѣ блаж. Августина», *Попова Владиміра*—«Положеніе твореній св. Іоанна Златоуста въ исторіи святоотеческой философіи», *Аквилонова Николая*—«Бесѣда І. Христа объ истинномъ хлѣбѣ жизни (Іоанн. VI, 25—71). Экзегетико-догматическое изслѣдованіе», *Иванова Владиміра*—«Ученіе Лютера о церкви», *Курдиновскаго Захаріи*—«Недостатки абсолюта системы Э. Гартмана (особенно по сравненію съ свойствами Бога христіанской религіи), какъ признакъ «саморазложенія» внѣрелигіозной и внѣхристіанской философіи», *Лахостскаго Павла*—«Черты христіанской философіи въ изображеніи «душевнаго» и «духовнаго» человѣка (по Новому Завѣту)», *Никольскаго Филарета іеромонаха*—«Объ епархіальномъ управленіи въ русской церкви со времени учрежденія Св. Синода», *Станиславскаго Димитрія*—«Златоустники» и «Торжественники» и *Удальцова Александра*—«Іона Орлеанскій».

Согласно съ представленіями наставниковъ академіи объ означенныхъ сочиненіяхъ и съ заключеніемъ коммиссіи изъ наставниковъ академіи по присужденію денежныхъ наградъ за курсовыя студенческія сочиненія, писанныя въ $18^{90}/_{91}$ учебномъ году, Совѣтъ академіи удостоилъ сочиненія кандидатовъ богословія Бриліантова Александра и Вознесенскаго Петра — премій Высокопреосвященнаго Митрополита Іосифа въ размѣрѣ 165 рублей каждому, сочиненія кандидатовъ: Яхонтова Ѳеодора, Рункевича Стефана, Ситкевича Андрея, Князева Николая, Хвалынскаго Михаила, Петровскаго Михаила, Мегорскаго Ѳеодора и Попова Владиміра—денежныхъ наградъ изъ процентовъ съ юбилейнаго капитала: Яхонтова, Рункевича и Ситкевича въ количествѣ 50 рублей, а остальныхъ 30

рублей. Затѣмъ, рекомендованныя наставниками академіи къ почетнымъ отзывамъ сочиненія кандидатовъ: Аквилонова Николая, Иванова Владиміра, Курдиновскаго Захаріи, Лахостскаго Павла, Никольскаго Филарета іеромонаха, Станиславскаго Димитрія и Удальцова Александра удостоены Совѣтомъ таковыхъ отзывовъ.

Студенты IV курса во вторую половину отчетнаго года избрали изъ предложенныхъ наставниками и утвержденныхъ Ректоромъ академіи слѣдующія темы для диссертацій на ученую степень: *Боголюбовъ Андрей*—«О сочиненіяхъ св. Кирилла Туровскаго, подлинныхъ и приписываемыхъ ему», *Высоковъ Николай*—«Меланхтонъ, какъ протестантскій нравоучитель», *Гей Василій*—«Характерныя черты детерминизма Лейбница и его метафизическихъ предположеній предъ судомъ началъ христіанской философіи», *Георгіевскій Димитрій*—«Четьи-Минеи до времени митрополита Макарія по рукописямъ библіотеки петербургской духовной академіи», *Евреиновъ Сергѣй* — «Борьба Ѳомы Бекета съ англійскимъ королемъ Генрихомъ II», *Егурновъ Иванъ*—«Исторія церковно-приходскихъ школъ въ Россіи въ царствованіе Императора Александра III, ихъ современное положеніе и вѣроятная роль въ будущемъ», *Захаревичъ Геннадій*—«Такъ называемая австрійская іерархія предъ судомъ церковныхъ каноновъ», *Ильменскій Петръ*—«Преподобный Іосифъ Волоколамскій», *Кавасаки Андрей*—«Св. Григорій Двоесловъ и его пастырское ученіе», *Калугинъ Ѳеодоръ*—«Полемическіе труды Зиновія Отенскаго въ ихъ церковномъ и историко-литературномъ значеніи», *Кедринскій Павелъ*—«Значеніе досознательнаго въ нравственности вообще и христіанской въ частности», *Кенорѣцкій Петръ*—«Можно ли на основаніи внутреннихъ данныхъ признать «Увѣщаніе Еллинамъ» произведеніемъ Св. Іустина Философа», *Климентовъ Николай*—«Ученіе Христа Спасителя о церкви», *Колтыпинъ Иванъ*—«Русскія печатныя азбуки XVII вѣка и ихъ отличія отъ позднѣйшихъ», *Кондратьевъ Евгеній*—«Очеркъ русской философской и философско-богословской литературы до пятидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія», *Красковскій Николай*—«Великій расколъ и Сорбонна», *Кьяндскій Алексѣй*—«Церковные и общественные идеалы въ такъ называемой славянофильской литературѣ. Ю. Ѳ. Самаринъ», *Лавровъ Владиміръ*—«Древне-русская семья по Житіямъ святыхъ и народному эпосу и мѣра ея христіанственности», *Лебедевъ Петръ*—«Нравоученіе Иннокентія, архі-

епископа Херсонскаго, въ отношеніи къ нравоученію Рейнгарда», *Миловъ Димитрій* — «Философско-богословская критика ученія эволюціонистовъ (Спенсера, Каспари и др.) о происхожденіи и развитіи религіозныхъ вѣрованій», *Никифоровъ Григорій* — «Преосвященный Ѳеофилактъ (Лопатинскій), какъ дѣятель противъ раскола», *Новиковъ Иванъ*—«Отношеніе государственной власти къ церкви», *Носовъ Константинъ*—«Происхожденіе караимовъ и ихъ отношеніе къ іудеямъ - талмудистамъ», *Образцовъ Александръ*—«Позитивная философія и сверхчувственное бытіе» архіеп. Никанора. Характерныя стороны труда Высокопр. Никанора и положеніе его въ исторіи русской богословеко-философской науки», *Островскій Василій*—«Галицкая Русь въ борьбѣ за православіе въ XVII вѣкѣ», *Осѣцкій Александръ*—«О бракѣ (противъ безпоповцевъ)», *Петровскій Александръ*—«О литургіяхъ св. ап. Іакова и ев. Марка», *Ребовскій Александръ* — «Русская философская литература въ послѣднемъ сорокалѣтіи и положеніе въ ней вопросовъ религіозно - метафизическаго значенія», *Рогенгагенъ Вячеславъ свящ.*—«О церковныхъ наказаніяхъ для клириковъ», *Рождественскій Павелъ*—«Философскій элементъ въ воззрѣніяхъ славянофиловъ, сравненіе его съ философскими посылками нѣмецкихъ мыслителей и степень пригодности его для философскаго оправданія православно-христіанскаго міросозерцанія», *Романовскій Михаилъ*—«Троицкій игуменъ Артемій (XVI в.)», *Самоцвѣтовъ Михаилъ*—«Расколъ, какъ платежная сила государства (съ Петра I до 1782 г. включительно)», *Свидерскій Лука*—«Іоаннъ Красовскій, полоцкій уніатскій архіепископъ», *Серебреницкій Александръ*—«Вопросъ о субстанціальности души въ научно-философской системѣ Спенсера. Обсужденіе спенсеровскаго ученія съ религіозно-метафизической точки зрѣнія», *Скворцовъ Димитрій* — «Основныя начала догматическаго и нравственнаго ученія апостола Павла», *Смирновъ Александръ*—«Юрій Крыжаничъ и отношенія его къ церковнымъ дѣламъ русскимъ», *Смирновъ Вячеславъ* — «Объ участіи низшаго духовенства въ епархіальномъ управленіи въ древней Россіи», *Соболевъ Иванъ* — «Переводъ LXX толковниковъ, важнѣйшіе его памятники и изданія», *Сокольниковъ Богданъ*—«Холмская епархія въ періодъ введенія уніи», *Сребрянскій Петръ*—«Папство при Оттонѣ I», *Субботинъ Петръ*—«О самосознаніи и его субъектѣ. Философско-богословскій критическій взглядъ на уче-

нія о призрачности эмпирическаго самосознанія человѣка», *Темноміровъ Аполлонъ* — Смерть, загробная жизнь, воскресеніе изъ мертвыхъ» (Изложить ученіе Свящ. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта объ указанныхъ трехъ состояніяхъ человѣка), *Тихомировъ Димитрій* — «О количествѣ составныхъ частей человѣка по воззрѣніямъ древнихъ отцовъ», *Троепольскій Антоній* — «Борьба за національную церковь въ Польшѣ въ XVI вѣкѣ (Іаковъ Уханскій, архіепископъ Гнѣзненскій)», *Успенскій Михаилъ* — «Аѳанасій архіепископъ холмогорскій», *Фигуровскій Иннокентій іером* — «Нравоученіе блаженнаго Августина» и *Чебановъ Григорій* — «Христіанская церковность съ точки зрѣнія философско-богословскихъ принциповъ и воззрѣній русскихъ славянофиловъ».

Кромѣ занятія сочиненіями студенты всѣхъ четырехъ курсовъ упражнялись въ составленіи проповѣдей. Въ отчетномъ году студентамъ всѣхъ курсовъ назначено было по одной проповѣди, именно: студентамъ I, II и III курсовъ — составленіе въ классѣ проповѣдей на данныя темы, а студентамъ IV курса — приготовленіе проповѣдей внѣ класса на опредѣленные дни. Для студентовъ I, II и III курсовъ состава 1890—91 учебнаго года составленіе проповѣдей-экспромптовъ назначено было въ первой половинѣ отчетнаго года, а студентамъ тѣхъ же курсовъ состава 1891—92 учебнаго года составленіе таковыхъ проповѣдей предназначено было предложить въ началѣ текущаго года; въ февралѣ текущаго года указанные проповѣди-экспромпты студентами I—III курсовъ уже написаны.

Многіе изъ студентовъ разныхъ курсовъ съ разрѣшенія Его Высокопреосвященства по примѣру прежнихъ лѣтъ участвовали во внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ въ церквахъ, а также среди рабочихъ на разныхъ фабрикахъ и заводахъ подъ общимъ наблюденіемъ Преосвященнаго Ректора Академіи и по одобренной имъ же программѣ самыхъ бесѣдъ.

Внѣбогослужебныя собесѣдованія въ отчетномъ году велись студентами по примѣру прошлыхъ лѣтъ: въ залѣ школьнаго дома при фабрикѣ братьевъ Варгуниныхъ для фабричныхъ рабочихъ Варгунинской, Торнтоновской и другихъ ближайшихъ фабрикъ и заводовъ, въ Братскомъ храмѣ Покрова Пресвятыя Богородицы на Боровой улицѣ, по Обводному каналу, по преимуществу для рабо-

чихъ новой бумагопрядильной мануфактуры, въ домѣ приходскаго попечительства при церкви Св. Троицы, что въ Галерной Гавани, въ церкви Литовскаго замка для арестантовъ и въ молитвенномъ домѣ при дворѣ ломовыхъ извозчиковъ И. В. Алексѣева на Воронежской улицѣ для ломовыхъ извозчиковъ съ ихъ семействами; кромѣ того студенты вели собесѣдованія въ теченіе отчетнаго года въ залѣ церковно-учительской школы при Новодѣвичьемъ монастырѣ и въ церкви Смоленской Божіей Матери въ пригородномъ селеніи Смолянка.

Содержаніе бесѣдъ состояло въ изложеніи жизни Христа Спасителя и въ изъясненіи воскресныхъ евангелій и апостоловъ, символа вѣры, евангельскихъ заповѣдей блаженствъ и православнаго богослуженія.

Къ неклассными занятіямъ студентовъ относится также чтеніе книгъ, имѣющихъ по своему содержанію отношеніе къ преподаваемымъ имъ наукамъ, равно и къ темамъ, назначаемымъ имъ для сочиненій. Книгами студенты пользовались изъ фундаментальной академической библіотеки и изъ студенческой. Нѣкоторые изъ студентовъ IV курса пользовались относящимися къ темамъ ихъ кандидатскихъ диссертацій книгами и рукописями, принадлежащими Императорской публичной библіотекѣ и другимъ учрежденіямъ.

Пополненіе студенческой библіотеки происходило подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Ректора академіи; за благоустройствомъ же библіотеки и порядкомъ пользованія книгами имѣлъ надзоръ инспекторъ академіи.

Занятія студентовъ въ теченіе учебнаго года завершились, по обыкновенію, экзаменами, сопровождавшимися повтореніемъ пройденнаго ими за годъ. Въ отчетномъ году устное испытаніе студентовъ всѣхъ четырехъ курсовъ было произведено по особому росписанію съ 8 апрѣля по 6 іюня коммиссіями наставниковъ, подъ предсѣдательствомъ Преосвященнаго Ректора академіи, или инспектора академіи, или одного изъ ординарныхъ профессоровъ. Для студентовъ (въ числѣ 18), не державшихъ своевременно испытаній по всѣмъ или нѣкоторымъ предметамъ или не представившихъ въ назначенные сроки всѣхъ или нѣкоторыхъ семестровыхъ сочиненій и проповѣдей, вслѣдствіе болѣзни или другихъ уважительныхъ причинъ, надлежаще засвидѣтельствованныхъ, были испро-

шены, согласно указу Святѣйшаго Синода отъ 22 февраля 1888 года за № 945, особыя разрѣшенія Его Высокопреосвященства сдать испытанія и представить сочиненія и проповѣди послѣ каникулярнаго времени, и именно: въ теченіе времени съ 15 августа по 1 сентября (до начала учебныхъ занятій въ академіи).

Не держали экзаменовъ, по болѣзни и другимъ уважительнымъ причинамъ, 6 студентовъ, изъ коихъ 3 оставлены въ тѣхъ же курсахъ на второй годъ, 1 студентъ уволенъ изъ академіи на основаніи § 134 академическаго устава, какъ состоявшій уже два года на одномъ курсѣ, и 2—уволены согласно ихъ прошеніямъ.

За исключеніемъ этихъ студентовъ, всѣ студенты, подвергавшіеся испытаніямъ и получившіе удовлетворительные баллы, назначены—студенты I, II и III курсовъ (въ числѣ 163) къ переводу въ слѣдующіе курсы и студенты IV курса (въ числѣ 52) къ выпуску изъ академіи за окончаніемъ курса. Прежде удостоенія первыхъ перевода изъ курса въ курсъ и послѣднихъ ученой степени, Совѣтомъ академіи были составлены списки студентовъ каждаго курса по успѣхамъ и поведенію. При составленіи списковъ студентовъ I—III курсовъ были приняты во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе за одинъ годъ, при оцѣнкѣ же сравнительнаго достоинства студентовъ IV курса были приняты во вниманіе сочиненія, устные отвѣты и поведеніе студентовъ за все время ихъ академическаго образованія. Сочиненія, писанныя студентами IV курса въ качествѣ диссертацій на ученыя степени (въ числѣ 47), по разсмотрѣніи, были признаны 46 удовлетворительными для степени кандидата богословія и 1 недостаточнымъ. На основаніи указанныхъ данныхъ Совѣтъ академіи назначилъ къ выпуску изъ академіи 52 студента,—изъ нихъ 30, представившихъ удовлетворительныя для степени кандидата диссертаціи и получившихъ въ общемъ выводѣ и по устнымъ отвѣтамъ, и по семестровымъ сочиненіямъ баллъ свыше 4 и по каждому въ отдѣльности предмету не ниже 3, удостоены Совѣтомъ академіи степени кандидата богословія, съ правомъ полученія степени магистра безъ новаго устнаго испытанія, 15, имѣвшихъ въ общемъ выводѣ за весь академическій курсъ по устнымъ отвѣтамъ и по семестровымъ сочиненіямъ не менѣе 3 при отсутствіи балловъ ниже 3 по отдѣльнымъ предметамъ, въ противномъ же случаѣ—не менѣе $3^1/_2$ и представившихъ удовлетворительныя диссертаціи, удостоены степени кандидата богословія и

7 студентовъ, или не имѣвшихъ для степени кандидата достаточныхъ балловъ за академическій курсъ или не удовлетворившихъ требованіямъ со стороны кандидатской диссертаціи, выпущены съ званіемъ дѣйствительнаго студента академіи; изъ нихъ 4 по удовлетвореніи требованіямъ или относительно устныхъ испытаній, или касательно кандидатской диссертаціи удостоены Совѣтомъ степени кандидата, съ предоставленіемъ двумъ изъ нихъ права на полученіе степени магистра безъ новаго устнаго испытанія.—Изъ окончившихъ прежде курсъ въ отчетномъ году удостоены Совѣтомъ степени кандидата 5 студентовъ, изъ нихъ 3, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, такъ какъ они выбыли изъ академіи до окончанія академическаго курса.

Изъ окончившихъ въ отчетномъ году курсъ кандидатовъ согласно § 54 академическаго устава оставлены при академіи въ качествѣ профессорскихъ стипендіатовъ для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій два лучшіе по успѣхамъ воспитанника: Александръ Бриллiантовъ и Михаилъ Тимоѳеевъ, первый при каѳедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій и послѣдній при каѳедрѣ нравственнаго богословія.

Со стороны поведенія студенты оказывались внимательными и усердными къ исполненію своихъ обязанностей, обнаруживая доброе направленіе, за исключеніями указанными выше. Въ представленныхъ въ концѣ $18^{90}/_{91}$ учебнаго года инспекторомъ академіи спискахъ студентовъ по поведенію за $18^{90}/_{91}$ учебный годъ поведеніе 201 студента отмѣчено балломъ 5 и 17—балломъ 4.

Таково въ общихъ чертахъ состояніе С.-Петербургской духовной академіи въ истекшемъ, отчетномъ году. Отдѣльные факты, въ которыхъ выразилось это состояніе, позволяютъ заключить, что С.-Петербургская духовная академія и въ минувшемъ году продолжала идти по пути предначертаннаго ей ея уставомъ назначенія и по мѣрѣ находящихся въ ея распоряженіи способовъ стремилась къ выполненію поставляемыхъ ей ея назначеніемъ задачъ. Трудясь надъ разрѣшеніемъ этихъ задачъ, академія въ отчетномъ году въ лицѣ учащихъ и учащихся служила и духовному просвѣщенію, и богословской наукѣ, и религіозному оживленію и нравственному подъему православнаго русскаго общества. Въ первомъ отношеніи дѣятелями академіи принесены посильные вклады въ общую сокро-

вищницу знаній и въ видѣ продолжавшихся въ отчетномъ году академическихъ изданій, не смотря на неблагопріятныя по сравненію съ прежними временами матеріальныя условія, и въ видѣ отдѣльныхъ изслѣдованій, представляющихъ по строгой ученой ихъ оцѣнкѣ дѣйствительное пріобрѣтеніе для русской учено-богословской литературы. Религіозному оживленію и нравственному подъему православнаго русскаго общества академія, независимо отъ трудовъ ея преподавателей, содѣйствовала и содѣйствуетъ непосредственною дѣятельностію тѣхъ изъ бывшихъ и наличныхъ ея студентовъ, которые, принимая живое участіе во внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ, ведутъ таковыя и въ храмахъ Божіихъ, и въ рабочихъ и мастерскихъ простыхъ тружениковъ изъ-за насущнаго заработка. Подобныя собесѣдованія, знакомя съ академіею и съ ея воспитанниками общество, открываютъ и студентамъ, готовящимся къ пастырскому служенію, возможность на опытѣ изучать науку церковнаго учительства и совершенствоваться въ пріемахъ пастырскаго собесѣдованія, прилагая книжныя познанія къ удовлетворенію дѣйствительныхъ духовныхъ потребностей вѣрующаго народа. Это явленіе можетъ повести и къ дальнѣйшимъ благоплоднымъ послѣдствіямъ въ томъ случаѣ, если нынѣшніе студенты, пріобрѣтя навыкъ въ собесѣдованіяхъ и воспитавъ къ нимъ любовь, понесутъ съ собою эти пріобрѣтенія вмѣстѣ съ полученнымъ отъ академіи высшимъ богословскимъ образованіемъ въ мѣста ожидающаго ихъ служенія и тамъ постараются организовать общества для дружнаго вкупѣ съ духовенствомъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія на массу русскаго народа, который въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда либо, жаждетъ и ищетъ духовнаго назиданія.

Въ прочитанномъ отчетѣ останавливаетъ вниманіе тотъ говорящій въ пользу академическаго образованія фактъ, что въ отчетномъ году въ составъ перваго академическаго курса принято гораздо большее число студентовъ, чѣмъ какое требуется положенною нормою казенныхъ воспитанниковъ. При всемъ томъ многіе изъ искавшихъ поступленія въ академію семинарскихъ воспитанниковъ принуждены были возвратиться назадъ, не получивъ возможности поступить въ академію за недостаткомъ помѣщенія въ зданіяхъ академіи. Подобное изъ года въ годъ повторяющееся обстоятельство, говоря о множествѣ жаждущихъ высшаго духовнаго образованія, свидѣтельствуетъ и о томъ, что подобное образованіе дѣй-

ствительно дается академіею и пріобрѣтается въ ней ищущими знанія.

Отчетъ заставляетъ замѣтить, что и изъ числа проникнувшихъ въ академію и охотно подвергающихъ себя ея искусу общежитія, академія оказывается не въ состояніи обезпечить всѣхъ на предоставленныя ей средства; напротивъ многимъ при всѣхъ задаткахъ ихъ подготовленности и расположенности къ высшему богословскому образованію академія вынуждена была бы отказать, если бы общество вспомоществованія недостаточнымъ студентамъ С.-Петербургской духовной академіи и частная благотворительность не приходили при этомъ на помощь своими жертвами. Академія, сознавая это, воздаетъ должную дань благодарности всѣмъ своимъ сотрудникамъ въ дѣлѣ доставленія высшаго духовнаго образованія ищущимъ таковаго молодымъ людямъ. Какъ на особенность академической жизни въ отчетномъ году, отчетъ располагаетъ указать на то, что среди искателей высшаго духовнаго просвѣщенія въ почтенномъ числѣ являются люди, которые уже по своему священному сану близко стоятъ къ назначенію академіи. Изъ отчета видно, что и въ началѣ и въ концѣ отчетнаго года, не смотря на совершившіяся перемѣны чрезъ окончаніе курса одними и поступленіе другихъ, оставалась одинаковая цифра—16 человѣкъ, носившихъ священный санъ, съ принятіемъ нѣкоторыми изъ нихъ монашества. Явленіе это показываетъ, что въ подобныхъ людяхъ нуждается наше время, что и академія въ свою очередь располагаетъ къ принятію священнаго сана и не имѣющихъ его чрезъ принятіе послѣдними монашества.

Обозрѣвая со всѣхъ сторонъ жизнь академіи и оцѣнивая ея дѣятельность по свойству результатовъ отчетнаго года, нельзя не признать, что академія служила православному русскому обществу и св. Христовой Церкви всѣмъ, чѣмъ могла. Пожелаемъ же нашей almae matri и въ будущемъ быть тѣмъ, чѣмъ она должна быть по ея назначенію,—разсадникомъ высшаго духовнаго просвѣщенія и высшей богословской науки на пользу святой Христовой церкви и на благо нашего дорогаго отечества.

і҃. Воспо́йте Гдⷭ҇еви пѣ́снь но́вꙋ: нача́льство є҆гѡ̀, просла́вите и҆́мѧ є҆гѡ̀ ѿ конє́цъ землѝ, сходѧ́щіи въ мо́ре, и҆ пла́вающіи по немꙋ̀, ѻ҆́строви и҆ живꙋ́щіи на ни́хъ.

а҃і. Возвесели́сѧ пꙋсты́нѧ, и҆ вє́си є҆ѧ̀, придвѡ́рїѧ, и҆ живꙋ́щіи

10. Пойте Господу новую пѣснь, хвалу Ему отъ концовъ земли, вы, плавающіе по морю, и все, наполняющее его, острова и живущіе на нихъ.

11. Да возвыситъ голосъ пустыня и города ея, селенія,

пророковъ, все исполнилось. А теперь возвѣщаю вамъ евангеліе, призваніе языковъ, страданіе Христа, новшество вѣры, для того, чтобы вы, видя исполнившимся прежнее, вѣровали и въ обѣтованное будущее".

Ст. 10—12. Вслѣдствіе явленія Отрока Господня, вся поднебесная будетъ прославлять Господа.

Ст. 10. Пѣ́снь но́вꙋ, соотвѣтствующую новости дѣлъ: ибо, по слову апостола, а҆́ще кто̀ во Хрїстѣ̀, нова̀ тва́рь: дрє́внѧѧ мимоидо́ша, сѐ бы́ша всѧ̑ нѡва̀ (2 Кор. V, 17). Нача́льство є҆гѡ̀, просла́вите и҆́мѧ є҆гѡ̀ ѿ конє́цъ землѝ, т. е., во всей поднебесной: древле, говоритъ св. Кириллъ алекс., Богъ былъ вѣдомъ въ Іудеѣ и только во Израили было велико имя его (ср. Пс. LXXV, 1), а послѣ того какъ мы стали призванными чрезъ Христа къ познанію истины, славы его исполнились небо и земля, какъ и псалмопѣвецъ говоритъ (LXXI, 19). Евр. תְּהִלָּתוֹ = хвалу ему въ переводѣ 70 по алекс.-ватик. тексту переведено дважды: во-1-хъ, ἡ ἀρχὴ αὐτοῦ = нача́ло є҆гѡ̀, причемъ, вмѣсто תְּהִלָּתוֹ, прочитано תְּחִלָּתוֹ; во-2-хъ — δοξάζετε τὸ ὄνομα αὐτοῦ = просла́вите и҆́мѧ є҆гѡ̀, т. е.: שִׁירוּ תְּהִלָּתוֹ = пойте хвалу ему. Въ комплют. полиглоттѣ, согласно нѣкоторымъ греческимъ спискамъ, ἡ ἀρχὴ αὐτοῦ опущено. Сходѧ́щіи по мо́рю, т. е., на корабляхъ (ср. Пс. CVI, 23): здѣсь разумѣется ближайшимъ образомъ море Средиземное, лежащее къ западу отъ св. земли.

Ст. 11. Къ плавающимъ по морю и обитающимъ на остро-

въ кида́рѣ: возвеселѧ́тсѧ живꙋ́щіи на ка́мени, ѿ вра́ѧ го́ръ возопі́ютъ.	*гдѣ обитаетъ Кидаръ; да торжествуютъ живущіе на скалахъ, да возглашаютъ съ вершинъ горъ.*
вı҃. Дадѧ́тъ Бг҃ꙋ сла́вꙋ, добродѣ́тели є҆гѡ̀ по ѻ҆строве́хъ возвѣстѧ́тъ.	*12. Да воздадутъ Господу славу, и хвалу Его да возвѣстятъ на островахъ.*

вахъ его, въ ихъ славословіи Господу, присоединятся также жители пустыни и каменистой Аравіи,—странъ, лежащихъ къ юговостоку отъ св. земли. Придвѡ́рїѧ=חֲצֵרִים есть названіе переносныхъ селеній кочевыхъ народовъ, состоявшихъ изъ расположенныхъ вокругъ палатокъ; сему названію соотвѣтствуетъ, употребляемое относительно монгольскихъ становъ, персидское слово „орда“. Обитатель таковыхъ, по евр. м. т., есть Кидаръ, или, восполняя эллипсисъ, община Кидара (עֲדַת קֵדָר), какъ называлось потомство одного изъ сыновей Измаила (Бт. XXV, 13. Ис. XXI, 16), по Плинію (Hist. Natur. Lib. V, c. 11) arabes cedrei; кидариты, сродственные набатеямъ, вели кочевой образъ жизни, и занимались преимущественно овцеводствомъ (Ис. LX, 7). Вмѣсто תֵּשֵׁב קֵדָר (обитаетъ община Кидаръ) 70 читали: וְיֹשְׁבֵי קֵדָר, почему: καὶ οἱ κατοικοῦντες Κηδὰρ = и҆ живꙋ́щіи въ Кида́рѣ. Живꙋ́щіи на ка́мени = οἱ κατοικοῦντες πέτραν, по св. Кириллу алекс. и Іерониму, суть жители Петры (יֹשְׁבֵי סֶלַע), какъ у Римлянъ назывался главный городъ арабовъ—набатеевъ, по имени котораго и самая провинція называлась Arabia Petraea (ср. Суд. I, 36; 4 Цар. XIV, 7; Ис. XVI, 1). Таргумъ, понимая евр. סֶלַע (камень) въ смыслѣ „погребальная пещера“, выраженіе יֹשְׁבֵי סֶלַע переводитъ: מֵיתַיָּא כַּד יִפְּקוּן מִבָּתֵּי עַלְמֵיהוֹן, т. е.: мертвые, когда изыдутъ изъ домовъ вѣка своего, или, какъ поясняетъ Раши: הַמֵּתִים שֶׁיִּחְיוּ = мертвые, которые воскреснутъ (ср. Іоан. V, 28—29; Мѳ. XXVII, 51—53).

Ст. 12 ср. Пс. LXV, 1.

Ст. 13—17. Съ явленіемъ Отрока Господня, Самъ Господь,

гі. Гдь Бгъ силъ изыдетъ, и сокрушитъ рать, воздвигнетъ рвеніе, и возопіетъ на враги своя съ крѣпостію.

13. *Господь выйдетъ, какъ исполинъ, какъ мужъ браней возбудитъ ревность; воззоветъ и подниметъ воинскій крикъ, и покажетъ Себя сильнымъ противъ враговъ Своихъ.*

ді. Молчахъ, еда и всегда умолчу, и потерплю; терпѣхъ яко рождающая, истреблю и изсушу вкупѣ.

14. *Долго молчалъ Я, терпѣлъ, удерживался; теперь буду кричать, какъ раждающая, буду разрушать и поглощать все.*

какъ непобѣдимый воевода, выступитъ противъ враговъ царства своего, совершитъ великіе перевороты въ мірѣ, и посрамитъ защитниковъ идолопоклонства.

Ст. 13. Какъ мужественный и любящій своихъ подданныхъ царь, видя страданія ихъ отъ внутреннихъ или внѣшнихъ враговъ, въ извѣстное время выступаетъ на борьбу съ этими врагами (2 Цар. XI, 1), такъ и Господь, видя родъ человѣческій мучимымъ отъ діавола, въ предопредѣленное имъ время имѣлъ выступить на борьбу съ діаволомъ и сонмищемъ его. Ср. Ис. XXVII, 1. XXX, 30. LXIII, 1—6. Пс. XXIII, 8. Іоан. XVI, 33. Дѣян. X, 38. 1 Кор. XV, 27. Апок. XX, 10. Евр. כַּגִּבּוֹר = какъ исполинъ 70 читали: אֵל גִּבּוֹר, откуда: ὁ θεὸς τῶν δυνάμεων = Бгъ силъ. Ср. Ис. IX, 5; XL, 10.

Ст. 14. Св. Кириллъ алекс. по поводу первой пол. ст. пишетъ: „Отсюда легко можно видѣть, что въ то время, какъ множество народовъ находилось въ заблужденіи, когда сатана расхищалъ ихъ, омрачалъ тьмою грѣховности и отвлекалъ отъ познанія Того Единаго, Кто по естеству и истинно есть Богъ всяческихъ, Сущій надъ всѣми Богъ, хотя имѣлъ желаніе придти къ нимъ на помощь, но откладывалъ это опредѣленіе, и терпѣлъ, безъ сомнѣнія, ожидая удобнаго для помощи времени; таковымъ было время воплощенія и вочеловѣченія Единороднаго Слова Его: ибо тогда

є҃і. Ѻ҆пꙋстошꙋ̀ го́ры и҆ хо́лми, и҆ всѧ́кꙋ травꙋ̀ и҆́хъ и҆зсꙋшꙋ̀, и҆ положꙋ̀ рѣ́ки во ѻ҆́стровы, и҆ лꙋ́ги и҆зсꙋшꙋ̀.

ѕ҃і. И҆ наведꙋ̀ слѣпы́ѧ на пꙋ́ть, є҆гѡ́же не вѝдѣша, и҆ по

15. Опустошу горы и холмы, и всю траву ихъ изсушу; и рѣки сдѣлаю островами, и осушу озера.

16. И поведу слѣпыхъ дорогою, которой они не знаютъ,

именно Онъ совершилъ брань съ побѣдившими насъ, избавилъ насъ отъ злобы ихъ, искупилъ, спасъ и подчинилъ насъ подъ свое иго“ ср. Дѣян. XVII, 26—31. Гал. IV, 4. ꙗ҆́кѡ ражда́ющаѧ ср. Іоан. XVI, 21. И҆стреблю̀ и҆ и҆зсꙋшꙋ̀ соотвѣтств. евр. אֶשֹּׁם וְאֶשְׁאַף. 70, Іерон., слав. и рус.-син. пер. слово אֶשֹּׁם производятъ отъ שָׁמֵם, въ значеніи опустошать, что встрѣчается весьма рѣдко и во время плѣна: ср. Іезек. XXXVI, 3; Дан. IX, 27; нормальное значеніе сего глагола: „выйти изъ себя, изумиться, оцѣпенѣть отъ ужаса, быть пустымъ, опустошеннымъ“ (ср. 3 Цар. IX, 8. Іер. XVIII, 16. Ис. LII, 14; Іезек. XXXIII, 28; XXXV, 12), примѣнительно къ чему אֶשֹּׁם וְאֶשְׁאַף значатъ: „выйду изъ себя и сотворю дуновеніе“ Ср. Мѳ. XXVII, 50. По Розенм. и Гезен. אֶשֹּׁם отъ נָשַׁם дыхать (נְשָׁמָה—дыханіе), т. обр.: „дыхну и дуну“.

Ст. 15. Слѣдствіемъ дуновенія Господа будетъ запустѣніе горъ и холмовъ, осушеніе рѣкъ и озеръ (ср. XL, 7). О словахъ сего стиха блаж. Ѳеодоритъ замѣчаетъ: „чрезъ все это Онъ (Богъ) показалъ паденіе заблужденія: ибо онъ разрушилъ почитаемыя дубравы демоновъ, находившіяся на горахъ и холмахъ; предалъ забвенію память о нихъ, и изсушилъ, какъ траву; остановивъ ученія философовъ, подобно теченіямъ рѣкъ, онъ не оставилъ въ нихъ даже малѣйшей влаги; точно также, говоритъ, изсушу и болота поэзіи“, напояющія, по выраженію св. Кирилла алекс., обольщенныхъ развращеніемъ мутнымъ (Авв. II, 15).

Ст. 16. „Когда Господь силъ выступилъ, чтобы сокрушить рать, когда враги были покорены, рѣки превращены въ острова,

стезѧ́мъ, ꙗ҆̀же не зна́ша, хо-
ди́ти сотворю̀ и҆̀мъ: сотворю̀
и҆̀мъ тмꙋ̀ во свѣ́тъ, и҆ стро́-
пѡтнаѧ въ пра́ваѧ: сїѧ̑ глаго́-
лы сотворю̀, и҆ не ѡ҆ста́влю и҆́хъ.

з҃і. Тї́и же возврати́шасѧ
вспѧ́ть: посрами́тесѧ стыдѣ́-
нїемъ ᲂу҆пова́ющїи на и҆зваѧ́н-
наѧ, глаго́лющїи слїѧ́ннымъ: вы̀
є҆стѐ бо́зи на́ши.

и҃і. Глꙋсі́и ᲂу҆слы́шите, и҆ слѣ-
пі́и прозри́те ви́дѣти.

неизвѣстными путями буду вести ихъ; мракъ сдѣлаю свѣтомъ предъ ними, и кривые пути—прямыми; вотъ, что Я сдѣлаю для нихъ, и не оставлю ихъ.

17. Тогда обратятся вспять, и великимъ стыдомъ покроются надѣющіеся на идоловъ, говорящіе истуканамъ: вы наши боги.

18. Слушайте, глухіе, и смотрите, слѣпые, чтобы видѣть.

болота высохли, тогда, говоритъ св. Кириллъ алекс., совершилось полное искупленіе находившихся въ числѣ военно-плѣнныхъ и подвластныхъ своеволію діавола: будучи слѣпыми, (ибо отступникъ ослѣпилъ сердца ихъ), они снова ведутся Христомъ по пути, котораго они прежде не знали, каковымъ путемъ служитъ евангельское откровеніе,—образъ жизни, согласный съ разумомъ и добродѣтелью, и красота святой жизни. Посему и божеств. Павелъ христіанамъ изъ язычниковъ говоритъ: бѣ́сте бо̀ и҆ногда̀ тма̀, ны́нѣ же свѣ́тъ ѡ҆ Го́сподѣ" (Еф. V, 8). 1 Петр. II, 9.

Ст. 17. Ср. Пс. XXXIV, 4. LXIX, 3.

Ст. 18—25. Современный явленію Отрока Господня, народъ Израильскій не вѣруетъ въ Него, вслѣдствіе чего навлекаетъ на себя разграбленіе, плѣнъ и войну.

Ст. 18. Ср. Мѳ. XXIII, 16; 17; 19; 24. Іоан. IX, 39—41; 2 Кор. III, 14.

Ст. 19. Ср. Іоан. XII, 37—40. Мѳ. XIII, 14—15. Дѣян. XXVIII, 26—27; Римл. XI, 7—8. Слова евр. м. т. כְּמַלְאָכִי אֶשְׁלָח מִי עִוֵּר = въ русск. с. п.: „какъ вѣстникъ Мой, Мною посланный? Кто такъ слѣпъ" въ греч. 70 оставлены безъ

ѳі. И҆ кто̀ слѣ́пъ, ра́звѣ ра́бі мои, и҆ глꙋ́си, ра́звѣ владѣ́ющіи и҆́ми; и҆ ѡ҆слѣ́поша ра́бі Бж҃іи.

19. Кто такъ слѣпъ, какъ рабъ Мой, и глухъ, какъ вѣстникъ Мой, Мною посланный? Кто такъ слѣпъ, какъ возлюбленный, такъ слѣпъ, какъ рабъ Господа?

к. Ви́дѣсте мно́гажды, и҆ не сохрани́сте: ѿве́рсты ᲂу҆́шы (и҆мꙋ́щє), и҆ не слы́шасте.

20. Ты видѣлъ многое, но не замѣчалъ; уши были открыты, но не слышалъ.

ка. Гдⷭ҇ь Бг҃ъ восхотѣ̀, да ѡ҆правди́тсѧ, и҆ возвели́читъ хвалꙋ̀.

21. Господу угодно было ради правды Своей, возвеличить и прославить законъ.

перевода, почему соотвѣтствующихъ имъ нѣтъ и въ слав. Евр. כִּמְשֻׁלָּם = въ русск. с. „какъ возлюбленный", у Іерон. venumdatus (проданный), по Дедерлейну: „правовѣрный" (мусульманинъ), 70 и Пешито читали כְּמֹשְׁלָם, partic. activi отъ מָשַׁל — властвовать, pluralis, со scriptio defectiva, почему 70: ἀλλὰ ἢ οἱ κυριεύοντες = развѣ владѣющіи (Пешито: айкъ шалито = какъ властитель). Ср. Мѳ. XXIII, 16: го́ре ва́мъ, вожди̑ слѣпі́и. Слѣдующія затѣмъ слова 70 читали: וְעִוְּרוּ עַבְדֵי יְהוָה, почему: καὶ ἐτυφλώθησαν οἱ δοῦλοι τοῦ θεοῦ = и҆ ѡ҆слѣ́поша ра́бі Бж҃іи.

Ст. 20. Видя пришедшаго въ образѣ человѣка Сына Божія, видѣть котораго желали многіе пророки и праведники, но не видѣли (Мѳ. XIII, 16—17), видя многія творимыя имъ чудеса, какихъ никто не творилъ (Іоан. XV, 24; I, 50—51; Мѳ. XII, 42) и умѣя различать знаменія неба, руководители современныхъ явленію Отрока Господня іудеевъ не искусили знаменій времени явленія его (Мѳ. XVI, 3, ср. Іоан. XII, 37—40).

Ст. 21. Пришедшій не для раззоренія, а для исполненія закона (Мѳ. V, 17), Праведный Господь возвеличитъ и прославитъ его предъ всѣми народами, чрезъ примѣненіе клятвъ его (Втор. XXVIII) къ народу Израильскому, за невѣріе его въ Того, о которомъ писалъ Моисей (Іоан. I, 45; V, 45—47; Лк. XXIV,

кв. И҆ ви́дѣхъ, и҆ бы́ша лю́діе расхище́ни, и҆ разгра́блени: пр҄ꙋ́гло бо въ ло́жахъ везд҄ѣ, и҆ въ до́мѣхъ вкꙋ́пѣ, и҆дѣ́же скры́ша ѧ҆̀, бы́ша въ плѣ́нъ: и҆ не бы́сть и҆зъима́ѧй разграбле́ніѧ, и҆ не бѣ̀ глаго́лющагѡ: ѿда́ждь.

кг. Кто̀ въ ва́съ, и҆̀же вню́шитъ сїѧ̀; и҆ ᲂу҆слы́шитъ во грѧ҄дꙋщаѧ.

22. Но это народъ разоренный и разграбленный; всѣ они связаны въ подземельяхъ и сокрыты въ темницахъ; сдѣлались добычею, и нѣтъ избавителя, ограблены, и никто не говоритъ: отдай назадъ!

23. Кто изъ васъ приклонилъ къ этому ухо, вникнулъ и выслушалъ это для будущаго?

27). Вмѣсто תּוֹרָה = законъ, 70 читали תּוֹדָה = αἴνεσις = хвала. Послѣднее слово стиха по евр. м. т. וְיַאְדִּיר = и прославитъ 70 читали וָאֵרֶא = καὶ ἴδον = и҆ ви́дѣхъ, и относили его къ началу 22 ст.

Ст. 22. Невѣріе и непослушаніе израильскаго народа волѣ Божіей имѣетъ своимъ послѣдствіемъ для него разграбленіе отъ непріятелей (Лк. XXIII, 28—31; XIX, 41—44), заключеніе въ темницѣ духовной (Мѳ. VIII, 12; XXII, 13) и лишеніе божественной помощи (ср. Ѳеодорита). Вмѣсто הָפֵחַ = въ русск. син.: связаны (infin. Гифилъ отъ פָּחַח) 70 читали הַפַּח, почему— ἡ παγὶς = пр҄ꙋ́гло, сѣть. Слѣдуя переводу 70, св. Кириллъ алекс. видитъ здѣсь указаніе на идоловъ, которыхъ іудейскіе начальники времени прор. Іезекіиля скрывали въ кладовыхъ, совершая предъ ними тайныя жертвоприношенія (ср. Іез. VIII, 8—12); а блаж. Іеронимъ, читая также הַפַּח, а слѣдующее слово בַּחוּרִים понимая въ смыслѣ pluralis отъ בָּחוּר—juvenis, переводитъ эти два слова: laqueus juvenum = сѣть юношей, и видитъ здѣсь указаніе на книжниковъ и фарисеевъ, которые строили ковы противъ Спасителя и апостоловъ, и, имѣя ключъ вѣдѣнія, ни сами не желали войти въ царство небесное, ни другимъ дозволяли войти, а въ своихъ сердцахъ, какъ въ темницахъ, имѣли весьма худыя мысли.

кд. Кто̀ дадѐ на разграбле́ніе і҆а́кѡва, и҆ і҆сра́иля плѣнѧ́ющымъ є҆го̀; не Бг҃ъ ли, є҆мꙋ́же согрѣши́ша, и҆ не восхотѣ́ша въ пꙋте́хъ є҆гѡ̀ ходи́ти, ни слꙋ́шати зако́на є҆гѡ̀;

ке. И҆ наведѐ на ни҆̀ гнѣ́въ ꙗ҆́рости своеѧ̀, и҆ ѹ҆крѣпи́сѧ на ни҆̀ ра́ть, и҆ палѧ́щіи и҆̀хъ ѻ҆́крестъ, и҆ не ѹ҆вѣ́дѣша кі́йждо и҆̀хъ, нижѐ положи́ша на ѹ҆мѣ̀.

24. Кто предалъ Іакова на разореніе и Израиля грабителямъ? не Господь ли, противъ котораго мы грѣшили? не хотѣли они ходить путями Его, и не слушали закона Его.

25. И Онъ излилъ на нихъ ярость гнѣва Своего и лютость войны: она окружила ихъ пламенемъ со всѣхъ сторонъ, но они не примѣчали; и горѣла у нихъ, но они не уразумѣли этого сердцемъ.

Ст. 23. Обращеніе къ современникамъ пророка. Предъ לְאָחוֹר = въ рус.-с.—для будущаго, подразумѣвается הָאֹתִיּוֹת: грѧдꙋ́щаѧ на послѣ́докъ (ср. XLI, 23).

Ст. 24—25. Ср. Лев. XXVI, 14—17. Дан. IX, 26. По словамъ блаж. Іеронима, здѣсь находится указаніе на войну римлянъ, охваченный которой отовсюду неразумный народъ іудейскій не понялъ причины ея,—не понялъ того, что это есть наказаніе за отверженіе имъ Сына Божія. Слова 25 ст. וַתִּבְעַר־בּוֹ = въ русс.-син.: и горѣла у нихъ, въ алекс.-ват. спискахъ, у Іеронима оставлены безъ перевода, но въ нѣкоторыхъ греч. спискахъ переведены: καὶ ἀνήφθη ἐν αὐτοῖς = и воспламенилась въ нихъ, что̀ внесено у Грабе въ текстъ.

За пророческой трилогіей (XL, 9—XLII), содержащей пророчество объ осужденіи народа израильскаго, призваніи въ царство Божіе язычниковъ и обусловливающемъ таковыя событія явленіи Отрока Господня, слѣдуютъ рѣчи (XLIII—XLVII гл.), отмѣчающія главныя событія, имѣющія совершиться въ царствѣ Божіемъ до явленія Отрока Господня, и показывающія значеніе таковыхъ событій въ исторіи царства Божія.

Глава мг.

а. И нынѣ сице глаголетъ Гдь Бгъ сотворивый тя, іакѡве, и создавый тя, ісраилю: не бойся, іакѡ избавихъ тя, прозвахъ тя именемъ твоимъ: мой еси ты.

в. И аще преходиши сквозѣ водꙋ, съ тобою есмь, и

Гл. XLIII.

1. Нынѣ же такъ говоритъ Господь, сотворившій тебя, Іаковъ, и устроившій тебя, Израиль: не бойся, ибо Я искупилъ тебя, назвалъ тебя по имени твоему; ты Мой.

2. Будешь ли переходить черезъ воды, Я съ тобою,—че-

ГЛАВА XLIII.

Въ 43-й главѣ, послѣ утѣшенія вѣрующаго слову Божію Израиля обѣщаніемъ ему божественнаго промышленія о немъ во время предстоящаго разсѣянія и имѣющаго послѣдовать въ извѣстное время возвращенія его (ст. 1—8), раскрывается значеніе разсѣянія богоизбраннаго народа въ дѣлѣ призванія въ царство Божіе Израиля, не служившаго прежде истинному Богу, прогнѣвлявшаго его грѣхами своими, но теперь искупаемаго имъ (ст. 9—28).

Ст. 1—4. Послѣ раскрытія утѣшительнаго для всѣхъ сыновъ Божіихъ (XL, 1) пророчества о вселенскомъ откровеніи славы Божіей (ib. 5), пророкъ теперь (и нынѣ) обращается въ частности къ современной ему части народа Божія, вѣрующей слову Божію. Отъ имени Господа онъ убѣждаетъ потомковъ Израиля не бояться угрожающихъ имъ въ плѣну и разсѣяніи опасностей: такъ какъ защитникомъ и охранителемъ ихъ будетъ самъ Господь, воздвигшій родъ ихъ къ жизни (Бт. XVIII, 10—14; XXV, 21—23), избавившій его отъ египетскаго рабства и призвавшій его быть народомъ Божіимъ (Исх. VI, 6—7. Втор. XXXII, 9), народомъ святымъ и царствомъ служителей Сущаго (Исх. XIX, 6).

Ст. 2. Спасеніе трехъ отроковъ еврейскихъ, Ананіи, Азаріи и Мисаила, брошенныхъ въ печь, огнемъ разжженную, и вышедшихъ изъ нея невредимыми, представляетъ фактическое оправданіе данныхъ словъ (Дан. III).

рѣ́ки не покрыю́тъ тебѐ: и҆ а҆́ще сквозѣ̀ ѻ҆́гнь про́йдеши, не сожже́шисѧ, и҆ пла́мень не ѡ҆пали́тъ тебѐ,

г҃. ꙗ҆́кѡ а҆́зъ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ тво́й, ст҃ы́й і҆сра́илевъ, спаса́ѧй тѧ̀: сотвори́хъ премѣ́нꙋ твою̀ є҆гѵ́петъ и҆ є҆ѳі́опію, и҆ сои́нꙋ за тѧ̀.

д҃. Ѿне́лиже че́стенъ бы́лъ є҆сѝ предо мно́ю, просла́вилсѧ є҆сѝ, и҆ а҆́зъ тѧ̀ возлюби́хъ, и да́мъ человѣ́ки за тебѐ, и҆ кнѧ́зи за главꙋ̀ твою̀.

резъ рѣки ли, онѣ не потопятъ тебя; пойдешь ли чрезъ огонь, не обожжешься, и пламя не опалитъ тебя.

3. Ибо Я Господь, Богъ твой, Святый Израилевъ, Спаситель твой; въ выкупъ за тебя отдалъ Египетъ, Эѳіопію и Савею за тебя.

4. Такъ какъ ты дорогъ въ очахъ Моихъ, многоцѣненъ, и Я возлюбилъ тебя; то отдамъ д р у г и х ъ *людей за тебя, и народы за душу твою.*

Ст. 3. Ради избавленія народа еврейскаго, Господь поразилъ населеніе Египта и подвластной ему въ то время Эѳіопіи. Стоящее въ евр. м. т. וּסְבָא = въ рус. син.—и Савею, 70 читали וּסְוֵנֵה = *καὶ Συήνην* = и Сіину, какъ читалъ здѣсь по 70 еще св. Кириллъ алекс. и блаж. Іеронимъ (Syenen), хотя въ алекс.-ват. спискахъ *καὶ Σοήνην*, почему въ слав.: і҆ Соинꙋ (въ альд. изд. Σούην, а въ комплют. Σουήνην). Согласно евр. мас. тексту, у пророка здѣсь говорится о Савеѣ, какъ называлась у евреевъ часть Эѳіопіи (ср. Бт. X, 7. Псал. LXXII, 10 по евр. м. т. LXXI, 10 по сл., 3 Цар. X, 1), лежавшая ближе къ Красному морю, вѣроятно, по имени приморскаго города Савы, находившагося на западномъ берегу Краснаго моря, къ сѣверу отъ Бабъ-Эль-Мандебскаго пролива, о существованіи котораго здѣсь говоритъ Страбонъ (Geograph. Lib. XVI, p. 897, изд. 1571 г.). По словамъ Іос. Флавія, Страбона и Діодора, это государство впослѣдствіи Камбизомъ (ср. Ис. XLV, 14), по имени его сестры, было названо Мероэ. А по 70 у пророка говорится о городѣ Сіэнѣ, лежавшемъ на южной границѣ верхняго Египта (ср. Іез. XXIX, 10; XXX, 6), называемомъ въ іероглифическихъ надписяхъ Суанъ, у грековъ

є҃. Не бо́йсѧ, ꙗ҆́кѡ съ тобо́ю є҆смь: ѿ восто́къ приведꙋ̀ сѣ́мѧ твоѐ, и҆ ѿ за̑падъ соберꙋ̀ тѧ̀.

ѕ҃. Рекꙋ̀ сѣ́верꙋ: приведѝ: и҆ лі́вꙋ: не возбранѧ́й: приведѝ сы́ны моѧ̑ ѿ землѝ да́льнїѧ, и҆ дщє́ри моѧ̑ ѿ кра́євъ земны́хъ.

з҃. Всѣ́хъ, є҆ли́цы нарица́ютсѧ и҆́менемъ мои́мъ: во сла́вѣ бо моє́й оу҆стро́ихъ є҆го̀, и҆ созда́хъ є҆го̀, и҆ сотвори́хъ и҆̀.

и҃. И҆ изведо́хъ лю́ди слѣ̑пы, и҆ ѻ҆̑чи сꙋ́ть та́кожде слѣ̑пы, и҆ глꙋ́си оу҆́ши и҆мꙋ́щїи.

5. *Не бойся, ибо Я съ тобою; отъ востока приведу племя твое, и отъ запада соберу тебя.*

6. *Сѣверу скажу: отдай; и югу: не удерживай; веди сыновей Моихъ издалека, и дочерей Моихъ отъ концовъ земли,*

7. *Каждаго, кто называется Моимъ именемъ, кого Я сотворилъ для славы Моей, образовалъ и устроилъ.*

8. *Выведи народъ слѣпой, хотя у него есть глаза, и глухой, хотя у него есть уши.*

Συήνη, у римлянъ Syene, у арабовъ Ас-Суанъ, близъ котораго находились знаменитыя каменоломни древнихъ фараоновъ.

Ст. 4. И҆ да́мъ человѣ́ки за тебѐ: по словамъ блаж. Θеодорита, здѣсь разумѣются вавилоняне, которыхъ Господь предалъ Киру.

Ст. 5—8. Пребывающій съ израильтянами Господь снова дастъ имъ возможность собраться отовсюду въ землю обѣтованную, чтобы видѣть откровеніе славы Божіей, хотя они въ своей массѣ останутся невосиріимчивыми для таковаго откровенія.—Данное пророчество стало оправдываться фактически съ того времени, какъ, вслѣдствіе благоволенія Кира, слѣдующихъ за нимъ другихъ персидскихъ царей, а также Александра великаго и Птоломеевъ, разсѣянные въ Мидо-Персіи, Малой Азіи и Египтѣ израильтяне получили возможность вновь селиться въ Палестинѣ или по крайней мѣрѣ приходить сюда на праздники Пасхи и Пятидесятницы; такъ что большая часть ихъ впослѣдствіи видѣла Господа, пришедшаго въ храмъ свой (Агг. II, 10; Мал. III, 1), была сви-

Ѳ҃. Всѝ ꙗ҆зы́цы собра́шасѧ вкꙋ́пѣ, и҆ соберꙋ́тсѧ кнѧ́зи ѿ ни́хъ. кто̀ возвѣсти́тъ сїѧ̑; и҆лѝ ꙗ҆̀же и҆спе́рва кто̀ возвѣсти́тъ ва́мъ; да приведꙋ́тъ свидѣ́тели своѧ̑, и҆ ѡ҆правда́тсѧ, и҆ да ᲂу҆слы́шатъ, и҆ да рекꙋ́тъ и҆́стинꙋ.

9. *Пусть всѣ народы соберутся вмѣстѣ, и совокупятся племена. Кто между ними предсказалъ это? пусть возвѣстятъ, что было отъ начала; пусть представятъ свидѣтелей отъ себя, и оправдаются, чтобы можно было услышать и сказать: правда!*

дѣтельницею страданій и распятія Его, а также сошествія Св. Духа на апостоловъ (Дѣян. II, 5), хотя, съ другой стороны, за исключеніемъ небольшого числа избранныхъ, осталась неувѣровавшей въ Него.—Но если плѣнъ и разсѣяніе богоизбраннаго народа должны впослѣдствіи завершиться возможностію возвращенія и собранія его въ одномъ мѣстѣ, то, спрашивается, зачѣмъ же теперь Господь допускаетъ таковые?

Ст. 9—13. Всѣ народы, вмѣстѣ съ богоизбраннымъ, призываются быть свидѣтелями возвѣщеннаго пророчества о явленіи славы Господней, такъ чтобы впослѣдствіи они узнали и увѣровали въ явившагося Господа, какъ единаго истиннаго Бога и Спасителя.

Ст. 9 ср. XLI, 26. Кто̀ возвѣсти́тъ сїѧ̑; т. е., то, что выше было сказано о явленіи Отрока Господня, обновленіи язычества и отверженіи іудейства. Существовавшее предъ явленіемъ Христа Спасителя въ язычествѣ чаяніе его (Бт. XLIX, 10) было слѣдствіемъ не предсказаній языческихъ оракуловъ, а распространенія какъ на востокѣ (Мѳ. II, 1—2), такъ и въ грекоримскомъ мірѣ (Дѣян. XVII, 23) пророчества о явленіи его, чрезъ посредство находившихся въ разсѣяніи израильтянъ, которымъ было извѣстно это пророчество. Вмѣсто стоящ. въ евр. м. т. יַשְׁמִיעֻנוּ = возвѣстятъ намъ (въ рус. син. „пусть возвѣстятъ“) 70 читали: יַשְׁמִיעֲכֶם = ἀναγγελεῖ ὑμῖν = возвѣсти́тъ ва́мъ (въ нѣкотор. греч. спискахъ буквально съ еврейск.: ἀκουστὰ ποιήσει = слы́шана сотвори́тъ).

і҃. Бꙋ́дите мнѣ̀ свидѣ́тели, и҆ а҆́зъ свидѣ́тель, гл҃етъ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ, и҆ о҆́трокъ мо́й, є҆го́же и҆збра́хъ, да ᲂу҆вѣ́сте и҆ вѣ́рꙋете мѝ, и҆ ᲂу҆разꙋмѣ́ете, ꙗ҆́кѡ а҆́зъ є҆́смь: пре́жде менѐ не бы́сть и҆́нъ Бг҃ъ, и҆ по мнѣ̀ не бꙋ́детъ.

а҃і. А҆́зъ Бг҃ъ, и҆ нѣ́сть ра́звѣ менѐ спаса́ющагѡ.

в҃і. А҆́зъ возвѣсти́хъ и҆ спасо́хъ, ᲂу҆кори́хъ, и҆ не бѣ̀ въ ва́съ чꙋжді́и: вы̀ мнѣ̀ свидѣ́тели, и҆ а҆́зъ свидѣ́тель, гл҃етъ Гдⷭ҇ь Бг҃ъ,

г҃і. є҆щѐ ѿ нача́ла, и҆ нѣ́сть и҆зыма́ющагѡ ѿ рꙋкꙋ̀ мое́ю: сотворю̀, и҆ кто̀ ѿврати́тъ є҆̀.

10. А Мои свидѣтели, говоритъ Господь, вы и рабъ Мой, котораго Я избралъ, чтобы вы знали и вѣрили Мнѣ, и разумѣли, что это Я: прежде Меня не было Бога, и послѣ Меня не будетъ.

11. Я, Я Господь, и нѣтъ Спасителя, кромѣ Меня.

12. Я предрекъ, и спасъ, и возвѣстилъ; а иного нѣтъ у васъ, и вы—свидѣтели Мои, говоритъ Господь, что Я Богъ;

13. Отъ начала дней Я Тотъ же, и никто не спасетъ отъ руки Моей; Я сдѣлаю, и кто отмѣнитъ это?

Ст. 10. Лицомъ, къ которому обращена рѣчь, какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующихъ стихахъ до конца главы, служатъ вышеназванные народы и племена. И҆ а҆́зъ свидѣ́тель = κἀγὼ μάρτυς, эти слова не имѣютъ себѣ соотвѣтствія въ евр. м. т., но ср. Іоан. VIII, 14; 18. И҆ о҆́трокъ мо́й, є҆го́же избра́хъ, т. е., народъ израильскій, разсѣявшійся среди народовъ и племенъ; но св. Кириллъ Алекс., блаж. Θеодоритъ, блаж. Іеронимъ относятъ эти слова къ лицу Христа Спасителя. И҆ ᲂу҆разꙋмѣ́ете, ꙗ҆́кѡ а҆́зъ є҆́смь, ср. Іоан. VIII, 24: а҆́ще бо не и҆́мете вѣ́ры, ꙗ҆́кѡ а҆́зъ є҆́смь, ᲂу҆́мрете во грѣсѣ́хъ ва́шихъ.

Ст. 11—13. Ср. XLV, 20—22.

Ст. 14—15. Ради распространенія истиннаго боговѣдѣнія и пророчества о Мессіи въ языческомъ мірѣ, Господь, Святый Царь и Искупитель народовъ и племенъ, творя новаго Израиля,

ді. Тákw глагóлетъ Гдь Бгъ, избавлѧ́ѧй вásъ, свѧ́тый Ісрáилевъ: вáсъ рáди послю̀ въ вавѵлѡ́нъ, и҆ воздви́гнꙋ всѧ̑ бѣжáщыѧ, и҆ халдéи въ кораблéхъ свѧ́жꙋтсѧ.

є҃і. А҆́зъ Гдь Бгъ свѧ́тый вáшъ, показáвый Ісрáилѧ царѧ̀ вáшего.

14. Такъ говоритъ Господь, Искупитель вашъ, Святый Израилевъ: ради васъ Я послалъ въ Вавилонъ, и сокрушилъ всѣ запоры и Халдеевъ, величавшихся кораблями.

15. Я Господь, Святый вашъ, Творецъ Израиля, Царь вашъ.

посылаетъ іудейскій народъ въ Вавилонъ, къ великому торжеству халдеевъ.

Ст. 14. Послѣднія шесть словъ стиха по еврейск. м. т.: וְהוֹרַדְתִּי בָרִיחִים כֻּלָּם וְכַשְׂדִּים בָּאֳנִיּוֹת רִנָּתָם = и низвелъ я бѣгущими (т. е. быстро) всѣхъ ихъ (разум. іудеевъ) и халдеевъ, ликующихъ на корабляхъ, 70-ю въ началѣ и въ концѣ читались отлично отъ масор. текста: первое слово וְהוֹרַדְתִּי они читали וְהַעִירוֹתִי, почему: ἐπεγερῶ = воздви́гнꙋ, слово כֻּלָּם оставили безъ перевода, а послѣднее слово רִנָּתָם читали רֻתְּקוּ, почему: δεθήσονται = свѧ́жꙋтсѧ. Въ нѣкоторыхъ греческихъ спискахъ, упоминаемыхъ и св. Кирилломъ алекс., между прочимъ въ александрійскомъ, вмѣсто ἐν πλοίοις = въ кораблéхъ, поставлено ἐν κλοιοῖς = въ цѣпяхъ. Слово בָרִיחִים русск. син. пер., вслѣдъ за Іеронимомъ и Лютеромъ, понимаетъ не какъ pluralis отъ בָּרִיחַ = бѣглецъ, а какъ pluralis отъ בְּרִיחַ = шестъ, засовъ (у Іерон. vectes, у Лют. die Riegel). Буквальный переводъ этихъ словъ даетъ наглядное представленіе о способѣ переправы плѣнныхъ іудеевъ въ Вавилонъ: ихъ сперва доводили до Типсака или Кархемыша пѣшими, потомъ сажали на судна и спускали внизъ по Евфрату въ Вавилонъ, при чемъ сопровождавшіе ихъ халдеи пользовались удобнымъ случаемъ излить свою радость по поводу покоренія ихъ (Пс. CXXXVI).

Ст. 15. Во 2-й полов. ст. בּוֹרֵא יִשְׂרָאֵל מַלְכְּכֶם = творящій Израиля, Царь вашъ, 70 поняли מַלְכְּכֶם, какъ 2-й винит. къ בּוֹרֵא, почему: ὁ καταδείξας Ἰσραὴλ βασιλέα ὑμῶν.

ѕі. Сі́це глаго́летъ Гдь, дая́й пꙋ́ть по мо́рю, и҆ по вода́мъ си́льнѣ стезю̀:

ꙁі. И҆зводя́й колесни́цы и҆ ко́ни, и҆ наро́дъ си́ленъ: но ᲂу҆спо́ша, и҆ не воста́нꙋтъ, ᲂу҆гасо́ша ꙗ҆́ки ле́нъ ᲂу҆гаше́нъ.

иі. Не помина́йте пе́рвыхъ, и ве́тхихъ не помышля́йте,

ѳі. сѐ А҆́зъ творю̀ но́вая, ꙗ҆̀же ны́нѣ возсїя́ютъ, и҆ ᲂу҆вѣ́сте

16. Такъ говоритъ Господь, открывшій въ морѣ дорогу, въ сильныхъ водахъ стезю,

17. Выведшій колесницы и коней, войско и силу; всѣ легли вмѣстѣ, не встали; потухли, какъ свѣтильня, погасли.

18. Но вы не вспоминаете прежняго, и о древнемъ не помышляете.

19. Вотъ, Я дѣлаю новое; нынѣ же оно явится; неуже-

Ст. 16—24. Господь оживотворитъ пустыню язычества: въ ней явится, творимый Господомъ, богоизбранный народъ, который будетъ прославлять его, — Израиль, прежде не призывавшій Господа, не совершавшій служенія ему, а лишь обременявшій его грѣхами своими.

Ст. 16 и 17. Ср. Исх. XIV, 22—29; XV, 10. Для народовъ, знавшихъ Палестину, Господь, Богъ Израилевъ, былъ извѣстенъ прежде всего, какъ Богъ, проведшій хранимый имъ народъ по дну моря Чермнаго и потопившій здѣсь фараона и воинство его: ср. Числ, XXIII, 22; XXIV, 8. Іис. Нав. II, 10—11.

Ст. 18. Воспоминаніе объ исходѣ евреевъ изъ Египта и потопленіи воинства фараонова возбуждало въ народахъ страхъ и трепетъ предъ Богомъ израилевымъ, ср. Исх. XV, 14—16.

Ст. 19. Вмѣсто прежняго печальнаго отверженія язычества, Господь теперь предуготовляетъ радостное оживленіе его. И҆ сотворю̀ въ пꙋсты́ни пꙋ́ть, и҆ въ безво́днѣй рѣ́ки. „Путь же сей, говоритъ св. Кириллъ алекс., есть или божественная, евангельская и спасительная проповѣдь, или даже и самъ Христосъ, ибо мы слышали его ясно говорящимъ: А҆́зъ є҆́смь пꙋ́ть (Іоан. XIV, 6). Ср. Мк. VIII, 34. Но въ пустынѣ явился не только путь,

мѧ̀: и҆ сотворю̀ въ пꙋсты́ни пꙋ́ть, и҆ въ безво́днѣй рѣ́ки.

к҃. Возблагословѧ́тъ мѧ̀ ѕвѣ́рїе се́льнїи, сі́рини и҆ дщє́ри стрꙋѳѡвы: ꙗ҆́кѡ да́хъ въ пꙋсты́ни во́дꙋ, и҆ рѣ́ки въ безво́днѣй, напои́ти ро́дъ мо́й и҆збра́нный,

к҃а. лю́ди моѧ̑, ꙗ҆̀же снабдѣ́хъ, добродѣ́тєли моѧ̑ повѣ́дати.

ли вы и этого не хотите знать? Я проложу дорогу въ степи, рѣки въ пустынѣ.

20. Полевые звѣри прославятъ Меня, шакалы и страусы, потому что Я въ пустыняхъ дамъ воду, рѣки въ сухой степи, чтобы поить избранный народъ Мой.

21. Этотъ народъ Мой Я образовалъ для Себя; онъ будетъ возвѣщать славу Мою.

но показались и рѣки, способныя напоять находящихся въ ней умными и душеполезными волнами. Думаемъ, что это суть священнослужители евангельскихъ и апостольскихъ откровеній". Снес. толк. XLI, 18.

Ст. 20—21. Съ появленіемъ пути и воды небесной благодати въ языческой пустынѣ, она огласится пѣснію во славу Господа: созданный имъ, богоизбранный народъ будетъ прославлять его. Звѣ́ри се́льнїи, говоритъ св. Кириллъ алекс., означаютъ тѣхъ, кои, вслѣдствіе крайняго невѣжества, нѣкоторымъ образомъ стали звѣрями и живутъ по дикому; а такъ жили язычники (ср. Римл. I, 23; Дѣян. X, 12; XI, 5—6; Дан. VII). Сиринами же и дщерями струѳовыми называетъ (писаніе) тѣхъ, которые у нихъ умѣли искусно говорить и упражнялись въ краснорѣчіи.—И всѣ сіи, говоритъ, будутъ славословить Меня, какъ давшаго умную воду и показавшаго въ безводной рѣки, чтобы напоить родъ Мой избранный; а какой это родъ, какъ не тѣ самые, къ которымъ и и премудрый Петръ взывалъ, говоря: вы́ же ро́дъ и҆збра́нъ, ца́рское свѧще́нїе, ꙗ҆зы́къ свѧ́тъ, лю́ди ѡ҆бновле́нїѧ, ꙗ҆́кѡ да добродѣ́тєли возвѣсти́те и҆з̾ тмы̀ ва́съ призва́вшаго въ чꙋ́дный сво́й свѣ́тъ (1 Петр. II, 9).

Старинные русскіе иконостасы [1]).

Сѣверныя и южныя двери.

Кромѣ царскихъ дверей, въ алтарь ведутъ еще двои двери, сѣверныя и южныя. Послѣднія и до настоящаго времени не составляютъ необходимой принадлежности каждаго иконостаса: можно встрѣтить иконостасы и безъ южныхъ дверей. Изображенія на нихъ довольно разнообразны. Для удобства обозрѣнія можно дѣлить ихъ на двѣ группы, изъ коихъ первую составляютъ одноличныя изображенія ангеловъ и святыхъ, вторую—цѣлыя сложныя композиціи. Къ первой должно отнести Архангела Михаила въ воинскихъ доспѣхахъ съ пламеннымъ оружіемъ или безъ онаго, побѣждающаго діавола [2]), Ангела хранителя [3]), св. архидіаконовъ, особенно Стефана и Филиппа [4]), ветхозавѣтныхъ первосвященни-

---

[1]) См. мартъ—апр. кн. «Хр. Чт.» (I, 162—176).

[2]) Таковы, напримѣръ, южныя двери въ главномъ иконостасѣ соборнаго храма въ новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ; сѣверныя двери въ Введенской церкви Кириллс-Бѣлозерскаго монастыря (рукоп. № 97—1334) и др.

[3]) Южная дверь въ Дмитровской церкви на р. Истрѣ, въ московской губ. (Холмогор., II, 36); сѣверныя двери въ соборномъ храмѣ Бѣлозерскаго монастыря (рукоп. № 97—1334) и др. Иногда ангелъ изображался на сѣверныхъ или южныхъ дверяхъ несущимъ въ одной рукѣ большой крестъ, а другою указывающимъ на землю, изъ которой составлено наше бренное естество. Такова южная дверь въ московскомъ Архангельскомъ соборѣ (Описаніе Арханг. собора, Лебедева, стр. 160).

[4]) Сѣверныя и южныя двери въ церкви Николая Чудотворца въ

ковъ, особенно Аарона и Мельхиседека [1]), пророковъ, особенно Даніила во рвѣ львиномъ и Аввакума [2]) и, наконецъ, благоразумнаго разбойника съ крестомъ въ рукахъ въ раю, среди зеленыхъ деревьевъ и цвѣтовъ [3]). Вторую группу составляютъ созданіе Адамово [4]), изгнаніе праотца Адама изъ рая [5]), видѣніе Іоанна Лѣствичника [6]) и многія другія изображенія. Интересны изображенія на сѣверныхъ дверяхъ въ Сергіевской церкви въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. Вотъ какъ они описаны въ монастырской описи за 1802 годъ. „На сѣверныхъ дверяхъ образы, а имянно: въ перьвомъ нижнемъ ряду образъ стоящаго въ раифскомъ монастырѣ преподобнаго Іоанна Лѣствичника съ братіею, да въ томъ же ряду его жъ преподобнаго въ лицахъ писанныя чудеса, во второмъ ряду образы исхода души праведнаго да грѣшнаго, въ третьемъ ряду

селѣ Старомъ Озерецкомъ (Холмогор. IV, 91); сѣверная дверь въ Дмитровской на р. Истрѣ церкви москов. губ. (ibid. II, 36); сѣверная дверь въ главномъ иконостасѣ новгородскаго Знаменскаго собора съ изображеніемъ Филиппа, бесѣдующаго съ каженикомъ, и др.

[1]) Сѣверныя и южныя двери въ церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ; сѣверная дверь въ Іоанно-Богословскомъ придѣлѣ въ новгородскомъ Антоніевомъ монастырѣ и др.

[2]) Южная дверь въ новгор. Знаменскомъ соб., на которой изображенъ прор. Даніилъ во рвѣ львиномъ, и надъ нимъ вверху прор. Аввакумъ, влекомый ангеломъ за волосы въ пещеру къ Даніилу съ пищею, приготовленною для жнецовъ. Подобную же дверь, съ изображеніемъ Даніила во рвѣ львиномъ, мы нашли на чердакѣ въ Спасо-Мошенской церкви.

[3]) Часто о такихъ дверяхъ упоминается въ статистическихъ описаніяхъ церквей московской и рязанской губерній, составленныхъ Холмогоровыми и Добролюбовымъ. Много экземпляровъ описываемыхъ дверей хранится въ С.-Петербургскихъ музеяхъ при Академіи Художествъ, Обществѣ Любителей Древней письменности, Духовной Академіи и др.

[4]) Сѣверныя двери въ Соколовой пустынѣ на р. Окѣ, описанныя въ писцовой книгѣ за 1578—9 г. (Писцов. кн. Москов. госуд., Калачева, I, отд. 2, стр. 1521).

[5]) Сѣверныя двери въ придѣлѣ Маріи Египетской въ Угличскомъ Воскресенскомъ монастырѣ (Угличъ. Матеріал. для исторіи города. 496—97); южныя двери въ Суздальскомъ Богородицерождественскомъ соборѣ (Влад. Губ. Вѣд. 1875 г. №№ 36 и 37) и др.

[6]) Сѣверныя двери въ Суздальскомъ соборѣ (Влад. Губ. Вѣд. за 1875 г. №№ 36 и 37) и др.

образъ изгнанія изъ рая Адамова, да образъ привязаннаго у столба между раемъ и огнемъ горящимъ человѣка да рекшаго къ нему стоящаго ангела. Образъ въ 4-мъ верхнемъ ряду образъ сѣдящія на престолѣ Богоматери да предстоящихъ по сторонамъ двоихъ ангеловъ. Да въ томъ же ряду образы троихъ сѣдящихъ праотцевъ Авраама, Исаака, Іакова да благоразумнаго разбойника писаны красками" [1]). На этихъ дверяхъ написано почти все, что обыкновенно изображалось на сѣверныхъ или южныхъ дверяхъ, украшавшихся сложными изображеніями.

Подобныя же изображенія находятся на сѣверныхъ дверяхъ въ новгородской Петропавловской церкви. Эта дверь раздѣлена на три части: въ верхней части изображена Богоматерь на престолѣ съ двумя ангелами по сторонамъ; въ средней части въ особомъ отдѣленіи изображенъ преп. Діонисій, затѣмъ — праотцы Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и Іуда сидящіе, а за ними стоитъ благоразумный разбойникъ съ крестомъ; въ нижней части изображенъ гробъ со скелетомъ, надъ которымъ наклонившись плачутъ четыре инока. Надъ всей этой группой сдѣлана надпись, изъ которой мы разобрали слѣдующее: „зрю тя гробѣ и ужасаюся твоего видѣнія и сердечно каплющюся слезю проливаю... во умѣ приниимаю како убо прейде конецъ..." Точно такія же изображенія написаны на сѣверныхъ дверяхъ главнаго иконостаса въ новгородской Прокопіевской церкви. Тамъ только нѣтъ во второмъ отдѣленіи преп. Діонисія.

Въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ сѣверныя двери раздѣлены на два отдѣленія. Въ верхнемъ отдѣленіи написаны Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ сидящіе, а за ними множество святыхъ (лоно Авраамово). Въ нижнемъ отдѣленіи изображено принесеніе преподобнымъ Власіемъ трехъ яблоковъ изъ рая. Послѣдній фактъ изображенъ въ слѣдующихъ четырехъ картинахъ: α) преп. Власій дѣлаетъ неудачную попытку сорвать, хотя одно, яблоко съ райскаго дерева; β) умоляетъ своего ученика преподобнаго Евфросина

[1]) Рукопись Кирилло-Бѣлозер. мон. въ библ. С.-Петерб. Дух. Ак. №№ 115—1350.

дать ему, хотя одно, райское яблоко; γ) преп. Евфросинъ подаетъ три яблока Власію; δ) Власій, вовставъ отъ сна, созываетъ монастырскую братію въ церковь, гдѣ разсказываетъ о своемъ чудномъ видѣніи и дѣлитъ съ нею три райскихъ яблока, которыя ему далъ Евфросинъ. Эти священныя изображенія представляютъ въ лицахъ слѣдующее повѣствованіе изъ житія преподобнаго Власія. Власій, будучи игуменомъ одного монастыря, однажды впалъ въ искусительный помыслъ узнать до мельчайшихъ подробностей жизнь каждаго изъ подчиненныхъ ему братій обители, между которыми отличался особенною святостію и смиреніемъ юный отшельникъ по имени Евфросинъ. И вотъ, находясь подъ дѣйствіемъ этого помысла, Власій уснулъ и во снѣ увидѣлъ рай со множествомъ прекрасныхъ деревьевъ, обремененныхъ плодами. Среди этого сада беспрепятственно ходилъ смиреннѣйшій Евфросинъ и пользовался въ раю, чѣмъ хотѣлъ. Власій, испросивъ позволеніе у Евфросина, хотѣлъ было сорвать яблоко съ одного изъ деревьевъ, но не могъ этого сдѣлать и пришелъ въ ужасъ. Тогда онъ сталъ просить своего ученика Евфросина, чтобы тотъ самъ подалъ ему, хотя бы одно, райское яблоко. Евфросинъ подалъ игумену цѣлыхъ три яблока. Пробудившись отъ сна Власій дѣйствительно нашелъ въ своей рукѣ три яблока. Это видѣніе Власій принялъ, какъ предостереженіе свыше впередъ воздерживаться отъ желанія узнать все относительно жизни и поведенія подчиненной ему монастырской братіи, ибо младшій членъ послѣдней оказался въ очахъ Божіихъ лучше самого игумена. Власій созвалъ свою братію въ церковь, разсказалъ ей о своемъ видѣніи и раздѣлилъ яблоки [1]).

Рядомъ на другой половинкѣ дверей нарисована поучительная притча о превратности грѣшнаго человѣческаго житія, разсказанная преп. Варлаамомъ преп. Іоасафу, индійскому царевичу. Здѣсь изображенъ человѣкъ, сидящій на деревѣ и вкушающій медъ въ то самое время, когда двѣ мыши, бѣлая и черная, подтачивали корни этого дерева; страшный змѣй, дышащій огнемъ, гото-

---

[1]) Макарьевскія Четьи-Минеи; въ рукописяхъ Софійск. библіот. № 1320.

вился пожрать его, а четыре аспидови головы, выглядывавшія изъ стѣны пропасти, собирались его смертельно ужалить. Эта картина имѣетъ свое основаніе въ притчѣ, сказанной Варлаамомъ Іоасафу. Эта притча нерѣдко излагалась въ нашихъ старинныхъ патерикахъ, прологахъ и т. п. [1]). Нѣкоторыя изъ этихъ изображеній (особенно сложныя группы) находимъ въ древнихъ стѣнописяхъ нашихъ храмовъ, притомъ по большей части или на западной стѣнѣ въ многосложной картинѣ Страшнаго Суда, или въ притворѣ; таковы: Богоматерь на престолѣ съ двумя ангелами, лоно Авраамово, благоразумный разбойникъ [2]), человѣкъ между раемъ и адомъ, стоящій у столба [3]) и лѣствица духовная [4]).

Какая идея проводилась въ священныхъ изображеніяхъ на сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ? Намъ думается, что въ изображеніяхъ на сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ выражалась мысль о раѣ, который былъ, по предназначенію Всеблагаго Творца, жилищемъ невиннаго и безгрѣшнаго человѣка, чрезъ грѣхопаденіе былъ утраченъ послѣднимъ и, наконецъ, возвращенъ ему чрезъ искупительныя заслуги Христа, подъ условіемъ исправленія своей испорченной грѣхомъ природы, при помощи благодати Божіей. Эта идея проведена во всѣхъ вышеописанныхъ памятникахъ. Не подходятъ сюда только нѣкоторыя единоличныя изображенія, напримѣръ, ветхозавѣтныхъ первосвященниковъ, діаконовъ и пр. Но и эти изображенія не стоятъ въ противорѣчіи съ указанною главною идеею. Но почему на описываемыхъ дверяхъ иконостаса проводилась идея о

---

[1]) Н. В. Покровскій. Древности костр. Ипатьевскаго монастыря 30.

[2]) Богоматерь на престолѣ съ двумя ангелами, лоно Авраамово и благоразумный разбойникъ написаны на западной стѣнѣ въ Нередицахъ (XII в.), во Владимірскомъ Успенскомъ соборѣ (XV в.), въ притворѣ ярославской Ильинской церкви (въ 1680 г.; здѣсь собственно изображена только Богоматерь съ двумя ангелами и лоно Авраама, причемъ эти изображенія буквально сходны съ таковыми же—на сѣверныхъ дверяхъ Петропавловской церкви) и др. (Стѣн. росп., стр. 59, 74 и 128).

[3]) Напр. въ изображеніи Страшнаго Суда на западной стѣнѣ въ новгородскомъ Знаменскомъ соборѣ (1702 г.).

[4]) Въ лаврѣ св. Аѳанасія, въ притворѣ (XVI в.); въ притворѣ Дохіарскаго собора (XVI в.) и др. (Стѣн. росп., стр. 86 и 90).

раѣ, а не какая нибудь другая? Полагаемъ, — потому, что эти двери вели въ св. алтарь, который таинственно изображаетъ рай, т. е. царство небесное, или мѣсто особеннаго присутствія Божія.

Мѣстный ярусъ.

Относительно первоначальнаго порядка размѣщенія иконъ въ мѣстномъ ярусѣ можно сказать только то, что въ немъ всегда ставилась храмовая и другія иконы мѣстно чтимыхъ праздниковъ и святыхъ. Такъ, напримѣръ, въ московскомъ Успенскомъ соборѣ мѣстный ярусъ составленъ почти весь изъ иконъ особенно чтимыхъ народомъ, прославленныхъ чудотвореніями и привезенныхъ изъ разныхъ концовъ Россіи. Сюда должно отнести икону Всемилостиваго Спаса, стоящую на первомъ мѣстѣ по правую сторону царскихъ дверей и привезенную въ Москву изъ Новгорода Іоанномъ Грознымъ;—икону Успенія, написанную, по преданію, св. Петромъ митрополитомъ московскимъ; — икону Благовѣщенія, предъ которою, по преданію, молился св. Прокопій устюжскій и отвратилъ каменную тучу; икону св. Дмитрія солунскаго, написанную на гробовой доскѣ его; и наконецъ, — чудотворный образъ Владимірской Богоматери, написанный, по преданію, св. евангелистомъ Лукою и помѣщенный на первомъ мѣстѣ по лѣвую сторону царскихъ дверей [1]). Такъ какъ порядокъ размѣщенія мѣстныхъ иконъ въ прежнія времена не былъ строго опредѣленъ, то въ немъ не рѣдко повторялись по нѣскольку разъ одни и тѣ же образа. Съ другой стороны, въ старинныхъ иконостасахъ постоянно замѣчается отсутствіе на первыхъ мѣстахъ, по правую и лѣвую сторону царскихъ дверей, иконъ Спасителя и Богоматери, которыя въ нынѣшнее время составляютъ самую необходимую принадлежность каждаго, безъ исключенія, иконостаса. Для подтвержденія сказаннаго приведемъ отрывокъ изъ описи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря за 1601 годъ [2]), гдѣ мѣстный ярусъ монастырской соборной Успенской

[1]) См. подробное описаніе мѣстнаго яруса иконостаса московскаго Успенскаго собора въ памятн. Москов. Древн. Снегирева.

[2]) Мы нарочно ссылаемся здѣсь на письменные памятники ста-

церкви описанъ слѣдующимъ образомъ: „А вцеркве у пречистые богородицы на правой сторонѣ царскихъ дверей образъ пречистые Богородицы одегитрія чудотворной спревечнымъ младенцемъ мѣсной что явился чудотворцу Кирилу... надъ тѣмже чудотворнымъ образомъ вкиоте образъ пречистые богородицы съ превѣчнымъ младенцемъ... да образъ писмо карсунское распятіе Господне обложенъ серебромъ скано золоченъ. Образъ пядница преп. Кирила чудотворца... образъ мѣсной успеніе пречистыя богородицы деонисьева писма глушицково... надъ образомъ успенія пречистые богородицы вкиоте четыре пядницы образъ спасовъ вседержитель... образъ пречистыя богородицы одегитрія,.. образъ пресвятые богородицы воплощеніе... образъ пречистые богородицы. Образъ успеніе пречистые Богородицы мѣсной. Образъ кирила чудотворца вдеянье мѣсной образъ мѣсной святыхъ бориса и Глѣба Феодоръ стратилата да Маріи магдалины да преподобнаго александра... По лѣвой сторонѣ царскихъ дверей вкиоте Образъ чудотворной пречистые богородицы одегитрія что поставила княгиня Евдокѣя... отъ чудотворнаго образа пречистые богородицы къ сѣвернымъ дверемъ вкиоте образа мѣсные образъ Троица живоначальная... образъ воскресеніе Христово пядница... образъ мѣсной пречистые богородицы одегитрія съ превѣчнымъ младенцемъ... образъ похвала пресвятые богородицы вдеяніе... образъ Кирила чудотворца мѣсной. Надъ сѣверными двери киотъ обложенъ оловомъ а в немъ три образа пядницъ... дѣисусъ рѣзной на кости спраздники и пророки, дѣисусъ спразники и пророки писанъ на пядницахъ... отъ сѣверныхъ дверей полѣвой сторонѣ образа мѣсные образъ пресвятые богородицы одегитрія спревечнымъ Младенцемъ. Образъ пресвятые богородицы о тебѣ радуетца... образъ хвалите Господа снебесъ... надъ тѣмже образомъ вкиотѣ образы святителей петръ алексѣй иона василей

рины, а не на вещественные. Основаніемъ для сего служитъ слѣдующее соображеніе: мѣстный ярусъ старинныхъ иконостасовъ болѣе всего подвергался передѣлкамъ и перестановкамъ, о которыхъ, по большей части, нѣтъ никакихъ историческихъ записей; поэтому нельзя поручиться ни за одинъ старинный иконостасъ въ томъ, что его мѣстный ярусъ сохранился до нашихъ дней въ первоначальномъ видѣ.

великій Григорей богословъ иванъ златоустъ... образъ пречистые богородицы на престоле спревечнымъ младенцемъ... образъ пречистые богородицы одегитрія...“ [1]). Изъ приведеннаго отрывка видно, что въ вышеописанномъ иконостасѣ мѣстный ярусъ былъ составленъ безъ всякаго опредѣленнаго порядка, что въ немъ нѣкоторыя иконы, напримѣръ, храмовая икона Успенія Богоматери, образъ чудотворца Кирилла Бѣлозерскаго и Одигитріи съ Предвѣчнымъ Младенцемъ повторяются по нѣскольку разъ и что, наконецъ, въ немъ нѣтъ иконы Спасителя на первомъ мѣстѣ по правую сторону царскихъ дверей. Кромѣ того, отсюда видимъ, что на ряду съ мѣстными иконами въ нижнемъ ярусѣ иконостаса помѣщались и такъ называемыя пядничныя иконы небольшаго размѣра, хотя для нихъ въ иконостасѣ соборнаго храма въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ, какъ свидѣтельствуетъ та же опись, было отведено мѣсто въ особомъ ярусѣ, который называется пядничнымъ или шестилистовымъ. Присутствіе небольшихъ пядничныхъ иконъ въ мѣстномъ ярусѣ можно наблюдать во многихъ старинныхъ храмахъ, напримѣръ, въ новгородскомъ Софійскомъ, московскомъ Успенскомъ соборахъ и др. Наконецъ, и въ церковныхъ описяхъ находимъ не мало свидѣтельствъ о такихъ иконостасахъ [2]). Количе-

---

[1]) Рукоп. Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ библіот. с.-петербургской дух. акад. № 71—1310. Точки обозначаютъ тѣ пропущенныя нами мѣста изъ описи, въ которыхъ описываются украшенія на перечисляемыхъ въ ней иконахъ.

[2]) Для подтвержденія сказаннаго приведемъ еще нѣсколько свидѣтельствъ изъ церковныхъ описей. По описи Угличскаго Покровскаго монастыря за 1763 г., въ соборной монастырской церкви надъ мѣстною иконою Спасителя въ томъ же кіотѣ было помѣщено 5 шестилистовыхъ образовъ, подъ иконою Покрова Пр. Богородицы 4 и подъ иконою Іерусалимской Богоматери 4 (Угличъ. Матер. для ист. города. Москва 1887 г.). По переписнымъ книгамъ Суздальской соборной церкви Рождества Богородицы за 1683 г., въ ней надъ двумя мѣстными иконами Богоматери, стоящими въ одномъ кіотѣ, было помѣщено вверху и внизу 11 пядничныхъ образовъ (Влад. Губ. Вѣд. 1875 г. №№ 36 и 37). По описи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря за 1718 г., въ Кирилловской церкви около образа преп. Кирилла были помѣщены двѣ пядничныя иконы Владимірской Богоматери, и образъ Покрова Пр. Богородицы, а внизу подъ тѣмъ же образомъ—пядничныя иконы

ство иконъ въ мѣстномъ ярусѣ было различное: иногда ихъ было очень много, какъ, напримѣръ, въ вышеупомянутомъ соборномъ храмѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, а иногда въ составъ мѣстнаго яруса входила всего только одна храмовая икона [1]).

Въ концѣ XVII вѣка замѣчаются попытки придать мѣстному ярусу нѣкоторую опредѣленность. Въ это время выдвигаются на первыя мѣста подлѣ царскихъ вратъ иконы Спасителя и Богоматери. Икона Спасителя стала занимать первое мѣсто по правую сторону царскихъ дверей, а икона Богоматери—по лѣвую [2]). Затѣмъ, подлѣ иконы Спасителя стали ставить по большей части храмовой образъ. Такой порядокъ можно наблюдать во всѣхъ иконостасахъ, устроенныхъ не ранѣе конца XVII столѣтія. Обратимся опять къ письменнымъ источникамъ.

По описи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря за 1718 годъ, мѣстный ярусъ главнаго иконостаса въ соборной церкви состоялъ изъ слѣдующихъ иконъ: „на правой странѣ царскихъ дверей мѣстный образъ Спасовъ стоящей по сторонамъ два образа ангельскихъ со страстьми, а въ подножіи образы сергія и кирилла. Образъ Успенія пр. Богородицы мѣстной... киотъ деревянной глад-

---

свв. Косьмы и Даміана, Бориса и Глѣба (Рук. Кирил.-Бѣлозер. мон. въ библ. Спб. Дух. Ак. № 97—1334).

[1]) Напримѣръ, въ Александро-Свирскомъ придѣлѣ Новгородской Прокопьевской церкви мѣстный ярусъ состоитъ изъ одной только иконы преп. Александра Свирскаго. Затѣмъ, въ Алексѣевскомъ придѣлѣ Казанской церкви въ селѣ Воскресенскомъ на р. Волгѣ угличскаго уѣзда мѣстный ярусъ состоялъ изъ одной только иконы Св. Алексія митр. московскаго (Угличъ. Матер. для ист. гор. Москва 1887 г.). Въ теплой Никольской церкви Рождественскаго монастыря на р. Обнорѣ въ составъ мѣстнаго яруса входила только одна икона Николая Чудотворца, и въ Успенскомъ придѣлѣ при той же церкви въ мѣстномъ ярусѣ была одна только икона Успенія Богоматери (Яросл. Еп. Вѣдом. ч. неофф. 1873 г. № 44, стр. 356).

[2]) Иконы Спасителя и Богоматери занимали первыя мѣста возлѣ царскихъ дверей и ранѣе конца XVII в. Напримѣръ, во Владимірской придѣльной церкви въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ въ 1601 году по правую сторону царскихъ дверей первое мѣсто занималъ образъ Спаса Вседержителя, а по лѣвую—Пресвятыя Богородицы Одигитріи (Опись за 1601 г. № 61—1310). Но подобные случаи составляли въ то время довольно рѣдкое исключеніе.

кой на карунѣ образъ живоначальныя Троицы... а внемъ образъ пресвятыя богородицы одигитріи чудотворной мѣстной. Образъ пречистые богородицы неопалимыя купины спредвѣчнымъ младенцемъ мѣстной... образъ кирилла чудотворца мѣстной... образъ пресвятыя богородицы воплощенія сына Божія мѣстной въ моленіи образъ Кирилла чудотворца по сторонамъ образы архангельскіе.., образъ спасовъ нерукотворенный... ниже спасова образа образъ пресвятыя Богородицы знаменія. Образъ николы чудотворца венецъ накладной басменно золочено ветхъ... На лѣвой сторонѣ подлѣ царскихъ дверей кивотъ древяной гладкой на карунѣ писано образъ отечества... а внемъ образъ пресвятыя богородицы одигитріе чудотворной с превѣчнымъ младенцемъ что явился чудотворцу Кирилу мѣстной.... Образъ живоначальныя Троицы мѣстной... образъ предста царица мѣстной... Образъ пресвятыя богородицы похвалы мѣстной... надъ сѣверными двери в киотѣ образъ Спасовъ. Образъ пресвятыя богородицы Владимерскія... образъ пресвятыя богородицы одигитрие" [1]). Сравнивая описаніе этого иконостаса за 1718 годъ съ описаніемъ его за 1601 годъ, мы не могли не замѣтить въ немъ нѣкоторыхъ перемѣнъ. Эти перемѣны коснулись, прежде всего, мѣстнаго яруса. Такъ, нѣкоторыя иконы были въ этомъ ярусѣ уничтожены, нѣкоторыя — вновь написаны, а нѣкоторыя — переставлены на другія мѣста. Чудотворный образъ Богоматери, явившійся преп. Кириллу, былъ перемѣщенъ съ правой стороны царскихъ дверей на лѣвую, а на мѣсто его вновь написанъ образъ Спасителя, рядомъ съ которымъ поставили храмовую икону Успенія, а другой образъ Успенія былъ вынутъ изъ мѣстнаго яруса описываемаго иконостаса. Однимъ словомъ, мѣстный ярусъ въ Успенскомъ храмѣ въ началѣ прошлаго столѣтія сталъ принимать тотъ видъ, какой считался тогда законнымъ. А какой порядокъ размѣщенія мѣстныхъ иконъ въ иконостасѣ считался въ началѣ прошлаго столѣтія законнымъ и необходимымъ, это видно изъ „росписи иконному писму вѣ церкве знамения пресвятѣй Богоро-

---

[1]) Рукопись Кирилло-Бѣлозерскаго мон. въ библіотекѣ С.-Петербургской Дух. Акад. № 97—1334.

дицы" въ Новгородѣ. Въ этой росписи предписывается размѣстить мѣстныя иконы въ иконостасѣ новгородскаго Знаменскаго собора слѣдующимъ образомъ: „В мѣстномъ поясу по правую сторону Царскихъ вратъ образъ Спасителевъ на престоле. Подлѣ того образъ Преображенія Господня. За южными двери образъ Московскихъ чюдотворцовъ Петра, Алексѣя, Іоны и Өилиппа, а надъ ними Спасовъ образъ во облаце благословляетъ. По лѣвую страну царскихъ вратъ икона чюдотворная Знамения Пресвятѣй Богородицы, а около писать в резбе чюдеса Пресвятыя Богородицы. Подлѣ того образъ Пресвятыя Богородицы Одегитрея. За сѣверными двери образъ Никиты, Иоанна новгороцкихъ чудотворцовъ. а надъ ними спасовъ образъ благословящій" [1]). Порядокъ этотъ удержался и до нашихъ дней. Скорѣе мы можемъ встрѣтить въ мѣстномъ ярусѣ современныхъ иконостасовъ отсутствіе храмовой иконы, чѣмъ—иконъ Спасителя и Богоматери на первыхъ мѣстахъ подлѣ царскихъ дверей, что и видимъ, напримѣръ, въ Троицкомъ соборѣ Александро-Невской лавры, въ придѣльныхъ иконостасахъ Исаакіевскаго собора и др.

Наблюденія надъ составомъ мѣстнаго яруса въ иконостасахъ приводятъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

а) Иконы мѣстнаго яруса весьма разнообразны. Въ немъ находили себѣ мѣсто почти всѣ священныя изображенія, допущенныя къ употребленію въ православныхъ храмахъ.

б) Нѣкоторое единообразіе въ немъ появляется лишь въ XVII в.

в) Священныя изображенія, помѣщавшіяся въ мѣстномъ ярусѣ, не подчинялись одной общей идеѣ.

г) Иконографическое содержаніе мѣстнаго яруса не стоитъ въ связи съ древними византійско-русскими стѣнописями.

---

[1]) Историч. описаніе Новгород. Знаменскаго собора, прот. П. И. Тихомірова. Новгородъ 1889 г., стр. 22.

Шестилистовый или пядничный ярусъ.

Надъ мѣстными иконами въ нѣкоторыхъ иконостасахъ помѣщался еще цѣлый рядъ иконъ небольшаго размѣра [1]), извѣстный подъ именемъ шестилистоваго или пядничнаго яруса, который заимствовалъ свое названіе отъ такъ называемыхъ шестилистовыхъ или пядничныхъ образовъ. Полагаютъ, что эти образа назывались шестилистовыми потому, что на нихъ накладывалось по шести листовъ золота, если золотили ихъ фонъ, а пядничными потому, что они измѣрялись въ длину и ширину ручною пядью [2]). Въ нѣкоторыхъ большихъ и богатыхъ иконостасахъ устраивалось и по два пядничныхъ яруса [3]). Въ маленькихъ иконостасахъ число ихъ иконъ бывало меньше десяти, а въ большихъ—оно доходило отъ 50 до 100. Такъ, въ Троицкой церкви Юрьегорскаго (нынѣ упраздненнаго) монастыря въ олонецкой губ. пядничный ярусъ въ иконостасѣ состоялъ всего только изъ четырехъ иконъ: Казанской Богоматери, Тихвинской Богоматери, Сошествія Св. Духа и Богоявленія Господня [4]); а въ соборномъ храмѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, по описи за 1718 годъ, въ составъ этого яруса входило около 50 иконъ, которыя были размѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ: по правую сторону царскихъ вратъ—образъ Спаса Вседержителя, Пресвятыя Богородицы Одигитріи, Спаса Нерукотвореннаго, Владимірской Богоматери, Смоленской Богоматери, Спаса Вседержителя, Пр. Богородицы Одигитріи, еще Пр. Богородицы

---

[1]) Пядничные или шестилистовые образа обыкновенно имѣли въ длину отъ 6 до 8 вершковъ, а въ ширину отъ 4 до 6 вершковъ. Напримѣръ, въ иконостасѣ Соборной церкви Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря пядничные образа преп. Дмитрія Прилуцкаго, св. Стефана Сурожскаго и др. имѣли въ длину по 7 и въ ширину по 6 вершковъ, а образъ Пр. Богородицы Одигитріи и нѣкоторыя другія иконы были въ длину 8, а въ ширину $6^1/_2$ вершковъ. (Опись Бѣлозерск. мон. за 1802 г. № 115—1350).

[2]) Макарій, II, 35. Эта мѣрка прилагалась иногда и къ большимъ мѣстнымъ иконамъ, которыя обыкновенно въ такомъ случаѣ назывались большими пядницами.

[3]) Напримѣръ, въ церкви Московскаго (нынѣ упраздненнаго) Ивановскаго монастыря (Руск. Стар. Мартынова, 1847 г., тетр. V, 39).

[4]) Христ. Чтен. за 1885 г., I, стр. 804.

Одигитріи, Владимірской Богоматери, Пр. Богородицы Одигитріи съ Кирилломъ чудотворцемъ на полѣ, Пр. Богородицы съ Превѣчнымъ Младенцемъ, окруженной святыми, Ѳеодоровской Богоматери, Пр. Богородицы Одигитріи, Спасителя, къ ногамъ Котораго припадаютъ Марѳа и Марія, Богоматери на престолѣ съ Превѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, а предъ Ними въ моленіи св. Никита Новгородскій, Богоматери на престолѣ съ изображеніемъ св. Троицы на верху и разныхъ святыхъ по сторонамъ, Успенія Пр. Богородицы, Николая Чудотворца, преподобныхъ Зосимы и Савватія Соловецкихъ, преп. Онуфрія и Петра Аѳонскихъ; по лѣвую сторону — Владимірской Богоматери, Спаса Нерукотвореннаго, Пр. Богородицы Одигитріи, Владимірской Богоматери, Спаса Нерукотвореннаго, Пр. Богородицы Одигитріи, Владимірской Богоматери, Спаса Вседержителя, явленія иконы Ѳеодоровской Богоматери, Спасителя на престолѣ съ предстоящими Ему Богоматерію и Предтечею (деисусъ), Смоленской Богоматери, Кирилла Бѣлозерскаго, Василія Блаженнаго, Владимірской Богоматери, Явленія Пр. Богородицы преп. Сергію Радонежскому, преп. Александра Свирскаго, Знаменія Пр. Богородицы, Умиленія Пр. Богородицы, великомученика Никиты, великомученика Георгія, Софіи Премудрости Божіей, Богоматери на престолѣ съ предстоящимъ въ моленіи св. Никитою Новгородскимъ и, наконецъ, Пр. Богородицы Одигитріи [1]). Разнообразіе, перемѣнчивость и неустойчивость иконографическаго содержанія, повтореніе по нѣскольку разъ однихъ и тѣхъ же изображеній, отсутствіе всякаго порядка въ размѣщеніи иконъ и единства идеи — вотъ характеристическія черты пядничнаго яруса, черты, которыя мы наблюдали и въ мѣстномъ ярусѣ. Намъ думается, что этотъ ярусъ не составляетъ существенной принадлежности старинныхъ иконостасовъ, хотя и встрѣчается въ

[1]) См. рукопись Кирилло-Бѣлозерск. мон. въ библ. Спб. Дух. Ак. № 97—1334. Для ознакомленія съ составомъ и содержаніемъ пядничнаго яруса интересны также описи Московскаго Успенскаго собора XVII в., напечатанныя въ Русской Исторической Библіотекѣ т. III, и опись Хутынскаго монастыря 1642 г., изданная архим. Макаріемъ.

нихъ довольно часто. Скорѣе всего, онъ составляетъ въ нихъ прибавленіе, которое легко можно откинуть, не нарушая единства главной идеи цѣлаго иконостаса. Какимъ же образомъ онъ появился въ иконостасахъ?

Шестилистовый ярусъ образовался, по всей вѣроятности, изъ различныхъ иконъ небольшаго размѣра, жертвуемыхъ въ церковь разными благотворителями и въ разныя времена, такъ что въ немъ нерѣдко встрѣчаются комнатные и семейные образа, на которыхъ обыкновенно бываетъ написано по нѣскольку совершенно различныхъ святыхъ [1]. Это предположеніе подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что иконы, входившія въ составъ его, были различныхъ размѣровъ, слѣдовательно—онѣ были сборныя [2]. Предположеніе это было высказано уже Е. Е. Голубинскимъ [3].

Н. Сперовскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

[1] Таковы, напримѣръ, пядничныя иконы—Ефросина Псковскаго и другихъ святыхъ, Прокопія Устюжскаго и иныхъ святыхъ въ шестилистовомъ ярусѣ Московскаго Успенскаго собора,—пядничный образъ Іоанна Предтечи и Арх. Гавріила въ иконостасѣ Кирилло-Бѣлозерскаго соборнаго храма и пр. (см. Русск. Ист. Библ., III, 408—413 и опись Бѣлозер. мон, за 1802 г., № 115—1350).

[2] Такъ, въ одномъ и томъ же иконостасѣ соборной церкви Бѣлозерскаго монастыря образъ Предтечи и Арх. Гавріила имѣлъ въ длину 8 и въ ширину 6½ вершковъ, а образъ Александра Свирскаго—въ длину 7 вершковъ и въ ширину 6 и т. п. (см. опись Бѣлозерск. мон. за 1802 г. № 115—1350.

[3] См. подстрочное примѣчаніе къ статьѣ «Исторія иконостаса» въ Прав. Обозр. 1872 г., II, стр. 580—581.

Изъ церковной исторіи Египта.

Архимандритъ тавеннисіотовъ Викторъ при дворѣ константинопольскомъ въ 431 г. *)

V.

Когда въ февралѣ—мартѣ 430 г. св. Кириллъ писалъ посланіе своимъ уполномоченнымъ клирикамъ (апокрисіаріямъ въ Константинополѣ) [43]), онъ имѣлъ намѣреніе — при извѣстныхъ усло-

---

*) См. «Хр. Чт.» № 1—2 за 1892 г.

[43]) Cyrilli alex. ep. 10 (ol. 8) «ad clericos suos Constantinopoli constitutos»: «'Ανέγνων τὸ ὑπομνηστικόν» p. 35. 34.=Mansi IV, 1008C. 1005D: καὶ ἐπιλεξάμενος ἄνδρας εὐλαβεῖς καὶ φρονίμους, ἐπισκόπους τε καὶ μ ο ν ά ζ ο ν τ α ς, ἐξαπόστελῶ πρώτῳ καιρῷ. Cf. ibid: οὐδὲν δὲ θαυμαστὸν, εἰ κακῶς ἡμᾶς λέγουσεν αἱ κοπρίαι τῆς πόλεως Χαιρήμων, Οὐίκτωρ, Σωφρονᾶς καὶ τὸ τοῦ φυρατοῦ Φλαβιανοῦ παιδαρύλλιον [*Marii Mercatoris versio:* et decoctoris Flaviani mancipium]. ἀεὶ γὰρ γεγόνασι καὶ περὶ ἑαυτοὺς καὶ περὶ πάντας κακοί. Cf. ep. 4 ad Nestorium [Mansi V, 660C: γραφεῖσα — — μηνὶ μεχεὶρ, ἰνδικτιῶνος ιγ′=26 янв.—24 февр. 430]: Καταφλυαροῦσι μὲν, ὡς μανθάνω, τινὲς τῆς ἐμῆς ὑπολήψεως ἐπὶ τῆς σῆς θεοσεβείας — — ἠδικημένοι μὲν οὐδὲν, ἐλεγχθέντες δὲ καὶ τοῦτο χρηστῶς· ὁ μὲν [повидимому Херимонъ], ὅτι τυφλοὺς ἠδίκει καὶ πένητας· ὁ δὲ [Софрона?], μητρὶ ξίφος ἐπανατείνας· ὁ δὲ [безъ сомнѣнія рабъ Флавіана], θεραπαίνῃ συγκεκλοφὼς χρυσίον ἀλλότριον. Замѣчу: *α*) Такъ какъ слово: *φύραμα* 1 Кор. 5, 6 несомнѣнно значитъ «*тѣсто*», то ни переводъ Пельтана [1576 г.]: «facinorosi Flaviani» ни догадка Тилльмона (XIV, 334): «de Flavien le banqueroutier» не могутъ имѣть вѣса противъ такого древняго авторитета, какъ Марій Меркаторъ: φυρατὴς decoctor Флавіанъ былъ александрійскій *булочникъ* и конечно не одно лицо со св. Флавіаномъ константинопольскимъ. β) Въ греческихъ дѣяніяхъ третьяго вселенскаго собора κεφ. γ′. δ′. ε′=προσφωνητικοὶ св. Кирилла къ императору и императрицамъ, κεφ. η′=Καταφλυαροῦσι, θ′=отвѣтъ Несторія Τὰς μὲν καθ' ἡμῶν ὕβρεις, κεφ. ιβ′='Ανέγνων; но у Марія Меркатора документы располо-

віяхъ—немедленно отправить къ императору избранныхъ „епископовъ и монашествующихъ“. Нѣтъ основаній сомнѣваться, что это предположеніе не было приведено въ исполненіе. Даже посольство, вручившее 30 ноября [44]) Несторію посланіе Τοῦ Σωτῆρος, состояло изъ четырехъ епископовъ, и неизвѣстно, сопрово-

---

жены такъ: Καταφλυαροῦσι 'Ανέγνων Τὰς μέν. На этомъ основаніи можно (вслѣдъ за Гарнье, Migne, S L., 48, 810, f, и Тилльмономъ, XIV, 337. 340) полагать, что Καταφλυαροῦσι и 'Ανέγνων отправлены одновременно, а вскорѣ затѣмъ [въ мартѣ—апрѣлѣ?] и προσφωνητικοί.

[44]) Θеопемптъ говоритъ, что посланіе было доставлено Несторію ἡμέρᾳ κυριακῇ. Но въ древнемъ латинскомъ переводѣ сохранилась помѣтка: «data mense novembri die xxx indictione xiv». Уже Балюзъ замѣтилъ, что «data» здѣсь нужно понимать въ смыслѣ «tradita»: посланіе было *передано* Несторію въ Константинополѣ *въ воскресенье* 30 ноября 430 г. Что это толкованіе вполнѣ правильное, Балюзъ подтверждаетъ ссылкою на Marii Mercatoris codd. Vatican. et Bellovac.: «item eiusdem [Nestorii] sermo [xii: «*Dulcem nobis*»] in ecclesia habitus postquam literas Caelestini romani episcopi [«'Εφ' ἡμέρας τινάς» «*Aliquantis diebus*»] et Cyrilli alexandrini [«Τοῦ Σωτῆρος»] denunciationis accepit, viii. idus decembris cons. Theodosii xiii et Valentiniani iii augg. [= 6 декабря 430, суббота], post sextum diem quam easdem literas sumpsit». А Несторія sermo xiii [«*Aliis in terris*»] надписывается: «Die altera, id est dominica, dictus», слѣдовательно предшествующее, 12-е, слово дѣйствительно было произнесено въ субботу и именно 6 декабря, спустя 6 дней по полученіи [30 ноября] посланія Τοῦ Σωτῆρος. Гарнье относитъ viii idus decembris къ предшествующему accepit, «поправляетъ» это viii на vii и полагаетъ, что слово Dulcem nobis произнесено было 13 декабря, а слово Aliis—14-го. Въ этомъ—къ сожалѣнію—за Гарнье послѣдовалъ и Тилльмонъ, XIV, 760. Но такъ какъ въ 7 дней никакъ невозможно было доставить въ Константинополь посланіе, датированное въ Александріи 30 ноября, то Гарнье приходится «поправлять» и «die xxx» на «die iii». Было бы лучше для него допустить, что латинскій переводчикъ ошибочно прочиталъ Λ' [30 ноября] вмѣсто Α' [1 ноября]. Но конъектура и при такомъ улучшеніи все же остается плохою: если бы дата поставлена была въ Александріи, то мѣсяцъ стоялъ бы *александрійскій* (ср. прим. 43): ἀθὺρ [resp. φαωφί, resp. χοιάκ], а никакъ не «ноябрь». По прав. 20 антіохійскаго собора, на «Востокѣ» осенніе епархіальные соборы бывали въ половинѣ октября, ἴδοις ὀκτωβρίαις. Возможно, что въ Египтѣ они созывались въ половинѣ фаофи [15 фаофи = 12 октября]. Предполагая, что епископы отправились въ путь около 17 октября и чрезъ 40 дней прибыли въ Константинополь, получаемъ 38.7 m. p. на день: это ѣзда поспѣшная, но не курьерски поспѣшная, и потому возможная. Ср. Хр. Чт. 1892, I, 77.—Mansi, V, 512B, nota t. 750D, d.—Migne, Patrol. SL. 48, 831. 848. 862. — Въ виду всего сказаннаго прошу въ Хр. Чт. 1891, II, 274, стр. 7 снизу: «13 декабря» поправить на «6 декабря», а въ Хр. Чт. 1892, I, 84, стр. 8, зачеркнуть «или 7 декабря».

ждали ли ихъ представители монашества. Но весною 431 г.—если вѣрить коптскому памятнику — св. Кириллъ возвратился къ своей прежней мысли и послалъ въ Константинополь архимандрита Виктора. Допустимъ на минуту, что это послѣднее извѣстіе — несомнѣнный фактъ, и угадать его мотивы станетъ нетрудно. Въ то время, какъ епископы Θеопемптъ, Даніилъ, Потамонъ и Комарій везли въ Константинополь посланіе александрійскаго собора, которое по намѣренію св. Кирилла должно было въ десятидневный срокъ положить конецъ несторіанской смутѣ, на встрѣчу имъ конечно уже летѣли магистріаны, развозившіе митрополитамъ сакру императора Ἤρτηται отъ 19 ноября, созывавшую ихъ на вселенскій соборъ. Но архіепископъ александрійскій получилъ ее при особой сакрѣ Μέλει πλεῖστον, только ему одному и посланной, и она не оставляла никакого сомнѣнія въ томъ, что Несторій представляетъ грозную силу, пользуется большимъ вліяніемъ при дворѣ, такъ какъ самъ императоръ смотритъ на дѣло глазами архіепископа своей столицы и выражаетъ весьма недвусмысленно подозрѣніе, что архіепископъ александрійскій попытается „бѣжать суда" вселенскаго собора [45]).—Естественно было теперь πάντα κάλων κινεῖν, пустить въ ходъ всевозможные рессурсы для противодѣйствія Несторію и попытаться повліять на благочестиваго Θеодосія чрезъ монашествующихъ. Но далѣе и начинаются загадки.

Почему именно выборъ св. Кирилла падаетъ на архимандрита Виктора, живущаго въ 917 километрахъ отъ Александріи, а не на одного изъ свѣтильниковъ Скита или Нитріи, — мѣстъ, про-

---

[45]) Mansi, IV, 1112BC: οὐδεὶς—ἄξιος παρρησιάζεσθαι, εἴ τις τὴν τοιαύτην ἀποφυγεῖν αἱρήσεται κρίσιν· ἐπεὶ μηδὲ βουληθέντι τοῦτο ἐξέσται... ὥστε καὶ ἥκειν δεῖ σου τὴν εὐλάβειαν κατὰ τὸν χρόνον, ὃν τὰ ἕτερα δηλοῖ γράμματα, πρὸς ἅπαντας ἀπεσταλμένα τοὺς τῶν μητροπόλεων ἐπισκόπους. Это—прямая ссылка на Ἤρτηται. Отсюда Гарнье сдѣлалъ справедливый выводъ, что обѣ сакры отправлены одновременно. Съ этимъ согласенъ и Тилльмонъ, XIV, 760. Слова Либерата, c. 5: et p o s t haec [Μέλει] scripsit aliam sacram [Ἤρτηται] ad universos episcopos, значатъ не много и показываютъ только, что уже и въ VI в., какъ и у Mansi, въ дѣяніяхъ соборовъ Ἤρτηται [κεφ. λβ'] слѣдовало за Μέλει [κεφ. λα']. ДВС, I, 475 479.

славленныхъ въ Константинополѣ не менѣе, чѣмъ Фвоу и Тавенниси, и близкихъ къ Александріи? [46]).

Изъ другихъ коптскихъ памятниковъ авва Викторъ извѣстенъ не полнѣе, чѣмъ изъ разсматриваемыхъ дѣяній. Но предположимъ, а) что какъ подвижникъ онъ равенъ былъ по авторитету св. Пимену в. скитскому; б) что онъ зналъ греческій языкъ, которымъ не владѣлъ [47]) великій авва Скита; в) что, какъ архимандритъ многихъ тысячъ *киновитовъ*, онъ практически развилъ въ себѣ „даръ управленія", т. е. прекрасно распознавалъ людскіе характеры и отлично на нихъ воздѣйствовалъ, и этимъ богатствомъ опыта превосходилъ даже „истинно премудраго и всесвятаго авву Пимена" [48]), который въ концѣ концовъ былъ все же только великимъ *отшельникомъ*; г) что, принимая схиму тавеннисіота, Викторъ „отложилъ поясъ" послѣ долгой служебной карьеры и слѣдовательно съ проницательностію духовнаго старца соединялъ въ себѣ и воспоминанія дѣлового чиновника, и д) признаемъ въ немъ, какъ архимандритѣ всей тавеннисіотской киновіи, *перваго* по должностному положенію во всемъ египетскомъ монашествѣ. И послѣ всѣхъ этихъ предположеній *pro* нельзя забывать той разности въ

---

[46]) Монастырь св. Макарія въ Скитѣ 30°14′o.N. 30°31′9.E.Greenwich у *Jacotin*, 30°15′3.N. 30°30.′7E.Gr. у *Murray*; слѣдовательно ок. 120 километровъ (ок. 81 mp.) прямолинейнаго разстоянія отъ Александріи. Бругшъ подъ вечеръ 25 янв. (6 Febr.) 1853 г. отбылъ съ барономъ Фридау на баркѣ «при хорошемъ вѣтрѣ» изъ Александріи, подъ вечеръ 29 янв. былъ уже въ Таррана (Terráneh=tarrânah, городокъ на западномъ берегу Нила въ 203.6 km. отъ Александріи [водою], *Murray* 150, древній Τερενοῦθις), и отсюда послѣ 12-часовой ѣзды на ослахъ путешественники прибыли къ солянымъ озерамъ (birkat[u] Natrûn[i]), столь извѣстнымъ ἕλη древнихъ скитіотовъ. *HBrugsch*, Reiseberichte aus Aegypten (Leipzig 1855), 15. 17.—Epiphanii monachi edita et inedita ed. *ADressel* (Lipsiae 1843), 6: πρὸς νότον τῆς Ἀλεξανδρείας ἡ μ ε ρ ῶ ν ἓ ξ κεῖται ὁ ἅγιος Μακάριος ὁ μέγας.—Ближе къ Александріи «гора нитрійская» (видимо къ сѣверу отъ ἕλη), но все же не «въ 40» римскихъ «миляхъ», какъ увѣряетъ Руфинъ, hist. monach., c. 21; потому что уже одно «озеро Марія простиралось до 70 миль, и, переплывъ его», Палладій въ 390 г. «въ полтора дня дошелъ до горы». Pallad., Laus. c. 7.

[47]) Apophthegmata, Ποιμὴν, ρπγ′: ὁ δὲ γέρων [ὁ ἀ. Ποιμὴν] οὐκ ᾔδει ἑλληνιστὶ, οὐδὲ ὁ ἑρμηνεὺς εὐκαίρησεν.

[48]) Эпитетъ изъ житія св. Іоанна Колова, написаннаго епископомъ Захаріею ксоискимъ. *Zoega*, 117.

разстояніяхъ, которая влекла за собою опасную трату времени. Получивъ такое посланіе, какъ Μέλει πλεῖστον, и рѣшившись противодѣйствовать вліянію Несторія даннымъ образомъ, св. Кириллъ имѣлъ всѣ побужденія не откладывать предположеннаго посольства. Между тѣмъ Фвоу лежало чуть-ли не на 700 километровъ далѣе, чѣмъ Скитъ, и при обычной скорости плаванія [49]) и путешествія, св. Кириллъ, пославъ напр. 1 февраля приглашеніе Пимену в. и Виктору, могъ ожидать, что авва скитскій явится въ Александрію 10—12 февраля, а архимандритъ—только 8—10 марта. А за этотъ лишній мѣсяцъ партія Несторія могла сдѣлать большіе успѣхи.

Образъ дѣйствій Кирилла александрійскаго въ этомъ отношеніи представляетъ — по коптскимъ актамъ — много неяснаго. По всей вѣроятности еще въ декабрѣ 430 г. обѣ сакры были уже ему доставлены [50]). Въ январѣ онъ могъ отъ своихъ уполномоченныхъ получить обстоятельныя свѣдѣнія. Но лишь предъ 22 марта Викторъ получилъ посланіе, немедленно вызвавшее его въ Александрію; слѣдовательно оно отправлено было только около 5 марта. Около 2—2½ мѣсяцевъ потрачено на что-то непонятное. Со скоростію не особенно правдоподобною Викторъ 31 марта прибылъ въ Александрію; но здѣсь ждетъ его новая остановка, и онъ лишь 27 апрѣля пускается въ дальнѣйшій путь. Возможныя естественныя объясненія здѣсь не разъясняютъ почти ничего. Когда

---

[49]) Ср. прим. 46: Бругшъ въ 4 дня сдѣлалъ вверхъ по Нилу 203.6 km., т. е. по 51 km. въ день; слѣдовательно на 917 km. потребовалось бы 18 дней.

[50]) Cf. *Gwatkin*, Studies of Arianism (Cambridge, 1882), 137. Гуоткинъ признаетъ естественнымъ, что византійскіе курьеры могли ѣхать со скоростью 80 рим. миль въ сутки. Ср. выше стр. 77,15 87,35. (даже vir illustris magister officiorum съ экстренною скоростью проѣзжаетъ по 149.4 mp. въ сутки), слѣдовательно курьеръ могъ доставить сакры въ Александрію въ 20 сутокъ. А императоръ, подозрѣвавшій, что архіепископъ александрійскій намѣренъ уклониться отъ соборнаго суда, имѣлъ побужденія отрѣзать всякіе предлоги къ этому; самымъ важнымъ изъ нихъ была бы невозможность — за краткостію срока — предварительно обсудить вопросъ на діэцезальномъ соборѣ епископовъ египетскихъ. Съ 20 ноября по 6 іюня 199 дней, и слѣдовало какъ можно больше ихъ предоставить архіепископу александрійскому въ полное распоряженіе.

св. Кириллъ отправлялъ свое посланіе—допустимъ—5 марта, онъ едва ли могъ ожидать прибытія Виктора ранѣе, чѣмъ къ 9—10 апрѣля, и слѣдовательно—не смотря на то, что до пасхи оставалось лишь 10—9 дней и равноденствіе [51]) было сравнительно недавно,—считалъ возможнымъ отправить въ началѣ апрѣля своего делегата въ Константинополь [52]). Если же Викторъ уже 22 марта зналъ,

---

[51]) По *RSchram*, Hilfstafeln für Chronologie (Wien 1883), T=1878558, 6567, т. е. весеннее равноденствіе было въ 431 г. марта 20 въ 3 ч. 45,6 м. по вселенскому среднему гринвичскому времени, или марта 20 въ 5 ч. 37.7 м. утра по истинному александрійскому времени. — У моряковъ равноденствіе пользуется очень опредѣленною славою: у моряковъ *современныхъ*, «Нов. Время» № 5706, 1892, 17 янв. (АНЧерный): «Предстоящій переходъ обѣщалъ быть чрезвычайно бурнымъ, такъ какъ въ это время было равноденствіе — время наисильнѣйшихъ штормовъ»; у *древнихъ*, Cicero ad Attic. 10, 17 (l. c. ap. *GFUnger*, Der Gang der altrömischen Kalenders, München 1888, S. 82,1): «nunc quidem nos aequinoctium [«bei den Gleichen das stürmische Wetter»] moratur, quod valde perturbatum erat». Cf. 'Αετίου 'Αμιδηνοῦ, ρξδ' въ Dionysii *Petavii* De doctrina temporum, t. III (Antwerpiae 1703): Uranologium, 216: ἰσημερία ἐαρινή, καί ἐστι μεγίστη [въ медицинско-гигіеническомъ смыслѣ, см. Σεπτ. κε'] ταραχὴ τοῦ ἀέρος.

[52]) По традиціонному греко-римскому воззрѣнію, навигація въ Средиземномъ морѣ (cf. *Unger*, 60), «εἰαρινὸς πλόος», открывается съ вечерняго восхода (scheinbarer Spät-Aufgang) *Арктура*; а утренній восходъ (scheinbarer Früh-Aufgang) *Плеядъ* отмѣчаетъ полное развитіе навигаціи. *FGUnger*, Zeitrechnung der Griechen und Römer, §§ 2. 32 въ Iwan Müller's Handb. d. klass. Altertumswissensch. I, 559. 585. При пособіи 1. *HGretschel*, Lexikon der Astronomie, 161 (Leipzig 1882: Meyers Fach-Lexika), 2. Gesammelte mathematische u. astronomische Abhandlungen v. *JFEncke*, III, 85—109 (Ueber die Auf — und Untergänge der Sterne und der Sonne bei den Alten. Hülfstafeln für die Uebertragung von Stern-Oertern auf entfernte Zeiten nebst abgekürzten Sonnen-Tafeln) (Berlin 1889), 3. *WLáska*, Lehrb. d. sphärischen u. theoretischen Astronomie, 105 (Stuttgart 1889) и 4. *LIdeler*, Handb. d. mathemat. u. technisch. Chronologie II, 581—585 (Berlin 1826) у меня получились *для Александріи въ 431 г.* слѣд. даты:

Arcturus (αBootis) . . . . (при arcus visionis = 7°)	*марта 10*, 6 час. вечера scheinbarer Spät-Aufgang, ἑσπερία ἐπανατολὴ φαινομένη по терминологіи Птолемея.
»	*марта 17*, 11 час. ночи wahrer Spät-Aufgang, ortus acronychus, ἑσπερία συνανατολὴ ἀληθινή Птолемея.
Alcyone (lucida Pleiadum, ηTauri) (при arcus visionis=14°) . . .	*апрѣля 17—18* wahrer Früh-Aufgang, ortus cosmicus, ἑῴα συνανατολὴ ἀληθινή Птолемея.
»	*мая 11—12*, scheinbarer Früh-Aufgang, ortus heliacus, ἑῴα προανατολὴ φαινομένη Птолемея.

что раньше 27 апрѣля его изъ Александріи не отправятъ, то къ чему же онъ такъ невѣроятно спѣшилъ? И если и самъ св. Кириллъ предполагалъ отпустить авву только послѣ пасхи, то въ Александріи не могли не знать, что на плаваніе до Константинополя требуется около 24 дней и на путь отъ Константинополя до Ефеса — около 18 дней. Но 26 апрѣля + 24 + 18 = 7 іюня (включительно), пятьдесятница. Другими словами: въ Александріи должны были знать, что, отправляясь 27 апрѣля, авва Викторъ имѣетъ всѣ шансы попасть въ Константинополь какъ разъ по отбытіи уполномоченнаго представителя императора на соборъ, т. е. рискуетъ поспѣть слишкомъ поздно для того, чтобы вліять на Ѳеодосія въ пользу Лавса противъ Иринея. — Такимъ образомъ, чтобы удержать подъ ногами аввы Виктора историческую почву, приходится допустить двойное непредвидѣнное вмѣшательство физической force majeure: сочетаніе прекраснаго попутнаго вѣтра и сильнаго рѣчного теченія при надежномъ фарватерѣ на пути отъ Фвоу до Александріи и затѣмъ три недѣли всякихъ встрѣчныхъ вѣтровъ и бурь, а можетъ быть и коммерческихъ невзгодъ, задержавшихъ архимандрита въ Александріи.

D. Petavii De doctrina temporum, t. III: variarum dissertationum l. 1 c. 6 p. 33 показываетъ, что если въ приведенныхъ датахъ и есть погрѣшность, то—очень незначительная. — Стоитъ, затѣмъ, замѣтить, что Vegetius [около 390 г. по Р. X.] de re milit. 5, 19 именно *10-е марта* отмѣчаетъ какъ «natalis navigationis»; что [ошибочная по буквѣ] замѣтка у Полемія Сильвія [около 450 г.] подъ 11 марта: «natalis favonii» имѣетъ тотъ же самый смыслъ; что Clodius Tuscus подъ *17 марта* пишетъ: μέγα πέλαγος πλέεται (всѣ три мѣста — у Унгера); но св. Порфирій газскій вмѣстѣ съ «архіепископомъ» Іоанномъ кесарійскимъ въ 401 г. отплыли изъ Кесаріи ἡμέρᾳ ὀγδόῃ καὶ εἰκάδι τριτη и εὐπλοήσαντες на десятый день прибыли въ Родосъ, а оттуда чрезъ 10 дней въ Константинополь. Marci diaconi vita Porphyrii ep. gazensis, ed. *M Haupt* (Berolini 1875), n. 34, p. 187,18. Не смотря на возраженія Тилльмона, нужно— вмѣстѣ съ болландистами (Henschen?)—читать вмѣсто τριτη несомнѣнно περιτίου. А 28 перитія по газскому календарю = 28 μεχίρ александрійскому = *22 февраля*. Ideler, I, 438. Правда, плаваніе въ это время считалось рискованнымъ (p. 187,7: ὁ δὲ καιρὸς οὐκ ἔστιν ἐπιτήδειος); тѣмъ не менѣе навигація въ концѣ февраля остается фактомъ.

VI.

Авва Викторъ уѣзжаетъ изъ Александріи съ „точнымъ memorandum“ такого свойства, что приходится спросить: зачѣмъ онъ написанъ?

Документъ подобнаго рода долженъ былъ служить aa) или секретною инструкціею, руководствомъ для самого Виктора, bb) или открытою инструкціею, своего рода вѣрительною грамотою, которую онъ могъ предъявить и государю въ удостовѣреніе того, что онъ, архимандритъ, дѣйствуетъ согласно съ волею александрійскаго архіепископа, cc) или наконецъ оправдательнымъ документомъ для самого Виктора, когда онъ будетъ давать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ св. Кириллу. Но въ первомъ (aa) смыслѣ memorandum излишенъ, потому что для инструкціи онъ недостаточно точенъ и притомъ Виктору устно сдѣланы уже всѣ необходимыя разъясненія; во второмъ смыслѣ (bb) онъ не совсѣмъ удобенъ и тоже неточенъ, а въ третьемъ (cc)—ненуженъ: архимандритъ пользуется полнымъ довѣріемъ своего „папы“.

Останавливаютъ на себѣ вниманіе пункты βδε[53]).

Невѣроятны въ александрійцѣ, видѣвшемъ постоянно, какъ смѣлые моряки то отплываютъ то благополучно возвращаются на родину, такіе преувеличенные страхи предъ „чужою стороною“, это опасеніе за самую жизнь епископовъ, словно ихъ созывали въ какое нибудь горное исаврійское ущелье, а не въ Ефесъ, гдѣ имѣлъ резиденцію самъ vir spectabilis proconsul Asiae. Такое ни на чемъ фактически не основанное сомнѣніе въ pax romana было довольно оскорбительно для государственной власти. И чѣмъ-то безпомощнымъ отзывается просьба о присылкѣ „*православныхъ* войскъ“. Развѣ въ Константинополѣ, гдѣ въ высшихъ сферахъ не допускали даже и того, что самъ архіепископъ Несторій „мудрствуетъ еретически“, уже были корпуса войскъ, состоявшіе изъ еретиковъ? Разумѣется, св. Кириллъ могъ желать, чтобы охрана общественнаго спокойствія въ Ефесѣ была ввѣрена тому или дру-

---

53) См. стр. 65.

тому *комиту*, несомнѣнно православному *лично*; но въ такомъ случаѣ это лицо и было бы указано ясно, какъ намѣченъ Лавсъ въ пунктѣ γ.

Нужно предполагать, что Несторій, согласившійся на созваніе собора въ Ефесѣ, не предвидѣлъ, что Мемнонъ ефесскій такъ рѣшительно примкнетъ къ архіепископу александрійскому. Можетъ быть это было пріятною неожиданностью и для самого св. Кирилла, но едва ли даже въ концѣ апрѣля онъ опасался враждебныхъ отношеній со стороны епископа ефесскаго [54]). Чѣмъ „ефесскіе монахи“ могли возбудить подозрѣніе, это—загадка, если не выдумка. Но совсѣмъ нельзя допустить, чтобы въ апрѣлѣ 431 г. св. Кириллъ полагалъ, что Несторій *вообще* не желаетъ вселенскаго собора и „постарается разогнать епископовъ, а потомъ ихъ же обвинить въ томъ, что они не прибыли на соборъ“. Уже сакра Μέλει πλεῖστον, написанная подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Несторія, показывала, что онъ отъ собора не уклоняется; а уполномоченные архіепископа александрійскаго могли извѣстить его, что 6 декабря въ проповѣди Dulcem nobis, сказанной въ церкви, архіепископъ константинопольскій—такъ сказать—вызывалъ его на вселенскій судъ въ Ефесѣ.

Предусматривая такія воображаемыя опасности, якобы „точный“ memorandum совсѣмъ не видитъ однако того, что̀ грозило дѣйствительнымъ недоразумѣніемъ. Сакра Ἤρτηται вызывала въ Ефесъ митрополитовъ съ „немногими“ епископами [55]) и, за исключеніемъ

[54]) Іоаннъ антіохійскій еще до собора ефесскаго (antequam—ad Ephesum) свои посланія противъ «12 главъ» Кирилла per multas direxit provincias—per Cappadociam et Galatiam et omnem orientem. Mansi, V, 916D. 757DB. (Synod. 136. 4). Вѣроятно писалъ онъ и Мемнону. Невѣроятно, чтобы и св. Кириллъ съ своей стороны не разослалъ своихъ «главъ» важнѣйшимъ митрополитамъ, въ томъ числѣ и ефесскому, значеніе котораго на будущемъ соборѣ не могло быть маловажнымъ. Отвѣчая въ Антіохію и Александрію, Мемнонъ долженъ былъ занять то или другое положеніе относительно «главъ». Но если бы онъ и не высказался письменно, то довѣренные податели посланій Іоанна и Кирилла конечно позондировали почву и доложили своимъ архіепископамъ о своихъ наблюденіяхъ. Поэтому Ефесъ въ концѣ апрѣля едва ли могъ быть terra incognita въ полномъ смыслѣ для Іоанна или Кирилла.

[55]) Mansi IV, 1113BCD: ἀναγκαίαν τὴν τῶν ἁπανταχόθεν ἁγιωτατων

двухъ-трехъ высокочтимыхъ *лично* епископовъ, разослана была только митрополитамъ. Въ Египтѣ получилъ ее только одинъ св. Кириллъ [56]). „Папа" александрійскій по характеру своей кано-

---

ἐπισκόπων θεοφιλῆ σύνοδον ἡγησάμεθα... φροντίσει ἡ σὴ θεοσέβεια—παραγενέσθαι—ὀλίγους, ὅσους ἂν δοκιμάσειεν, ἐκ τῆς ὑπ' αὐτὴν τεταγμένης ἐπαρχίας αγιωτάτους ἐπισκόπους εἰς τὴν αὐτὴν συνδραμεῖν παρασκευάσασα· ὥστε καὶ τοὺς ἀρχοῦντας ταῖς κατὰ τὴν αὐτὴν ἐπαρχίαν ἁγιωτάταις ἐκκλησίαις, καὶ τοὺς τῇ συνόδῳ ἐπιτηδείους, μηδαμῶς ἐλλεῖψαι. Γέγραπται γὰρ τὰ ἴσα... τοῖς θεοφιλέσιν ἐπισκόποις τῶν ἁπανταχοῦ μητροπόλεων. **Не забудемъ, что эти слова взяты изъ экземпляра, τὸ ἴσον, сакры, посланнаго самому «Κυρίλλῳ ἐπισκόπῳ» ДВС. I, 481.**

[56]) **Уже кард. де Норисъ** (de Noris, Hist. pelagiana, Patavii, I, 233. 234) въ 1673 г. понялъ,—и Тилльмонъ, XIV, 428, съ нимъ согласенъ,—что сакра была послана Несторію, Кириллу, Мемнону, *plus* всѣмъ тѣмъ, имена которыхъ названы въ адресѣ сакры Ὅσον περὶ τὴν εὐσέβειαν, присланной въ Ефесѣ [въ концѣ іюля—началѣ августа 431] съ comes sacrarum largitionum Іоанномъ, Mansi, IV, 1396A. V, 593. 594. ДВС, I, 804. 805. Кто сравнитъ *Hefele* II, 218 § 144 съ *Tillemont*, XIV, 428, тотъ убѣдится, что на этомъ пунктѣ наука съ 1693 по 1875 г. не сдѣлала ни малѣйшаго—*возможнаго*—успѣха.—Не вдаваясь въ слишкомъ длинныя разслѣдованія замѣчу аа) въ адресѣ стоятъ 52 имени (4-е «Theodoto» [анкирскому] въ V, 593) и слѣд. сакра Ἤρτηται была разослана 55 лицамъ; бб) что изъ не-митрополитовъ она была послана только двумъ—тремъ (3. «Augustino» иппонскому, 11 resp. 6. Ἀκακίῳ верійскому и 20. Φλαυιανῷ вѣроятно филиппскому) ср. также пр. 79; вв) что изъ остальныхъ 49 именъ, за отождествленіемъ 44 съ именами митрополитовъ, упоминаемыми въ дѣяніяхъ собора (въ томъ числѣ 8. «Οὐαλενίνῳ Valentino» чит. Οὐαλεριανῷ Ἰκονίου, 40. «Σελεύκῳ Seleucio» чит. «Σευήρῳ Συνάδων Φρυγίας Σαλουταρίας Mansi IV, 1224D=V, 589E, гдѣ въ cod. Reg. 524: «Σελεύκιος ἐπίσκοπος σ—άδων [sic]», и 48. «Μονίμῳ Monimo» чит. Μαιωνίῳ [Migne, SG. 84, 591C. Syn. c. 7: Memonius] Σάρδεων τῆς Λυδίας) останутся 5 именъ: 12. «Οὔρσῳ Urso», 43. «Σαππίῳ Sappido» (несомнѣнно изъ восточнаго Иллирика, — cf. Mansi, VIII, 760: «Perigeni [коринѳскому], Dynato [никопольскому], S a p i o, Paulo, Aeternali, Sabatio, Juliano [сердикскому] et Senecioni [скодрскому] episcopis per Illyricum Caelestinus [ок. 424 г., Jaffé-Wattenbach 366]»,—можетъ быть епископъ скупскій, митрополитъ Дарданіи), 42. «Εὐλογίῳ Eulogio» (который можетъ быть тождественъ съ Евхаріемъ диррахійскимъ, и ΕΥΧΑΡΙΩ прочитано какъ ΕΥΛΑΓΙΩ и поправлено въ Εὐλογίῳ), 39. «Εὐσεβίῳ Eusebio» (мѣсто котораго—*послѣ надлежащей обработки адреса*—подлѣ Воспорія гангрскаго въ Понтѣ заставляетъ припомнить, что имя одного изъ митрополитовъ въ этомъ діэцезѣ, севастійскаго въ Арменіи I, намъ неизвѣстно; но также ср. пр. 79) и 50. «Θεοφίλῳ Theophilo» (мѣсто котораго позволяетъ видѣть въ емъ одного изъ митрополитовъ во Ѳракіи, филиппопольскаго или адріанопольскаго, имена которыхъ намъ неизвѣстны). Во всякомъ случаѣ въ 431 г. (ср. прим. 57) епископомъ птолемаидскимъ въ Ливіи-Пентаполѣ былъ Евоптій, дарнійскимъ Даніилъ, оксиринхскимъ Петръ, кавасскимъ Ѳеопемптъ, атривискимъ Митродоръ, леонтоскимъ Стратигій, и

нической власти былъ собственно *митрополитъ* во всемъ *діэцезъ* Египтѣ, но такой митрополитъ, подъ властію котораго было свыше ста епископовъ [57]) въ *шести* [58]) гражданскихъ *провинціяхъ* (ἐπαρχίαι). Между тѣмъ сакра упорно говорила о подвѣдомой ему „епархіи", т. е. ставила его на одинъ уровень со всѣми прочими обыкновенными митрополитами. Что такая точка была несправедлива, ясно вполнѣ. Св. Кириллъ не признавалъ ея, но „восточные" продолжали смотрѣть не него сквозь призму этого формализма [45]) и жаловались императору, что епископъ александрій-

пилусійскимъ Евсевій. Этого послѣдняго не слѣдуетъ отождествлять съ «39. Евсевіемъ» потому, что если бы послана была сакра епископу пилусійскому, то епископамъ важнѣйшихъ городовъ стародавнихъ провинцій, обѣихъ Ливій, птолемаидскому и дарнійскому, оказано было бы тоже самое вниманіе; а характеристичныхъ Εὐοπτίῳ Δανιήλ въ адресѣ вовсе нѣтъ.

[57]) Данныя по этому вопросу въ Notitia dignitatum (ed. *Seeck* Berolini 1876) Or. 1,80. 127. 2,24. 23,9; Laterculus Veronensis, s; Laterculus Polemii Silvii, x (ibid. 247. 259; изъ литературы о нихъ мнѣ извѣстны *EKuhn*, Ueber das Verzeichniss... 297 въ Jahrbb. f. class. Philol. 1877 SS. 697—719 и *CCzwalina*, Ueber das Verzeichniss der römischen Provinzen vom Jahre 297 [Lat. Veron.], Wesel 1881); Hieroclis Synecdemus (ed. *Parthey* Berolini 1866) νζ'—ξδ', 724 *We s.*; Georgii Cyprii descriptio orbis romani (ed. *Gelzer* Lipsiae 1890 pp. 35 (= 685 *Wess*). 111—145 (примѣчанія ученаго издателя). Георгій кипрскій (ок. 605 г.) знаетъ, что ἡ Αἰγυπτιακὴ διοίκησις состоитъ изъ 9 ἐπαρχίαι: *Египта I* (съ Александріею) *и Египта II* (первымъ въ перечнѣ названъ городъ Κάβασα; но я сомнѣваюсь даже въ томъ, что этотъ городъ дѣйствительно лежалъ во второмъ [а не въ первомъ] Египтѣ), *Августамники I* (Πηλούσιον μητρόπολις, cf. Amm. Marc. 22, 16, 3: in Augustamnica Pelusium est oppidum nobile, но также cf. *Hyvernat*, Les actes des martyrs de l'Égypte [Rome 1887], I, 296: αυγουσταμνικη ετε [= то есть] αθρηβι τε) *и Августамники II* (Λεοντὼ μπ.), *Аркадіи* ('Οξύρυγχος μπ.), *Өиваиды I* [τῆς ἔγγιστα] ('Αντινὼ μπ.) *и Өиваиды II* [τῆς ἄνω] (Πτολεμαΐς μπ.), *Ливіи* [τῆς κάτω] (Δαρνιέων μπ.) и *Ливіи-Пентаполя* [τῆς ἄνω] (μητρόπολις, не названная у Георгія, внѣ всякаго сомнѣнія Πτολεμαΐς). Но нельзя доказать, что въ 431—451 гг. уже были [какъ при Юстиніанѣ I] два Египта, двѣ Августамники и двѣ Өиваиды; слѣд. тогда, согласно съ Not. dign. Lat. P. Silvii, въ dioecesis Aegyptus были только 6 provinciae: Libya superior, Libya inferior, Thebais, Aegyptus, Arcadia, Augustamnica.

[58]) Уже при Аөанасіи в., apol. c. ar. n. 71, ихъ было ἐγγὺς ἑκατόν.

[59]) Въ своихъ ламентаціяхъ они не дѣлаютъ различія между «50-ю [точнѣе 46] египтянами» изъ цѣлаго *діэцеза* и «40 асіанами» изъ одной *епархіи*. Mansi IV, 1277A (ὁ μὲν αἰγύπτιος—πεντήκοντα αἰγυπτίους ἐπισκόπους, ὁ δὲ [Μέμνων] ἀσιανοὺς πλείους ἢ τριάκοντα συναγαγών). 1381D (αἰγυπτίων μὲν ὄντων πεντήκοντα, ἀσιανῶν δὲ, τῶν ὑπὸ Μέμνονα, τῶν τεσσαράκοντα· καὶ τῶν ἐν Παμφυλίᾳ

скій прибылъ на соборъ съ „пятьюдесятью епископами изъ Египта“ (а не съ двумя, какъ хотѣлось бы [60]) „восточнымъ“).—Очевидно предотвратить подобныя сѣтованія своевременнымъ представленіемъ императору было далеко не излишне. Но „точный memorandum“ на этотъ счетъ безмолвствуетъ. По всѣмъ этимъ основаніямъ его нужно считать не подлиннымъ документомъ, но довольно плохимъ позднѣйшимъ „сочиненіемъ“.

VII.

Авва Викторъ прибылъ [61]) въ Константинополь 20 мая, и въ тотъ же день объ этомъ узнаетъ даже императоръ и самъ

αἱρετικῶν μεσαλιανιτῶν λεγομένων δώδεκα) ДВС I, 664. 790. Въ I дѣяніи ефесскаго собора участвовали съ Мемнономъ еще 23 асійскихъ епископа [и изъ Памфиліи 9], предъ VI прибыли еще 6 «асіанъ». «Восточные» видимо преувеличиваютъ. Называя особо памфилійцевъ, они показываютъ, что подъ асіанами разумѣютъ епископовъ только изъ *епархіи* Асіи, а не изъ всего асійскаго *діэцеза* (на I дѣяніи изъ этого діэцева было 52 епископа, слѣдовательно далеко болѣе 40, не только «болѣе 30»).

[60]) Mansi IV, 1236A. 1381C. ДВС. I, 616. 790.

[61]) День прибытія, 25 пахонъ, подозрительно близокъ къ 24 пахонъ, когда коптская церковь празднуетъ π-ϣαι ντε πε-f-ϫινι εhουν hεν χημι, праздникъ пришествія Іисуса Христа во Египетъ. Изъ *NNilles*, Kalendarium manuale, Oeniponte 1881, II, 639 видно, что господскіе праздники копты дѣлятъ на «великую седьмерицу» πι-νιϣτι ν-ϣαϣf (благовѣщеніе, рождество, крещеніе, недѣля ваій, пасха, вознесеніе, пятьдесятница) и «малую седьмерицу» πι-κουϫι ν-ϣαϣf (обрѣзаніе 1 янв., первое чудо [въ Канѣ галилейской] 8 янв., срѣтеніе 2 февр., вечеря [великій четвергъ], недѣля Ѳомы, пришествіе во Египетъ 19 мая и преображеніе 6 авг.). Слѣд. у нихъ 19 мая праздникъ близкій къ нашимъ двунадесятымъ и по самому его характеру совпаденіе съ нимъ прибытія Виктора было бы весьма знаменательно. Но несомнѣнно и 25 пахонъ копты и эѳіопы воспоминаютъ чудо насажденія во Египтѣ Богомладенцемъ жезла Іосифа, изъ котораго выросъ лѣсъ; а по Макризи, [Macrizi's (ум. 8 февр. 1442) Geschichte der Copten, hrsg. v. *F. Wüstenfeld*, Göttingen 1845, S. 99] въ нижнеѳиваидскомъ монастырѣ *Іисуса*, dajru-'l-G'arnûs[i], [храмовой?] праздникъ совершался 25 пахонъ; а во дни Климента александрійскаго, Strom. 1, 21, скрупулезно, περιεργότερον, занимавшіеся вопросомъ о рождествѣ Христовомъ высчитали, что ἡ γένεσις τοῦ Σωτῆρος было ἐν πέμπτῃ παχὼν καὶ εἰκάδι. Египтяне вообще упорно держатся своихъ представленій о праздникахъ (напр. успеніе Богоматери 16 янв. = 21. τυβὶ и и потому 21 числа каждаго александрійско-эѳіопскаго мѣсяца — праздникъ Богородицѣ; *ея рождество*—1 παχὼν = *26 апр.*, и потому ея зачатіе—270

приглашаетъ къ себѣ архимандрита тавеннисіенитовъ. „Насколько во всемъ этомъ можетъ быть преувеличенія, мы не въ состояніи сказать“,—замѣчаетъ англійскій авторъ:—„но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что репутація посланника Кириллова внушала нѣкоторое любопытство“. Дальнѣйшіе шаги Виктора при дворѣ таковы, что даютъ новую пищу этому скепсису. Императоръ, „владыка земли, моря и всякого рода и племени человѣческаго, вѣчный августъ“ [62]), *обнимается* съ ѳиваидскимъ архимандритомъ [63]). Допустимъ, что византійскій этикетъ этому не препятствовалъ или государь сдѣлалъ исключеніе; но откуда добылъ коптскій повѣствователь эти детали? Когда „отецъ монастырей“, т. е. первенствующій архимандритъ константинопольскій, авва Далматій, 48 лѣтъ не выходившій изъ монастыря, не смотря на „многократныя просьбы“ самого императора, наконецъ самъ явился во дворецъ, это было по истинѣ *событіемъ* и конечно значило для императора не менѣе чѣмъ появленіе Виктора изъ верхней Ѳиваиды. И однако самъ авва Далматій сообщилъ о своемъ пребываніи во дворцѣ (насколько дѣло касается церемоніальной стороны) только слѣдующее [64]):

«Я сказалъ ему [императору] что̀ нужно и что̀ слѣдовало, чего теперь нельзя повторить предъ вашимъ благоговѣинствомъ, чтобы вы не сочли меня

днями ранѣе — 31 іюля, *Zotenberg*, Catalogue des mss. éthiopiens, Paris 1877, pp. 173. 183. 185. 186. 193): а потому возможно, что и праздникъ пришествія Христа во Египетъ, замѣстившій стародавній египетскій праздникъ рождества Христова, въ V в. они совершали не 24, а 25 пахонъ, и Викторъ въ Александріи оставался такъ долго для того, чтобы (отпраздновавъ здѣсь 1 пахонъ двойной праздникъ: недѣлю Ѳомы и рождество Богоматери) прибыть въ Константинополь въ знаменательный день для всѣхъ египтянъ.

[62]) ДВС IV, 80. 250. 276. Mansi VII, 85D. 273B. 301D: τοῖς γῆς καὶ θαλάσσης καὶ παντὸς ἀνθρώπων ἔθνους καὶ γένους δεσπόταις Φλαυίοις Οὐαλεντινιανῷ καὶ Μαρκιανῷ τοῖς αἰωνίοις αὐγούστοις,—такъ—почти безъ перемѣнъ адресуютъ свои δεήσεις καὶ ἱκεσίας епископы Фотій тирскій, Вассіанъ, бывшій ефесскій, Евномій никомидійскій и (Ѳеодосію и Валентиніану) ѳиваидскій епископъ Аппіонъ сіинскій и елефантинскій. *K. Wessely*, Ein bilingues Majestätsgesuch aus dem Jahre 391—2 [нѣтъ, 426—450] nach Christus (Wien 1888), 7. 8.

[63]) p. 98: he embraced Victor. p. 105: the Emperor and Victor embraced one another. Выше стр. 65. 70.

[64]) Mansi IV, 1428CD 1429: καὶ εἶπεν ὅτι Καλῶς ἐζήτησας· καὶ πάλιν προσέθηκε ῥῆμα ἕν, καὶ εἶπεν· Εὔχεσθε ὑπὲρ ἐμοῦ. ДВС I, 859—862.

тщеславнымъ или гордымъ: ибо сокрушитъ Богъ кости человѣкоугодниковъ. Государь послѣдовательно выслушалъ все.... и сказалъ: «твоя просьба основательна». Потомъ прибавилъ еще одно слово и сказалъ: «молитесь за меня».

И только. Или авва Викторъ былъ болѣе экспансивенъ и не опасался показаться ὑπεραιρόμενός τις εἶναι ἢ καυχώμενος?

Далѣе, уже 21 мая императоръ ожидаетъ, что Викторъ „подастъ ему совѣтъ относительно собора“. Но государь церковный вопросъ передалъ на судъ самой церкви, представляемой вселенскимъ соборомъ. Что можетъ быть разумнѣе такого рѣшенія? и какіе „совѣты“ еще нужны императору „относительно собора?“ Не значитъ ли это, что бесѣда съ Викторомъ *сочинена* значительно позже, и ея авторъ знаетъ, въ какое затрудненіе поставила императора смута, противъ всякаго ожиданія случившаяся въ Ефесѣ 22—26 іюня?

22 мая Викторъ имѣлъ честь принимать участіе въ обсужденіи текста Πάντων μέν. Неизвѣстно изъ другихъ источниковъ, дѣйствительно ли эта сакра была подписана не ранѣе 22 мая, но никакому сомнѣнію подлежать не можетъ, что и эта сцена выдумана и притомъ плохо. Ѳеодосій II конечно не былъ образцомъ правительственной мудрости, но—разъ онъ 22 мая не былъ убѣжденъ въ виновности Несторія (въ противномъ случаѣ ходъ исторіи ефесскаго собора былъ бы совсѣмъ другой)—аргументація Виктора, что „Несторій выходитъ не подсудимымъ, а судьею“, произвела бы на императора тѣмъ менѣе дѣйствія, что по правдѣ „выходило“ только то, что и Несторій, какъ и Кириллъ, вызванъ на соборъ въ качествѣ *члена*.—Ссылка на старшинство по хиротоніи выдвигала впередъ принципъ, уже отходившій въ область преданія; для правительства было удобнѣе вѣдаться съ постояннымъ старшинствомъ каѳедръ, чѣмъ съ перемѣнчивымъ старшинствомъ епископовъ. А если архимандритъ тавеннисіотовъ указывалъ на старшинство Александріи предъ Константинополемъ „по церковному значенію каѳедры“, онъ suaviter in verbis высказывалъ in re то самое, что въ 457 г. съ грубою прямолинейностію заявляли еги-

петскіе епископы-элуріане [65]): „а собора ста пятидесяти мы не знаемъ“. И если бы императоръ съ легкимъ сердцемъ согласился съ Викторомъ и присутствовавшіе при этомъ сановники забыли напомнить о 3 правилѣ свв. ста пятидесяти отцевъ, авторитетно усвоившихъ „епископу Константинополя преимущества чести по римскомъ епископѣ, потому что это—Новый Римъ“, и о константинопольскомъ соборѣ 29 сент. 394 г., когда первымъ сидѣлъ Нектарій константинопольскій, а вторымъ Ѳеофилъ александрійскій [66]): то это значило бы, что въ маѣ 431 г. государственные люди въ Константинополѣ, столь сговорчивые на пріятные для египтянъ компромиссы, не понимали и азбуки византійской церковно-политической системы.

Но сочинитель-коптъ окончательно выдаетъ себя, когда увѣряетъ, что въ первоначальномъ проектѣ стояло: „благочестивѣйшимъ и святѣйшимъ Несторію, Кириллу и прочимъ благочестивѣйшимъ епископамъ“. Само собою разумѣется, что такая редакція—чистая невозможность, и стоять *могло* только: „благочестивѣйшимъ и святѣйшимъ Келестину, Несторію, Кириллу, Іоанну“ и т. д. Доказывать, что имя Келестина римскаго никакъ не могло быть опущено, значитъ допускать, что и 2 × 2 = 4 еще нуждается въ доказательствѣ.

Но этотъ предательскій lapsus memoriae является чуть не 1001 подтвержденіемъ другой истины, показываетъ, какъ чужда была древнему христіанскому міру—и каѳолическому и еретическому—та догма, которую для бѣдныхъ римско-католиковъ провозвѣстили въ Ватиканѣ 18 іюля [67]) 1870 г. Св. Келестинъ былъ рѣшительнымъ противникомъ Несторія, и св. Кириллъ даже и въ Ефесѣ дѣйствовалъ какъ „занимающій мѣсто святѣйшаго и преподобнѣйшаго архіепископа римской церкви Келестина“ [68]). Од-

---

[65]) Mansi VII, 537A: synodum vero centum quinquaginta nescimus. ДВС, IV, 492.

[66]) Mansi III, 852B.

[67]) Конечно по грегоріанскому стилю, такъ какъ этотъ очаровательный календарь вполнѣ достоинъ того, чтобы по нему датировать документы такого сорта, какъ constitutio *Pastor aeternus*.

[68]) Mansi IV, 1124B. ДВС. I, 491.

нако его имя въ сознаніи сочинителя актовъ, несомнѣнно читавшаго подлинныя дѣянія, не только не стоитъ въ центрѣ событій, но даже совсѣмъ ускользаетъ изъ памяти. Не смотря на тѣ—иногда гиперболическіе—знаки почтенія къ primus inter pares епископу римскому, которыми богата бланковая, церемоніальная часть документовъ, присылаемыхъ въ Римъ съ греческаго и негреческаго Востока, среднесложный, образованный или по крайней мѣрѣ начитанный, восточный христіанинъ на дѣлѣ вспоминалъ не часто, что *есть* на свѣтѣ первый по титулу іерархъ, епископъ ветхаго Рима. И это — потому, что въ жизни-то вліяніе иныхъ епископовъ восточныхъ, константинопольскаго, александрійскаго, значило больше, чѣмъ римское. Папа римскій слагался въ постороннюю, излишнюю для церковныхъ дѣлъ Востока силу: чувствовалось, что они пойдутъ именно такъ, какъ рѣшатъ епископы констатинопольскій, александрійскій и антіохійскій; голосъ римскаго будетъ только plus'омъ къ восточному рѣшенію, а отъ собственной западной инициіативы можно было ожидать больше затрудненій, чѣмъ пользы. Историческіе факты показали мыслящимъ людямъ, что восточнаго христіанина не согрѣетъ римское солнце, а римскіе громы болѣе шумны, чѣмъ опасны.

И третья аудіенція Виктора не блеститъ полною вѣроятностію— не смотря на то, что въ рукахъ конта были особые документы [69]).

---

[69]) По коптскому памятнику, Іоаннъ антіохійскій еще задолго до 27—28 іюня оправдывался предъ императоромъ, что не можетъ прибыть на соборъ въ срокъ, и получилъ извѣстнаго рода льготу—«прибыть такъ или иначе». Выше, стр. 70. На первый взглядъ это невѣроятно: послѣ 26 іюня Іоаннъ «боялся подвергнуться отвѣтственности за свое промедленіе», оправданіе свое въ просрочкѣ велъ in extenso et ab ovo и нигдѣ не сослался на это «второе» посланіе императора. Mansi IV, 1325E (Ἰωάννην τῆς Ἀντιοχείας καὶ αὐτὸν δεδοικότα περὶ τῆς βραδύτητος εὐθύνας ὑποσχεῖν, ὥς ἐμάθομεν ὑποθρυλλούντων τινῶν). 1272E. ДВС I, 722. 659. Ср. выше стр. 82. Однако едвали подлежитъ сомнѣнію, что *одинъ изъ документовъ, составленныхъ Іоанномъ, не дошелъ до насъ.* Evagr. 1, 3: Іоаннъ запоздалъ οὔτε ἔχων, ὥς πολλοῖς ἀπολογούμενος δοκεῖ [Niceph. Call. ἔλεγεν pro δοκεῖ]· ἀλλ' ὅτι μὴ ἀγεῖραι τάχιστα τοὺς ἀμφ' αὐτὸν ἐδυνήθη, διισταμένων τῶν αὐτῶν πόλεων τῆς—Ἀντιόχου—ὁδὸν ἀνδρὶ εὐζώνῳ ἡμερῶν δυοκαίδεκα, τισὶ δὲ, καὶ πλέον· διεστώσης δὲ καὶ τῆς Ἐφεσιων ἐκ τῆς Ἀντιόχου ὁδὸν ἡμερῶν μάλιστα τριάκοντα· ἐνισχυριζόμενος μή ποτε ἂν φθῆναι τὴν κυρίαν, εἰ τὴν καλουμένην νέαν κυριακὴν οἱ ἀμφ' αὐτὸν ἀνὰ τοὺς οἰκείους ἐπετέλεσαν θρόνους.

Глубоко безпомощнымъ обрисовывается здѣсь Θеодосій II, и слишкомъ уже дешовые тріумфы надъ нимъ одерживаетъ вторгшійся такъ смѣло архимандритъ тавеннисіонитовъ, сбившій его съ позиціи сряду же своими сообщеніями. Въ дѣйствительности эта сцена

Этого оправданія нѣтъ въ наличныхъ acta conciliorum. *Tillemont*, XIV, 388. 389. *Hefele*, II, 182 § 134. Смыслъ его слѣдующій: разъ епископы провели (resp. проведутъ) недѣлю Θомы среди своей паствы, нѣкоторые изъ нихъ уже не могутъ прибыть въ Антіохію ранѣе 8 мая (= 26 апрѣля + 12 дней пути). А такъ какъ отъ Антіохіи до Ефеса вѣрныхъ (μάλιστα) 30 дней пути, то (8 мая + 30 = 7 іюня), даже отправившись 9 мая, Іоаннъ прибудетъ не ранѣе вечера пятьдесятницы. Слѣдовательно Іоаннъ утверждаетъ только, что константинопольскія канцеляріи придумали для собора срокъ невозможный для восточныхъ епископовъ. Голодъ здѣсь не при чемъ. Все дѣло въ разстояніяхъ городовъ. Такое возраженіе Іоаннъ могъ послать и вѣроятно послалъ еще въ январѣ—февралѣ, сряду по полученіи Ἤρτηται, и вѣроятно изъ Константинополя ему отвѣтили разрѣшеніемъ—понимать сакру не слишкомъ буквально. А что на востокѣ—голодъ, объ этомъ императоръ не могъ не знать и изъ другихъ источниковъ. Но такъ какъ Іоаннъ выбылъ изъ Антіохіи не 9, а 18 мая, то естественно было опасаться отвѣтственности за такое промедленіе, котораго разстоянія до Антіохіи достаточно не объясняли.—Въ виду того, что въ Константинополѣ уже знали заранѣе, что 7 іюня собора открыть будетъ нельзя, и Кандидіанъ прибылъ въ Ефесъ не къ сроку, а лишь 16 іюня.—Дальнѣйшій признакъ исторической почвы: императору Кандидіанъ доноситъ, что Несторія по враждѣ, through enmity, отлучили епископы или по меньшей мѣрѣ 14 изъ нихъ, the bishops — or at least fourteen of them, а 7 другихъ епископовъ взяли на себя отлучить, have taken upon themselves to excommunicate, Кирилла и Мемнона, p. 105. Возможно, что 14 епископовъ Несторій считалъ своими личными врагами; но вѣроятнѣе, что здѣсь Кандидіанъ подозрѣніе во враждѣ заявляетъ огульно противъ всѣхъ, ставшихъ на сторону Кирилла, и настаиваетъ только на томъ, что не всѣ *митрополиты*, призываемые на соборъ императоромъ, а только 14 изъ нихъ отлучили Несторія. Изъ Mansi IV, 1169—1177, 1145E, ДВС I, 544—554. 517, видно, что по вопросу, православно или нѣтъ посланіе Несторія Τὰς μὲν καθ' ἡμῶν, подавали голоса *два равные по авторитету митрополитамъ епископа* (Ювеналій іерусалимскій и Флавіанъ филиппскій) *и десять митрополитовъ* (включая Амфилохія сидскаго, въ виду Mansi V, 711C «Sidenorum metropoleos». IV, 1363E *margo* «metropolitanus», не смотря на то, что Not. dign. Or. 24,12. 2,31. 1,65. 95. 126 знаетъ только одну provincia Pamfylia sub consulari,—и не считая даже Григорія керасунтскаго, мѣстоблюстителя митрополита Елевсія неокесарійскаго). Голосованіе было прекращено общимъ ἀνάθεμα ученію Несторія. Если допустимъ, что въ наличныхъ актахъ не сохранился случайно голосъ одного изъ остальныхъ митрополитовъ (Кира афродисіадскаго или Евхарія диррахійскаго или resp. Сенекіона скодрскаго) или же Кандидіанъ сосчиталъ и голосъ Григорія керасунтскаго и конечно присоединилъ и Кирилла александрійскаго, не бывшаго судьею въ своемъ собственномъ дѣлѣ: то получится именно цифра

разыгралась бы иначе, и изумиться пришлось бы самому Виктору: онъ явился съ посланіемъ въ рукахъ отъ 21 іюня и собирается ходатайствовать „о немедленномъ открытіи собора“, а у императора находится уже докладъ отъ 23 іюня, что противъ воли Кандидіана соборъ уже открытъ... Еще невѣроятнѣе то пораженіе, которое императоръ терпитъ въ качествѣ защитника Іоанна: убѣжденный въ серьезности мотивовъ, вызвавшихъ замедленіе архіепископа антіохійскаго, даже—до извѣстной степени—разрѣшившій эту просрочку, Өеодосій вдругъ убѣждается въ виновности Іоанна и опускаетъ руки предъ такимъ азбучнымъ аргументомъ, что обязанность поставлять хлѣбъ лежитъ на городскихъ властяхъ, а не на епископѣ. То вѣрно, что характеръ императора былъ неустойчивъ, и онъ настраивался обыкновенно въ тонъ того изъ собесѣдниковъ, кто говорилъ съ нимъ послѣдній; но чтобы онъ такъ скоро мѣнялъ свои взгляды по вопросамъ столь немудренымъ, какъ настоящій, допустить это можно только тогда, когда свѣдѣніе почерпнуто изъ источника безспорной достовѣрности.

---

14. Стоя на точкѣ зрѣнія «восточныхъ», Кандидіанъ по всей вѣроятности только на митрополитовъ и обращалъ вниманіе. Такъ, по моему мнѣнію, рѣшается недоумѣніе англійскаго автора, p. 106, что цифра низложившихъ Несторія такъ мала, что ее нельзя объяснить преднамѣреннымъ обманомъ; что вѣроятно здѣсь ошибся переписчикъ: the Emperor speaks as if a decision of the Council had been reported to him, but with numbers so small as to be almost ludicrous... As for the numbers, the discrepancy is too great to be explained entirely by deliberate fraud, and must have arisen through errors in transcription.—А цифра 7 показываетъ только, что въ рядахъ митрополитовъ, примкнувшихъ къ Несторію, 22—23 іюня произошелъ уже расколъ, и это въ высокой степени вѣроятно. Theophan. a. 5925, p. 90 *de Boor*, разсказываетъ будто Несторій (22 іюня) являлся на соборъ (что, разумѣется, невѣрно), но сдѣлавъ заявленіе, ἐξῆλθε μετὰ ἓξ ἐπισκόπων τῶν γνώμῃ ἀκολουθησάντων αὐτῷ. «Шесть епископовъ» + Несторій = 7. Въ этомъ странномъ извѣстіи не перетолкована ли протестація Кандидіана? Cf. Mansi, IV, 1261A: καὶ πολλοὶ [= 6?] τῶν ἁγιωτάτων ἐπισκόπων τῶν σὺν ἐμοὶ πρὸς αὐτοὺς [въ церковь Богородицы Маріи] εἰσελθόντων. 1261C: ἐπισκόπους τοὺς παρὰ τοῦ ἁγιωτάτου ἐπισκόπου Νεστορίου ἀποσταλέντας. ДВС I, 645. Значитъ ли это, что даже въ IX в. было еще цѣло то донесеніе Кандидіана, о которомъ рѣчь въ коптскомъ памятникѣ? Или же Өеофанъ уже въ искаженномъ видѣ заимствовалъ свой разсказъ может быть у діакриномена Іоанна (Phot. cod. 41)?

VIII.

Вопросъ объ архимандритѣ Викторѣ своеобразно освѣщаютъ слѣдующія параллели [70]):

---

[70]) Слѣд. мѣсто, въ древнемъ латинскомъ переводѣ не сохранившееся, темное и для Тилльмова, XIV, 418. 421. 422. 771, cf. *Hefele*, II, 213 § 143. разъясняетъ дѣло. ДВС I, 859—862. Mansi, IV, 1428 — 1429: φρουροῦντες τὰ πλοῖα, καὶ τὰς ὁδοὺς καὶ μὴ συγχωροῦντες μήτε ἐλθεῖν ἐν Κωνσταντινουπόλει τινὰ ἀπὸ τῆς ἁγίας συνόδου μήτε ἀπελθεῖν ἐκεῖ (совершенно такъ же описываетъ положеніе дѣлъ самому императору авва Далматій: ἐκρατήθησαν καὶ ἐκωλύθησαν τοῦ ἐλθεῖν [посланные отъ собора]· ἐκ τοῦ μέρους ἐκείνου [отъ Несторія съ Кандидіаномъ] καὶ ἔρχονται πολλοὶ καὶ ἀπέρχονται ἀκωλύτως· τὰ δὲ παρὰ τῆς ἁγίας συνόδου πραττόμενα οὐδεὶς συγχωρεῖ ἀνενεχθῆναι ἐπὶ τὴν ὑμετέραν εὐλάβειαν [слѣдовательно въ этотъ моментъ текстъ перваго дѣянія собора императору еще не доставленъ; такъ по крайней мѣрѣ думаетъ Далматій]). И вотъ въ это-то время ἐξ οἰκονομίας Θεοῦ ἔρχεται [самый первый сдѣлавшійся извѣстнымъ народу документъ о низложеніи Несторія, именно] ἐπιστολὴ ἀπὸ Ἐφέσου γραφεῖσα, πρὸς τοὺς ἁγίους ἐπισκόπους καὶ μοναστὰς [cf. Mansi IV, 1228E: Κύριλλος ἀρχιεπίσκοπος Ἀλεξανδρείας Κομαρίῳ καὶ Ποτάμωνι ἐπισκόποις καὶ τῷ ἀρχιμανδρίτῃ τῶν μοναστηρίων τῷ κυρίῳ Δαλματίῳ καὶ Τιμοθέῳ καὶ Εὐλογίῳ πρεσβυτέροις, ἀγαπητοῖς καὶ ποθεινοτάτοις καὶ ἐν Χριστῷ ἡγιασμένοις πλεῖστα χαίρειν. ΠΡΟΣΕΔΟΚΩΜΕΝ ἐλθόντα... 1232D: ἂν τοίνυν βραδύνῃ ἡ τῶν ὑπομνημάτων (актовъ перваго засѣданія, уже переписываемыхъ, но еще не переписанныхъ) καὶ τῆς ἀναφορᾶς ἄφιξις, γινώσκετε, ὅτι οὐ συγχωρούμεθα πέμψαι. ἔρρωσθε], πεμφθεῖσα δι' ἐπαίτου τινὸς [уже Бароніо догадывался, что это былъ нѣкто только переодѣвшійся нищимъ], δήσαντος αὐτὴν καλάμου ἔσωθεν· καὶ οὕτως ἐπαιτῶν καὶ ἐπιφερόμενος τὸν κάλαμον, ταύτην ἤνεγκε. καὶ ἀναστάντα πάντα τὰ μοναστήρια съ Далматіемъ двинулись ко дворцу. По окончаніи аудіенціи всѣ, монахи и міряне, ἔρχονται εἰς τὸ μαρτύριον τοῦ ἁγίου Μωκίου, καὶ ἀναγινώσκεται αὐτοῖς ἡ ἐπιστολή. In ms. Seguieriano subjicitur epistola Προσεδοκῶμεν (въ точности этого извѣстія напрасно сомнѣвается Тилльмонъ, подчеркивающій *множественное* μοναστὰς, тогда какъ въ адресѣ Προσεδοκῶμεν названъ изъ константинопольскаго монашества *только одинъ* Далматій; Гефеле въ категоричной формѣ jetzt verloren повторяетъ осторожное предположеніе Тилльмона: «лучше допустить, что эта ἡ ἐπιστολὴ было какое нибудь несохранившееся до насъ посланіе») Затѣмъ ἀνῆλθεν ἐφ' ὑψηλοῦ ὁ ἅγιος Δαλμάτιος καὶ εἶπεν· «... τὴν ἐπιστολὴν τὴν νῦν ἀναγνωσθεῖσαν τῇ ὑμετέρᾳ εὐσεβείᾳ ὁ εὐσεβέστατος βασιλεὺς ἀνέγνω καὶ ἐπείσθη· ἐπειδὴ ἤμην ἐγὼ εἰρηκὼς τῷ βασιλεῖ [не теперь, а еще прежде] ὅτε ἦλθεν πρός με [до 29 іюня, по основательному предположенію Тилльмона, до отправленія сакры Τοῦ μεγαλοπρεπεστάτου], ὅτι ὤφειλε γράψαι τῇ ἁγίᾳ συνόδῳ, ἃ ἐλέχθη αὐτῷ καὶ οὐκ ἐγράφη· ἔπεμψε δὲ πρός με, καὶ ἀνεγνώσθη· καὶ ἵνα μὴ λυπήσω αὐτὸν, τὰ ἀκόλουθα προέπεμψεν [*margo*, повидимому не conjectura Harduini, а чтеніе ms. Seg.: προέπεμψα], ἃ οἱ ἀποφέροντες οὐκ ἔδειξαν, ἀλλὰ ἀντὶ αὐτῶν ἄλλα ὑπέδειξαν γράμματα. τὰ πρέποντα οὖν καὶ τὰ ἀκόλουθα ἐλάλησα αὐτῷ [сегодня]—τοῦτο οὖν ἐγένετο, ἵνα πεμφθῇ καὶ ἔλθωσιν οἱ (ἁγιώτατοι ἐπίσκοποι ο νῦν παρὰ τῆς ἁγίας συνόδου) ἐρχόμενοι, οἵ καὶ τὰ πεπραγμένα ποιοῦντες φανερὰ

α) Къ аввѣ Далматію императоръ—видимо ок. 27 іюня—самъ приходилъ за совѣтомъ и потомъ посылалъ къ нему на разсмотрѣніе проектъ сакры Τοῦ μεγαλοπρεπεστάτου, отправленной затѣмъ съ Палладіемъ. Но не все сказанное аввою было принято императоромъ въ соображеніе при составленіи сакры, а замѣчанія Далматія на проектъ ея повидимому не были переданы государю, такъ какъ чиновники подмѣнили ихъ какою-то другою запиской. Лишь іюля 15—20 своимъ появленіемъ во дворцѣ авва Далматій достигъ того, что императоръ послалъ въ Ефесъ разрѣшеніе—явиться въ Константинополь нѣсколькимъ епископамъ отъ св. собора.

Авва Викторъ еще 22 мая вмѣстѣ съ императоромъ во дворцѣ обсуждаетъ проектъ Πάντων μὲν и дѣлаетъ вѣскія замѣчанія противъ него, на основаніи которыхъ сакра и была вновь редактирована. Около 27 іюня Викторъ рѣшительно отсовѣтовалъ императору посылать въ Ефесъ какой бы то ни было указъ и рекомендовалъ напередъ прочитать подлинные акты перваго засѣданія собора, т. е. въ сущности совѣтовалъ именно то, что̀ и Далматій 15 — 20 іюля. И если сакра Τοῦ μεγαλοπρεπεστάτου была составлена и послана, то это случилось только потому, что государь не послушался наставленій архимандрита тавеннисіотовъ.

β) Авва Далматій 15—20 іюля довелъ до свѣдѣнія императора посланіе св. Кирилла Προσεδοχῶμεν, отъ 24 — 25 іюня, доставленное секретно въ Константинополь. И лишь изъ этого посланія впервые Θеодосій узналъ въ истинномъ свѣтѣ исторію низложенія Несторія.

Еще около 27 іюня авва Викторъ доложилъ императору другое посланіе св. Кирилла отъ 21 іюня и такимъ образомъ познакомилъ государя съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ въ Ефесѣ.—Что касается аввы Далматія, то, явившись къ императору,

---

καταστῆναι. Темное мѣсто допускаетъ—кромѣ принятаго въ текстѣ—еще такое пониманіе: проектъ былъ прочитанъ аввѣ, и онъ остался имъ доволенъ. Императоръ «—нужно признать это съ благодарностію—» именно эту, надлежащую сакру и повелѣлъ отправить, но подлежащее вѣдомство препроводило не ее, а вмѣсто нея послало въ Ефесъ другую сакру, именно Τοῦ μεγαλοπρεπεστάτου.

онъ видимо не представилъ ему никакого посланія изъ Ефеса и слѣдовательно ничего не разъяснилъ, и его аудіенція кончилась тѣмъ, что „императоръ приказалъ прочитать ему то посланіе, которое онъ (императоръ) отправилъ собору“, т. е. видимо Τοῦ μεγαλοπρεπεστάτου. Но нѣсколько дней спустя Викторъ имѣлъ смѣлость доставить государю полученные какими-то таинственными путями акты перваго засѣданія собора, и это произвело дѣйствительно переломъ въ ходѣ событій.

Такимъ образомъ оказывается по коптскому памятнику, что все, сдѣланное аввою Далматіемъ, было сдѣлано или ранѣе или полнѣе аввою Викторомъ, такъ что вселенскій соборъ въ сущности архимандриту ѳиваидскому обязанъ всѣмъ, а архимандриту константинопольскому—ничѣмъ. Викторъ есть счастливый двойникъ Далматія. Но, къ несчастію для коптской эпопеи, въ ней сохранилось полностію посланіе Προσεδοκῶμεν, которое уцѣлѣло и въ греческомъ подлинникѣ [71]). Въ коптскомъ оно адресовано епископамъ Комарію и Потамону и архимандриту Виктору [72]), а въ подлинникѣ „Комарію и Потамону епископу и архимандриту монастырей господину Далматію и [видимо постояннымъ апокрисіаріямъ Кирилла] Тимоѳею и Евлогію пресвитерамъ“. Конечно св. Кириллъ не могъ забыть о самомъ вліятельномъ изъ своихъ представителей, аввѣ Викторѣ. Молчаніе о немъ, слѣдовательно, прямо равносильно отрицанію его присутствія въ Константинополѣ. И если бы Викторъ былъ не полумиѳъ, подставленный на мѣсто Далматія, съ котораго коптъ его и копируетъ (лишь въ бо́льшемъ масштабѣ), а хотя въ половину того вліятельнымъ при дворѣ дѣйствительнымъ лицомъ, съ нимъ

---

[71]) Греческій текстъ адреса въ пр. 70.

[72]) Коптскій адресъ собственно приходится лишь угадывать, но угадать его можно безошибочно. Документъ Д (выше, стр. 66) адресованъ «епископамъ Комарію и Потамону и архимандриту Виктору», документъ Ж (стр. 68), the memorial,—«епископамъ и архимандриту—представителямъ Кирилла при дворѣ», а Προσεδοκῶμεν—to his representatives, «его представителямъ» и въ коптской (resp. англійской, pag. 109) передачѣ кончается фразою: если чрезъ нѣсколько дней дѣяніе собора не будетъ получено въ Константинополѣ, то епископы и Викторъ, the bishops and Victor, могутъ быть увѣрены, что оно перехвачено на дорогѣ.

непремѣнно столкнулся бы комитъ Иринеи, прибывшій въ Константинополь какъ *γραμμάτων διάκονος* „восточныхъ“ [73]). Между тѣмъ ему пришлось—и блистательно, по его словамъ—выдержать предъ императоромъ очную ставку съ „египтянами“—епископами Өеопемптомъ кавасскимъ и Даніиломъ дарнійскимъ. Но прибывшій вслѣдъ затѣмъ „врачъ и синкеллъ Кирилла Іоаннъ“ разомъ перечеркнулъ всѣ успѣхи Иринея, и придворныя сферы круто повернули фронтъ. А объ архимандритѣ тавеннисіотовъ Викторѣ—ни слова.

IX.

Легенда о Викторѣ сложилась подъ вліяніемъ одной иллюзіи и одной галлюцинаціи.

I. Еще въ 430 г. св. Кириллъ [74]) предостерегалъ Несторія, чтобы онъ не слишкомъ полагался на розсказни явившихся къ нему съ жалобами египтянъ: одинъ изъ нихъ обижалъ слѣпыхъ и бѣдныхъ, другой на свою мать мечь занесъ, а третій — воръ и всегда имѣлъ такую репутацію, какой никто не пожелаетъ и своимъ злѣйшимъ врагамъ. Одновременно съ тѣмъ, въ посланіи къ своимъ апокрисіаріямъ, онъ называетъ этихъ жалобщиковъ по именамъ: нисколько не удивительно, что о немъ говорятъ дурно подонки Александріи: Херимонъ, Викторъ, Софрона и рабъ булочника Флавіана. Уже Гарнье замѣтилъ ту странность, что названы по именамъ четверо, а охарактеризованы только трое, и отлично разъяснилъ ее. Въ этой компаніи четвертый, Викторъ, оказался замѣшанъ по ошибкѣ. Когда Кириллъ прибылъ уже въ

---

[73]) Mansi IV, 1392AD (ἤλθομεν γὰρ εἰς τὴν βασιλεύουσαν πόλιν, τρεῖς με τῶν αἰγυπτίων προλαβόντων ἡμέρας... ἔδοξεν, ἐμοῦ τε, καὶ τῶν αἰγυπτίων, ἑαυτοῖς τε καὶ τῇ ὑποθέσει συνισταμένων αὐτῇ, τὸν εὐσεβέστατον ἀκροάσασθαι βασιλέα, παρόντων αὐτῷ καὶ τῶν μεγάλων ἀρχόντων). 1393B (ἐλθόντος δὲ Ἰωάννου τοῦ ἰατροῦ καὶ συγκέλλου Κυρίλλου, καὶ ἐλθόντος ὡς ἴστε, ἑτέρους ὥσπερ γεγενημένους ὁρῶμεν τῶν ἀρχόντων τοὺς πλείους). На основаніи этого мѣста и 1448B (ДВС I, 801. 881) Тилльмонъ, XIV, 424, вслѣдъ за Вольфомъ, полагаетъ, что именно Өеопемптъ и Даніилъ и были οἱ νῦν ἐρχόμενοι, о которыхъ говорилъ авва Далматій.

[74]) См. прим. 43.

Ефесъ [75]), явился туда—видимо изъ Константинополя—„возлюбленный монахъ Викторъ". Но почти всѣ знавшіе его начали съ омерзѣніемъ сторониться отъ него какъ отъ человѣка негоднаго. Иные обзывали его отцеубійцею, братоубійцею и т. п. прозвищами. Изумленный, Викторъ попросилъ конечно объясненій. Тогда ему поставили въ укоръ, что онъ наклеветалъ на св. Кирилла предъ Несторіемъ. Оскорбленный старецъ въ присутствіи многихъ епископовъ поднялъ руки къ небу и, противъ своего обыкновенія, поклялся св. крещеніемъ и пречистыми Христовыми тайнами, что невиновенъ ни въ чемъ подобномъ. Самъ св. Кириллъ увѣрился, что Викторъ былъ жертвою клеветы и вмѣстѣ съ нимъ постарался убѣдить въ томъ и всѣхъ другихъ.—Коптъ, видимо читавшій „апологетикъ" [76]), по всей вѣроятности не зналъ посланія Ἀνέγνων и потому не могъ понять, что старецъ Викторъ былъ монахъ *александрійскій*, и—отождествилъ его съ самымъ знаменитымъ изъ современныхъ ефесскому вселенскому собору Викторовъ—съ аввою Викторомъ архимандритомъ тавеннисіотовъ, въ существованіи котораго нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться. Слѣдовательно случилось одно изъ тѣхъ qui-pro-quo, отъ которыхъ не изъяты ученые—копты и не-копты. Вѣроятно для того, чтобы объяснить появленіе „архимандрита" Виктора въ Ефесѣ во время

---

[75]) Можетъ быть только для того, чтобы получить благословеніе отъ своего «папы». По всей вѣроятности Викторъ прибылъ въ половинѣ іюня: 17 іюня Кандидіанъ началъ уже устранять изъ Ефеса «безполезные элементы» (см. выше, стр. 68. 86) и вѣроятно тогда же приказалъ задерживать ихъ и на дорогѣ въ Ефесъ.

[76]) ДВС II, 296. 297. Mansi V, 253DE (въ Κυρίλλου λόγος ἀπολογητικὸς πρὸς Θεοδόσιον, ср. стр. 81): πεπείραται σὺν ἐμοὶ τῶν ἐκ γλώττης ἀχαλίνου βελῶν καὶ ὁ ἀγαπητὸς μοναστὴς Βίκτωρ. ἐπεφήμησαν γάρ τινες αὐτῷ τῶν τάχα που ψευδηγορεῖν εἰωθότων, ὅτι καὶ αὐτὸς τῶν ἐκτόπων τινὰ πεφλυάρηκε κατ' ἐμοῦ· ὥστε καὶ ἀφιγμένον εἰς τὴν Ἐφεσίων πρός με, κατῃτιῶντο σφόδρα τῶν ἀπὸ τῆς ἁγίας συνόδου τινές· μᾶλλον δὲ καὶ ἀπεστράφησαν ἅπαντες, ὡς ἕνα τῶν ἀνοσίων μεμισηκότες. διατετελέκασι καὶ πατραλοίαν ὀνομάζοντες καὶ ἀδελφοκτόνον καὶ ὅσα τούτοις ἐστὶ παραπλήσια· καὶ τοῦτο γνοὺς ὁ πρεσβύτης, πλείστων ὅσων αὐτὸν περιεστηκότων ἁγίων ἐπισκόπων, ἀνατείνας τὰς χεῖρας εἰς τὸν οὐρανὸν, ὀμώμοκεν ἀσυνήθως, κατά τε τοῦ ἁγίου βαπτίσματος καὶ τῶν σεπτῶν τοῦ Χριστοῦ μυστηρίων, μηδὲν ἑαυτῷ συνειδέναι τοιοῦτον· οὕτω τε μόλις, ἐγὼ καὶ αὐτὸς, ἰσχύσαμεν τὰς τῶν λυπουμένων θεραπεῦσαι ψυχάς.

собора, авторъ и заставляетъ сказать этого авву императору: „я самъ пойду въ Ефесъ и принесу оттуда достовѣрныя извѣстія“. И мнѣ представляется возможнымъ, что Викторъ (не „архимандритъ“, а старецъ александрійскій) пронесъ—подъ видомъ нищаго—въ своей высверленной камышевой палкѣ посланіе св. Кирилла Προσεδοχῶμεν и къ числу 15-му іюля [77]) доставилъ его въ Константинополь.

II. Своихъ мѣстныхъ великихъ подвижниковъ копты величаютъ самыми высокими именами. Напр. авву Шенути обыкновенно называютъ „пророкомъ“. Для простодушныхъ жителей Шмина-Панополя было вполнѣ естественно думать, что взоры всего христіанскаго міра обращены къ Шмину, къ горѣ Атрипе, на которой подвизался „архимандритъ-пророкъ“. И вдругъ оказывается, что во дни его св. папа Кириллъ ѣздилъ на вселенскій соборъ въ Ефесъ и восторжествовалъ надъ нечестивымъ Несторіемъ: мыслимо ли, чтобы этотъ подвигъ былъ совершонъ безъ участія великаго атрипескаго архимандрита? И вотъ, на помощь безмолвствующей исторіи, выступаетъ легенда [78]), которая съ Кирилломъ александрійскимъ отправляетъ на соборъ и Шенути и заставляетъ его—въ мѣру коптскаго

---

[77]) Посланіе Προσεδοχῶμεν написано не ранѣе 23 [извѣстно уже, что Кандидіанъ свой докладъ отправилъ] и не позже 25 іюня [не упомянуто о прибытіи Іоанна 26 іюня]. «Нищій», пробиравшійся съ «палочкою» и—по крайней мѣрѣ для отвода глазъ—«просившій милостыню», не могъ идти слишкомъ быстро и конечно 18 дней пути отъ Ефеса до Константинополя (стр. 78—79) затратилъ полностію; слѣд. (25 + 18 = 43 — 30) посланіе въ Константинополѣ было получено вѣроятно *послѣ* 13 іюля.

[78]) *Amélineau*, Monuments, pp. 68. 428. 325. Ср. библіографическую замѣтку *АПЛебедева* объ этомъ изданіи въ янв. книжкѣ *Богословскаго Вѣстника* за 1892 г. Для характеристики сказанія достаточно замѣтить, что Несторій сбросилъ съ каѳедры евангеліе и сѣлъ на нее, а Шенути поднялъ евангеліе, затѣмъ наотмашь ударилъ Несторія въ грудь и обличилъ его. Ересіархъ посреди собора впалъ въ бѣснованіе. «И тотчасъ всталъ святый Кириллъ, взялъ голову отца нашего апа Шенути, поцѣловалъ ее, потомъ снялъ орарь съ шеи своей (μ-πι-ουλαριον טילסאנה ετ-hεν πε-f-μουτ) и возложилъ его на шею (εжεν ϑ-ναъβι) апа Шенути, и жезлъ свой (πε-f-шβωτ עכאזה) далъ въ руку его, и поставилъ его во архимандрита. И возгласили всѣ отцы собора: αξιος αξιος αξιος αρχιμανδριτης». (До этого мгновенія Шенути архимандритомъ еще не былъ). Таковъ вѣроятно древній египетскій чинъ поставленія во архимандрита. Коп. «шβωτ» = евр. שבט есть жезлъ, какъ это видно и изъ

разумѣнія—подвизаться противъ Несторія и за это украшаетъ саномъ архимандрита.

Но, чѣмъ былъ Шенути для Панополя, тѣмъ для Діосполя малаго, для Тентиръ, и—главное—для всего тавеннисійскаго братства былъ современный Шенути архимандритъ апа Викторъ. И

арабскаго перевода «ъukkâz[un]», а не «кольцо, anneau» (копт. шчоор), какъ показалось Амелино, и ουλαριον — никоимъ образомъ не manteau въ смыслѣ d'un vêtement ample (хотя такъ и можно истолковать арабское «tajlasân[un]»), а «орарь», ὠράριον. Какъ ни неожиданна эта подробность въ такомъ позднемъ апокрифѣ, какъ «*Немногія изъ силъ и чудесъ—Шенути*», но псевдо-Виса несомнѣнно переноситъ насъ въ ту архаическую стадію церковнаго обряда, когда епископскій омофоръ еще не былъ общепринятъ (*Krieg*, Kleidung & Pallium въ *FXKraus* Real-Encyklopädie d. chr. Alterthümer, II, 198. 574. 578; *ЕЕГолубинскій*, Исторія русской Церкви, I,₂,225) и ***орарь*** (такъ по can. 28, cf. 40, concilii Toletani IV, 633 года) составлялъ отличительное облаченіе всѣхъ степеней іерархіи. Это особенно полно видно изъ маронитскаго чина хиротоній (*Assemani*, Bibliotheca orienialis Clementino-Vaticana III,₂,797). Не смотря на правила 22. 23 лаодикійскаго собора, имѣвшія только ***мѣстное*** значеніе, этотъ архаистичный сирійскій чинъ знаетъ даже «орарь אורדא анагностства»: при хиротесіи во чтеца на ***правое*** плечо поставляемаго епископъ возлагаетъ орарь въ видѣ не очень широкой ленты, концы которой свѣшиваются спереди и сзади. Производя чтеца во иподіакона, епископъ опоясываетъ ему ораремъ шею, т. е. беретъ передній конецъ «ораря анагностства», заноситъ его чрезъ лѣвое плечо вокругъ шеи поставляемаго и опускаетъ опять спереди его, такъ что «орарь иподіаконства» образуетъ узкое кольцо вокругъ шеи и, скрещиваясь на правомъ плечѣ, спускается съ него обоими концами, какъ и у чтеца, спереди и сзади. Стòитъ лишь разнять это скрещеніе на правомъ плечѣ, и получится (при хиротоніи) «орарь діаконства», висящій на ***лѣвомъ*** плечѣ. При хиротоніи во пресвитера задній конецъ ораря заносится чрезъ ***правое*** плечо напередъ. Этотъ древнѣйшій «орарь пресвитерства» латинская церковь—какъ извѣстно, не знающая его въ повседневной, такъ сказать, формѣ ***епитрахили*** — удерживаетъ и до нынѣ подъ именемъ stola.—Легко понять и епископскую форму ораря: при хиротоніи во епископа передній правый конецъ «ораря пресвитерства» совершаетъ дальнѣйшее движеніе—заносится чрезъ ***лѣвое*** плечо назадъ и образуетъ не узкое (тѣсно облегающее *шею*, какъ у иподіакона) кольцо, а широкое, свободно висящее на ***плечахъ***. Такой «орарь епископства», возложенный поверхъ фелони, ясно отличаетъ святителя отъ пресвитера и діакона и есть древнѣйшій ὠμοφόριον. Въ миньятюрѣ «Σύνοδος δευτέρα» въ cod. Paris. graec. 510 твореній Григорія Богослова отцы собора вѣроятно изображены съ «орарями епископства» поверхъ фелоней, а не съ омофорами въ нынѣшнемъ смыслѣ; такъ какъ подъ фелонями у нихъ (и у Македонія) епитрахилей повидимому нѣтъ. *FPiper*, Evangelischer Kalender (IX) 1858, Berlin, S. 17. — Первоначально вѣроятно посольство Виктора и путешествіе Шенути представляли двѣ независимыя, не соприкающіяся между собою легенды. Такъ напр. разсматриваемые акты не

онъ *долженъ былъ* принимать видное участіе въ борьбѣ съ Несторіемъ. Такъ зародилось зерно легенды. Рѣчь о „возлюбленномъ монахѣ Викторѣ", казалось, подтверждала, что „архимандритъ" Викторъ, прибывшій въ Ефесъ *ко* св. Кириллу, а не *со* св. Кирилломъ, слѣд. не изъ Египта, извѣстный и самому императору (въ „апологетикѣ" это несомнѣнно предполагается), могъ быть только константинопольскимъ уполномоченнымъ архіепископа александрійскаго, и мѣсто ему—подлѣ епископовъ Комарія и Потамона, столь странно—для египтянъ—занятое аввою Далматіемъ, архимандритомъ константинопольскимъ.

Ознакомившій читателей съ содержаніемъ коптской рукописи англійскій ученый во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полной признательности: не его вина, что это ἀνέκδοτον содержитъ не исторію, а легенду; по крайней мѣрѣ однимъ розовымъ упованіемъ на скрытыя въ рукописяхъ сокровища стало меньше. Такова истина, *καὶ ἡ ἀλήθεια μεγάλη καὶ ἰσχυροτέρα παρὰ πάντα.*

Если по вопросу о посольствѣ архимандрита тавеннисіотовъ Виктора изслѣдованіе даетъ отрицательный результатъ—*это посольство есть миѳъ, сочиненный вѣроятно тавеннисіотами*:—то по вопросу историко-литературному получается тотъ положительный выводъ, что доступныя намъ acta concilii Ephesini graecolatina несомнѣнно неполны: у коптовъ, а чрезъ ихъ посредство и у абиссинъ [79]) были подъ руками памятники, которые издатель Con-

---

упоминаютъ о Шенути. Въ позднѣйшихъ памятникахъ (у Амелино) обѣ легенды уже объединяются.

[79]) Въ довольно распространенномъ у абиссинъ сочиненіи Qerylos, т. е. Κύριλλος, между прочимъ читаются пять не сохранившихся въ греко-латинскихъ дѣяніяхъ памятниковъ:

1) dyrsân za— darasa sâwiros pâpâs za-hagara sinodon za-
«слово, которое произнесъ Севиръ, митрополитъ города Синадъ во
frygjâ ba-beta krystijân za-smâ mârjâ ba-'efeson ba-sanbata krystijân
Фригіи въ церкви именуемой Марія во Ефесѣ въ субботу христіанъ

ciliorum amplissima collectio (если не XX, то можетъ быть XXI столѣтіе дождется такой замѣны фоліантовъ Mansi) приметъ на страницы своего собранія. И въ коптскомъ памятникѣ подлинны или почти подлинны „докладная записка“ отъ 21 іюня (Ж) и тѣ сцены, которыми было вызвано чтеніе дѣяній собора въ Константинополѣ. На подлинныхъ документахъ основано неподлинное въ цѣломъ посланіе въ Комарію, Потамону и Виктору (Д). Апокрифическая третья аудіенція Виктора (З) повидимому показываетъ, что автору были доступны два подлинные документа: посланіе архіепископа Іоанна антіохійскаго (къ императору?), полнѣе извѣстное изъ Евагрія, и донесеніе Кандидіана императору (отъ 23 іюня). Но въ „точномъ memorandum“ (Б) только имя Лавса заимствовано изъ источника, вѣроятно до насъ не дошедшаго.

В. Болотовъ.

ʾama ι-wa-α la-Šarqa *h*amle ba-çyrъy. ja*h*amym Šygâja.

въ 11 день мѣсяца ἐπιφὶ *по-гречески*: «*Немощствуетъ тѣло мое*». «По-гречески» вѣроятно относится къ пропущенной датѣ «въ пятый день іюля». Въ 431 г. этотъ день дѣйствительно приходился на «христіанскую субботу», т. е. на воскресенье. 2) Слово Ювеналія іерусалимскаго въ тотъ же день. 3) Слово Евсевія, митрополита Иракліи въ Понтѣ, въ тотъ же день (епископъ, не митрополитъ, ираклійскій Евсевій былъ только вторымъ мѣстоблюстителемъ Олимпія, митрополита клавдіопольскаго въ Оноріадѣ въ Понтѣ. Mansi V, 612C. 613B. 711D. 712A. IV, 1148E. ДВС I, 519. 766. Возможно, что Евсевій *лично* пользовался такимъ уваженіемъ, что ему, *четвертому* не-митрополиту, прислано было Ἤρτηται, и слѣд. «39. Εὐσεβίῳ», о которомъ рѣчь въ пр. 56, относится именно къ нему). 4) Слово Θеодота, митрополита Анкиры галатійской, въ тотъ же день. 5) Слово Фирма, митрополита кесарійскаго, въ тотъ же день. Всѣ эти слова, изданныя въ Chrestomathia aethiopica ed. ab *A. Dillmann* (Lipsiae 1866), 99—107, по моему мнѣнію, несомнѣнно подлинны.

Первый русскій попечитель виленскаго учебнаго округа.

(1824—1832).

Если отъ западно-русской школы современной перенестись мыслью къ той же школѣ въ первые годы настоящаго столѣтія, то при самомъ пессимистическомъ взглядѣ на окружающую дѣйствительность нельзя не вынести изъ сравненія одной изъ нихъ съ другой нѣкотораго успокоенія и надежды на полную, хотя еще и отдаленную, побѣду русской культуры въ сѣверо-западномъ краѣ. Совокупными усиліями нѣсколькихъ русскихъ поколѣній старая польская школа, съ такимъ блескомъ тогда возсозданная кн. Чарторыйскимъ, давно уже разрушена, и на ея развалинахъ заложено и частью уже построено зданіе новой русской школы. Это зданіе, правда, далеко еще не окончено и въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ уступаетъ пышной постройкѣ кн. Чарторыйскаго. Довольно указать на то, что во всемъ сѣверо-западномъ краѣ, у цѣлаго племени бѣлорусскаго до сихъ поръ не имѣется ни одного высшаго учебнаго заведенія, а основаніе русскаго университета, въ объемѣ и размѣрахъ польскаго виленскаго университета александровской эпохи, не предносится нашему сознанію даже въ далекой мечтѣ. Русское научное движеніе въ краѣ, вслѣдствіе этого, крайне незначительно, и сама Вильна, въ началѣ истекающаго столѣтія бывшая центромъ оживленнаго умственнаго движенія, подаетъ теперь лишь слабые признаки высшей интеллектуальной жизни. Но, въ данномъ случаѣ, важно уже то одно, что зданіе новой западно-русской школы возводится на прочномъ народномъ фундаментѣ, что

образованіе народа, просвѣщеніе крестьянскаго населенія признается уже (въ принципѣ по крайней мѣрѣ, если не на дѣлѣ) одною изъ главнѣйшихъ задачъ русскаго государственнаго строительства въ западной Россіи.

Западнорусской школѣ, до полной метаморфозы своей въ теперешнюю школу общерусскую, суждено было испытать предварительно цѣлый рядъ постепенныхъ превращеній. Начало этому длинному ряду перемѣнъ въ ея судьбѣ положено было назначеніемъ (2 окт. 1824 г.) на должность попечителя виленскаго учебнаго округа сенатора, тайнаго совѣтника Николая Николаевича Новосильцева.

Новый попечитель былъ очень крупною личностью въ свое время и имѣлъ уже за собой довольно громкое прошлое. Н. Н. Новосильцевъ, сынъ побочной сестры гр. А. С. Строганова, президента академіи художествъ, служилъ при имп. Екатеринѣ II въ военной службѣ; но послѣ смерти ея, по совѣту очень расположеннаго къ нему в. кн. Александра Павловича, вышелъ въ отставку и четыре года прожилъ въ Англіи, совершенно обворожившей его своимъ устройствомъ, порядками и обычаями. Со вступленіемъ на престолъ имп. Александра I, для Новосильцева открылось самое широкое поле дѣятельности. Вмѣстѣ съ гр. Строгановымъ и кн. Чарторыйскимъ Новосильцевъ составлялъ тотъ „тріумвиратъ“, который, хотя и не имѣлъ оффиціальнаго значенія, рѣшалъ всѣ важнѣйшія дѣла въ первые годы царствованія Александра Павловича. У Новосильцева, жившаго въ самомъ Зимнемъ дворцѣ и четыре раза въ недѣлю являвшагося съ докладомъ къ государю, постепенно стеклись въ портфелѣ самыя разнообразныя дѣла — по земледѣлію, торговлѣ, промышленности, искусствамъ и художествамъ, докладъ дѣлъ по сенату и синоду, дѣла комитета министровъ, дѣла по главному правленію училищъ, составленному изъ попечителей учебныхъ округовъ (24 янв. 1803 г. онъ назначенъ попечителемъ с.-петербургскаго округа), дѣла по академіи наукъ, президентомъ которой онъ назначенъ 14 февр. 1803 г., безчисленныя дѣла, поручаемыя ему по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ и пр. Враги Новосильцева въ насмѣшку называли его

le grand homme, le grand ministre, l'homme universel, le génie à toute sauce, удивлялись, какъ до сихъ поръ не поставили еще его во главѣ арміи. Впослѣдствіи, когда тріумвиратъ потерялъ значеніе, имп. Александръ нѣсколько охладѣлъ и къ Новосильцеву, но попрежнему продолжалъ поручать ему разныя дѣла государственныя и дипломатическія, въ особенности по герцогству варшавскому, впослѣдствіи царству Польскому [1]).

Новосильцевъ былъ вообще очень друженъ съ кн. Чарторыйскимъ, и эта дружба между ними продолжалась еще во дни вѣнскаго конгресса. Въ письмахъ, писанныхъ около этого времени къ Новосильцеву, кн. Чарторыйскій называетъ его „милымъ другомъ" и откровенно дѣлится съ нимъ новостями по польскому вопросу. Въ письмѣ, напр., отъ $^{3}/_{14}$ марта 1814 года (изъ Шомона во Франціи) онъ, между прочимъ, пишетъ: „Я нашелъ, что Его Императорское Величество остается при прежнихъ воззрѣніяхъ относительно насъ, мнѣ кажется даже, что эти воззрѣнія стали теперь даже положительнѣе... Я не упустилъ случая говорить о васъ Императору. Его намѣреніе, кажется, удержать васъ въ Варшавѣ, какъ можно дольше, *что намъ было бы очень пріятно*" [2]).

Желаніе кн. Чарторыйскаго о томъ, чтобы Новосильцевъ остался въ Варшавѣ, исполнилось; но пребываніе его здѣсь совсѣмъ не имѣло для польскаго дѣла тѣхъ пріятныхъ послѣдствій, на которыя разсчитывалъ Чарторыйскій. Когда варшавское герцогство присоединено было къ Россійской имперіи (1815 г.) и сформированъ былъ совѣтъ управленія царства Польскаго, подъ предсѣдательствомъ намѣстника, изъ шести министровъ-поляковъ,— Новосильцеву повелѣно было присутствовать въ этомъ совѣтѣ, въ качествѣ уполномоченнаго императорскаго коммисара. Князь Чарторыйскій надѣялся получить званіе намѣстника, которое, по его планамъ, должно было облегчить ему достиженіе польскаго престола въ будущемъ. Но имп. Александръ предпочелъ ему стараго

---

[1]) Богдановичъ. Исторія царствованія имп. Александра I, томъ I, стр. 73—75.

[2]) Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, т. IX, стр. 433—438.

польскаго генерала Заіончка. Крайне обиженный и огорченный, Чарторыйскій остался однако въ Варшавѣ. Вскорѣ Новосильцевъ поставленъ былъ въ необходимость донести государю о разныхъ проискахъ кн. Чарторыйскаго, объ измѣненіи имъ важнѣйшихъ статутовъ государственнаго совѣта. Слѣдствіемъ этого донесенія былъ отъѣздъ Чарторыйскаго изъ Варшавы и конецъ его дружбы съ Новосильцевымъ.

По должности императорскаго коммисара, Новосильцеву приходилось постоянно сталкиваться съ поляками, не желавшими довольствоваться конституціей, данной имъ имп. Александромъ, а стремившимися къ возстановленію независимаго польскаго королевства. Новосильцевъ неоднократно обращался къ государю съ своими проектами относительно искорененія антиправительственнаго и антирусскаго духа, господствовавшаго въ царствѣ Польскомъ. Для нашей цѣли всего интереснѣе предложенія его по народному образованію. Когда обнаружено было существованіе въ варшавскомъ университетѣ тайныхъ обществъ между студентами, учрежденъ былъ въ Варшавѣ, подъ предсѣдательствомъ Новосильцева, особый комитетъ для составленія проекта преобразованія учебныхъ заведеній царства Польскаго. По предложенію Новосильцева, этотъ комитетъ, признавъ доказанное опытомъ многихъ лѣтъ достоинство системы образованія, введенной въ Россіи, постановилъ принять ее и въ царствѣ Польскомъ, съ тѣми измѣненіями, какія будутъ указаны различіемъ мѣстныхъ обстоятельствъ. При этомъ принято предложеніе Новосильцева и о томъ, чтобы ректоръ, деканы и профессоры университета не избирались профессорами, а назначались правительствомъ [1]).

Одновременно съ Польшей тайныя общества, очень распространенныя тогда по всей Европѣ, проникли и въ западную Россію. Начиная съ 20-хъ годовъ, начальство виленскаго университета, по предписанію попечителя округа кн. Чарторыйскаго, производило дознанія объ этихъ обществахъ и принимало противъ нихъ разныя мѣры. Литовскій генералъ-губернаторъ Римскій-Корсаковъ, недоволь-

---

[1]) Богдановичъ, VI, 146—193.

ный этими мѣрами и увидѣвшій въ нихъ даже потворство университетскаго начальства студентамъ, донесъ объ этомъ в. кн. Константину Павловичу, жившему тогда въ Варшавѣ, въ качествѣ главнокомандующаго польской арміи. Великій князь, препроводивъ въ свою очередь это донесеніе Государю Императору, приказалъ Новосильцеву произвести новое разслѣдованіе по этому дѣлу. Такимъ образомъ, въ началѣ 1823 года Новосильцевъ очутился въ Вильнѣ, въ качествѣ главнаго слѣдователя по дѣлу о тайныхъ обществахъ, образовавшихся въ виленскомъ университетѣ и подчиненныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ.

Борьба Новосильцева съ тайными обществами и отношенія его къ виленскому университету въ польской литературѣ подвергались и подвергаются самымъ ожесточеннымъ нападкамъ. Достаточно указать на изданную бывшимъ профессоромъ виленскаго университета Лелевелемъ брошюру (на польскомъ и франц. яз.): „Новосильцевъ въ Вильнѣ“, дышащую самой ожесточенной злобой и ненавистью къ Новосильцеву. Въ этой брошюрѣ приведена докладная записка другого профессора виленскаго университета Онацевича, поданная имъ черезъ генерала Розена в. кн. Константину Павловичу (16 дек. 1829 г.). Въ этой докладной запискѣ проф. Онацевичъ обвиняетъ Новосильцева въ томъ, что онъ старался разорвать тѣ связи, которыя соединяютъ монарха съ населеніемъ, что онъ, съ одной стороны, клеветалъ на Литву, представляя ее населенною врагами и заговорщиками, съ другой стороны, прибѣгая постоянно къ мѣрамъ несправедливымъ, незаконнымъ или тяжкимъ и жестокимъ, ослабилъ привязанность населенія къ своему Государю, возбудилъ въ цѣломъ поколѣніи непримиримую ненависть къ правительству. Онацевичъ жалуется, что при дознаніяхъ о тайныхъ обществахъ одни и тѣже лица были доносчиками, слѣдователями и судьями, что люди праздношатающіеся, воры, разбойники сѣченіемъ дѣтей розгами подготовляли необходимый для произнесенія приговора матеріалъ, въ то время какъ самъ Новосильцевъ забавлялся съ гр. Зубовой.

Мы не будемъ излагать хода борьбы Новосильцева съ тайными обществами, не будемъ слѣдить и за дѣятельностію его по водворе-

нію въ школахъ виленскаго учебнаго округа порядка, законности и дисциплины, хотя самъ Новосильцевъ на этой дѣятельности по преимуществу сосредоточилъ свое вниманіе. Эта дѣятельность Новосильцева уже была предметомъ историческаго изученія [1]). Замѣтимъ только, что русскій изслѣдователь (Шолковичъ) обширнаго дѣла о тайныхъ обществахъ, хранящагося теперь въ виленской публичной библіотекѣ, вовсе не усмотрѣлъ въ отношеніяхъ Новосильцева къ осужденнымъ молодымъ людямъ особенной суровости и жестокости; напротивъ, онъ скорѣе готовъ приписать Новосильцеву излишнюю снисходительность.

Въ настоящей статьѣ мы имѣемъ въ виду представить общій очеркъ прямыхъ, положительныхъ мѣропріятій Новосильцева по устройству поступившей подъ его управленіе западно-русской школы и въ частности показать, что́ сдѣлалъ для русскаго дѣла въ этой школѣ первый русскій попечитель виленскаго учебнаго округа. Нашъ очеркъ составленъ по оффиціальнымъ бумагамъ, хранящимся въ архивѣ управленія виленскаго учебнаго округа, и поэтому, конечно, не можетъ претендовать на полноту и всесторонность изслѣдованія и освѣщенія предмета [2]).

Виленскій учебный округъ, со времени управленія Новосильцева, значительно сократился въ своихъ предѣлахъ. Въ попечительство кн. Чарторыйскаго (1803-1824), онъ обнималъ собою всю сѣверо-и юго-западную Россію—виленскую, гродненскую, минскую, витебскую, могилевскую, волынскую, кіевскую и подольскую губерніи и бѣлостокскую область. Всѣ западно-русскія области, входившія когда-то въ составъ литовско-польскаго королевства, объединены были въ учебномъ отношеніи подъ одной властью виленскаго попечителя. Это объединеніе невольно поддерживало въ

---

[1]) Шолковичъ. Польская пропаганда въ учебныхъ заведеніяхъ сѣверо-западнаго края (въ «Сборникѣ статей, разъясняющихъ польское дѣло по отношенію къ зап. Россіи», выпускъ I, Вильна, 1885, стр. 233—310).

[2]) Избѣгая многихъ цитатъ, мы тамъ, гдѣ нашъ разсказъ основанъ на архивныхъ матеріалахъ, ставили въ самомъ текстѣ № связки и дѣла.

населеніи старое представленіе о западной Россіи, какъ объ особомъ національно-политическомъ тѣлѣ, отличномъ отъ остальной Россіи, такъ какъ управляемая Чарторыйскимъ школа организована была по особому плану, составленному по старымъ польскимъ образцамъ. Получалась такого рода иллюзія, что западная Россія, и подъ русскою властію, остается въ сущности Польшею, долженствующею рано или поздно воскреснуть къ новой, независимой жизни, и эта иллюзія становилась еще болѣе полной оттого, что тогдашній виленскій попечитель и рисовался въ воображеніи польскихъ патріотовъ, какъ будущій король—возстановитель Рѣчи Посполитой. Этой иллюзіи, вскорѣ послѣ назначенія Новосильцева попечителемъ, и нанесенъ былъ прежде всего жестокій ударъ. Виленскій учебный округъ теперь состоялъ только изъ виленской, гродненской и минской губерній и бѣлостокской области. Витебская и могилевская губерніи, впредь до образованія особаго бѣлорусскаго учебнаго округа, причислены къ петербургскому округу; а волынская, кіевская и подольская—къ харьковскому.

Еще до вступленія въ должность попечителя, во время слѣдствія о тайныхъ обществахъ, Новосильцевъ пришелъ къ тому убѣжденію, что причина политическихъ волненій въ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго округа кроется главнымъ образомъ въ ненормальномъ составѣ учебнаго курса въ нихъ, именно—въ преподаваніи въ гимназіяхъ естественнаго права и политическихъ наукъ и слишкомъ большомъ количествѣ уроковъ по риторикѣ и поэзіи (польской). Вслѣдствіе представленія особаго комитета, учрежденнаго въ Петербургѣ для разсмотрѣнія дѣла о безпорядкахъ въ виленскомъ университетѣ, Государь Императоръ (14 авг. 1824 г.) приказалъ исключить изъ числа предметовъ гимназическаго курса право естественное и науки политическія и усилить изученіе языковъ греческаго, латинскаго и русскаго, уменьшить число уроковъ по риторикѣ и поэзіи, выборъ темъ для ученическихъ сочиненій предоставить правленію университета, а не учителямъ, употреблять въ школахъ только одобренные университетомъ учебники. Тогда же предложен-

вныя Новосильцевымъ мѣры были распространены и на другіе учебные округи [1]).

Вскорѣ послѣ назначенія на должность попечителя, зимой $18^{24}/_{25}$ года, Новосильцевъ предпринялъ обозрѣніе учебныхъ заведеній своего округа. Первыя впечатлѣнія новаго попечителя отъ непосредственнаго соприкосновенія съ западно-русскою школою были далеко не въ ея пользу. Въ самомъ способѣ преподаванія онъ замѣтилъ много недостатковъ, и притомъ недостатковъ не столько личнаго, сколько органическаго—такъ сказать—свойства. Попечитель узналъ, что монастырскія начальства, содержащія значительную часть гимназій и уѣздныхъ училищъ, назначаютъ и перемѣщаютъ учителей большею частью по своему собственному произволу, не сносясь съ университетомъ, не заботясь объ успѣхахъ школьнаго дѣла. Оттого въ учителя попадаютъ люди неспособные, не имѣющіе нужныхъ познаній, а иногда неблагонадежные просто съ нравственной стороны. Даже въ орденѣ піаровъ не было уже той строгости и того благочинія, которыми этотъ орденъ въ прежнее время выгодно отличался отъ другихъ католическихъ орденовъ, занимавшихся воспитаніемъ юношества. Въ особенно плачевномъ положеніи оказались иностранные языки, въ томъ числѣ и русскій языкъ, преподававшійся въ школахъ виленскаго округа въ качествѣ иностраннаго языка (школьнымъ языкомъ въ нихъ былъ польскій). Въ нѣкоторыхъ училищахъ совсѣмъ не оказалось учителя русскаго языка, и ученики вовсе не учились по-русски; въ другихъ—преподавали русскій языкъ католическіе монахи, сами очень плохо знавшіе его; иногда преподаваніе русскаго языка въ низшихъ классахъ поручалось кому-либо изъ старшихъ учениковъ, обыкновенно имѣвшему самыя скудныя познанія въ этомъ языкѣ. Въ одномъ только жировицкомъ уѣздномъ училищѣ, содержимомъ уніатскими монахами, попечитель нашелъ успѣхи учениковъ въ русскомъ языкѣ болѣе или менѣе удовлетворительными,—лучшими по крайней мѣрѣ, чѣмъ въ другихъ уѣздныхъ училищахъ.

По возвращеніи съ ревизіи, новый попечитель рѣшилъ ввести

---

[1]) Сборникъ постановленій по мин. нар. просв., I, 1597.

нѣкоторыя преобразованія въ содержимыхъ монастырями учебныхъ заведеніяхъ и прежде всего улучшить составъ учительскаго персонала въ нихъ и усилить правительственный надъ ними контроль. Но сдѣлать это оказалось не легко. Когда, по просьбѣ Новосильцева, министръ народнаго просвѣщенія предложилъ (28 мая 1825 г.) римско-католической коллегіи предписать орденскимъ начальствамъ сообразоваться на будущее время съ его предположеніями относительно содержимыхъ ими учебныхъ заведеній,—орденскія власти очень мало обнаружили готовности и охоты къ практическому осуществленію ихъ. Нѣкоторые провинціалы монашескихъ орденовъ дозволили себѣ даже прямо протестовать противъ вмѣшательства свѣтской власти въ ихъ внутреннія дѣла. Сама коллегія, хотя въ общемъ соглашалась съ предположеніями Новосильцева, считала однако нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя оговорки: лишеніе, напр., орденскихъ властей права назначать и перемѣщать учителей, по ея мнѣнію, неизбѣжно ослабило бы монашескую дисциплину; а относительно того замѣчанія Новосильцева, что начальство монашескихъ орденовъ совсѣмъ не поощряетъ монаховъ-учителей повышеніями по службѣ, она резонировала, что монахи, давшіе обѣтъ нищеты и послушанія, должны исполнять возлагаемыя на нихъ обязанности „для душевнаго спасенія, а не для временной награды“ (св. 129, д. 1054).

Изданныя Новосильцевымъ въ 1825 году правила относительно гимназій и уѣздныхъ училищъ, содержимыхъ монахами, въ сущности сводились къ слѣдующему. Прежде всего, въ видахъ образованія достаточнаго контингента хорошихъ учителей, каждый орденъ, соразмѣрно съ количествомъ учениковъ, обучающихся въ его школахъ, долженъ постоянно содержать въ виленскомъ университетѣ большее или меньшее число молодыхъ монаховъ; при этомъ посылать въ университетъ слѣдуетъ только тѣхъ монаховъ, которые получили общее образованіе и имѣютъ способности и охоту къ ученію; въ университетѣ каждый изъ нихъ долженъ изучать извѣстныя, указанныя ему, науки и впослѣдствіи эти именно науки и преподавать въ школахъ. Далѣе, опредѣленіе монаховъ учителями въ тѣ или другія училища попрежнему будетъ зависѣть отъ орденскаго начальства, но это послѣднее обязано объ этомъ опредѣленіи

увѣдомить университетское правленіе; монахъ, назначенный въ какое-либо училище преподавателемъ, долженъ пробыть въ немъ по крайней мѣрѣ шесть лѣтъ; если бы, по какимъ-либо причинамъ, оказалось нужнымъ удалить или перемѣстить его раньше этого срока, провинціалъ долженъ сообщить предварительно объ этихъ причинахъ ректору университета. Наконецъ, для большей пользы учебнаго дѣла, учителя-монахи должны быть освобождены отъ исполненія разныхъ обязанностей по монастырю и въ награду за шестилѣтніе усердные труды на педагогическомъ поприщѣ пользоваться преимуществомъ въ полученіи высшихъ монашескихъ степеней.

Какъ ни умѣренны и безобидны были сами по себѣ правила, изданныя Новосильцевымъ, монашескія власти сильно тяготились ими, такъ какъ они все-таки устанавливали надъ ними извѣстный контроль учебнаго вѣдомства. Подчинившись этимъ правиламъ, какъ печальной необходимости, начальствующее монашество, привыкшее къ безконтрольному хозяйничанью въ своихъ школахъ, позволяло себѣ постоянно нарушать ихъ. Такъ, въ 1826 году доминиканскій провинціалъ Цецерскій, безъ сношенія съ университетомъ, перемѣстилъ смотрителя содержимой доминиканцами въ Гроднѣ гимназіи о. Чаплица въ Вильну, на должность преподавателя богословія въ духовной школѣ. О. Чаплицъ, не хотѣвшій очевидно оставлять Гродна, обратился въ правленіе университета съ запросомъ, какъ ему въ данномъ случаѣ поступить — оставаться въ Гроднѣ или уѣхать въ Вильну; запросъ свой онъ мотивировалъ тѣмъ, что по поводу своего перемѣщенія онъ не получилъ никакого распоряженія отъ учебнаго начальства. Чаплицъ былъ, по мнѣнію университетскаго правленія, однимъ изъ лучшихъ смотрителей; до свѣдѣнія его кромѣ того дошло стороной, что перемѣщеніе Чаплица было вызвано, съ одной стороны, неудовольствіемъ на него провинціала за точное исполненіе предписаній учебнаго начальства, а съ другой — просто монашескою завистливостью (Чаплицъ за усердное прохожденіе смотрительской должности удостоился Высочайшей награды, по представленію попечителя).

Разсказанный нами случай съ о. Чаплицемъ послужилъ поводомъ къ одной очень важной мѣрѣ, принятой Новосильцевымъ въ

видахъ освобожденія учебныхъ заведеній его округа отъ безконтрольнаго хозяйничанья въ нихъ разныхъ монашескихъ начальствъ. Въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, и при новыхъ правилахъ, въ сущности все осталось по старому, такъ какъ смотрители и преподаватели изъ монаховъ дорожили вниманіемъ только своего орденскаго начальства; неудовольствіе же учебнаго вѣдомства не особенно ихъ страшило, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло еще снискать имъ особыя милости своего монашескаго начальства. Такимъ образомъ общее среднее образованіе юношества во многихъ мѣстностяхъ виленскаго округа находилось въ рукахъ людей, по меньшей мѣрѣ нисколько незаинтересованныхъ въ успѣхахъ русской государственной политики, а русское правительство лишено было всякихъ средствъ—не только направлять ихъ дѣятельность въ интересахъ этой политики, но и ставить хоть какія-нибудь преграды прямо-враждебнымъ ей теченіямъ.

По поводу незаконнаго перемѣщенія Чаплица, Новосильцевъ писалъ министру (10 октября 1826 г.), что содержимыя доминиканцами училища болѣе, чѣмъ какія-либо другія, требуютъ надъ собой надзора по недостатку въ этомъ орденѣ истиннаго просвѣщенія, по крайнему католическому фанатизму его и склонности къ интригамъ. Въ той же, напр., гродненской доминиканской гимназіи (по донесенію ревизора) духовникъ внушалъ юношеству, что одна только католическая вѣра есть путь ко спасенію, что дѣти не должны слушаться своихъ родителей, если требованія ихъ несогласны съ здравымъ смысломъ. Попечитель находилъ, что подобныя мысли легко могутъ стать впослѣдствіи источникомъ заблужденій и преступленій и просилъ министра о томъ, чтобы въ гродненскую гимназію, для лучшаго надзора надъ нею, назначенъ былъ свѣтскій смотритель (съ жалованьемъ 400 руб. въ годъ). Просьба Новосильцева была уважена.

Прежде чѣмъ пришло изъ Петербурга увѣдомленіе объ этомъ, въ Вильнѣ поднятъ былъ вопросъ объ учрежденіи должности свѣтскихъ смотрителей во всѣхъ содержимыхъ монахами училищахъ. Просматривая отчеты ревизоровъ и самъ производя ревизіи, ректоръ университета Пеликанъ пришелъ къ тому убѣжденію, что большая

часть содержимыхъ монахами училищъ не соотвѣтствуетъ, въ настоящемъ ихъ состояніи, ни цѣли этихъ заведеній, ни видамъ правительства. Учебное начальство почти ничего не знаетъ о томъ, чтó происходитъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ и чтó ему слѣдовало бы знать для надлежащаго направленія въ нихъ преподаванія. Монахи-смотрители, не получая отъ своей должности никакихъ для себя выгодъ, не опасаются ни потери мѣста, ни какой-либо иной отвѣтственности. Напротивъ, если бы они вздумали доносить учебному начальству о чемъ-либо такомъ, чтó желательно скрыть монашествующимъ, этого имъ никогда бы не простили орденскіе и монастырскіе ихъ начальники. Ректоръ поэтому просилъ попечителя ходатайствовать передъ министромъ о назначеніи свѣтскихъ смотрителей во всѣ содержимыя монахами учебныя заведенія. Жалованье этимъ смотрителямъ онъ проектировалъ производить частью изъ общаго эдукаціоннаго фундуша, частью изъ экономическихъ училищныхъ суммъ, частью изъ складки учениковъ; квартиры для холостыхъ отвести въ монастыряхъ, а для женатыхъ отпускать отъ города (св. 156, д. 1303 и св. 131, д. 1084).

Этотъ проектъ разсматривался въ комитетѣ министровъ, и комитетъ министровъ одобрилъ его (за исключеніемъ вопроса о квартирахъ). Только двое министровъ—финансовъ и внутреннихъ дѣлъ—высказались противъ этого проекта, находя, что назначеніе свѣтскихъ смотрителей безъ надобности оскорбитъ монашескіе ордена, занимающіеся воспитаніемъ юношества. Имп. Николай утвердилъ постановленіе комитета министровъ (26 февр. 1827 г.).

Съ этого времени въ виленскомъ округѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ монашескими орденами, явились свѣтскіе смотрители. Назначеніе ихъ зависѣло отъ университета; смотрителями назначены были достойнѣйшіе изъ свѣтскихъ учителей, по представленіямъ губернскихъ директоровъ училищъ. Жалованья смотрителю полагалось 320 руб. и 80 руб. квартирныхъ (съ такъ называемыхъ поіезуитскихъ доходовъ).

Назначеніе свѣтскихъ смотрителей въ содержимыя монахами училища слѣдуетъ признать первымъ шагомъ на пути къ устраненію, или, по крайней мѣрѣ, ослабленію вліянія католическаго и

уніатскаго монашества на учебное дѣло въ виленскомъ округѣ. Этотъ шагъ самъ по себѣ былъ не особенно большимъ шагомъ впередъ, потому что большинство школъ этого округа попрежнему осталось въ рукахъ разныхъ монашескихъ орденовъ, умѣвшихъ и при свѣтскихъ смотрителяхъ сохранить свое вліяніе на учащееся юношество, дѣйствовать на него въ интересахъ католицизма и полонизма. Самый надзоръ надъ училищами свѣтскихъ смотрителей не всегда былъ такимъ, какимъ ему слѣдовало бы быть въ интересахъ русскаго дѣла, такъ какъ сами смотрители были поляки-католики и назначались и контролировались польскимъ университетомъ. Но, во всякомъ случаѣ, назначеніе свѣтскихъ смотрителей изъ лучшихъ учителей (вмѣстѣ съ подготовленіемъ монаховъ къ учительству въ университетѣ), съ одной стороны, не могло не отразиться на улучшеніи учебной части въ содержимыхъ орденами училищахъ; съ другой—контроль надъ ними попечителя и вообще учебнаго вѣдомства сталъ теперь нѣсколько болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ прежде. Нужно замѣтить, что въ то время попечитель не имѣлъ особенно близкаго отношенія къ учебнымъ заведеніямъ. Кн. Чарторыйскій, будучи много лѣтъ попечителемъ виленскаго округа, вовсе не жилъ въ Вильнѣ; занимая должность товарища министра иностранныхъ дѣлъ, онъ жилъ въ Петербургѣ, а иногда вмѣстѣ съ Имп. Александромъ надолго уѣзжалъ за-границу. Если онъ и имѣлъ громадное вліяніе на направленіе образованія во всей западной Россіи, то это зависѣло отъ разныхъ причинъ личнаго и политическаго свойства, а не отъ непосредственной близости его къ учебному дѣлу въ округѣ, не отъ прямого и частаго вмѣшательства его въ текущія дѣла. Новосильцевъ первый изъ попечителей сталъ жить въ Вильнѣ, хотя и онъ часто отлучался изъ нея; но стать въ близкія, непосредственныя отношенія къ школѣ было и ему очень трудно. Между попечителемъ и среднею и низшею школою стоялъ университетъ съ своимъ училищнымъ правленіемъ, и ректоръ университета фактически былъ непосредственнымъ начальникомъ всего административнаго и учащаго персонала въ округѣ. Такимъ образомъ, первому русскому попечителю виленскаго учебнаго округа приходилось управлять имъ при помощи

прежнихъ польскихъ органовъ власти. Новосильцевъ не считалъ нужнымъ бороться съ такимъ порядкомъ вещей, считая его вполнѣ нормальнымъ. Онъ, повидимому, намѣревался достигнуть своихъ, довольно скромныхъ впрочемъ, цѣлей съ помощью старой административной машины, произведя въ ней только нѣкоторыя измѣненія и поправки. Съ этой цѣлью онъ, между прочимъ, исходатайствовалъ Высочайшее повелѣніе (28 іюля 1826 г.) объ уничтоженіи въ виленскомъ университетѣ „республиканскаго управленія“, т. е. о назначеніи ректоровъ его правительствомъ. По представленію самого Новосильцева, ректоромъ назначенъ былъ профессоръ хирургіи Венцеславъ Пеликанъ, пользовавшійся полнымъ его довѣріемъ, бывшій неизмѣннымъ совѣтникомъ и вдохновителемъ его, хотя далеко не всѣ совѣты Пеликана клонились къ пользѣ русскаго дѣла.

Съ помощью старыхъ польскихъ средствъ, руками Пеликана и другихъ польскихъ дѣятелей не многое могъ сдѣлать Новосильцевъ для русскаго дѣла въ западно-русской школѣ, унаслѣдованной имъ отъ кн. Чарторыйскаго. Нѣтъ надобности совершенно отрицать заслуги кн. Чарторыйскаго на пользу виленскаго учебнаго округа: посѣщая изрѣдка свой округъ, онъ дѣлалъ иногда распоряженія, показывающія просвѣщенный взглядъ его на потребности современнаго образованія,—подъ вліяніемъ космополитическихъ идей XVIII вѣка, въ которыхъ воспитался, онъ расположенъ былъ иногда смотрѣть на науку, какъ на общее достояніе и благо человѣчества, а въ религіозномъ отношеніи вовсе не былъ клерикаломъ [1]). Вся бѣда была въ томъ, что, вслѣдствіе особыхъ условій политическаго положенія Чарторыйскаго, народное образованіе было для него не цѣлью, а средствомъ. Сторонники всѣхъ партій, друзья и недруги Чарторыйскаго и его системы сходятся въ мысли, что постоянною и главною цѣлью его во все время управленія

---

[1]) Таковъ взглядъ на Чарторыйскаго академика Сухомлинова («Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе имп. Александра I», Журналъ мин. нар. просв., 1865, CXXVIII, стр. 21—27).

виленскимъ округомъ была полонизація края. Самымъ вѣрнымъ средствомъ для нея служила однообразная система воспитанія на всей обширной территоріи тогдашняго виленскаго учебнаго округа и введеніе въ школы польскаго языка. Въ гимназіяхъ учитель польской грамматики считался старшимъ учителемъ, а такихъ учителей въ гимназіи было шесть; учитель русскаго языка считался младшимъ, наравнѣ съ учителемъ иностранныхъ языковъ и рисованія. Тоже было и въ уѣздныхъ училищахъ. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ иногда по нѣсколько лѣтъ совсѣмъ не было учителя русскаго языка, хотя онъ и полагался по штатамъ. Нечего уже говорить о низшихъ приходскихъ школахъ, находившихся всецѣло въ рукахъ католическаго духовенства. Законъ Божій православнаго исповѣданія почти нигдѣ не преподавался.

Польское вліяніе во всѣхъ почти сферахъ тогдашней западнорусской жизни было такъ сильно и могущественно, что преемнику Чарторыйскаго, повидимому, и въ голову не приходило—задаться вопросомъ, на какой онъ находится землѣ—польской или русской, какой онъ призванъ управлять школой — польской или русской. Первый русскій попечитель виленскаго учебнаго округа еще не рѣшался объявить эту школу *русской* школой, и усилій возвратить Россіи школу виленскаго округа—мы со стороны Новосильцева не видимъ. Напротивъ, онъ въ оффиціальныхъ бумагахъ называетъ подчиненныя ему школы *польскими*. Тѣмъ не менѣе, какъ представитель русской государственной власти въ краѣ, Новосильцевъ не могъ не обратить вниманія на то крайне жалкое положеніе, которое влачилъ русскій языкъ въ учебныхъ заведеніяхъ его округа. Очень любопытно прослѣдить рядъ мѣръ, принятыхъ имъ въ видахъ усиленія изученія русскаго языка. Это были первые шаги къ возвращенію русской православной стихіи правъ гражданства въ западно-русской школѣ, такъ какъ вопросъ о русскомъ языкѣ объединился тутъ, какъ сейчасъ увидимъ, съ вопросомъ о законѣ Божіемъ православнаго исповѣданія.

На преподаваніе закона Божія православнаго исповѣданія въ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго округа обращено было вниманіе

министромъ народнаго просвѣщенія кн. Голицынымъ еще въ попечительство кн. Чарторыйскаго. Университетское правленіе сдѣлало тогда (въ 1823 г.) распоряженіе о введеніи во всѣхъ школахъ преподаванія закона Божія православнаго исповѣданія, и самое преподаваніе его поручило учителямъ русскаго языка. Но въ Петербургѣ этимъ распоряженіемъ остались недовольны. По предписанію попечителя, ректоръ университета Пеликанъ составилъ новый проектъ о томъ, какъ улучшить преподаваніе закона Божія и русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго округа.

Въ этомъ проектѣ, поданномъ въ министерство (24 апрѣля 1824 г.), Пеликанъ, съ одной стороны, констатируетъ тотъ фактъ, что во многихъ училищахъ изученіе русскаго языка находится въ совершенномъ пренебреженіи по недостатку хорошихъ учителей этого языка. Съ другой стороны, порученіе преподаванія закона Божія свѣтскимъ лицамъ, хотя бы получившимъ воспитаніе въ православныхъ семинаріяхъ, не обѣщаетъ, по его мнѣнію, той пользы, которой можно ожидать отъ лицъ духовныхъ. Поэтому, для улучшенія преподаванія русскаго языка и закона Божія православнаго исповѣданія, онъ предлагаетъ нѣчто совершенно противоположное прежнему распоряженію университетскаго правленія, именно—поручить преподаваніе русскаго языка законоучителямъ—священникамъ православнаго исповѣданія, назначивши имъ тѣ 200 рублей жалованья, которые по штатамъ положены учителю русскаго языка.

На первый взглядъ представляется нѣсколько страннымъ придуманный Пеликаномъ или подсказанный ему кѣмъ-либо способъ рѣшенія предложенной министерствомъ задачи. Позволительно отнестись скептически къ тому проглядывающему въ рапортѣ предположенію, что одно только соединеніе должности учителя русскаго языка съ должностію православнаго законоучителя могло тогда пособить горю, что безъ этого соединенія рѣшительно невозможно было улучшить изученіе русскаго языка въ школахъ виленскаго округа, не откуда было добыть знающихъ и способныхъ преподавателей русскаго языка. Но, съ другой стороны, предложенная Пеликаномъ мѣра въ извѣстныхъ случаяхъ могла сопровождаться

желаннымъ успѣхомъ. Православныхъ учениковъ въ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго округа тогда было вообще очень немного (въ вилькомирскомъ, напр., уѣздномъ училищѣ было только два православныхъ ученика), и они въ большинствѣ случаевъ были дѣти выходцевъ изъ внутренней Россіи. Мѣстное населеніе было католическое или уніатское, и это послѣднее по преимуществу, а унія въ то время не только поляками, но и многими русскими отождествлялась съ католичествомъ: ученики-уніаты уроки закона Божія слушали обыкновенно вмѣстѣ съ католиками. Православному законоучителю поэтому большой работы по преподаванію закона Божія не предвидѣлось, да и священнослужительская его служба не много отнимала у него времени (въ нѣкоторыхъ городахъ совсѣмъ не было православныхъ приходскихъ церквей, и Пеликанъ предполагалъ устроить домовыя церкви). Если не вездѣ, то въ нѣкорыхъ мѣстахъ для православнаго законоучителя такимъ образомъ была полная возможность заниматься съ успѣхомъ преподаваніемъ русскаго языка. Одно въ проектѣ Пеликана могло не понравиться законоучителямъ. Это—не особенно большая плата за уроки русскаго языка (200 руб. въ годъ),—за уроки весьма нелегкіе въ виленскомъ округѣ, особенно въ ту пору полнаго господства польскаго языка въ семьѣ и школѣ. Мало того: за преподаваніе собственно закона Божія особаго вознагражденія имъ вовсе не было положено. Пеликанъ самъ чувствовалъ слабость этого пункта своего проекта и въ концѣ рапорта прибавляетъ, что особаго жалованья православному законоучителю за преподаваніе закона Божія онъ не проектируетъ сейчасъ же только потому, что желаетъ, чтобы предлагаемая имъ мѣра была приведена въ исполненіе скорѣе. Впослѣдствіи же времени, говоритъ онъ, необходимо сдѣлать имъ прибавку къ жалованью.

Правленіе виленскаго университета, которому министръ передалъ проектъ Пеликана для новаго разсмотрѣнія, согласилось (14 янв. 1825 г.) со всѣми предположеніями своего ректора, сдѣлавъ только нѣкоторыя измѣненія въ финансовой части его проекта, о чемъ и донесло новому попечителю. Новосильцевъ съ своей стороны утвердилъ постановленіе университетскаго правленія

и довелъ объ этомъ до свѣдѣнія новаго министра, извѣстнаго адмирала А. С. Шишкова (св. 131, д. 1084).

Кромѣ заботъ объ усиленіи изученія русскаго языка, министерство Шишкова (1824—1828) ознаменовалось еще введеніемъ въ виленскомъ учебномъ округѣ преподаванія языка церковнославянскаго. Въ общемъ циркулярномъ предложеніи министра отъ 13 іюня 1825 г., попечителямъ учебныхъ округовъ сказано было, что „языкъ славянскій, т. е. высокій, и классическая россійская словесность повсемѣстно должны быть вводимы и одобряемы". Нѣсколько мѣсяцевъ спустя (12 дек. 1825 г.), препровождая Новосильцеву экземпляръ „Славянской грамматики" Пенинскаго, признанной главнымъ правленіемъ училищъ въ качествѣ учебной книги, Шишковъ вновь просилъ виленскаго попечителя принять съ своей стороны всѣ мѣры къ усиленію изученія славянскаго языка въ тѣхъ школахъ, гдѣ его уже изучаютъ, и введенію преподаванія его во всѣхъ остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и частныхъ школъ, потому что „при изученіи россійскаго языка, безъ славянскаго, какъ корня его и источника всѣхъ его красотъ, богатства и величія, не только нельзя ожидать отличныхъ успѣховъ, но и основательнаго ученія".

Хотя ректоръ Пеликанъ дѣлалъ нѣкоторыя затрудненія введенію грамматики Пенинскаго въ учебныя заведенія виленскаго округа, указывалъ на компилятивный характеръ ея, на слишкомъ высокую цѣну и на ожидаемый вскорѣ выходъ въ Вильнѣ особой славянской грамматики для училищъ виленскаго округа,—славянская грамматика Пенинскаго введена была (по крайней мѣрѣ оффиціально) въ виленскомъ округѣ, въ качествѣ учебной книги.

Заботы о славянскомъ языкѣ продолжались въ министерство кн. Ливена (1828—1833), когда предложено было выписать для гимназій и другихъ учебныхъ заведеній виленскаго округа „Славянскую христоматію" того же Пенинскаго. Тогда же возбужденъ былъ Новосильцевымъ вопросъ (5 окт. 1828 г.) о затруднительности соединенія въ польскихъ (sic) училищахъ преподаванія церковно-славянскаго языка съ изученіемъ русскаго языка. Въ оффиціальныхъ бумагахъ мы не нашли указанія на причины, вызвавшія

этотъ вопросъ, равно какъ ясно выраженнаго мнѣнія самого Новосильцева объ этомъ вопросѣ; но самое возбужденіе вопроса предполагаетъ скорѣе отрицательный, чѣмъ положительный отвѣтъ на него. Для рѣшенія этого вопроса университетскимъ правленіемъ назначенъ былъ особый комитетъ изъ профессора русской словесности Лобойко, профессора польской словесности Боровскаго, профессора свящ. Писанія Бобровскаго и адъюнкта греческаго языка Жуковскаго (первый былъ православный, второй — католикъ, послѣдніе двое—уніаты). Этотъ комитетъ пришелъ къ тому убѣжденію, что нѣтъ ни малѣйшаго препятствія къ соединенію въ *польскихъ* училищахъ изученія славянскаго языка съ изученіемъ русскаго языка, такъ какъ до свѣдѣнія университета не доходило никакихъ извѣстій о какихъ-либо затрудненіяхъ при совмѣстномъ изученіи обоихъ языковъ, да притомъ же самое изученіе славянскаго языка введено въ школахъ, какъ лучшее средство къ изученію русскаго языка.

Самъ Новосильцевъ въ прежнее время не былъ совсѣмъ чуждъ интересамъ славяновѣдѣнія. Еще въ 1804 году, открывая въ Петербургѣ педагогическій институтъ, онъ, по указанію Сперанскаго, вызвалъ для него изъ Австріи профессоровъ Лодія, Кукольника, Балугьяновскаго. Въ 1811—12 годахъ онъ провелъ цѣлую зиму въ Вѣнѣ, хлопоталъ здѣсь о сравнительномъ словарѣ славянскихъ языковъ, вошелъ по этому вопросу въ близкія отношенія съ Копитаромъ (дѣло, впрочемъ, не пошло далѣе благихъ пожеланій), пріобрѣталъ славянскія изданія и т. п. [1]). Но въ то время, когда онъ сдѣлался попечителемъ виленскаго учебнаго округа, онъ, повидимому, уже утратилъ свои славянскія симпатіи. Съ виленскими славистами онъ не только не былъ въ добрыхъ отношеніяхъ, а, напротивъ, двухъ лучшихъ виленскихъ знатоковъ славянскихъ языковъ и древностей—профессоровъ Бобровскаго и Даниловича удалилъ изъ виленскаго университета [2]). Да и выше

---

[1]) Кочубинскій. Адмиралъ Шишковъ и канцлеръ гр. Румянцевъ. Одесса, 1887—1888, стр. 228—230.

[2]) Подробности объ этомъ см. въ нашей статьѣ: «О профессорахъ

указанныя нами колебанія относительно церковно-славянскаго языка въ средне-учебныхъ заведеніяхъ виленскаго округа вовсе не свидѣтельствуютъ о большой настойчивости въ этомъ дѣлѣ Новосильцева.

Заботы объ усиленіи въ виленскомъ округѣ преподаванія русскаго языка, введеніе преподаванія церковно-славянскаго языка были скорѣе всего отголоскомъ той національзаціи нашей школы, которая такъ настойчиво проводилась министерствомъ народнаго просвѣщенія съ самаго начала царствованія императора Николая. Правда, составленный въ этомъ духѣ уставъ учебныхъ заведеній не былъ распространенъ на виленскій округъ, и здѣсь дѣйствовалъ мѣстный уставъ, Высочайше утвержденный 1 января 1825 года; но общій духъ правительственной системы, хотя отчасти, сказался и въ виленскомъ округѣ, хотя здѣсь въ существѣ дѣла продолжала существовать школа польская.

Въ виленскомъ университетѣ, со времени преобразованія его изъ литовской главной школы, всегда существовала каѳедра русскаго языка и его словесности. Сначала эту каѳедру занималъ ординарный профессоръ Иванъ Ивановичъ Чернявскій (съ 1805 года), имѣвшій благотворное вліяніе на будущаго митрополита Іосифа Сѣмашко, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ въ своихъ „Запискахъ“ [1]. Чернявскій получилъ образованіе въ петербургскомъ университетѣ. Онъ же (съ 1814 года) читалъ въ университетѣ и русскую исторію. Послѣ Чернявскаго, избранъ (въ 1821 году) на каѳедру русскаго языка, русской словесности и русской исторіи ординарный профессоръ Иванъ Николаевичъ Лобойко. Онъ оставался профессоромъ до самаго закрытія университета. Проф. Лобойко постоянно поддерживалъ связи съ московскимъ румянцев-

---

богословскаго факультета виленскаго университета» (Христ. Чтеніе, 1888, № 2—3 и 4—5. См. историко-біографическій очеркъ П. О. Бобровскаго: «М. К. Бобровскій» (Рус. Стар., 1888), а также его же «Судьба супрасльской рукописи, открытой М. Бобровскимъ», «Еще замѣтка о супр. рукописи» и «Переписка М. Бобровскаго съ Кеппеномъ».

[1]) Записки митр. Іосифа, I, 17.

скимъ кружкомъ, имѣвшимъ также несомнѣнное вліяніе на усиленіе у насъ національно-русскаго направленія. Онъ былъ дѣятельнымъ корреспондентомъ гр. Румянцева по части открытія въ зап. Россіи новыхъ памятниковъ древней славяно-русской литературы [1]). Впослѣдствіи, уже въ 30-хъ годахъ, онъ обращалъ вниманіе Строева, извѣстнаго инціатора археографической экспедиціи, и на западно-русскій край, въ которомъ много сохранилось памятниковъ старины, и даже прислалъ ему особую объ этомъ записку [2]).—Важнѣйшею мѣрою, принятою Новосильцевымъ въ видахъ усиленія изученія русскаго языка въ виленскомъ университетѣ, было распоряженіе его о преподаваніи въ немъ исторіи, статистики и географіи на русскомъ языкѣ [3]). Каѳедра всеобщей исторіи, которую до пріѣзда Новосильцева занималъ извѣстный польскій историкъ Іоакимъ Лелевель (съ 1824 г.), предоставлена была, по удаленіи его одновременно съ Бобровскимъ, Даниловичемъ и Голуховскимъ, доктору правъ Павлу Васильевичу Кукольнику (брату извѣстнаго русскаго писателя Нестора Кукольника), который и занималъ ее до самаго закрытія университета [4]). Одновременно съ этимъ сдѣлано было распоряженіе о преподаваніи на русскомъ языкѣ исторіи, статистики и географіи и во всѣхъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ виленскаго учебнаго округа. Что же касается исторіи Россіи, то въ попечительство Новосильцева она преподавалась не во всѣхъ школахъ виленскаго округа; тамъ же, гдѣ она изучалась, преподаваніе ея обыкновенно лежало на учителѣ русскаго языка.

Отношенія Новосильцева къ виленскому университету, какъ мы сказали въ началѣ этой статьи, подвергались и подвергаются

---

[1]) Кочубинскій, 146, 156.

[2]) Барсуковъ. Жизнь и труды Строева. Спб., 1878, 285—286.

[3]) Любопытно, что въ отчетѣ ректора Пеликана, прочитанномъ на универ. актѣ (30 іюня 1825 г.), это распоряженіе мотивировалось заботой высшаго правительства о «будущей пользѣ для учащихся на государевой службѣ (Dziennik Wilenski, 1825, II, 218).

[4]) Біографія обоихъ Кукольниковъ написана Шверубовичемъ «Братья Кукольники», Вильна 1885.

самымъ ожесточеннымъ нападкамъ въ польской литературѣ. Его обвиняютъ въ изгнанія изъ университета лучшихъ профессоровъ, въ постоянномъ потворствѣ партіи Пеликана, преслѣдовавшей будто бы въ университетѣ только свои эгоистическія цѣли, въ полной деморализаціи студентовъ развитіемъ среди нихъ шпіонства. Его вмѣстѣ съ Пеликаномъ объявляютъ наконецъ главными виновниками закрытія виленскаго университета. Мы не имѣемъ здѣсь въ виду защищать Новосильцева отъ этого рода обвиненій, такъ какъ у насъ нѣтъ для этого всѣхъ нужныхъ матеріаловъ. Изъ бывшаго у насъ подъ руками дѣла [1]) объ удаленіи изъ виленскаго университета профессора философіи Голуховскаго ясно открывается, что оно вызвано было политическими причинами, которымъ Новосильцевъ придавалъ весьма серьезное значеніе. Вѣроятно, изъ ближайшаго разсмотрѣнія другихъ дѣлъ оказалось бы, что и во многихъ другихъ случаяхъ, когда представляютъ Новосильцева дѣйствующимъ подъ вліяніемъ личныхъ своекорыстныхъ разсчетовъ и низкихъ страстей, имъ руководили мотивы болѣе чистаго свойства. Но съ другой стороны, справедливость требуетъ сказать, что осторожность и дальновидность не всегда въ должной мѣрѣ были у виленскаго попечителя, что малое знакомство его съ западно-русскими дѣлами и западно-русскими людьми приводило иногда къ очень невыгоднымъ для русскаго дѣла послѣдствіямъ, что излишняя довѣрчивость его къ виленскимъ его совѣтникамъ не мало причиняла горя и страданій честнымъ русскимъ труженикамъ, почему-либо не угодившимъ этимъ совѣтникамъ.

Къ числу такихъ недальновидныхъ дѣйствій Новосильцева, которыя имѣли или могли бы имѣть для русскаго дѣла въ краѣ самыя пагубныя послѣдствія, принадлежитъ въ особенности то особенное покровительство, которое онъ постоянно оказывалъ базиліанамъ (уніатскимъ монахамъ). Главныя силы западно-русской уніи всегда сосредоточивались въ богатомъ и вліятельномъ уніатскомъ монашествѣ, всецѣло проникнутомъ польско-латинскимъ духомъ, и

[1]) См. нашу статью «Сенаторъ Новосильцевъ и профессоръ Голуховскій» (Истор. Вѣст., 1887, № 9).

нашему правительству, въ его стремленіи къ уничтоженію уніи, предстояло прежде всего сломить этотъ крѣпкій оплотъ ея. Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія давняя, застарѣлая борьба бѣлаго или приходскаго уніатскаго духовенства съ монашествомъ была въ полномъ разгарѣ, и наше высшее правительство въ этой борьбѣ [1]), естественно, стало на сторону перваго, такъ какъ оно въ нѣкоторой своей части давно уже обнаруживало тяготѣніе къ русской православной церкви. Въ Петербургѣ, въ правящихъ сферахъ, съ особенной силой стала циркулировать мысль о сокращеніи числа базиліанскихъ монастырей и запрещеніи католическимъ монахамъ переходить въ уніатскіе монастыри, такъ какъ католическіе монахи сильнѣе всего поддерживали нежелательное правительству истинно-польское направленіе въ уніатской церкви. Виленскіе базиліане, когда до нихъ дошли изъ Петербурга слухи объ этомъ, сильно встревожились и въ поискахъ своихъ за средствами къ спасенію обратились къ Новосильцеву, ходатайство котораго за нихъ много могло значить тогда въ Петербургѣ.

Выше мы уже указали на сдѣланныя Новосильцевымъ распо-

---

[1]) Изображенію борьбы бѣлаго уніатскаго духовенства посвящены слѣд. сочиненія П. О. Бобровскаго: 1) Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе имп. Александра I, Спб., 1890 (также въ Ж. М. Н. Пр. за 1889 г.); 2) Противодѣйствіе базиліанскаго ордена стремленію бѣлаго духовенства къ реформамъ греко-уніатской церкви, Вильна, 1889 (также въ Лит. Епарх. Вѣд.); 3) Подготовка реформъ въ русской греко-уніатской церкви (1803—1827) (изъ Христ. Чтенія за 1889 г., № 5—6); 4) Антоній Юрьевичъ Сосновскій, одинъ изъ тріумвировъ Брестскаго Капитула, Вильна, 1890 (также въ Литов. Епарх. Вѣд.); 5) Матеріалы къ исторіи русской греко-уніатской церкви. Копія писемъ Сосновскаго въ 1826—28 гг., Спб., 1891 (также въ Ж. М. Н. Пр.). Ср. М. О. Кояловича: 1) Къ предстоящему пятидесятилѣтію возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ 1839 года (Церк. Вѣст., 1889, № 9, 10, 11, 12, 13); 2) Разборъ сочиненія П. О. Бобровскаго: «Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе имп. Александра I» и Указаніе на основаніи архивныхъ документовъ иной постановки всѣхъ главныхъ уніатскихъ вопросовъ того времени, Спб. 1890 (Ж. М. Н. Пр.). Ср. также проф. И. П. Филевича «Вопросъ о возсоединеніи западнорусскихъ уніатовъ въ его новѣйшей постановкѣ», Варшава, 1891, написанный уже послѣ обмѣна возраженій между П. О. Бобровскимъ и М. О. Кояловичемъ.

ряженія, клонившіяся къ улучшенію учебнаго дѣла и къ усиленію правительственнаго контроля въ многочисленныхъ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ разными католическими орденами. Эти распоряженія попечителя сообщены были ректоромъ университета провинціаламъ монашескихъ орденовъ къ свѣдѣнію и исполненію, при чемъ, однако, имъ дано право, въ случаѣ возникновенія какихъ-либо недоумѣній, представить о нихъ попечителю. Этимъ-то послѣднимъ правомъ и рѣшили воспользоваться базиліане для того, чтобы снискать своему ордену благоволеніе Новосильцева. Отвѣчая ректору Пеликану на предложеніе его касательно новаго устройства училищъ, литовскій базиліанскій провинціалъ писалъ, что онъ находитъ принимаемыя учебнымъ начальствомъ мѣры весьма полезными и готовъ немедленно привести ихъ въ исполненіе [1]); но, прибавлялъ онъ, базиліанскій орденъ находится теперь въ крайне тяжеломъ положеніи: опасность грозитъ самому его существованію. Много базиліанскихъ монастырей уже въ прежнее время закрыто и обращено въ приходскія церкви, а имущество ихъ перешло въ руки бѣлаго духовенства; теперь же, по проискамъ его, опять угрожаютъ закрытіемъ нѣсколькихъ базиліанскихъ монастырей. Кромѣ того, хотятъ, вопреки церковнымъ канонамъ, запретить католикамъ поступать въ базиліанскіе монастыри и этимъ запрещеніемъ ослабить и загубить базиліанскій орденъ. Въ виду всѣхъ этихъ угрожающихъ ордену бѣдствій, провинціалъ просилъ защиты и покровительства ему учебнаго начальства, дабы „сословіе сіе могло безпрепятственно заняться улучшеніемъ своихъ училищъ, сообразно благимъ намѣреніямъ правительства“.

Ректоръ Пеликанъ представилъ просьбу базиліанскаго провинціала на благоусмотрѣніе попечителя, присоединивши къ ней и свое ходатайство за базиліанъ. Ректоръ, между прочимъ, докладывалъ попечителю, что бѣлое уніатское духовенство „ни въ малѣйшей долѣ не приноситъ той пользы, которую доставляетъ базиліанское сословіе“. При извѣстной близости Пеликана къ Новосильцеву едва ли

---

[1]) Припомнимъ, что провинціалы другихъ орденовъ въ это самое время рѣзко противъ нихъ протестовали.

можно сомнѣваться въ томъ, что онъ употребилъ и всѣ другія средства къ тому, чтобы воздѣйствовать на попечителя въ пользу базиліанъ [1]).

Новосильцевъ, считавшій католическихъ монаховъ вообще крайне опасными (gens periculosissima), „воинами римскими и арміею папы“ [2]), сдѣлалъ, дѣйствительно, для базиліанскихъ монаховъ исключеніе,—согласился взять ихъ подъ свое покровительство. Вотъ сущность его представленія по этому поводу министру народнаго просвѣщенія (отъ 20 апр. 1826 г.): Признавая заслуги базиліанскаго ордена для народнаго образованія достойными полнаго вниманія правительства, принимая при этомъ во вниманіе, что съ отнятіемъ въ пользу бѣлаго духовенства базиліанскихъ монастырей съ имѣніями ихъ базиліанскій орденъ не могъ бы не только улучшить, но и содержать въ прежнемъ видѣ свои училища, находя, съ другой стороны, что поступленіе католиковъ въ базиліанскій орденъ не противно ни церковнымъ, ни гражданскимъ законамъ и не приводило до сихъ поръ ни къ какимъ злоупотребленіямъ, а между тѣмъ оно можетъ послужить на пользу учебнаго дѣла и поддержать сей по истинѣ полезный орденъ,—принимая все это во вниманіе, попечитель считаетъ долгомъ своего званія предстательствовать предъ министромъ объ оказаніи базиліанамъ просимаго ими покровительства. Вскорѣ затѣмъ Новосильцевъ получилъ донесеніе (должно быть отъ Пеликана), что базиліанскій орденъ „имѣетъ новые поводы тревожиться о своемъ жребіи, по поводу сильныхъ старательствъ бѣлаго духовенства объ отнятіи въ свою пользу базиліанскихъ монастырей“. „По поводу сего долгомъ моимъ почитаю, сверхъ упомянутаго оффиціальнаго представленія, обратиться еще партикулярно (писалъ Новосильцевъ Шишкову, 6 мая 1826 года) съ всепо-

---

[1]) Не имѣло ли тутъ вліяніе замѣченное Новосильцевымъ во время первой его ревизіи сравнительно лучшее состояніе преподаванія русскаго языка въ базиліанскихъ училищахъ? По крайней мѣрѣ, онъ отмѣтилъ это (какъ указано было выше) относительно жировицкаго училища, находившагося, кстати, не далеко отъ пожалованнаго ему имѣнія (въ томъ же слонимскомъ уѣздѣ гродненск. губ.), по свѣдѣніямъ П. О. Бобровскаго (Греко-уніат. церковь, стр. 315).

[2]) Въ отзывѣ своемъ министру (отъ 25 дек. 1825 г.).

корнѣйшею моею просьбою объ немъ къ вашему высокопревосходительству, яко верховному покровителю просвѣщенія и истинныхъ заслугъ по сей части, въ полномъ упованіи, что ваше высокопревосходительство по врожденнымъ вамъ чувствованіямъ справедливости удостоите высокаго покровительства вашего трудолюбивый сей орденъ и оградите на будущее время существованіе сего сословія, по истинѣ нужное для общества, отъ притязаній, основанныхъ болѣе на видахъ частныхъ, нежели на общемъ благѣ“ (св. 131, д. 1084).

Такимъ образомъ, первый русскій попечитель виленскаго учебнаго округа попалъ въ сѣти, ловко разставленныя ему виленскими базиліанами, и, самъ того не замѣчая, сталъ орудіемъ опасной для русскаго дѣла интриги. Разъ попавши въ сѣти уніатскихъ іезуитовъ, Новосильцевъ долго потомъ оставался ревностнымъ, даже упорнымъ защитникомъ ихъ не только въ Вильнѣ, но и въ Петербургѣ, гдѣ онъ занялъ впослѣдствіи высокое государственное положеніе. Митрополитъ Іосифъ въ своихъ запискахъ неоднократно упоминаетъ о противодѣйствіи, которое встрѣчали въ Новосильцевѣ проекты его, направленные противъ базиліанъ [1]).

Ставши на сторону базиліанъ, Новосильцевъ по этому самому сталъ относиться недоброжелательно къ бѣлому уніатскому духовенству и совершенно не понялъ значенія главной духовной семинаріи, открытой въ 1808 году при виленскомъ университетѣ для доставленія высшаго богословскаго образованія католическому и уніатскому духовенству. Исторія этой семинаріи съ русской точки зрѣнія представляетъ значительный интересъ, такъ какъ въ ея стѣнахъ училось то высшее уніатское духовенство, которому въ царствованіе имп. Николая суждено было выступить на историческую сцену въ трудной роли возсоединителей уніи съ православною церковью. Новосильцевъ относился вообще несочувственно

---

[1]) Объ этомъ заступничествѣ Новосильцева за базиліанъ мы уже разсказывали въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» («Попечитель Новосильцевъ въ сѣтяхъ базиліанской интриги», 1887, октябрь), откуда перепечатано въ «Литов. Епарх. Вѣд.», 1888, № 39.

къ главной семинаріи, хотя она этого вовсе не заслуживала, давши уніатской церкви значительный контингентъ прекрасно образованныхъ духовныхъ лицъ, если не пріобрѣвшихъ, то во всякомъ случаѣ и не утратившихъ въ ней ни своихъ русскихъ чувствъ и симпатій, ни своего тяготѣнія къ православію. Католическія епархіальныя власти, особенно католическое монашество, всегда преслѣдовавшія главную семинарію самою злою ненавистью, нашли себѣ въ Новосильцевѣ могущественнаго союзника въ застарѣлой борьбѣ своей съ нею. Любопытна въ этомъ отношеніи его докладная записка министру (отъ 25 декабря 1825 г.). Въ этой запискѣ высказано много здравыхъ сужденій: въ ней Новосильцевъ сильно вооружается противъ обычая правительства причислять къ католической церкви такъ называемыхъ уніатовъ, настаиваетъ на необходимости возсоединенія послѣднихъ съ православною церковью, на постепенномъ закрытіи католическихъ монастырей и т. п. Но для достиженія этихъ весьма разумныхъ цѣлей рекомендуетъ совсѣмъ не идущія къ дѣлу средства. Онъ предлагаетъ министру закрыть главную семинарію по той очень странной причинѣ, что уніатскіе приходскіе священники, поставленные въ необходимость заботиться о пропитаніи жены и дѣтей и часто своими руками обрабатывать свою землю, совсѣмъ не нуждаются ни въ особой семинаріи для своего образованія, ни въ какихъ-либо высшихъ наукахъ. Съ нихъ совершенно достаточно тѣхъ знаній, которыя они могутъ пріобрѣсти въ своихъ епархіальныхъ семинаріяхъ (въ которыхъ—прибавимъ отъ себя—ничему не учили, кромѣ механическаго навыка къ совершенію богослуженія) или въ базиліанскихъ монастыряхъ (которые, какъ замѣчено уже выше, всего болѣе стремились къ поддержанію польско-католическаго духа въ уніатской церкви) [1].

Иниціатива усиленія русскаго языка въ главной семинаріи исходила изъ Петербурга. До свѣдѣнія главнаго управленія духовныхъ

---

[1]) Докладная записка Новосильцева не имѣла успѣха. См. подробности въ интересной брошюрѣ Academia Caesarea Romano-Catholica Ecclesiastica Petropolitana», Petropoli, 1887. Ср. нашу Библіографическую замѣтку объ этой брошюрѣ, Вильна, 1888, стр. 12—14 (также въ Литов. Епарх. Вѣд., 1888).

дѣлъ иностранныхъ исповѣданій дошло, что на изученіе русскаго языка въ ней положено не болѣе трехъ часовъ въ недѣлю, и то на одномъ только первомъ курсѣ, что воспитанники главной семинаріи поэтому не пріобрѣтаютъ въ ней основательнаго знанія русскаго языка. По причинѣ же слабаго изученія русскаго языка въ главной семинаріи, только немногіе изъ католическаго и уніатскаго духовенства могутъ засѣдать въ петербургской духовной коллегіи, и сами епископы католическіе и уніатскіе затрудняются вести съ главнымъ управленіемъ переписку на русскомъ языкѣ. Шишковъ просилъ (28 мая 1825 г.) Новосильцева принять мѣры къ усиленію изученія русскаго языка въ главной семинаріи, прибавляя, что для клириковъ уніатскаго обряда нужно бы еще ввести преподаваніе церковно-славянскаго языка, на которомъ совершается богослуженіе въ уніатскихъ церквахъ („весьма нетвердо по недостатку знанія онаго").

Въ главной семинаріи, вслѣдствіе предписанія министра, обращено было болѣе серьезное вниманіе на изученіе клириками русскаго языка. Прежде всего, совѣтъ главной семинаріи постановилъ просить епархіальныя начальства о томъ, чтобы они присылали въ главную семинарію только такихъ клириковъ, которые владѣютъ русскимъ языкомъ; а уніатскихъ епископовъ, кромѣ того, постановлено просить о присылкѣ только такихъ клириковъ, которые имѣютъ начальныя свѣдѣнія въ славянскомъ языкѣ. Затѣмъ, всѣмъ клирикамъ, безъ различія курсовъ, вмѣнено было въ обязанность посѣщать аккуратно лекціи русскаго языка и словесности въ университетѣ. Кромѣ того, въ засѣданіи семинарскаго совѣта (21 сент. 1825 г.) рѣшено было назначить въ самой семинаріи шесть часовъ въ недѣлю на изученіе русскаго языка и для преподаванія его пригласить учителя виленской гимназіи Островскаго (съ платой ему 100 руб. въ годъ). Наконецъ, для преподаванія церковно-славянскаго языка Новосильцевъ рѣшился пригласить удаленнаго имъ изъ университета проф. Бобровскаго. По докладу министра, послѣдовало 17 февраля 1826 г. всемилостивѣйшее прощеніе Бобровскаго, и онъ вновь занялъ каѳедру Свящ. Писанія въ виленскомъ университетѣ. Къ этому времени неви-

новность Бобровскаго стала въ Петербургѣ вполнѣ очевидной. Самъ Шишковъ высоко цѣнилъ виленскаго слависта, и Новосильцеву и Пеликану предложено было войти въ министерство съ ходатайствомъ о помилованіи Бобровскаго. Возвратившись въ Вильну въ апрѣлѣ 1826 года, Бобровскій открылъ, вмѣстѣ съ университетскими лекціями свящ. Писанія, занятія церковно-славянскимъ языкомъ съ уніатскими клириками главной семинаріи (св. 131, д. 1084 [1]).

Мы указали на рядъ мѣръ, принятыхъ въ попечительство Новосильцева, хотя не всегда по его почину, для возвращенія правъ гражданства русской православной стихіи въ школахъ виленскаго учебнаго округа. Оказывается, что при Новосильцевѣ еще не было серьезной рѣчи о располяченіи этихъ школъ. Тогдашнее управленіе виленскаго округа считало большой побѣдой, когда ему удалось выторговать хоть что-нибудь на пользу русскаго дѣла, добиться хоть нѣкотораго признанія правъ его въ западно-русской школѣ. Мѣропріятія Новосильцева производятъ впечатлѣніе первыхъ робкихъ шаговъ человѣка, еще не уяснившаго хорошо самому себѣ, что̀ дѣлать, куда идти. Управленіе округа не имѣло иногда достаточно мужества или настойчивости даже для того, чтобы привести въ исполненіе тѣ немногія мѣры, которыя имъ самимъ приняты были, по собственному ли почину, или по указаніямъ изъ Петербурга. Даже распоряженіе объ учрежденіи должности православныхъ законоучителей не вездѣ, какъ оказывается, приведено было въ исполненіе немедленно. Въ 1827 году вновь назначенный свѣтскій смотритель гродненской доминиканской гимназіи донесъ ректору университета, что въ этой гимназіи до его пріѣзда православные ученики ходили въ церковь и на уроки Закона Божія вмѣстѣ съ католиками. По представленію смотрителя, Новосильцевъ назначилъ православнымъ законоучителемъ въ гродненскую гимназію протоіерея гродненскаго собора Попова, изъявившаго готовность безвозмездно преподавать въ гимназіи законъ Божій православнымъ ученикамъ ея. Только въ началѣ 1828 года прот. По-

[1]) Подробности см. въ нашей статьѣ: «О профессорахъ богослов. фак. вилен. университета».

пову поручено преподаваніе въ гимназіи русскаго языка (съ обычнымъ жалованьемъ 200 руб. сер.).

То, что случилось въ Гроднѣ съ распоряженіемъ относительно православныхъ законоучителей, было конечно исключеніемъ изъ общаго правила, хотя и не единственнымъ. Въ большей же части учебныхъ заведеній виленскаго округа, должность православныхъ законоучителей, въ попечительство Новосильцева, существовала уже фактически, а не на бумагѣ только. Въ большей же части учебныхъ заведеній эти законоучители занимались съ успѣхомъ преподаваніемъ русскаго языка. Уже въ 1827 году ректоръ Пеликанъ, послѣ обозрѣнія училищъ виленскаго округа, докладывалъ попечителю, что успѣхи учениковъ въ русскомъ языкѣ вездѣ оказываются гораздо лучше, чѣмъ прежде, а въ свѣтскихъ училищахъ русскій языкъ изучается „съ невѣроятнымъ успѣхомъ". Въ 1829 году университетскій визитаторъ Повстанскій также вынесъ отрадныя впечатлѣнія изъ обозрѣнія гимназій и уѣздныхъ училищъ. Изъ обширнаго и обстоятельнаго отчета его оказывается, что только въ двухъ или трехъ училищахъ ученики во время ревизіи обнаружили малыя познанія въ русскомъ языкѣ. Во всѣхъ остальныхъ гимназіяхъ, уѣздныхъ и даже приходскихъ училищахъ ученики знали по русски удовлетворительно, въ нѣкоторыхъ даже „вполнѣ удовлетворительно", „образцово". Почти вездѣ учителями русскаго языка были православные законоучители, изъ которыхъ иные, по отзыву ревизора, вполнѣ заслуживали похвалы; въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ русскій языкъ преподавали вызванные изъ внутреннихъ губерній великороссійскіе уроженцы, но такихъ было еще очень немного. Относительно славянскаго языка въ отчетѣ Повстанскаго находимъ менѣе утѣшительное извѣстіе: преподаваніе его обыкновенно ограничивалось обученіемъ учениковъ церковно-славянскому чтенію по букварю; въ одной только гродненской гимназіи прот. Поповъ преподавалъ съ пользой для учащихся церковно-славянскую грамматику; въ нѣкоторыхъ школахъ не оказалось ни одного экземпляра славянской грамматики (св. 130, д. 1055, св. 131, д. 1070, св. 198, д. 1919).

Кромѣ свидѣтельствъ въ пользу лучшей и болѣе успѣшной

постановки преподаванія русскаго языка въ попечительство Новосильцева, идущихъ съ польской стороны и отъ лицъ оффиціальныхъ, можно привести нѣсколько современныхъ свидѣтельствъ о томъ же и съ русской стороны. Проф. Лобойко, по поводу сдѣланнаго нѣкіимъ Гродзицкимъ перевода съ нѣмецкаго языка на польскій русской грамматики проф. Гейма, между прочимъ писалъ въ рапортѣ своемъ университету (8 окт. 1827 г.): „Въ польскомъ переводѣ россійской грамматики по округу виленскаго университета нѣтъ, какъ я полагаю, ни малѣйшей надобности, ибо, со времени новаго устройства подвѣдомственныхъ оному училищъ, знаніе россійскаго языка между здѣшнимъ польскимъ юношествомъ столько уже распространено, что не только россійскій языкъ, но и науки историческія преподаются на семъ же языкѣ по россійскимъ книгамъ". Три года спустя, Іосифъ Сѣмашко, въ то время литовскій уніатскій епископъ, въ донесеніи гр. Блудову, называетъ введенное Новосильцевымъ изученіе русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго округа „тщательнымъ" и „уже на мѣрѣ поставленнымъ" [1]).

Вообще прогрессъ въ изученіи русскаго языка въ попечительство Новосильцева не можетъ подлежать сомнѣнію, хотя нѣкоторые позднѣйшіе писатели и стараются свести къ нулю всѣ его усилія въ этомъ дѣлѣ. Относительно славянскаго языка результаты его мѣропріятій оказались гораздо хуже. Не вполнѣ, кажется, вошло въ силу и распоряженіе его о преподаваніи исторіи и географіи на русскомъ языкѣ. Изъ оффиціальныхъ бумагъ оказывается, что въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ (въ крожской гимназіи, въ лысковскомъ уѣздномъ училищѣ) эти предметы по прежнему преподавались на польскомъ языкѣ. Даже тамъ, гдѣ преподаваніе ихъ введено было на русскомъ языкѣ, оно не всегда или не вполнѣ велось на этомъ языкѣ, потому что во всѣхъ почти заведеніяхъ преподавателями исторіи и географіи остались прежніе учителя—поляки, плохо владѣвшіе русскимъ литературнымъ языкомъ и во всякомъ случаѣ всегда склонные въ устной бесѣдѣ съ учениками съ русскаго языка перейти на польскій. Польскій составъ

[1]) Записки Іосифа, митр. литовскаго, I, 572.

учащаго персонала вообще сильно тормозилъ всѣ благія начинанія Новосильцева. Но онъ, считая подчиненныя ему школы польскими, не принималъ противъ него никакихъ мѣръ, хотя необходимость ихъ уже тогда сознавали нѣкоторые изъ современныхъ ему западнорусскихъ дѣятелей. Іосифъ Сѣмашко въ 1830 году проектировалъ ввести въ учебныхъ заведеніяхъ виленскаго округа преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ, замѣнивши постепенно учителей-поляковъ природными русскими, или по крайней мѣрѣ хорошо знающими русскій языкъ [1]). То же самое еще раньше проектировалъ бѣлорусскій генералъ-губернаторъ кн. Хованскій (въ 1825 г.).

Этимъ желаніямъ Іосифа Сѣмашко и кн. Хованскаго суждено было осуществиться лишь послѣ польскаго возстанія 1831 года. Мѣропріятія Новосильцева, конечно, внесли нѣчто новое, русское въ жизнь школы виленскаго округа; но они не настолько были радикальны, чтобы измѣнить прежнюю польскую ея физіономію. Въ концѣ его попечительства, школа виленскаго учебнаго округа была въ существѣ дѣла такою же польскою, какою она ему досталась отъ его предмѣстника,—польскою по языку, на которомъ преподавались въ ней науки, по составу начальниковъ ея и преподавателей, по контингенту учащихся. Аристократизмъ школы во вкусѣ старопольскихъ шляхетскихъ традицій, вполнѣ естественный и совершенно понятный при польскомъ попечителѣ округа, уцѣлѣлъ во всей своей неприкосновенности и при первомъ русскомъ попечителѣ виленскаго округа. Въ довольно многочисленныхъ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ, превосходившихъ по объему изучаемыхъ въ нихъ наукъ наши теперешнія прогимназіи, учились дѣти высшаго и средняго классовъ,—поляковъ—помѣщиковъ, поляковъ—чиновниковъ, ополяченныхъ мѣщанъ. Новосильцевъ ничего не сдѣлалъ для образованія крестьянскаго населенія, принадлежавшаго въ значительной части своей (особенно въ гродненской и минской губерніяхъ) къ уніатскому вѣроисповѣданію и часто подъ наружнымъ покровомъ уніи остававшагося весьма близкимъ къ православію. Отъ

[1]) Тамъ же, 576.

прежняго времени оставалось небольшое число приходскихъ училищъ, находившихся почти исключительно въ рукахъ католическаго духовенства. Этими немногими польскими училищами и ограничивалось въ попечительство Новосильцева все народное образованіе какъ въ литовскихъ, такъ и въ бѣлорусскихъ частяхъ его округа [1]). При крайне приниженномъ и угнетенномъ положеніи крѣпостного западно-русскаго крестьянства, поступленіе крестьянскихъ дѣтей въ гимназіи и уѣздныя училища было бы очень рѣдкимъ явленіемъ даже въ томъ случаѣ, если бы дѣти русскихъ крестьянъ пользовались для этого всѣми юридическими правами. Но во времена крѣпостного права крестьяне лишены были права учиться въ гимназіяхъ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 19 августа 1827 года повелѣвалось, чтобы крестьяне обучались только въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ и въ частныхъ заведеніяхъ, если объемъ ученія въ нихъ не выше, чѣмъ въ уѣздныхъ училищахъ. Любопытно, что по поводу этого рескрипта, Новосильцевъ вошелъ въ министерство (10 ноября 1827 г.) съ особымъ представленіемъ о недопущеніи въ виленскомъ округѣ людей не свободнаго состоянія даже въ уѣздныя училища. Это представленіе подсказано было попечителю ректоромъ Пеликаномъ, „усердствовавшимъ, по выраженію Новосильцева, въ точности исполнить священныя намѣренія Государя Императора“. Самое представленіе мотивировалось тѣмъ, что уѣздныя училища въ виленскомъ округѣ стоятъ на гораздо высшей степени, чѣмъ въ другихъ округахъ. На это представленіе кн. Ливенъ отвѣчалъ (9 іюня 1828 г.), что такъ какъ скоро выйдутъ новые уставы для учебныхъ заведеній, то, чтобы не дѣ-

---

[1]) Гораздо правильнѣе смотрѣли на народъ и его просвѣщеніе столь не симпатичные Новосильцеву лучшіе представители бѣлаго уніат. духовенства. «Пора народу проснуться отъ своего невѣжества (писалъ проф. Бобровскій). Грамота легка, а время, если и ушло отъ нашихъ бѣдныхъ предковъ, такъ не отъ насъ. Учительская обязанность должна быть возложена на приходскихъ священниковъ». А у виленскаго оффиціала Сосновскаго, въ его клещельскомъ приходѣ (гродненск. губ.) были въ нѣсколькихъ деревняхъ *русскія* школы, въ которыхъ обучали славянской, русской и польской грамотѣ, а въ нѣкоторыхъ церковному пѣнію, учили также ариѳметикѣ, огородничеству. (Подробности см. у Бобровскаго, Греко-ун. церковь, стр. 331—333).

лать на короткое время перемѣнъ, слѣдуетъ обучающихся въ уѣздныхъ училищахъ крестьянскихъ дѣтей оставить въ нихъ до времени, но впредь въ эти училища ихъ не принимать (св. 158, д. 1349).

По причинѣ ограниченнаго числа польскихъ приходскихъ школъ и закрытія дѣтямъ крестьянскаго населенія доступа въ польскія гимназіи, западно-русское крестьянство въ массѣ своей оставалось за чертой непосредственнаго вліянія польской школы и польской образованности. Съ этой стороны, принятая тогда въ виленскомъ округѣ польская система образованія не представляла большой опасности для русскаго дѣла, и Новосильцеву, пожалуй, можно поставить въ отрицательную заслугу его полное пренебреженіе къ низшему народному образованію, къ его развитію и усиленію въ немъ господствовавшаго тогда польско-католическаго духа. Опасность грозила съ другой стороны. Полонизирующему вліянію тогдашней школы виленскаго округа подвергалось другое сословіе, стоявшее въ самой близкой, живой и непосредственной связи съ народомъ, пережившее вмѣстѣ съ нимъ цѣлые вѣка правительственнаго и помѣщичьяго гнета, находившееся и теперь, подъ русскою властью, въ прежнемъ крайне зависимомъ положеніи отъ высшихъ польскихъ классовъ мѣстнаго общества. Мы говоримъ о низшемъ уніатскомъ духовенствѣ. Особыхъ духовно-учебныхъ заведеній для образованія дѣтей уніатскаго духовенства не существовало въ Польшѣ; въ уніи образованіе было удѣломъ только монаховъ, а приходскихъ священниковъ предпочитали держать въ относительномъ невѣжествѣ. Уніатскіе священники посылали дѣтей своихъ учиться въ польскія гимназіи и уѣздныя училища, если имѣли нужныя для этого матеріальныя средства; но эти средства далеко не всегда у нихъ были. По окончаніи этихъ учебныхъ заведеній, а чаще всего — до полнаго окончанія ихъ, кандидаты священства въ такъ называемыхъ ставленническихъ семинаріяхъ (большею частью при базиліанскихъ монастыряхъ) обучались церковному уставу и пріобрѣтали механическій навыкъ къ совершенію богослуженія. Отъ такой постановки дѣла въ общемъ результатѣ выходило, что низшее уніатское духовенство было мало образовано и къ тому же часто проникнуто базиліанскимъ польско-

католическимъ духомъ, и чѣмъ невѣжественнѣе былъ уніатскій священникъ, тѣмъ сильнѣе онъ проникнутъ былъ этимъ духомъ, тѣмъ опаснѣе былъ для русскаго дѣла. Счастливое исключеніе изъ этого общаго правила представляли собой только тѣ уніатскіе священники, которые учились въ главной семинаріи при виленскомъ университетѣ. Въ этой семинаріи богословское образованіе чуждо было крайностей ультрамонтанскаго направленія, имѣя подъ собой болѣе или менѣе твердую научную основу, и во всякомъ случаѣ не позволяло складываться въ головахъ ея питомцевъ тѣмъ узкимъ и одностороннимъ взглядамъ, которые столь обычны въ католическихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но Виленская главная семинарія не могла имѣть прямого и широкаго вліянія на народъ потому уже одному, что въ ней всегда училось очень ограниченное число уніатскихъ клириковъ [1]).

Давно уже, съ самаго начала XIX вѣка, даже ранѣе этого, высшее бѣлое уніатское духовенство всѣми силами добивалось учрежденія епархіальныхъ духовныхъ семинарій. Въ полоцкой епархіи, благодаря стараніямъ митр. Ираклія Лисовскаго, духовная уніатская семинарія открыта была еще въ 1803 году. Въ епархіяхъ литовской и брестской всѣ замѣчательно настойчивыя усилія бѣлаго духовенства, особенно оффиціала Сосновскаго, направленныя къ той же цѣли, долгое время оказывались безплодными,—разбивались всякій разъ о противодѣйствіе базиліанскихъ монаховъ, дѣйствовавшихъ тоже съ неутомимой энергіей, такъ какъ епархіальныя уніатскія семинаріи предполагалось открыть на счетъ имуществъ упраздняемыхъ базиліанскихъ монастырей. Только въ 1828 году, уже при ближайшемъ участіи Іосифа Сѣмашко, открыта была въ м. Жировицахъ, въ зданіяхъ закрытаго базиліанскаго монастыря, литовская духовная семинарія [2]), для образованія уніатскаго духовнаго юношества литовской епархіи. Вмѣ-

---

[1]) О главной семинаріи см. нашу статью: «Объ основаніи и устройствѣ главной семинаріи при виленскомъ университетѣ» (Христ. Чтеніе, 1887).

[2]) Подробности см. въ книгѣ о. Извѣкова «Исторія литовской дух. семинаріи» (Вильна, 1892).

сто выработки для нея особаго устава, какъ это раньше, повидимому, предполагалось [1]), въ этой семинаріи, какъ и въ раньше открытой полоцкой, принятъ былъ тогдашній уставъ православныхъ русскихъ семинарій [2]), и преподаваніе всѣхъ общеобразовательныхъ предметовъ постепенно вводилось на русскомъ языкѣ (богословскія науки въ ней, какъ и въ тогдашнихъ нашихъ православныхъ семинаріяхъ, преподавались на латинскомъ языкѣ). Введеніе русскаго преподавательскаго языка на первыхъ порахъ сопряжено было съ немалыми трудностями, такъ какъ и преподаватели (изъ воспитанниковъ главной семинаріи), и ученики знали только мѣстныя нарѣчія—бѣлорусское и малорусское, и не владѣли хорошо русскою литературною рѣчью. Но эти трудности вскорѣ удалось преодолѣть, и къ началу 30-хъ годовъ на территоріи управляемаго Новосильцевымъ учебнаго округа возникло уніатское средне-учебное заведеніе съ преподаваніемъ наукъ на русскомъ языкѣ. Въ 1830 году епископъ Іосифъ Сѣмашко нашелъ въ литовской семинаріи успѣхи въ русскомъ языкѣ гораздо лучше, чѣмъ ожидалъ найти [3]).

Литовской уніатской семинаріи легче было сообщить русское направленіе, чѣмъ тогдашнимъ свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ виленскаго округа. Въ Жировицахъ не нужно было ломать стараго зданія, а можно было заложить прочный русскій фундаментъ: нельзя было почерпнуть силы въ прошломъ, за то не было непреодолимыхъ препятствій въ настоящемъ. Въ свѣтскихъ школахъ, напротивъ, дѣйствовала цѣлая, вѣками сложившаяся система, очень удачно для своей цѣли составленная. Эту систему прежде всего и нужно было разрушить; а это, какъ оказалось впослѣдствіи, было очень не легкое дѣло...

Новосильцевъ въ своихъ мѣропріятіяхъ не стремился еще къ разрушенію этой системы; напротивъ онъ иногда только мѣшалъ русскому государственному строительству другихъ на западно-рус-

---

[1]) Бобровскій, Греко-уніат. церковь, 325.

[2]) До этого на территоріи тогдашняго виленскаго учебнаго округа существовало только одно среднеучебное русское заведеніе—минская православная духовная семинарія.

[3]) Записки, I, 571—572.

ской землѣ. Все вниманіе его направлено было на усиленіе административнаго контроля надъ учебными заведеніями, въ видахъ искорененія въ нихъ антиправительственнаго духа: въ самыхъ школьныхъ безпорядкахъ онъ видѣлъ не результатъ польской патріотической системы воспитанія, а порожденіе такъ называемаго тогда „господствующаго духа времени" и нерадѣніе училищныхъ начальствъ. Дѣятельность Новосильцева по усмиренію школьныхъ безпорядковъ отличалась большой энергіей и сопровождалась (какъ по крайней мѣрѣ ему самому казалось) полнымъ успѣхомъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, интересный рапортъ его министру о посѣщеніи виленскаго университета (26 дек. 1830 г.) главнокомандующимъ дѣйствующей въ Польшѣ арміи (тогда уже началось польское возстаніе) гр. Дибичемъ-Забалканскимъ. Гр. Дибичъ произнесъ въ университетѣ къ студентамъ краткую рѣчь и объявилъ имъ Высочайшее благоволеніе за хорошее поведеніе; ректоръ тотчасъ же перевелъ эту рѣчь на польскій языкъ, присоединивши и съ своей стороны приличное случаю наставленіе. „Увѣдомляя о всемъ этомъ вашу свѣтлость (писалъ Новосильцевъ кн. Ливену), долгомъ считаю присовокупить, что все вообще юношество, число коего въ семъ случаѣ простиралось до 3,000 человѣкъ, сохранило во время посѣщенія главнокомандующаго должную тишину и порядокъ, внимая—можно сказать—съ благоговѣйнымъ уваженіемъ словамъ знаменитаго посѣтителя. Не менѣе того нахожу нужнымъ довести до свѣдѣнія вашей свѣтлости, что во ввѣренномъ мнѣ округѣ, какъ безпрерывно получаемыя отъ мѣстныхъ начальниковъ донесенія удостовѣряютъ, сохраняется заведенный порядокъ и совершенное спокойствіе" (св. 214, д. 2000).

Не долго послѣ написанія этого донесенія пришлось Новосильцеву оставаться въ своемъ оптимистическомъ настроеніи. Виленскій университетъ, а за нимъ и среднія учебныя заведенія вскорѣ скомпрометировали себя дѣятельнымъ участіемъ въ польскомъ возстаніи 1831 года... 1 мая 1832 года послѣдовало оффиціальное закрытіе виленскаго университета и самого виленскаго учебнаго округа. Новосильцевъ навсегда уѣхалъ изъ Вильны.

П. Жуковичъ.

Православная пасхалія

и общедоступныя пособія и руководства по хронологіи.

Въ статьѣ „О реформѣ православнаго календаря“, помѣщенной въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ (№ 6 за 1892 г., стран. 86—89), были указаны истинныя основы *христіанскаго* лѣтосчисленія и приведены мотивы, по которымъ мы считаемъ пока болѣе соотвѣтствующимъ ему стиль русскій,—старый или юліанскій, такъ какъ только при немъ одномъ удовлетворяется каноническое требованіе апостольскихъ правилъ и Никейскаго собора, что пасха христіанская не должна ни предупреждать еврейскую, ни совпадать съ нею во днѣ, между тѣмъ на Западѣ бываетъ и то и другое. Не всѣ остались довольны нашими замѣчаніями, а нѣкоторые поняли ихъ въ томъ смыслѣ, что мы ратуемъ противъ научной точности, когда рѣчь шла лишь о томъ, что послѣдняя не должна изгонять и уничтожать каноновъ, которымъ въ вопросѣ о календарѣ *христіанскомъ* принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, равное значеніе. Впрочемъ, важно уже и то, что даже самый горячій защитникъ „календарной реформаціи“, г. Филипповъ, призналъ законность указанной нами постановки дѣла и обѣщалъ приспособить къ ней свою систему (см. газету *День*, 1892 г., №№ 1327 и 1347). Однако, если и появится проектъ, безукоризненный и въ церковномъ и въ научномъ отношеніяхъ, — перемѣна принятаго теперь календаря не можетъ случиться скоро; при томъ же, во всякомъ случаѣ пасхалія, въ существенномъ, должна сохраниться въ прежнемъ видѣ. Поэтому въ практическихъ интересахъ не безполезно

указать нѣкоторые простѣйшіе способы относительно нахожденія важнѣйшихъ хронологическихъ пунктовъ по нашему старому стилю.

Для ближайшихъ своихъ цѣлей мы сначала постараемся объяснить прилагаемую къ церковнымъ мѣсяцесловамъ таблицу подъ заглавіемъ „Ключь вкратцѣ“, гдѣ всѣ вычисленія построены на воскресныхъ буквахъ или вруцѣлѣтіяхъ.

Первый вопросъ въ хронологіи—найти правило для опредѣленія дня недѣли въ данное число мѣсяца, принимая, что созданіе міра было въ пятницу перваго марта за 5508 лѣтъ до Рожд. Хр., какъ это усвоено пасхальнымъ лѣтосчисленіемъ. Для сего всѣ дни недѣли обозначаются славянскими буквами въ слѣдующемъ порядкѣ: Г—пятница, В—суббота, А—воскресенье, З—понедѣльникъ, Ѕ—вторникъ, Є—среда, Д—четвергъ. Въ первый годъ всѣ дни его будутъ соотвѣтствовать этимъ буквамъ и воскресенье всегда совпадаетъ съ А; но такъ какъ количество недѣль въ году не полное (52 нед.+1 день или, въ високосѣ, 52 нед.+2 дня), то и буквы воскресныя въ разные годы будутъ неодинаковыми, станутъ приходиться не на одни и тѣже дни. Воскресныя буквы, очевидно, должны перемѣняться, что̀ продолжается въ теченіи 28 лѣтъ (каковой періодъ называется *кругомъ солнца*), послѣ чего онѣ опять принимаютъ прежній порядокъ за всѣ слѣдующіе 28 годовъ. Отсюда понятно, что если намъ извѣстно вруцѣлѣтіе для даннаго года, то мы знаемъ уже, на какой день недѣли падало его начало или 1-ое марта. Посему для опредѣленія воскресной буквы даннаго года нужно отыскать его положеніе въ 28-лѣтнемъ періодѣ. Для этого избранный годъ слагаютъ съ 5508 г. отъ сотворенія міра и дѣлятъ на 28; частное (0=28) покажетъ, которымъ онъ будетъ въ кругѣ солнца. Для упрощенія работы можно просто прилагать только 20 (ибо за 20 лѣтъ до Р. Хр. начался новый 197-й кругъ солнца). По остатку въ таблицѣ находимъ ключевую букву, напр. для 12—А, для 14—Г, для 26—Д. Послѣ этого уже не трудно пріурочить и каждый день этого года къ соотвѣтствующей буквѣ. Для этого нужно сосчитать количество дней отъ 1 марта по взятое число, отнять три (ибо 1 марта равняется пятницѣ) и раздѣлить на семь; частное будетъ равняться по порядку одной изъ

слѣдующихъ буквъ: З, Ѕ, Є, Д, Г, В, А, причемъ 0=7 или А. Теперь можно найти день недѣли для любаго числа какого угодно года. Возьмемъ хотя бы 15-е число мѣсяца мая 1892 г. 20+1892=1912:28 даетъ остатокъ 8, т. е. его вруцѣлѣтіе Г. До 15 мая протекло съ 1 марта (31+30+15) дней 76—3=73 : 7 даетъ остатокъ 3; слѣдовательно для 15 мая буквою будетъ сей годъ служитъ Є. Считая Г за воскресенье, по первому порядку буквъ увидимъ, что Є упадетъ на пятницу, когда и придется въ 1892 г. день 15-го мая. Само собою понятно, что для нынѣшняго гражданскаго стиля ключевую букву для января и февраля нужно брать изъ предыдущаго года, ибо въ пасхальномъ лѣтосчисленіи, съ 1-го марта, эти мѣсяца составляютъ конецъ стараго года, а не начало новаго. Этого же результата можно достигнуть еще проще по формулѣ проф. Д. Перевощикова. Предыдущій данному годъ раздѣлить на 4 и найти число дней отъ 1 января до избраннаго числа; сложить всѣ эти числа и сумму раздѣлить на 7:—остатокъ покажетъ день, если считать воскресенье=1 и т. д., суббота=7 или 0. Такъ, для 15 мая 1892 г. имѣемъ: 1891+(1891:4=)472+(31+29+31+30+14=) 135=2498:7 даетъ остатокъ 6, равняющійся пятницѣ.

Но для православнаго лѣтосчисленія еще важнѣе знать, въ какое число придется въ данномъ году пасха, такъ какъ именно этотъ праздникъ лежитъ въ его основѣ. Онъ совершается: а) послѣ перваго весенняго полнолунія, если оно приходится въ день или въ слѣдъ за весеннимъ равноденствіемъ, б) послѣ втораго (т. е. апрѣльскаго), когда мартовское будетъ раньше указанныхъ сроковъ, в) въ первый воскресный день или въ слѣдующій, если пасхальное полнолуніе упадетъ на пятницу, субботу и воскресенье. Значитъ, въ этомъ случаѣ нужно отыскать число пасхальнаго полнолунія и соотвѣтствующій ему день недѣли. Такъ какъ 12 лунныхъ мѣсяцевъ—отъ полнолунія до полнолунія—меньше юліанскаго года почти на 11 дней, то фазы луны для каждаго года будутъ неодинаковы; иначе сказать: не въ каждомъ году полнолуніе будетъ совпадать съ его началомъ. Замѣчено, что фазы луны повторяются чрезъ 19 лѣтъ (Метоновъ циклъ): это

кругъ луны, по отношенію къ которому необходимо опредѣлить, какое мѣсто занимаетъ въ немъ взятый годъ. Для сего нужно вычислить, сколько прошло полныхъ лунныхъ круговъ; остатокъ, называемый золотымъ числомъ, покажетъ искомую величину. Въ церковномъ времясчисленіи началомъ круговъ луны берется 5508 отъ С. М., при чемъ съ (5508 : 19=289+) 17 года до Р. Хр. начинается новый (290-й) кругъ. Но оказалось, что новолуніе христіанской эры совпадало съ 1 января за годъ до Р. Хр. и, слѣдовательно, церковное лѣтоечисленіе, полагающее этотъ пунктъ въ (5508+2=) 5510 г. вмѣсто 5507 г., отстаетъ въ кругахъ луны на 3 года; потому, прибавивъ къ избранному году 17 и раздѣливъ сумму на 19, мы получимъ только *кругъ луны*, а для отысканія истиннаго золотаго числа должны присовокупить еще 3 и изъ суммы, если она больше 19, вычесть цифру 19. Помноживъ золотое число на 11 и раздѣливъ на 30, найдемъ въ частномъ — количество полныхъ круговъ за этотъ періодъ и въ остаткѣ (въ астрономіи „эпакта", въ церковномъ времясчисленіи *основаніе*)—ея дѣйствительное положеніе въ мартѣ взятаго года (ибо январь и февраль составляютъ двѣ полныя лунаціи). Новолуніе бываетъ черезъ 30 дней: слѣдовательно оно=30 — основаніе; полнолуніе же происходитъ чрезъ 15 дней и слѣдовательно= 30 — основаніе+15. Оно и признается пасхальнымъ, если будетъ больше 19 или если будетъ равняться 19(-му числу марта); въ противномъ случаѣ, оно не будетъ таковымъ,—и истинное пасхальное полнолуніе наступитъ въ апрѣлѣ, для чего слагаемъ мартовское съ 30 и вычитаемъ 31 день марта.

Такъ для 1892 г.: кругъ луны = (1892+17 = 1909:19= 100+) 9, золотое число=9+3=12; основаніе=(12×11 : 30= 4+)12; новолуніе=(30—12=) 18, полнолуніе (18+15)=33 марта или (33—31) 2 апрѣля. День недѣли находится, какъ указано выше. Вруцѣлѣтіе для 1892 г. Г; съ 1 марта до 2 апрѣля прошло 33 дня; поэтому ему будетъ соотвѣтствовать (33—3 : 7= 4+) 2 или буква S, которая упадетъ на четвергъ. Пасха будетъ въ ближайшее воскресенье или чрезъ 3 дня, т. е. 5 апрѣля [1]).

[1]) Объ отношеніи принятыхъ «пасхальныхъ» элементовъ къ астроно-

Опредѣливъ всѣ основанія за 19-лѣтній періодъ, мы найдемъ, что пасха можетъ быть только въ границахъ между 22 марта и 25 апрѣля, т. е. въ одинъ изъ 35 дней между ними. Каждый изъ нихъ обозначается буквами славянскаго алфавита по порядку (А=1, Ѕ=8, З=9, Ѿ=24, Ж=34, Ѧ=35), называемыми „ключевыми“ или „ключами границъ“; онѣ указываютъ, на сколько дней данная пасха удалена отъ 21 марта. Такъ, сейгодъ она отстоитъ на (31+5=36—21=) 15 дней, и ключевою буквой для него будетъ Н (нашъ).

По этимъ ключевымъ буквамъ отыскиваются всѣ праздники и посты слѣдующимъ образомъ:

1) Преполовеніе равняется ключевой буквѣ+14 апрѣля, т. е. Н или 15+14 апр.=29 апрѣля;

2) Вознесеніе Н+29 апр.=44—30=14 мая;

3) Троицынъ день Н+9 мая=24 мая;

4) мясопустъ или заговѣнье предъ Петровымъ постомъ Н+16 мая=31 мая (слѣд., постъ съ 1-го іюня);

5) Великій постъ: въ простомъ году ключь+24 января и въ високосѣ ключь+25 января (для 1892 г.: 15+25 января)= мясопустъ (40—31—9 февраля), а чрезъ 7 дней будетъ сыропустъ или полное заговѣнье (для 1892 г.: 9 февр.+7=16 февраля);

6) Продолженіе мясоястія въ простомъ году=ключевой буквѣ+31 и въ високосномъ=ключевой буквѣ 32; для 1892 г. имѣемъ 15+32=47 или 6 недѣль и пять дней.

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить поясненіе двухъ терминовъ. Индиктомъ называется пятнадцатилѣтній періодъ, почему, сложивъ данный годъ съ 5508 отъ С. М. и раздѣливъ на 15, получимъ число прошедшихъ индиктовъ и въ остаткѣ—годъ новаго индикта. Для 1892 г.: 1892 + 5508 = 7400 : 15 = 493 и остатокъ

мическимъ и о необходимости удерживать первыя даже при несоотвѣтствіи ихъ послѣднимъ см. въ статьѣ проф. Моск. духовной академіи Д. Ѳ. Голубинскаго «О времени празднованія пасхи у христіанъ востока и запада» въ апрѣльскомъ (4-мъ) №-рѣ «Богословскаго Вѣстника» за 1892 г., стр. 73—88.

5, т. е. этотъ годъ 5-й въ 494 индиктѣ. Для краткости индиктами называютъ самые остатки (для 1892 г. будетъ индиктъ 5-й или Д). Его отличаютъ отъ „индиктіона“ или „великаго пасхальнаго круга“, обнимающаго 532 г. (19-лѣтній кругъ луны, помноженный на 28-лѣтній кругъ солнца), послѣ котораго числа Пасхи и подвижные праздники возвращаются къ прежнему порядку. Если такой индиктіонъ есть, стóитъ только найти положеніе даннаго года въ немъ, — и тогда соотвѣтствующая таблица укажетъ всѣ нужные праздники. 1892 годъ будетъ 484-мъ въ 14-мъ индиктіонѣ (1892 + 5508 = 7400 : 532 = 13 и 484 въ остаткѣ).

По 7000 г. отъ С. М. (или по 1492 отъ Р. Х.) включительно годъ на Руси считался съ 1 марта, а съ 7001 по 7207 С. М. (1669 Р. Х.)—съ 1 сентября; съ 7208 (или 1700 отъ Р. Хр.) съ 1 января. При вычисленіяхъ древнихъ датъ и переводѣ ихъ на наше гражданское (январьское) лѣтосчисленіе въ годахъ мартовскихъ или пасхальныхъ для мѣсяцевъ января и февраля нужно вычитать изъ нихъ 5507 л., въ годахъ сентябрьскихъ или церковныхъ для мѣсяцевъ сентября, ноября и декабря нужно вычитать 5509 л.; когда годъ сентябрьскій переводится на мартовскій, вычитаемъ изъ него 5509 лѣтъ для мѣсяцевъ съ сентября по февраль; наоборотъ—вычитаемъ для тѣхъ же мѣсяцевъ 5507 лѣтъ.

Мы объяснили всѣ элементы церковнаго календаря и указали способы, какъ нужно пользоваться ими для различныхъ вычисленій. На основаніи ихъ же можно дѣлать и провѣрку историческихъ данныхъ. Такъ, въ „Псковской лѣтописи“ значится: „Индикта 1, въ лѣто 6497, ключь границъ 100, кругъ солнца 28, врудѣлѣто 7, а лунѣ кругъ 17, а жидомъ пасха 5 апрѣля въ пятницу, а христіаномъ пасха апрѣля 8“. 6497 отъ дѣленія на 15 даетъ 433 съ остаткомъ 2, т. е. *второй* индиктъ. Ясно, что здѣсь счетъ ведется по сентябрьскому году; потому изъ него вычитается уже 5509 лѣтъ. Получается 988. Сложенный съ 5508 и раздѣленный на 28, онъ даетъ 28-й кругъ солнца. 988 + 17 : 19 даетъ 17-й кругъ луны. Въ 28 кругѣ солнца врудѣлѣтіе 3 или 7. Золотое число (17 + 3 = 20—19) = 1; основаніе 1 × 11 = 11,

потому новолуніе 30 — 11 = 19 марта. Полнолуніе 19 + 15 = = 34—31 = 3 апрѣля. 31 + 3—3 : 7 даетъ остатокъ 3 или буква ℭ, которая при вруцѣлѣтіи Ѕ будетъ соотвѣтствовать вторнику. Отсюда 5 апр. будетъ равняться четвергу, но не пятницѣ (значитъ, въ лѣтописи ошибка или въ днѣ или числѣ), а пасха православная въ ближайшее воскресенье упадетъ на 8 апр. Отъ 1 марта по это число прошло 39 дней, слѣд. отъ 21 марта оно отстоитъ на 39—21 или 18, каковая буква въ ключахъ приходится на Р, а она значитъ 100.

Изъ представленнаго нами разбора видно однакоже, что, не смотря на несложность, вычисленіе указанными пріемами требуетъ большой ловкости, снаровки и „чистоты", да еще нѣкоторыхъ таблицъ. Поэтому издавна придумывались разные способы для облегченія отыскиванія, по крайней мѣрѣ, дня пасхи. Такъ въ старинной книгѣ „Рука Богогословля" и рукописи Имп. Публ. Библіотеки № 199 имѣется „Ручная Пасхалія", гдѣ всѣ пасхальные термины пріурочены къ суставамъ пальцевъ. Это наглядно, но дѣла не облегчаетъ, ибо требуетъ большой памяти. Единственно вѣрнымъ методомъ остается здѣсь чисто математическій. У насъ пользуется извѣстностію формула проф. А. Н. Савича, признанная акад. Буняковскимъ весьма остроумною, но въ ней важную роль играютъ „условія" или „оговорки", затрудняющія процессъ. Безъ сомнѣнія, она точна, но все же нѣсколько сложна и при недостаточной внимательности можетъ вести къ невѣрнымъ выводамъ. И мы лично знаемъ, какъ одинъ преподаватель математики высчиталъ по ней пасху въ среду. Со стороны простоты лучшею остается формула Гауса, по которой можно находить и пасху православную и западную,—по григоріанскому календарю. Тутъ на первомъ мѣстѣ стоятъ элементы M и N. Для стараго стиля они постоянны: $M = 15$, $N = 6$; но въ новомъ они мѣняются: по таблицѣ Деламбера для годовъ съ 1800 по 1899—$M = 23$, $N = 4$, съ 1900 по 1999—$M = 24$, $N = 5$, съ 2000 по 2099—$M = 24$, $N = 5$. Затѣмъ система Гауса заключается въ слѣдующемъ:

1) Взятый годъ нужно раздѣлить на 19, на 4 и на 7; получимъ остатки a, b и c. 2) Сумму 19. $a + M$ раздѣлить на

30;—остатокъ будетъ d. 3) Сумму $2.b + 4.c + 6.d + N$ раздѣлить на 7; — остатокъ будетъ e. 4) Пасха будетъ въ этомъ году или $22 + d + e$ марта, или $(d + e - 9)$ апрѣля. Отсюда можно опредѣлить пасху православную и западную для 1892 г. Въ первомъ случаѣ мы имѣемъ: a (1892 : 19) = 11; b (1892 : 4) = O; c (1892 : 7) = 2; d (19 × 11 + 15 : 30) = 14; e (2 × 0 + 4 × 2 + 6 × 14 + 6 : 7) = O. Пасха будетъ 22 + 14 + 0 = 36 марта или (36—31) 5 апрѣля. Для новаго стиля d = (19. a + 23 или 19 × 11 + 23 =) 232 : 30 = *22*; e = (2. b + 4. c + 6. d + 4 или 0 + 8 + 132 + 4 =) 144 : 7 = *4*; поэтому сейгодъ пасха на Западѣ будетъ 22 + 22 + 4 = 48 марта или 17 апрѣля, т. е. въ одинъ день съ православною, поелику у „грегоріанцевъ“ числа считаютъ на 12 дней впередъ противъ нашего.

Однакоже и формула Гауса—при всѣхъ своихъ достоинствахъ— не можетъ считаться самою простою. Помимо привходящихъ элементовъ M и N, она требуетъ помнить порядокъ дѣйствій и въ самыхъ вычисленіяхъ даетъ слишкомъ большія числа, при которыхъ скорѣе возможны ошибки и недосмотры. Поэтому не безъинтересно сообщить о новой попыткѣ по этому предмету г. Сплендорова, опубликованной въ №-рѣ 6 (за 15-ое марта) „Извѣстій по Казанской епархіи“ за 1892 г. (стран. 133—138); она чужда этихъ недостатковъ и наглядна, а анализъ ея открываетъ возможность вычисленія дня празднованія пасхи безъ всякихъ формулъ при помощи четырехъ простыхъ ариѳметическихъ дѣйствій.

Вотъ сущность соображеній автора. Пасха совершается въ одно изъ чиселъ съ 22-го марта по 25-ое апрѣля включительно, т. е. въ теченіе 35 дней, или семи недѣль. Изъ нихъ образуется таблица (№ 3-й) въ пять вертикальныхъ и семь горизонтальныхъ колоннъ. Соотвѣтственно этому ряду составляется второй—точно также въ пять вертикальныхъ и семь горизонтальныхъ рядовъ — изъ чиселъ съ 0 по 27 включительно, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы чрезъ каждыя четыре цифры оставалось одно пустое мѣсто (№ 2-й). Сверхъ сего необходима еще третья таблица, которая—подобно двумъ первымъ—состоитъ изъ пяти вертикальныхъ

и семи горизонтальныхъ рядовъ. Она получается слѣдующимъ способомъ. На послѣднемъ (седьмомъ) мѣстѣ снизу въ пятой вертикальной колоннѣ слѣва пишется 1; каждая дальнѣйшая цифра должна быть больше предшествующей на 11 (т. е. вторая будетъ равняться 12, третья—23), но если она превысить 29, то изъ нея нужно вычесть 30 и продолжать такимъ же путемъ, пока не заполнятся всѣ тридцать пять мѣстъ. Послѣ этого мы будемъ имѣть слѣдующую схему:

№ I.						№ II.						№ III.				
												Мартъ		Апрѣль		
15	28	11	24	7	=	5	11	16	22	—	=	22	29	5	12	19
4	17	0	13	26	=	4	10	—	21	27	=	23	30	6	13	20
23	6	19	2	*15*	=	—	9	15	20	26	=	24	31	7	14	21
12	25	8	21	*4*	=	3	8	14	—	25	=	25	Апр. 1	8	15	22
1	14	27	10	*23*	=	2	—	13	19	24	=	26	2	9	16	23
20	3	16	29	*12*	=	1	7	12	18	—	=	27	3	10	17	24
9	22	5	18	*1*	=	0	6	—	17	23	=	28	4	11	18	25

Теперь избранный годъ нужно раздѣлить на 19 и 28 и приискать мѣсто остатковъ отъ дѣленія въ таблицахъ I и II; при этомъ пять послѣднихъ (подчеркнутыхъ) чиселъ пятой вертикальной колонны таблицы I не слѣдуетъ принимать во вниманіе, ибо они встрѣчались ранѣе, такъ что для остатковъ 15. 4. 23. 12 и 1 положеніе годовъ будетъ въ первой, а не въ пятой колоннѣ. Если мѣста остатковъ отъ дѣленія года на 19 и 28 въ таблицахъ I и II придутся на одной горизонтальной чертѣ, то числомъ пасхи будетъ въ III таблицѣ то, которое находится на той же горизонтальной чертѣ въ вертикальной колоннѣ, соотвѣтствующей колоннѣ перваго остатка въ таблицѣ I. Если остатки упадутъ не на одну и ту же горизонтальную линію, то въ первой таблицѣ нужно взять изъ слѣдующихъ за остаткомъ то число, которое бу-

детъ по отношенію ко второму именно въ такомъ положеніи, и затѣмъ—соотвѣтственно ему—найти въ III таблицѣ требуемую дату. Такъ, отъ дѣленія 1892 г. получаются остатки 11 и 16 на одной горизонтальной линіи, при чемъ 11 находятся въ третьей колоннѣ табл. I; поэтому пасха будетъ 5 апрѣля. 1893 г. даетъ остатки 12 и 17 не на одной горизонтальной чертѣ; послѣ 12 ближайшимъ числомъ въ табл. I на той же линіи будетъ 9, а ему въ табл. III равняется 28 марта. 1897 г. даетъ остатки 16 и 21 не на одной чертѣ, при чемъ послѣ 16 въ таблицѣ I положенію 21 таблицы II будетъ соотвѣтствовать 13, каковое въ III таблицѣ указываетъ на 13-ое апрѣля. Для 1907 г. остатки будутъ 7 и 3 не на одной горизонтальной линіи, а послѣ 7 въ пятой колоннѣ таблицы I положенію второго остатка будетъ соотвѣтствовать цифра 4, для которой въ таблицѣ III имѣемъ 22. Слѣдовательно въ 1907 г. пасха будетъ 22-го апрѣля.

Изъ сказаннаго видно, что въ изложенной системѣ главную роль играетъ положеніе остатковъ отъ дѣленія года па 19 и 28 въ горизонтальныхъ и вертикальныхъ рядахъ въ ихъ взаимномъ отношеніи и соотвѣтственно числамъ съ 22-го марта п 25-е апрѣля. Нѣтъ ли тутъ какого нибудь общаго закона?

Разсматривая предложенныя таблицы съ этой стороны, мы замѣчаемъ, что если данный остатокъ отъ дѣленія года на 19 увеличить столькими десятками, сколько будетъ въ остаткѣ единицъ отъ дѣленія его на 3, и сумму вычесть изъ 46, то получимъ вертикальное и горизонтальное его положенія въ табл. I. Такъ 1894 г., дѣленный на 19, даетъ остатокъ 13; послѣ дѣленія его на 3 получаемъ въ остаткѣ 1 и потому увеличиваемъ на одинъ десятокъ. 13+10 или 23, отнятыя отъ 46, даютъ 23. Такъ какъ въ каждой колоннѣ семь мѣстъ, то для 1894 г. оно будетъ *вторымъ* въ четвертой колоннѣ, ибо 23 : 7 даютъ 3 полные ряда и въ остаткѣ 2, т. е. второе мѣсто ряда четвертаго.

Во II таблицѣ послѣ каждаго четвертаго числа имѣется пустое мѣсто; поэтому ко второму остатку нужно прибавить столько единицъ, сколько разъ содержится въ немъ 4, и сумму раздѣлить на

семь: частное покажетъ, что онъ находится въ слѣдующемъ вертикальномъ рядѣ, а остатокъ—*мѣсто* его въ послѣднемъ. 1894 г., раздѣленный на 28, даетъ въ остаткѣ 18, въ которомъ четыре четверки (18 : 4 = *4* + 2). Поэтому 18 + 4 = 22 : 7 = 3 + 1; то есть для этого года во второй таблицѣ будетъ мѣсто 1 (или второе, поскольку внизу первой колонны нуль) въ четвертомъ рядѣ.

Послѣ этого требуется опредѣлить, совпадаютъ ли эти мѣста по горизонтальному направленію, — а если нѣтъ, то какой вертикальный рядъ табл. I будетъ соотвѣтствовать взятому году. Первое, очевидно, случится только тогда, когда сумма ихъ мѣстъ будетъ равна 7 (напр. для 1892 г. съ остатками 11 и 16 имѣемъ: 11 : 3 = 3 + 2. 11. + 20 = 31; 46 — 31 = 15 : 7 = 2 + *1*; 16 : 4=4, поэтому 16+4=20: 7 = 2 + *6*; 1 + 6 = 7); коль скоро этого нѣтъ, значитъ въ горизонтальныхъ рядахъ остатки этого года будутъ отстоять между собою на столько, на сколько сумма ихъ мѣстъ въ рядахъ вертикальныхъ не хватаетъ до 7, на каковую разность и нужно подвинуть впередъ № мѣста остатка перваго. Для 1894 г. мы имѣемъ 2 и 1; слѣдовательно 2+1=3; 7—3=4; 23+4=27. Ясно, что для этого года пасха подвинулась впередъ отъ 22 марта на 27 дней, изъ коихъ 10 дней (съ 22 по 31-ое число марта) падаетъ на мартъ; поэтому, вычтя изъ 27 цифру 10, для пасхи сего года будемъ имѣть 17-ое апрѣля.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ можно вычислить пасху и безъ всякихъ таблицъ при помощи однихъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій. Вся операція будетъ заключаться въ слѣдующемъ (*способъ первый*):

А) Взятый годъ нужно раздѣлить на 19 и 28 и замѣтить полученные отъ дѣленія остатки.

В) Первый остатокъ увеличить (прибавить къ нему) столькими десятками, сколько получится въ остаткѣ единицъ отъ дѣленія его на 3. Для 1895 г. остатокъ равняется 14; 14 : 3 = 4 + 2; слѣдовательно получимъ 14 + 20 = 34.

Если остатокъ отъ дѣленія года на 19 равняется нулю или 1 и 2, которыя не дѣлятся на три цѣлымъ числомъ съ остаткомъ, то нужно прибавить столько десятковъ, сколько единицъ такой оста-

токъ показываетъ. Такъ, для годовъ съ 1900 по 1902 получаются остатки: 0. 1 и 2; значитъ для нихъ имѣемъ 0. 11 и 22.

Если остатокъ дѣлится на три вполнѣ, то къ нему не нужно дѣлать никакихъ прибавленій. Посему, напр., 1893 : 19 = 99 + 12 : 3 = 4 + 0; потому беремъ просто 12. Для 1903 года принимаютъ 3, ибо 3 : 3 = 1 + 0.

В) Найденное число вычитаемъ теперь изъ 46 и замѣчаемъ этотъ новый остатокъ; для 1895 г. получаемъ (46 — 34 =) 12.

Если отъ вычитанія получится число большее 30, то изъ него отнимаемъ еще 30. Для 1903 г. имѣемъ (1903 : 19 = 100 + 3; 46 — 3 = 43 — 30 =) 13.

Г) Послѣднее число *В* дѣлимъ на семь и запоминаемъ остатокъ. Для 1903 года таковой будетъ равняться (13 : 7 = 1 +) 6.

Если при такомъ дѣленіи на 7 получается въ частномъ нуль, то это означаетъ, что взятый годъ въ колоннѣ первой таблицы занимаетъ, по своему положенію, послѣднее или седьмое мѣсто сверху; поэтому такіе нули нужно считать равными семи. Для 1899 г. при остаткѣ 18 (отъ дѣленія его на 19) имѣемъ (18 : 3 = 6 + 0; 46 — 18 = 28 : 7 = 4 +) 0, каковой и считаемъ за 7.

Если остатокъ меньше 7, тогда, очевидно, избранный годъ занимаетъ въ первой вертикальной колоннѣ слѣва таблицы I то мѣсто, сколько показываетъ цифра остатка; понятно, что въ такихъ случаяхъ дѣленій на 7 производить не нужно, а слѣдуетъ просто запоминать для Г самый остатокъ В. Для 1904-го года, при остаткѣ (отъ дѣленія на 19) 4, имѣетъ (4 + 10 = 14; 46 — 14 = 32 — 30 =) 2; эта послѣдняя цифра (2) будетъ служить и для В и для Г.

Д) Остатокъ отъ дѣленія года на 28 увеличиваемъ столькими единицами, сколько разъ въ немъ содержится 4. 1895 г. : 28 = 67 + 19 : 4 = 4 + 3. Поэтому 19 + 4 = 23.

Если этотъ остатокъ равняется нулю или меньше 5 (не больше 4), то никакихъ прибавокъ не дѣлается, ибо самый остатокъ уже показываетъ положеніе взятаго года въ первой колоннѣ снизу второй таблицы. Для годовъ съ 1904 по 1908 отъ дѣленія на 28 получаемъ 0. 1. 2. 3. 4.

Е) Найденное число дѣлимъ 7 и отмѣчаемъ остатокъ. Для 1895 г. получаемъ (23 : 7 = 3 +) *2*. Для 1911 г. имѣемъ (1911 : 28 = 68 + 7; 7 : 4 = 1 + 3; 7 + 1 = 8; 8 : 7 = 1 +) *1*.

Если число Д меньше 7, то дѣленіе не производится, ибо для такого года положеніемъ будетъ въ первой колоннѣ второй таблицы то мѣсто, сколько обозначаетъ число Д. Для годовъ съ 1904 по 1908 имѣемъ 0. 1. 2. 3. 4. Для 1909 г. получимъ (1909 : 28 = 68 + 5; 5 : 4 = 1 + 1; поэтому 5 + 1 =) 6.

Если отъ дѣленія этого числа на 7 получится 0, то значитъ взятый годъ равняется седьмому мѣсту въ колоннѣ второй таблицы; потому 0 = 7. Такъ, (1899-й г.) : 28 = 67 + 23 : 4 = 5 + 3; 23 + 5 = 28 : 7 = 4 + 0; отсюда 0 = 7.

Ж) Числа Г и Е слагаемъ и вычитаемъ изъ 7. Для 1894 г. Г = (1894 : 19 = 99 + 13; 13 : 3 = 4 + 1; 13 + 10 = 23; 46 — 23 = 23 : 7 = 3 +) *2* и Е = (1894 : 28 = 67 + 18; 18 : 4 = 4 + 2; 18 + 4 = 22 : 7 = 3 +) *1*. Поэтому Ж (2 + 1 = 3; 7 — 3) = 4.

Если сумма Г и Е больше 7, то ее слѣдуетъ вычитать изъ 14-ти. Напр., для 1890 г. Г и Е = 0 и 3 или 7 + 3 = 10; 14 — 10 = 4.

З) Это число приложимъ къ цифрѣ В и, если сумма больше 10, вычитаемъ изъ нея 10: тогда и будетъ для пасхи число апрѣля. Для 1895 г. В = 12, а Ж = (1895 : 28 = 67 + 19; 19 : 4 = 4 + 3; 19 + 4 = 23 : 7 = 3 + 2; 5 + 2 = 7; 7 — 7 =) 0. 12 + 0 = 12 — 10 = 2. Пасха будетъ втораго апрѣля. Для 1890 года Ж равняется 4, а З — (7 + 4 =)11; пасха была (11— 10=) 1-го апрѣля.

Если сумма Ж и З меньше 10, то ясно, что пасха отъ перваго пункта пасхальнаго предѣла не подвинулась за границу марта (21 + 10 = тридцать одному дню марта); въ такомъ случаѣ къ этой суммѣ нужно прибавить 21 и результатъ укажетъ для пасхи соотвѣтствующее число марта. Возьмемъ 1877-й годъ. В = (1877 : 19 = 98 + 15; 46 — 15 = 31 — 30 =) 1. Г = 1. Е = (1877 : 28 = 67 +) 1. Ж = (1 + 1 = 2; 7 — 2 =) 5. Ж +

В = (5 + 1 =) 6; 6 + 21 = 27. Пасха въ 1877 году была 27-го марта.

Приведемъ теперь для иллюстраціи, по примѣру на каждый случай.

1) Случай—наиболѣе правильный: 1894-й годъ. Остатки его 13 и 18. В = (13 : 3 = 4 + 1; 13 + 10 = 23; 46 — 23 =) 23. Г = (23 : 7 = 3 +) 2. Е = (18 : 4 = 4 + 2; 18 + 4 = 22 : 7 = 3 +) 1. Ж = (2 + 1 = 3; 7 — 3 =) 4. 23 + 4 = 27 — 10 = 17-ое апрѣля.

2) 1900-й годъ. Остатки 0 и 24. В = [46 = (0 + 30 =)] 16. Г = (16 : 7 = 2 +) 2. Е = (24 : 4 = 6; 24 + 6 = 30 : 7 = 4 +) 2. Ж = (2 + 2 = 4; 7 — 4 =) 3. Пасха = (16 + 3 = 19 — 10) 9-го апрѣля. 1901-й годъ. Остатки 1 и 25. В = [46 — (1 + 10 =) 35 — 30 =] 5. Г = 5. Е = (25 : 4 = 6 + 1; 25 + 6 = 31 : 7 = 4 +) 3. Ж = (5 + 3 = 8; 14 — 8 =) 6. Пасха будетъ = (5 + 6 = 11 — 10) 1-го апрѣля. 1902-й годъ. Остатки 2 и 26. В = [46 — (2 + 20 =)] 24. Г = (24 : 7 = 3 +) 3. Е = (26 : 4 = 6 + 2; 26 + 6 = 32 : 7 = 4 +) 4. Ж = (3 + 4 = 7; 7 — 7 =) 0. Пасха будетъ (24 — 10 =) 14-го апрѣля.

3) 1903-й годъ. Остатки 3 и 27. В = (46 — 3 = 43 — 30 =) 13. Г = (13 : 7 = 1 +) 6. Е = (27 : 4 = 6 + 3; 27 + 6 = 33 : 7 = 4 +) 5. Ж = (6 + 5 = 11; 14 — 11 =) 3. 13 + 3 = 16 — 10 = 6; т. е. пасха 6-го апрѣля.

4) 1899-й годъ. Остатки 18 и 23. В = (18 : 3 = 6; 46 — 18 =) 28. Г = (28 : 7 = 4 +) 0 или 7. Е = (23 : 4 = 5 + 3; 23 + 5 = 28 : 7 = 4 +) 0 или 7. Ж = (7 + 7 = 14 — 14 =) 0. 28 — 10 = 18-му апрѣля, когда и будетъ пасха.

5) 1904-й годъ. Остатки 4 и 0. В = (4 : 3 = 1 + 1; 4 + 10 = 14; 46 — 14 = 32 — 30 =) 2. Г = 2. Е = 0. Ж = (2 + 0 = 2; 7 — 2 =) 5. 2 + 5 = 7 + 21 = 28-ое марта, на которое и упадетъ пасха.

6) 1909-й годъ. Остатки 9 и 5. В = (9 : 3 = 3 + 0; 46 — 9 = 37 — 30 =) 7. Г = (7 : 7 = 1 +) 0 или 7. Е = (5 : 4 = 1 + 1;

5 + 1 =) 6. Ж = (7 + 6 = 13; 14 — 13 =) 1. 7 + 1 = 8 + 21 = 29-му марта, когда и придется пасха.

7) 1915-й годъ. Остатки 15 и 11. В = (46 — 15 = 31 — 30 =) 1. Г = 1. Е = (11 : 4 = 2 + 3; 11 + 2 = 13 : 7 = 1 +) 6. Ж = (1 + 6 = 7; 7 — 7 =) 0. 1 + 0 = 1 + 21 = 22; пасха будетъ 22-го марта. 1885-й годъ. Остатки 4 и 9. В = (4 : 3 = 1 + 1; 4 + 10 = 14; 46 — 14 = 32 — 30 =) 2. Г = 2. Е = (9 : 4 = 2 + 1; 9 + 2 = 11 : 7 = 1 +) 4. Ж = (2 + 4 = 6; 7 — 6 =) 1. 2 + 1 = 3 + 21 = 24; пасха приходилась 24-го марта.

Всю процедуру, какъ она изложена выше, можно нѣсколько видоизмѣнить и, пожалуй, упростить. Тогда получится *второй способъ для отысканія дня празднованія св. пасхи* въ какомъ угодно году. Всѣ дѣйствія будутъ располагаться въ слѣдующемъ порядкѣ.

α) Избранный годъ раздѣлить на 28 и къ полученному остатку прибавить содержащееся количество четверокъ; эту сумму затѣмъ раздѣлить на 7 и остатокъ (какой бы онъ ни былъ,—даже если нуль) вычесть изъ семи и разницу запомнить. Напр. 1916 годъ. 1916 : 28 = 68 + 12; 12 : 4 = 3; 12 + 3 = 15; 15 : 7 = 2 + 1; 7 — 1 = 6.

Если остатокъ отъ дѣленія года на 28 меньше 4, то его нужно прямо вычитать изъ семи и замѣчать эту разницу. Для 1904 она будетъ равняться (1904 : 28 = 68 + 0. 7 — 0 =) 7. Для 1907 г. она = (1907 : 28 = 68 + 3. 7 — 3 =) 4.

Если остатокъ отъ дѣленія года на 28, увеличенный количествомъ содержащихся въ немъ четверокъ, будетъ меньше 7, то его нужно прямо вычитать изъ семи. Для 1908 г. будетъ имѣть (1908 : 28 = 68 + 4; 4 : 4 = 1; 4+1=5; 7—5=) 2. Для 1909 г. получится (1909 : 28 = 68+5; 5 : 4=1+1; 5+1=6; 7—6=)1.

Если остатокъ отъ дѣленія года на 28, увеличенный соотвѣтствующимъ количествомъ четверокъ, — послѣ дѣленія его на 7— дастъ нуль, то этотъ нуль и вычитать изъ 7. Для 1910 г. имѣемъ (1910 : 28 = 68 + 6; 6 : 4 = 1 + 2; 6 + 1 = 7; 7 : 7 = 1 + 0; 7—0=) 7.

β) Тотъ же избранный годъ раздѣлить на 19 и остатокъ увеличить столькими десятками, сколько единицъ получится въ остаткѣ отъ дѣленія его на 3, и сумму вычесть изъ 46. Если этотъ остатокъ на три дѣлится на цѣло или меньше трехъ (т. е. 0. 1 и 2), то нужно вычитать прямо его; если по вычитаніи разница будетъ равна 30 или больше 30, то вычесть еще 30. Для 1916 г. имѣемъ (1916 : 19 = 100 + 16; 16 : 3 = 5 + 1; 16 + 10 = 26; 46 — 26 =) 20. Для 1918 имѣемъ (1918 : 19 = 100 + 18; 18 : 3 = 6 + 0; 46 — 18 =) 28. Для 1902 г. имѣемъ (1902 : 19 = 100 + 2; 46 — 2 = 44; 44 — 30 =) 14. Для 1904 г. получится (1904 : 19 = 100 + 4; 4 : 3 = 1 + 1; 4 + 10 = 14; 46 — 14 = 32; 32 — 30 =) 2.

γ) Если послѣдняя разница меньше 7 и разницы α или равна ей, то послѣднюю (α) прибавить къ 21—и въ суммѣ получимъ для пасхи соотвѣтствующее число марта. Для 1942 г. α = (1942 : 28 = 69 + 10; 10 : 4 = 2 + 2; 10 + 2 = 12; 12 : 7 = 1 + 5; 7 — 5 =) 2; γ = (1942 : 19 = 102 + 4; 4 : 3 = 1 + 1; 4 + 10 = 14; 46 — 14 = 32 — 30 =) 2. γ или 2 < 7 и = α или 2; потому 21 + 2 = 23. Пасха въ 1942 г. будетъ 23-го марта.

δ) Если разница β больше α, то къ α нужно прибавить столько семерокъ, сколько разъ 7 содержится въ γ; сумму прибавить къ 21.

Если получится цифра меньше 31, она будетъ обозначать для пасхи число марта; если больше 31, вычесть изъ нея 31 — и получимъ для пасхи число апрѣля. Для 1909 г. имѣемъ: α = (1909 : 28 = 68 + 5; 5 : 4 = 1 + 1; 5 + 1 = 6; 7 — 6 =) 1, β = (1909 : 19 = 100 + 9; 9 : 3 = 3 + 0; 36 — 9 = 37 — 30 = 7; 7 : 7 = 1 + 0; 7 × 1 =)7. α + β или 1 + 7 = 8; 21 + 8 = 29; пасха будетъ 29-го марта.. Для 1905 года получаемъ: α = (1905 : 28 = 68 + 1; 7 — 1 =) 6; β = (1905 : 19 = 100 + 5; 5 : 3 = 1 + 2; 5 + 20 = 25. 46 — 25 = 21 : 7 = 3 + 0; 7 × 3 =) 21. 6 + 21 = 27 + 21 = 48 — 31 = 17; пасха въ 1905 году будетъ 17-го апрѣля.

Въ заключеніе предлагаемъ анализъ двухъ примѣровъ для крайнихъ сроковъ, когда вообще бываетъ пасха, т. е. для 22-го марта и для 25-го апрѣля.

Для перваго случая можно взять 1915 г. Для него получаемъ: $\alpha = (1915 : 28 = 68 + 11 : 4 = 2 + 3;\ 11 + 2 = 13;\ 7 = 1 + 6;\ 7 - 6 =)\ 1$; $\beta = (1915 : 19 = 100 + 15;\ 15 : 3 = 5 + 0;\ 46 - 15 = 31 - 30 =)\ 1$. $21 + 1 = 22$; пасха въ 1915 г. случится 22-го марта.

Для втораго случая возьмемъ 2800 г. Для него имѣемъ: $\alpha = (2800 : 28 = 100 + 0;\ 7 - 0 =) 7$; $\beta = (2800 : 19 = 147 + 7;\ 7 : 3 = 2 + 1;\ 7 + 10 = 17;\ 46 - 17 = 29 : 7 = 4 + 1;\ 7 \times 4 =)\ 28$. $7 + 28 = 35$; $21 + 35 = 57 - 31 = 25$; это показываетъ, что пасха въ 2800 г. будетъ 25-го апрѣля.

Но само собою понятно, что всѣ разобранные нами способы не даютъ еще всего, что можетъ потребоваться въ хронологическихъ изысканіяхъ для практическихъ и научныхъ цѣлей. Поэтому присоединяемъ обозрѣніе общедоступныхъ пособій по хронологіи въ русской литературѣ.

Хорошее руководство по этому предмету представляетъ книга г. *Г. М.* „Времясчисленіе у древнихъ и новыхъ народовъ“ (Казань, 1884 г. II + 96 стр. Цѣна 75 к.). Здѣсь авторъ даетъ сжатое обозрѣніе календарей и эръ у разныхъ народовъ и затѣмъ (гл. III) внимательно излагаетъ „русское лѣтосчисленіе“, чего нѣтъ въ переводномъ трудѣ (1867 г.) Лалоша „Времясчисленіе христіанскаго и языческаго міра“. Послѣдняя (IV) глава посвящена подробному ученію о „православной пасхаліи“ и даетъ всѣ нужныя—научныя, историческія и церковныя—свѣдѣнія. Въ приложеніяхъ находимъ „Пасхальный кругъ съ обозначеніемъ годовъ XI, XIII и XIV (текущаго) индиктіоновъ“, „Таблицу луннаго теченія“, „Пасхалію зрячую по ключевымъ буквамъ“ съ расписаніемъ подвижныхъ праздниковъ, „Указатель дней недѣли, въ которые приходятся 1, 8, 15, 22 и 29 числа каждаго мѣсяца въ мартовскомъ, сентябрьскомъ и январьскомъ годахъ простыхъ и високосныхъ, на всѣ числа, въ которыя бываетъ св. пасха, т. е.

съ 22 марта по 25 апрѣля“, „Таблицу для нахожденія дней недѣли, соотвѣтствующихъ даннымъ числамъ мѣсяцевъ въ текущемъ и прошломъ столѣтіяхъ, обнимающихъ періодъ русской исторіи“ и „Переводъ мартовскихъ и сентябрьскихъ годовъ по январьскимъ“.

Изучивъ эту книгу, каждый безъ особеннаго труда сдѣлаетъ всѣ нужныя ему вычисленія. Но само собою понятно, что для этого необходимы нѣкоторыя познанія и математическая опытность, между тѣмъ далеко не всѣ обладаютъ такими качествами, а иногда хронологическія справки требуются быстро. Для такихъ лицъ можно порекомендовать „Справочный табличный календарь съ пасхаліею на всѣ годы по православному лѣтосчисленію, (старому стилю“, составленный по православной пасхаліи священникомъ виленской дворцовой церкви Капитономъ Петровымъ (Вильна 1887. Цѣна 25 коп.). Это небольшая книжка въ 14 листиковъ съ двумя указателями и XIV таблицами, которыя — для удобства пользованія — можно наклеить на картонъ или полотно:—тогда „календарь“ будетъ стѣннымъ. Для употребленія его нужно только умѣніе раздѣлить избранный годъ на 28 или 19 и произвести самое простое вычитаніе, и затѣмъ онъ покажетъ *а*) число пасхи въ какомъ угодно году и зависящіе отъ нея праздники и посты (недѣли, подготовительныя къ посту, Вербное воскресеніе, Вознесеніе, Пятидесятницу, продолжительность Петрова поста и пр.) и *б*) во всѣхъ годахъ отъ Сотворенія Міра до Рождества Христова и послѣ него—1) день недѣли, когда извѣстны годъ, мѣсяцъ и число, 2) числа мѣсяца, когда знаемъ годъ, мѣсяцъ и день и 3) мѣсяцъ, когда даны годъ, число и день. Книжка эта весьма практична и пригодна „для историческихъ, юридическихъ и семейныхъ справокъ“. Вся процедура занимаетъ не болѣе двухъ-трехъ минутъ, но показанія ея безусловно вѣрны.

Для тѣхъ, кто стѣсняется даже первыми ариѳметическими дѣйствіями или тяготится обращаться къ помощи карандаша, очень пригоденъ „Общедоступный вѣчный календарь“ (Харьковъ, 1891 г., цѣна съ перес. 40 коп.). Онъ состоитъ изъ трехъ таблицъ. Таблица I—„для опредѣленія дней недѣли, соотвѣствующихъ числамъ

мѣсяцовъ" въ годахъ отъ сотворенія міра и по Рождествѣ Христовомъ, а для русской исторіи—въ годахъ мартовскихъ (кончая 7000-мъ отъ сотв. міра) и въ сентябрьскихъ (съ 7001 до 7208-го отъ сотв. міра). По этой таблицѣ можно узнать: 1) день недѣли по году и числу, 2) по тѣмъ же даннымъ распредѣленіе чиселъ всѣхъ мѣсяцевъ по днямъ недѣли и 3) то, въ какіе годы бываетъ совпаденіе такого-то числа мѣсяца съ извѣстнымъ днемъ, напр. 1-го апрѣля съ воскресеньемъ, 1-го февраля съ пятницей и т. п. Таблица II—„для отысканія дней празднованія Пасхи"—представляетъ собственно пасхальныя полнолунія, но праздникъ Воскресенія Христова находится легко и безошибочно. Таблица III показываетъ распредѣленіе постовъ, мясоѣдовъ и подвижныхъ праздниковъ соотвѣтственно числу дня св. пасхи въ избранномъ году. На отдѣльномъ листкѣ приложенъ „карманный календарикъ на 200 лѣтъ" (съ 1800 до 2000 года) для распредѣленія чиселъ взятаго года по днямъ недѣли.

Разсмотрѣнный нами „Общедоступный вѣчный календарь" составленъ примѣнительно къ даннымъ г. Г. М. (хотя, можетъ быть, и независимо отъ него) и вполнѣ удовлетворяетъ своимъ цѣлямъ.

Еще бóльшее упрощеніе представляетъ остроумный и оригинальный способъ, предложенный въ 1891 г. на страницахъ московскаго иллюстрированнаго журнала „Наука и Жизнь". Это крестообразная таблица; въ верхней части — цифры столѣтій юліанскаго и грегоріанскаго календарей, внизу — десятки и единицы, справа—мѣсяцы, слѣва — числа. Въ срединѣ подвижной кружокъ съ обозначеніемъ дней недѣли. Стóитъ только сдѣлать три поворота этого кружка,—и по даннымъ числа мѣсяца и года легко находится соотвѣтствующій имъ день недѣли.

Этотъ календарь отвѣчаетъ только на одинъ вопросъ, но преимущества его тѣ, что онъ упрощенъ до minimum'а и принимаетъ во вниманіе лѣтосчисленіе грегоріанское, чего въ другихъ нѣтъ.

На томъ же принципѣ возможной простоты, но въ болѣе широкомъ масштабѣ построенъ выпущенный въ 1891 г. въ Москвѣ

„Полный общедоступный стѣнной календарь стараго и новаго стилей съ вѣчной пасхаліей православной церкви“ г. Г. Іоффе (цѣна съ пересылкой 1 р. 20 коп.). Это большой плотный пергаментный листъ, на которомъ четко и въ нѣсколько красокъ отпечатаны „Вѣчный календарь“, „Вѣчная пасхалія православной церкви“ со „вспомогательною таблицей“ и табель „переходящихъ праздниковъ, сплошныхъ седмицъ, постовъ и дней поминовенія, зависящихъ отъ пасхи“. На поляхъ и на оборотной сторонѣ помѣщены необходимыя разъясненія и „научныя замѣтки“. Для пользованія точно такъ же нужно передвигать соотвѣтственныя полоски, пластинки и кружки. При помощи этихъ несложныхъ манипуляцій „Вѣчный календарь“ указываетъ 1) дни недѣли по году и числу и 2) годы — по дню въ извѣстное число даннаго мѣсяца. „Вѣчная пасхалія“ съ табелемъ показываетъ пасху и преходящіе праздники, а по дню пасхи взятаго года—число и день событія до или послѣ нея; по нимъ же обратно можно находить годы для извѣстныхъ комбинацій праздниковъ, напр.: когда Киріо-Пасха (т. е. Свѣтлое Воскресеніе) совпадаетъ съ Благовѣщеніемъ, 25-мъ марта, или когда Вознесеніе упадаетъ на 9-ое мая, день св. Николая Чудотворца и т. д.? Можно также „календарь“ поставить въ началѣ года, и онъ будетъ служить въ теченіе его по всѣмъ отмѣченнымъ вопросамъ.

Отсюда видно, что трудъ г. Іоффе „даетъ календарныя справки и отвѣты на всякіе вопросы, прямые и обратные, относительно постоянныхъ и преходящихъ праздниковъ, дней поминовенія, табельныхъ дней и т. п. въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ времени“. Всѣ эти свѣдѣнія—при небольшомъ навыкѣ—получаются легко, скоро и удобно безъ всякихъ вычисленій, а потому „Календарь“ г. Іоффе пригоденъ для всѣхъ грамотныхъ людей и можетъ быть полезенъ для научныхъ и практическихъ цѣлей. Научное его достоинство было признано физико-математической коммиссіей, которая дала одобрительный отзывъ. (См. IV-й томъ „Трудовъ отдѣленія физическихъ наукъ Императорскаго Общества любителей естествознанія“, Москва 1891 г.).

Съ своей стороны мы могли бы прибавить, что для полноты

дѣла не излишне бываетъ знаніе пасхаліи по грегоріанскому новому стилю, чего нѣтъ ни въ одномъ изъ разобранныхъ пособій. Для многихъ и не рѣдко это бываетъ нужно.

Для этой цѣли могутъ служить прекрасныя разсужденія г. Перевощикова („Правила времясчисленія, принятаго православною церковію". Москва 1850 г.) и прот. П. С. Делицына, проф. Моск. дух. академіи („Способъ находить въ данномъ году день святой Христовой пасхи у христіанъ какъ православныхъ, такъ и западныхъ" въ „Чтеніяхъ въ Московскомъ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія" за 1865 г.), которые даютъ также и обозрѣніе православнаго времясчисленія вообще; ими и мы пользовались въ началѣ статьи. Еще подробнѣе всѣ хронологическіе вопросы разбираются въ изданной въ С.-Петербургѣ въ 1879 году книгѣ покойнаго профессора новороссійскаго университета В. И. Лапшина подъ заглавіемъ „Лунное теченіе и разные способы опредѣленія пасхи православной и западной" (XVI + 83 стран., цѣна 25 коп. съ пересылкой вмѣсто номинальныхъ 75 коп.), хотя изложеніе иногда нѣсколько запутанно. Какъ видно отсюда, авторъ сосредоточивается на частномъ вопросѣ, но изслѣдуетъ его довольно обстоятельно и съ научной точки зрѣнія и съ практической стороны. Сочиненіе распадается на шесть отдѣловъ. Въ первомъ (§§-фы 1—15) приводятся общія свѣдѣнія о пасхѣ, годахъ, движеніи луны и другія необходимыя данныя, а затѣмъ подробно сообщается о приспособленномъ г. Лапшинымъ „приборѣ луннаго теченія" для опредѣленія Свѣтлаго Воскресенія и зависящихъ отъ него дней; онъ отпечатанъ на особомъ листѣ и легко можетъ быть приноровленъ для практическаго пользованія. Во второй части описываются разные старинные „лунники" по книгѣ В. Срезневскаго „Сѣверный рѣзной календарь", Magnusson'a Description of a norwegian clog Calender (Cambrige, 1879), Слѣдованной Псалтири 1686 г., „Рукѣ Богословлей" (Москва, 1787) и рукописи Императорской публичной библіотеки № 199 (§§-фы 16—21); разсужденія автора иллюстрируются и здѣсь точными чертежами въ приложеніи. Въ отдѣлахъ 3, 4 и 5 (§§-фы 22—38) приводятся разные способы опредѣленія Пасхи, напр. посредствомъ неопредѣленныхъ

уравненій съ двумя неизвѣстными, по формулѣ проф. А. Н. Савича и т. п., и ученіе о пасхальныхъ элементахъ (эпакта, основаніе, вруцѣлѣто, ключь границъ), гдѣ указано „приложеніе счисленія къ повѣркѣ данныхъ хронологическихъ въ русскихъ лѣтописяхъ“. Въ концѣ (§§-фы 39—43) обсуждается вопросъ о пасхѣ по грегоріанскому календарю; онъ разобранъ менѣе подробно, но настолько удовлетворительно, что сущность дѣла понятна,— особенно въ виду того, что изложеніе приспособляется къ православнымъ пасхальнымъ терминамъ.

Н. Г.

Новыя данныя къ вопросу объ учрежденіи сербской архіепископіи св. Саввою (въ XIII в.).

Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata edidit Ioannes Baptista cardinalis Pitra (Juris ecclesiastici Graecorum selecta paralipomena). Romae. 1891.

Въ 3—4 кн. „Христіанскаго Чтенія“ за 1891 годъ была напечатана наша статья „Историческій взглядъ на начало автокефаліи сербской церкви и учрежденіе патріаршества въ древней Сербіи“, перепечатанная потомъ въ „Славянскихъ Извѣстіяхъ“ за тотъ же годъ (№№ 14—17) и отдѣльной брошюрой (съ нѣкоторыми кое-гдѣ несущественными дополненіями). Въ указанной статьѣ посвящено между прочимъ нѣсколько страницъ историческому разъясненію факта учрежденія сербской архіепископіи св. Саввою, на основаніи главнымъ образомъ первоисточниковъ, имѣвшихся до сихъ поръ въ печати, и при должномъ вниманіи къ существующей литературѣ по данному вопросу [1]). Къ приведеннымъ и разъясненнымъ тамъ даннымъ извѣстныхъ первоисточниковъ можно присоединить теперь новыя дополнительныя подробности, не встрѣчавшіяся ранѣе въ печати, а обнародованныя только въ самое недавнее время въ посмертномъ изданіи кард. Питры, заглавіе котораго выписано нами выше, именно въ сборникѣ въ первый разъ издан-

---

[1]) Какъ первоисточники, такъ и литература по данному вопросу указаны въ упомянутой нашей статьѣ въ «Христ. Чтен.» 1891, кн. 3—4, въ 8 прим.

ныхъ теперь въ греческомъ оригиналѣ (безъ латинскаго перевода) „различныхъ сочиненій" Димитрія Хоматіана, охридскаго архіепископа конца XII и нач. XIII в. [2]). Въ одномъ изъ докумен-

---

[2]) Общее греческое заглавіе этого сборника: Δημητρίου τοῦ ἁγιωτάτου καὶ σοφωτάτου καὶ νομικωτάτου ἀρχιεπισκόπου πάσης Βουλγαρίας, τοῦ Χωματιανοῦ, πονήματα διάφορα πονηθέντα αὐτῷ χαρτοφύλακι ὄντι τῆς αὐτῆς ἁγιωτάτης μεγάλης ἐκκλησίας. Отсюда между прочимъ видно, что Димитрій Хоматіанъ былъ хартофилаксомъ великой (т. е. охридской) церкви, но сколько времени оставался онъ хартофилаксомъ—неизвѣстно. Неизвѣстно также и то, сколько времени онъ былъ и архіепископомъ охридскимъ. По крайней мѣрѣ, на основаніи документовъ изданнаго сборника ясно, что онъ велъ переписку съ сыномъ великаго жупана сербскаго Стефана Немани—также великимъ жупаномъ и впослѣдствіи королемъ Стефаномъ Первовѣнчаннымъ (1195—1224—8 гг.). Ср., напр., документы col. 1—12, 49—52, 59—64, 685—710. Въ одномъ изъ нихъ (именно col. 49—52) архіепископъ Димитрій пишетъ: Τῷ πανευγενεστάτῳ μεγάλῳ Ζουπάνῳ πάσης Σερβίας καὶ Διοκλείας ἐν Κυρίῳ ἀγαπητῷ ἡμῖν τέκνῳ κυρῷ Στεφάνῳ τῷ Νεεμάνῃ Δημήτριος ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς καὶ πάσης Βουλγαρίας... Такъ какъ въ этомъ письмѣ говорится объ Евдокіи, супругѣ Стефана, то подъ Стефаномъ Неманей этого письма нужно разумѣть не Стефана Неманю, оставившаго свой великожупанскій престолъ въ 1195 г., а его сына Стефана Первовѣнчаннаго, который былъ женатъ на дочери никейскаго императора Θеодора Ласкариса. Съ другой стороны, изъ нѣкоторыхъ документовъ нашего сборника видно, что Димитрій Хоматіанъ переписывался съ константинопольскимъ патріархомъ Германомъ II. Ср. col. 481—4: Πρὸς τὸν χειροτονηθέντα ἐν τῇ Νικαίᾳ πατριάρχην Κωνσταντινουπόλεως κυρὸν Γερμανόν. Нач: Τῷ παναγιωτάτῳ δεσπότῃ καὶ πνευματικῷ κυρίῳ μου καὶ πατρί, τῷ θεοτιμήτῳ Κωνσταντινουπόλεως νέας Ῥώμης καὶ οἰκουμενικῷ πατριάρχῃ Δημήτριος ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς καὶ πάσης Βουλγαρίας... Col. 483—6: Отвѣтъ патріарха Германа—Ἀντιγραφὴ τοῦ πατριάρχου κυροῦ Γερμανοῦ πρὸς τὴν ἀναγεγραμμένην γραφὴν τοῦ Βουλγαρίας ἀρχιεπισκόπου. Нач.: Μακαριώτατε ἀρχιεπίσκοπε πάσης Βουλγαρίας, ἀλλὰ μὴ σύναγέ σου τὴν τοῦ προσώπου διάχυσιν ἐπὶ τὸ στυγνόν... Въ этомъ письмѣ патріархъ Германъ II обличаетъ Димитрія Хоматіана между прочимъ за то, что онъ вѣнчалъ царскимъ вѣнцемъ деспота эпирскаго Θеодора Комнина (ок. 1222 г.): εἰπὲ γάρ, ἱερώτατε ἄνερ, пишетъ патріархъ Германъ, ἐκ ποίων σοι πατέρων ὁ τῆς στεφοδοσίας κλῆρος ἐιάθη; τίσι τῶν τῆς Βουλγαρίας ἀρχιεπισκόπων βασιλεῖς Αὐσόνων ἐστεφηφόρησαν πώποτε; πότε ἀρχιποίμην τῶν Ἀχριδῶν πατριαρχῶσαν προέτεινε δεξιάν, καὶ κεφαλὴν βασιλειῶσαν ἐσέμνωσε; δεῖξον ἡμῖν τὸν πατέρα, καὶ ἀρκεῖ ἡμῖν. На это письмо патріарха Германа послѣдовалъ отвѣтъ Димитрія Хоматіана, который не только защищаетъ свои права автокефаліи ссылкою, напр., на CXXXI Юстиніанову новеллу, но и возражаетъ противъ нарушенія его правъ чрезъ посвященіе въ Никеѣ архіепископа сербскаго (ок. 1218—19 г.), а также и противъ посвященія—τῆς ἱεραρχικῆς κεφαλῆς τῆς αὐτόθεν δεδομένης τῇ Ζαγορᾷ т. е. Болга-

товъ этого сборника, именно въ синодальномъ посланіи отъ имени архіеп. Димитрія Хоматіана и его священнаго синода къ „всечестному въ инокахъ и сыну великаго жупана Сербіи киръ Саввѣ“ [3]) и находятся тѣ подробности, которыя дополняютъ извѣстныя до сихъ поръ въ печати свѣдѣнія объ учрежденіи сербской архіепископіи и вообще о первоначальной организаціи сербской церкви св. Саввою. Но прежде чѣмъ излагать эти подробности, не излишне сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи, въ которомъ напечатанъ интересующій насъ документъ. Имѣя въ виду подробнѣе разсмотрѣть содержаніе упомянутаго сборника (по крайней мѣрѣ то, что касается исторіи православныхъ юго-славянскихъ церквей) впослѣдствіи, мы теперь ограничимся пока возможно-краткими замѣчаніями по этому поводу.

Изданный спустя два года послѣ смерти кардинала Питры († 1889 г.) сборникъ „различныхъ сочиненій“ Димитрія Хоматіана съ латинскимъ compendium'омъ (synopticon) греческаго текста и другими прибавленіями (basilica, гдѣ указано то, что заимствовано Димитріемъ изъ „василикъ“, onomasticon, т. е. указатель собственныхъ именъ, лицъ и мѣстностей, которыя упоминаются въ

ріи, такъ какъ—пишетъ Димитрій Хоматіанъ—μέρος γὰρ τῆς καθ' ἡμᾶς ἐπαρχίας ὁ Τέρνοβος. Кромѣ того, въ разсматриваемомъ сборникѣ есть письма Димитрія къ коронованному имъ царскимъ вѣнцемъ Ѳеодору эпирскому (ср. col. 53—56, 109—118, 473—478), который по крайней мѣрѣ до 1230 г. удерживалъ за собой обширныя свои владѣнія на Балканскомъ полуостровѣ. Слѣдовательно Димитрій Хоматіанъ былъ архіепископомъ въ концѣ XII в. и въ первой, можетъ быть и въ началѣ второй, четверти XIII в. Ср. объ этомъ французское предисловіе къ нашему сборнику pp. XXII—XXIV, а также *Голубинскаго* Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей болгарской, сербской и румынской (Москва 1871 г.), стр. 291. Мы пишемъ «Хоматіанъ» (Χωματιανὸς) вмѣсто употребительнаго «Хоматинъ» (Χωματηνός), такъ какъ послѣднее, хотя и встрѣчается въ нѣкоторыхъ греческихъ рукописяхъ, однако рѣже, чѣмъ первое. См. цит. сборникъ col. 719—20, ср. предисловіе къ сборнику pp. XXV—XXVI, гдѣ указаны другіе кодексы (кромѣ изданнаго мюнхенскаго), въ которыхъ встрѣчается названіе Χωματιανὸς чаще, чѣмъ Χωματηνός.

[3]) Цит. сборникъ, col. 381—390 Περὶ ἐπαρχιῶν, καὶ τῶν ὑπερορίως χειροτονούντων καὶ χειροτονουμένων. Ср. латинскій compendium, греческіе варіанты и примѣчанія на стр. 813.

разныхъ документахъ сборника, а также index лицъ, къ которымъ писалъ Димитрій, index analyticus и index generalis—общаго содержанія сборника) въ самомъ концѣ, былъ приготовленъ къ печати самимъ кардиналомъ Питрою, за исключеніемъ французскаго предисловія (XL стр.) и др., написаннаго послѣ его смерти издателемъ Альбертомъ Баттандьé [4]). Этотъ сборникъ, давно занимавшій неутомимаго ученаго кард. Питру, представляетъ собою заключительный его трудъ, дополняющій цѣлый рядъ выполненныхъ имъ изданій, относящихся между прочимъ не только къ исторіи церкви западной, но и восточной. Таковы между прочимъ его изданія: Spicilegium Solesmense (t. I—IV 1852—8 a.), Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta (t. I 1864 a., t. II 1868 a.), Analecta sacra (t. I—VI 1876—91 a., t. VIII 1882 a.), Analecta novissima De Epistolis Romanorum pontificum (t. I 1885 a.), и др. VII-й томъ его „Analecta sacra“ составляетъ настоящій сборникъ „различныхъ сочиненій“ главнымъ образомъ каноническаго содержанія (большею частію въ видѣ „отвѣтовъ“ на предлагаемые ему со стороны различныхъ лицъ „вопросы“), имѣющій поэтому немаловажное значеніе для исторіи каноническаго права восточной церкви, но представляющій также и свой особый спеціальный интересъ для изученія церковной исторіи южнаго славянства конца XII и начала XIII в., въ частности для церковной исторіи Балканскаго полуострова и въ особенности охридской архіепископіи въ данную эпоху. Сборникъ изданъ по греческой рукописи мюнхенской королевской библіотеки (Cod. LXII), которая еще ранѣе обстоятельно была описана Гардтомъ въ его „каталогѣ“ (Catalogus codicum manuscriptorum bibliothecae regiae Bavaricae. Monachii 1806, t. I, p. 336—367) [5]) и которая давно уже интересовала ученыхъ своимъ содержаніемъ [6]). Въ особенности интересъ къ ней возбуждался среди ученыхъ, занимавшихся церковно-

---

[4]) Ср. предисловіе (Préface), p. XX.

[5]) Въ первый разъ это описаніе помѣщено у Аретина Beiträge zur Geschichte und Literatur. Bd. II. Februar 1804, p. 16—47.

[6]) Ср. *Zhisman*, Das Eherecht der orientalischen Kirche. Wien. 1864,

историческими отношеніями славянъ Балканскаго полуострова [7]). Въ этомъ отношеніи, какъ сказано, изданный сборникъ представляетъ, дѣйствительно, не мало драгоцѣнныхъ данныхъ, которыя проливаютъ свѣтъ на нѣкоторыя церковно-историческія отношенія главнымъ образомъ въ границахъ охридской архіепископіи и въ сосѣднихъ съ нею частяхъ территоріи греческой, болгарской, сербской и пр. въ концѣ XII и первой половинѣ XIII вѣка.

Содержаніе разсматриваемаго сборника составляютъ, какъ значится въ надписаніи его [8]), „различныя сочиненія (πονήματα = tractatus) Димитрія, святѣйшаго, мудрѣйшаго и искуснѣйшаго въ законахъ архіепископа всей Болгаріи Хоматіана, написанныя (букв. выработанныя) имъ въ то время, когда онъ былъ хартофилаксомъ той же самой святѣйшей великой церкви“ (т. е. охридской) [9]). Т. е. въ сборникѣ содержится такъ сказать дѣловая переписка Димитрія Хоматіана—или отъ своего лично имени, или отъ имени синода своей церкви—съ разными лицами, занимавшими нерѣдко видное положеніе въ сферѣ церковно-административной, общественной, государственной и пр., именно съ патріархами, епископами, иноками, царями, князьями, дуками, простыми мірянами и пр. по разнымъ вопросамъ, главнымъ образомъ церковно-обрядовымъ, церковно-богослужебной практики и въ особенности каноническаго права. Издатель

---

[7]) Напр. *Голубинскій*, Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей—болгарской, сербской и румынской (Москва 1871), стр. 288 и др. См. также *Гласник* српског ученог друштва, кн. XXXIII (1872), гдѣ изданъ даже греческій текстъ съ сербскимъ переводомъ отвѣтовъ Димитрія Хоматіана на предложенные ему королемъ сербскимъ Стефаномъ Первовѣнчаннымъ вопросы относительно богослужебной практики, мѣстныхъ церковныхъ обычаевъ и пр. (Ἐρωτήσεις τοῦ πανευγενεστάτου ῥηγὸς Σερβίας κυροῦ Στεφάνου τοῦ Δοῦκα διάφοροι, καὶ πρὸς αὐτὰς ἀποκρίσεις τοῦ αὐτοῦ ἀρχιεπισκόπου πάσης Βουλγαρίας, κυροῦ Δημητρίου τοῦ Χωματιανοῦ. Цит. сборникъ, col. 685—710).

[8]) См. выше прим. 2.

[9]) Время написанія всѣхъ статей сборника обозначено здѣсь не совсѣмъ точно, такъ какъ почти всѣ статьи написаны въ то время, когда Димитрій Хоматіанъ былъ уже архіепископомъ, за исключеніемъ, напр., ст: Περὶ βαθμῶν κεκωλυμένων γάμων καὶ ἀκωλύτων (col. 1—12), Ἐρωτήσεις κανονικαὶ πρὸς τὸν χαρτοφύλακα ἐκεῖνον καὶ ἐπ' αὐταῖς ἀποκρίσεις (col. 709—718) и можетъ быть нѣкоторыя немногія другія.

сборника въ своемъ краткомъ „аналитическомъ“ индексѣ, приложенномъ въ самомъ концѣ изданія (с. 889—91), раздѣляетъ эти вопросы и отвѣты Димитрія Хоматіана на слѣдующія группы: a) de ordinationibus, b) de matrimonio, c) de criminibus, d) de testamentis, e) de proprietate и f) váría (незначительный отдѣлъ писемъ, не укладывающихся ни въ одну изъ указанныхъ рамокъ), хотя самые документы напечатаны и не въ порядкѣ этой схемы, а въ случайномъ вѣроятно порядкѣ ихъ распредѣленія въ изданной рукописи. Въ каждой изъ этихъ группъ, которыя—кстати—не всегда по указаніямъ индекса содержатъ матеріалъ однородный, по крайней мѣрѣ строго соотвѣтствующій идеѣ дѣленія,—значительную часть матеріала составляютъ конечно документы, характеризующіе тѣ или другія церковно-историческія отношенія въ предѣлахъ охридской архіепископіи и въ сосѣднихъ съ нею частяхъ балканско-славянской территоріи конца XII и первой половины XIII в. Есть конечно документы, содержаніе которыхъ не ограничивается только сферою тѣхъ или другихъ отношеній на Балканскомъ полуостровѣ, а обнимаетъ и внѣ этихъ границъ нѣкоторыя церковно-историческія явленія данной эпохи—напр. отношенія константинопольскаго патріарха (въ Никеѣ) къ охридскому архіепископу и т. п. [10]). Вслѣдствіе

---

[10]) Для примѣра укажемъ только заглавія нѣкоторыхъ болѣе интересныхъ для насъ документовъ, адресованныхъ извѣстнымъ лицамъ какъ въ предѣлахъ охридской архіепископіи, такъ и внѣ ея. Col. 1—11: Περὶ βαθμῶν κεκωλυμένων γάμων καὶ ἀκωλύτων (отвѣтъ нѣкоему Григорію Камонѣ, желавшему жениться на Комнинѣ, дочери сербскаго великаго жупана Стефана, вдовѣ умершаго Димитрія, родственника его прежней разведенной съ нимъ жены). Col. 39—48: Ἐπιστολὴ πρὸς τὸν χρηματίσαντα μητροπολίτην Κερκύρας τὸν Πεδάτη περὶ τῶν χειροτονηθέντων παρὰ τῶν Βουλγαροεπισκόπων τῶν ἀπὸ τῆς Ζαγορᾶς ἐξελθόντων καὶ περὶ συναλλάγματος, εἰ δηλαδὴ θεμιτόν ἐστι τὸν αὐτὸν καὶ ἕνα δυσὶ δισεξαδέλφαις συναφθῆναι (весьма любопытный документъ, содержащій въ себѣ новыя данныя для характеристики отношеній охридской іерархіи къ хиротоніи, совершенной надъ священниками и діаконами болгарскими епископами, прибывшими изъ Загорья, т. е. Болгаріи, послѣ того, какъ ἡ Βουλγαρικὴ ἐξουσία, οὐ πρὸ πολλοῦ, καὶ τὴν ἡμετέραν ταύτην ἐγκράτως θεμένη ὑφ' ἑαυτὴν κατέστησε καὶ ἀρχιερεῖς ὁμογλώσσους ἐν ταῖς πανταχοῦ τούτου κλίματος ἐκκλησίας—вмѣсто епископовъ, изгнанныхъ или умершихъ, и пр., гдѣ въ концѣ концевъ высказывается мнѣніе въ пользу снисхожденія, т. е. приня-

большого разнообразія всѣхъ этихъ документовъ, напечатанныхъ въ разсматриваемомъ сборникѣ, а также спеціальнаго характера

тія ихъ хиротоніи, согласно съ 68 прав. Апост. и 70 прав. трулльскаго собора, такъ какъ рукоположенные содержатъ туже «православную вѣру» и пр. Приводятся далѣе нѣкоторыя другія основанія въ пользу снисхожденія,—указываются нѣкоторыя фактическія подробности о первоначальномъ правильномъ посвященіи болгарскаго архіепископа-патріарха (который только впослѣдствіи въ это званіе — именно въ званіе архіепископа-примаса былъ возведенъ папою римскимъ) законнымъ ромейскимъ, т. е. греческимъ епископомъ виддинскимъ съ двумя другими епископами, не смотря на то, что главный виновникъ хиротоніи былъ убитъ болгарами за его приверженность къ «Романіи», т. е. къ грекамъ — διὰ τὸ ἐλέσθαι τὴν πρὸς τὴν Ῥωμανίαν ἐπάνοδον, и т. д. Нѣкоторыя критическія замѣчанія комментатора этого документа не отличаются исторической точностію. См., напр., с. 787, прим. 4—6; ср. предисловіе (Préface) р. XXXV, гдѣ подъ главнымъ виновникомъ хиротоніи напрасно подразумѣвается латинскій патріархъ, посланный въ Болгарію папою Иннокентіемъ III и посвященной въ Будѣ (?), такъ какъ въ документѣ прямо выражено: καὶ ὁ λεγόμενος δὲ πατριάρχης αὐτῶν, κἂν ὕστερον εἰς τὸ πατριαρχικὸν ἀξίωμα παρὰ τοῦ πάπα τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης ἀνήχθη· ἀλλὰ τὴν ἀρχὴν εἰς τὸν τῆς ἀρχιερωσύνης βαθμὸν παρὰ ἐπισκόπου ἐννόμου καὶ ῥωμαίου (ромейскаго, т. е. греческаго, а не римскаго) τοῦ Βυδίνης (т. е. Виддина, а не Буды) ἐκείνου καὶ ἑτέρων δύο ἐπισκόπων προήχθη· εἰδ' ὅτι καὶ αὐτὸς ὁ χειροτονήσας μετὰ ταῦτα ξίφει ἐτελειώθη μισηθεὶς παρὰ τῶν Βουλγάρων, διὰ τὸ ἑλέσθαι κ. τ. λ. Ясно, что говорится здѣсь о епископѣ-грекѣ, хиротонисовавшемъ въ самомъ началѣ (τὴν ἀρχὴν) болгарскаго архіепископа, признаннаго папою Иннокентіемъ III только впослѣдствіи (ὕστερον) въ званіи архіепископа-примаса. Это званіе получилъ отъ папы, какъ извѣстно, первый терновскій архіепископъ Василій только въ 1204 году, хотя посвященъ въ архіепископа вѣроятно въ 1185—6 гг. Ср. *Голубинскаго* Краткій очеркъ исторіи прав. ц., стр. 78, 80, 82 и др. Во второй части разсматриваемаго документа разрѣшается недоумѣніе по одному брачному вопросу. Col. 49—52: Περὶ γάμων ἀθεμίτων καὶ κεκωλυμένων (отвѣтъ великому жупану сербскому Стефану Немани ср. выше прим. 2). Col. 59—64: Περὶ ἀνήβου κόρης μνηστευθείσης τινί, εἰ ἔξεστι μετὰ τὴν νομίμην ἡλικίαν συναφθῆναι ταύτην τῷ μνηστευσαμένῳ αὐτήν, καὶ περὶ τῶν ἐν τῷ ζ' ἔτει τῆς ἡλικίας τῆς κόρης γινομένων μνηστειῶν. Πρὸς τὸν ῥῆγα Σερβίας κυρὸν Στέφανον. Col. 245—250: Περὶ τοῦ εἰ χρὴ συγκοινωνεῖν τοῖς περιτραπεῖσιν ἐν καιρῷ δυσχερείας καὶ προσελθοῦσιν λατίνοις, καὶ τοῖς τούτων ἔθεσιν κοινωνήσασιν (отвѣтъ по поводу сообщенія одного святогорскаго монаха Григорія Иkодомопула, который передавалъ, что на Аѳонѣ въ монастырѣ, гдѣ жили совмѣстно греки и грузины, послѣдніе пріобщились къ обычаямъ латинянъ, проникшихъ тогда на Аѳонъ и принуждавшихъ иноковъ подчиняться папѣ, между тѣмъ какъ греки воспротивились этому. Синодъ постановилъ не сообщаться грекамъ съ грузинами, пока они не раскаются). Col. 437—442: Περὶ μοιχῶν καὶ περὶ ἐθίμων ἐθνικῶν

ихъ содержанія, мы пока не будемъ ихъ перечислять. Замѣтимъ только, что „вопросы" и „отвѣты" по дѣламъ брачнымъ (ср. выше *b*), о наказаніяхъ за тѣ или другія преступленія (ср. выше

(по поводу брачныхъ аномалій ἐν τῇ χώρᾳ τῶν Πρισδριάνων—въ епархіи ἐπισκόπου Πρισδριάνων Νικηφόρου). Col. 481—484, 483—4—486, 487—498: ср. выше прим. 2, гдѣ приведены заглавія напечатанныхъ въ указанныхъ столбцахъ документовъ, имѣющихъ — какъ сказано—весьма важное значеніе для характеристики отношеній между охридскимъ архіепископомъ и константинопольскимъ патріархомъ. Col. 509—512: Περὶ τῶν Ῥουσαλίων (въ данномъ документѣ заключаются любопытныя свѣдѣнія относительно этого древняго обычая—παλαιοῦ ἔθους ἐν τῇ χώρᾳ τοῦ Μολισκοῦ). Col. 563—570: Πρᾶξις συνοδικὴ γενομένη ἐπὶ τῇ χειροτονίᾳ τῶν ἱερέων καὶ τῶν διακόνων, τῇ γενομένῃ παρὰ τῶν ἀπὸ τῆς Ζαγορᾶς ἐξελθόντων Βουλγαροεπισκόπων, καὶ ὅτι ἐν τοῖς ἀμφιβόλοις δεῖ νεύειν πρὸς τὸ φιλάνθρωπον, καὶ ὅτι τοὺς χειροτονηθέντας παρὰ ἀκανονίστων ἀρχιερέων ἡ ἐκκλησία δέχεται (синодальное дѣяніе по вопросу, возбужденному и рѣшенному въ смыслѣ разъясненій Димитрія Хоматіана, представленныхъ уже еп. керкирскому,—ср. выше col. 39—48). Col. 577—588: Λόγος ἀπολογητικὸς πρὸς τὸν ἁγιώτατον πατριάρχην Κωνσταντινουπόλεως κυρὸν Γερμανὸν καὶ τὴν ὑπ' αὐτὸν σύνοδον, γεγονὼς ὡς ἐκ προσώπου τοῦ ἐπισκόπου Σερβίων ὑπὸ τὴν ἐπαρχίαν τελοῦντα τῆς μητροπόλεως Θεσσαλονίκης, χειροτονηθέντα δὲ κατὰ περίστασιν ὑπ' αὐτοῦ διὰ τὸ τὴν μὲν Θεσσαλονίκην κατέχεσθαι ὑπὸ τῶν Λατίνων, τὸν μητροπολίτην δὲ ὑπερόριον εἶναι (гдѣ предъ константинопольскимъ патріархомъ Германомъ II оправдываются дѣйствія охридской іерархіи по поводу хиротоніи епископа города Сервіи, находившагося собственно въ вѣдѣніи солунской митрополіи, слѣд. подъ высшею юрисдикціей константинопольскаго патріарха, но по обстоятельствамъ тогдашняго времени лишенной связи съ своимъ духовнымъ центромъ). Кромѣ указанныхъ документовъ, въ нашемъ сборникѣ напечатано не мало другихъ посланій, «отвѣтовъ» къ разнымъ лицамъ и по разнымъ «вопросамъ» каноническаго права, богослужебной практики и пр., адресованныхъ, напр., епископамъ—пелагонійскому (col. 55 — 58, 71 — 74, 499 — 502), струмицкому Константину (col. 63 — 66), боеротскому (Βοθρωτοῦ) Димитрію (col. 339—350), епископу янинскому (col. 119 — 124), епископу скопійскому (col. 325—328), епископу Сервіи или сервійскому (= Σερβίων, Σερβιωτῶν col. 67—68, 335—338, 301—306, 329—334. Кстати: упоминаемую здѣсь сервійскую епископію не слѣдуетъ смѣшивать съ сербскою «епископіею», предстоятели которой до св. Саввы, архіепископа сербскаго, напрасно считаются, по крайней мѣрѣ въ комментаріяхъ цит. сборника, повидимому его предшественниками. См. стр. 792. прим. 3; 808, прим. 5. Между тѣмъ г. Сервія = τὰ Σέρβια и епископія того же имени—въ южной Македоніи, почти на границѣ съ Өессаліей, зависѣвшая отъ охридскаго архіепископа нѣкоторое время и перешедшая затѣмъ въ вѣдѣніе солунскаго митрополита, не имѣетъ ничего общаго съ какою бы то ни было сербскою епископскою каѳедрою); и др,

c), о завѣщаніяхъ и наслѣдствахъ (ср. выше *d*), объ имущественныхъ владѣніяхъ (ср. выше *e*) и др. (varia) содержатъ въ себѣ данныя, свидѣтельствующія не только о каноническихъ познаніяхъ охридскаго архіепископа и примѣненіи ихъ къ условіямъ мѣстной жизни и ея потребностямъ, но и о тѣхъ бытовыхъ отношеніяхъ его, въ значительной части славянской, паствы, свѣдѣнія о которыхъ до сихъ поръ все-таки чрезвычайно скудны. Поэтому напечатанные документы могутъ служить драгоцѣннымъ источникомъ не только для изученія нѣкоторыхъ церковно-историческихъ отношеній въ предѣлахъ охридской архіепископіи за время архіепископствованія Димитрія Хоматіана, но и для сужденія о нѣкоторыхъ соціальныхъ, бытовыхъ условіяхъ славянскаго населенія Балканскаго полуострова за указанный періодъ времени. Значеніе напечатанныхъ документовъ обусловливается еще важностію той эпохи, къ которой они относятся: это было время, когда съ одной стороны крестоносцы проходили черезъ земли Балканскаго полуострова, оставляя здѣсь слѣды своего вліянія на политическихъ и даже церковныхъ отношеніяхъ мѣстнаго населенія, когда они (въ 1204 г.) завоевали Константинополь и водворились здѣсь на извѣстный періодъ времени, ослабивъ господство грековъ, а съ другой и балканскіе славяне значительно окрѣпли и положили новое начало своего политическаго возрожденія. Съ 1185 г. поднялось болгарское движеніе подъ руководствомъ двухъ братьевъ Петра и Асѣня, завершившееся возстановленіемъ Болгарскаго царства (второго), граница котораго въ

Любопытны также въ историческомъ отношеніи письма Димитрія Хоматіана къ Θеодору Дукѣ Комнину эпирскому (ср. ниже) и другимъ лицамъ—какъ духовнымъ, такъ и мірянамъ. Въ разсматриваемомъ сборникѣ переиздано съ дополненіями и нѣкоторыми варіантами (col. 719—728, 617—686, 73—76) то, что отчасти (хотя и не сполна) было ранѣе напечатано, напр., въ Патрологіи *Миня* (*Migne*, Patrol. s. gr. t. 119, col. 937—946, 947—960, 1125—1130) и у *Ралли* и *Потли* (ὑπὸ Ῥάλλη καὶ Πότλη, Σύνταγμα κανόνων, V, 421—427, 427—436, 437—440): это—α΄) περὶ βαθμῶν συγγενείας, β΄) Ἐρωτήσεις τοῦ ἁγιωτάτου μητροπολίτου Δυῤῥαχίου κυροῦ Κωνσταντίνου τοῦ Καβάσιλα καὶ ἀποκρίσεις πρὸς ταύτας τοῦ ἁγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου πάσης Βουλγαρίας, κυροῦ Δημητρίου τοῦ Χωματιανοῦ и γ΄) ὅτι ἀκώλυτόν ἐστι τὸ συναφθῆναι τῇ δισεξαδέλφῃ τῆς πορνικῶς μιγείσης αὐτῶν.

царствованіе лучшаго изъ болгарскихъ царей второго царства Іоанна Асѣня II (1218—1241), слѣд., при жизни и Димитрія Хоматіана, обнимала значительную часть Балканскаго полуострова [11]), въ частности и территорію охридской архіепископіи. Въ тоже время и Сербія, постепенно усиливаясь еще съ половины XII вѣка — со времени вступленія на великожупанскій престолъ Стефана Немани, уже въ первой половинѣ XIII в., не смотря на смуты изъ-за великожупанскаго и потомъ королевскаго престола между его сыновьями и дальнѣйшими преемниками, быстро выступаетъ на сцену болѣе широкой исторической жизни, которая правда въ сферѣ политической обнаружилась болѣе осязательными результатами роста сербскаго государства только съ послѣдней четверти XIII в. (со времени Милутина, правившаго въ 1275—1320 гг.). Но за то въ сферѣ церковной уже въ первой четверти XIII в. Сербія достигаетъ такого положенія, какое было согласно съ фактомъ ея полной политической свободы и независимости страны,—учреждается самостоятельная сербская архіепископія при помощи и усиліяхъ св. Саввы, который и поставляется въ Никеѣ жившимъ тамъ константинопольскимъ патріархомъ Германомъ II въ архіепископы, „вьсѣмъ срьбьскыимь землıамь и поморьскыимь“ [12]). Послѣ этого

[11]) Кромѣ такъ называемой предбалканской Болгаріи (древней Мизіи) границы болгарскаго царства въ особенности съ 1230 г. (со времени такъ называемой Клокотницкой побѣды І. Асѣня II надъ Ѳеодоромъ эпирскимъ, который до сихъ поръ имѣлъ сильное вліяніе на дѣла полуострова, завоевавъ со времени своего вступленія въ 1214 г. на престолъ брата Михаила I Охриду, Прилѣпъ и Пелагонію, Драчъ, о. Корфу и даже Солунь въ 1222 г. и, владѣя такимъ образомъ съ доставшимся ему наслѣдствомъ отъ предшественника территоріею отъ Коринескаго залива до р. Марицы, принялъ титулъ императора и короновавъ былъ охридскимъ архіепископомъ Димитріемъ Хоматіаномъ) обнимали бо́льшую часть Ѳракіи, за исключеніемъ Цареграда и прилегающихъ къ нему городовъ (находившихся во власти латинянъ), Македонію (даже съ Солунемъ и Аѳонской горой), Ѳессалію, Албанію и сѣверо-восточную Сербію съ Бѣлградомъ. *Голубинскій*, Краткій очеркъ исторіи прав. церквей — болг., серб. и рум., стр. 11, ср. 218. Ср. также *Иречекъ*, Исторія болгаръ (пер. Одесса 1878), стр. 337.

[12]) Обстоятельства учрежденія сербской архіепископіи подробно изложены между прочимъ въ нашей статьѣ (см. «Христ. Чтен.» 1891,

получаетъ свою организацію самостоятельная сербская церковь,—

3—4 кн.), большею частію словами первоисточниковъ (ср. *тамъ же* примѣчанія 10, 12, 13 и 14 и соотвѣтствующій къ нимъ самый текстъ статьи). Здѣсь же не лишне напомнить только изъ этихъ обстоятельствъ нѣкоторыя болѣе существенныя ихъ черты и особенности, съ которыми необходимо сопоставить новыя данныя только что напечатаннаго въ разсматриваемомъ сборникѣ документа относительно того же предмета. Въ извѣстныхъ доселѣ источникахъ (гл. обр. въ двухъ житіяхъ св. Саввы, изъ которыхъ одно болѣе древнее, писанное его ученикомъ Доментіаномъ, напечатано Даничичемъ въ Бѣлградѣ въ 1865 г., а другое въ Загребѣ въ 1860 г.,—ср. о нихъ и о др. источникахъ въ прежней нашей статьѣ прим. 8) обстоятельства учрежденія сербской архіепископіи представляются слѣдующимъ образомъ. Вѣроятно, около 1218—19 гг., св. Савва отправился съ Аѳона въ Никею къ греч. царю и патріарху (гдѣ они жили тогда по случаю завоеванія Царе-града латинянами), побуждаемый «дѣлами монастырскими» (своего монастыря Хиландаря), а главное церковными и вообще религіозными нуждами своего отечества. Принятый съ великою честію царемъ — родственникомъ (Ѳеодоромъ Ласкарисомъ), къ тому же «напередъ знавшимъ о его святости», онъ здѣсь возбудилъ и благополучно довелъ до конца вопросъ объ учрежденіи самостоятельной сербской архіепископіи: «И многыѥ дьни царю дрьжештоу ѥго оу себе и исправивь работы манастирьскыѥ богоносьныи и потомь приложи слово решти кь царю о земли своѥго отьчьства, рекь: скрьбьно и печально ми ѥсть царю, занѥ не имаѥть ми землꙗ своѥго арьхиѥпископа; паче же и землѥ многыѥ соуть окрьсть отьчьства ми вь области дрьжавы нашеѥ, нь не достигноуты соуть исправлѥниѥмь божьствьныимь, да хотѣль быхь да повели великоѥ ти царьство патриꙗрьхоу, да ми освети арьхиѥпископа ѥдиного оть братиѥ моѥѥ соуштеѥ сь мною, да си га имать землꙗ отьчьства ми на освештениѥ си, и дрьжава великааго ти царьства тѣмь да величаѥть се» (Живот св. Саве, изд. 1865 г., стр. 217). Въ другомъ житіи (изд. 1860 г.) о побужденіяхъ, заставившихъ св. Савву просить для своей страны архіепископа, говорится еще слѣдующее: «На Бога же оупованіе положь, и пристоупль кь цароу, глаголѥть ꙗко вьсѣмь и намь Богь спасенію хоте, ѡть землѥ людіи нашихь зловѣріа ересь ѡтьцемь моимь и нами ѡтьгнана бысть, и православіа вѣра вьзрастаеть и множит се, единѣм же недостатьчьствоуемь, имже своего архіепископа не имамы, вь земли нашеи еже освештати и оучити ѡ Господи. сего ради паче молимь... еже о сихь полоучити прошеніе»... (стр 126). Царь, по первому житію (изд. 1865 г.), «сь великою радостию» исполнилъ «богосьвѣтьноѥ и богомысльноѥ прошениѥ» его, «Богоу волештоу», и, не смотря на отказъ отъ архіепископскаго сана самого Саввы (предлагавшаго отъ себя одного изъ прибывшихъ съ нимъ «братій»), настоялъ на томъ, чтобы самъ Савва былъ рукоположенъ въ святительскій санъ. Савва согла-

поставляются епископы для вновь учрежденныхъ и отчасти быв-

сился и былъ «поставлıень архиıепископомь роукою вьсеосвештенаaго патриıарьха вьселıеньскааго Гıерьмана и повелѣниıемь цароградьскааго цара кирь Теодора Ласкара». Кромѣ того, патріархъ, одаривъ Савву разными подарками, между прочимъ и принадлежностями его святительскаго сана («патріаршескими ризами» и пр.), вручивъ ему жезлъ «свои прѣчьстьнѣиши сь вьсакою властию божьствьною», написалъ ему «повелѣниıе вь вьсоу вьселıеноую сице: прѣосвештеныи патриıарьхъ вьсеıе вьселıеныıе Гıерьмань поставиль сего кирь Савоу арьхиıепископа вьсѣмь срьбьскыимь землıамь и поморьскыимь, и ıако сына своıего вьзлюблıенааго посылаю ıего вь вьсоу вьселıеноую, чьто ıесть область моıего светительства правовѣрьныıе вѣры христиıаньскыıе, да имать область по моıему образоу надь вьсѣми грады же и землıами, надь митрополиты же и ıепископы и попы и диıаконы по правиломь божьствьныимь, когождо по достоıанию и вьсе оучити вь име Отьца и Сына и Светааго Доуха, и ıако и мене того вьси да послоушаıете, иже ıесте о Христѣ правовѣрьни христиıане». Кромѣ того, Савва «прозре послѣди хотештеıе быти бѣды и напасти и немоштьнѣишоу силоу на коньць, и разоумѣвь дльготоу великааго поути, и многааго злата изданиıе и многотрудьноıе ходатаиство того светительства... и испроси благословениıе оть чьстьнааго патриıарьха и оть вьсего сьбора вьселıеньскааго, ıако кь томоу пакы не ходити иномоу арьхиıепископоу вь вьселıеноую на освештениıе, нь толико поменованиıе ıего вь прьвыихь, и самоосвештеноу быти отьчьствоу ıего, ıакоже и Божиıею помоштию самодрьжавьно ıесть, по томужьде чиноу и се сьтвори ıако да ıесть обоюдоу беспечально», и такимъ образомъ предоставлено было сербскому архіепископу съ соборомъ своихъ епископовъ посвящать архіепископа. Но въ другомъ житіи (изд. 1860 г.) касательно этой послѣдней просьбы Саввы есть нѣсколько подробностей, дополняющихъ текстъ перваго житія: «Разсоудивь труднаа дльгаго поути хожденıа и многаго злата дарованиемь издааніа, егда же вь царствоующти Константиновь градь приходити и тамо архіепископоу освештати се, кь семоу же и размиріа самодрьжцемь вьсточнымь сь западными и посрѣдѣ ихь нестроеніемь боудоуштее бѣды, и вьдовство црькви недокольствомь еже вь царствоующти градь приходити на освештеніе, или пакы по нѣкоеи ненависти цароу и патріархоу дрьжати црьковь, сіа вьса скрьбнаа разсоудивь, и ѿть всѣхь сихь свободноу и о Бозѣ самовластноу ничто же обладаемоу вьсточною западноую нашоу црьковь оустроити хоте, вь помошть же молитвами прѣподобнаго си Отьца Сімеона и Бога о семь призвавь, пристоупаеть (т. е. Савва) кь цароу глаголıе: аште Богомь оубѣдимь, сьврьшенноую и милостивноую любовь благоизволивь намь сьтворити помыслиль еси, повелѣніемь твоего царства оть блаженнаго и вьсесветаго Отьца вьселıенскаго патріарха благословеніе и повелѣніе оусты и роукою и писаніемь да пріимоу, ıако по сихь не приходити сѣмо вь Константинь градь на освештеніе нашемоу архіепископоу, нь

шихъ уже на сербской территоріи епархій [13]). Къ этому-то акту церковно-организаторской дѣятельности св. Саввы и относится главнымъ образомъ тотъ документъ, который напечатанъ въ названномъ сборникѣ „различныхъ сочиненій“ Димитрія Хоматіана, подъ заглавіемъ: „Περὶ ἐπαρχιῶν, καὶ τῶν ὑπερορίως χειροτονούντων καὶ χειροτονουμένων“ [14]).

тамо своими епископи ѡсвештати се. Царь сыа слышавь, іако прѣмѣни лице свое высѡкааго ради прошеніа, ниже бо патріархоу отьноудь и вьсѣмь благороднымь оугодно помысли се, хотѣхоу бо ѡсвештенство и властію црьковною іако покоривы себѣ сихь, послоушливы же и дарѡносивы имѣти». Однако ради большой любви къ «святому» царь «устыдился» не исполнить его прошенія и «умолилъ» патріарха написать ему «благословеніе» о посвященіи послѣдующихъ архіепископовъ сербскихъ соборомъ мѣстныхъ епископовъ. Такимъ образомъ царь и патріархъ, не смотря на нѣкоторыя колебанія, даровали права автокефаліи сербскому архіепископу, какъ имѣющіе на то право и власть, которыя (какъ видно изъ приведенныхъ выраженій житій) признавалъ св. Савва и о которыхъ по крайней мѣрѣ ясно говорятъ его жизнеописатели, выражая конечно господствующій тогда взглядъ на отношенія между сербскою церковію и константинопольскою патріархіею.

[13]) Нѣкоторые ученые (напр. Голубинскій въ цит. соч., стр. 460 и слѣд.) называетъ восемь епархій, учрежденныхъ св. Саввою (рашскую, хвостенскую иначе студеницкую, топлицкую, моравскую или моравицкую, дебрьскую, ветскую, будимльскую, холмскую или захолмскую,—кромѣ архіепископской каѳедры въ Жичѣ), а другіе (напр. Сретьковичъ въ своей «Историја српскога народа» кн. II, стр. 96 и слѣд.), основываясь на показаніяхъ лѣтописей сравнительно поздняго происхожденія (лѣт. въ «Гласникѣ» I, 164; V, 37; XI, 46; ср. изд. Шафарика «Památky dřevniho pisemnictvi Jihoslovanův», стр. 59 и 69) называютъ 11, съ архіепископской каѳедрой 12, прибавляя къ поименованнымъ у Голубинскаго еще призрѣнскую, грачаницкую, браничевскую и бѣлградскую, но соединяя вмѣстѣ рашскую и будимльскую. Изъ этихъ епархій двѣ—рашская и призрѣнская упоминаются какъ прежде существовавшія подъ юрисдикціей охридскаго архіепископа въ помѣщаемомъ здѣсь (ниже) посланіи Димитрія Хоматіана и его синода на имя Саввы (см. объ этомъ въ текстѣ статьи и въ соотвѣтствующемъ къ нему примѣчаніи). Въ нашей статьѣ («Христ. Чтен.» 1891, кн. 3—4, прим. 16) сказано между прочимъ, что «замѣчаніе Голубинскаго (см. Краткій очеркъ исторіи прав. церк., стр. 558) о позднѣйшемъ происхожденіи другихъ—кромѣ поименованныхъ у него 8 епархій—не опровергнуто Сретьковичемъ». Теперь это замѣчаніе должно быть ограничено по крайней мѣрѣ относительно призрѣнской епархіи.

[14]) Col. 381—390.

Въ самомъ началѣ разсматриваемаго документа, представляющаго форму посланія отъ имени „Димитрія архіепископа первой Юстиніаны и всей Болгаріи и отъ священнаго и божественнаго собранія архіереевъ, находящихся въ его округѣ“ „всечестному въ инокахъ и сыну великаго жупана Сербіи киръ Саввѣ“ [15]),—говорится сперва о предшествующей (учрежденію сербской архіепископіи) и достославной иноческой жизни Саввы на Аѳонѣ.

„Давно уже, пишетъ Димитрій съ соборомъ своихъ архіереевъ Саввѣ, дошелъ до насъ о твоей честности слухъ, что ты, оставивъ свою землю и родство и все отцовское наслѣдіе, просто сказать міръ и вся яже въ мірѣ, съ молодыхъ лѣтъ избралъ приморскій Аѳонъ—Святую Гору ради живущихъ здѣсь сыновъ-подвижниковъ Св. Горы, и здѣсь постригшись отдался (букв. предпочелъ) иноческой жизни и сталъ подобенъ тамошнимъ подвижникамъ, доблестно ведущимъ брань противъ врага сатаны. Уже и за предѣлами (т. е. той Горы) слава о тебѣ прошла, какъ о знаменитомъ (подвижникѣ) между иноками. А что будетъ послѣ,—мы сказать не умѣемъ“. Теперь же, говорится далѣе, слышится нѣчто другое, „молва запѣла пѣснь другую“, что „аскетъ Савва, оставивъ Аѳонъ и тамошнюю жизнь, возвратился назадъ подобно тѣмъ, которые худо перемѣняютъ свои намѣренія, противъ которыхъ говоритъ (букв. негодуетъ) и святое евангеліе, и почти случилось то, что было въ началѣ, ибо любовь къ отечеству плѣнила его изъ крѣпости Святой Горы, лишивъ его всеоружія, и онъ снова поселился въ Сербіи, перемѣнилъ жизнь аскета на (роль) распорядителя и управителя мірскими дѣлами и принялъ на себя должность (букв. посвященъ въ...) посла окрестныхъ династовъ, и такимъ образомъ пріобрѣтенное въ инокахъ молчаніе перемѣнилъ на мірскую суету и вообще (отдался) тому, что касается мірскихъ заботъ и мірского тщеславія, соприсутствуя на пирахъ и путешествуя на коняхъ

---

[15]) Δημήτριος ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς καὶ πάσης Βουλγαρίας καὶ ἡ τῶν ἀρχιερέων τῶν ὑπὸ τὴν κατ᾽ αὐτὸν ἐπαρχίαν ἱερὰ καὶ θεία ὁμήγυρις, τῷ τιμιωτάτῳ ἐν μοναχοῖς καὶ υἱῷ τοῦ μεγάλου Ζουπάνου Σερβίας κυρῷ Σάββᾳ χάριν ἀπὸ Θεοῦ καὶ εἰρήνην καὶ τὸν ἐν ἁγίῳ Πνεύματι ἀσπασμόν.

благороднѣйшей породы, прекрасныхъ на видъ, отличныхъ по ѣздѣ (?), окруженный большою свитою, во время шествія прославляемый, пышно и разными способами сопровождаемый, идя отсюда (послѣдовательно), онъ возжелалъ іерархическаго сана, и отправившись, не знаемъ куда, достигнувъ внезапно этого сана, онъ возвратился въ свое отечество, торжественно возглашаемый архіереемъ Сербіи. Здѣсь же онъ рукоположилъ и многихъ архіереевъ—не знаемъ—безъ всякаго ли назначенія, или на нѣкоторыя опредѣленныя мѣста [16]), и вообще говоря, онъ не только нанесъ оскорбленіе иноческимъ обѣтамъ, но и произвелъ смѣшеніе въ самомъ положеніи церковныхъ дѣлъ" [17]).

„Это и другое подобное слышавъ о тебѣ—одно прежде, а другое въ самое недавнее время, мы не всему въ томъ повѣрили, ибо знаемъ, что молва большею частію любитъ ложь [18]). Поэтому изслѣдовать, какъ ты съ Святой Горы возвратился въ свое отечество и какъ ты оказался у дѣлъ, мы не считали своею обязанностію. Ибо изслѣдовать жизнь другихъ съ тѣмъ, чтобы присуждать ихъ къ униженію, мы никакъ не привыкли (букв. не научены) [19]), такъ какъ это и Божественною заповѣдію запрещено: не судите, говорится, да не судимы будете [20]), и не прежде времени о чемъ-нибудь судите, какъ предписываютъ священныя слова этого стиха".

„Если же ты получилъ архіерейство (букв. произведенъ въ архіерея), то какъ и отъ какой церкви? А разслѣдовать это намъ прилично и мы вполнѣ разсудили (это) [21]). Пользуясь божественными и священными относительно этого канонами и руководствен-

---

[16]) ... ἐντεῦθεν ὁδῷ προβαίνων καὶ ἀξίας ἱεραρχικῆς ἐπεθύμησε, καὶ δὴ ἀπελθὼν, οὐκ οἴδαμεν ὅποι, καὶ τυχὼν τῆς ἀξίας ταύτης ἀθρόον, ἐπανῆλθεν εἰς τὴν πατρίδα, Σερβίας ἀρχιερεὺς μεγαλωστὶ κηρυττόμενος· ἔνθα δὴ καὶ πολλοὺς ἀρχιερεῖς προυχειρίσατο, εἴτε δηλαδὴ ἀπολελυμένως, εἴτε καὶ ἐν ὡρισμένοις τόποις τίσιν, οὐ γινώσκομεν... col. 383.

[17]) καὶ τὸ ὅλον εἰπεῖν, οὐ μόνον ταῖς μοναχικαῖς ἐπαγγελίαις ἐμπεπαρώνηκεν, ἀλλὰ καὶ αὐτὴν τὴν τῶν ἐκκλησιαστικῶν πραγμάτων κατάστασιν ἀνεκύκησε. col. 383.

[18]) φιλοψευδῆ γὰρ ἐπὶ πλεῖστον εἶναι τὴν φήμην ἐμάθομεν. col. 383.

[19]) ἐρευνᾶν γὰρ βίους ἑτέρων, ὥστε ψόγον καταψηφίζεσθαι τούτων, οὐδαμῶς δεδιδάγμεθα. col. 383.

[20]) Мѳ. 7, 1.

[21]) Εἰ μέντοι προεχειρίσθης ἀρχιερεὺς, καὶ ὅπως, καὶ ποίας ἐκκλησίας, ἀλλὰ τοῦτο ζητεῖν προσῆκον ἡμῖν, καὶ λίαν ἐλογισάμεθα. col. 383.

ными благочестивыми законами, мы хотимъ знать: если ты, блаженный, сдѣлался архіереемъ, какъ передаетъ молва, то гдѣ? И если—въ Сербіи, то мы говоримъ: какъ? И если (получилъ архіерейство) отъ святѣйшаго патріарха константинопольскаго, то—почему [22])? Ибо если ты сталъ митрополитомъ по праву полномочія, принадлежащему издревле царямъ, обновляющему города и возводящему ихъ отъ меньшей чести къ большей, именно епископію въ митрополію или архіепископію [23]), то 12-е и 17-е правила халкидонскаго собора и 38-е трулльскаго, собиравшагося въ царскихъ палатахъ, собора предусматриваютъ это [24]); но тебѣ слѣдовало бы прежде всего быть епископомъ, потомъ взойти съ скромнаго положенія на болѣе почетное и высокое. Ты же не былъ ни епископомъ и совсѣмъ не имѣешь царскаго разрѣшенія, которое подтверждало бы (букв. одобряло бы) твое возведеніе (въ архіепископа) [25]). Гдѣ же теперь и

---

[22]) Τοῖς θείοις καὶ ἱεροῖς κανόσιν εἰς τοῦτο καὶ τοῖς φιλευσεβέσι νόμοις ὁδηγοῖς χρώμενοι, εἰ τοίνυν ἀρχιερεὺς, ὦ μακάριε, γέγονας, ὡς ἡ φήμη παρέστησε, θέλομεν μαθεῖν ποῦ· καὶ εἰ ἐν Σερβίᾳ, λέγομεν πῶς· καὶ εἰ παρὰ τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως, διὰ τί. col. 383.

[23]) Εἰ μὲν γὰρ κατὰ τὴν ἐκ πάλαι τοῖς βασιλεῦσιν ἀνειμένην δικαιοδοσίαν τὴν πόλεις καινίζουσαν καὶ ἀπὸ τιμῆς ἐλάττονος ἐπισκοπῇ δηλονότι εἰς μείζω ταύτας ἀναγοῦσαν μητροπολιτικὴν ἢ ἀρχιεπισκοπὴν μητροπολίτης ἐγένου... col. 384.

[24]) Эти правила не приводятся въ текстѣ посланія охридской іерархіи: на нихъ только есть ссылка. Но здѣсь не излишне все-таки привести ихъ текстъ (въ славянскомъ переводѣ) для представленія о степени указываемой въ посланіи виновности св. Саввы. 12 прав. IV всел. халк. соб.: «Дошло до насъ, яко нѣкіе, вопреки церковнымъ постановленіямъ, прибѣгнувъ ко властямъ, посредствомъ прагматическихъ граматъ, единую область на двѣ расѣкли, яко быти отъ сего во единой области двумъ митрополитамъ. Посему опредѣлилъ святый соборъ, да ничто таковое творити впредь не дерзаетъ епископъ. Ибо покусившійся на то низверженъ будетъ со своего степени. Градъ же, который по царскимъ граматамъ почтенъ именованіемъ митрополіи, единою честію да довольствуется, такъ, какъ и епископъ управляющій его церковію, съ сохраненіемъ собственныхъ правъ истинной митрополіи». Въ 17 правилѣ того же собора къ данному случаю спора относится главнымъ образомъ слѣдующее мѣсто:. «Аще царскою властію вновь устроенъ, или впредь устроенъ будетъ градъ: то распредѣленіе церковныхъ приходовъ да послѣдуетъ гражданскому и земскому порядку». Въ 38 прав. трулльскаго собора повторяется выписанная часть 17 прав. IV всел. халк. собора.

[25]) ... ἀλλ' ἐχρῆν ἐπίσκοπον τυγχάνειν σε πρότερον, εἶτα ἐκ τοῦ ὑποδέους προελ-

царство, которому принадлежатъ тѣ права и таковая выдающаяся привиллегія, такъ какъ многіе властвуютъ теперь по мѣстамъ и ни одинъ не имѣетъ полнаго царскаго достоинства? И если нѣтъ истиннаго царства, то отсутствуетъ для тебя конечно (букв. вездѣ и совсѣмъ) благословная причина" (т. е. для извѣстнаго поступка) [26]).

„Если же ты вновь произведенъ въ архіерея какъ бы для безепископской Сербіи, то ты больше чѣмъ кто-либо другой знаешь, что Сербія находится въ предѣлахъ (юрисдикціи) болгарскаго престола [27]). Если именно нѣкая Сербія приняла въ епископы архіерея г. Расы, рукоположеннаго архіепископомъ болгарскимъ, то ты такимъ образомъ, вопреки канонамъ, облекся въ достоинство архіерейское и вторгся въ чужую епархію и забылъ, что ты подвергъ себя, какъ казалось по неразумію, наказанію божественныхъ каноновъ, какъ неожиданно измѣнившій или, лучше сказать, уничтожившій хорошо установленные отцами законы [28]). И посему облечеся въ клятву яко въ ризу" [29])

„Если должно сказать правду, если же ты, отче, изъ ревности къ евангелію благодати избралъ архіерейство, то, согласно съ великимъ благовѣстникомъ Павломъ [30]), тебѣ должно благовѣствовать не тамъ, гдѣ Христосъ проповѣданъ (букв. названъ), чтобы строить

θεῖν εἰς τὸ τιμιώτερόν τε καὶ ὑψηλότερον· σὺ δὲ οὔτε ἐπίσκοπος ὑπῆρξας, καὶ τὴν βασιλικὴν δικαιοδοσίαν οὐδ' ὅλως ἔχεις, τὴν σὴν συγκροτοῦσαν προχείρησιν. col. 384.

[26]) Ποῦ δὲ καὶ βασιλεία νῦν, ἧς τά τε ἄλλα καὶ τὸ τοιοῦτον προνόμενον σέμνωμα, πολλῶν ἄρτι κατὰ τόπους ἐξουσιαζόντων, καὶ μηδενὸς ἀποσώζοντος ἀκέραιον τὸ τῆς βασιλείας ἀξίωμα; καὶ εἰ οὐκ ἔστιν ἀληθινὴ βασιλεία, οἴχεταί σοι πάντη καὶ πάντως τὸ εὔλογον. col. 384.

[27]) Εἰ δὲ ὡς ἂν εἰς τὸ ἀνεπισκόπητον τὴν Σερβίαν ἐκκενουργήθης ἀρχιερεὺς, ἀλλ' εὑρίσκεις οὐδ ὅλως ἀγνοῶν καθὰ δὴ καὶ τῶν ἁπάντων οὐδεὶς, ὡς ἡ Σερβία ὑπὸ τὴν ἐπαρχίαν τοῦ θρόνου τῆς Βουλγαρίας τελεῖ. col. 384.

[28]) Εἴ τις δὴ Σερβία ἐπίσκοπον ἔλαχε τὸν Ῥάσου ἀρχιερέα, παρὰ τοῦ ἀρχιεπισκόπου Βουλγαρίας χειροτονούμενον, καὶ οὕτω παρὰ κανόνας τὴν τῆς ἀρχιερωσύνης ἀξίαν ἐνδέδυσαι, καὶ ἐπιβήτωρ ἐνορίας ἀλλοτρίας πεφώρασαι, καὶ ἔλαθες σεαυτὸν ἐξ ἀπονοίας, ὡς ἔοικε, τῶν θείων κανόνων ἐπεξελεύσεσι καταστήσας ὑπεύθυνον, ὡς τοὺς καλῶς τεθέντας παρὰ τῶν πατέρων ὅρους, οὐδὲν δέον μετακινήσας ἢ συγχέας, εἰπεῖν οἰκειότερον. col. 384.

[29]) Пс. 108, 18.

[30]) 1 Кор. 3, 4.

на чужомъ основаніи, но—какъ написано—у тѣхъ, кому онъ не проповѣданъ, о немъ же узрятъ и тѣ, которые не слыхали, и никто, благочестиво разсуждая, не порицалъ бы твоей хиротоніи, какъ очевидно соотвѣтствующей апостольской ревности. Если же нѣтъ мѣста, куда бы ни проникло благовѣстіе апостоловъ (ибо во всю землю изыде вѣщаніе ихъ [31]), какъ ты знаешь), а Сербія [32]) по благодати Божіей благочестиво проводитъ жизнь, христіански водруженная на основаніи апостоловъ и представляемая епископомъ въ лицѣ даннаго ей отцами архіерея; то, слѣдовательно, не изъ ревности къ евангелію, а изъ славолюбія ты достигъ архіерейскаго сана и принялъ его въ собственное осужденіе и на собственную бѣду, подобно тому, какъ животныя, которыя въ возбужденіи добровольно толкаютъ себя противъ острѣйшихъ мечей. Видишь какъ неумѣстно твое архіерейство".

„И особенно—если и то правда, что ты, заставъ канонически-поставленнаго епископа именно въ Призрѣнѣ, его же тираннически низвергъ съ епископской каѳедры, принудивъ его бѣднаго отречься, разумѣется для того, чтобы безапелляціонно оправдать зло внѣшнею формою отреченія. Вмѣсто того ты поставилъ тамъ соединомышленника своего и такимъ образомъ увеличилъ противъ себя гнѣвъ каноновъ и въ особенности гнѣвъ Божій за нарушеніе каноновъ" [33]).

---

[31]) Пс. 18, 3.

[32]) ... ἡ Σερβία δὲ Θεοῦ χάριτι εὐσεβῶς διάγει καὶ χριστιανικῶς ἐπὶ τῷ θεμελίῳ ἱδρασμένη τῶν ἀποστόλων, καὶ ἐπισκοπουμένη παρὰ τοῦ δεδομένου ταύτῃ παρὰ τῶν πατέρων ἀρχιερέως· ἄρα οὐ διὰ ζῆλον τοῦ εὐαγγελίου, ἀλλὰ διὰ δοξομανίαν τῷ τῆς ἀρχιερωσύνης ἀξιώματι ἐπεπίδησας, καὶ εἰς κρίμα ἑαυτοῦ καὶ κίνδυνον τοῦτο ἀνέλαβες κατ' ἐκεῖνα τῶν ζώων, ἅπερ ἐθέλουσιν ὁρμαῖς, ἑαυτὰ κατὰ τομωτάτων ὠθοῦσι ξιφῶν· ὁρᾷς ὅπως τὰ τῆς σῆς ἱερατείας ἀπάγοντα εἰς τὸ ἄτοπον. col. 385.

[33]) Καὶ μάλιστα εἰ κἀκεῖνο ἐστὶν ἀληθὲς, ὅτι εὑρὼν καθεστῶτα ἐπίσκοπον κανονικῶς, δηλονότι τὸν Πρισδριάνον (лучше: Πρισδριάνων) αὐτὸν μὲν τυραννικῶς τοῦ ἐπισκοπίου ἐξέβαλες, παραιτήσεσθαι καταναγκάσας τὸν δείλαιον, ἵνα δῆθεν καὶ ἀνεύθυνον τὸ κακὸν λογίζηται τῷ τῆς παραιτήσεως σχήματι· ἀνθ' ἑτέρου δὲ τὸν σοὶ δοκοῦντα ἐκεῖσε κατέστησας, καὶ οὕτως ἐπλεόνασας ἐφ' ἑαυτὸν τὴν τῶν κανόνων ἀγανάκτησιν, μᾶλλον δὲ τὴν τοῦ Θεοῦ διὰ τὴν τῶν κανόνων παράβασιν. col. 385. Упоминаемый здѣсь низверженный св. Саввою епископъ—τὸν Πρισδριάνον (лучше: Πρισδριάνων), епископъ г. Призрѣна, а не Приштины, какъ это слѣдовало бы объяснять судя по толкованію подобнаго имени у г. Голу-

„Если же и слѣдовало, можетъ быть, сдѣлать уступку твоему желанію, то ты долженъ прибѣгнуть не къ другому кому, а къ предстоятелю болгарской епархіи, какъ автокефальному архіепископу и сущимъ подъ нимъ епархіальнымъ іерархамъ и просить себѣ сана, и ты конечно достигъ бы его путемъ каноническаго разсмотрѣнія съ подобающею икономіею. А сколь неумѣстно принимать хиротонію вмѣсто епархіальнаго архіерея отъ другого,—знаютъ тѣ, которые точно изучили книги законовъ и каноновъ“ [34]).

Для доказательства приводятся въ посланіи тѣ каноны, которые разъясняютъ только что высказанныя положенія. Приводятся именно тексты каноновъ: 35 прав. Апост. [35]), 2 прав. II-го

бинскаго, который наименованіе одной епархіи, упоминаемой въ извѣстныхъ хрисовулахъ Василія Болгаробойца (перечисляющихъ между прочимъ епархіи охридской архіепископіи)—καὶ τὸν ἐπίσκοπον Πριζδρίανων (sic) εἰς αὐτὰ τὸ Πριζδρίανα (Краткій очеркъ исторіи прав. церквей, стр. 260, ср. 70) прилагаетъ къ Приштинѣ (на Косовомъ полѣ—на сѣв.-западъ отъ Скопья) на томъ основаніи, что будто τὰ Πρισδρίανα есть ошибочное (?) названіе вмѣсто Πρισδίανα, которое (въ формѣ Πρισδίανης) упоминается въ письмахъ архіеп. Θеофилакта (Migne, Patrologiae, s. gr. t. 126, c. 526) въ приложеніи къ епархіи приштинской (?). Такъ ли это? Не вѣрнѣе-ли разумѣть подъ «τὰ Πρισδρίανα»—Призрѣнъ? Тогда, быть можетъ, легче и проще было бы понять болѣе древнее возникновеніе епархіи призрѣнской (а не при Милутинѣ 1275—1320, какъ думаетъ Голубинскій, см. 469—70 стр.) и не было бы нужды говорить объ исчезновеніи епархіи приштинской, существовавшей подъ властію болгаръ, напр., въ 1203 г. (Migne t. 215, c. 289), но неизвѣстно когда закрытой и вообще уже не существовавшей подъ властію сербовъ (тамъ же, стр. 95). Не есть-ли призрѣнская епархія Милутинова царствованія—продолженіе призрѣнской епархіи временъ св. Саввы, находившейся до него подъ вѣдѣніемъ охридскаго архіепископа? Ср. выше конецъ прим. 13, гдѣ упоминается Никифоръ епископъ Πρισδριάνων. Это послѣднее названіе, употребляемое въ такой именно формѣ (а не въ формѣ Πρισδιανης) и притомъ не одинъ разъ въ настоящемъ сборникѣ, встрѣчающееся также и въ упомянутыхъ хрисовулахъ Василія Болгаробойца, съ большею основательностію должно быть относимо не къ Приштинѣ, а къ Призрѣну (южнѣе Приштины).

[34]) Εἰ δὲ καὶ χώραν δοῦναι τῇ σῇ ἐπιθυμίᾳ ἴσως ἐχρῆν, ἔδει σέ, ὦ βέλτιστε, οὐχ ἑτέρῳ τινί, ἀλλὰ τῷ τῆς Βουλγαρικῆς ἐπαρχίας προκαθημένῳ ὡς αὐτοκεφάλῳ καὶ τοῖς κατ' αὐτὸν ἐπαρχεώταις ἱεράρχαις προσδραμεῖν καὶ αἰτήσασθαι τὸ ἀξίωμα, καὶ πάντως ἀνέτυχες τούτου μετὰ οἰκονομίας πρεπούσης δοκιμασίᾳ κανονικῇ· τὸ δὲ λαβεῖν σε παρ' ἑτέρου χειροτονίαν εἰς τόπον αὐτοκεφάλου ἀρχιερέως, ὅσον τὸ ἄτοπον οἴδασιν οἱ τὰς τῶν νόμων καὶ κανόνων δέλτους ἠκριβωσάμενοι. col. 385—6.

[35]) «Епископъ да не дерзаетъ внѣ предѣловъ своея епархіи тво-

всел. собора [36]), 8 прав. III всел. ефесск. собора [37]), 13 [38]) и

рити рукоположенія во градѣхъ и въ селѣхъ, ему не подчиненныхъ. Аще же обличенъ будетъ, яко сотвори сіе безъ согласія имѣющихъ въ подчиненія грады оные или села: да будетъ изверженъ и онъ, и поставленнія отъ него». См. Правила святыхъ Апостолъ, святыхъ соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ. Изд. моск. общ. любителей дух. просвѣщенія. Москва 1878. Стр. 65—6.

[36]) «Областные епископы да не простираютъ своея власти на церкви, за предѣлами своея области, и да не смѣшиваютъ церквей» (говорится, далѣе, объ управленіи александрійскимъ епископомъ церквами только египетскими, о начальствованіи епископовъ восточныхъ на Востокѣ, асійскихъ только въ Асіи, понтійскихъ—въ понтійскихъ областяхъ, ѳракійскихъ только во Ѳракіи). «Не бывъ приглашены, епископы да не преходятъ за предѣлы своея области для рукоположенія, или какого—либо другого церковнаго распоряженія. При сохраненіи же выписаннаго правила о церковныхъ областяхъ, явно есть, яко дѣла каждыя области благоучреждати будетъ соборъ тояже области, какъ опредѣлено въ Никеи. Церкви же Божіи у иноплеменныхъ народовъ долженствуютъ быти правимы по соблюдавшемуся до нынѣ обыкновенію отцевъ» (т. е. отъ какой церкви иноплеменники принимали крещеніе, отъ той получали въ началѣ и іерархію, и порядокъ управленія). См. тамъ же, 247. Ср. Архим. впосл. еп. *Іоанна*, Опытъ курса церк. законовѣдѣнія I, 500.

[37]) Соборъ настоящимъ правиломъ опредѣлилъ, чтобы предстоятель антіохійской церкви не привлекалъ къ себѣ для посвященія кипрскихъ епископовъ, которые и сами собою должны совершать «поставленіе благоговѣйнѣйшихъ епископовъ». «Тоже, говорится далѣе, да соблюдается и въ иныхъ областяхъ, и повсюду въ епархіяхъ: дабы никто изъ боголюбезнѣйшихъ епископовъ не простиралъ власти на иную епархію, которая прежде и сначала не была подъ рукою его, или его предшественниковъ; но аще кто простеръ, и насильственно какую епархію себѣ подчинилъ, да отдастъ оную, да не преступаются правила отецъ, да не вкрадывается, подъ видомъ священнодѣйствія, надменность власти мірскія... И такъ святому и вселенскому собору угодно, чтобы всякая епархія сохраняла въ чистотѣ, и безъ стѣсненія, сначала принадлежащія ей права, по обычаю издревле утвердившемуся»... Постановленіе, противное этому, объявляется недѣйствительнымъ. См. Правила и пр., стр. 294—297.

[38]) Никоторый епископъ да не дерзаетъ изъ единыя епархіи преходити въ другую, ни поставляти кого либо въ церкви ея для совершенія священнослуженія, ниже приводити съ собою другихъ, развѣ прибудетъ, бывъ призванъ граматами митрополита и сущихъ съ нимъ епископовъ, въ область которыхъ приходитъ. Аще же никѣмъ не бывъ призванъ, внѣ порядка пойдетъ для рукоположенія нѣкоторыхъ, и для устроенія церковныхъ дѣлъ, до него не принадлежащихъ, то все содѣянное имъ да будетъ недѣйствительнымъ, и онъ, за безчиніе свое и за безразсудное начинаніе, да понесетъ приличное наказаніе чрезъ

22 [39]) прав. антіох. соб., 12 прав. IV всел. халкидонскаго собора [40]).

Въ заключени говорится: „Такъ какъ священные и божественные каноны предписываютъ это, поелику намъ не слѣдуетъ оставаться въ молчаніи относительно того дѣла, которое столь очевидно представляется неумѣстнымъ, вотъ мы синодально и объявляемъ твоей честности, что если ты откажешься отъ правъ, издревле принадлежащихъ нашей епархіи, которыя ты удерживаешь силою, хорошо сдѣлаешь и поступишь какъ благоразумный, и сдѣлавшись соучастникомъ такого неканоническаго поступка и возвратившись на путь, по которому издревле шли отцы, то ты можетъ быть получишь прощеніе благодаря раскаянію. Если же ты останешься дерзки-непреклоннымъ и будешь настаивать на своемъ, презрѣвъ настоящее наше писаніе, самъ себя подвергнешь тому каноническому наказанію, которымъ справедливо угрожаютъ тебѣ въ силу авторитета права, то мы подвергаемъ тебя отлученію отъ святой и живоначальной Троицы и отдѣляемъ отъ общенія вѣрныхъ, какъ нарушителя повелѣній священныхъ и божественныхъ каноновъ, произведшаго смущеніе и измѣненіе въ церковной организаціи, которую издревле опредѣлили святые отцы. Поэтому и находящіеся съ тобою въ общеніи будутъ подвергнуты тѣмъ же наказаніямъ, будь они духовнаго чина, или мірского званія и состоянія. Носителя же настоящаго нашего синодальнаго писанія, преосвященнѣйшаго епископа скопійскаго, возлюбленнаго о Господѣ нашего брата и сослужителя киръ Іоанна, мы избрали посредствомъ поднятія руки, да объявитъ онъ твоей честности устно (букв. какъ бы живыми словами) все вышеписанное. Мѣсяца мая, индикта 8“ [41]).

немедленное изверженіе изъ своего чина святымъ соборомъ». См. тамъ же стр. 1076—7.

[39]) «Епископъ да не приходитъ во иный градъ, не подчиненный ему, ни въ селеніе ему не принадлежащее, для рукоположенія коголибо, и да не поставляетъ пресвитеровъ или діаконовъ въ мѣста, подчиненныя другому епископу, развѣ токмо по соизволенію епископа тоя страны. Аще же кто дерзнетъ на сіе, то рукоположеніе да будетъ недѣйствительно, и онъ да подлежитъ епитиміи отъ собора». См. тамъ же, стр. 1097.

[40]) См. выше прим. 24.

[41]) Ταῦτα τῶν ἱερῶν καὶ θείων κανόνων διακελευομένων, ἐπειδὴ οὐκ ἔδει ἡμᾶς

Вышеприведенный документъ, какъ замѣчено, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя *новыя* (неизвѣстныя до обнародованія этого документа) историческія подробности, которыя именно относятся къ событію учрежденія сербской архіепископіи св. Саввою и ко времени его начальной церковно-организаторской дѣятельности въ качествѣ архіепископа. До сихъ поръ ничего не было извѣстно объ отношеніи охридской іерархіи къ упомянутому совершившемуся факту въ Сербіи, которая (по крайней мѣрѣ нѣкоторая часть ея территоріи) въ церковно-административномъ отношеніи считалась до этого времени подъ юрисдикціею охридскаго архіепископа, охранявшаго здѣсь права автокефаліи своей церкви не только въ тотъ или другой періодъ существованія перваго Болгарскаго царства (напр. при Симеонѣ † 927 и его сынѣ Петрѣ † 968, или еще больше при Самуилѣ † 1014) до покоренія его Василіемъ Болгаробойцемъ (1019 г.), но и въ періодъ греческаго ига (послѣ 1019 г. до учрежденія сербской архіепископіи), когда въ границы охридской архіепископія входила и значительная часть сербскихъ земель, по крайней мѣрѣ та часть сербской территоріи, которая составляла зерно державы сербскихъ Неманичей [42]) и которая при жизни св.

ἐν σιωπῇ τὰ τοῦ πράγματος γενέσθαι, οὕτω προφανὲς δεικνῦντος τὸ ἄτοπον, ἰδοὺ συνοδικῶς παραδηλοῦμεν τῇ σῇ τιμιότητι, ὡς εἰ μὲν ὑπεκστῇς ἡμῖν τῶν ἀνέκαθεν ἁρμοζόντων τῇ καθ' ἡμᾶς ἐπαρχίᾳ δικαίων, ἃ κατέχεις νῦν ἐπιβατικῶς, εὖ ποιήσεις καὶ ἐπαναθήσῃ ὡς ἀναφρονήσας, καὶ ἐν συναισθήσει τῆς ἀκανονίστου ταύτης ἐπιχειρήσεως γεγονὼς, καὶ εἰς τὴν ὁδὸν ἐπανελθὼν, ἣν ἀνέκαθεν οἱ σοὶ πατέρες ἐβάδισαν, καὶ ταχ' ἂν καὶ συγγνώμης τεύξῃ διὰ τὴν σύνεσιν· εἰ δὲ τολμήματι στέρξεις ἀμεταθέτως, καὶ τῆς ἰδίας μονοτονίας ἀνθέξῃ, τῆς ἡμετέρας ταύτης καταφρονήσας γραφῆς, ὑπόδικον αὐτὸς σεαυτὸν ποιήσεις ἐπεξελεύσει κανονικῇ, ἣν δὴ καὶ ἐνδίκως ἐπανατείνονταί σοι μετὰ τῆς τοῦ δικαίου δυνάμεως ἀφορισμῷ ἀπὸ τῆς ἁγίας καὶ ζωαρχικῆς Τριάδος καθυποβάλλομέν σε, καὶ τῆς τῶν πιστῶν κοινωνίας ἐκκόπτομεν, ὡς παραβάτην τῆς τῶν ἱερῶν καὶ θείων κανόνων διαταγῆς, καὶ ὡς τὴν ἐκκλησιαστικὴν κατάστασιν, ἣν ἀρχῆθεν οἱ ἅγιοι πατέρες ὡρίσαντο, συνταράξαντα καὶ συγχέαντα· ἐντεῦθεν δὲ καὶ οἱ κοινωνοῦντές σοι ταῖς αὐταῖς εὐθύναις ὑπόδικοι ἔσονται, εἴτε τοῦ βήματος εἰσὶν, εἴτε τῆς λαϊκῆς τάξεως τε καὶ καταστάσεως. Διαγωγέα δε τῆς παρούσης συνοδικῆς ἡμετέρας γραφῆς, τὸν ἱερώτατον ἐπίσκοπον Σκοπίων ἐν Κυρίῳ ἀγαπητὸν ἡμῖν ἀδελφὸν καὶ συλλειτουργὸν κυρὸν Ἰωάννην ἐχειροτονήσαμεν, ὥσαν και διὰ ζώσης φωνῆς ἀναγεγραμμένα διασαφήσῃ τῇ σῇ τιμιότητι. Μηνὶ μαΐω ἰνδ. η'. col, 389—390.

[42]) По крайней мѣрѣ извѣстно, что городъ Раса (близъ нын. г. Новаго Пазара, на рѣкѣ Рашкѣ, впадающей въ Ибаръ), гдѣ находи-

Саввы образовала особый церковный округъ съ автокефальнымъ архіепископомъ во главѣ, при номинальной только зависимости отъ константинопольскаго патріарха [43]). Спрашивается: что заставило Савву, дѣйствовавшаго, вѣроятно, въ согласіи съ своимъ царственнымъ братомъ Стефаномъ Первовѣнчаннымъ (1195—1202, 1206—1224—28), минуя свое непосредственное церковное начальство (въ Охридѣ), обратиться прямо въ Никею (гдѣ жилъ въ то время царь и патріархъ) за разрѣшеніемъ своихъ церковныхъ нуждъ и желаній? Нашъ памятникъ не даетъ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ, хотя и внушаетъ такіе мотивы относительно св. Саввы, которые противорѣчатъ извѣстнымъ историческимъ представленіямъ о несомнѣнныхъ нравственныхъ достоинствахъ его личности, о чемъ не двусмысленно говорится даже и въ самомъ началѣ синодальнаго посланія охридской іерархіи. Честолюбивые замыслы, житейское тщеславіе, любовь къ помпѣ и пр.,—все это конечно не вяжется съ болѣе достовѣрными представленіями о высотѣ его нравственныхъ побужденій, которыми онъ руководился въ своей жизни какъ до времени своего архіепископствованія, такъ и послѣ—въ періодъ своего широкаго церковно-общественнаго служенія. Самоотверженіе еще молодаго княжича Растька, удалившагося на Аѳонъ безъ вѣдома и даже вопреки первоначальному желанію родителей (впослѣдствіи не только примирившихся съ этимъ фактомъ, но и послѣдовавшихъ примѣру своего любимаго сына), его постриженіе въ иночество съ именемъ Саввы, усиленные иноческіе подвиги въ разныхъ аѳонскихъ монастыряхъ и наконецъ въ самой строгой карейской типикарницѣ, его самоотверженная любовь къ родинѣ, ради блага которой онъ оставлялъ даже

лась каѳедра рашскаго епископа, былъ столицею сербскаго государства съ первыхъ годовъ XII до конца XIII или нач. XIV в. (ср. *Голубинскій*, стр. 443 и 546—7), а изъ вышеприведеннаго нами документа ясно, кажется, вытекаетъ и то, что не только рашская епархія, но и призрѣнская (а не приштинская, какъ слѣдовало бы толковать по Голубинскому, см. выше прим. 33) входили въ границы сербскаго государства въ моментъ учрежденія сербской архіепископіи, хотя по Голубинскому (432 стр.) Призрѣнъ (бывшій во власти грековъ при Стефанѣ Немани) и Приштина (находившаяся тогда подъ властію болгаръ) неизвѣстно когда стали подвластны сербамъ.

[43]) См. выше прим. 12.

свое любимое иноческое уединеніе и для безкорыстнаго служенія которой онъ и согласился принять на себя тяжелыя обязанности перваго предстоятеля сербской церкви, не смотря на уклоненія и нежеланіе принять на себя этотъ санъ [44]), — все это и многое другое, извѣстное изъ жизни и дѣятельности св. Саввы, заставляетъ конечно искать другихъ причинъ, приведшихъ его не въ Охриду, а въ Никею за разрѣшеніемъ для Сербіи того вопроса, который по нашему документу считалъ себя въ правѣ разрѣшать охридскій архіепископъ на основаніи вышеизложенныхъ въ посланіи аргументовъ. Несомнѣнно, что границы новоучрежденной св. Саввою архіепископіи (по крайней мѣрѣ нѣкоторая ея часть), какъ уже замѣчено, входили ранѣе въ составъ охридскаго архіепископскаго округа, слѣдовательно въ этихъ границахъ признавалась церковная юрисдикція охридскаго архіепископа. Но вопросъ въ томъ, насколько признавался этотъ авторитетъ въ Цареградѣ? А этотъ вопросъ, думаемъ, совсѣмъ не безразличенъ былъ на взглядъ сербовъ или точнѣе — тогдашняго сербскаго короля Стефана Первовѣнчаннаго, а также и св. Саввы, для санкціи задуманныхъ ими церковно-политическихъ преобразованій Сербія.

Правда, самъ жестокій завоеватель Болгаріи Болгаробоецъ Василій, покоривъ Болгарію (1018—19 г.), оставилъ однако болгарской (охридской) архіепископіи прежнія права ея автокефаліи неприкосновенными. Въ одномъ изъ трехъ хрисовуловъ, данныхъ имъ охридскому архіепископу послѣ завоеванія Болгаріи, касательно этого говорится между прочимъ: „Ибо если мы сдѣлались обладателями страны (т. е. Болгаріи), но права ея сохранили неуничтоженными, подтверждая ихъ хрисовулами и сигилліями нашими, и повелѣваемъ нынѣшнему святѣйшему архіепископу Болгаріи удерживать тѣ же предѣлы, какіе и сколько онъ имѣлъ при царѣ Петрѣ, управлять и держать (въ своей власти) всѣ епископіи Болгаріи“ и пр. Императоръ въ своихъ хрисовулахъ опредѣлилъ и тѣ обширныя границы епархій, которыя нѣкогда при болгарскихъ царяхъ находились въ вѣдѣніи охридскаго архіеписко-

[44]) См. выше прим. 12.

на; позаботился въ тѣхъ же хрисовулахъ охранить его экономическіе интересы и нравственный авторитетъ среди всей паствы, среди начальниковъ, стратеговъ и пр., которые не должны были вмѣшиваться въ его церковныя дѣла [45]). Эти права автокефаліи, какъ свидѣтельствуетъ Нилъ Доксопатръ, оставались за болгарскими архіепископами даже въ его время (т. е. въ XII в.). Онъ между прочимъ пишетъ: „Болгарія (т. е. болгарская церковь) и чрезъ изъятіе ея изъ-подъ власти болгаръ царскою властію, именно царемъ Василіемъ Порфиророднымъ (т. е. Болгаробойцемъ), осталась при своихъ правахъ и никогда не подчинялась константинопольской церкви. И потому, хотя Кипръ и Болгарія до сихъ поръ и получали епископовъ отъ императора, однако они посвящаются собственными епископами, и называются—какъ сказано—архіепископіями, потому что онѣ самовластны“ [46]). Но уже самый фактъ назначенія кандидатовъ изъ Цареграда предполагаетъ извѣстную форму зависимости охридскаго архіепископа отъ византійскаго правительства, которое нерѣдко и заявляло свои права или точнѣе притязанія для ослабленія непріятныхъ, конечно для константинопольской патріархіи, правъ автокефаліи охридской церкви. Мы напр. знаемъ, что послѣ перваго (по завоеваніи Болгаріи) архіепископа, родомъ болгарина Іоанна (изъ монаховъ дебрьскаго монастыря Богоматери), былъ назначенъ Левъ (извѣстный полемистъ противъ латинянъ), родомъ грекъ, и преемники Льва избирались изъ грековъ, назначались и утверждались не соборомъ болгарскаго духовенства и даже не па-

---

[45]) Подлинный греческій текстъ хрисовуловъ, по крайней мѣрѣ той части ихъ содержанія, которая касается границъ болгарской (охридской) архіепископіи, напечатанъ въ цит. соч. г. Голубинскаго, стр. 259—263. Предисловіе и первая половина перваго хрисовула напечатаны ὑπὸ Ῥάλλη καὶ Πότλη, Σύνταγμα κανόνων, V, 266—269.

[46]) Въ соч. «Τάξις τῶν πατριαρχικῶν θρόνων», писанномъ (по Голубинскому, стр. 286) въ 1143 или 1144 году: Ἔμεινεν οὖν καὶ αὐτὴ αὐτοκέφαλος διὰ τὸ ὑπὸ βασιλικῆς ἐξουσίας ἀποσπασθῆναι τῆς χειρὸς τῶν Βουλγάρων, ἤτοι τοῦ βασιλέως κύρου Βασιλείου τοῦ Πορφυρογενήτου, καὶ μὴ ἀνατεθῆναί ποτε τῇ Ἐκκλησίᾳ Κωνσταντινουπόλεως. Διὸ καὶ ἕως τοῦ νῦν ἡ Κύπρος καὶ ἡ Βουλγαρία ὑπὸ μὲν τοῦ βασιλέως λαμβάνουσιν ἐπισκόπους. Χειροτονοῦνται δὲ οὗτοι ὑπὸ τῶν ἰδίων ἐπισκόπων, ὡς εἴρηται, καὶ καλοῦνται ἀρχιεπισκοπαί, ὡς αὐτοκέφαλοι. См. напр. *Migne*, Patrol. s. gr. t. 132, col. 1197.

тріархами константинопольскими, а самими императорами. Однакоже, со стороны охридскихъ архіепископовъ мы видимъ сильное стремленіе отстаивать свою автономію въ виду нарушеній или просто вмѣшательствъ изъ Константинополя во внутреннія дѣла охридской архіепископіи. Такъ напр., когда одинъ монахъ съ позволенія константинопольскаго патріарха началъ постройку церкви въ г. Кичавѣ (въ предѣлахъ охридской архіепископіи), то бывшій въ это время охридскимъ архіепископомъ Ѳеофилактъ (въ концѣ XI и нач. XII в.) воспретилъ ему приводить въ исполненіе его намѣреніе и послалъ въ Константинополь письмо, въ которомъ выставляетъ такой поступокъ нарушеніемъ „и священныхъ каноновъ и законовъ государственныхъ“ и, предавъ упомянутаго монаха анаѳемѣ, писалъ между прочимъ къ члену патріаршаго синода еп. халкидонскому Михаилу слѣдующее [47]): „Извѣстно твоей святости сдѣланное противъ каноновъ опредѣленіе о Кичавѣ. Не улыбайся при этомъ варварскомъ словѣ. Это область, относящаяся къ нашей архіепископіи“. Затѣмъ, послѣ изложенія самаго дѣла, Ѳеофилактъ продолжаетъ: „Ибо какое общеніе [48]) у болгаръ съ константинополь-

---

[47]) Греческій текстъ писемъ архіеп. Ѳеофилакта напечатанъ въ разныхъ изданіяхъ: 75 писемъ у *Меурсія* (Meursius), 36 у *І. Лами* (Lami), 20 у *Б. Финетти* (Finetti) и перепечатанъ съ ошибками и недосмотрами первыхъ издателей также и въ Патрологіи *Миня* (*Migne*, Patrol. gr. s. t. 126). Русскій переводъ нѣкоторыхъ писемъ, въ частности настоящаго письма къ еп. халкидонскому Михаилу, напечатанъ въ соч. проф. *Ѳ. И. Успенскаго*, Образованіе втораго Болгарскаго царства (Одесса 1879), стр. 41—43.

[48]) Существующій русскій переводъ этого выраженія—кажется—не точно передаетъ текстъ греческаго оригинала (Τίς γὰρ ἐν Βουλγάροις μετουσία τῷ Κωνσταντινουπόλεως πατριάρχῃ и пр.). Лучше переводъ: «Ибо какое отношеніе у болгаръ къ константинопольскому патріарху?» и пр. Правда, въ латинскомъ переводѣ настоящаго письма архіеп. Ѳеофилакта греческое слово μετουσία переведено двумя словами—participatio et communio (Migne, s. gr. t. 126, c. 417—18); но второе слово (communio) прибавлено по меньшей мѣрѣ *безъ нужды*; къ тому же оно и не выражаетъ характера тѣхъ отношеній, которыя существовали между охридскою архіепископіею и константинопольскою патріархіею, такъ какъ не только духовное общеніе, но до извѣстной степени поддерживались между ними и церковно-административныя отношенія.

скимъ патріархомъ? Онъ не имѣетъ въ этой странѣ (въ Болгаріи) ни законной хиротоніи, такъ какъ у нея есть автокефальный архіепископъ, и никакихъ надъ ней привиллегій". Кромѣ того, архіепископъ Θеофилактъ протестуетъ далѣе и противъ предположенія константинопольскаго патріарха назначить въ Болгарію своего экзарха: „Чрезъ кого же онъ будетъ наблюдать и исправлять проступки монаховъ обители, построенной по его волѣ? Не черезъ того ли, кто стоитъ во главѣ и другихъ подчиненныхъ ему монаховъ, то есть черезъ экзарха? Но кто допуститъ присутствіе въ Болгаріи константинопольскаго экзарха, и не будутъ ли смотрѣть на него какъ на прелюбодѣя и не обнаружатъ ли къ нему полной ненависти? Кто перенесетъ спокойно одно даже извѣстіе объ этомъ нарушеніи справедливости?" Такъ энергично и горячо отстаивали свои права архіепископы охридскіе!

Но уже очень рано эти права, какъ мы видѣли, подвергались не только ограниченіямъ со стороны императорской власти, но и со стороны самихъ патріарховъ константинопольскихъ. Не подъ этими ли вліяніями росла и крѣпла мысль, ставшая впослѣдствіи (неизвѣстно точно— съ какого времени) историческимъ фактомъ, мысль объ отождествленіи охридской архіепископіи съ архіепископіей первой Юстиніаны (prima Justiniana, ἡ πρώτη Ἰουστινιανή), учрежденной импер. Юстиніаномъ въ 535 г. на мѣстѣ своей родины (въ Тавреѳіи, вѣроятно близъ Кюстендиля и—конечно—не на мѣстѣ нын. Охриды) [49]),

[49]) См. опроверженіе мнѣнія объ отождествленіи древней первой Юстиніаны (дер. Тавреѳія) съ древнимъ также Лихнидомъ или позднѣйшею Охридою (греч. Ἀχρίς) у *Голубинскаго*, цит. соч., стр. 109 и 284—286. Здѣсь же (стр. 106—115 съ соотвѣтствующими примѣчаніями) обстоятельно изложена исторія учрежденія архіепископіи первой Юстиніаны, съ которой не стоитъ въ непосредственной преемственной связи архіепископія охридская, служившая продолженіемъ болгарской преславской патріархіи, главная каѳедра которой, по завоеваніи предбалканской Болгаріи Іоанномъ Цимисхіемъ въ 971 году, отошла конечно къ грекамъ, будучи лишена своего прежняго значенія. Императоръ византійскій Василій II Болгаробоецъ, покоривъ (въ 1018—19 гг.) всю Болгарію, оставилъ однако болгарской охридской архіепископіи право автокефаліи и возвратилъ ей тѣ владѣнія, которыя принадлежали ей въ періодъ существованія Болгарскаго царства при Симеонѣ († 927), его сынѣ Петрѣ († 968) и Самуилѣ († 1014).

съ правами автокефаліи, слѣд. имѣющей право на сохраненіе этой автокефаліи, идущей отъ столь древнихъ временъ—не отъ временъ Болгарскаго царства, а отъ времени самого византійскаго императора Юстиніана? Этотъ послѣдній аргументъ конечно могъ имѣть особое значеніе и для Константинополя. Проф. Голубинскій подозрѣваетъ, что мысль объ отождествленіи охридской архіепископіи съ архіепископіей первой Юстиніаны впервые могла быть заявлена охридскимъ архіепископомъ Димитріемъ Хоматіаномъ, который какъ извѣстный законовѣдъ напалъ на эту счастливую мысль въ то время, когда представлялся будто бы частнѣйшій поводъ къ ея осуществленію. Именно: „съ возстановленіемъ (въ 1185 г.) Болгарскаго (второго) царства и учрежденіемъ болгарской архіепископіи въ Терновѣ, архіепископія охридская оказалась безъ всякихъ даже и видимыхъ причинъ къ своему дальнѣйшему существованію“ [50]. Но эти причины по крайней мѣрѣ продолжали существовать въ то время, къ которому—по словамъ Голубинскаго (въ половинѣ, или—что гораздо вѣроятнѣе—въ концѣ XII в.)—относится заявленіе относительно правъ охридской архіепископіи на титулъ и значеніе перво-юстиніанской, ибо учрежденіе терновской архіепископіи совершилось не сразу послѣ возстановленія Болгарскаго царства, да къ тому же Охрида и вообще значительная часть охридскаго архіепископскаго діоцеза въ концѣ XII в. еще не была подъ политическою властію болгарскихъ царей втораго царства. Слѣдовательно причина къ дальнѣйшему существованію охридской архіепископіи со времени возстановленія Болгарскаго царства не могла исчезнуть въ это время вплоть почти до царствованія Іоанна Асѣня II (1218—1241). Главное же то, что мысль о тождествѣ охридской архіепископіи съ перво-юстиніанской была заявлена и раньше Димитрія Хоматіана: еще со времени его предшественника Іоанна Каматира охридскіе архіепископы стали

Для подтвержденія этихъ правъ имп. Василій издалъ хрисовулы, въ которыхъ опредѣляетъ права архіепископа охридскаго и перечисляетъ епархіи его церковнаго округа. Хрисовулы эти (числомъ 3) напечатаны у *Голубинскаго* стр. 258—263.

[50]) Краткій очеркъ исторіи прав. церкв., стр. 111.

называться и архіепископами первой Юстиніаны и всей Болгаріи [51]).

А подозрѣніе Голубинскаго, „относительно участія Хоматіана въ превращеніи архіепископіи охридской въ архіепископію первой Юстиніаны“ [52]), для котораго онъ предполагалъ основаніе въ документахъ разсматриваемаго нами сборника (тогда еще рукописнаго и извѣстнаго ему по описанію Гардта), можно и теперь, послѣ изданія мюнхенскаго рукописнаго сборника, считать еще не выяснившимся окончательно, по крайней мѣрѣ въ той категорической постановкѣ и рѣшеніи этого вопроса, какія даются у Голубинскаго. На основаніи документовъ изданнаго сборника можно только говорить объ

[51]) Такъ напр. подъ опредѣленіями константинопольскаго собора (1156 г.) противъ Сотериха подписался: Ὁ ταπεινὸς μοναχὸς Ἰωάννης καὶ ἐλέῳ Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος πρώτης Ἰουστινιανοῦ (sic) καὶ πάσης Βουλγαρίας ὁ Κομνηνὸς ὁρίσας ὑπέγραψα. См. въ изданіи Анжело Майо Spicilegium Romanum, t. X, p. 89. Правда, Голубинскій «думаетъ, что въ напечатанномъ спискѣ дѣяній соборныхъ слова первой Юстиніаны составляютъ позднѣйшую вставку и что при архіепископѣ Іоаннѣ Ахрида еще не начинала слыть Юстиніаной» (стр. 287); но основаній для этого не указываетъ. Приводимыя же имъ основанія въ доказательство своей мысли, именно—что въ спискѣ болгарскихъ архіепископовъ, составленномъ при этомъ именно архіепископѣ Іоаннѣ (напеч. у Дюканжа въ Familiae Byzantinae, ed Paris, p. 174), охридскіе архіепископы называются просто архіепископами Болгаріи и что встрѣчающееся у Θеодора Вальсамона (извѣстнаго виз. канониста второй половины XII в. и начала XIII в.) въ толкованіи на 2-е правило II всел. собора указаніе на CXXXI Юстиніанову новеллу какъ доказательство автокефаліи «Болгаріи» (ὑπὸ Ῥάλλη καὶ Πότλη, Σύνταγμα κανόνων, II, 171) не имѣетъ значенія, какъ свидѣтельство лица, не заинтересованнаго въ превращеніи охридской архіепископіи въ архіепископію первой Юстиніаны,—эти основанія совсѣмъ не приводятъ необходимо къ тому положенію или точнѣе «подозрѣнію» г. Голубинскаго, что только Димитрій Хоматіанъ какъ «юристъ» могъ и, дѣйствительно, додумался до мысли объ отождествленіи архіепископіи охридской съ архіепископіей первой Юстиніаны. Правда, Димитрій Хоматіанъ, какъ мы увидимъ, называлъ себя архіепископомъ «первой Юстиніаны и всей Болгаріи» (ἀρχιεπίσκοπος τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς καὶ πάσης Βουλγαρίας) и доказывалъ автокефалію болгарской архіепископіи ссылкою на CXXXI Юстиніанову новеллу. Но вѣдь все это—данныя, которыя констатируютъ только фактъ совершившійся, засвидѣтельствованный и извѣстною подписью охридскаго архіеп. Іоанна Каматира (ср. и у Голубинскаго, стр. 123), и толкованіями Θеодора Вальсамона, и другими данными, о которыхъ скажемъ ниже.

[52]) См. цит соч., стр. 111, ср. 287—8.

участія извѣстнаго архіеп.-законовѣда Димитрія Хоматіана [53]) въ каноническомъ обосновавіи уже ранѣе его времени утвердившейся мысли о

---

[53]) Ср. выше прим. 2. Дѣйствительно, Димитрій Хоматіанъ, какъ мы сказали, въ различныхъ документахъ сборника называется ἀρχιεπίσκοπος τῆς πρώτης Ἰουστινιανῆς καὶ πάσης Βουλγαρίας (см. напр. col. 49, 123, 329, 345, 381, 479, 481, 494—5, 503), но еще чаще называютъ его только ἀρχιεπίσκοπον πάσης Βουλγαρίας (ср. col. 144, 165, 273, 285, 316, 319, 341, 351, 370, 409, 417, 429, 437, 449, 483, 503, 509, 523, 526, 537, 539, 555, 557). Самъ же Димитрій Хоматіанъ охотнѣе, кажется, пользуется первымъ титуломъ, когда особенно являлась надобность отстоять церковный авторитетъ охридскаго архіепископа. См. напр. вышеприведенный протестъ его противъ учрежденія самостоятельной сербской архіепископіи (col. 381 и слѣд.), переписку его съ константинопольскимъ патр. Германомъ II (col. 481—498) и др. Мало того, изъ различныхъ документовъ разсматриваемаго сборника видно, что Димитрій Хоматіанъ приводилъ и каноническія основанія для возвышенія своего архіепископскаго авторитета. Такъ напр., въ отвѣтномъ посланіи Димитрія Хоматіана (col. 339—350: Περὶ ὅρων ἐκκλησιαστικῶν καὶ ἐπαρχιῶν καὶ προνομίων καὶ σταυροπηγίων, καὶ περὶ μηδὲν δεῖν ἐν μοναστηρίῳ γάμους ἢ βαπτίσματα γίνεσθαι, καὶ περὶ δολερᾶς ἀναφορᾶς, καὶ ὅτι οὐκ ἀποκλείονται χρόνῳ τὰ ἐκκλησιαστικὰ προνόμια) епископу бοеротскому Димитрію приводятся между прочимъ въ защиту правъ ставропигіи автокефальныхъ каѳедръ слѣдующія основанія: Ἐπεὶ γὰρ οἱ θεῖοι κανόνες, ὅτε ϛ΄ καὶ ὁ ζ΄ τῆς πρώτης συνόδου καὶ ὁ τῆς β΄ καὶ γ΄, καὶ ὁ τῆς τρίτης ὄγδοος, ἔτι γε μεν καὶ ἡ ρλα΄ Ἰουστινιάνειος νεαρὰ, ἡ κειμένη ἐν βιβλ. ε΄ τῶν βασιλικῶν τιτλ. γ΄ κεφ. α΄ θέματι δευτέρῳ, τοῖς πέντε πατριάρχαις, πρὸς δὲ καὶ τοῖς μετ᾽ αὐτοὺς δυσὶν αὐτοκεφάλοις ἀρχιεπισκόποις τῷ τε Βουλγαρίας δηλαδὴ καὶ τῷ Κύπρου, τὰς ἐνορίας τῶν τεσσάρων κλιμάτων τῆς οἰκουμένης ὑπέταξαν, διελόντες τὰς ἐπαρχίας ὀνομαστὶ, καὶ τὰς προσηκούσας ἑκάστῳ αὐτῶν προσαρμόσαντες· εἰκότως οὖν τῷ δικαίῳ τῆς ἐν ταύταις τούτων ἀναφορᾶς, καὶ τὸ τῶν σταυροπηγίων παρηκολούθησεν... col. 345. Затѣмъ, въ отвѣтномъ письмѣ Димитрія Хоматіана константинопольскому патр. Герману II (по поводу возраженій послѣдняго противъ помазанія первымъ въ цари т. е. Θеодора эпирскаго, col. 483—486) говорится въ защиту того же права между прочимъ слѣдующее: Εἰ δὲ θέλεις ἐπεξελθεῖν ἡμᾶς εἰς τὸ παραστῆναι ὅπως εἰς τὸ χρίειν βασιλεῖς ὁ καθ᾽ ἡμᾶς θρόνος κέκτηται δύναμιν, οὐκ ἂν οὐδὲ τὸν περὶ τούτου λόγον ὠκνήσαμεν. Εἰ δὲ τὸ δυνάμει τούτῳ προσὸν, οὐδέπω καὶ νῦν εἰς ἐνέργειαν προεχώρησεν οὐ καινὸν, ὅτι μηδὲ τῇ περικλύτῳ Κωνσταντινουπόλει εἰς δεῦρο κατὰ ταυτὸν τὰ διπλᾶ περιώσια λύχνα ἐσβέστησαν, τῆς βασιλείας φημὶ καὶ τῆς ἱεραρχίας, ἅπερ κατὰ ἔθος ἀρχαῖον ὑπ᾽ ἀλλήλων ἀνήπτοντο· ἔχει γὰρ ὧδε ὁ ἐν βασιλεῦσι μέγας καὶ περιβόητος Ἰουστινιανός... καὶ πρῶτον εἶναι πάντων τῶν ἱερέων εἰπὼν τὸν ἁγιώτατον πάππαν τῆς πρεσβυτέρας Ῥώμης, ἔπειτα δεύτερον μετ᾽ αὐτὸν τὸν μακαριώτατον Κωνσταντινουπόλεως, μετὰ τοῦτον εὐθὺς τοῦ ἀρχιεπισκοπικοῦ θρόνου τῆς Βουλγαριας μέμνηται· ὃν καὶ Ἰουστινιανὴν ὀνομάζει, ὅτι τε ἐκεῖθεν τὸ γένος εἷλκε, καὶ ὅτι μόχθοις ἰδίοις, ἱδρῶσι στρατηγικοῖς τὴν Βουλγαρικὴν ταύτην περίχωρον τοῖς ὅροις τῆς Ῥωμαΐδος προσήρμοσεν ᾧ δὴ θρόνῳ καὶ ἐπαρχίας

тождествѣ охридской архіепископіи съ архіепископіей первой Юсти-

---

διαφόρους ὑποθέμενος, περὶ ὧν ἡ ρλα΄ αὐτοῦ νεαρὰ ἡ κειμένη ἐν βιβλίῳ τῶν Βασιλικῶν ε΄, τιτλ... κεφ. α΄, θέματι β΄, εἰς πλάτος διέξεισιν· ἔπειτα καὶ τοῖς προνομίοις αὐτὸν τοῦ ἀποστολικοῦ Ῥώμης θρόνου ἐν ταῖς ὑπ' αὐτὸν ἐπαρχίαις ἐκόσμησε, καὶ τὸ δίκαιον τοῦ ἀρχιεπισκόπου Ἰουστινιανὸς Καρχηδόνος τῆς Ἀφρικῆς διοικήσεως τούτῳ ἀπεχαρίσατο, καὶ τὰ ὁρισθέντα ὑπὸ τοῦ ἁγίου πάππα Βιγίλλου περὶ τούτων τὸ ἐνεργὸν καὶ απεριτρέπτον ἔχειν ἐθέσπισεν· ἃ δὴ καὶ εἰσὶ παρ' ἡμῖν, ὥσπερ στήλη τίς λαμπρὰ καὶ περιφανής, τὸ τοῦ θρόνου τούτου ὑψηλὸν καὶ μακάριον πᾶσι προφαίνουσα, κἂν ἐταπείνωσαν τούτο οἱ ἀπὸ τῆς μεγάλης ἐκκλησίας, τῆς τοῦ Θεοῦ Λόγου Σοφίας, κατὰ καιροὺς προβαλλόμενοι ἀρχιεπίσκοποι, ἐφ' οἷς τρόφιμοι ταύτης ὄντες, καὶ τὴν σύμφυτον τούτοις ὑποταγὴν πρὸς τοὺς πατριάρχας Κωνσταντινουπόλεως, καὶ μετὰ τὴν ἀρχιερωσύνην τηροῦντες ἀνόθευτον συνεταπείνωσαν. Ἑαυτοῖς τὸ τοῦ θρόνου τῆς Βουλγαρίας ὕψος καὶ εὐκαταφρόνητον ἐν τῷ τῆς Κωνσταντινουπόλεως θρόνῳ εἰργάσαντο. Εἰ γοῦν τὰ προνόμια τοῦ πάππα ἐν τῇ καθ' ἡμᾶς ἐπαρχίᾳ κεκτήμεθα, τί καινὸν εἰ καὶ ἡμεῖς βασιλέα ἐχρίσαμεν, ὃ δὴ καὶ ὁ πάππας ποιεῖ, οὐ μὴν ἀλλά τι καὶ νεανικὸν ἐπὶ τούτοις ὁ λόγος τολμᾷ ζήλῳ Στέντορος ἀναβοῆσαι τὴν ἀδικίαν προθέμενος; col. 494—5. Далѣе Димитрій Хоматіанъ опровергаетъ притязанія патріарха ссылкою на неправильную будто бы хиротонію архіепископа Сербіи, которая въ церковномъ отношеніи была подчинена престолу болгарскаго архіепископа, κατὰ τὸ ἀναπεφωνημένον Ἰουστινιάνειον θέσπισμα, а также и на неправильные порядки посвященія главы болгарской церкви въ Загорьи, т. е. въ собственной Болгаріи. Такимъ образомъ ясно, что Димитрій Хоматіанъ воспользовался и историко-каноническими основаніями, какъ-то: новеллами Юстиніана и пр. для отождествленія своей охридской каѳедры съ перво-юстиніанскою, для поднятія ея авторитета и значенія, которыя умалялись со стороны Константинополя не только теперь—при немъ, но и прежде—до него, такъ что подъ вліяніемъ этого онъ можетъ быть и рѣшился энергичнѣе выступить въ защиту правъ своей каѳедры, чѣмъ нѣкоторые изъ его предшественниковъ, хотя и послѣдніе, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы видѣли, не безъ успѣха защищали права своей каѳедры отъ притязаній константинопольскаго патріарха. Но принадлежитъ ли Димитрію Хоматіану *первому*, какъ предполагаетъ г. Голубинскій, мысль объ отождествленіи охридской архіепископіи съ перво-юстиніанскою,—изъ вышеприведенныхъ документовъ, равно и изъ другихъ данныхъ нашего сборника не видно. Наоборотъ, титулъ «архіепископа первой Юстиніаны и всей Болгаріи», которымъ пользовался самъ Димитрій Хоматіанъ и который употребляли въ своихъ письмахъ къ нему отчасти другіе (ср. col. 503), былъ повидимому уже какъ готовый ко времени Димитрія, можетъ быть и ранѣе его времени оформленный (ср. титулъ предшественника Димитрія на охридской каѳедрѣ Іоанна Каматира въ 51 примѣчаніи). По крайней мѣрѣ, частое (сравнительно), хотя и не исключительное употребленіе его самимъ Димитріемъ Хоматіаномъ, отчасти вѣроятно и другими его современниками (ср. col. 503), переписывавшимися съ нимъ, намекаетъ на болѣе раннее его происхожденіе, а дальнѣйшее историко-каноническое обоснованіе его принадлежитъ, какъ мы видѣли,

ніани [54]). А эта мысль, какъ сказано, обусловливалась извѣстными уже существовавшими отношеніями между константинопольской патріархіей съ одной стороны и охридской архіепископіей съ другой. Мало того, Димитрій Хоматіанъ могъ воспользоваться политическими обстоятельствами [55]) для возвышенія своей каѳедры. Въ 1222 г. онъ возложилъ императорскій вѣнецъ на удѣльнаго владѣтеля эпирскаго Ѳеодора Комнина, „потому что архіепископъ охридскій, какъ самъ онъ утверждалъ, былъ совершенно независимый и не обязанъ былъ никому давать отчетъ въ своихъ дѣлахъ, почему и имѣлъ право кого бы, когда бы и гдѣ бы то ни было, помазывать на царство“ [56]).

Какъ бы то ни было, не смотря на столь высокія представленія Димитрія Хоматіана о своей власти, въ Никеѣ съ неудовольствіемъ смотрѣли на это возвышеніе, а патріархъ Германъ II написалъ даже протестъ противъ этихъ правонарушеній [57]). Можно предполагать, что и сербамъ или точнѣе — сербскому королю (тогда Стефану Первовѣнчанному), а также св. Саввѣ можетъ быть не безъизвѣстно было, что права автокефаліи охридской архіепископіи не признавались константинопольскимъ патріархомъ столь безусловными, какими признавали ихъ

несомнѣнно Димитрію Хоматіану. Но шелъ-ли въ этомъ отношеніи дальше самъ Димитрій Хоматіанъ, какъ подозрѣваетъ опять г. Голубинскій (цит. соч., стр. 114, ср. 288), сказать трудно на основаніи имѣющихся пока данныхъ нашего сборника. Т. е. неизвѣстно, кому принадлежитъ фальсифицированная XI новелла имп. Юстиніана, напечатанная у Ралли и Потли (Σύνταγμα κανόνων, V, 219 и слѣд.), въ которой содержится не подлинная XI новелла Юстиніана объ учрежденіи архіепископіи первой Юстиніаны, а—съ дополненіями и вставками (о высшихъ правахъ ея главы не только какъ духовнаго администратора— архіепископа, но и какъ гражданскаго правителя—въ родѣ удѣльнаго князя). Содержаніе ея на русскомъ языкѣ изложено у Голубинскаго, цит. соч., стр. 112—114, ср. 288, прим. 87.

[54]) Ср. выше прим. 51.

[55]) Ср. выше прим. 53.

[56]) Ὁ δὲ Βουλγαρίας ἀρχιεπίσκοπος Δημήτριος τὸ βασιλικὸν περιδιδύσκει τοῦτον διάδημα, ὡς ἔφασκεν, αὐτόνομος ὢν καὶ μηδενὶ εὐθύνας ὀφείλων δοῦναι, καὶ διὰ ταῦτα ἐξουσίαν ἔχειν βασιλέας χρίειν οὕς τε ἂν καὶ ὅπου καὶ ὅτε βούλοιτο. Georgii Acropolitae Annales (ed. Bonn.), гл. 21.

[57]) Ср. выше прим. 2, 10 и 53.

сами охридскіе архіепископы. При этомъ имъ вѣроятно не безъизвѣстно было то значеніе патріаршихъ каѳедръ—въ особенности константинопольской (вселенской), отъ которой исходило утвержденіе и автокефальной патріархіи болгарской (при царѣ Петрѣ ок. 932 г.), а также и значеніе императорской власти византійскаго царя, который утвердилъ права и самой охридской архіепископіи (Василій Болгаробоецъ), не только утвердилъ эти права, но и первоначально даровалъ ихъ для архіепископіи первой Юстиніаны (Юстиніанъ), съ которою уже теперь отождествляли и архіепископію охридскую, какъ дѣлалъ это, канонически доказывая ихъ тождество, самъ охридскій архіепископъ Димитрій Хоматіанъ. Слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что авторитетъ охридскаго архіепископа не считался и въ Сербіи, политически самостоятельной, достаточнымъ для того, чтобы санкціонировать автокефалію сербской церкви. А права политической самостоятельности Сербіи давали ей свободу обращаться и за разрѣшеніемъ своихъ церковныхъ вопросовъ не въ Охриду, церковный глава которой самъ не былъ признаваемъ (по крайней мѣрѣ въ Никеѣ, можетъ быть и въ Сербіи) вполнѣ независимымъ, а въ Никею—къ императору и патріарху. Поэтому св. Савва имѣлъ не мало побужденій (которымъ нельзя отказать и въ канонической правильности даже съ точки зрѣнія приводимыхъ Димитріемъ Хоматіаномъ каноновъ [58]), для того, чтобы обра-

[58]) Ср. приводимые Димитріемъ Хоматіаномъ каноны въ прим. 24, 35—39, не говоря уже о томъ, что нѣкоторыя части сербской территоріи, вошедшія ко времени св. Саввы въ составъ сербскаго государства, находились до того времени подъ высшею церковною юрисдикціей константинопольскаго патріарха, слѣдовательно никакъ не могли служить предметомъ законныхъ возраженій со стороны охридскаго архіепископа. Св. Савва, какъ человѣкъ «книжный», былъ вѣроятно хорошо знакомъ съ канонами церковными, такъ какъ о немъ извѣстно, что, возвращаясь изъ Никеи въ Сербію между прочимъ чрезъ Солунь, здѣсь «книгы многы прѣписа законьныѥ о исправлѥнии вѣрѣ, ихьже требоваашe сьборьнаıа ıѥму црькьви. и вьсе сьтворивь ıѥже на потрѣбоу светыни ıѥго, и тако подвиже се кь земли отьчьства своıѥго». Живот. св. Саве (изд. 1865), стр. 227. Отсюда заключаютъ, что св. Савва или самъ былъ переводчикомъ Кормчей книги съ греческаго языка на славянскій, или кому-нибудь поручилъ исполнить этотъ переводъ. Во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ познакомиться

титься съ своею просьбой не въ Охриду, а въ Никею, гдѣ не только ему не напоминали о незаконности его дѣйствій, а наоборотъ— признали ихъ правильными, ибо удовлетворили его просьбу [59]). Конечно, мы не считаемъ серьезнымъ возможное подозрѣніе, что св. Савва обратился въ Никею, а не въ Охриду, изъ мнимой боязни не получить разрѣшеніе своей просьбы отъ охридскаго архіепископа, ибо Димитрій Хоматіанъ, обличая Савву за его извѣстный поступокъ, обѣщаетъ удовлетворить его просьбу въ случаѣ раскаянія. Остается слѣдовательно предположить, что протестъ Димитрія Хоматіана и его освященнаго синода былъ обусловленъ отчасти прежними зависимыми отношеніями сербской территоріи отъ охридскаго архіепископа, а главнымъ образомъ тѣми высокими представленіями охридскихъ архіепископовъ о своей власти, какія вслѣдствіе нѣкоторыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ стали ярче выступать съ тѣхъ поръ, какъ подъискана была каноническая формула, отождествляющая архіепископію охридскую съ архіепископіей первой Юстиніаны.

Что же слѣдовало за угрожающимъ протестомъ охридскаго архіепископа? Какъ отнеслись къ нему прежде всего въ Сербіи? Исполнили-ли тамъ тѣ требованія, которыя предъявлены были въ посланіи охридской іерархіи во главѣ съ архіепископомъ? Какъ въ частности св. Савва отнесся къ ясно выраженному въ посланіи отлученію его отъ „общенія вѣрныхъ“? На всѣ эти вопросы мы не находимъ прямаго отвѣта въ существующихъ, извѣстныхъ въ печати, источникахъ. Но судя по тому, что впослѣдствіи архіепископская дѣятельность св. Саввы вполнѣ свободно и правильно развивалась, можно предполагать, что угрозы охридской іерархіи не имѣли того значенія, на какое онѣ были разсчитаны, по крайней

съ содержаніемъ этой книги, чтобы примѣнять ея законы къ тѣмъ или другимъ отношеніямъ своей церкви. Можно думать, что онъ точно изучилъ дѣйствовавшее тогда каноническое право восточной церкви и прилагалъ всѣ усилія къ тому, чтобы не допускать какихъ нибудь каноническихъ правонарушеній въ своей архипастырской дѣятельности.

[59]) Ср. обстоятельства посвященія св. Саввы въ архіепископа въ прим. 12.

мѣрѣ извѣстій о другомъ впечатлѣніи и результатѣ протеста не сохранилось. Причемъ мы имѣемъ въ рассматриваемомъ сборникѣ не одинъ памятникъ мирныхъ сношеній съ Димитріемъ Хоматіаномъ того же Первовѣнчаннаго короля Стефана, при которомъ была учреждена независимая отъ Охриды сербская архіепископія [60]). Неизвѣстно только, къ какому времени относятся эти мирныя сношенія: можетъ быть и даже весьма вѣроятно, что они предшествовали указанному протесту. Иначе пожалуй (если бы въ Сербіи былъ свой архіепископъ) Стефану Первовѣнчанному не за чѣмъ было и обращаться въ Охриду за разрѣшеніемъ извѣстныхъ вопросовъ, относящихся къ богослужебной практикѣ и пр. Во всякомъ случаѣ нѣтъ или точнѣе—не уцѣлѣло никакихъ извѣстій относительно вліянія угрозъ охридской іерархіи, по крайней мѣрѣ въ томъ направленіи, въ какомъ ей было желательно, на дальнѣйшую дѣятельность св. Саввы въ качествѣ архіепископа. Но съ другой стороны существуютъ, хотя и не столь опредѣленныя, данныя, которыя свидѣтельствуютъ и о послѣдующихъ неудовольствіяхъ охридской іерархіи, по крайней мѣрѣ Димитрія Хоматіана по поводу совершившагося въ Сербіи событія учрежденія независимой архіепископіи. Эти данныя содержатся въ извѣстномъ отвѣтномъ посланіи Димитрія Хоматіана патр. константинопольскому Герману II, по поводу между прочимъ протеста послѣдняго противъ вѣнчанія охридскимъ архіепископомъ Ѳеодора эпирскаго царскою короною [61]). Впрочемъ, эти данныя выра-

[60]) Ср. выше прим. 2 и 10.

[61]) См. выше прим. 53. Димитрій Хоматіанъ, защищая свои права противъ извѣстныхъ возраженій константинопольскаго патріарха Германа II, упрекаетъ съ своей стороны и константинопольскую каѳедру въ нарушеніи правъ охридской чрезъ хиротонію архіепископа Сербіи, которая съ самаго начала входила въ составъ болгарскаго архіепископскаго діоцеза: Σὺ δὲ ἀνέχου τοῦ μακροθυμεῖν, ὡς καὶ τῶν ἄλλων ἀρετῶν, εἰκὼν πᾶσι προκείμενος, οὐκ ἐξ ἡμῶν, ὦ πάτερ καὶ δέσποτα, τὸ τοιαῦτα ποιεῖν ἅπερ ἄμεμπτα μὲν εἰσὶ, δοκοῦσι δὲ παρ' ὑμῖν ἐπιλήψιμα, ἐκ τῶν αὐθόθι δὲ παραδειγμάτων, ἃ χρέων εὐθύτητος εἶναι κανονικῆς, καὶ πάσης ἀγαθουργίας ἀρχετυπίαν. Αὐτόθεν γὰρ, ἵνα το ἀπόῤῥητον εἴπω, ἐπὶ ἀδικίᾳ ἡμετέρᾳ, ἐχειροτονήθη ἀρχιεπίσκοπος Σερβίας, ἣν εὐσέβεια κοσμεῖ, καὶ εὐαγγελικὴ πολιτεία καὶ παντὸς ἀγαθοῦ τρόπου εὐπρέπεια, καὶ ἣν ποιμαίνουσιν ἱεράρχαι, καὶ ἰθύνουσι πρὸς τὰ φίλα Θεῷ καὶ καθήκοντα, ἄνωθεν καὶ ἐξ ἀρχῆς τη ἐπαρχίᾳ τοῦ θρόνου τῆς Βουλγαρίας

жають не столько силу протеста, сколько защиту правъ охридскаго архіепископа, оспариваемыхъ высшимъ авторитетомъ константинопольскаго патріарха. Во всякомъ случаѣ впослѣдствіи мы не встрѣчаемъ никакихъ извѣстій объ іерархическихъ протестахъ охридскихъ архіепископовъ противъ автокефаліи сербской церкви, а при учрежденіи сербскаго патріаршества въ 1346 г. охридскій архіепископъ вмѣстѣ съ болгарскимъ терновскимъ патріархомъ и др. епископами сербскаго царства не только не противились намѣренію сербскаго царя Душана, но поспѣшили исполнить его просьбу, когда онъ „поискалъ“ отъ нихъ благословенія для вновь учрежденной сербской патріархіи [62]).

Кромѣ того, въ разсматриваемомъ документѣ есть еще подробность, которая не встрѣчается въ извѣстныхъ въ печати источникахъ, касающихся сербской исторіи, — это упоминаніе охридской іерархіи о низверженіи св. Саввою бывшаго до его архіепископствованія на своей архіерейской каѳедрѣ призрѣнскаго епископа и о поставленіи на его мѣсто новаго кандидата [63]). И въ этомъ дѣйствіи перваго сербскаго архіепископа составители нашего посланія усматриваютъ антиканоническій поступокъ, усугубляющій его вину и низводящій на него даже „гнѣвъ Божій“ за нарушеніе каноновъ. Кажется, что и этотъ протестъ не имѣетъ того значенія, какое приписываютъ ему составители посланія, такъ какъ онъ не опредѣляетъ степени виновности въ этомъ поступкѣ св. Саввы, который къ тому же, ставши самостоятельнымъ архіепископомъ, имѣлъ свободу дѣйствій во внутреннемъ управленіи ввѣреннымъ ему діоцезомъ. Правда, охридскій

ὑποκείμενοι, κατὰ τὸ ἀναπεφωνημένον Ἰουστινιάνειον θέσπισμα. Τίς οὖν ἦν λόγος, ἵνα ἀρχιερέων ὄντων ἐν τῷ τόπῳ καὶ ἀρχιεπισκόπου ἐπαρχεώτου, τοῦ Βουλγαρίας δηλονότι, αὐτοῖς ἐπενθρονιζομένου, παρεμβόλιμος ἐπικηρυχθείη τούτοις ἀρχιεπισκόποις; καὶ ὥσπερ οἱ κατά τινα παιδιὰν χορεύοντες, καὶ ἐπωμαδίους χορευτὰς ἐν ἑαυτοῖς αἴροντες ἱεράρχαι ἐπιστιβασθῶσιν ἱεράρχαις καὶ καινή τις κτίσις ἱεραρχικῆς γένηται καταστάσεως; ὡς ἂν οὐκ οἶδα εἴτε πῦργος τίς νέος Χαλάνης ἀνατειχισθῇ, εἴτε καθαιρεθῶσι, φεῦ! ὅσια κανονικὰ καὶ καθήκοντα. Εἰ τοίνυν κανονικὰ ταῦτα καὶ ἄμεμπτα καὶ ἀδικίας ἀμέτοχα, οὐδὲ τὰ ἡμέτερα πάντη καὶ πάντως ἐπίψογα· εἰ δὲ ἀνακόλουθα ταῖς τῶν κανόνων διαταγαῖς, ἀλλὰ καὶ οὕτως πάλιν ἄμεμπτα τὰ ἡμέτερα, ἐκ τῶν αὐτόθι γὰρ παραδειγμάτων, ὡς εἴπομεν, ἡμῖν ἡ τῶν καθηκόντων ἀθέτησις. col. 495—6.

[62]) См. въ нашей статьѣ «Христ. Чтен.» 1891, 3—4 кн., напр. прим. 22.

[63]) Ср. выше прим. 33.

архіепископъ стоялъ на своей точкѣ зрѣнія, не признавалъ значенія совершившагося въ Сербіи факта учрежденія самостоятельной архіепископіи. Но это не обязывало по крайней мѣрѣ самого сербскаго архіепископа ограничивать сферу своей компетенціи въ предѣлахъ собственнаго своего новаго діоцеза. Поэтому св. Савва, прилагая особое попеченіе о нуждахъ юной сербской церкви, назначилъ въ частности по своему строгому суду и епископовъ изъ хорошо извѣстныхъ ему лицъ, изъ своихъ ближайшихъ учениковъ, какъ говоритъ о томъ его житіе [64]): „и тоу (т. е. въ каѳедральномъ архіепископскомъ г. Жичѣ) избра оть оученикь своихь богоразоумьныѥ и многобоязньныѥ и чьстныѥ моуже могоуште правити люди по закону Божьствьномоу и по прѣданію светыихь Апостоль, и светыихь богоносьныихь отьць оуказанига сьблюдати; и осветивь ихь и сьтвори ѥ ѥпископы, и расписавь страны отьчьства своѥго, и посьла когождо ихь вь ѥнорию свою по достоганию, ꙗкоже кого знааше, наоучивь ихь богоподобьнѣ“ и пр. Ясно, что св. Савва съ величайшимъ разборомъ и осмотрительностію избиралъ себѣ помощниковъ для благоустройства сербской церкви и потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ заставилъ отречься отъ каѳедры призрѣнскаго епископа, неудовлетворявшаго можетъ быть его архипастырскимъ заботамъ о благѣ и преуспѣяніи церкви и „любимаго имъ отечества“.

Въ самомъ концѣ разсматриваемаго посланія охридской іерархіи есть неполная хронологическая дата, когда писано или можетъ быть отправлено посланіе (то или другое—почти безразлично для дѣлаемыхъ нами выводовъ, такъ какъ между моментомъ писанія и моментомъ отправленія посланія едва ли могъ быть болѣе или менѣе значительный промежутокъ). Изъ обозначеннаго въ концѣ посланія *индикта восьмого* комментаторъ [65]) изданія, въ своемъ compendium'ѣ содержанія изданнаго сборника, заключаетъ, что посланіе относится къ 1220 году. А извѣстно, что оно писано и послано послѣ того, какъ св. Савва былъ не только посвященъ въ архіепископа въ Никеѣ, но и принялъ уже въ Сербіи управленіе дѣлами

[64]) Живот. св. Саве (изд. 1865 г.), стр. 233.
[65]) См. с. 813, п. 1.

сербской церкви. Если все это такъ, то получается болѣе опредѣленная дата посвященія св. Саввы въ архіепископа именно въ томъ году, въ пользу вѣроятности котораго было высказано и нами нѣсколько соображеній въ нашей статьѣ, напечатанной въ 3—4 кн. „Христ. Чтенія“ за 1891 годъ. По нашему вѣроятному вычисленію время посвященія Саввы въ архіепископа падаетъ на 1218—1219-й годъ, а не на 1221—2 годы, какъ допускаютъ это нѣкоторые ученые, основываясь главнымъ образомъ на извѣстіи житія св. Саввы, что онъ именно при патріархѣ Германѣ II (1222?—1240 г.) былъ поставленъ въ архіепископа. Отвергая теперь эту послѣднюю хронологическую дату (т. е. посвященія Саввы въ архіепископа), мы вмѣстѣ съ тѣмъ оставляемъ и свои прежнія колебанія относительно ея исторической значимости, слѣдовательно отдаемъ рѣшительное предпочтеніе первой датѣ.

И. Пальмовъ.

Новое положеніе объ управленіи церквами и духовенствомъ военнаго и морского вѣдомствъ.

12 іюля 1890 года Высочайше утверждено „Положеніе объ управленіи церквами и духовенствомъ военнаго и морского вѣдомствъ". Въ именномъ Высочайшемъ указѣ Святѣйшему Правительствующему Синоду объ утвержденіи этого положенія и о введеніи его въ дѣйствіе повелѣвалось „впредь до изданія новыхъ штатовъ управленія протопресвитера военнаго и морского духовенства оставить въ силѣ существующіе штаты управленія главнаго священника гвардіи и гренадеръ, арміи и флота". На основаніи такой Высочайшей воли, послѣдовавшей согласно всеподданнѣйшему о томъ докладу Святѣйшаго Синода, вновь утвержденное положеніе, при первомъ введеніи его въ дѣйствіе, должно было воспринять силу только въ нѣкоторыхъ частяхъ. Вслѣдствіе сего и реформа, предначертанная упомянутымъ положеніемъ, оставалась не осуществленною и при томъ въ самомъ главномъ пунктѣ предначертаній—въ устройствѣ по новому положенію управленія протопресвитера военнаго и морского духовенства, при которомъ продолжали дѣйствовать на прежнемъ основаніи существовавшія при главныхъ священникахъ гвардіи и гренадеръ, арміи и флота канцеляріи. Въ настоящее время, съ изданіемъ Высочайше утвержденныхъ 9 марта сего года штатовъ управленія протопресвитера военнаго и морского духовенства, и съ введеніемъ таковыхъ штатовъ въ дѣйствіе, должно послѣдовать полное осуществленіе предначертанной реформы во всѣхъ ея частяхъ. Въ виду сего представляется особенно благовременнымъ и вмѣстѣ полезнымъ обозрѣть существен-

ныя стороны произведенной реформы съ тѣмъ, чтобы, поставивъ ее въ связь съ прежнимъ устройствомъ управленія военными церквами и духовенствомъ, съ одной стороны разъяснить руководственныя начала, легшія въ основаніе новаго положенія объ управленіи церквами и духовенствомъ военнаго и морскаго вѣдомства, съ другой—отмѣтить коренныя особенности, долженствующія отличать управленіе протопресвитера военнаго и морского духовенства.

По изначальному устройству Христовой церкви, основанному на ученіи Св. Писанія (Дѣян. гл. XX, ст. 28; 1 Тим. V, 17—19; Тит. гл. 1, ст. 5), носителями священной власти церкви являются епископы, какъ преемники св. апостоловъ, этихъ непосредственныхъ посланниковъ Христа Спасителя и первыхъ устроителей св. церкви по предначертаніямъ ея божественнаго основателя. Посему, по каноническимъ правиламъ древней вселенской церкви (Ап. 31; Ант. 9; Карѳ. 6 и мног. друг.) и символическому ученію православной каѳолической восточной церкви (Посл. вост. патр. о прав. вѣр. гл. 10), предстоятелемъ отдѣльной части Христовой Церкви есть епископъ, облеченный и правительственною и судебною властію, простирающеюся и на священный клиръ и на церковный народъ. По установившейся практикѣ и освященному каноническимъ законодательствомъ вселенской церкви порядку, власть епископа, вращаясь въ извѣстныхъ предѣлахъ, въ равной мѣрѣ простирается на всѣ, находящіяся во ввѣренномъ его управленію предѣлѣ, церкви безъ различія ихъ назначенія и наименованій. Ограждая въ этомъ отношеніи власть одного епископа отъ власти другого, каноническія правила требуютъ: „*каждый епископъ да имѣетъ власть въ своей епархіи и управляетъ ею съ приличествующею каждому осмотрительностію и да имѣетъ попеченіе о всей странѣ, состоящей въ зависимости отъ его града, и да поставляетъ пресвитеровъ и діаконовъ и да разбираетъ всѣ дѣла съ разсужденіемъ*“ (Ант. пр. 9). Утверждая въ такихъ предѣлахъ власть епископа, каноны церкви предписываютъ, чтобы никто изъ епископовъ не простиралъ своей власти

на иную епархію и не совершалъ въ ней какихъ-бы то ни было епископскихъ дѣйствій безъ вѣдома и согласія мѣстнаго епископа (Ап. 14, 16, 1 всел. 5. 16, IV всел. 9, 20, 23 и мног. др.). Представляя одного и притомъ опредѣленнаго епископа правителемъ, судіею и распорядителемъ въ церковныхъ дѣлахъ порученной ему епархіи, каноны церкви возбраняютъ совершать какія бы то ни было церковныя дѣйствія внѣ общенія и въ отдѣленіи отъ епископа. Апостольское 31 правило такъ изъясняетъ подлинную мысль настоящаго запрещенія: *„аще который пресвитеръ, презрѣвъ собственнаго епископа, отдѣльно собранія творити будетъ и алтарь иный водрузитъ, не обличивъ судомъ епископа ни въ чемъ противномъ благочестію и правдѣ: да будетъ изверженъ, яко любоначальный.—Ибо есть похититель власти. Такожде извержены да будутъ и прочіе изъ клира, къ нему приложившіеся. Міряне же да будутъ отлучены отъ общенія церковнаго“* (ср. Ант. 5. Гангр. 6. Карө. 10. Двукр. 13). Объявляя власть епископа простирающеюся на всѣ церкви и лица, въ его епархіи состоящія, каноны повелѣваютъ, чтобы *„клирики при богадѣльняхъ, монастыряхъ и храмахъ мученическихъ пребывали, по преданію св. отецъ, подъ властію епископовъ каждаго града и, по дерзости, не исторгались изъ подъ управленія своего епископа. Дерзнувшіе нарушить сіе постановленіе какимъ бы то ни было образомъ и не подчиняющіеся своему епископу, если они клирики, подлежатъ наказаніямъ по правиламъ, а если монашествующіе или міряне, то подвергаются отлученію отъ общенія церковнаго“* (IV всел. пр. 8). Другіе каноны о томъ же предметѣ предписываютъ, чтобы *„по каждой епархіи въ селахъ или предградіяхъ сущіе приходы неизмѣнно пребывали подъ властію завѣдывающихъ оными епископовъ“* (IV всел. 17 всел. 25). Вообще по каноническимъ правиламъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, а также и всегдашней практикѣ вселенской церкви, законною и дѣйствительною въ предѣлахъ каждой епархіи властію должна быть власть епископа, которая, обнимая всѣ церкви и приходы въ епархіи, въ равной мѣрѣ про-

стирается на клиръ и народъ всякаго званія (IV всел. 4. IV всел. 31. Двукр. 12 и др.).

Согласно съ изъясненными началами, дѣйствующими повсюду въ православной церкви, и въ нашей отечественной церкви епископы также являются правителями, судіями и распорядителями по дѣламъ церковнымъ въ предѣлахъ епархій, совпадающихъ по общему правилу, не безъ исключеній, съ границами губерній. По общепринятой практикѣ русской церкви и по уставу духовныхъ консисторій епархіальный архіерей вѣдаетъ и духовнымъ управленіемъ и духовнымъ судомъ въ епархіи, которые и производитъ при посредствѣ состоящей подъ непосредственнымъ его начальствомъ духовной консисторіи, простирая свою іерархическую власть, согласно 35 апостольскому правилу, не далѣе границъ ввѣренной ему епархіи (Уст. Дух. Конс. ст. 1 и 3, изд. 1883 г.). Въ согласіи съ такимъ общепринятымъ устройствомъ и началами управленія отечественной церкви, завѣдываніе и военными церквами и духовенствомъ въ прежнее время не отдѣлялось отъ епархіальнаго управленія, а находилось въ зависимости отъ епархіальной власти. Стрѣлецкія войска въ Москвѣ въ XVII столѣтіи, хотя составляли изъ себя особые приходы, однако находились подъ вѣдѣніемъ епархіальной власти. Военное духовенство, со времени его появленія въ Россіи, хотя проходило свою службу при воинскихъ частяхъ, но состояло въ зависимости и подъ вѣдѣніемъ общей духовной власти. Святѣйшій Синодъ въ одномъ изъ первыхъ своихъ распоряженій потребовалъ отъ военной и адмиралтействъ коллегіи полныхъ свѣдѣній о служащихъ въ ихъ вѣдомствѣ священникахъ, руководствуясь въ семъ случаѣ тѣмъ, что по духовному регламенту всѣ духовныя всякаго званія персоны должны находиться подъ вѣдѣніемъ Синода [1]). Императоръ Петръ Великій, озабочиваясь правильнымъ устройствомъ духовной части въ полкахъ, именнымъ указомъ повелѣлъ Синоду: „въ армейскіе полки, для церковнаго священнослуженія и надлежащихъ священному чину потребъ, опредѣлять и отправлять изъ ученыхъ въ школахъ искусныхъ людей, а которые школьнаго уче-

---

[1]) П. С. П. и Р. по вѣд. прав. испов. т. I, № 11. Опис. докум. и дѣлъ Св. Синода, т. I, стр. 78.

нія не произошли, таковыхъ въ полки не отсылать“ [1]). Святѣйшій Синодъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи кандидатовъ для выполненія сего требованія, обращался къ епархіальнымъ преосвященнымъ, которые и указывали требовавшихся кандидатовъ и отправляли на мѣста службы, продолжая имѣть ихъ въ своемъ вѣдѣніи. Вообще до начала настоящаго столѣтія все военное и служившее при полкахъ духовенство въ порядкѣ управленія не отдѣлялось отъ епархіальнаго и, смотря по мѣсту расположенія тѣхъ частей войска, при коихъ оно служило, находилось въ вѣдѣніи мѣстной епархіальной власти и ея органовъ. Только въ случаѣ и на время военныхъ походовъ и компаній, когда войска находились въ движеніи, а съ войсками по необходимости должно было передвигаться и духовенство, удаляясь на окраины, а иногда и за предѣлы отечества,—назначались Святѣйшимъ Синодомъ изъ извѣстныхъ ему протоіереевъ и священниковъ особыя должностныя лица, носившія и особыя наименованія „оберъ-полевыхъ священниковъ“. Эти лица, на основаніи особо выдававшихся имъ отъ Святѣйшаго Синода инструкцій, наблюдали какъ за поведеніемъ полковаго духовенства, такъ и за исполненіемъ ими возлагавшихся на нихъ обязанностей въ военное время. Въ свою очередь назначавшееся на суда флота духовенство поступало подъ ближайшее наблюденіе особо избиравшихся для сего Святѣйшимъ Синодомъ „оберъ-іеромонаховъ флота“. И „полевые оберъ-священники арміи“ и „оберъ-іеромонахи флота“ имѣли временное назначеніе на случай военныхъ дѣйствій арміи и плаваній флота, а потому они и не отдѣляли полковаго и флотскаго духовенства отъ общаго управленія. По наступленіи мирнаго времени, когда войска находились въ мѣстахъ своего расположенія, а эскадры флота прекращали свое плаваніе, полковые священники, возвращаясь съ полками, поступали подъ вѣдѣніе мѣстной епархіальной власти, а служившіе на судахъ флота іеромонахи и священники или обращались въ мѣста ихъ прежняго служенія, или получали новое назначеніе, не освобождаясь изъ подъ вѣдѣнія той же епархіальной власти. Святѣйшій Синодъ въ

[1]) П. С. П. и Р. по вѣд. прав. испов. т. III, № 985.

1733 г., въ устраненіе обнаружившихся въ средѣ военнаго духовенства нестроеній, начерталъ слѣдующія правила: 1) „всѣмъ при полкахъ, или при морскихъ командахъ и при подобныхъ тому всякаго званія службахъ обрѣтающимся священникамъ, какъ скоро съ парохіею своею (т. е. съ тою командою, при которой обрѣтается) прибудутъ на станцію, гдѣ зимовать, или долгое время, и именно не менѣе двухъ недѣль пробыть должно, не разставляя при томъ полку (ежели будетъ имѣться) походныя церкви, явиться той епархіи архіерею: ежели отъ того мѣста архіерей прилучится быть въ отдаленіи, то по близости мѣста духовнымъ тоя епархіи управителемъ, и объявить о себѣ письменно, когда и при комъ прибылъ. А тѣмъ архіереемъ, или духовнымъ управителемъ чинить немедленное свидѣтельство: правильный ли священникъ, т. е. кѣмъ рукоположенъ, имѣетъ ли ставленную, или епитрахильную грамоту и указъ объ опредѣленіи его къ той командѣ, и буде, таковаго яснаго свидѣтельства не покажетъ, то духовнымъ онымъ управителемъ писать къ своему епархіальному архіерею обстоятельно о всемъ. Архіерею же по разсмотрѣніи таковому подозрительному велѣть быть къ себѣ и разсмотрѣть обстоятельно. Ежели явится въ произведеніи во священство и въ опредѣленіи къ той командѣ совершенно сумнителенъ, таковаго до священнослуженія при той его бывшей командѣ не допускать, но отсылать таковыхъ съ подлинными о нихъ изслѣдованіями къ епархіальнымъ ихъ архіереомъ. 2) Ежели же который изъ вышеписанныхъ священниковъ, по разсмотрѣніи ономъ, явится хотя и правильно во священство произведеннымъ и къ той командѣ по надлежащему опредѣленнымъ, однакожъ онымъ архіереямъ, или духовнымъ онымъ управителемъ, пристойнымъ образомъ выпрашивать тѣхъ командъ главныхъ командировъ: исправенъ ли оной въ должности чина своего и не чинитъ ли званію своему противныхъ дѣйствъ. И ежели въ доброжитіи и въ прочемъ къ тому принадлежащемъ засвидѣтельствованъ будетъ, то оставляя ихъ при тѣхъ своихъ мѣстахъ по прежнему, обязывать письменно, чтобы онъ, кромѣ тоя своея епархіи, при которой обрѣтается, нигдѣ индѣ не токмо священнослуженія, но и никаковыхъ церковныхъ и мірскихъ требъ исправленія чинить не

держалъ, дабы отъ того приходскимъ священникамъ въ надлежащихъ имъ доходахъ не происходило недостатка. 3) И понеже по силѣ вышеупомянутыхъ двухъ пунктовъ упомянутые священники чрезъ все бытности своея во всякой епархіи время епархіальнымъ онымъ по мѣсту архіереомъ во всемъ имѣютъ принадлежать яко самые ихъ епархіальные священницы во всемъ безъ всякаго изъятія и исключенія; того ради тѣмъ архіереямъ, а въ отдаленіи или по отсутствію ихъ духовнымъ тѣхъ мѣстъ управителемъ имѣть всякое достодолжное надъ таковыми надсмотрѣніе, дабы, доколѣ въ тѣхъ мѣстахъ съ упомянутою парохіею пробудутъ, во всемъ надзираемы и наблюдаемы были яко ихъ самые епархіальные. Ежели же кто изъ нихъ чрезъ оное время жительствованія своего въ которой либо епархіи явится въ званіи своемъ не исправенъ, т. е. пьянствуяй или кощунствуяй или иное что чину священническому неприличное творяй, таковому архіерей по силѣ вины имѣетъ чинить тѣлесное наказаніе; а ежели кто впадетъ въ такую продерзость, за которую долженъ будетъ по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ и духовному регламенту на время отлученъ отъ священнослуженія, или вовсе отъ священнаго чина изверженъ, и таковаго онымъ виннымъ запрещенія и изверженія, ежели другой епархіи быть прилучится какому по чинамъ, но по изслѣдованіи съ подлинными дѣлами отсылать къ настоящимъ ихъ архіереямъ которой епархіи онъ себя покажетъ за крѣпкимъ карауломъ. А о томъ же и святѣйшему правительствующему Синоду для надлежащаго вѣденія отсылать за своими руками доношенія; а дабы въ упомянутыхъ командахъ по отлученіи оныхъ священниковъ не было въ священнослуженіи и всякихъ церковныхъ и мірскихъ требъ исправленіяхъ остановки, немедленно опредѣлять тѣмъ архіереямъ изъ своихъ епархіальныхъ священниковъ не зазорнаго житія и званіе свое безпорочно содержащаго съ письменнымъ и обстоятельнымъ видомъ, когда и по какому случаю таковой новоопредѣленъ былъ и къ которой командѣ именно удостоенъ, обязывая о безотлучномъ опредѣляемаго пребываніи и о прочемъ къ сему принадлежащемъ; только въ силѣ сего пункта вельми оныхъ архіереямъ чинить осмотрительно, чтобы быть безотвѣтными. 4) Когда же та-

ковые священники будутъ съ командами своими имѣть пребываніе свое отъ архіерейскихъ присутствіевъ въ отдаленіи, а учинять упомянутыя продерзости, за которыя оному запрещенію, или извержению чиновъ своихъ будутъ подлежать, о таковыхъ по близости можно духовнымъ управителемъ доносить немедленно епархіальнымъ своимъ архіереямъ, получивъ таковыя извѣстія, немедленно велѣть быть къ себѣ, гдѣ пребываетъ и потомъ разсмотря и изслѣдовавъ, чинить противъ вышеписаннаго третьяго пункта силы. 5) Оныхъ же командъ главнымъ и всякаго званія командирамъ за таковыхъ священниковъ никакимъ образомъ не вступаться и не оборонять, но еще по усмотрѣнію всякихъ непристойныхъ, чинимыхъ оными дѣйствъ, должную предосторогу имѣть, ибо отъ таковыхъ презорствъ и званіе свое съ преступленіемъ заповѣдей Божіихъ носящихъ, ни молитвъ и прочаго добра, но чрезъ потворство имъ гнѣва высшаго всѣхъ ожидать должно. Ежели же которые командиры каковое либо укрывательство и защищеніе тѣмъ виннымъ попамъ чинить будутъ, онымъ положенъ былъ штрафъ по разсмотрѣнію ихъ главныхъ командировъ“ [1]). Начертанныя правила въ точности примѣнялись въ порядкѣ надзора и наблюденія за полковыми священниками, числившимися во все прошлое столѣтіе въ епархіальномъ вѣдомствѣ.

Сначала текущаго столѣтія, по мысли и волѣ Императора Павла I, постепенно образуется отдѣльное управленіе для полковаго и флотскаго духовенства въ лицѣ оберъ-священника арміи и флота. 4 апрѣля 1800 года на имя тогдашняго с.-петербургскаго митрополита Амвросія дано было первое Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ этого управленія. Императоръ Павелъ I повелѣвалъ, чтобы „полевые оберъ-священники не только въ военное время и когда войска въ движеніи, но и въ мирное время имѣли въ своемъ вѣдѣніи всѣхъ священниковъ арміи“. Учреждая этимъ повелѣніемъ должность полеваго оберъ-священника постоянною, Государь указалъ на назначеніе этой должности въ томъ, что лице,

[1]) Проток. Св. Синода за 1733 г. 15 янв., стр. 70—72.

занимающее оную, должно имѣть „главное начальство“ надъ полковыми священнослужителями въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ такъ, чтобы „безъ вѣденія и одобренія полеваго оберъ-священника никакихъ перемѣнъ по части армейскихъ священниковъ не было чинимо [1]). На созданную приведеннымъ Высочайшимъ повелѣніемъ должность по Высочайшему указу назначенъ—одинъ изъ имѣвшихся въ то время на лицо пяти полевыхъ оберъ-священниковъ—протоіерей Озерецковскій, коему Высочайше указано, чтобы священнослужители, находящіеся во флотѣ, точно такъ, какъ армейскіе, состояли въ его вѣденіи [2]). Для приведенія въ дѣйствіе изъясненныхъ Высочайшихъ повелѣній, Святѣйшій Синодъ съ своей стороны предписалъ всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ, чтобы они, въ случаѣ требованій полеваго оберъ-священника Озерецковскаго, избирали іеромонаховъ и священниковъ, испытанныхъ „въ честномъ и добропорядочномъ поведеніи“ и немедленно опредѣляли ихъ, доставляя въ то же время полевому оберъ-священнику надлежащіе списки о тѣхъ, кто будутъ опредѣлены, съ засвидѣтельствованіемъ ихъ отъ консисторіи [3]). Послѣдовавшими распоряженіями управленіе армейскимъ и флотскимъ духовенствомъ совершенно обособлялось отъ епархіальнаго, пріобрѣтая свое средоточіе въ лицѣ полеваго оберъ-священника Озерецковскаго, коему вскорѣ были подчинены и священнослужители, находившіеся въ гвардіи, какъ армейскіе и флотскіе. Пользуясь правомъ непосредственнаго всеподданнѣйшаго доклада, протоіерей Озерецковскій до того простеръ заботу объ изолированіи своего вѣдомства отъ епархіальнаго и возвышеніи перваго надъ послѣднимъ, что, послѣ смерти Императора Павла I, Святѣйшій Синодъ принужденъ былъ войти съ докладомъ къ Государю Императору Александру I о поставленіи управленія полеваго оберъ-священника въ должные и законные предѣлы [4]).

---

[1]) 1-е П. С. П. Т. XXVI № 19369.
[2]) Дѣло арх. Св. Синода 1800 г. № 892.
[3]) Дѣло арх. Св. Синода 1800 г. № 802.
[4]) См. Т. Барсова. Объ управленіи русск. воен. дух. стр. 54—67. Спб. 1879 г.

Въ 15 г. текущаго столѣтія, при образованіи состава главнаго штаба Его Императорскаго Величества, въ числѣ чиновъ послѣдняго былъ положенъ и оберъ-священникъ, который имѣлъ оставаться и въ мирное время. Вѣденію этого оберъ-священника Высочайше были поручены „всѣ священники тѣхъ полковъ, которые въ то время входили въ составъ гвардейскаго корпуса". Въ завѣдываніи и управленіи этими священниками новый оберъ-священникъ долженъ былъ сообразоваться съ правилами, постановленными для управленія духовенствомъ оберъ-священника арміи и флотовъ. При чемъ въ виду того, что въ составѣ гвардейскихъ священниковъ находились такіе, которые служили при церквахъ, имѣвшихъ у себя приходы изъ обывательскихъ домовъ, было принято правиломъ, чтобы гвардейскіе священники по дѣламъ сихъ приходовъ относились къ епархіальному преосвященному [1]). Вообще надо замѣтить, что первые оберъ-священники завѣдывали церквами и духовенствомъ подвижныхъ частей войскъ,—неподвижныя военныя церкви находились въ вѣденіи епархіальныхъ начальствъ, пока и сіи послѣднія, вслѣдствіе возбужденнаго въ 1826 г. тогдашнимъ оберъ-священникомъ Державинымъ ходатайства, не были переданы по Высочайшей волѣ въ вѣдѣніе оберъ-священниковъ [2]).

Учрежденныя на одинаковыхъ началахъ управленія оберъ-священника арміи и флотовъ, и оберъ-священника главнаго штаба Его Императорскаго Величества находились между собою въ тѣсномъ соотношеніи, такъ что перемѣны, касавшіяся одного, вели къ соотвѣтствующимъ измѣненіямъ и въ другомъ. Святѣйшій Синодъ съ своей стороны предпринималъ даже, правда безуспѣшныя попытки къ сліянію этихъ однородныхъ управленій. Возникшія управленія крѣпли, пуская болѣе и болѣе глубокіе корни, и получали болѣе и болѣе опредѣленную организацію. Въ 1858 г. каждый изъ оберъ-священниковъ переименованъ въ главнаго священника—одинъ названъ „главнымъ священникомъ главнаго штаба Его Импера-

---

[1]) Дѣло архива Св. Синода 1816 г. № 812.

[2]) 2-е П. С. З. Т. I № 264. Вопросъ о неподвижныхъ военныхъ церквахъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, полонъ особаго интереса.

торскаго Величества и отдѣльныхъ гвардейскихъ и гренадерскихъ корпусовъ“, другой—„главнымъ священникомъ армiи и флотовъ“. Оба, занимая начальствующее и первенствующее положенiе въ средѣ подчиненнаго имъ духовенства, пользовались правами наблюденiя за его службою и поведенiемъ, состоя въ непосредственномъ вѣдѣнiи Святѣйшаго Синода.

Созданныя на изъясненныхъ основанiяхъ управленiя главныхъ священниковъ гвардiи и гренадеръ, армiи и флотовъ, если не могутъ быть основаны на твердой канонической догмѣ, требующей для отдѣльнаго и самостоятельнаго управленiя обладающей всѣми iерархическими правами епископской власти, тѣмъ не менѣе имѣютъ за себя историческiя оправданiя, препятствующiя строгому и точному примѣненiю канонической догмы. Дѣло въ томъ, что военныя церкви и духовенство являются разсѣянными по всѣмъ предѣламъ и частямъ нашего обширнаго отечества. Посему подчиненiе этихъ церквей и духовенства власти одного епископа ставило бы послѣдняго въ неизвѣстное во всей исторiи устройства и управленiя христiанской церкви положенiе, представляя его какъ бы вселенско-русскимъ епископомъ, возвышающимся надъ всѣмъ сонмомъ русскихъ iерарховъ и пользующимся правомъ вмѣшательства въ предѣлы всѣхъ русскихъ епархiй, безъ опредѣленной въ то же время собственной епархiальной территорiи. Невозможно оправдать допущенiе такого порядка вещей и аналогiею извѣстнаго въ практикѣ христiанской церкви права ставропигiи,—ибо по этому праву только высшiй и по сану и по власти iерархъ могъ подчинять своему завѣдыванiю церкви и монастыри, находившiеся въ чужихъ предѣлахъ. Намекъ на это право въ практикѣ русской церкви представляетъ существованiе так называемыхъ ставропигiальныхъ монастырей, кои находятся въ подчиненiи не епархiальной, а власти Святѣйшаго Синода, который для ближайшаго завѣдыванiя сими монастырями имѣетъ цѣлое учрежденiе въ составѣ московской синодальной конторы. Подчиненiе военныхъ церквей и духовенства власти Святѣйшаго Синода, такъ, чтобы онъ, не имѣя посредствующаго органа, самъ непосредственно управлялъ сими церквами и духовенствомъ, неосуществимо на практикѣ. Равнымъ образомъ

представляются непреодолимыя затрудненія и къ тому, чтобы для соблюденія силы церковныхъ каноновъ и общепринятаго въ нашей церкви порядка управленія—всѣ военныя церкви и духовенство, для завѣдыванія оными, попрежнему распредѣлить по епархіямъ такъ, чтобы каждый епархіальный епископъ вѣдалъ церкви и духовенство, находящіяся въ предѣлахъ его епархіи. Осуществленіе этой, по видимому цѣлесообразной, мѣры встрѣчаетъ рѣшительныя практическія затрудненія. Прежде всего военная и строевая служба представляетъ такія спеціальныя особенности, которыя налагаютъ и на военное духовенство исключительныя обязанности; поэтому желательно общее, а не разъединенное руководство въ его дѣятельности. При распредѣленіи по епархіямъ военное духовенство потеряло бы всякое самостоятельное, корпоративное значеніе, не смотря на особенности его назначенія, службы и положенія. Смѣшавшись съ епархіальнымъ духовенствомъ и оставаясь всегда въ ничтожномъ меньшинствѣ, оно не могло бы имѣть и никакого представительства за свои права, интересы и выгоды. При уничтоженіи отдѣльнаго управленія военнымъ духовенствомъ, открылись бы непреодолимыя неудобства въ самомъ надзорѣ и наблюденіи за военнымъ духовенствомъ, которое при частомъ передвиженіи войскъ изъ одной мѣстности въ другую, а иногда и изъ предѣловъ одной губерніи въ другую, переходило бы изъ подъ вѣдѣнія одного епархіальнаго начальства подъ власть другого, и такимъ образомъ или вовсе оставалось бы безъ всякаго надзора, или подпадало бы нежелательному многоначалію. Притомъ военное духовенство въ виду его исключительной службы имѣетъ особыя права и преимущества, пользуется особымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ, находится въ извѣстномъ подчиненномъ отношеніи къ военному начальству. Всѣ эти особенности на столько важны и существенны, что онѣ для завѣдыванія военными церквами и духовенствомъ предполагаютъ необходимость и требуютъ существованія особаго центральнаго органа, поставленнаго въ особыя условія дѣятельности. При отсутствіи такого органа, военное начальство было бы поставлено въ затруднительное положеніе тѣмъ, что при частомъ пере-

движенія войскъ, нерѣдко оставалось бы въ неизвѣстности: къ какому епархіальному начальству обратиться, дабы получить разрѣшеніе по возникшимъ вопросамъ. Подобное затрудненіе оно испытывало бы при разрѣшеніи даже текущихъ дѣлъ, какъ то: при перемѣщеніи священниковъ изъ одного полка въ другой, отъ одного мѣста службы къ другому, при поощреніи наградами, пособіями, пенсіями, при обезпеченіи остающихся вдовъ и сиротъ военнаго духовенства и при многихъ другихъ обстоятельствахъ его жизни и дѣятельности. Вообще невозможно представить, чтобы разбросанное по огромнымъ пространствамъ и отдаленнымъ частямъ нашего обширнаго отечества, вмѣстѣ съ военными силами, военное духовенство не имѣло одного средоточнаго органа и не подчинялось бы особому управленію при исключительности условій его положенія, службы и дѣятельности. Поэтому при совершившемся преобразованіи управленія церквами и духовенствомъ военнаго вѣдомства, хотя и приняты въ соображеніе общія каноническія начала церковнаго управленія, но съ необходимыми изъятіями, по требованію особенностей положенія и службы военнаго духовенства.

Мысль о совершившемся преобразованіи возникла вслѣдъ за освобожденіемъ одной изъ должностей главныхъ священниковъ, именно главнаго священника гвардіи и гренадеръ [1]. Его Императорское Высочество, нынѣ главнокомандующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа, признавъ необходимымъ существованіе особой инстанціи для завѣдыванія военнымъ духовенствомъ, изволилъ придти къ мысли, что исполненіе всѣхъ обязанностей по должности какъ главнаго священника гвардіи и гренадеръ, такъ и главнаго священника арміи и флотовъ, на будущее время могло бы быть соединено въ одномъ лицѣ. Такой порядокъ, по мнѣнію Его Высочества, обезпечивалъ бы болѣе единства въ управленіи военнымъ духовенствомъ, въ системѣ комплектованія сего послѣдняго, и его поощреніи; при чемъ самое перемѣщеніе достойныхъ свя-

---

[1] Въ 1882 г. скончался главный священникъ гвардіи и гренадеръ В. Б. Бажановъ.

щенниковъ изъ армейскихъ частей въ войска гвардіи пріобрѣло бы важное значеніе, привлекая въ составъ военнаго духовенства лучшія силы. Вмѣстѣ съ симъ Его Высочеству благоугодно было обратить вниманіе и на то обстоятельство, чтобы духовенство военнаго вѣдомства, состоящее при городскихъ церквахъ, которыя заключаютъ въ своихъ приходахъ мѣстное населеніе, въ отношеніи этого послѣдняго находилось въ зависимости отъ епархіальной власти. По всеподданнѣйшемъ докладѣ синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ изъясненныхъ предположеній Его Величеству, Государю Императору благоугодно было, соизволивъ на предоставленіе Святѣйшему Синоду учредить коммиссію для предварительной разработки выраженныхъ Его Императорскимъ Высочествомъ предположеній, одобрить мысль о разсмотрѣніи и разрѣшеніи вопроса относительно управленія церквами и духовенствомъ военнаго вѣдомства во всей полнотѣ и совокупности возникающихъ при семъ частныхъ вопросовъ. Образованною согласно Высочайшей волѣ коммиссіею изъ представителей духовнаго и военнаго вѣдомствъ и былъ выработанъ проектъ „положенія объ управленіи церквами и духовенствомъ военнаго вѣдомства", который по тщательномъ и всестороннемъ его обсужденіи и пересмотрѣ со стороны Святѣйшаго Синода и военнаго вѣдомства, при всеподданнѣйшемъ докладѣ Святѣйшаго Синода и былъ повергнутъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе. 12 іюня 1890 г. этотъ проектъ Высочайше утвержденъ съ предоставленіемъ Святѣйшему Синоду сдѣлать зависящее распоряженіе о введеніи утвержденнаго положенія въ дѣйствіе, которое съ изданіемъ Высочайше утвержденныхъ 9 марта сего года штатовъ управленія протопресвитера военнаго и морского духовенства [2]) должно воспринять полное во всѣхъ частяхъ дѣйствіе.

Дальнѣйшая задача заключается въ томъ, чтобы показать, какія существенныя измѣненія и вмѣстѣ улучшенія въ управленіи церквами и духовенствомъ военнаго вѣдомства произвело „начертанное согласно каноническимъ постановленіямъ православной

---

[2]) «Церковн. Вѣстн.» 1890 г. № 27. 1892 г. № 14—15.

церкви и по соображенію съ отличительнымъ устройствомъ и особыми потребностями войска и флота“. Высочайше утвержденное положеніе объ управленіи церквами и духовенствомъ военнаго вѣдомства съ Высочайше утвержденными штатами управленія протопресвитера военнаго и морского духовенства.

Т. Барсовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтка о значеніи названій „скуфья“ и „камилавка“.

Въ виду близости той поры, когда бѣлое духовенство ждетъ себѣ видимыхъ и осязаемыхъ отличій и наградъ, для него установленныхъ, считаемъ не лишнимъ предложить филологическое объясненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ, не совсѣмъ понятныхъ.

Для выбора, на чемъ именно остановиться, перечислимъ сначала всѣ отличія, установленныя для духовенства. Они, въ порядкѣ постепенности восходящей, слѣдующія: 1) набедренникъ, 2) скуфья, 3) камилавка, 4) наперсный крестъ, 5) поли́ца [1]), 6) митра и такъ называемые ордена. Мы остановимся только на 2-й и 3-й, такъ какъ прочія, перечисленныя выше, болѣе или менѣе понятны и особаго объясненія не требуютъ. Замѣтимъ только мимоходомъ, что крестъ — отличіе для нѣкоторыхъ священниковъ и протоіереевъ—слѣдуетъ называть „наперсный“ (а не наперстный или напёрстный, какъ намъ приходилось видѣть первое и слышать послѣднее), — „наперсный“ потому, что онъ возлагается на перси, т. е. на грудь (слово „перси“ никто не произноситъ „пёрси“), а не на персты.

Еще предварительное замѣчаніе—на счетъ ороографіи слова: „скуфья“. Слово это слѣдуетъ писать скуфья, а не скуѳья [2]).

---

[1]) Пишемъ по древнему способу *поли́ца*—отъ *пола̀*—т. е. прилокъ, сокращенная пола̀ (ср. Исторію Голубинскаго I т. 2-я пол., стр. 227).

[2]) Заранѣе заявляемъ, что мы не принадлежимъ къ партіи гонителей ѳ, а скорѣе къ противному лагерю,—защитниковъ гонимой

Между тѣмъ встрѣчаются даже печатныя книги, гдѣ значится „скуѳья“. Основаніе для рекомендуемой орѳографіи будетъ указано ниже.

Въ разсужденіяхъ ученаго характера дѣло обыкновенно начинается „литтературою“ предмета. И мы, хотя и далеки отъ мысли выдавать настоящую небольшую замѣтку за какое-нибудь ученое изслѣдованіе, начнемъ тоже литтературою предмета. Книги, которыя были у насъ подъ руками и въ которыхъ по праву ожидалось надлежащее объясненіе словъ: скуфья и камилавка, мы расположимъ въ хронологическомъ порядкѣ. Это

1) Новая Скрижаль, 1839 г.
2) Литургика, Петрова, 1872 г.
3) Ученіе о Богослуженіи, Соколова, 1873 г.
4) Ученіе о Богослуженіи, Михайловскаго, 1873 г.
5) Пособіе къ изученію Устава, Никольскаго, 1874 г.
6) Наука о Богослуженіи, Лебедева, 1881 г.

На книгу, означенную нами подъ № 1, т. е. Новую Скрижаль, приходится смотрѣть, какъ на первоисточникъ, изъ котораго черпали послѣдующіе составители литургикъ и ученій о богослуженіи. Что же находимъ въ этой книгѣ? О скуфьѣ ни слова, о камилавкѣ слѣдующее: „камилавка, *χαμηλαύκιον*, производится отъ *καῦμα*, жаръ непомѣрный и *ἐλαύνω*, укрощаю, и есть шапка, жаръ укрощающая или отъ жара защищающая. Нѣкоторые, напротивъ, производятъ отъ *χάμηλος*, верблюдъ, и *αὐχή(ν)* шея: и есть тоже шапка изъ верблюжьей шерсти или волосъ валеная и до шеи простирающаяся. Отчего иные и всякую шапку камлотовую, т. е. изъ верблюжьей шерсти валеную, именуютъ камилав-

---

Намъ извѣстно одно весьма почетное и высокообразованное лицо, которое сочло для себя оскорбленіемъ, когда его собственное имя, въ составъ котораго входила *ѳ*, написали чрезъ *ф*. А кіевскій филологъ А. А. Ивановъ, въ предисловіи къ переводу книги «Игры древнихъ», соч. Л. Бекъ-де-Фукьера, говоритъ даже: «можно изумляться тому невѣжественному легкомыслію, съ какимъ у насъ стараются изгнать эту весьма нужную букву (т. е. *ѳ*)». И такъ мы устанавливаемъ орѳографію «скуфья» не изъ-за желанія изгонять *ѳ*, а по этимологическимъ основаніямъ, которыя подведены будутъ ниже.

кою". Почти-что очевидно, что авторъ „Скрижали" отдаетъ предпочтеніе первому объясненію передъ послѣднимъ, такъ какъ, приводя послѣднее, онъ употребляетъ такія оговорки: „нѣкоторые, *напротивъ*" (какъ бы вопреки первому и настоящему), и ниже— „*иные*" (какъ бы не соглашающіеся съ первымъ, меньшинство).

Въ книгахъ подъ №№ 2—6, какъ и въ № 1-мъ, о скуфьѣ почти ни слова. Въ № 5-мъ, и то лишь подъ чертой (стр. 70), сказано только: „іерей, совершающій проскомидію, долженъ быть съ открытою головою, безъ скуфьи или камилавки". А на слѣдующей страницѣ, и тоже подъ чертой: „камилавка (отъ *καῦμα*, жаръ и ἐλαύνω, укрощаю) есть шапка, защищающая отъ жара или шапка изъ верблюжьяго волоса (отъ *κάμηλος*), какую носили на востокѣ. Она духовно означаетъ умерщвленіе плоти". Въ № 2-мъ, стр. 15, подъ чертой „скуѳья (чрезъ ѳ) по гречески *σκύθια*, т. е. головное покрывало скиѳовъ (въ приложенномъ словарикѣ сдѣлана ссылка на приводимое мѣсто), а на стр. 128, и тоже подъ чертой: „камилавка значитъ: *или* шапка изъ верблюжьей шерсти (*κάμηλος*), *или* головное покрывало, свойственное человѣку, умѣряющему свои страсти (*καῦμα* и ἐλαύνω), а слово скуфья значитъ *похожее на* чашу или на черепъ (стр. 30)". Въ № 3-мъ (стр. 30) значится: „головныя украшенія іереевъ называются однѣ камилавками, а другія скуфьями. Слово камилавка значитъ *или* сдѣланная изъ верблюжьей шерсти, *или* защищающая отъ жара". Въ № 4-мъ только: „скуфья и камилавка дается въ награду священникамъ". Въ № 6-мъ ни о скуфьѣ, ни о камилавкѣ не упоминается.

Составители литургикъ, означенные выше подъ №№ 2—6, по какимъ-то судьбамъ, не обратили вниманія на спеціальное изслѣдованіе вопроса „о скуфьѣ и камилавкѣ, употребляемыхъ священнослужителями въ древней греческой и русской церкви", — вопроса, который занималъ покойнаго митрополита московскаго Филарета, такъ какъ въ примѣчаніи къ статьѣ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ сказано, что „она 1) составлена по его порученію и 2) заслуживаетъ вниманія священнослужителей". Статья эта вышла въ свѣтъ лѣтъ за пять раньше появленія самой первой изъ

поименованныхъ литургикъ, именно въ журналѣ „Душеполезное Чтеніе“ за 1867 г. (часть 3-я, стр. 274—287), а въ слѣдующемъ 1868 г. и дополненіе къ статьѣ (1868 г. Ч. 1-я, стр. 137—142). Авторъ этой статьи К. Невоструевъ въ самыхъ первыхъ строкахъ заявляетъ, что „названія скуфьи и камилавки не совсѣмъ ясныя и опредѣленныя“. Однакожъ, какъ онъ объясняетъ эти названія?

Два производства онъ выставляетъ: 1) отъ σκύφος (слѣдуя Дюканжу), родъ древней чаши и 2) отъ κοῦφος (по Свицеру), легкій, и „болѣе склоненъ“, по его собственнымъ словамъ, „производить отъ κοῦφος, ибо а) буква σ прибавляется передъ κ (σκίδναμαι, σκιρθάνιον (=μειράκιον), б) у Алкуина и у другихъ (?) вмѣсто scuphia пишется cuphia и в) есть глаголъ κουφοφορέω, легко держаться, висѣть на чемъ“.

„Еще неопредѣленнѣе“, продолжаетъ г. К. Невоструевъ, „словопроизводство камилавки“. По Свиду—отъ καῦμα и ἐλαύνειν (прогонять жаръ), по другому древнему, не изданному греч. лексикону, съ которымъ согласны Георгій Кедринъ, Дюканжъ, Левъ Аллацій и Гоаръ, отъ κάμηλος. „Скуфья и камилавка“, заканчиваетъ авторъ, „первоначально составляли особое, дорогое украшеніе, съ драгоцѣнными камнями, и употреблялись царями, вельможами и придворными чинами, и что право носить скуфьи и камилавки даровано въ греческой имперіи священнослужителямъ изъ уваженія къ священному сану“.

Къ какому же выводу приходимъ, собравши воедино процитованныя мѣста? Иные изъ перечисленныхъ составителей не даютъ никакого объясненія названіямъ скуфья и камилавка, другіе называютъ ихъ только отличіями, даваемыми въ награду, иные, наконецъ, приводятъ объясненія, начинающіяся союзомъ раздѣлительнаго періода: *или, или*. Но сказать о чемъ-нибудь: или — или почти тоже, что ничего не сказать, напр. *или* бѣлое, *или* черное, или да или нѣтъ, или то, или другое. Нужно выбрать и остановиться на чемъ нибудь одномъ.

Какъ же избрать одно изъ двухъ *или?*

Обратимся для этого къ излюбленной нами этимологіи и ее

призовемъ на помощь для рѣшенія вопроса, могущаго занимать иногда тѣхъ изъ отцовъ, которые ожидаютъ скуфьи либо камилавки (вѣдь homines sunt и они, et nihil humanum sibi alienum putant sentiuntque), — вопроса, могущаго интересовать и имѣющаго эти отличія, чтобы дать подъ часъ отвѣтъ вопрошающему,— вопроса, который занималъ и такого ученаго, какъ Филаретъ, возложившій на К. Невоструева порученіе разъяснить этотъ темный вопросъ.

И такъ

1. О скуфьѣ.

Мы замѣтили, что о скуфьѣ въ перечисленныхъ книгахъ упоминается всего менѣе. Въ № 2-мъ сказано, что „скуѳья (чрезъ ѳ) по гречески σκύθια, т. е. головное покрывало скиѳовъ". И такъ какъ это собственное имя дѣйствительно пишется чрезъ ϑ, то и авторъ № 2-го пишетъ скуфью чрезъ *ѳ*. Хотя въ словаряхъ греческихъ, которые у насъ подъ руками, и нѣтъ слова Σκύθια, такъ какъ древніе греки любили называть страны не существительными, а прилагательными именами въ женскомъ родѣ съ подразумѣваемымъ существительнымъ γῆ или χώρα, напр. Μιδική, Περσική, Ταυρική, Σκυθική и т. п., такъ часто встрѣчающіяся у Геродота, однакожъ не невозможно и существительное Σκύθια. Такое существительное, конечно, могло бы означать страну Скиѳію. Но чтобы названіе страны переносилось на названіе одеждъ, употребляемыхъ народомъ (какъ здѣсь: σκύθια—головное покрывало скиѳовъ), примѣровъ на это мы что-то не припоминаемъ. Поэтому едва ли можно считать дерзостію съ нашей стороны, если скажемъ, что приводимое авторомъ № 2-го объясненіе не удовлетворительно, и что, слѣдовательно, орѳографія или транскрипція слова скуфья должна быть чрезъ *ф*, а не чрезъ ѳ. Ниже мы еще болѣе убѣдимся въ этомъ.

Составитель № 3-го, хоть подъ чертою, хоть въ самыхъ краткихъ выраженіяхъ („похожее на чашу или на черепъ"), внесъ въ свою книжку (ученіе о Богослуженіи) тотъ выводъ, къ которому приводитъ и филологія. Если бы хоть въ скобкахъ, какъ о камилавкѣ (κάμηλος, καῦμα и ἐλαύνω), намекнулъ онъ о носылкѣ,

которая привела его къ этому выводу, то, при общей краткости его книжки, этого и было бы достаточно.

Невоструевъ, хотя и упоминаетъ о производствѣ отъ σκῦφος, но, какъ выше было указано, „болѣе склонился къ производству отъ κοῦφος“. Ничего не можемъ возразить противъ того, что σ могла быть прибавлена къ слову, начинающемуся съ κ, т. е. изъ κούφια могло какъ-нибудь образоваться σκούφια. Но — спрашивается—зачѣмъ прибавлено? Какая отъ этого κουφότης μόχθων? Вѣдь ни одна принадлежность одеждъ не получаетъ названія отъ своей легкости, по той причинѣ, что какъ бы легка она ни была, она болѣе или менѣе отягчаетъ, но никакъ не облегчаетъ, даже и тогда, когда мы въ спокойномъ состояніи, а тѣмъ болѣе когда находимся въ движеніи, и поэтому, напр., гимнасты, для большей свободы въ своихъ упражненіяхъ, для легкости обыкновенно ἐγυμνοῦντο. Есть, конечно, глаголъ κουφοφορέω, приводимый авторомъ статьи о скуфьѣ и камилавкѣ, означающій sich emporschweben. Но что изъ этого? Если въ томъ же словарѣ, гдѣ κουφοφορέω (не во всѣхъ словаряхъ имѣется этотъ глаголъ), нѣсколько повыше есть глаголъ κουφολογέω, leichtsinnig, unbedachtsam reden, ужели это должно приводить къ какому ни было выводу?

„У Алкуина“, продолжаетъ свою аргументацію въ пользу производства отъ κοῦφος Невоструевъ, „вмѣсто scuphia пишется cuphia“. Но во 1-хъ, это только въ писаніи на латинскомъ языкѣ, а не на греческомъ [1]), и во 2-хъ, самъ авторъ, какъ это явствуетъ изъ сказаннаго имъ на 277-й стр. своей статьи, не вполнѣ увѣренъ въ подлинности сочиненія Алкуинова. Кромѣ же Алкуина никого иного, кто писалъ бы cuphia вмѣсто scuphia, авторъ статьи не указалъ, хотя въ самомъ началѣ сказано было имъ, что „у Алкуина *и другихъ*“.

Соглашаясь въ сущности съ составителемъ № 3, мы измѣняемъ лишь отчасти редакцію приведеннаго мѣста относительно скуфьи, а именно: скуфья, по словопроизводству, означаетъ не только что

---

[1]) А у Голубинскаго приводится и иная транскрипція: не cuphia, а chuphia (см. 2-й п. 1-го т., стр. 233).

нибудь *похожее на чашку*, но и *самую* чашку, каковою она названа по сходству своей формы, своего вида, напоминающаго чашку.

Вотъ доказательство на это:

Въ ново-греческомъ языкѣ, происходящемъ отъ древне-греческаго, имѣются такія названія: *σκούφια*, *σκούφωμα*, *σκουφωσία*. Всѣ они означаютъ: Mütze, Kopfputz, шапку, головной уборъ (безъ различія—какъ мужской, такъ и женскій). Въ древне-греческомъ есть *σκύφωμα*, которое, по объясненію Папе = *σκύφος*, а *σκύφος* означаетъ Trinkgeschirr, bes. der Landleute u. der Aermen, т. е. чашка (простѣйшаго устройства), выдолбленная изъ дерева. Слово это, какъ объясняетъ тотъ же Папе, сродно съ *σκάφος*—нѣчто выдолбленное, корыто, челнокъ.

Въ объясненіе того обстоятельства, что въ вышеприведенныхъ примѣрахъ звуку *ου* соотвѣтствуетъ то *υ*, то *α*, укажемъ, какъ на дѣло извѣстное, что, при развитіи языка, однѣ гласныя нерѣдко переходятъ въ другія, а вся сила въ согласныхъ: это неподвижные элементы языка, до нѣкоторой степени неприкосновенные. Эти элементы σ, κ и φ и сохранились во всѣхъ вышеприведенныхъ словахъ, въ *σκούφια*, въ *σκύφος*, въ *σκάφος*, въ *σκάφη*, въ *σκαφίς*.

Съ перваго взгляда представляется громадная разница въ значеніяхъ между *σκούφια*, головной уборъ, между *σκύφος*, чашка, и между *σκάφος*, челнокъ. Но эта дистанція огромнаго размѣра значительно сократится, когда мы вспомнимъ, что и въ нашемъ русскомъ языкѣ принадлежности одежды различаются отъ кухонныхъ приборовъ или отъ геометрическихъ тѣлъ, и однакожъ это не мѣшаетъ извѣстный видъ головнаго убора (шляпу) называть „котелкомъ“, другой „цилиндромъ“, даже „блинкомъ“ (складную шляпу).

Дѣло, стало быть, во внѣшнемъ видѣ, въ формѣ предмета, въ сходствѣ его съ другими предметами, хотя бы совсѣмъ другого порядка. И наши треугольныя шляпы, будучи опрокинуты, не напоминаютъ-ли собой лодочку, либо челночекъ (*σκάφος*)?

И такъ скуфья, по греч. *σκούφια*, будетъ головной уборъ, своею формою, внѣшнимъ видомъ, напоминающій чашку (чашу), либо

кораблик[1]). Полагаем, что распространяться более нет надобности. Полагаем также, что слово „скуфья“ следует писать не чрез ѳ, а чрез ф.

Перейдем к объяснению (и тоже этимологическому) другого намеченнаго нами названія—

2) Камилавки.

Автор „Новой Скрижали“ на первое место ставит перое производство названія „камилавки“, казавшееся ему более вероятным, чем второе, для него менее вероятное. Он говорит, что „камилавка происходит от καῦμα и 'ελαύνω, хотя другіе производят это названіе от κάμηλος и αὐχή (ν)“. Последующіе составители книг, трактующіе о священных одеждах, или оставляют без объясненія значеніе камилавки, или довольствуются указаніем на то и другое производство, не относясь к ним критически и не отдавая предпочтенія которому либо из двух, а один из них своею прибавкою к объясненію, предложенному „Скрижалью“, некоторым образом дает знать, что он склоняется на сторону перваго объясненія (от καῦμα и ελαύνω). Прибавка эта следующая: „головное покрывало, свойственное человеку, умеряющему страсти“.

Допускают-ли законы этимологіи первое производство, от καῦμα и ελαύνω? Прежде всего куда девался υ нетолько при переходе в русскій язык, но даже в самом греческом и древнем и новом? Отчего не „кавмилавка“, отчего не „καυμηλαύχιον? Да и вот еще что: по законам этимологіи, наибольшая часть существительных, имеющих реальное значеніе (результат действія), образуются из perfectum passivi, напр. ἆσμα, πρᾶγμα, ποίημα, ῥῆμα, κτῆμα, τμῆμα и т. п.; а от 'ελαύνω будет perfectum 'ελήλαμαι, где υ вовсе нет. Далее: „головное покрывало

---

[1]) Если современная скуфья легко складывается, то из этого еще не следует, чтобы она всегда была таковою: известен головной покров (преп. Антонія дымскаго), выкованный из железа. И на оборот: что в настоящее время не поддается складыванію, в прежнее время складывалось, напр. митра, так как митра, по гречески μίτρη = Leibbinde, Gürtel, Hauptbinde и затем уже Krone, Diadem.

или шапка, защищающая отъ жара, жаръ укрощающая“, говорится въ „Скрижали“. *Главное* назначеніе головныхъ покрововъ или покрываль, какъ и всякихъ другихъ одеждъ, даже шатровъ, жилищъ—то, чтобы они защищали отъ вреднаго или непріятнаго для насъ дѣйствія какъ жара, такъ равно и холода; да даже имѣется болѣе побужденій защищать себя отъ послѣдняго, чѣмъ отъ перваго. Отчего же съ лѣвой стороны ἐλαύνω не поставлено, напр., ψύχος. или ῥῖγος или χεῖμα, а именно καῦμα? Наконецъ, въ какомъ смыслѣ нужно понимать это назначеніе камилавки — „умѣрять, укрощать страсти“, — указанное ей авторомъ № 2-го? Какую именно страсть должна она укрощать: похоть ли очесъ, гордость ли житейскую? Какъ отличіе, камилавка можетъ иногда въ иныхъ даже питать похоть очесъ и гордость житейскую. И еще: если назначеніе камилавки—умѣрять, укрощать страсти, то зачѣмъ же въ самые важнѣйшіе моменты богослуженія положено снимать ее?

По всѣмъ этимъ неудобствамъ: грамматическимъ, реальнымъ, динамическимъ, ритуальнымъ—мы должны разстаться съ производствомъ отъ καῦμα и ’ελαύνω.

Съ особеннымъ вниманіемъ останавливаемся на другомъ производствѣ, о которомъ авторъ „Скрижали“ отзывается съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. „Иные, напротивъ“, говоритъ онъ, „производятъ отъ κάμηλος, верблюдъ и αὐχή(ν), шея, и есть таже шапка изъ верблюжьей шерсти или волосъ сваляннная и до шеи простирающаяся“.

По нашему взгляду, основанному на нѣкоторомъ знакомствѣ съ греческою этимологіею, такое производство и объясненіе было бы вполнѣ удовлетворительно, если бы не было въ немъ прибавки словъ: „до шеи простирающаяся“. И хорошо, по нашему, сдѣлалъ авторъ № 5-го, что остановился на одномъ верблюжьемъ волосѣ, а прибавку „до шеи простирающаяся“ отбросилъ. Конечно, въ составъ слова καμηλαύχιον вошло и κάμηλος и αὐχην, но намъ кажется, что αὐχήν есть только часть одного и того же καμήλου, изъ каковой (αὔχενος, шеи) по преимуществу получался волосъ для производства ткани, извѣстной съ давнихъ поръ подъ назва-

ніемъ камлота (camelot—по французски, kamelott—по нѣмецки) и употреблявшейся и употребляющейся на разные виды одеждъ и по настоящее время. Нѣтъ никакой надобности αὐχήν ,шею, относить къ тому, кто носитъ камилавку. Лучше отнести αὐχήν къ тому же верблюду, и вотъ почему: верблюдъ такое животное, которое постоянно въ работѣ, и въ какой работѣ? онъ носитъ на своей спинѣ и горбахъ значительныя тяжести и вьюки, которыми такъ бываетъ увѣшанъ кругомъ, что изъ подъ всего этого виднѣется одна только длинная его шея. Отъ непрерывнаго тренія грузомъ на всемъ его корпусѣ мало остается матеріала, годнаго для мануфактуры. Но шея его не обременяется никакими вьюками, а потому и волосъ, которымъ покрыта она и грива (хотя и не такая пышная, какъ у лошади), сохраняется и въ концѣ концовъ поступаетъ на выдѣлку камлота, а изъ сего послѣдняго и приготовляются, между прочимъ, шапки, носимыя, какъ замѣчаетъ авторъ № 5-го, на востокѣ.

И по другой причинѣ αὐχήν нельзя относить къ носящимъ камилавку, а непремѣнно къ верблюду. Шапка, какъ головной уборъ, назначается для покрытія *головы*, одной головы *безъ* шеи (шея если и прикрывается, то другими принадлежностями гардероба). И камилавка, такая камилавка, какая въ употребленіи въ настоящее время у насъ въ Россіи, фіолетовая, бархатная, равно и монашеская, черная, до шеи вовсе не простирается (то, что накидывается на монашескую камилавку, носитъ особое названіе—крепа, а эта послѣдняя, взятая вмѣстѣ съ камилавкой, именуется клобукомъ) [1]). Почти такую же форму имѣютъ и камилавки, употребляемыя на востокѣ, напр. въ Константинополѣ, въ Смирнѣ, въ Іерусалимѣ, въ Виѳлеемѣ (приводимъ такія мѣстности, въ которыхъ мы сами были и гдѣ камилавки собственными глазами видѣли). Разница лишь въ томъ, что восточныя камилавки дѣлаются съ перехватомъ подъ самой вершиной цилиндрической ея формы, такъ что то, что выше перехвата, представляется какъ бы особою

[1]) Или даже клобукомъ называется самая крепа (бѣлый клобукъ = бѣлая крепа).

тарелочкой, наложенною на камилавку. На востокѣ онѣ черныя, и составляютъ отличіе (не въ значеніи награды) всѣхъ монашествующихъ отъ немонашествующихъ, такъ что и патріархъ (какъ константинопольскій, равно и іерусалимскій) и его келейники имѣютъ совершенно одинакія камилавки какъ по своей формѣ, такъ и по цвѣту и матеріалу. Ничего въ нихъ „до шеи простирающагося“ не замѣтно. И бархатъ (или полубархатъ) для камилавокъ на востокѣ не въ употребленіи, а употребляется исключительно шерстяная матерія—мериносъ или камлотъ, матерія, приготовляемая изъ шерсти, волоса, взятаго съ верблюжьей шеи или гривы. Нѣтъ ничего удивительнаго, если имя „верблюжьей шеи“ перенесено на одинъ изъ видовъ одежды: существуютъ же у насъ названія въ родѣ слѣдующихъ: собольи лапки (мѣхъ для теплыхъ одеждъ), лисьи головки, хорьковые хвостики, или: енотки, медвѣди, соболи, боа (хотя эта послѣдняя означаетъ удавъ) и т. п. И такъ названіе „камилавка“ основательно производится отъ χάμηλος и αὐχήν и значитъ головной покровъ, сотканный изъ верблюжьяго волоса, взятаго съ шеи (съ другихъ частей взять нечего) этого „корабля пустыни“.

Время измѣняетъ многое. Камилавки и скуфьи составляли въ прежнее, давно прошедшее, время принадлежность всѣхъ священниковъ (Голубинскій, 1-я пол. 1-го т., стр. 476), даже, въ частности, скуфьи носимы были и всѣмъ клиромъ [1]) (тамъ же, 3 прим. на стр. 477). Значеніе награды, отличія въ смыслѣ награды онѣ вовсе не имѣли, а получили таковое въ недавнее (сравнительно) время, съ Императора Павла I, который „попеченіе о благоустройствѣ церкви и призрѣніе къ служащимъ ей почитая единою изъ главнѣйшихъ обязанностей царствованія, и желая, чтобы и бѣлое священство имѣли образъ и состояніе важ-

---

[1]) На соборѣ московскомъ 1666—1667 г., гдѣ присутствовали и два патріарха (александр. и антіох.), поставленъ былъ вопросъ: «подобаетъ ли священникомъ и діакономъ, по древнему обычаю, носити скуфіи или ни». Отвѣтъ данъ: «ей, подобаетъ (Ист. Р. Ц. Макарія митроп.)».

ности сана соотвѣтственные, призналъ за благо", между прочимъ, „разрѣшать, по особымъ представленіямъ, бѣлому духовенству употребленіе фіолетовыхъ скуфей и камилавокъ, наперсныхъ крестовъ и митръ" [1]).

Заключеніе наше коротко: скуфья и камилавка—головныя покрывала для клира. Первоначально онѣ были (а въ греч. ц. и до сихъ поръ) шерстяныя (χάμηλος), а съ Павла I—бархатныя фіолетоваго цвѣта. Форма первой изъ нихъ чашеобразная (σκύφος), а второй—цилиндрическая.

Голубинскій въ своей „Исторіи русской церкви", основываясь на показаніяхъ писателей древнѣйшихъ, говоритъ, что скуфья составляла общую принадлежность всего клира: ее носилъ и архіерей, и священникъ, и діаконъ, и даже „пѣвцы (константинопольской св. Софіи, какъ свидѣтельствуетъ нашъ діаконъ Игнатій) стояху украшены, ризы имѣяху, на главахъ же ихъ воскрыльцы остры (остроконечныя скуфьи) со златомъ и бисеромъ и съ круживомъ (2-я пол. 1-го т. стр. 235)". У архіереевъ, продолжаетъ Голубинскій, было принято (вошло въ обычай) служить не во всякой скуфьѣ. Такъ какъ скуфьи во время богослуженія снимались съ головы, то, чтобы не класть ихъ плашмя, что̀ не весьма представительно, а ставить, начали дѣлать ихъ (богослужебныя скуфьи) на твердой подкладкѣ, такъ что они получили видъ шапочекъ. Шапочки начали дѣлать изъ дорогихъ матерій, украшать простыми украшеніями и иконами, и такимъ образомъ явились у архіереевъ особыя богослужебныя шапочки, увеличенныя потомъ до размѣра шапокъ, и эти-то самыя шапочки, потомъ шапки, и суть нынѣшнія митры. Изъ этихъ показаній и свидѣтельствъ выходитъ, что головной уборъ для духовенства въ сущности одинъ и тотъ же: это скуфья, съ теченіемъ времени все выроставшая и украшавшаяся. Въ своемъ первоначальномъ состояніи, она просто скуфья, плотно

---

[1]) Указъ св. синоду $^{21}/_{27}$ дек. 1797 г. № 89. Подлинный за подписомъ митр. Гавріила, архіепископовъ Иннокентія и Иринея, и благовѣщ. протоіерея Ісидора.

прикрывавшая „гуменце“ [1]), а въ высшей фазѣ своего развитія— митра; камилавка же составляетъ форму переходную отъ зачаточной къ высшей.

Н. Бр—чъ.

---

[1]) Гуменце, по иностранному rasura или tonsura, κουρὰ, выстрижка даже выбриваніе маковки на головѣ, каковое выстриженное или выбритое мѣсто и прикрывалось скуфейкой или скуфьею.

Рѣчь,

произнесенная и. д. доцента спб. духовной академіи Виталіемъ Серебрениковымъ предъ защитою магистерской диссертаціи: «Ученіе Локка о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности. Опытъ установки Локкова ученія на основаніи историко-критическаго изслѣдованія и критическаго разсмотрѣнія его въ связи съ христіанскимъ ученіемъ объ образѣ Божіемъ», 8 марта 1892 г.

Преосвященнѣйшіе архипастыри
и милостивые государи!

Представляя на судъ вашего просвѣщеннаго вниманія свое сочиненіе, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о его философско-богословскихъ задачахъ и результатахъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1690 г. вышло въ свѣтъ сочиненіе Локка подъ заглавіемъ: „Опытъ о человѣческомъ пониманіи". Съ того времени прошло 202 года. Между тѣмъ изложенное въ Локковомъ Опытѣ ученіе до сихъ поръ не уяснено надлежащимъ образомъ. Многіе—даже авторитетные изслѣдователи по исторіи философіи—считаютъ Локка сенсуалистомъ или чистымъ эмпирикомъ. Всѣмъ извѣстны имена Куно-Фишера и Ибервега. Но Куно-Фишеръ прямо говоритъ, что Локкъ не признаетъ въ душѣ никакихъ способностей, за исключеніемъ способности ощущенія [1]). По словамъ же Ибервега, Локкъ является представителемъ полнаго эмпиризма [2]).—

---

[1]) Geschichte der neuern Philosophie. Dritte Auflage. 1888. II, 479. 481. Cp. Francis Bacon und seine Nachfolger. Zweite Auflage. 1875. S. 547. 629. 630

[2]) Исторія новой философіи. Перев. Колубовскаго съ 7-го изд. Спб. 1880. стр. 45 106.

Указанные взгляды, проникшіе и въ нашу учебную литературу, составляютъ предразсудокъ, получившій начало во времена Локка и закрѣпленный въ человѣческой мысли авторитетомъ Лейбница [1]). Уничтожить этотъ двухвѣковой предразсудокъ и уяснить подлинное Локково ученіе о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности было задачею первыхъ двухъ частей моего сочиненія.

Въ первой части своей диссертаціи я изображаю генезисъ Локкова ученія и устанавливаю главныя его положенія. Во второй—излагаю это ученіе подробно, основываясь на анализѣ самыхъ сочиненій Локка. Важнѣйшіе результаты, которые при этомъ были получены мною, суть слѣдующіе: 1) Локкъ не можетъ быть названъ сенсуалистомъ, потому что онъ признаетъ въ душѣ — кромѣ способности ощущенія— разсудочныя способности и рефлексію. Нельзя причислять его и къ представителямъ полнаго эмпиризма, потому что общее достовѣрное знаніе, по его взгляду, есть знаніе умозрительное, получаемое разумомъ чрезъ разсматриваніе абстрактныхъ идей и опредѣляемое исключительно содержаніемъ этихъ идей. 2) По гносеологическимъ и даже психологическимъ своимъ воззрѣніямъ Локкъ является ученикомъ Декарта. Тѣ и другія воззрѣнія у Локка и Декарта по существу своему одинаковы. Если же Локкъ излагаетъ эти взгляды по другому плану и другимъ языкомъ, чѣмъ какъ они излагаются Декартомъ, то причина этого заключается въ томъ, что задача Локкова Опыта была отлична отъ задачи философіи Декарта. А это въ свою очередь было послѣдствіемъ вліяній, произведенныхъ на Локка его знакомствомъ съ естественными науками, методомъ Sydenham'a и психологіей Гоббеса. 3) Центръ тяжести Локкова Опыта заключается не въ первой его книгѣ, представляющей полемику противъ ученія о прирожденныхъ идеяхъ и принципахъ, а въ остальныхъ трехъ книгахъ, въ которыхъ излагается положительное ученіе о происхожденіи идей и знаній. Первая книга не входила прямо въ задачу Локкова Опыта; она была написана по окончаніи Опыта и имѣетъ значеніе добавленія къ нему, почему и читать ее нужно послѣ четвер-

1) Nouveaux essais. 1840. p. 194. 195.

той книги Опыта. 4) Если читать полемику въ концѣ всего Опыта, то легко замѣтить, что въ ней дѣлаются возраженія не противъ существованія въ душѣ прирожденныхъ способностей и стремленій, а противъ признанія готовыхъ прирожденныхъ понятій и знаній. Наконецъ 5) мысль Локка о возможной матеріальности человѣческой души, не гармонирующая съ общимъ содержаніемъ Опыта, если не возникла, то, по крайней мѣрѣ, окрѣпла подъ вліяніемъ увлеченія Локка Ньютоновскимъ открытіемъ закона всемірнаго тяготѣнія.

Задача третьей и вмѣстѣ послѣдней части моего сочиненія состояла въ критической оцѣнкѣ Локкова ученія. Значеніе этой оцѣнки для современнаго образованнаго общества опредѣляется отношеніемъ Локкова ученія къ современнымъ ученіямъ. Отъ Локка ведетъ свое начало психологія новаго времени. Въ Локковомъ ученіи находятся задатки многихъ современныхъ психологическихъ ученій, не исключая и крайнихъ. Посему оцѣнить ученіе Локка значитъ произвести косвенную критику на современныя психологическія ученія. — Такого рода критика не лишена значенія и для современныхъ богослововъ. Вопросъ о прирожденныхъ началахъ знанія и дѣятельности есть вопросъ о природѣ человѣческой души въ ея отношеніи къ душевной природѣ животныхъ. О природѣ человѣческой души учитъ Откровеніе. Человѣкъ, по ученію Откровенія, состоя изъ тѣла и души, есть единственное на землѣ твореніе, надѣленное чертами образа Божія. А такъ какъ откровенное ученіе есть безусловная истина, то правильное научное рѣшеніе вопроса о природѣ человѣческой души необходимо должно быть согласно съ христіанскимъ ученіемъ объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ. Несогласными же съ ученіемъ христіанскимъ могутъ быть лишь тѣ ученія, которыя составляютъ плодъ фантазіи, а не научнаго безпристрастнаго изслѣдованія. Отсюда показать, какія изъ современныхъ психологическихъ ученій, имѣющихъ свою основу въ Локковомъ ученіи, правильны и какія ложны, значитъ дать богослову матеріалъ для научной защиты христіанскаго ученія о человѣкѣ и его душѣ, какъ сотворенной по образу Божію.—Но преслѣдуя въ своемъ сочиненіи не философскія только, а и спеціально

богословскіе интересы, я не могъ ограничиться въ критической части своего сочиненія разъясненіемъ только этого. На моей обязанности лежало не только дать матеріалъ, но и сдѣлать изъ него надлежащее примѣненіе. Я долженъ былъ сличить Локково ученіе о прирожденныхъ началахъ съ христіанскимъ ученіемъ объ образѣ Божіемъ и путемъ критики перваго ученія доказать истинность второго. Критическую оцѣнку Локкова ученія о прирожденныхъ началахъ въ его отношеніи къ христіанскому ученію объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ я и ставлю задачею послѣдней части своего сочиненія.

Въ этой части я уясняю прежде всего христіанское ученіе объ образѣ Божіемъ: съ одной стороны, разсматриваю ученіе Св. Писанія, съ другой, обозрѣваю мнѣнія отцовъ св. и учителей Церкви и—путемъ анализа этихъ мнѣній—пытаюсь опредѣлить обще-церковное ученіе объ образѣ Божіемъ. Въ результатѣ этого изслѣдованія были получены мною два общихъ положенія. 1) Въ образѣ Божіемъ нужно различать двѣ стороны: образъ Божій природный и образъ Божій дѣятельный; 2) природный образъ Божій заключается во всѣхъ тѣхъ прирожденныхъ принадлежностяхъ души, которыя, будучи аналогичны свойствамъ Божіимъ, въ тоже время toto genere обособляютъ душевную природу человѣка отъ душевной природы животныхъ. Получивъ эти результаты, я затѣмъ сличаю ученіе христіанское съ Локковымъ ученіемъ и нахожу, что основныя положенія Локка, имѣющія научное значеніе, вполнѣ согласны съ христіанскимъ ученіемъ.

Но насколько Локкъ не доводитъ своихъ взглядовъ до конца и высказываетъ иногда неосмотрительныя сужденія, настолько его Опытомъ былъ созданъ наклонъ къ противохристіанскимъ воззрѣніямъ сенсуализма, утилитаризма и матеріализма. Въ Локковомъ Опытѣ могутъ находить для себя нѣкоторую основу слѣдующія положенія, раздѣляемыя современною сенсуалистически-матеріалистическою психологіею: 1) Воспроизведеніе идей совершается по ассоціаціи смежности; 2) способность рефлексіи, или самосознанія, аналогична ощущенію; 3) нравственное стремленіе есть стремленіе эгоистическое, облагороженное опытностью; 4) свобода есть пустой призракъ; и 5) душа чело-

вѣка матеріальна. Все это—такого рода положенія, не считаться съ которыми богослову нельзя: они приравниваютъ душевную природу человѣка душевной природѣ животныхъ и чрезъ то подрываютъ въ основѣ не только христіанскую, но и всякую вообще религію и нравственность.

Дѣлая посильную критику этихъ положеній, я прихожу въ своемъ сочиненіи къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Воспроизведеніе идей совершается чрезъ отожествленіе и необходимо предполагаетъ собою сравнивающую и объединяющую дѣятельность разсудка. Если бы не было у человѣка разсудка,—не было бы у него и воспроизведенія идей. Его познавательная дѣятельность ограничивалась бы неопредѣленными мимолетными ощущеніями, т. е. равнялась бы почти нулю. 2) Рефлексія, или самосознаніе, есть источникъ самопознанія человѣка. Чрезъ нее человѣкъ знакомится съ присущими его душевной природѣ способностями, непреодолимыми стремленіями и нравственными требованіями. Она служитъ условіемъ творчества теоретическаго и практическаго. Безъ нея не могло бы быть у человѣка ни языка, ни богопознанія, ни нравственной жизни. Какъ такая, рефлексія, или самосознаніе, полагаетъ коренное различіе между человѣкомъ и животными. 3) Нравственное стремленіе есть стремленіе sui generis, не выводимое изъ стремленія эгоистическаго. Его удовлетвореніе выражается чувствованіемъ безусловнаго внутренняго одобренія, а неудовлетвореніе—чувствованіемъ безусловнаго внутренняго осужденія, при чемъ эти чувствованія вызываются въ насъ одинаково созерцаніемъ какъ нашихъ собственныхъ нравственныхъ и безнравственныхъ поступковъ, такъ и поступковъ другихъ лицъ. Поэтому выводить нравственныя стремленія изъ стремленій эгоистическихъ значитъ то же, что̀ объяснять изъ смерти жизнь, изъ мрака свѣтъ. 4) Свобода есть творческая сила, посредствомъ которой человѣкъ постепенно создаетъ въ себѣ нравственный характеръ и такимъ образомъ является заслуживающимъ награды за свою добродѣтель. 5) Душа человѣка не можетъ быть признана матеріальною—на слѣдующихъ основаніяхъ: считать душевную жизнь проявленіемъ матеріи значитъ сводить достовѣрное на предполагаемое; ни одинъ актъ сознанія не

можетъ быть объясненъ изъ дѣятельности матеріи, потому что каждый актъ сознанія необходимо предполагаетъ собою единство и простоту сознающаго субъекта; мысль о матеріальности человѣческой души противорѣчитъ христіанскому понятію о Богѣ; Св. Писаніе ясно учитъ, что душа человѣка нематеріальна; это ученіе разъясняется и Св. Преданіемъ.

Въ заключеніе, считаю долгомъ засвидѣтельствовать, что проводимая въ моемъ сочиненіи мысль о зависимости гносеологіи Локка отъ гносеологіи Декарта впервые была выслушана мною на лекціяхъ высокоуважаемаго моего учителя М. И. Каринскаго въ 1883 году.

Новое положеніе

о служебныхъ правахъ и окладахъ содержанія военнаго и морского духовенства,

выработанное въ военномъ министерствѣ въ 1883—88 годахъ, по проекту протоіерея спб. клиническаго воен. госпиталя А. Ставровскаго.

(Историческій очеркъ).

Приказомъ по военному вѣдомству отъ 26 февраля 1888 г. за № 45 объявлено Высочайше утвержденное положеніе о новыхъ служебныхъ правахъ и окладахъ содержанія военному духовенству, а приказомъ по морскому вѣдомству отъ 10 февраля 1890 г. за № 20 это положеніе распространено и на морское духовенство.

Чтобы лучше понять значеніе этой крупной для военнаго и морского духовенства реформы, мы выяснимъ прежде всего то ненормальное служебное и матеріальное положеніе, въ которомъ находилось оное духовенство до 1888 года, въ силу дѣйствовавшихъ до того времени законоположеній, неудовлетворявшихъ его высокому призванію и общественному положенію. Затѣмъ разскажемъ, какъ, вслѣдствіе таковой неудовлетворительности существовавшихъ законоположеній, постепенно пробивалось сознаніе о необходимости измѣненія оныхъ законоположеній, что̀ именно послужило послѣднимъ толчкомъ къ возбужденію вопроса о необходимости возвышенія служебныхъ правъ и окладовъ содержанія военнаго духовенства и какимъ образомъ велось и закончилось это сложное дѣло. Наконецъ изложимъ, въ чемъ состоятъ преимущества новаго положенія и съ какою безграничною признательностью военное и морское духовенство приняло новую монаршую милость.

До 1888 года служебное и матеріальное положеніе, въ силу дѣйствовавшихъ до того времени узаконеній, какъ извѣстно, было самое печальное, самое ненормальное. И прежде всего дѣйствовавшія законоположенія *закрѣпляли* военное духовенство въ одномъ и томъ служебномъ и матеріальномъ положеніи на всю его службу, какъ бы она продолжительна ни была. Ни академическое образованіе, ни самоотверженіе, оказываемое въ походахъ и военныхъ дѣйствіяхъ, ни долголѣтняя служба, ни возведеніе въ санъ протоіерея, никакія заслуги не возвышали его служебныхъ правъ и преимуществъ. Съ какими служебными правами онъ начиналъ службу въ военномъ вѣдомствѣ, съ такими же правами онъ, въ большинствѣ случаевъ, и заканчивалъ ее. А тѣ немногіе военные священники, которые имѣли возможность занять служебное положеніе нѣсколько высшее противъ прежняго, при полученіи должности благочиннаго, нерѣдко впослѣдствіи лишались и этихъ правъ при переходѣ изъ полковыхъ походныхъ церквей къ постояннымъ, при которыхъ, какъ извѣстно, благочинныхъ не полагается; между тѣмъ таковой переходъ вызывается крайнею необходимостью, чтобы избавиться отъ скитальческой жизни пастырю, удрученному и лѣтами и семействомъ и чтобы имѣть возможность дать образованіе своимъ дѣтямъ въ столичныхъ или губернскихъ городахъ. Въ такомъ же неудовлетворительномъ служебномъ положеніи находился и остальной причтъ, состоящій при мѣстныхъ военныхъ церквахъ, особенно не штатные діаконы и псаломщики, которые, по дѣйствовавшимъ до нынѣ узаконеніямъ, приравнивались, какъ извѣстно, къ нижнимъ чинамъ, никогда не пользовались правами даже и сихъ послѣднихъ, такъ какъ служба нештатныхъ діаконовъ и псаломщиковъ до настоящаго времени не засчитывалась къ выслугѣ на пенсію изъ государственнаго казначейства, не смотря на то, что „время, проведенное въ нижнихъ чинахъ“, согласно 873 ст. Св. В. Пост. ч. 2 кн. 2, „засчитывается въ выслугу лѣтъ на пенсію всѣмъ военно-служащимъ (офицерамъ и чиновникамъ), произведеннымъ изъ нижняго званія“. Такое неравенство закона, вѣроятно, вызывалось тѣмъ обстоятельствомъ, что при подвижныхъ полковыхъ церквахъ штатныхъ псаломщиковъ не полагается, а со-

стоятъ церковники изъ нижнихъ чиновъ. Но за то при военныхъ соборахъ и другихъ неподвижныхъ церквахъ всегда состояли и состоятъ штатные псаломщики изъ духовнаго званія, нерѣдко даже окончившіе полный курсъ духовныхъ семинарій, которые по своему образованію имѣютъ право на первый классный чинъ, согласно 79 и 80 ст. т. III Св. зак. Р. Имперіи, а между тѣмъ, поступая къ военнымъ церквамъ, они все время службы въ этомъ званіи считались наравнѣ съ нижними чинами. Въ такомъ приниженномъ и на всю жизнь закрѣпленномъ служебномъ положеніи находился военный священникъ и низшій причтъ до 1888 года, до времени изданія новаго положенія. Между тѣмъ совсѣмъ въ иномъ служебномъ положеніи находятся всѣ офицеры и чиновники, служащіе въ томъ же военномъ министерствѣ, имѣющіе полную возможность, по мѣрѣ выслуги лѣтъ, возвышаться въ чинахъ и другихъ служебныхъ правахъ и преимуществахъ (Св. В. Пост. ч. II кн. 1, 954—959 изд. 1859 г.).

Второй недостатокъ прежнихъ узаконеній о военномъ духовенствѣ состоялъ въ томъ, что въ нихъ замѣчалось *явное отсутствіе единства и полноты*. Такъ, напр., главный священникъ[1]), по одному виду довольствія приравнивается къ генералъ-лейтенанту, по другому—къ генералъ-маіору, протоіереи и благочинные по однимъ видамъ довольствій были приравнены къ штабъ-офицерамъ, по другимъ—къ оберъ-офицерамъ, діаконы пользуются правами то офицерскими, то нижняго чина. Кромѣ того въ законѣ не имѣлось никакихъ на то данныхъ, имѣютъ ли духовныя лица право на полученіе прогонныхъ денегъ при производствѣ слѣдствій и другихъ служебныхъ командировкахъ, имѣютъ ли право на полученіе ордена св. Владиміра 4 ст. за выслугу 25 лѣтъ наравнѣ съ офицерами, бывшими въ компаніяхъ и 35 лѣтъ наравнѣ со всѣми военно-служащими и гражданскими лицами, и наконецъ имѣютъ ли они право на опредѣленіе своихъ дочерей въ женскія учебныя заведенія наравнѣ со всѣми военными и гражданскими чинами, получившими орденскіе знаки отличія. Такая неясность и

---

[1]) Нынѣ протопресвитеръ военнаго и морского духовенства.

неполнота законоположеній обыкновенно служили не въ пользу военнаго духовенства. Извѣстно, что чего нѣтъ въ законѣ, то считается противозаконнымъ. И поэтому до сего времени военное духовенство не имѣло права ни на опредѣленіе своихъ дочерей въ женскія учебныя заведенія на капитульный счетъ, ни на полученіе за выслугу 25 и 35 лѣтъ знака отличія наравнѣ со всѣми другими офицерскими чинами.

Наконецъ, третій недостатокъ дѣйствовавшихъ до сего времени законоположеній состоялъ въ томъ, что ими *недостаточно обезпечивалось матеріальное положеніе военнаго духовенства*, обязательно женатаго и нерѣдко обремененнаго многочисленнымъ семействомъ, такъ какъ, при непомѣрно возрастающей годъ отъ года дороговизнѣ на всѣ жизненные предметы, на то ограниченное содержаніе, которое получалъ военный священникъ, трудно было существовать человѣку семейному. Тягота этого положенія особенно чувствовалась во время военныхъ походовъ, а равно и въ лагерное время каждый годъ, когда военному священнику,—этому постоянному кочевнику,—приходится жить на два дома въ разлукѣ съ семьей, а содержаніе навсегда остается одно и тоже, самое ограниченное.

Прямымъ послѣдствіемъ такой неудовлетворительности донынѣ дѣйствовавшихъ законоположеній было то прискорбное явленіе, что многіе способные люди изъ духовнаго званія удерживались отъ поступленія въ военные священники, такъ какъ служба въ епархіальномъ вѣдомствѣ, по осѣдлости и лучшей матеріальной обезпеченности, обѣщаетъ больше удобствъ, чѣмъ скитальческая полковая служба военнаго священника. А это печальное явленіе весьма неблагопріятно отражалось и на духовно-нравственныхъ интересахъ самаго войска. Извѣстно, что заботы правительства всегда клонились къ тому, чтобы возвысить нравственное значеніе духовенства вообще и военное въ особенности, чтобы въ составъ военнаго духовенства призывать людей вполнѣ достойныхъ и стоящихъ на высотѣ своего призванія. Еще Императрица Екатерина II, въ рескриптѣ своемъ, данномъ въ 1788 на имя с.-петербургскаго митрополита Гавріила, требовала, чтобы въ полки и во флотъ на-

значались священники *искусные* [1]). Государь Императоръ Николай I-й въ Высочайшемъ указѣ, данномъ на имя управляющаго главнымъ штабомъ въ 6 день декабря 1829 года, требовалъ, чтобы „въ военное вѣдомство были избираемы священники *во всѣхъ отношеніяхъ достойные* важнаго своего назначенія [2])". Требованіе это пріобрѣтаетъ еще большую силу въ настоящее время, вслѣдствіе реформъ, совершившихся въ войскахъ за послѣднее время, особенно вслѣдствіе введенія всесословной воинской повинности, когда въ ряды воиновъ стали вступать лица и изъ привиллегированныхъ сословій и съ высшимъ образованіемъ. Съ возвышеніемъ же уровня образованія войска, естественно, и отъ военнаго священника стали требоваться высшія умственныя и нравственныя качества. Вслѣдствіе чего военному вѣдомству, если когда, то особенно теперь необходимо было привлекать въ составъ военнаго духовенства лучшія силы. Въ виду этого весьма важнаго обстоятельства, для военнаго вѣдомства было бы очень невыгодно, если бы лучшіе воспитанники духовныхъ семинарій, а тѣмъ болѣе окончившіе курсъ въ духовныхъ академіяхъ стали избѣгать званія военнаго священника.

Вотъ въ какомъ печальномъ ненормальномъ положеніи находился до 1883 года вопросъ о служебныхъ правахъ военнаго и морского духовенства. Этотъ вѣчный застой по службѣ безъ надежды на лучшее будущее, эта неясность и неполнота узаконеній, толкуемая всегда не въ пользу обойденныхъ, это крайне ограниченное матеріальное обезпеченіе военнаго духовенства, это нерасположеніе лучшихъ кандидатовъ священства къ занятію должности военнаго священника,—все это, вмѣстѣ взятое, настойчиво вызывало потребность всесторонняго пересмотра существующихъ законоположеній о военномъ духовенствѣ, для уравненія сего послѣдняго со всѣми военнослужащими лицами и для предоставленія ему полной возможности, по мѣрѣ выслуги лѣтъ, возвышаться въ служебныхъ правахъ и матеріальномъ обезпеченіи, наравнѣ съ другими офицерскими чинами.

---

[1]) Русск. Арх. 1869 г. стр. 1850—1853.
[2]) Указъ Св. Синода отъ 20 декабря 1829 г.

Все это глубоко сознавалось военнымъ духовенствомъ. Нужно было только кому нибудь взять на себя инициативу этого важнаго дѣла, всесторонне изучить этотъ вопросъ, собрать всѣ данныя для рѣшенія его и достаточно ясно представить дѣло высшему духовному и военному начальству. Извѣстна всѣмъ пословица: „дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ". Такъ и здѣсь. Нельзя требовать, чтобы высшее правительство само и возбуждало дѣла и рѣшало ихъ въ окончательной формѣ. Инициатива всякаго новаго вопроса должна исходить снизу, всѣ данныя для рѣшенія вопроса должны быть представлены оттуда же. А высшее начальство оцѣнитъ, на сколько необходимо возбужденіе того или другого вопроса и насколько оно исполнимо.

Въ данномъ случаѣ инициативу взялъ на себя протоіерей спб. клиническаго военнаго госпиталя Алексѣй Андреевичъ Ставровскій, кандидатъ богословія XXIV курса спб. д. академіи, бывшій годъ наставникомъ спб. Александро-Невскаго училища и принявшій званіе военнаго священника въ 1862 году. Прослужа въ этомъ званіи болѣе 20 лѣтъ и внимательно приглядываясь къ быту военнаго духовенства и существующимъ о немъ узаконеніямъ, онъ не могъ не усмотрѣть той ненормальности, въ которой находилось военное духовенство по своимъ служебнымъ правамъ и матеріальному обезпеченію. Наконецъ на 21 году его службы явилось одно обстоятельство, которое окончательно утвердило въ справедливости его взгляда. По военному министерству 11 января 1883 года за № 10 объявляется приказъ, чтобы отпускъ дровъ всѣмъ военнослужащимъ производить не по печамъ, какъ было до сего времени, а по чинамъ [1]). Вслѣдствіе чего по спб. клиническому военному госпиталю уже было сдѣлано распоряженіе, чтобы госпитальному протоіерею выдавались дрова по оберъ-офицерскому чину, такъ какъ нештатный протоіерей приравнивался по дѣйствовавшимъ тогда узаконеніямъ, наравнѣ съ священникомъ, чину капитана, а коммисарамъ госпитальнымъ и бухгалтеру, какъ находящимся въ

[1]) Приказъ этотъ былъ отмѣненъ для петербургскаго военнаго округа журналомъ военнаго совѣта отъ 9 марта того же 1883 г.

штабъ-офицерскомъ чинѣ, по штабъ-офицерскому положенію, т. е. вдвое больше дровъ. Чтобы понять ненормальность положенія протоіерея Ставровскаго, нужно знать слѣдующее обстоятельство: лица, занимавшія при госпиталѣ должность коммисаровъ и бухгалтера, когда протоіерей Ставровскій поступилъ къ госпитальной церкви, были еще нѣкоторое время, при его служеніи въ госпиталѣ, писарями, и потомъ при немъ же были произведены въ первый классный чинъ и наконецъ, на 21 году служенія протоіерея Ставровскаго, были произведены въ штабъ-офицерскій чинъ, а между тѣмъ протоіерей Ставровскій, какъ кандидатъ академіи, имѣвшій по образованію еще въ 1861 году право на чинъ 10-го класса, затѣмъ прослужившій годъ наставникомъ, поступившій въ 1862 г. на должность священника, приравниваемаго, по военнымъ законамъ, къ капитану, служилъ еще 21 годъ и все оставался на тѣхъ же капитанскихъ правахъ, такъ что бывшіе при немъ писаря за это время успѣваютъ далеко обойти его въ своихъ служебныхъ правахъ. Невольно тогда зарождается у него мысль о неудовлетворительности дѣйствовавшихъ тогда законоположеній о военномъ духовенствѣ: гдѣ ни кончай курсъ, сколько ни служи военный священникъ, все будетъ онъ оставаться на однихъ и тѣхъ же правахъ, между тѣмъ какъ всѣ другія военно-служащія лица, по мѣрѣ выслуги лѣтъ, возвышаются въ своихъ служебныхъ правахъ. Тутъ конечно дѣло не въ гонорѣ, а въ сути дѣла, въ неустойчивости служебныхъ правъ, а слѣдовательно и въ подрывѣ служебной энергіи. Вотъ это-то обстоятельство и дало окончательный толчекъ созрѣвшему сознанію, что пора же наконецъ заявить подлежащему начальству о ненормальности служебнаго положенія военнаго священника.

Собравъ всѣ законоположенія о военномъ духовенствѣ въ одно цѣлое и показавъ все ихъ несоотвѣтствіе высокому призванію и общественному положенію военнаго священника, протоіерей Ставровскій составляетъ проектъ о возвышеніи служебныхъ правъ и окладовъ содержанія военнаго духовенства, даетъ проектъ на предварительный просмотръ свѣдущимъ людямъ въ военномъ министерствѣ и тогда уже оффиціально представляетъ бывшему главнымъ

священникомъ арміи и флотовъ протоіерею Петру Евдокимовичу Покровскому при докладной запискѣ отъ 17 марта 1883 года. Проектъ главнымъ священникомъ былъ принятъ очень сочувственно и 30 мая того же года, при особомъ ходатайствѣ, былъ препровожденъ въ главный штабъ военнаго министерства [1]). Главный штабъ, при циркулярѣ отъ 4 октября того же года за № 2387, препровождаетъ проектъ по всѣмъ военнымъ округамъ на заключеніе командующихъ войсками, которые въ свою очередь пересылаютъ его корпуснымъ командирамъ, послѣдніе — дивизіоннымъ, а сіи разсылаютъ по полкамъ [2]). Такимъ образомъ проектъ прошелъ по всѣмъ военнымъ инстанціямъ по всей Россіи и вездѣ завоевалъ себѣ симпатіи, такъ какъ отовсюду были даны отзывы самые благопріятные; всѣ учрежденія и лица единогласно высказались, что „настоящее положеніе военнаго духовенства не нормально, матеріальное обезпеченіе его крайне недостаточно и что то и другое необходимо возвысить и улучшить" [3]).

Въ разрѣшеніи настоящаго вопроса, какъ намъ извѣстно, принялъ живое участіе и августѣйшій главнокомандующій войсками петербургскаго военнаго округа великій князь Владиміръ Александровичъ. По его предначертанію и отъ его имени начальникъ штаба округа генералъ-лейтенантъ Н. И. Бобриковъ сообщилъ въ главный штабъ самое благопріятное для военнаго духовенства заключеніе на проектъ протоіерея Ставровскаго.

По полученіи столь благопріятныхъ отзывовъ отъ командующихъ войсками всѣхъ округовъ, въ томъ числѣ туркестанскаго, омскаго, иркутскаго и приамурскаго и по докладѣ объ этомъ г. военному министру, помощникъ начальника штаба генералъ-

---

[1]) Дѣло канцеляріи главнаго священника арміи и флотовъ 1883 г. № 87.

[2]) Протоіерей Ставровскій въ это время велъ дѣятельную переписку съ военными священниками всѣхъ округовъ объ ускореніи отвѣтовъ на запросы.

[3]) Докладъ главнаго штаба въ государственный совѣтъ отъ 20 сентября 1887 г. за № 47,849. Дѣло главнаго штаба военнаго министерства 1883—1888 годовъ.

лейтенантъ Михаилъ Өедоровичъ Мирковичъ, письмомъ отъ 18 іюня 1885 г. за № 1342, для ускоренія дальнѣйшаго движенія дѣла проситъ главнаго священника изъявить согласіе на привлеченіе къ разработкѣ въ главномъ штабѣ проекта представленія въ военный совѣтъ самаго составителя первоначальнаго проекта. Главный священникъ ордеромъ отъ 21-го іюня за № 4141 уполномочиваетъ протоіерея Ставровскаго на его участіе въ дальнѣйшемъ веденіи дѣла по главному штабу, о чемъ и сообщаетъ помощнику начальника штаба.

Въ теченіе 1885, 86 и 87 годовъ проектъ новаго положенія о служебныхъ правахъ и матеріальномъ обезпеченіи военнаго духовенства составлялся въ 3-мъ отдѣленіи главнаго штаба начальникомъ отдѣленія полковникомъ Агапѣевымъ и столоначальникомъ Кульбинымъ, при самомъ дѣятельномъ участіи протоіерея Ставровскаго. Сначала симъ послѣднимъ составленъ былъ сводъ мнѣній всѣхъ командующихъ округовъ и сводъ дѣйствующихъ законоположеній, затѣмъ былъ выработанъ на основаніи этого и самый проектъ новаго положенія. Проектъ передѣлывался нѣсколько разъ. По первоначальному проекту на новые оклады содержанія требовалось 160 т. ежегодной прибавки къ прежнему отпуску на содержаніе всѣхъ лицъ военнаго духовенства, но, въ виду затруднительнаго положенія государственнаго казначейства, найдено необходимымъ сократить эту сумму на 88 т. новаго ежегоднаго отпуска. Въ этомъ видѣ и былъ представленъ докладъ г. военному министру генералъ-адъютанту Петру Семеновичу Ванновскому на благоусмотрѣніе. Разсмотрѣвъ и одобривъ докладъ [1]), военный министръ разрѣшилъ представить его въ военный совѣтъ. Утвержденіе новаго положенія военнымъ совѣтомъ послѣдовало 9 іюля

---

[1]) Предъ самымъ докладомъ главный священникъ Покровскій, по совѣту протоіерея Ставровскаго и бывшаго тогда благочиннымъ гвардейскихъ церквей протоіерея А. А. Желобовскаго (нынѣ протопресвитера), обратился къ военному министру съ письмомъ, въ которомъ, указывая на настоятельную нужду улучшить бытъ военнаго духовенства, просилъ о разрѣшеніи этого вопроса въ благопріятномъ смыслѣ. Проектъ письма былъ составленъ о. Ставровскимъ.

1887 года. При этомъ военный совѣтъ обратилъ вниманіе на пенсіонный вопросъ съ слѣдующей точки зрѣнія:

„На основаніи дѣйствующаго нынѣ пенсіоннаго устава [1]) священно-служители въ отношеніи пенсіи за службу въ военномъ вѣдомствѣ поставлены въ особенныя отъ другихъ чиновъ военнаго вѣдомства условія; имъ, во-первыхъ, служба въ званіи причетника вовсе не причисляется къ числу лѣтъ на пенсію, и во-вторыхъ, имъ назначается пенсія: за 20 и болѣе лѣтъ до 30—$^1/_2$ оклада; за 30 и болѣе до 35—$^2/_3$ оклада и за 35 лѣтъ полный окладъ штатнаго жалованья. Въ этомъ отношеніи они пользуются значительными преимуществами предъ офицерскими чинами, получающими пенсіи изъ окладовъ жалованья, но по табели изъ особыхъ окладовъ, значительно низшихъ противъ окладовъ жалованья, и не за три срока службы, а только за два, а именно: за 25 лѣтъ и болѣе до 35 лѣтъ—$^1/_2$ оклада и за 35 лѣтъ и болѣе полный окладъ. Преимущества эти оправдывались и уравновѣшивались до сего времени незначительными окладами содержанія военнаго духовенства, а равно и тѣмъ обстоятельствомъ, что срокъ службы на пенсію для священниковъ начинался со дня посвященія ихъ въ санъ священнослужителя, при чемъ служба въ званіи причетника не причислялась къ числу лѣтъ на пенсію. Въ настоящее же время признается необходимымъ возвысить права военнаго духовенства и сравнить его по окладамъ содержанія съ соотвѣтствующими офицерскими чинами, а также при назначеніи пенсіи засчитывать священнослужителямъ и время, проведенное въ званіи причетника въ военномъ вѣдомствѣ, какъ это дѣлается въ отношеніи остальныхъ военныхъ чиновъ, производимыхъ изъ нижнихъ чиновъ; означенныя преимущества о пенсіяхъ, оставленныя въ своей силѣ, поставили бы это духовенство въ привиллегированное положеніе относительно военныхъ офицеровъ, чего военное вѣдомство ни въ какомъ случаѣ допустить не можетъ. Поэтому надлежало бы одновременно съ настоящими предположеніями о возвышеніи и увеличеніи содержанія военнаго духовенства представить и соображенія

[1]) Ст. 1110—1129, ч. II, кн. II, Св. в. п. 1859 г.

относительно соотвѣтствующихъ измѣненій пенсіоннаго устава по отношенію къ этому духовенству, въ смыслѣ сравненія его по правамъ на пенсію съ офицерскими чинами. Но принимая во вниманіе, что вопросъ объ измѣненіи пенсіоннаго устава для военнаго духовенства и ихъ семействъ разработывается уже въ военномъ министерствѣ отдѣльно отъ сего и въ видахъ настоятельной и неотложной необходимости улучшить матеріальный бытъ военнаго духовенства и дабы устранить препятствія къ скорѣйшему рѣшенію дѣла, военный совѣтъ призналъ необходимымъ не отлагать рѣшенія настоящаго дѣла, а вопросъ о пенсіи представить законодательнымъ путемъ отдѣльно отъ сего, для чего и поручить главному штабу, по утвержденіи настоящихъ предположеній о возвышеніи правъ и увеличеніи содержанія военнаго духовенства, представить въ возможно скорѣйшемъ времени общія соображенія объ измѣненіи узаконеній о пенсіяхъ военнаго духовенства, въ смыслѣ сравненія его по пенсіоннымъ разрядамъ и срокамъ выслуги на пенсію съ соотвѣтствующими военными чинами, присоединивъ къ этимъ общимъ соображеніямъ и два частные вопроса, изложенные во 2 и 6 пунктахъ мнѣнія начальника главнаго штаба (относительно пенсіи и зачета службы псаломщиковъ), а также и другіе частные вопросы о пенсіи военному духовенству, которые могли бы встрѣтиться при разработкѣ общаго вопроса, дабы затѣмъ не вносить по каждому изъ сихъ вопросовъ отдѣльныхъ представленій въ государственный совѣтъ; впредь же до измѣненія статей пенсіоннаго устава о военномъ духовенствѣ, пенсіи этому духовенству производить на прежнемъ основаніи и разсчитывать изъ прежнихъ окладовъ содержанія".

Затѣмъ, по докладу военнаго совѣта, положеніе, а равно и вѣдомость окладамъ содержанія были предварительно Высочайше утверждены 24 іюня того же 1887 года, но съ тѣмъ, чтобы время приведенія въ исполненіе этихъ мѣръ было точно опредѣлено по соглашенію съ министромъ финансовъ и государственнымъ контролеромъ и по разсмотрѣніи положенія государственнымъ совѣтомъ. Такимъ образомъ дѣло вступило въ послѣдній фазисъ и притомъ въ самый, такъ сказать, критическій: когда именно при-

знають возможнымъ начать дѣйствіе новаго положенія? Состояніе государственнаго казначейства того времени не могло обѣщать скораго благопріятнаго разрѣшенія столь животрепещущаго для в. и м. духовенства и требующаго значительныхъ расходовъ вопроса. Такъ оно и случилось. Министръ финансовъ, въ отзывѣ своемъ г. исправляющему должность государственнаго секретаря отъ 19 сентября 1887 г. за № 4959, сообщилъ, что „онъ при всемъ сочувствіи къ настоящему дѣлу, поставленъ въ положительную невозможность изъявить согласіе на ассигнованіе 88,083 руб. съ 1888 года, а полагалъ бы осуществленіе предположеній военнаго министерства по разсматриваемому предмету отложить до болѣе благопріятныхъ финансовыхъ обстоятельствъ" [1]). Государственный контролеръ отзывомъ отъ 10 октября за № 1930 сообщилъ, что „онъ полагалъ бы, что военное министерство само должно найти средства въ своихъ же смѣтахъ на тѣ сбереженія, которыя оно найдетъ возможнымъ сдѣлать" [2]). При такой постановкѣ вопроса, казалось бы, всякая надежда на благопріятный и скорый исходъ должна была окончательно рушиться. Всѣ военные пастыри упали духомъ. Однако въ засѣданіи государственнаго совѣта въ департаментѣ государственной экономіи 21 ноября 1887 г. вопросъ былъ рѣшенъ въ благопріятномъ смыслѣ, съ правомъ введенія въ дѣйствіе новаго положенія въ два срока съ 1 января 1889 и 1 января 1890 года [3]). Это мнѣніе государственнаго совѣта было Высочайше утверждено 21 декабря 1887 года.

---

[1]) и [2]) Тотъ же докладъ.

[3]) Протоіерей Ставровскій, предъ утвержденіемъ положенія въ государственномъ совѣтѣ, имѣлъ счастіе испрашивать аудіенцію у августѣйшаго предсѣдателя государственнаго совѣта великаго князя Михаила Николаевича, затѣмъ имѣлъ честь представиться предсѣдателю департамента государственной экономіи А. А. Абаза и членамъ его: М. С. Каханову, В. М. Маркусу, П. Н. Николаеву, и М. П. фонъ-Кауфману, статсъ-секретарю департамента И. И. Вильсону, г. министру финансовъ И. А. Вышнеградскому и начальнику канцеляріи военнаго министерства П. Л. Лобко и у всѣхъ ихъ встрѣтилъ самый радушный пріемъ и живое сочувствіе къ его проекту. Сверхъ сего совѣщался съ начальникомъ штаба генералъ-адъютантомъ Н. Н. Обручевымъ, который, по порученію военнаго министра, и былъ горячимъ

Вотъ какимъ длиннымъ и труднымъ путемъ проходилъ вопросъ о возвышеніи служебныхъ правъ и окладовъ содержанія военнаго духовенства. Иначе, конечно, и быть не могло: такія сложныя законодательныя реформы легко не даются.

Теперь изложимъ *преимущества новаго* Высочайше утвержденнаго *положенія. Они состояли въ слѣдующемъ*:

1) Военному духовенству, взамѣнъ прежде присвоенныхъ ему служебныхъ ранговъ предоставлены высшіе ранги и права, болѣе соотвѣтствующія его общественному положенію, а именно:

Главному священнику гвардіи и гренадеръ, арміи и флотовъ права генералъ-лейтенанта.

Главному священнику кавказскаго военнаго округа [1])—генер.-маіора.

Штатному протоіерею и протоіерею благочинному—полковника.

Нештатному протоіерею и священнику благочинному—подполковника.

Священнику—капитана ротнаго командира.

Діакону штатному и нештатному—поручика.

Штатному псаломщику изъ духовнаго званія—подпрапорщика.

2) Вмѣсто существовавшихъ разнородныхъ окладовъ содержанія, установлено производить военному духовенству, каждому рангу, оклады одинаковые, соотвѣтственно присвоеннымъ ему офицерскимъ чинамъ, съ нѣкоторымъ впрочемъ уменьшеніемъ, а именно:

	Жалованья.	Столовыхъ.	Итого.
Главному священнику гвардіи и гренадеръ арміи и флотовъ по чину генералъ-лейтенанта . . .	1,356 р.	2,400 р.	3,756 р.
Главному священнику кавк. арміи по чину генералъ-маіора .	обыкновенный окладъ 1,017 „		
	усиленный [2]) 1,524 „	1,400 „	2,924 „

защитникомъ проекта въ засѣданіи государственнаго совѣта 21 ноября 1887 года.

[1]) Нынѣ эта должность упразднена.

[2]) На Кавказѣ всему военному духовенству жалованье выдается усиленное, т. е. полуторное какъ по этому, такъ и по всѣмъ нижеозначеннымъ окладамъ.

Штатному протоіерею и протоіерею благочинному по чину полковника	687 „	546 „	1,233 „
Протоіерею нештатному и священнику благочинному по чину подполковника	531 „	420 „	951 „
Священнику по чину капитана, ротнаго командира . . .	366 „	366 „	732 „
Діакону штатному по чину поручика	312 „	183 „	495 „
Діакону нештатному по тому же чину, но безъ столовыхъ . .	312 „	—	312 „
Псаломщику	240 „	—	240 „

3) Тѣмъ лицамъ изъ военнаго духовенства, которыя получаютъ штатное содержаніе въ бо́льшемъ размѣрѣ противъ нынѣ опредѣляемаго, сохранить прежніе оклады впредь до выбытія или до назначенія на должности съ высшимъ или равнымъ окладомъ.

4) Квартирныя деньги, путевыя, суточныя и всѣ другія денежныя довольствія производить по тѣмъ же рангамъ. Что касается псаломщиковъ, то имъ производить квартирныя, смотря по разряду мѣстности отъ 180 до 48 р. въ годъ.

5) Право на полученіе эмеритальной пенсіи распространить на нештатныхъ діаконовъ, состоящихъ при мѣстныхъ церквахъ на псаломщицкой вакансіи.

6) Священнослужителямъ военнаго вѣдомства европейскихъ и кавказскаго округовъ предоставить право на полученіе періодическихъ прибавокъ къ жалованью на слѣдующихъ основаніяхъ: прибавокъ назначить двѣ, изъ которыхъ первую—за выслугу 10-ти лѣтъ, вторую—за выслугу 20 лѣтъ. Прибавки эти назначить въ размѣрѣ 1/4 оклада штатнаго жалованья и производить ихъ за первое десятилѣтіе по тому окладу, который производится въ день выслуги. По выслугѣ второго десятилѣтія, назначать взамѣнъ первой прибавки двѣ новыхъ (1/2 оклада) изъ оклада, который выслужившій таковыя получалъ при выслугѣ 20 лѣтъ; но если бы въ это время священнослужитель состоялъ на должности съ меньшимъ

окладомъ жалованья, то первую прибавку сохранять безъ измѣненія, а изъ новаго оклада разсчитывать только вторую прибавку. Съ выходомъ изъ военнаго вѣдомства по какимъ бы то ни было причинамъ, отпускъ прибавочнаго жалованья прекращается. Прибавочное жалованье разрѣшается военнымъ министромъ, по главному штабу, на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ подобныя прибавки разрѣшаются за службу въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи. Право на прибавочное жалованье разсчитывать со дня перваго Высочайшаго утвержденія постановленій, т. е. съ 24 іюля 1887 г. На каковое прибавочное жалованье потребуется отъ казны новый ежегодный отпускъ по истеченіи перваго десятилѣтія до 27 т. руб., а по истеченіи второго и послѣдующихъ десятилѣтій до 38 т. рублей.

7) На священниковъ военнаго вѣдомства распространяется право на пожалованіе орденомъ Владиміра 4 ст. за выслугу 25 лѣтъ при бытіи въ военныхъ кампаніяхъ и 35 лѣтъ, согласно 247 ст. кн. II, части II Св. воен. постановл., наравнѣ съ офицерскими чинами. Эта новая привиллегія, которой военное духовенство до того не имѣло, послѣдующими узаконеніями [1]) распространена и на діаконовъ штатныхъ и нештатныхъ, если они до выслуги 35 лѣтъ въ священномъ санѣ удостоились получить орденъ св. Анны 3 степени; если же не получили, то за выслугу 35 лѣтъ имъ, вмѣсто ордена св. Владиміра, полагается орденъ св. Анны 3 ст. съ надписью: „35 лѣтъ". При исчисленіи срока выслуги священниковъ и діаконовъ, принимается въ разсчетъ годъ за годъ ихъ службы со дня посвященія въ священный санъ въ вѣдомствахъ въ военно-сухопутномъ, военно-морскомъ и епархіальномъ, такъ равно и на учебной или гражданской службѣ въ классныхъ чинахъ, съ тѣмъ однако, чтобы перешедшіе въ военное вѣдомство священнослужители были удостоиваемы орденомъ по прослуженіи не менѣе семи лѣтъ. Относительно уменьшенія срока выслуги орденовъ для лицъ, удостоившихся Высочайшихъ благоволеній, къ священно-служите-

[1]) Приказъ по воен. вѣд. 1890 г. отъ 31 января за № 37.

лямъ военнаго вѣдомства примѣняются правила, содержащіяся въ ст. 470 учрежденій орденовъ изд. 1876 г. Священникамъ военнаго вѣдомства изъ числа 25 лѣтъ, положенныхъ къ выслугѣ ордена св. Владиміра съ бантомъ, убавляется: а) за орденъ св. Анны 3 ст. пожалованный съ бантомъ или послѣ 5 августа 1855 г. съ мечами, за отличіе противъ непріятеля оказанное, если онъ былъ пожалованъ до 22 іюля 1845 г.,—два года, а если пожалованъ позднѣе—одинъ годъ, и б) за Высочайшее благоволеніе, объявленное до 31 іюля 1859 г. за отличіе въ сраженіяхъ—полгода; послѣ же 31 іюля 1859 г. вообще удостоившемуся получить на свое имя Высочайшее благоволеніе—одинъ годъ [1]).

8) Пожалованнымъ орденами предоставляется право на опредѣленіе своихъ дочерей въ женскія учебныя заведенія на счетъ капитула орденовъ, согласно 245 и 246 статей 1-го тома учрежд. орд. изд. 1859 г.

9) Служащимъ въ мѣстныхъ военныхъ соборахъ и церквахъ причетникамъ изъ духовнаго званія, въ отношеніи отпуска прогонныхъ денегъ при опредѣленія на службу, при переводахъ и служебныхъ командировкахъ, а также въ отношеніи пользованія въ военно-врачебныхъ заведеніяхъ, присвоить права подпрапорщиковъ.

10) Отпуски столовыхъ и квартирныхъ денегъ по новымъ окладамъ производить съ 1 января 1889 г. одновременно по всѣмъ округамъ, отпускъ же жалованья начинать съ 1 января 1890 года.

11) Впредь до пересмотра статей пенсіоннаго устава, касающихся военнаго духовенства, пенсіи этому духовенству производить не по новымъ, а по прежнимъ окладамъ содержанія на прежнихъ основаніяхъ.

12) Настоящихъ узаконеній не распространять на духовенство, хотя и получающее содержаніе по смѣтѣ военнаго вѣдомства, но числящееся въ вѣдѣніи епархіальнаго начальства [2]).

Такимъ образомъ, *подводя итоги стараго и новаго положенія*, нельзя не согласиться, что разница между ними громадная.

---

[1]) Тотъ же приказъ.
[2]) Приказъ по воен. вѣд. 1888 г. за № 45.

Служебные ранги военнаго духовенства значительно возвышены почти для всѣхъ лицъ, начиная съ главнаго священника до псаломщика включительно.

Оклады содержанія увеличены всѣмъ духовнымъ лицамъ, однимъ на одну треть, напр. священникамъ (съ 570 р. до 736 р.), другимъ около половины, напр. главному священнику (съ 2,031 р. до 3,756 р.) и нештатнымъ протоіереямъ (съ 570 р. до 951 р.); третьимъ вдвое, напр. псаломщикамъ (съ 120 р. до 240 р.), діаконамъ штатнымъ (съ 243 р. до 495 р.), штатнымъ протоіереямъ (съ 645 р. до 1,233 р.), а нѣкоторымъ почти втрое, напр. нештатнымъ діаконамъ (съ 120 р. до 316 р.). Конечно нельзя сказать, чтобы новые оклады содержанія были вполнѣ достаточны для обезпеченія матеріальнаго положенія военнаго духовенства. Мы видѣли, что оклады, предполагаемые по первому проекту составителя, были значительно бóльшіе, но такъ какъ на это потребовалось бы до 160 т. ежегодной прибавки, а государственное казначейство находилось тогда въ затруднительномъ положеніи, то и признано было необходимымъ столовыя деньги всѣмъ духовнымъ лицамъ нѣсколько сократить противъ офицерскихъ чиновъ. Можно потому надѣяться, что со временемъ, при болѣе благопріятныхъ финансовыхъ обстоятельствахъ, правительство вполнѣ уравняетъ въ содержаніи духовныхъ лицъ съ военными. Но во всякомъ случаѣ нужно съ благодарностью сказать, что новые оклады содержанія представляютъ гораздо бóльшее обезпеченіе, чѣмъ прежніе, особенно для священниковъ, послужившихъ въ военномъ вѣдомствѣ и произведенныхъ или въ должность благочиннаго или въ санъ протоіерея.

Десятилѣтнія прибавки къ жалованью тоже составляютъ значительное преимущество новаго положенія.

Правà на полученіе ордена св. Владиміра 4 ст. за 25 и 35 лѣтъ [1]), а также и другія, съ этимъ соединенныя, права, а равно право опредѣлять своихъ дочерей въ женскія учебныя заведенія, даны военному духовенству тоже только съ новымъ положеніемъ.

[1]) Этимъ правомъ въ 1891 и 1892 годахъ воспользовались уже свыше 50-ти военныхъ священниковъ.

Квартирное, путевое, суточное и другія денежныя довольствія, съ повышеніемъ служебныхъ рангов для военнаго духовенства, сами собою увеличиваются, особенно для нештатныхъ діаконовъ и псаломщиковъ, которые до новаго положенія никакихъ квартирныхъ и путевыхъ довольствій не получали, будучи приравниваемы къ нижнимъ чинамъ.

Причисленіе нештатныхъ діаконовъ къ военной эмеритурѣ тоже составляетъ не малое благо для этихъ лицъ.

Всѣ вышеозначенныя преимущества новаго положенія, взятыя вмѣстѣ, неоспоримо представляютъ значительное улучшеніе служебнаго и матеріальнаго положенія военнаго духовенства, не говоря уже о нравственной сторонѣ этой реформы, о томъ подъемѣ духа, который почувствовало въ себѣ послѣ этого военное и морское духовенство.

Объявленіе новаго положенія послѣдовало по военному вѣдомству приказомъ отъ 26 февраля 1888 года за № 45, а по мор- 10 февраля 1890 года за № 20.

Нужно ли говорить, съ какою глубокою признательностью и какимъ безграничнымъ благоговѣніемъ военное духовенство приняло эту великую Монаршую милость. По всѣмъ военнымъ церквамъ были по всей Россіи вознесены горячія моленія о здравіи и благоденствіи Государя Императора и всего Царствующаго Дома въ первый воскресный день послѣ незабвеннаго для всего военнаго духовенства дня 26 февраля. Петербургское и окрестное военное духовенство во главѣ съ главнымъ священникомъ гвардіи и гренадеръ, арміи и флотовъ А. А. Желобовскимъ [1]) въ первый воскресный день послѣ 26 февраля, именно 5 марта 1888 г. собра-

[1]) Бывшій главный священникъ П. Е. Покровскій, представившій проектъ въ главный штабъ, не дожилъ до объявленія новаго положенія по военному вѣдомству только одного дня и скончался наканунѣ 26 февраля 1888 г., т. е. 25 февраля. А съ какимъ онъ интересомъ слѣдилъ за ходомъ 5-ти лѣтнихъ (1883—1888 г.) трудовъ протоіерея Ставровскаго по разработкѣ его проекта, съ какою радостью и признательностью каждый разъ встрѣчалъ составителя проекта, съ какимъ вниманіемъ выслушивалъ его докладъ! И какъ онъ желалъ дожить до осуществленія проекта!

лось въ Преображенскомъ всей гвардіи соборѣ на торжественный молебенъ, который и совершенъ былъ въ августѣйшемъ присутствіи великаго князя Владиміра Александровича и великаго князя Сергія Александровича. На молебнѣ также присутствовали члены государственнаго совѣта и военнаго совѣта, начальникъ главнаго штаба, его помощникъ, начальникъ штаба петербургскаго военнаго округа. Въ концѣ молебна составитель проекта протоіерей А. Ставровскій произнесъ отъ лица всего военнаго духовенства благодарственное слово.

Таковое благодарное молебствіе военное духовенство положило совершать каждый годъ въ первый воскресный день послѣ 26 февраля во всѣхъ военныхъ церквахъ.

Послѣ этого, по инициативѣ своего новаго начальника А. А. Желобовскаго, военное духовенство въ благодарную и всегдашнюю память о великой Царской къ нему милости, учредило стипендію имени Государя Императора для призрѣнія одного воина-инвалида въ Чесменской военной богадѣльнѣ, а военному министру генералъ-адъютанту Петру Семеновичу Ванновскому, за его теплое участіе и высокое вниманіе къ нуждамъ своихъ подчиненныхъ и милостивое ходатайство предъ Государемъ Императоромъ, представило слѣдующій благодарственный адресъ, подписанный отъ имени всего военнаго духовенства главнымъ священникомъ А. Желобовскимъ, благочиннымъ гвардейскихъ церквей протоіереемъ П. Зиновьевскимъ и составителемъ проекта благочиннымъ с.-петербургскихъ и новгородскихъ церквей армейскаго вѣдомства протоіереемъ Ставровскимъ. Адресъ былъ поднесенъ лично главнымъ священникомъ о. Желобовскимъ съ составителемъ проекта. Вотъ текстъ адреса:

Ваше Высокопревосходительство
Милостивый Государь
Петръ Семеновичъ!

„Славное русское воинство своими, всему міру извѣстными, доблестями главнымъ образомъ обязано вѣрѣ Христовой. Эта святая, но не всѣми уясненная, истина вполнѣ постигнута вашимъ просвѣщеннымъ умомъ и любвеобильнымъ сердцемъ.

Дорога душѣ вашей религія Христова, близки ей и служители ея. Военное духовенство всегда находило и находитъ въ васъ попечительнаго и отзывчиваго къ его нуждамъ и потребностямъ начальника.

Среди многочисленныхъ и разнообразныхъ трудовъ и попеченій по управленію русскою многомилліонною арміею, вы, ваше высокопревосходительство, благоустрояя бытъ ея, постоянно устремляли заботливое вниманіе на то, чтобы военный священникъ стоялъ на высотѣ своего призванія.

Высочайшею Государя Императора милостью, объявленною военному духовенству 26 минувшаго февраля, оно много, много обязано вашему высокопревосходительству.

Чувствуемъ, сознаемъ, благодаримъ, молимся и непрестанно будемъ молиться о вашемъ долгоденствіи и благоденствіи".

Адресъ былъ принятъ благосклонно, при чемъ г. военный министръ сказалъ, что онъ и на будущее время будетъ заботиться о своемъ военномъ духовенствѣ. Отрадно было слышать подобныя слова изъ устъ высшаго военнаго начальника.

Вслѣдъ за этимъ главный священникъ съ составителемъ проекта представлялись Его Высочеству главнокомандующему петербургскимъ военнымъ округомъ великому князю Владиміру Александровичу, отъ котораго удостоились слышать милостивыя слова вниманія къ военному духовенству.

Послѣ чего о. Желобовскій, съ протоіереемъ Ставровскимъ, явились къ начальнику главнаго штаба Н. Н. Обручеву и благодарили его за то, что онъ энергично и краснорѣчиво защищалъ дѣло военнаго духовенства въ засѣданіи государственнаго совѣта 21 ноября 1887 года и къ помощнику его М. Ѳ. Мирковичу, котораго благодарили за долголѣтніе и усидчивые труды его по разработкѣ столь сложнаго проекта, и который [1]) въ свою очередь сказалъ главному священнику: „вотъ вы всѣ кого должны благодарить" (и при этомъ указалъ на протоіерея Ставровскаго): „я

[1]) Этотъ добрый человѣкъ уже почилъ сномъ вѣчнымъ.

свидѣтель его 5-ти лѣтнихъ трудовъ на пользу всего военнаго духовенства".

Членамъ военнаго совѣта и членамъ государственнаго совѣта принесена была отъ лица всего военнаго духовенства самая искренняя и глубокая благодарность составителемъ проекта протоіереемъ Ставровскимъ.

Бывшему главному священнику Петру Евдокимовичу Покровскому, представившему проектъ въ военное министерство и такъ сочувствовавшему ему, за кончиною, не могла быть воздана достойная благодарность, а взамѣнъ этого, въ сороковой день кончины его, въ Сергіевскомъ всей артиллеріи соборѣ главнымъ священникомъ А. А. Желобовскимъ соборне съ петербургскимъ военнымъ духовенствомъ была вознесена усердная молитва объ упокоеніи души усопшаго раба Божія приснопамятнаго протоіерея Петра, при чемъ о. Желобовскимъ посвящено было теплое слово памяти усопшаго. Таковая же молитва принесена была и во всѣхъ военныхъ церквахъ.

По истинѣ навсегда памятно и незабвенно должно остаться для военнаго и морского духовенства это великое благодѣяніе, эта крупная реформа. Въ его исторіи она займетъ свѣтлую страницу.

Въ заключеніе необходимо сдѣлать нѣсколько оговорокъ по поводу новаго положенія. Вопросъ о пенсіяхъ и о зачетѣ службы въ званіи псаломщика на государственную пенсію остался открытымъ, неразрѣшеннымъ, такъ какъ пенсіи военному и морскому духовенству остались по старымъ окладамъ впредь до пересмотра этого вопроса, а съ нимъ вмѣстѣ и вопросъ о зачетѣ службы псаломщика въ государственную службу. Но нѣтъ сомнѣнія, что и этотъ частный вопросъ не замедлитъ своимъ разрѣшеніемъ въ благопріятномъ, для военнаго духовенства, смыслѣ, въ недалекомъ будущемъ.

Настоящія узаконенія не распространены на военное духовен-

ство, состоящее при военно-учебныхъ заведеніяхъ и находящееся въ вѣденіи епархіальной власти, хотя и получающее содержаніе по смѣтѣ военнаго вѣдомства. Это рѣшеніе состоялось отчасти въ виду необходимости сокращенія расходовъ въ данномъ случаѣ, а отчасти вслѣдствіе отзыва главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, что оное духовенство всѣ виды денежнаго довольствія получаетъ на основаніи *особыхъ правилъ*, существующихъ для лицъ военно-учебнаго и епархіальнаго вѣдомствъ [1]).

Нельзя также пройти молчаніемъ и того обстоятельства, что вскорѣ послѣ изданія приказа о дарованіи военному духовенству новыхъ служебныхъ правъ и окладовъ содержанія, циркулярнымъ предложеніемъ главнаго штаба отъ 20 декабря 1888 г. за № 61919 на имя командующихъ войсками было объявлено, что „со времени вступленія въ силу новаго закона объ отпускѣ увеличенныхъ окладовъ содержанія, т. е., съ 1 января 1890 г., военному духовенству воспрещается требовать какое либо вознагражденіе за исполненіе *обязательныхъ* требъ какъ лично отъ военнослужащихъ и ихъ семействъ, такъ и изъ ротныхъ, артельныхъ и образныхъ суммъ, сообразно чему и должно быть сдѣлано измѣненіе въ п. 14 ст. 83 и п. 3 и 4 ст. 80, положенія о ротномъ хозяйствѣ“. Когда это распоряженіе главнаго штаба было объявлено по военному вѣдомству, то нѣкоторымъ изъ военнаго духовенства, на первыхъ порахъ, показалось, что отъ нихъ въ содержаніи отнято будетъ больше, чѣмъ прибавлено новыми окладами. Но вскорѣ разъяснилось, что этотъ страхъ былъ преувеличенъ, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ не о всѣхъ, а только объ *обязательныхъ* требахъ. Къ этому нужно прибавить, что если правительство начинаетъ заботиться о томъ, чтобы доходы отъ требъ постепенно замѣнять прибавкою къ содержанію отъ казны, то эти заботы мотивируются желаніемъ поднять нравственное значеніе военнаго духовенства, а если бы отъ этой замѣны произошли для него какія либо лишенія, то можно надѣяться, что тоже правительство постарается восполнить эти лишенія дальнѣйшимъ повышеніемъ окла-

---

[1]) Докладъ главнаго штаба въ государственный совѣтъ отъ 20 сент. 1887 г. за № 47,849.

довъ. Вѣдь оклады 1888 года не есть послѣднее слово законодательства. Они даны для полнаго уравненія военнаго духовенства съ офицерскими чинами, но мы видѣли, что по финансовымъ обстоятельствамъ оклады для духовенства нѣсколько уменьшены противъ окладовъ офицерскихъ. Слѣдовательно есть полная надежда, что современемъ, при болѣе благопріятномъ финансовомъ положеніи, оклады эти будутъ увеличены.

Наконецъ нужно сказать нѣсколько словъ по поводу одного упрека, сдѣланнаго въ послѣднее время составителю проекта однимъ свѣтскимъ лицомъ. Упрекъ состоялъ въ слѣдующемъ: напрасно положеніе 1888 года приравняло военное духовенство къ чинамъ, чрезъ это будто бы военное начальство будетъ смотрѣть на духовенство, какъ на чиновниковъ, и будетъ считать его въ бо́льшей отъ себя зависимости, чѣмъ прежде. Упрекъ совершенно напрасный. Во-первыхъ, приравненіе военнаго духовенства къ извѣстнымъ чинамъ установлено не положеніемъ 1888 года, а узаконеніями очень давними. Во-вторыхъ, другого способа опредѣленія служебныхъ правъ по военному вѣдомству и быть не можетъ, такъ какъ въ этомъ вѣдомствѣ соблюдается строгое единство системы управленія и всѣ денежныя довольствія соразмѣряются съ извѣстнымъ чиномъ, съ извѣстнымъ рангомъ. Дѣлать исключенія въ этомъ отношеніи для духовенства неудобно. Такимъ образомъ новое положеніе не вновь ввело, а только возвысило издавна существующіе для военнаго духовенства ранги, въ видахъ бо́льшей справедливости и бо́льшаго соотвѣтствія этихъ ранговъ съ тѣмъ общественнымъ положеніемъ, которое занимаетъ военное духовенство среди другихъ военнослужащихъ лицъ.

П. С.

СОДЕРЖАНІЕ 1-й ЧАСТИ

ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ

за 1892 годъ.

Въ особыхъ приложеніяхъ:

3 2044 105 195 150